



Болгария и Россия

(XVIII–XX вв.):

взаимопознание

Москва
2010

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

**БОЛГАРСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

Институт славяноведения

Институт литературы

БОЛГАРИЯ И РОССИЯ

(XVIII–XX ВЕК):

ВЗАИМОПОЗНАНИЕ

Москва, 2010

Сборник статей «Болгария и Россия (XVIII–XX век): взаимопознание» – совместный труд Института славяноведения Российской академии наук и Института литературы Болгарской академии наук, подготовленный в рамках двустороннего научного сотрудничества РАН и БАН. В статьях болгарских и российских ученых освещаются разные аспекты взаимного познания народов Болгарии и России, отраженного в художественной литературе и других областях истории их культуры, и предлагаются разные подходы к ним с современных позиций гуманитарных наук. Преимущественное внимание в статьях обращается на малоизученные и оставшиеся вне поля зрения исследователей вопросы, освещаемые в них в свете данных привлекаемых архивных и других новых материалов.

The collection *Bulgaria and Russia in the XVIII–XX centuries. Mutual Cognizance* is a joint collaborative effort of the Institute of Slavic Studies (Russian Academy of Sciences) and the Institute of Literature (Bulgarian Academy of Sciences). The articles in this volume were prepared on the basis of an Agreement of Scholarly Cooperation between the two Academies. The studies of the Bulgarian and the Russian scholars throw light on different aspects of mutual cognizance of the Bulgarian and the Russian peoples as reflected in fiction and other areas of their Cultural History. New and different treatments are offered from the perspective of contemporary points of view in the humanities. Primary attention in the articles is concentrated on questions often ignored or typically only considered in a cursory fashion – new problems are studied with new archival data and utilizing previously unknown materials.

Ответственные редакторы:

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Г.Д. Гачев
доктор филологических наук, старший научный сотрудник I ст. *Р. Дамянова*

Члены редколлегии:

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник *Г.К. Венедиктов*
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор *И.И. Калиганов*
старший научный сотрудник I ст., доктор *Л. Минкова*
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник *Н.Н. Пономарева*
научный сотрудник II ст., доктор *Н. Пытова*
старший научный сотрудник II ст., доктор *Р. Русев*
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник *М.Г. Смальянинова*

Рецензенты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор *И.И. Косик*
старший научный сотрудник II ст., доктор *Р. Илчева*
старший научный сотрудник II ст., доктор *Е. Трайкова*

ISBN-10 5-7576-0218-X
ISBN-13 978-5-7576-0218-9

© Институт славяноведения РАН
© Институт литературы БАН

От редколлегии



Предлагаемый вниманию читателей сборник исследований «Болгария и Россия (XVIII–XX вв.): взаимопознание» – коллективный труд болгарских и российских ученых Института литературы Болгарской академии наук и Института славяноведения Российской академии наук, подготовленный в рамках проекта «Болгария и Россия (XVIII–XX в.): представления и реальность» согласно плану двустороннего научного сотрудничества Болгарской и Российской академий наук. В сборнике участвуют также ученые других институтов и ряда университетов Болгарии. Его основу составляют материалы двусторонней научной конференции «Болгария и Россия

(XVIII–XX вв.): взаимопознание», состоявшейся в Софии в 2007 г. К ней, расширяя программу совместного научного проекта, примыкает междисциплинарный форум «Болгария и Россия – пути к взаимности», проведенный в 2008 г.

Изучение связей болгарской и русской культур новейшего времени имеет богатую традицию и несомненные достижения. Относясь с уважением к богатому литературоведческому и культурологическому наследию русской и болгарской историографии, авторы статей исходят из того, что дальнейшее плодотворное исследование этих контактов на современном этапе требует не только расширения источниковедческой базы, но и назревшего переосмысления некоторых аспектов традиционного видения многовековых контактов этих культур. Учитывая новые подходы к их изучению современными литературоведами, культурологами и социологами, авторы статей анализируют проблемы взаимной рецепции болгарской и русской литературы, диалог культур в свете проекции «забытых культур», освещают открытые исторические факты взаимных встреч и пересечений культур.

Выход в свет настоящего труда – свидетельство не слабеющего интереса ученых к русско-болгарским взаимным связям и взаимовлияниям в области литературы и культуры в целом. Отражая различие мнений авторов в освещении и оценке отдельных вопросов и фактов, он демонстрирует научную эффективность такого концептуально обдуманного подхода к исследованиям проблем русского и болгарского взаимопознания, которые ведут к расширению и углублению познания и понимания этого процесса, к открытию новых сторон в данной области. О перспективах взаимных научных интересов и исследований ученых Института литературы БАН и Института славяноведения РАН свидетельствует и тема «Болгария и Россия (XVIII–XXI вв.) – утопии, образы, модели» продолжающегося в обеих Академиях научного проекта. Новые встречи, круглые столы и публикации несомненно откроют новые, интересные и еще мало исследованные стороны болгаро-русских культурных и литературных связей.

* * *

Одним из вдохновителей создания публикуемого труда был выдающийся ученый и замечательный человек **Георгий Дмитриевич Гачев**. 23 марта 2008 г. его жизнь трагически прервалась. Редколлегия и авторы посвящают настоящий труд светлой памяти ушедшего от нас исследователя.

Г.Д. Гачев
О многогласии в науке
(вместо предисловия)

Забыть ли старую любовь,
И не грустить о ней?
Забыть ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

(Роберт Бернс)

Новое время – новые песни
(Мудрость Истории)

... собрание пестрых глав...
Простонародных, идеальных...

(А.С. Пушкин. Из посвящения
к «Евгению Онегину»)

В таком музыкальном ключе, в трио таких голосов, что зазвучали во мне, приступаю обдумывать: что же у нас получилось в итоге многолетних трудов, предпринятых учеными Болгарии и России, исследуя в интеллектуальном диалоге: как представляли, понимали друг друга два культурно-исторических организма: Россия и Болгария на протяжении последних двух столетий на разных этапах и в перипетиях контактов и в текстах авторов с той и другой стороны? Любили ли то мы, любили друг друга, испытывали «влечение – род недуга», но как понимали личности, души, характеры, словом, «самости», «я» глубинные каждого, если понять каждую страну и народ как космо-историческую личность «с лица необщим выраженьем» (по выражению Баратынского)?

Так ведь бывает в отношениях: испытывают тяготение, мощный Эрос влечет в иррациональном наитии сверхсил Бытия, действующих в нас, сходятся, образуют со-пружество, а потом задумываются: то ли произошло, тот ли? с тем ли? правильно ли поняли-расслышали душу и судьбу половины образованной плоти единой? – и наступает стадия Рацио – после того, как Эмоцию уже сотворило свое делание... И тут, бывает, и расходятся – но не обязательно, ибо не случайно произошла

встреча, но по воле бытия и Истории, и «что Бог соединил – человек да не разлучает» – разумишком свои шатучим... Но все равно наступает полоса задумывания и взвешивания – не на уровне судьбы и действия (они уже случились и совершили свое: «И что положено кому, Пусть каждый совершит» (Твардовский), но на уровне пониманий, уразумений. При этом происходит проникновение в глубину и суть «я» и «ты» – в обоюдном просвечивании душ и умов. И при поверхностном рассудке, что тороплив, случается шок: очевидится «несходимость» и оттолкновение, но разум проникает спокойнее и прозревает «возлюбленную непохожесть» со-путника по жизни, истории и судьбе – уразумение сего обогащает чувство, и любовь становится полифоничнее...

Подобный «момент истины» наступает в отношениях России и Болгарии в нынешней исторической ситуации – в последних двух десятилетиях, когда произошли и там и тут многозначимые перемены. Это не значит, что ИСТИНА не работала меж нас прежде – на протяжении миллениума (тысячелетия) перекрещении историй и судеб наших народов и стран: она не плоское, одноцветное «да-нет», но радужный спектр волн и деяний, интеграл разных моментов. Вот и в наш момент пришла пора и необходимость провести пред очи до-селешние «моменты Истины» в переплетении путей и понятий друг о друге наших братских народов и культур.

Почему выделен период XVIII–XX вв.? Ведь более тысячи лет до этого шло живое переплетение и взаимоокармливание русских и болгар. Эти встречи – и в ходе отношений Киевской Руси с Византией, в походах «вещего Олега» на Царьград... Но главное – в восприятии русской культурой славянской письменности – дела Кирилла и Мефодия, что исходно породило наши Логосы, ментальности и продолжает действовать и поныне, как «постоянно действующий фактор» в отношениях Болгарии и России.

Далее было Первое и Второе славянские влияния на культуру России, в которых болгары выступали «культуртрегерами» – и в литературе-письменности, и в искусствах (архитектура, живопись...). А после завоевания Царьграда турками мощная волна эмиграции образованных, «книжных» и творческих болгар в Россию оказалась благотворным вливанием в формирующееся тело русской цивилизации. Отношения были односторонними: Россия была воспринимающей (в основном) стороной... Ну, а в XVI–XVII вв., когда Болгария

находилась под владичеством османских турок, связи между болгарами и русскими почти заглохли.

Иное дело – век восемнадцатый. Тогда Россия – уже мощное сомкнувшееся космо-историческое тело, цивилизация, распространяющая свой склад и дух на юг, оттесняя «агарян» и вбирая уже и болгар в орбиту своей истории и влияния. Но и в самой Болгарии начался процесс национального Возрождения, она собиралась в «самость», в ней возникла упругость, и ее культурно-историческое «я» заявило о себе в акте самосознания – в «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского (1762). Стало – чем воспринимать дух и культуру собратского славянского народа с Севера, а затем и излучать и свои чаяния и волнения, выражая при этом собственные представления о мире, себе – и о России.

Так возникла почва, на которой могло совершаться именно ВЗАИМОпознавание России и Болгарии.

«Взаимопознавание» – это сильно сказано. Вначале, на рубеже XVIII–XIX вв., это было просачивание. А струйками, а затем и руслами, по коим совершались встречи и узнавание друг друга русскими и болгарами, были война и книга. Как повествует в своем исследовании Г.К. Венедиктов «Первые болгарские возрожденческие книги в Москве», в первые десятилетия XIX в. до России о болгарях доходили крайне скудные сведения... Первые признаки интереса к Болгарии появились здесь только во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Более определенные сведения о ней относятся к середине 20-х годов, когда в 1825 г. в петербургском журнале «Северный архив» за подписью «С-д-в» вышла статья «Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в Европейской части Турецкой империи», в которой было сказано: «Болгары, будучи совершенно лишены всякого просвещения, не имеют даже церковных книг на собственных наречиях».

Однако вскоре появилась этапная книга Юрия Венелина «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829). Это было не только первое учебное ознакомление русских с болгарами, но и страстное воззвание к чувству славянской солидарности: «Пусть иностранцы, по неведению ли или по нерадению, мало о них заботятся, но тем более непросительнее нам забыть болгар, из рук коих мы получили крещение, которые нас научили писать, читать, на коих природном языке совершается наше богослужение, на коих языке

большею частью писали мы почти до времен Ломоносова, коих колыбель сопряжена неразрывно с колыбелью русского народа».

Чем была «Славяноболгарская история» Паисия для пробуждения самосознания болгар, тем книга Венелина стала для заинтересованности русских в судьбе родственного славянского народа. И пошли встречные потоки: приезд болгар на учебу в Одессу, Киев, Москву, Петербург, а с русской стороны – изучение языка и истории болгар (А.Х. Востоков, И.И. Срезневский и др.). Лиляна Минкова в статье «Захарий Княжеский и русско-болгарские связи во второй половине XIX в.» исследует жизнь этого ученолюбивого болгарина, двинувшегося на север и вращавшегося в кругу М.П. Погодина, Аксаковых и др., развернувшего бурную деятельность по обеспечению стипендий болгарам на учебу в России, переводившего с русского на болгарский статьи, просвещающие в разных областях хозяйства, быта и знания.

Болгары стали знакомиться с русской литературой и создавать свои опыты в подражание произведениям русских писателей. Об этом – в работе Ангелины Вачевой «О предполагаемом образце комедии “Ложнопонятая цивилизация” Добри Войникова (“Бригадир” Д.И. Фонвизина)» и других.

Болгария = космо-исторический, этнический и культурный перекресток. Геополитически – между Севером и Югом, Западом и Востоком. Этнически – между славянством, тюркостью (с протоболгар Аспаруха, от сожительства 500 лет с турками – под их господством, но и влиянием быта и языка) и исходным фракийством-эллинством. Эти субстанции вливали в себя и антропос, и в душу-психику-характер, и в логос-ментальность болгар – и напирали выразиться в Слове самосознании, шкале ценностей, в литературе. Причем на разных этапах складывания Болгарщины – разные составные элементы превалировали, оттесняя иные, которые при этом набирали упругость и волю прорваться наверх и на свет в («мэйн-стрим») и политику к ориентации культуры.

Мы в данном труде заняты исследованием славянско-северного вектора Болгарства – того, что связует и вытягивает его в сторону России. Но ведь и все прочие одновременно существовали и излучали свою субстанцию-суть, волю и со-мысли. Это в итоге и формировало многоцветие, радужность и спектр Болгарии, народа, культуры, их лица «необщье выраженье» или что на научном жаргоне мы именуем «национальным своеобразием».

Учреждая этот совместный труд, мы отказались выдвигать «руководящую идею» и строгий план, но пустили на волю волн: пусть каждый пишет про то, что ему интересно, к чему лежит душа, спонтанно, ограничиваясь лишь предметом: Россия и Болгария в XVIII–XX вв., то есть рамки Пространства и Времени. Чтоб погрузиться умам нашим в сей «пространственно-временной континуум» и бродить там, наблюдать и описывать, доверяя «я» и интуиции следопытов. И это вполне в духе демократизации, что наступила в наших странах в последние два десятилетия.

И мы были вознаграждены – открытием новых сюжетов, тем, проблем, персонажей и методов анализа, разнообразием и стилями авторов. Даже рябит в глазах от пестроты. Но эта спонтанность творческих актов естественна и радует – в противовес той «заорганизованности» и идеологической монотонности, чем бывали отмечены литературоведческие труды предшествующей полосы культуры у нас.

Такие классические сюжеты и темы, как русско-турецкая война 1877–1878 гг., творчество Ивана Вазова, многожды исследованные, «перепетые не раз и не пять», подлежали перепониманию – и в них предстали не замечавшиеся повороты. Прочитайте в статье Марины Смольяниновой пророчество Достоевского о том, как могут через сто лет посмотреть болгары на итоги этой войны, или в статье Дечки Чавдаровой «Болгаро-русский диалог в творчестве Вазова: (не) проблематичная любовь» рассмотрена динамика в отношении писателя к России на протяжении его долгой жизни, и в частности, «столкновение русофильства писателя с патриотической идеей во время Первой мировой войны» (когда Болгария оказалась в германском стане).

Открытие новых территорий для анализа произошло и в пространстве-времени XX в. Так, Радостин Русев в статье «Русская эмиграция в Болгарии 1918–1944 гг. (в контексте русско-болгарского культурного диалога, межславянского культурного общения и славянской идеи» рассказывает о вкладе русских умов и творцов, выплеснутых из России после революции 1917 г. – в культуру Болгарии между двух войн.

Подобная же «терра инкогнита» прежде – открывается и в статье Василя Балевого «Трагичная судьба деятелей славянской культуры (Размышления над книгой “Деятели славянской культуры в неволе и о неволе”»». Из болгар там – очерк про Димитра Гачева,

философа, музыковеда, деятеля болгарской и советской культуры 20–30-х годов, погибшего на Колыме в 1945 г. Этот сборник подготовлен в 2006 г. как раз в Институте славяноведения РАН.

Еще новый поворот оптики во взаимопознании культур Болгарии и России – это исследования болгарских литературоведов уже о персонажах и авторах России: как они воспринимаются со стороны уже окрепшей самостоятельной традиции болгарской литературы и мысли. Яни Милчаков в работе «Социология забытых литературных культов (А.Н. Апухтин и М.П. Арцыбашев)» делает болгарский вклад уже в русское литературоведение – в доброжелательной интонации:

Нам не дано предугадать,
Чем наше слово отзовется.
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать
(Ф.И. Тютчев)

Исследовательской глубиной и оригинальностью анализа отмечены работы в жанре сопоставительных штудий: «Авангардное и поставангардное: “Сентябрь” и “Египетская марка”» Цветана Ракёвско-го и «Николай Рерих и Николай Райнов» Светланы Стойчевой.

Неведомые доселе широкой публике страницы литературного творчества мы узнаем в работе Надежды Попаз-Кулы «Голос русской литературы в поэзии бессарабских болгар».

В книге представлено и разнообразие жанров и русской, и болгарской литератур: проза, поэзия, драматургия, в частности, статья Нины Пономаревой «Комедии Йордана Радичкова и Станислава Стратиева в Советском Союзе».

Таким образом, результатом Взаимопознания России и Болгарии на протяжении XVIII – XX вв. стало Взаимообогащение наших культур и мыслью, и художеством. Да будет так – и впредь!

Румяна Дамянова
Болгария и Россия: взаимопознание
(некоторые размышления)

Интерес к теме пробудился у меня после того, как я задалась вопросами: что есть взаимное познание и что означает познать этнически другого, в данном случае Россию и русскую культуру, Болгарию и болгарскую культуру?

Взаимное познание есть разновидность представления, выражение взаимного интереса и результат этого интереса, это постигнутое познание, знание о другом, а через другого, как много лет назад писал Ц. Тодоров, ты познаешь и самого себя. И в этом смысле я расшифровываю предназначение данного труда не столько и не только как взаимное познание, как познание другого (насколько и как, возможно это или нет), сколько как поиски и *открытие путей* к его постижению. А пути эти тернистые, нередко непроходимые, отмеченные знаком не-знания, а часто и знаком нежелания взаимного более близкого знакомства. В их поиске и открытии заложен огромный потенциал – во встрече двух народов и двух культур (схожими во многих областях), присутствует прежде всего образ «близкого другого», близости и одновременно естественного различия. И только при достижении важного представления об осуществимости взаимного познания, можно говорить уже о взаимопонимании, взаимопомощи, взаимооценке.

Поэтому, говоря о знакомстве и взаимном познании, следует дать себе отчет, что речь не идет о чисто объективном процессе отражения, о формировании объективного образа свойств и моделей поведения другого, а, так сказать, скорее о *заданном моделировании* образа другого – такого, который отвечает *нашим потребностям*. Поэтому мы познаем другого через те стороны, которые нам необходимы, чтобы его понять. И в этом смысле познание есть явление *эгоцентричное*, потому что оно отражает и наш собственный интерес. Размышляя именно в таком направлении, приходишь к выводу, что взаимное познание не есть и не может быть объективным процессом. Это *заданное познание*, в большой степени определяемое нашими собственными интересами и нуждами.

Одновременно, взаимное познание *асинхронно*, оно не осуществляется в одно и то же взаимное время, не происходит в одной и той

же степени, а стимулируется различными культурно-историческими и культурно-политическими ситуациями. В различные исторические периоды доминируют различные потребности взаимного познания. Поэтому насколько познание является отражением объективных процессов, настолько и взаимного притяжения, насколько оно есть раскрытие особенностей друг друга, настолько и удовлетворение определенных культурных, политических и исторических интересов.

На практике взаимное познание отражает больше всего наше стремление узнать другого. Но это стремление, рассмотренное как процесс, имеет *две взаимосвязанные стороны*:

Первая есть действительное познание другого, его различных сторон и свойств через знакомые стереотипы, через осуществленные контакты, через знание истории, культуры, книги и др.

Вторая есть наше (болгарское и русское) конструирование образа другого, производимое в соответствии с нашими мыслительными регистрами. Поэтому оно является эгоцентричным (по причине своей заданности), субъективным, имеющим в основе наш собственный интерес.

Эти две стороны не представляют собой два вида познания, они не отделены друг от друга, а неразрывно связаны и, скорее, являются двумя этапами единого процесса, ибо взаимное познание достигается в самом раскрытии образа другого, в котором действуют и две точки зрения.

В процессе протекания этого взаимного познания *мы конструируем образ* другого, и это конструирование включает в себе и мотивы нашего интереса к этому другому. Этому же механизму подчиняются и наши решения, действия и реакции. На нем же основан и наш выбор.

Болгары - малая этническая общность, начавшая в XIX в. создавать свою национальную идентичность, и огромная империя Россия стали искать пути взаимного познания, соотнося взаимные представления с реальностью, возможное и невозможное общение. Поиск путей характеризуется как динамикой самих процессов, так и различным уровнем активности. Процесс взаимного познания болгар и русских начался с периода болгарского национального Возрождения, осуществлялся до конца XIX в., продолжался в XX в., происходит и поныне. Он протекал с различной степенью активности двух сторон, и я бы назвала его движением к взаимному познанию в *виде спирали*: в определенные исторические периоды актуализируются и возрастают различные по форме и сущности проявления взаимного интереса, причем две стороны в этом процессе взаимного познания словно меняются своими местами. Но ведущим остается именно

«заинтересованное» познание другого, в котором, конструируя образ другого, мы, на практике, познаем самих себя.

Этот продолжительный процесс взаимного опознания проходит через различные этапы, имеет свои различные формы и пути проявления, свои социокультурные, исторические и политические мотивации. Я не стану подробно на них останавливаться, поскольку в общих линиях они известны, а лишь упомяну о некоторых узловых моментах:

– роль Юрия Венелина в болгарском историческом знании;
– деятельность Васила Априлова, Одесский литературный круг; страстная тяга к учению, выразившаяся в массовом приезде болгар в Россию для учебы в престижных российских учебных заведениях в XIX в.;

– рождение образа «Деда Ивана» как метафоры надежды на освобождение в сознании болгарина эпохи национального Возрождения; отсюда и несбывшиеся надежды в период русско-турецких войн 1818–1829 г. и Крымской 1853–1856 гг., о чем лучше всего сказал Г. Раковский, охарактеризовавший вновь сложившуюся болезненную ситуацию несбывшихся надежд и безразличия Европы вопросом «Знает ли Европа...»;

– Учеба и пребывание болгар в Москве как важный этап в формировании болгарского культурно-политического сознания и одновременно – время славянофильской ориентации с оппозицией приятие-неприятие;

– Вспышки болгарского сопротивления – восстания и истязание народа, остроумно охарактеризованные Ц. Ракьовским как «образы болгарской памяти» в мемуарной литературе¹;

– Восприятие стереотипных образов болгар и русских в национальном мышлении двух народов; постепенное создание новых стереотипов поведения болгарина, вызванных изменяющейся реальностью;

– Освободительная война 1877–1878 гг., в которой русские и болгары сражаются плечом к плечу, постепенно изменяя представления друг о друге;

– Управление русских генералов в период после Освобождения и противоречивая политика болгарских правительств;

– Познание другого через русские и болгарские книги, посредством чтения и творчества, переводы и литературные воздействия. То, что И.Д. Шишманов некогда назвал «русским влиянием в болгарской книжности», а в последнее время получило новую трактовку в одной

¹ Ракьовски Ц. Образи на българската памет. Историята. Поборниците. Записките. Благоевград, 2004.

из работ С. Таринской². Исследованием русского влияния И.Д. Шишманов занимался продолжительное время, изучал путешествие В.И. Григоровича, позиции В. Априлова в Одессе³:

- XX в. – время новых возможностей для взаимного познания и создания принципиально нового образа другого;
- мощная волна русской эмиграции в Болгарию;
- взаимное вхождение в мир литературы, образов, героев, идей.

Восприятие литературы в двух направлениях. Влияния, воздействия, переводы и отсылки.

Вопросов много, они разные и сложные, требуют интердисциплинарного исследования. Научный болгарско-русский проект «Болгария и Россия в XVIII–XX вв. Представления и Реальность» кладет начало продолжающегося исследования болгаро-русского взаимного познания за последние столетия.

Этот самый общий обзор выделяет несколько *проблемно-тематических полей*, в которых очерчиваются пути постижения взаимного познания между болгарами и русскими.

Очень важный этап болгарской культурной истории – постановка болгарами вопроса «*Кто мы?*» – связан с интересом русского ученого Ю.И. Венелина к исторической судьбе болгар. Сюда относится и позиция В. Априлова, выразившаяся в его письме Ю.И. Венелину: «Болгарам нужна их история, они не знают своих предков»⁴. На протяжении всего национального Возрождения выдающиеся культурные и общественные деятели той эпохи будут искать ответ на этот вопрос и каждый из них ответит на него по-разному. Но то, что фактически совершило переворот в болгарском общественном сознании XIX в., так это программа по собиранию болгарских древностей, артефактов и памятников старины, осуществленная просветителем Неофитом Рильским. К ее осуществлению его подтолкнули «одесские болгары», ученые В. Априлов и С. Палаузов⁵. Именно этот момент, маркируемый чрезвычайным интересом Ю. Венелина к прошлому болгар, дает представление об их назревшем желании к своему самоопределению

² *Таринска С.* Иван Шишманов за руското културно влияние през Възраждането и по-късните интерпретации на проблема // Иван Д. Шишманов – ученият и гражданинът. Шишманови четения. Книга втора. София, 2006. С. 105–116.

³ *Шишманов И.Д.* Нови студии из областта на Българското възрождане. В.Е. Априлов, Неофит Рилски, Неофит Бозвели // Сборник на БАН. Т. XXI. София, 1926.

⁴ *Априлов В.* Съчинения. София, 1968. С. 236.

⁵ *Дамянова Р.* Писмо – културна програма // *Дамянова Р.* Писмата в културата на Българското възрождане. Шумен, 1995. С. 61–64.

как народа и вызвал известные слова «патриарха болгарских педагогов» Неофита Рильского об указанном ученом: «Он (Ю.И. Венелин. – Р.Д.) хочет возобновить болгарский народ, воскресить его из смерти забвения и познакомить с ним достапамятным своим описанием все просвещенные европейские народы... Счастье болгар!»⁶. В стилистическом ряду слов эпохи национального Возрождения, наряду с такими лексемами как «забвение», «просвещенные европейские народы», стоит и «знакомство», направляющее интерес именно к другим, а точнее, к тому «заинтересованному моделированию» этого интереса к другим. Данное стремление «познакомить» с болгарями является своего рода одним из краеугольных камней XIX в. – чем больше чужих народов познакомятся с болгарями, тем быстрее примут они их в свою европейскую семью. Это стремление являлось выражением поступательной тенденции болгарского Возрождения «показать себя миру» (К. Фотинов), чтобы и он познал нас, воспринял и оценил. В культуре, взглядывавшей в саму себя, в XIX в. настойчиво отыскивают связь с другими народами, и в этом проявлялось стремление преодолеть изоляцию, образуемую османским владычеством, стремление установить непосредственную связь со славянским миром.

В этом плане важен и другой момент, сопрягающийся с поисками ответа на вопрос «Кто такие болгары?» К нему имеет отношение граф Воронцов, по распоряжению которого в 1829 г. в Болгарию с конкретной задачей отправился молодой ученый археолог Виктор Григорьевич Тепляков: исследовать археологическую специфику Мезии. Он провел в ней три месяца и отправил на родину семь писем из различных болгарских мест – Провадии, Девни и Варны. Они были опубликованы небольшим томиком, носившим название «Письма из Болгарии. Писаны во время кампании 1829 г.»⁷, и основная и цель публикации состояла в стремлении ученого познакомить русскую общественность с жизнью и нравами болгар. В письме к издателю, напечатанном в предисловии, В.Г. Тепляков признавался читателю: «писал, не заботясь даже о третьем лице, говорил без разбору обо всем, что поражало мой взор, мой слух, мое сердце и голову»⁸. Знакомству русских с болгарями способствовал и просветитель Н. Геров благодаря публикации

⁶ Шишманов И.Д. Нови студии из областта на Българското възраждане. В.Е. Априлов, Неофит Рилски, Неофит Бозвели // Сборник на БАН. Т. XXI. София, 1926. С. 187.

⁷ Тепляков В. Письма из Болгарии. Писаны во время кампании 1829 г. М., 1833.

⁸ Тепляков В. Указ. соч. С. XI.

в 1854 г. под названием «Письма из Болгарии. Писаны Н.Г. (Одесса)». Они представляют собой 4 частных письма на болгарском языке Н. Герова Н.Х. Палаузову, который перевел и напечатал их в «Одесском вестнике» и частично в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁹.

Насколько и каким образом этот интерес к болгарам отразился в русском сознании – вопрос другого плана. Но в 1861 г. Райко Жинзифов пишет известное письмо редактору славянофильской газеты «День», говоря о том, что русские ничего не знают о болгарях. И здесь вырисовывается *второе*, важное с точки зрения взаимного познания, проблемно-тематическое ядро, выражающееся в вопросе «Когда и при каких обстоятельствах в болгарском языке XIX в. появились такие слова как «отечество» и «отчизна», «татковина» – эти, по удачному определению К. Станевой, «поэтизмы эпохи национального Возрождения»¹⁰. Или же, не появились ли они тогда, когда происходит и встреча с другим, чужим и неизвестным? Или же когда это другое, чужое и неизвестное проявляет интерес к нашему, родному, болгарскому, как это было с отцом Неофитом Рильским. И где возникает надежда – во встрече с новым, незнакомым, чужим, или в ощущении собственного потенциала? Или и это взаимно обуславливающийся процесс? Любопытно и то, что одновременно с написанием письма редактору газеты «День» Жинзифов, находясь под сильным влиянием Г.С. Раковского, пишет свое патетическое стихотворение «После смерти К. Огнянова», начинает словами «О, Болгария, святая и пресвятая отчизна моя, драгоценная моя и любимая». Потому, что, как пронизательно отметила в своем исследовании Д. Лилова, «человек тогда не рождается, сколько учится быть болгариним»¹¹.

Именно Райко Жинзифов, ясно сформулировал мироощущение болгарина, уехавшего далеко от родины – «На чужбине». И это *третий* проблемно-тематический круг, о котором я хотела бы упомянуть: благодаря оппозиции свое/чужое возникает и пара понимание/непонимание через познание и незнание оформляется *судьба чужеземца*. Один лик имеет она для болгар в Одессе, где, по словам Н. Герова, подавались «большие надежды» для нашей (т.е. болгарской. – Р.Д.) письменности». Другой – в ностальгических элегиях

⁹ Унджиева Ц. Български автори в руския периодичен печат (1854–1864). София, 1984.

¹⁰ Станева К. Апология на българското. Творчеството на Георги Раковски. София, 1996. С. 17.

¹¹ Лилова Д. Възрожденски значения на национално име. София, 2004. С. 8.

того же Н.Герова, испытавших, по нашему наблюдению, влияние элегической поэзии Е.А. Баратынского¹². И третий лик это сильно проявлявшаяся тема возвращения на родину (например, в «Отечестве» Н. Касапского и т.д.). И не есть ли обращение к богатой русской поэтической культуре учившихся в Одессе болгар *заинтересованным познанием другого*, осознанным эстетическим голодом восприятия богатой поэтической традиции – Арзамасцев с их задиристыми поэтическими посланиями, элегичного Баратынского и др.? И не скрыто ли познание другого именно в выражении Н. Герова о «больших надеждах» для нашей письменности, создававшего свою поэму?

Уже в Москве судьба чужеземца приобретала новые нюансы, она была глубоко психологизирована в посланиях болгар об этой «белокаменной Москве», об ощущении чуждости, непонимания, незнакомости и влекущих за собой, по выражению Н. Бончева по поводу безвременной смерти Р. Жинзифова, «более горестное нравственное умирание»¹³. И если мы спросим себя – А где же здесь, в этом буквальном познании, интерес к другим? В большой степени ответ на это дает поэзия московских болгар и кредо, выраженное в «Братском труде». Он ощущается у болгар в «тяге к югу», присутствует в восторгах Н. Бончева и его планах перевести на болгарский язык «Разбойников» Шиллера и «Тараса Бульбу» Н.В. Гоголя, в его восторгах по поводу «беллетристики ученых народов», которые воспитывают и обладают побудительным духом. Последнее отражает хрестоматийный пример с К. Миладиновым, который пытался заинтересовать русское общество болгарскими народными песнями. Эти материалы давно были открыты Л. Минковой, которая в своих публикациях внесла в тему взаимного познания новые акценты.

К проблемно тематическим полям, которые тяготеют к теме взаимного познания, относится и большая *проблема идентичности*, опирающаяся на важную оппозицию представления/реальность. Важным акцентом являются и виды поведенческих моделей – стереотипов поведения и отношения, в которых и *посредством которых* познается другой и строится его образ. Эти поведенческие модели являются необходимой матрицей, которая не заботится об их построении, а, скорее, более озабочена их *функцией*, поскольку знакомство с другим позволяет привлечь и открыть свое (как это

¹² Дамянова Р. Руската епистоларна и поетическа традиция и Одеският литературен кръжец // Литературна мисъл. София, 1983. Кн. 5.

¹³ Бончев Н. Съчинения. София, 1983. С. 385.

происходит с болгарами в Москве или как пишет В.Д. Стоянов из Чехии, согласно изданию Д. Леова и В. Бехинёвой¹⁴, поскольку интерес к другому служит реальной базой для взаимного познания или все же опирается на предварительно произведенный и сделанный под влиянием выбор.

Пути взаимного познания болгар и русских *не являются закрытыми*. Их идентификация продолжается и в наше время – в процессе совместной работы над научным проектом «Болгария Россия. (XVIII–XX вв.). Представления и Реальность». Он свидетельствует о наступлении нового этапа в текущей истории взаимного познания.

Перевод И.И. Калиганова

БЪЛГАРИЯ И РУСИЯ: ВЗАИМОПОЗНАНИЕ (НЯКОЙ РАЗМИСЛИ)

Румяна Дамянова

Статията коментира въпроса за принципите и основанията на взаимопознанието като процес и възможност за опознаване на другия. В историческия период на опознаване и сближаване между българската и руската култура, взаимопознанието има различни прояви, поставя различни условия. Но водещо остава именно заинтересованото познание за другия, в което, конструирайки образа на другия, ние, на практика опознаваме и себе си. Показани са основните проблемно-тематични полета, в които се присича взаимопознанието: от отговорите на въпроси като «Кои сме ние?», до представите за чужденеца в чужбина, както и акцентът върху различните поведенчески модели, стереотипи и представи, които оформят сложния образ на другия.

¹⁴ Леоков Д., Бехинёва В. В.Д. Стоянов. Съчинения. Т. I–II. София, 1995.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРУГ О ДРУГЕ У БОЛГАР И РУССКИХ

Г.Д. Гачев

Образ болгарина у «западника» Тургенева и «славянофила» Леонтьева

Принимаюсь за милый труд – и меланхолический: писать «Образ болгарина у Тургенева и Леонтьева». Милый он – потому что родной и мне присущий: национальные представления и о мире, и о человеке – восписывать. Меланхолический – потому что в дни упадка и позора России и ее духа и культуры – приникаю ко времени, когда она была еще в своей «цветущей сложности» (по термину Леонтьева) и в полноте надежд на великое будущее, исканий путей и гаданий: что сбудется в жизни со мною – и в истории?..

Я – в санатории в Карачарове на Волге: одни имена-названия Вечностью дышат и подкрепляют мысль, что никуда-то Россия не денется: свой Космос, Природа ее со-блюдут, хотя бы население (не «на-род» уже) ее металось и умалялось... Но Волга и Север никуда не денутся – и не привлекательны другим тут обитать, а русские – привычны.

Еще и из слов сих – «Волга», «Карачарово» – тоже Вечность Логоса русского дышит. И естественно вспоминаются слова Тургенева «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины (и тогда были, как и сейчас... – Г.Г.), – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу»... Кстати, совершенный галлицизм в синтаксисе: так именно на французском языке строится утверждение: через взаимный паралич нескольких «не». Офранцузился русский классик – от долгого там пребывания. Как и в нашем веке обамериканился – Набоков...

А ргорос (кстати) – и над Французским Логосом пришло наблюдение: под каждым тезисом-положением-утверждением тут априорно и подспудно клубится и дышит субстанция СОМНЕНИЯ. Ее и приходится бомбардировать и погашать сим множеством, битвой «не», которые стреляют в поддонный Хаос, как эллинские боги громоздили Пелион на Оссу, взбираясь-карабкаясь вверх: «греки» = «горцы» ведь!

Отсюда и Декарт: провалил всё в радикальное СОМНЕНИЕ – вплоть до своего существования. И так добыл основание новой философии: «я мыслю – следовательно, я существую».

Тургенев о болгарине

Роман Тургенева, где появляется образ болгарина, – «Накануне». Символическое название – и миро-чувствие... – хочется продолжить: для России. Она всегда накануне каких-то событий в истории... *Берег, Порог и Канун* – такие и я вывел для нее архетипы в 1966 году, в работе о Тютчеве. Но тогда и я был молод, и ничто не предвещало заката СССР, России: они были в своем полете.

Но ведь и теперь – ситуация кануна чего-то? А и в 1859 году, когда Тургенев в своем акме писал роман... Да и вообще это из вечных и всегдашних мироощущений – НАКАНУНЕ!.. Рождения ли, Гибели («Все, все, что гибелью грозит, || Для сердца смертного таит || Незыснимо наслажденья...») – и так можно!..), Возрождения ли?

Так что предстоит нам вникнуть в тот особенный вариант всевечного Кануна, в котором пребывала в 50-е годы XIX века Россия.

Хотя и эта оптика на тот момент Бытия – как на «текущий момент Истории» – необязательная ведь и не для всех тогда. Она – для молодых да ранних, для нетерпеливых. И сам Тургенев, как гений, поэт, художник, чутким ухом расслышал разные пласты реальности и их многоголосие в данном им срезе Бытия в то лето 1853 года, в коем точно фиксировано действие романа.

Как счастлива тогда Природа – в полноте сбывшести своей и никуда не торопливости! Как благоуханен быт дворянского гнезда Стаховых – при всех сложностях там взаимоотношений психических между членами дома-семьи: вечно грустная Анна Васильевна, кому изменяет муж Николай Артемьевич с немкой Августиной Христиановной... И из измен-то некая классичность и устойчивость излучается... Чай, аллеи, беседки, пикник – вылазка в Царицино... Смена городского житья и дачного вечной чередой... Флигель, мезонин... И вечный Дядюшка – Увар Иванович, в ком русская медлительность, молчаливость и «черноземная сила».

Ну и милые молодые люди – в самом соку жизненных и творческих сил: художник Павел Шубин и ученый Андрей Берсенева – те персонажи, что естественно выросли в России в ее дворянской цивилизации и кто плавно ткнут ее культуру – не спеша, жизненаслаждаясь, с ленцой, что и необходима художнику и мыслителю: ведь

Праздностъ вольная =

Позднота размышленью (Пушкин, «Деревня»; чуть переиначиваю пунктуацию и падеж – своим восприятием: оно некий акцент выявляет...).

Ну и сомнения их в своих силах – самокритиканство художника-бонвивана Шубина – тоже в порядке Бытия.

Нет в этих пластах никакого Кануна, а, значит, тревоги, неустойчивости, недостатка, нужды – в изменении, движении, порыве куда-то. Устойчивое состояние мира – в сей экспозиции.

Завод, тревога и мотор – это Елена, психея русской девы. Пробудившееся Женское начало во России. Оно не согласно быть Матерью (по архетипу «мать-сыра земля», Мать-Родина), не хочет быть «матерью сына-раба» (Некрасов) или, как у Тютчева в стихах «Русской женщине»: Вдали от солнца и природы... || И жизнь твоя пройдет незрима... (то-то на немках женился!.. а в романе с жертвенной русской девой Денисьевой – угробил ее...), но хочет воспрянуть к самости, к бытию Личностью. Но и женой быть – рабство. Потому – распад архетипа Матери-Девы совершается: Мать достается женщинам из народа, а высшие женские персонажи – как присно Девы по сути: таковы должны оставаться. И тургеневские девы, и потом народоволки и революционерки, курсистки и проч.

И тут, в романе, как натужна самоотдача-жертва Елены Инсарову – без радости.

Именно ситуация Елены как девы – канун: метаморфозы в Женщину – как куколки в бабочку бы, естественно. Но тут-то и задержка, закавыка, «запятая» (Достоевский). Нейдет, стопорится – и не выходит путем, а – натужно или вон с помощью иноземца.

Подобно тому, как Пушкин тосковал: когда «речь не мальчика, но мужа» раздается на Руси? – так и проблема России: когда ее Женское начало не в раздере контрастном – или Мать, или Дева, – но в разветвленной полноте: и Дева, и Жена, и Мать – и везде Личность?.. А всё-то по отдельности. В Серебряный век явится куртуазная «Прекрасная Дама». Потом эмансипантки с вольной любовью, декадентщина, независимая личность – в страхе семьи и детей, но знающая про секс и оргазм...

Елена – русская Психея накануне всего этакого... Но именно ее эротическое томление, пора превращения девы в женщину – двигатель всех событий:

Пора пришла – она влюбилась!

А «ПОРА» – глубокое метафизическое понятие: момент во Времени – не механически счислимый, но как органическое качество. Вон Толстой в Наташе Ростовой это раскрыл: романтический Андрей Болконский не угадал, что Наташа – в поре и ее надо брать, превращать в женщину, но отложил срок на год. И за него сие проделал Анатолий Курагин...

Но в Елене Стаховой – канун не ее лично только, а и момент в истории России – как тоже некий канун ее дефлорации: росла, «как ландыш потаенный» в застое Николаевской эпохи – и вот пора Великих Реформ = причащение к Западу и буржуазности...

Когда это свершится и назовется – сими вот словами: «рынок», «либерализм» и т. п., станет скучно, но в канун – все полно поэтичности предчувствия, и этот момент передан в романе Тургенева и составляет его немеркнущее благоухание...

Итак Елена – завод. Не Космос, не Логос, а Психея – динамическое начало в бытии Космо-Психо-Логоса России. Космос – стыл, кругооборот равнодушной, хоть и прекрасной природы. Логос – Слово России, ее Ум и Литература – ее сокровище и копилка, куда все, ее цель, к чему... (Так получилось, что тут главные ценности).

А вот Психея, Душа – рвется, нетерпелива...

Елена, как ищайка, – ищет: «Нет ли у вас замечательных людей?» – вопрошает Берсенева про его университетских сотоварищей.

Кстати, насчет имени... Не соотносил ли Тургенев – с Еленой Прекрасной, что тоже завод действия «Илиады»? Еще ведь и Гете ее образ воззвал во второй части «Фауста»... И Тургенев, конечно, не мог не соотносываться с традицией-жизнью сего имени в культуре. И, назвав свою героиню так, выразил этим тоже некую часть смыслов ее образа. Не Прекрасная ли это Елена – в русском варианте-ипостаси? Та – пассивный объект вожделений к ней со стороны мужчин и таким образом движет события, сама не прилагая усилий из «я» (которого в ней еще не предполагается), но – просто существуя, бытийствуя.

Как Перводвигатель Аристотеля. Он уподоблял его прекрасной статуе: она стоит на месте, но все влекется ее красотой к ней – и тянется, и так образуется Движение в Бытии.

Та, эллинская Елена – только объект. Русская, наша – энергичный субъект: она хочет, ищет, торопит...

Да, НЕТЕРПЕНИЕ в ней – привело к роковой развязке. И это тоже важная категория Русского Логоса. Недаром Юрий Трифонов свой роман о народовольцах этим словом наименовал...

Это русская Мать – воплощенное терпение: она свое уже свершила и теперь бытийствует и все переносит. А дева русская – в кануне, в поре = трепете превращения... во что-то неведомое. И тем – источник энергии, воли, что мощным излучением привлекает, покоряет – и давит и раздавливает со-уровневых мужских персонажей, кто на Руси все равно – мальчики, не мужи, вечные подростки... И в комплексе вины и неполноценности за то, что – недоросли и не хозяева жизни, и неадекватны ожиданиям русских женщин...

И в дальнейшей истории России расслышиваю этот момент: нетерпение Психеи, Девы-Женщины. Ее отворот-презрение к своим – и охочесть на чужеземца, готовность отдаться ему, превознести его

в своем воображении – еще не зная, ЧТО он такое в сущности и сам по себе. Но в своем поле задействовать его – как фантом-мираж, и предпочтя его своим реальным полнोजизненным, их отринув.

Но так и его, сего чужеземца-идеал свой, – сбить с панталыку его пути и самости – и погубить.

Что и произошло с болгариним Инсаровым в романе.

Его образ нельзя понять, не введя контекст, в котором он появляется. Потому я и начал с этого: описать магнитно-силовое поле России середины XIX века, что его притянуло, сию «опилку» залетную...

Итак, болгарин введен ДЛЯ русских – для устыжения говорящих интеллигентов, как человек дела. Но не как «я» и самость, и субъект, и внутренняя жизнь: это в нем не проникается. Как инопланетянин залетный является, чтоб сбросить рефлекс-луч, волну на наш русский мир и людей там – как альтернатива им, некое «доказательство от противного» – для углубления самопознания русских.

Но так же подобно и Конст. Леонтьев описывает-оценивает болгар в русском контексте: насколько они содействуют или нет русским интересам на Балканах, в Малой Азии, в Константинополе, с проливами, с Грецией и Православием? И греко-болгарская распря: стремление болгар отделиться и основать церковное самоуправление – дробит силу православия и вредит русским интересам. И потому (отчасти) болгары выступают у Леонтьева – в минусе. По идейным соображениям.

У Тургенева же болгарин подан – в плюсе. И тоже по идейным соображениям. Но тем и подозрительнее его «плюсность» а these. «Накануне» – роман, проводящий идею четкую, рационалистическую и ясную. И построен – математически стройно. Герой вводится – сия новая величина в задачу – когда он нужен, все подготовлено, и без него разобрана ситуация быть не может.

Его явление подготовлено не только картинами русской жизни и быта, куда он плюхнуться призван, не только антиподными ему характерами русских сверстников-мужчин, но и пирамидой вопросов, проблем, что накладываются в беседах Берсенева и Шубина, в душе Елены.

Сама Природа – ее полнота и красота – под вопросом:

«Заметил ли ты, – начал вдруг Берсенов, помогая своей речи движениями рук, – какое странное чувство возбуждает в нас природа? Все в ней так полно, так ясно, я хочу сказать, что удовлетворено собою, и мы это понимаем и любимеся этим, и в то же время она, по крайней мере во мне, всегда возбуждает какое-то беспокойство, какую-то тревогу, даже грусть. Что это значит? Сильнее ли сознаем мы перед нею, перед ее лицом, всю нашу неполноту, нашу неясность,

или нам мало того удовлетворения, каким она довольствуется, а другого, то есть я хочу сказать, того, чего нам нужно, у нее нет?»¹

Значит, человек еще ищет Духа, жизнедеятельности в Обществе и разнообразных тут ценностей. Они далее обсуждаются в диалоге сократическом Берсенева и Шубина, кто как Сократ и Федр под платаном, прячась от зноя в подобный же жаркий летний день (только два с половиной тысячелетия назад), под русским платаном – липою – обсуждают вечные вопросы.

Шубин вторит Берсеневу и вводит новую ценность:

«Да и что такое, к чему природа? Ты послушай сам: любовь... какое сильное, горячее слово! Природа... какое холодное, школьное выражение!» (с. 12).

Далее является «счастье»:

«Черт возьми! – продолжал Шубин с внезапным порывом, – мы молоды, не уроды, не глупы: мы завоюем себе счастье!...

– Будто нет ничего выше счастья? – проговорил он (Берсенев. – Г.Г.) тихо ... Но такое ли это слово «счастье», которое соединило, воспламенило бы нас обоих, заставило бы нас подать друг другу руки? Не эгоистическое ли, я хочу сказать, не разъединяющее ли это слово?

(То есть, проблема Общего Дела предваряется – то, чем и занят Инсаров со други-товарищи... Г.Г.)

– А ты знаешь такие слова, которые соединяют?

– Да; и их не мало; и ты их знаешь.

– Ну-ка? какие это слова?

– Да хоть бы искусство, – так как ты художник, – родина, наука, свобода, справедливость.

– А любовь? – спросил Шубин.

– И любовь соединяющее слово; но не та любовь, которой ты теперь жаждешь: не любовь-наслаждение, любовь-жертва» (с. 14).

Просто пулеметная очередь сверхценностей – выпалила разом. И тут же Берсенев свое Кредо добавляет:

«Поставить себе номером вторым – все назначение нашей жизни» (с. 14).

Какие сильные понятия: «назначение жизни», «жертва»!.. И прямо-таки Христова установка: кто хочет быть первым, – служи, мой ноги другим.

Следующий уровень воздвиженья пирамиды проблем-вопросов – уже перенимают на себя женщины... Даже легкомысленная пухленькая Зоя, кто тут в паре с Еленой – что Ольга в паре с Татьяной, – укоряет Шубина, произносит важное слово:

¹ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т. VIII. М.–Л.: «Наука», 1964. С. 11–12. – Далее при ссылках на это издание в тексте указывается лишь страница.

«– Отчего вы никогда не говорите со мной серьезно?» (с. 17)

А то в разговоре с женщинами отшучиваться – такой стиль. Да и вообще в аристократической среде дурной тон – серьезное отношение к жизни. Это – тупая прямолинейность, присущая разве что плебеям, разночинцам – ну, героям Достоевского затем, кто хоть и из дворян, но – из обедневших...

А тут уже во всю силу заявляет о себе в России – Женский Логос во образе Елены. Она ведет только серьезные разговоры, и вот допытывает Берсенева, когда он делится своей мечтой – преподавать в Университете, вслед Грановскому, кто из плеяды людей сороковых годов:

«– И вы будете вполне довольны вашим положением? – спросила Елена...

– Вполне... Какое же может быть лучше призвание?» (с. 23)

«Я доволен» – критерий пошлости человека в России. Вспомним у Чехова в «Трех сестрах»: эти слова – в устах учителя, скрученного провинцией и семьей... Или в «Пер Гюнте» северянина Ибсена как Пуговичник переводит самость Пера: «быть самим собой – ...довольным».

Таков его потолок – он еще «добросовестно-умеренный энтузиаст», как его определяет Шубин (с. 28). Он перебил в очах Елены Шубина, в нее влюбленного: «Тут ты подвернулся: ты идеалист, ты веришь ... во что, бишь, ты веришь?.. ты краснеешь, смущаешься, толкуешь о Шиллере, о Шеллинге (она же все отыскивает замечательных людей)» (с. 28).

Шиллер, Шеллинг – это все темы плюсквамперфектные уже... И Берсенева – это герой-предтеча для Елены. И так буквально и вышло: он вывел сам ее на Инсарова, подставил себя как пьедестал ему – и тем свой идеал быть вторым осуществил. А и с Шубиным Елена поднимает роковой ему вопрос:

«– Вы величаете себя свободным художником, зачем же вы посягаете на свободу других?» (с. 24). Он, видите ли, не хочет «в такую погоду, под этими деревьями, толковать о философии» (с. 24) да еще с красивой женщиной... Отшучивается. Серьеза не хочет, как хочет она. Отшучивается и от дела.

И вот уже мы подходим к вершине пирамиды вопросов. Берсенева: «Но она когда-нибудь полюбит... Кого полюбит она?» (с. 31).

Таков вопрос-завязка.

И вот первое введение героя:

«– Я на днях опять встретил Инсарова, – начал Берсенева, – я пригласил его к себе; я непременно хочу познакомить его с тобой ...и с Стаховыми (себе на погибель!... Но так, ему кажется, он себе набивает цену: «Русский человек любит потчевать – коли нечем иным, так своими знакомыми», – замечает далее в скобках автор. – Г.Г.).

– Какой это Инсаров? Ах, да, это серб или болгар (спутывание – как форма пренебрежения. Далее отец Стахов упорно называет Инсарова «черногорцем». – Г.Г.), о котором ты мне говорил? Патриот этот?» (с. 15).

Остановимся, тут есть о чем поразмыслить. Например – пренебрежительный оттенок в слове «патриот» в устах чуткого слухом Шубина. И верно: в России не надо быть патриотом, как нелепо быть патриотом Вселенной. Россия, которая «бесконечный простор» и «несть ей конца», когда она в таком крепком и безвопросном статусе на Земле, какова она и была в середине XIX века, – не нуждалась в «патриотах» себя. Любовь к родине естественно совпадала со всечеловечностью (Достоевский, Вл. Соловьев...). А вот быть патриотом Болгарии или Чечни – сих малых общин-социумов-народов, – можно, потребно им, локальным, ибо без жертвенных людей и легенд о них они не держатся. Так Болгарии потребен был подвиг Ботева, Венгрии – жертва Петефи и т. п. Тут больше роль личности. Но тем самым уже в зачине романа а priori умалется содержание громкого слова «патриот», на котором въезжает затем Инсаров в любовь Елены, – как идеал со своей ограниченностью.

Шубин продолжает

«– Уж не он ли внушил тебе все эти философические мысли?

– Может быть.

(Это уже делает честь Инсарову: что в связи с ним ум русского интеллигента воздымается к думе о высших ценностях... В вариантах к роману Тургенев перечислял их еще больше: «родина, наука, свобода, справедливость (но вот есть еще слова: народ, родина, наука, свобода, правда...» – с. 414). Таким образом термин «патриот», а с ним и весь образ Инсарова – могут быть уподоблены символу сему тропу в поэтике: узко вещный предмет или фигура намекают и выводят в расширенное поле смыслов вокруг себя, что расплывчатым ореолом струятся. Такую также ядерную роль сыграл и весь этот небольшой роман Тургенева в общественном сознании России, что и раскроет статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?». – Г.Г.)

– Необыкновенный он индивидуум, что ли?

(В ревнивой пренебрежительности своей Шубин все ж употребляет точный, даже социологический термин: «индивид», а не «личность». Личностью Инсаров станет – когда перестанет совпадать со своей ролью-функцией как гражданина-патриота – и оскользнется в индивидуальную любовь, что и расширит его душу, но и погубит как особь-индивида. – Г.Г.)

– Да.

– Умный? Даровитый?

– Умный?.. Да. Даровитый? Не знаю, не думаю» (с. 15).

Важное различие и уточнение. Талант в русской шкале ценностей котируется выше, чем Ум как рассудок, который предоставляется сухим немцам, механическим людям Запада (Германн в «Пиковой даме»). «Умом Россию не понять» Тютчева... Наташа Ростова, которая «не достаивает быть умной» – у Толстого, кто в переписке с Фетом различал «ум ума» и «ум сердца»).

И вот вместе с Берсеневым подходим к обиталищу нашего героя – в сию пещеру дракона. «Берсеневу... пришла мысль пригласить Инсарова к себе на дачу. Но он не скоро отыскал его: с прежней своей квартиры он переехал на другую, до которой добраться было нелегко: она находилась на заднем дворе безобразного каменного дома, построенного на петербургский манер между Арбатом и Поварской. Тщетно Берсенев скитался от одного грязного крылечка к другому...» (с. 36).

Естественно, что чужеземец Инсаров снимает в чужой стране комнату, угол и не имеет, не вьет своего гнезда. Но тут есть и более смыслов. Те, Шубин и Берсенев, являются на берегу Москва-реки, на даче, среди роскоши лета и ночи – как органические продолжения бытия местной природы, Космоса, его выросты-проросты в люди, в социум, в дух. Как родные, народ, чадо Природины. Потому-то им и некуда стремиться, они в своей тарелке. Инсаров же – в натяжении, как стрела на тетиве: оттянут на чужбину – стремится в свой космос, гнездо, что вдалеке. Потому-то он упруг, пружинен – качество, которого совсем не надобно иметь в душе любимым сынам Природины, как Шубин, Берсенев, Обломов...

И второй важный тут смысл – петербургский. По жительству своему Инсаров выступает предварением Достоевских разночинцев, Раскольниковых, что обитают в углах и думают думу свою, там заболевают чахоткой и умирают – в сем фантастическом, искусственном, антиприродном городе.

Вот он – пейзаж петербургского угла в Москве:

«Дворники и в Петербурге стараются избегать взоров посетителей, а в Москве и подавно: никто не откликнулся Берсеневу; только любопытный портной, в одном жилете с мотком серых ниток на плече, выставил молча из высокой форточки свое тусклое и небритое лицо с подбитым глазом да черная безрогая коза, взобравшаяся на навозную кучу, обернулась, проблеяла жалобно и проворнее прежнего зажевала свою жвачку. (Пейзаж – постгоголевский и протодостоевский. Гоголевский – ритм фразы да коза: еще живность сельско-деревенской России, что отсутствует в оптике Достоевского. А вещная предметность да отвернувшиеся друг от друга людишки – уже из оперы последнего. – Г.Г.). Какая-то женщина в старом салопе и стоптанных сапогах сжалилась, наконец, над Берсеневым и указала ему квартиру Инсарова. Берсенев застал его дома. Он нанимал комнату

у самого того портного, который столь равнодушно взирал из форточки на затруднение забредшего человека, – большую, почти совсем пустую комнату с темно-зелеными стенами, тремя квадратными окнами, крошечною кроваткой в одном углу, кожаным диваном в другом и громадной клеткой, подвешенной под самым потолком; в этой клетке когда-то жил соловей» (с. 36). А теперь – болгарин, тоже залетный гость...

Абстрактность комнаты подготавливает бесчувственность ее обитателя: эмоции – как излишества обстановки для спартанца.

«Инсаров пошел навстречу Берсеневу, как только тот переступил порог дверей, но не воскликнул: «А, это вы!» или «Ах, боже мой! какими судьбами?»», не сказал даже: «Здравствуйтесь», а просто стиснул ему руку и подвел его к единственному, находившемуся в комнате, стулу.

– Сядьте, – сказал он, и сам присел на край стола» (с. 37).

Здесь в намерении показать в Инсарове человека дела (как потом Чернышевский в Рахметове) Тургенев погрешил против национального характера: болгары как раз отличаются избыточной эмоциональностью и вопрошательностью во встречах друг с другом. Забрасают вопросами – о тебе, твоих делах, о родне и проч. Также не к ним относятся экономия времени: не жаль им его, чтоб посидеть-поболтать с приятелем:

«– У меня, вы видите, еще беспорядок, – прибавил Инсаров, указывая на груды бумаг и книг на полу, – еще не обзавелся как должно. Некогда еще было» (с. 37).

Но в портрете Инсарова писатель наблюдательно уловил черты антропологического типа болгарина. «Инсаров говорил по-русски совершенно правильно, крепко и чисто произносил каждое слово (что свидетельствует о том, что язык – не родной, естественный, а выученный, нарочитый. – Г.Г.); но его гортанный (сухость горла; как у горцев, где земля не увлажнена, как русская мать-сыра земля и, соответственно, плоть антропоса рыхлее и водянистее. – Г.Г.), впрочем приятный голос звучал чем-то нерусским. Иностранное происхождение Инсарова (он был болгар родом) еще яснее сказывалось в его наружности: это был молодой человек лет двадцати пяти, худошавый, жилистый («огне-земля» – как образует состав балканских гор, так и тела их обитателей. – Г.Г.), с впалой грудью (это и в отце моем, и во мне отчасти. Не расширена грудь вдыхать вольный ветер равнины русской, отчего «широк тут человек, сузить бы» – как сказано у Достоевского; «душа на-распашку» – открытая и доверчивая. У болгарина, стиснутого в пространстве гор, душа более узкая и сжатая, себе на уме и подозрительная. Впалая грудь еще и о податливости на чахотку говорит, чему болгары подвержены, как и петербуржцы: не крепкая там и сям зима, но – промозглая. – Г.Г.), с узловатыми руками (не плавными, узловатость = жилистость: узел = затвердение телесной ткани, ее некое

горообразование-хребтовина. – Г.Г.); черты лица имел он резкие (рельеф, а не размазня-расплывчатость лиц многих русских – см. у Гоголя описания... – Г.Г.), но с горбинкой (= гора-хребет на лице меж долинами, равнинами щек. Выпуклость = фалличность, в отличие от вагинальности носа курносого. – Г.Г.), иссиня-черные прямые волосы (и у моего отца, и у меня. – Г.Г.), небольшой лоб (ум не абстрактно-теоретический, а более житейски-практический, антропос ближе к животному царству, еще не далеко отошел-выделился. – Г.Г.), небольшие, пристально глядевшие, углубленные глаза (как под защитой озера в горах – не то, что широко раскрытые и мало защищенные бровями озерно-равнинные голубые глаза русских. – Г.Г.), густые брови; когда он улыбался, прекрасные белые зубы показывались на миг из-под тонких, жестких, слишком отчетливо очерченных (опять рельефность, в отличие от русской расплывчатости, мягкости и аморфности. – Г.Г.) губ. Одет он был в старенький, но опрятный сюртучок, застегнутый доверху» (с. 37). Бедность, но аккуратность-чистоплотность – и закрытость нутра-души; не нараспашку, как когда растегнут ворот и расхристана рубашка в артистической небрежности и беззаботности.

Интересно сопоставить внешний облик Инсарова с его русскими сверстниками – теперь, задним числом.

Во-первых, они «лежали на траве» – непринужденно развываясь у себя дома, во своих, а не натянута-подтянута, застегнута и напряжены и осторожны, как болгарин в чужом космосе. И он или стоит, или сидит; а коли слег – то болеть да помирать. А русскому и лежать естественно – вон Обломов...

«Один, на вид лет двадцати трех (тут не надо иметь «правильные черты лица»: Природина-мать всякого приемлет сваво, и неуклюжесть Берсенева, в коем нечто – от кряжистого крестьянина, – домашня. – Г.Г.), с высоким лбом (!) и сдержанною улыбкой на широких губах, лежал на спине и задумчиво глядел в даль (куда же еще на Руси! Даль тут играет роль Выси для германца, обитателя космоса Вертикали так же, как русский – космоса Горизонтали: «бесконечный простор» и «путь-дорога». А ведь лежа на спине, мог бы воззреться вверх: на небо-облака и слушать шелест листвы Липы. Unter den Linden = «Под липами» – такая улица в Берлине знаменитая есть. Как Зигфрид слушал «Шелест леса»... – Г.Г.), слегка прищурив свои небольшие серые глазки; другой лежал на груди, подперев обеими руками кудрявую белокурую голову (эта пара – как брюнет-ка и блондинка. – Г.Г.) и тоже глядел куда-то вдаль ... Усы его едва пробивались и на подбородке вился легкий пух. Было что-то детски-миловидное, что-то привлекательно изящное в мелких чертах его свежего, круглого лица, в его сладких карих глазах, красивых выпуклых ручках...» (с. 7). Ну как же не блондин-КА? Прямо нежная беленькая болонка...

Если Берсенов – человек-дерево, растение, то Шубин – человек-животное, кот-ик... Члены Берсенова узловаты и кряжисты, торчат: «угловатая фигура», «он лежал неловко»; «его большая, кверху широкая, книзу заостренная голова неловко сидела на длинной шее; неловкость сказывалась в самом положении... его длинных ног с поднятыми коленями, подобных задним ножкам стрекозы» (с. 7–8).

А когда они пошли, то «Шубин ... – развалисто-грациозно переступая своими маленькими ножками. Берсенов двигался неуклюже, высоко поднимал на ходу плечи, вытягивал шею» (с. 15). Прямо пара: Пат и Паташон – ирои-комическая. «А все-таки он казался более порядочным человеком, чем Шубин, более джентльменом» (с. 15). Ну да: английский аристократ может быть угловат и небрежен в одежде. Шубин же скорее французист – по своей куртуазности и остроумию. Такие тоже проглядываются соответствия...

Теперь вернемся к Инсарову. В плане-перспективе романа по главам Тургенев так характеризует Инсарова: «он беден и горд» (с. 408). Берсенов и Шубин – люди не гордые, мягкие, уступают... Ну и дворяне «средней руки». Инсаров же даже выпячивает свою бедность – с некоторым разночинческим упреком вальяжным, беспечным насчет денег и экономии, щедрым русским. Съехал с прежней квартиры, потому что «эта дешевле и к университету ближе». «Извините, папирос и сигар не имею» (с. 37) «Средства мои не позволяют этого» (с. 38) – жить на даче летом. И на уговоры Берсенова согласился, «если вы согласитесь взять с меня деньги по расчету. Двадцать рублей дать я в силах, тем более что, по вашим словам, я буду там делать экономию (нерусский оборот речи. – Г.Г.) на всем прочем...

– Ну как хотите; только какой же вы упрямый!» (с. 39). О, тут черту национального характера уловил Тургенев: у болгар даже есть особое слово для негибаемого упрямства – «инат».

«Инсаров опять ничего не ответил» (с. 39). «Русский всякий болтун», – записывает писатель в плане о разговоре их, в котором Берсенов «говорит о Стаховых, коими потчевает» (с. 408).

И еще противопоставительная деталь: «Инсаров проводил его до двери с любезною, в России малоупотребительною вежливостью» (с. 39). «Вежливость» – социальность, политесс, отполированность человека в социальном вращении – при резком самочувствии личности всех, когда каждый – self-made, «самосделанный». Русский же человек еще не порвал пуповины с плацентой космоса, среды: хоровой еще и фамильярный = семейственно-патриархальный по психике, и не чувствует остро предела, отделенности и ривасу другого человека-индивида. Русский же еще во многом – «дивид»: рассекаемый и плывун аморфный, перетекаемый... Обыватель Бытия, обитатель Айперона (=Беспредельности), русская душа плохо знакома с понятием

«предела» – определения, своего-чужого, персоны и собственности... Это я оперирую одной из пифагорейских пар: Предел и Беспредельное, причем в ряду прочих пар Предел рифмуется, соседится с Мужским, Нечетом, а Беспредельное – с Женским, двойцей... Вот еще – к «бабьему началу» в русском человеке...

Следующий приступ к строительству образа Инсарова – разговор Елены с Берсеневым:

«Скажите, – спросила его Елена, – между вашими товарищами были замечательные люди?»

Берснев вспомнил слова Шубина (что Елена – как ищейка на «замечательных людей»). – Г.Г.).

– Нет, Елена Николаевна, сказать вам по правде, не было между нами ни одного замечательного человека. Да и где? Было, говорят, время в Московском университете. Только не теперь» (с. 50).

Обычная русская самопринижаемость: не ценить свое место и время и людей, а лишь задним числом и умом восценивать, по-смертно реабилитировать и проч. Но тут есть и объективное основание. Замечается странное, резко отличное. Но когда, как в Лицее, все дружат на равных и гоняются за девами и пишут стихи и пьют пунш на пирушках, в соборности товарищества (воспетого и Гоголем), – некого особо уж выделять и замечать. А потом все будут признаны замечательными: и Пушкин, и Горчаков, и «Кюхля», и Пущин... Так и в «Пиковой даме» запечатлен Германин, немец. Тут же – болгарин.

«– Впрочем, – продолжал Берснев, – я должен оговориться. Я знаю одного студента, – правда, он не с моего курса, – это действительно замечательный человек.

– Как его зовут? – с живостью спросила Елена.

– Инсаров, Дмитрий Никанорович. Он болгарин.

– Не русский?

– Нет, не русский» (с. 51).

Вслушаемся в имя-фамилию. Она – жестка. Как и «Катранов» – возможный прототип из реальных болгарских фамилий. По разработанной мною «Фонетике стихий»: А = вертикаль, Е = ширь, И = даль, О = центр, У = глубь. «Р» – звук огня, деятельности, труда, личности, «Н» – небо, влажно-воздух... «Бер-се-нев» = имя-равнина ровная, как степь широкая. Как и «Евгений Онегин» – русский пейзаж в акустике. Подобно и «Шу-бин»: хоть и начинается шипением из глуби, но умягчается, влажнеет и истаивает в даль: «ин» – колокольный благовест по равнинам. «Ин-са-ров» = имя гористое, жесткое: в нем перепад высот гласных: И – А – О. Балканский пейзаж: равнина «И», гора «А», выравнивается на плато «О». И как ударно-выпукло звучат «са» и «ро» – рокошет. «Р» есть и в «Берснев», но как оно сглажено-проходно, смирено между «е» и «е»... В имени же «Ин-саров» скрадено как раз

в безударности «ин» – сия мягкость, влажность, зато подчеркнуты «са» и «роф» – закрытый слог и глухой согласный, что типично для Германства, неметчины, НЕ нашего...

«Дмитрий» – в Болгарии чаще, чем в России. И «Ника-нор» – ярко выраженное греческое имя, дышит Элладой и Византией, которые суть космоса, ближние и сродные Болгарии, тоже Балканы...

Так что слуховая интуиция Тургенева очень правдоподобно породила имя-фамилию героя-болгарина.

«– Зачем же он живет в Москве?

– Он приехал сюда учиться. И знаете ли, с какою целью он учится? У него одна мысль: освобождение его родины. И судьба его необыкновенная. Отец его был довольно зажиточный купец, родом из Тырнова. Тырнов теперь небольшой городок, а в старину это была столица Болгарии, когда еще Болгария была независимым королевством («царством» – подходящий термин для славянского государства, так это и в самоназвании древней Болгарии. «Королевство» же – больно на западнический лад подает Болгарию. Что и не случайно в устах, в общем, «западника» Тургенева. – Г.Г.). Торговал он в Софии, имел сношения с Россией; сестра его, родная тетка Инсарова, до сих пор живет в Киеве, замужем за старшим учителем истории в тамошней гимназии. В 1835 году, стало быть восемнадцать лет тому назад, совершилось ужасное злодеяние: мать Инсарова вдруг пропала без вести; через неделю ее нашли зарезанною... Ходили слухи, что ее похитил и убил турецкий ага; ее муж, отец Инсарова, дознался правды, хотел отомстить, но он только ранил кинжалом агу... Его расстреляли» (с. 51).

Тут набор клише, общих мест о Болгарии под турками, о болгарях в России и на Украине, куда действительно в первой половине XIX века, эпоху Болгарского Возрождения, интенсивно проникали болгарские торговцы, патриоты и просветители (как Василий Априлов), и выделяли стипендии для обучения даровитых болгар и в Одессе, и в Николаеве, и в Киеве, и в Москве и Петербурге. Русские ученики составили основную плеяду будителей и просветителей в Болгарии. И Ботьо Петков (отец Христо Ботева), и Райко Жинзифов, а позднее Любен Каравелов и сам Христо Ботев... Родственность языков облегчала обучение, а сочувствие братскому славянскому народу под ужасным игом турок, кто и враги России в русско-турецких войнах XVIII и XIX веков, было обеспечено. А леденящие кровь сведения о зверствах турок, янычар над мирными болгарями, их семьями, женщинами и детьми, просачивались в европейскую прессу, в частности, через французский *Courier d'Orient*, после поездки Ламартина на Восток (дом, где он останавливался в Пловдиве, так и именуется «Дом Ламартина»).

Так что в судьбе Инсарова – «типичные обстоятельства» болгарской истории (про Тырново) и современности скомпонованы Тургеневым, просвещенным русским и европейцем.

Итак, продолжаем познавать болгарина глазами русских просвещенных дворян XIX века. Это для них – экзотический персонаж, с Юга, с жаркой кровью – для них, холодно-рыбных северян, – с Востока, Ориента Европы, что регион-поставщик романтических персонажей – как Гяур, Корсар для Байрона, Цыганы и Кырджали для Пушкина, потом Кавказ...

Таков и Инсаров – человек исключительной личной судьбы, но в которой рельефно проявилась судьба его народа. Сироту восьми лет взяла к себе сестра в Киев, там «он прожил целых двенадцать лет. Оттого он так хорошо говорит по-русски (продолжал Берсенев свой рассказ Елене об Инсарове. – Г.Г.)... Когда ему минуло двадцать лет (это было в начале 48 года), он пожелал вернуться на родину. Был в Софии и Тырнове, всю Болгарию исходил вдоль и поперек, провел в ней два года, выучился опять родному языку» (с. 51–52).

Остановимся: это важно – двуязычие нашего героя. Он уже душевно-духовный гибриды из Болгарии и России. Его Космос, Этнос, Материя, вещество телесности – Балканы. Но Психея и Логос уже «отравлены» Севером, Россией, и сжатость, жесткость «огне-земли» подточены и разбавлены «матерью сырой землей» = «водоземлей», простором, ширью степей, где «гуляет лишь ветер да я». Он более воздуховен, чем обычный натуральный болгарин; то-то оказался податлив на любовь к русской деве и в ней оказался растоплен, и размазалась его узкая цель.

Ведь сначала он был заряжен на личную месть (что в духе романтического героя), но в России вкусил милосердия и обрел более широкий взгляд: не агу убить, а родину освободить.

«– Освободить свою родину! – промолвила она (Елена. – Г.Г.). – Эти слова даже выговорить страшно, так они велики...» (с. 53).

Но «родина» – тот клочок земли, который идет отвоевывать молодой Фортинбрас и на котором, по ироническому замечанию Гамлета, не достанет места похоронить павших за его «освобождение». Да и парадокс истории – в том, что индивид-личность в малой свободной родине оказывается сжат и ущемлен облегающим единоплеменным патриотическим народом более, нежели в пространстве большого государства. Так в цивилизации Рима-империи одиночный сириец, иудей, египтянин или испанец могли себя чувствовать свободнее, нежели когда эти регионы освободятся в отдельные государства и там начнут править родные деспоты, шахи, короли, а не чиновники-«прокураторы»... и губернаторы.

Идет идеализация Инсарова – для русской самокритики (к которой так склонны «кающиеся дворяне» и интеллигенты здесь):

«– У него, должно быть, много характера, – заметила Елена.

– Да. Это железный человек. И в то же время, вы увидите, в нем есть что-то детское, искреннее, при всей его сосредоточенности и даже скрытности. Правда, его искренность – не наша дрянная искренность, искренность людей, которым скрывать решительно нечего...» (с. 52–53).

Ну, Инсаров – конспиратор, и ему есть что скрывать. И в этом отношении искренность русского человека, который не заговорщик, кому нечего скрывать внешнего, – недорого стоит. Но помимо этого, есть подспуд души, омут подсознательного, где черти водятся, в каждом человеке, и добыча шахтерская из сих глубин, «де профундис», в искренности и надрывах персонажей Достоевского, – великой ценности окажется работа...

Насчет болгар реальных – в них да, есть детскость, простодушие – просто от исторической, социальной и психической неразвитости антропоса и межлюдских отношений и неотполированности в свете, отчего они фамильярны и грубоваты, могут выглядеть бесцеремонны. Но это не значит искренность как открытость души. Напротив, тут болгарин себе на уме и «хитър Петър» – их персонаж фольклорный, как наш «Иван-дурак». Русский – умный, или дурак, но не хитрый. Хитрость есть практический ум близкодействия. Ум же русского человека – по простору космоса: более полетный, теоретический, отвлеченный от конкретной пользы.

Русского человека Берсенева поражает в Инсарове – точность и деловитость, его «непреклонность воли». «Инсаров никогда не менял никакого своего решения, точно так же как никогда не откладывал исполнения данного обещания. Берсеневу, как коренному русскому человеку, эта более чем немецкая аккуратность сначала казалась несколько дикою, немножко даже смешною» (с. 54). Ну да: «умеренность и аккуратность» – как пригвождены у нас Грибоедовым в Молчалине! Кстати, и в Инсарове «молчаливая настойчивость» (с. 54), и «он тоже в своем роде молчальник» (с. 52). Тоже «себе на уме» – себя особью чувствует в мире враждебном и чужом (игро турок дома, тут – на чужбине), тогда как русский ведет себя в стране как дома у себя – может не стесняться, исповедаться, доверчиво растекается в ближнего в аморфности общины и соборности.

Увлекся читать примечания к «Накануне» – в сем томе Полного собрания сочинений! Батюшки! Да тут целое исследование! И сколько, оказывается, уже написано и в России, и в Болгарии работ о романе, Инсарове, его прототипах, и откуда черпать мог Тургенев сведения о болгарах. «Мы не располагаем точными данными, с кем именно из московских болгар был лично знаком Тургенев, но сведения о многих из них Тургенев мог почерпнуть у Аксаковых, Погодина и других членов основанного в 1858 г. «Славянского комитета»,

который был призван оказывать культурно-просветительную и материальную помощь славянским народам. В тесных отношениях с членами Славянского комитета и, в частности, с Погодиным находился... Савва Филаретов, друг Катранова по Московскому университету. Филаретов оказывал существенную помощь П.А. Бессонову в подготовке к печати раздела болгарских песен и словаря новоболгарского языка, которым Бессонов снабдил эти песни» (с. 515).

И в занятиях Инсарова, о которых скороговоркой сообщается в романе, – набор тех дел, которыми занимались болгары в России. «А работы у него было немало: он учился и русский истории, и праву, и политической экономии, переводил болгарские песни и летописи, собирал материалы о восточном вопросе, составлял русскую грамматику для болгар, болгарскую для русских» (с. 54–55).

Вообще в том пассаже из романа, который я приступаю анализировать, проступают как бы блоки, из которых писатель строит образ своего героя. Первый я уже привел – это внеситуационная общая характеристика типа, а не личности. Далее – начинается сюжет и ситуация и индивидуализация. «Берсенеv зашел к нему и потолковал с ним о Фейербахе. Инсаров слушал его внимательно, возражал редко, но дельно; из возражений его видно было, что он старался дать самому себе отчет в том, нужно ли ему заняться Фейербахом, или же можно обойтись без него. (Целеустремленность Инсарова, подчиненность времени и занятий его сверхъидеe, в подспуде противопоставляется разбросу интересов у русских, кому почему бы не почитать и Фейербаха? Время же не деньги, и у человека в Апейроне российского бытия «в запасе вечность»... Г.Г.) Берсенеv навел потом речь на его занятия и спросил: не покажет ли он ему что-нибудь? Инсаров прочел ему свой перевод двух или трех болгарских песен и пожелал узнать его мнение. Берсенеv нашел перевод правильным, но не довольно оживленным». (Умен, но даровит ли?... Не художественная натура все же. – Г.Г.).

Теперь – внимание! Начинается третий «блок» в выстраивании образа Инсарова. «От песен Берсенеv перешел к современному положению Болгарии, и тут он впервые заметил, какая совершилась перемена в Инсарове при одном упоминании его родины: не то чтобы лицо его разгоралось или голос возвышался – нет! Но все существо его как будто крепло и стремилось вперед, очертание губ обозначилось резче и неумолимее, а в глубине глаз зажигался какой-то глухой, неугасимый огонь... “А ведь чего доброго, – подумал между тем Берсенеv, – турецкий ага, пожалуй, заплатилс я ему за смерть матери и отца”» (с. 55).

Да это же – человек-оборотень!

И в другие моменты повествования из-под застегнутого в опрятный сюртучок среднего европейца вырывается протуберанцем существо

иной породы. Когда он швырнул наглого немца в царицынский пруд, «Инсаров казался им очень грозным, и недаром: что-то недоброе, что-то опасное выступало у него на лице» (с. 77). А вот из дневника Елены: «Я его видела сегодня ночью с кинжалом в руке. И будто он мне говорит: «Я тебя убью и себя убью!»» (с. 80).

Так что в образе Инсарова, в его строении – контаминация романтического героя (существа иного уровня, кто зверь, вулкан или инопланетянин, что в подспуде – и в каждом человеке: каждый состоит из многих уровней, полей, потенциалов, миров, измерений бытия, что и в учении о переселении душ, в метемпсихозе, и в психоанализе структуры «я», «Я» и бессознательного. А и просто в дарвиновой даже эволюции: в онтогенезе каждого существа – филогенез истории вида, да и всей жизни на Земле; так что во мне и водоросль, и ихтиозавр, и рыба, и зверь...), и вежливого современного гражданина – иностранца в России (так у Гофмана под чиновничком вдруг гномик или морковка проступает), и недоовощенного живого молодого человека, как Шубин и Берсенов, этого уровня, – в общем их любовном хороводе вокруг Елены.

И везде видны несостыковки и рваные перепады между «блоками». И в этом – то, что называли «художественной неудачей» Тургенева в построении образа Инсарова. Но в этом и художественное своеобразие, что, может, глядит в XX век, когда обнажают конструкции и технику и прием, а не стараются образ подать гладким...

Самое трудное в построении образа чужеземца – это его собственная речь, из «я». И не потому только, что язык его чужд, но внутренний мир, субъективность его – за семью печатями. Ведь как явлен нам Инсаров? Через то, что разные люди говорят *о* нем, обстреливают его суждениями, рассказами, устраивают ему ситуации, где ему приходится проявляться, действовать, даже говорить – но как? Ответно. Сам не задает вопросов. И взглядов его мы не знаем. Единственное: «Жизнь дело грубое, сказал он мне недавно» (83) – и то это в дневнике Елены, опять же не прямая речь.

А сколько суждений, взглядов естественно фонтанирует в разговорах Берсенова, Шубина, из которых вольно льется их субъективность! И на природу, и на искусство, о России, о любви и т. д.!

Так что хотя Инсаров – деятель, выведен как активный человек дела – в укор русским словоизвергателям, но он, как образ и персонаж, – фигура пассивная. Его бомбардируют – ну, он реагирует, вторично действует, ответно.

А главный бомбардир – Елена, ее ищущая потребность в любви к замечательному человеку, поиск дела и готовность к бегству из дома. Она пронзает Инсарова электрическими взорами, а, отдаваясь, взрезает его собой как скальпелем, рыхлит его субстанцию, разъедает

его жесткость и огнеземельность влаговоздушностью женской Психеи, – и вот он уже обессилен, развялен, только лежать и мечтаться куда-то может, как уже русский анемичный «лишний человек», приведен к этому статусу, натурализован, освоен и выброшен за борт, как ненужная ветошка. Употреблен русским общественным сознанием в своих интересах и в пользу – накануне реформ.

Поматросили – и бросили.

Но я все же ишу конкретно болгарского в романе: как оно представлялось Тургеневу – кроме тех общих мест, сведений об истории и современной политике, которые он мог почерпнуть из газет?

Вот Берсенев рассказывает Елене о болгарях, посетивших Инсарова:

«– К нему третьего дня, перед обедом, явились два каких-то человека, должно быть его соотечественники.

– Болгары? Почему вы это думаете?

– А потому, что, сколько я мог расслышать, они говорили с ним на языке, мне неизвестном, но славянском... Вот вы все находите, Елена Николаевна, что в Инсарове таинственного мало: уж на что таинственнее этого посещения? (Как искусственно форсируется романтический ореол вокруг героя – взамен его «я»), голоса субъективности! Ведь романтизм – это отсыл в некий ИКС, сверх знания и ума нашего. И вот наш герой-оборотень куда-то исчез на три дня, и не один. Как шаман на иной уровень бытия поднялся, спустился... – Г.Г.). Представьте: вошли к нему и ну кричать и спорить, да так дико, злобно... И он кричал.

– И он. Кричал на них. Они как будто жаловались друг на друга. И если бы вы взглянули на этих посетителей! Лица смуглые, широкоскулые, тупые, с ястребиными носами (похоже черты болгарского антропоса уловлены, но чуть карикатурно, утрировано. – Г.Г.), лет каждому за сорок, одеты плохо, в пыли, в поту, с виду ремесленники – не ремесленники и не господа... (Как раз люди «третьего сословия», «средний класс», как и те, с кем сталкивался затем Леонтьев в Царьграде. И как наши «разночинцы». – Г.Г.) Бог знает что за люди.

– И он с ними отправился? (Искусственный диалог, переспрос, функция которого – подстегнуть и драматизировать эпическое повествование. – Г.Г.)

– С ними. Накормил их да и ушел с ними. Хозяйка мне сказывала, – они вдвоем целый огромный горшок каши съели. Так, говорит, вперегонку и глотали, словно волки» (с. 63).

Чем менее в силах писатель вложить живые, естественные, свои слова в уста персонажей – тем более компенсирует это деталями внешними, внешнего вида и жестов: «Вернулся он... загорелый и в пыли по самые брови» (с. 64). Еще и шапка на нем странная: «У Инсарова оказался довольно странный, ушастый картуз, от которого

Шубин пришел в не совсем естественный восторг» (с. 56). Ну да – художник! Глаз на внешние вещные и телесные детали. «Он глядел на Берсенева и на Инсарова и, как ваятель, сравнивал их лица. «Оба, – думал он, – не красивы собой; у болгарина характерное, скульптурное лицо: вот теперь оно хорошо осветилось; у великоросса просится больше в живопись: линий нету, физиономия есть»» (с. 58).

Очень точные интуиции – и соответствуют космо-психо-логосам Болгарии и России. Болгария – рельеф гор и долин, архитектура и скульптура земли и тела. Как и в Элладе соседней, где архитектура и скульптура – присущие и выше развитые искусства. Россия – ровень-гладень, разве что холмистый, волнистый. Космос не выпукл, зато переливы света и тени, красок... То же и плоть человека – размыты лица, зато глаза важны (в них сосредоточивается душевность, субъективность... Потому тут живопись сильнее скульптуры развита: ее средствами естественнее схватывается суть и мира, и человека).

А «картуз ушастый» имеет климатическое объяснение. Если в России на мороз – шапка-ушанка, малахай, меховые, то в Болгарии, что – южанка, суровых зим, снегов-морозов нет, зато сырой холод, промозглость и сквозняк, так что шьют кепи с наушниками (о, эти антиэстетические кепи среднеевропейца, на которые ополчится Леонтьев!) и приезжают с ними в Россию, где они выглядят совсем нелепо...

Вот уж и Леонтьев появился на нашем горизонте, и скоро мы к нему перейдем. И через его образ – рикошетом мысль о Тургеневе и его романе. Оба они – используют болгарина, взираются в него из России и ее ситуации и интересов. Леонтьев – политик и дипломат, и он рассматривает болгар, их поведение в современной политической международной ситуации – из интересов России на Балканах, отношений с Турцией и Западом, и какая польза от них России, ее проникновению на Балканы. И отсюда – славянский энтузиазм и комитеты в России и добровольцы затем в Сербию и т. д.

Тургенев по этим вопросам не высказывается в романе. Ни по Восточному вопросу, ни о Восточной войне («Крымской»), где погиб его сосед Каратеев, оставивший ему тетрадку с повестью о его возлюбленной, кто полюбил болгарина и бросила его, что стало завязкой тургеневского романа). Ему, западнику и либералу, претит «демагогия» царского режима и его «освободительная миссия» на Балканах, и вся славянофильская шумиха о «братьях-славянах».

Но это не значит, что он не «употребил» болгарина в русских интересах. Только его ареал – не дипломатический, а психологический. Муже-женская ситуация в России середины XIX века такова, что ну – некого любить русской деве, женщине, что наливается умом и страстью и крупнеет: лишние люди вокруг, хоть криком стони и вой! «Как жить без любви? А любить некого!» – думала она»

(с. 35). «Она билась, как птица в клетке, а клетки не было...» «Вырваться наружу» (с. 35). «Отчего я с завистью гляжу на пролетающих птиц? Кажется, полетела бы с ними» (с. 79).

Так что на бесптичье и бескрылости своих и болгарин – орел! Припряжем – хоть и болгарина!.. Как Гоголь в поисках положительного героя – грека Констанжогло, а Гончаров – немца Штольца. И, как остроумно писал тогда в журнале «Светоч» о романе Тургенева Н. Соколовский: «Итак, ни полугрек, ни полунемец не выдержали напора русской жизни; теперь осталась очередь за болгаром последовать их примеру и удалиться из непосредственной ему страны... Штолец и Инсаров люди одного покроя...» (с. 535). Их всех тут постигла художественная неудача – авторов: но литература, читатель и критика и общественное сознание – гигантски воспользовались этими образами, персонажами и неудачей их бедных творцов.

Как умно рассуждали в 60-е годы критики «Накануне»! Какой обвал публицистики роман вызвал! И как он спешествовал развитию самосознания России и русской интеллигенции!.. Но и в самом романе, который – вполне сознательный, «а тез», – это самопонимание вполне ословеснено. Вон как Шубин изливается Увару Ивановичу: «Нет у нас еще никого, нет людей, куда ни посмотри. Всё – либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоеды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, из пустого в порожнее переливатели да палки барабанные! А то вот еще какие бывают: до позорной тонкости самих себя изучили, щупают беспрестанно пульс каждому своему ощущению и докладывают самим себе: вот что я, мол, чувствую, вот что я думаю. (Это как раз Толстой и Достоевский разовьют... «Подпольный человек»). А и в нашем веке... – мне не в бровь, а в глаз. – Г.Г.) Полезное, дельное занятие! Нет, кабы были между нами путные люди, не ушла бы от нас эта девушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, как рыба в воду! Что ж это, Увар Иванович? Когда ж наша придет пора? Когда у нас народятся люди?

– Дай срок, – ответил Увар Иванович, – будут.

– Будут? Почва! Черноземная сила! Ты сказал: будут? Смотрите же, я запишу ваше слово» (с. 142).

Вот Тургенев записал – роман написав. А и хоть полуиронически тут употреблены славянофильские термины о русском народе: «почва», «черноземная сила», – а и всерьез... Патриот же – и Тургенев!

Ну, а употребил он болгарина – на свое дело – русского романа: развив через него новый вариант любви русской «тургеневской» девы-женщины. Вся вторая половина романа – это поглощение собственного патриотического дела Инсарова – делом русской литературы: изображением любви-жертвы Елены, чему герой (даже настоящий, деятель, патриот, освободитель родины и народа!) – лишь претекст и оселок. Уж и едут туда, и Елена готова на край света и в сестры

милосердия, но идет роковой скос его дела – в ее. Гораздо тут важнее, как она сама приходит, сама отдается: «Так возьми ж меня!» (с. 131), нежели все болгарские дела, национально-освободительные движения и политики держав...

Конст. Леонтьев о болгарях

Аж некоторое головокружение испытываю, переходя от «Накануне» Тургенева к «Византизму и славянству» Леонтьева. Столь разны исходные начала, основания взглядов и оценок, оптика и техника анализа. Различен и предмет: у Тургенева – болгарин как человек, характер, личность; у Леонтьева – болгары как народ рядом с другими, общая характеристика их положения в мире, в исторической ситуации, среди религиозных и политических сюжетов, в которые они вплетены...

Но поражает точность и тонкость анализа – как диагноза: какова «материя», из которой сложилось и слагается это природно-историческое «тело» (народ-племя), какие там составляющие ткани и соки, энергия и импульсы... И прямо-таки художественно-психологический анализ народов – как персонажей и собирательных личностей и характеров, и в какие сюжеты они между собой вступают, взаимодействуя. Как в романе Тургенева: семья Стаховых (отец, мать, Елена, Увар, Зоя), а рядом – Берсенева, Шубин, Курнатовский, и в эту среду попадает болгарин Инсаров, – так у Леонтьева исторические персонажи: Россия, Рим, Эллада, Византия, Христианство, Романо-германский мир, Буржуазная Западная Европа XIX века, Турция, греки, сербы, чехи, поляки, Славянство и Славизм и что такое болгары в этой мозаике...

Собственно, последний вопрос – мой: это мне надо выковырять болгар из леонтьевской панорамы, где они – лишь один и средней значительности элемент. И потому – прежде всего контекст надо понять, как в тургеневском романе – экспозицию, исходное состояние мира, куда попадает герой-болгарин.

«Византизм и Славянство» – это историософское произведение. Задача – понять Россию, из каких элементов и как она сложилась, устроилась на Земле как космо-исторический организм, в чем его особенность в отличие от прочих «пород»; каков переплет всех уже в современном мире, а конкретнее – на Балканах, где у России интересы к проливам, что находятся в Турции, и против нее восстают греки, «братья-славяне»: сербы, болгары, и все апеллируют к России, тогда как и страны Западной Европы: Англия, Франция, Германия, Австрия ведут в этом регионе свою политику...

Но тут не просто внешняя политика и дипломатия, но – встреча и спор сверхценностей: что народам и человекам любить и желать в жизни этой – и в вечной? В чем Красота, а в чем – безобразие?..

Не было мне зацепки восстать из уныния – как взять Леонтьева: читал его с восторгом и созвучием в эстетстве, а консерватизм его и мрачность насчет будущего естественно накладывались и на мой уже пожилой возраст: мне ничего впереди не светит – ну, и человечеству, значит!..

Сведя наше воззрение в такой угол – тупой (=глупый), получил оттуда ум, рефлекс-импульс к стыду и усилию: подняться над собой и взвидеть иное – даже внутри леонтьевской системы ценностей. В ней главный критерий – состояние «цветущей сложности». Каждый организм в своем развитии, в эволюции, каждое образование в истории (народ, страна, государство, культура) проходят стадии первоначальной простоты (его «детство»), цветущей сложности (молодость, зрелость, развитость всех потенций данной формы, породы, особи) и «вторичного смесительного упрощения» (когда организм стареет, слабеет, гнется к гниению и смерти). Состояние цветущей сложности самое прекрасное: тогда существо (культура) плодоносит – и его бы удержать!.. Для истории и культуры Западной Европы фазу эту он видит в XV–XVIII вв., для России – в ее нынешнем, в середине XIX века, состоянии. Но уже грозные признаки упадка = упрощения он зрит с 1789 года во всезахлестывающей волне буржуазной цивилизации, с ее дешевыми и упростибельными ценностями «свобода, равенство» («братство» – еще рудимент родового сознания), что создает тип благоденствующего среднего европейца, кто идеал, к которому ныне стремятся люди других народов, и он же – погубитель всей красоты многообразия. «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» – такую работу писал Леонтьев 12 лет: с 1872 по 1884.

Видя признаки проникновения этого эгалитарного процесса в Россию, он усматривал последний оплот сохранения целостности этого организма в состоянии максимума: когда и многообразие развернуто, но и единство удерживается, – в скрепляющей силе государства, и в самодержавии – как узле всего...

С этой позиции он оценивал и отношения России с другими странами, народами, и, в частности, с югославянскими (сербы, болгары), которые в XIX веке стали цепляться за Россию – помочь им освободиться от Турции и стать самостоятельными государствами. Перейти от состояния первичной простоты, аморфности и патриархального примитива, в котором они тогда находились, к существованию особым историко-культурным организмом. То есть как бы в лад с леонтьевской шкалой ценностей. Но по лидерам сих народов он ясно видел их тяготение к эгалитарной гражданственности – и ничего хорошего и красивого ни для народов этих, ни для России.

НО! Вопреки вкусам Леонтьева история и цивилизация Западной Европы, идя по магистралям буржуазного пути, – развила затем в XX веке такие непредполагавшиеся пути и побеги и поросли и сюжеты

и комбинации в творчестве, науке, в духе и истории, открытия в человеке, новые общественные устройства, идеалы, войны, революции, – что и создали букет «цветущей сложности» человечества в XX веке.

То есть шли падения одних организмов, возникновение других и возрастание их к своей «цветущей сложности». Тех же ставших самостоятельными Чехословакии, Болгарии, Сербии, где развились литература и искусства...

И второе: почему любоваться «цветущей сложностью» – лишь в Пространстве: в статурности каждого образования – фиксируя момент его акме (молодости-зрелости) и стремясь удержать? Почему не взвидеть это качество – во Времени? Отчего бы не любоваться хитростью и игрой самой Истории, в ее сумме и целом, а не в отдельностях существ и форм и тел? То есть по модусу Музыки, симфонизма, а не по модусу Архитектуры, искусств пространственных? Любоваться и усматривать цветение в самом играющем процессе истории в его многоклавишности и многоинструментальности тембров оркестра?

Такие чудеса, модуляции, отклонения, гармонии, созвучия, диссонансы и консонансы возникают на пути, в ходе развития во Времени! «Что и не снилось вашей философии» – сэр Константин!..

Такие выдумки – как те, что произошли, например, с СССР, с нами! 20 лет назад и во сне не снился распад такой крепости, историко-цивилизационного образования в его цветущей сложности (в 60–70 гг. XX века)! А вот – случилось – и пошли побегии новых образований, перекombинаций... Можно страдать от этого, брезговать безобразием (рынок, деньги, пошлость, криминал...). Но нельзя отрицать, что возникли новые сложности и сюжеты, задачи и проблемы и загадки, и новые «цветы» – и плоды, добрые и злые, и их борьба и трагедия...

Так что если взиать оком олимпийцев на наши пертубации со смертными, с восторгом идеалов, с ужасными их сокрушениями, – есть тут материал для эстетики: созерцать «театрон политикон, сиречь гражданское позорище» (так болгарин Софроний Врачанский перевел в начале XIX века трактат об обществе и государстве с греческого на болгарский) Всемирной Истории... А мы уж тут, страны и люди, – актеры, исполнители. Хотя и драматурги и режиссеры тоже...

Но легко это предложить: созерцать цветущую сложность во Времени: не статуарно, а как процесс!.. Да ведь на то – не наш, смертный срок жизни надобен! За 40–70 лет ну сколько ты перемен усложняющих воспринять можешь? Одну, две, три – везде как заинтересованное существо: или плохо, или хорошо тебе практически от сего станет? Так что для незаинтересованного эстетического наслаждения процессами Истории у смертного существа недостает субстанции, материи существования.

А, с другой стороны: тот же Леонтьев – откуда мог утверждать про цветущую сложность состояния стран Европы в XV–XVIII веках,

или Эллады при Перикле или Александре, или Рима при империи – как не через чтение книг по истории, становясь тем самым как бы созерцателем усложнения и упрощения во Времени?..

Итак, по Леонтьеву, в основе самобытности России как целостного и разветвленного исторического и культурного организма лежит византизм. Он придает ее многообразию – единство, структурируя сей иначе Апейрон – бесконечный простор с многоплеменным и редким населением.

«Представляя себе мысленно византизм, мы... видим перед собою как бы строгий, ясный план обширного и поместительного здания. Мы знаем, например, что византизм в государстве значит Самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; мы знаем склонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства»².

Все эти качества византийского принципа и идеала находятся в резком противостоянии тому направлению, которое приняло развитие стран и народов Европы особенно в XIX веке, а именно – в сторону эгалитарно-либерального прогресса с культом «прав человека» – сего земного, от слова «гумус» («гуманизм» хваленый!), ограниченного частного индивида, имеющего идеалом – достижение земного благоденствия, в чем не разнятся ни капитализм, ни социализм-коммунизм.

Россия пока стоит, по Леонтьеву, особняком, как оплот византизма, но ее омывают со всех сторон волны западноевропейских идеалов, подтачивают и разъедают ту цветущую сложность, в которой фазе своего развития она ныне находится. И одна из опасностей – цепляние за Россию «братьев-славян», народов сходного этноса и языка, которые в XIX веке находятся еще под чужеземным владычеством, как чехи под властью Австро-Венгрии, сербы и болгары и прочие югославыне –

² Леонтьев К. Избранное. М.: «Рарогъ»–«Московский рабочий», 1993. С. 19. – Ссылки на это издание даются далее в скобках в тексте.

под властью Турции и тоже отчасти Австрии. Они выкидывают привлекательную общую идею – славянского единства: «панславизм», «славизм» и приглашают Россию сие возглавить движение, расширив тем самым свое влияние в Европе, на Балканах. Соблазн стал захватывать и внутри самой России и власть, и общественность («славянофилы»). И вот почему Леонтьев, который волею своей судьбы и обстоятельств провел многие годы как русский дипломат в Царьграде (он же Константинополь = его имени город! – и он же – Византия), в Греции, на Балканах, зная изнутри и «снизу» весь переплет и клубок проблем, а также психику греков, турок, югославян, – поднимает свой остерегающий голос и предлагает вникнуть конкретно в сей узел и, в частности, приглядеться к национально-историческим особенностям разных народов славянского «племени» – в том числе и наших болгар.

«Теперь поговорим о болгарях.

Болгары воспитаны греками в том смысле, в каком чехи воспитаны немцами. Вера у болгар с греками одна, привычки схожи; религиозные понятия до последнего времени были одинаковы. В сельских обычаях, в поверьях, постройках и т. п. есть отличия, но эти отличия так невелики (кроме языка), что во многих отношениях между греком критским и греком эпирским, греком-кефалонитом и греком фракийским есть больше разницы бытовой и психической (личной то есть), чем между греком фракийским и болгариним той же страны или между греком македонским и болгариним.

Это я говорю о сельском населении, которое еще гораздо резче отличается одно от другого, чем городское... Различить же фракийского болгарина, я сознаюсь, в 10 лет не научился. Кто виноват: я или данные сами, не знаю.

Что касается до городского населения, до лавочников, ремесленников, докторов, учителей и купцов, которые составляют так называемую интеллигенцию и у греков, и у болгар, то между ними нет никакой разницы. Те же обычаи, те же вкусы, те же качества и те же пороки» (с. 111).

Остановимся на время и разберем поданный нам Леонтьевым для размышления материал.

«Болгары воспитаны греками...» Фракия, где осели жить болгары, – славяне и турки по этносу – в свои доисторические времена, – это континентальный регион Эллады (гладиатор Спартак – фракиец) и включен в историю Древней Греции. Так что и Космос (Балканы), и антропологический тип, и языки близки исходно.

Когда выделилась Восточная половина Римской империи и православие обрело свою физиономию, населению Фракии и Македонии естественно было оказаться в ареале Византии и греческой там патриархии – в религиозно-церковном отношении.

В государственно же историческом отношении, когда образовалось Болгарское царство, – все трения и войны прежде всего шли с греками (с VII по XII вв.). Но эта, даже отрицательная ориентировка, – тоже ориентировка и образование себя в отношении именно *этого* противника: в диалоге взаимопроникновения с греками шло формирование древней болгарской цивилизации.

Когда же в XV в. турки завоевали и Византию, и Болгарию, они не посягнули на Константинопольскую епархию – и в Болгарии и под турецким игом сохранилось православие и продолжалось богослужение на церковнославянском и греческом языках.

На рубеже XVIII–XIX вв. Болгария вступила в эпоху своего национального Возрождения, и первые будители и просветители, учителя: Софроний Врачанский, Эммануил Васкидович, Неофит Рильский, Петр Берон и другие – были выученики греческих школ и переводили с греческого нужные для преподавания книги.

Но итог – «погречивалась» болгарская первая интеллигенция, и следующий этап становления болгарской национальной культуры был связан с переориентацией на русское влияние, родственно славянское по языку. Это уже – Юрий Венелин, Василий Априлов, Найден Геров, Ботю Петков...

В силу столь многовековой «притирки» греков и болгар понятно, почему Леонтьев мог «скопом» их характеризовать, усматривая «те же вкусы, те же качества и те же пороки» в «так называемой интеллигенции и у греков, и у болгар» (с. 111). А именно: «Крепкая, более или менее строгая семейственность, удаление женщин на второй план в обществе, во время соборщ и посещений, религиозность вообще более обрядовая, чем романтическая и глубоко сердечная, если она искренна, или просто насильственная, лицемерная, для поддержания национальной Церкви примером, чрезвычайное трудолюбие, терпение, экономия, расположение даже к скупости, почти совершенное отсутствие рыцарских чувств и вообще мало склонности к великодушию (При отсутствии своей аристократии откуда же этим качествам выработаться? Пока перечисляемые черты, можно сказать, – общенациональные для болгар, присутствующие и в простолюдниках, и в интеллигенции. Но далее уже – более относящиеся ко второй. – Г.Г.). Демагогический и конституционный дух воспитан и в греках, и в болгарях, с одной стороны, бессловностью Турции (или даже крайне слабой словностью, несравненно слабее еще русской словности, выраженной даже и в старой Турции); а с другой – тем подавленным свободолубием, которое болезненно развивается в народах завоеванных, но не слившихся со своим победителем. Вообще и у болгар, и у греков мы находим расположение к так называемому прогрессу в делах государственных и сильный дух охранения во всем, что касается семьи (курсив Леонтьева. – Г.Г.)» (с. 111).

Далее идут интересные сопоставления с национальными свойствами германцев, французов и русских.

«Выходит, что в политическом, государственном отношении и югославяне, и греки своим демагогическим духом больше напоминают французов, а в семейном отношении – германские народы; в этом отношении городские болгары и греки, очень схожие между собою, составляют как бы антитезу психическую с великороссами, которые в государственном отношении до сих пор больше подходили, по здравому смыслу и по духу дисциплины, к старогерманскому гению, а в домашних делах, по пылкости и распушенности, – к романцам (которым большинство из нас и теперь продолжает в этом отношении сочувствовать, вопреки всем справедливым увещаниям и урокам строго нравственных людей!).

Итак, болгарин, психически похожий на самого солидного, терпеливого, расчетливого немца и ничуть не похожий на веселого, живого, более распушенного, но зато и более доброго, более великодушного великоросса, воспитан греками и по-гречески. Он точно также орудие греческой работы, как чех орудие немецкой, и точно так же обращен против новогречизма, как чех направлен против германизма» (с. 112).

Вот тут-то закавыка, или «запятая» (как выразился бы Достоевский) – сложный сюжет в отношении Леонтьева к болгарам, в котором нам и предстоит поковыряться.

Уже по цитированному большому пассажиру можно уловить явно недоброжелательное, даже презрительное, отношение Леонтьева к болгарам – не простолюдинам, к ним он более нейтрален и добр, как вообще к патриархальным чловекам, – но к городской интеллигенции, к образованным болгарам. При этом надо отметить, что он, находясь на юге Балкан, не сталкивался с теми, «северными» болгарями, кто в просвещении народа ориентировались на Россию, чему он не мог не сочувствовать.

Однако усиление славянского самосознания в болгарях на первых порах направилось не против политически-государственного ига Турции (на то у них пороку не было), но против засилья греков – и в торговле на рынках, и в образовании и в школах и, главное, – против фанариотского духовенства, безраздельно распорядившегося из Царьграда в церковных делах болгар. В середине XIX века возгорелось мощное движение за создание национальной церкви, самоуправления архиереями-болгарами. Тут болгары проявили и хитрость, и даже коварство, воспользовавшись тем, что Турция («Великая Порта») сквозь пальцы смотрела на сию драку христиан между собою и даже несколько покровительствовала болгарам, будучи заинтересована в ослаблении влиятельной константинопольской патриархии.

Уж это-то никак не могло нравиться Леонтьеву, кто видел оплот византизма, любимого и исповедуемого им, как раз в нераскольном единстве православия на Балканах, централизованного из того квартала в Стамбуле «Фанар», где расположена константинопольская патриархия. (Оттуда именуют «фанариотским» греческое духовенство).

«Болгары начинают свою новую историю борьбой не только против греков, но и против православной Церкви, воспитавшей их нацию. Они борются не только против *власти Греческой Константинопольской патриархии*, но и против нерушимости церковных, весьма существенных узаконений.

Рассматривая же вопрос с русской точки зрения, мы найдем у них с чехами ту разницу, что движение чехов в пользу гуситизма приближает их хотя несколько к столь дорогому для нас византизму вселенскому, а движение болгар может грозить и нам разрывом с этим византизмом, если мы не остережемся вовремя.

... У болгар же, напротив того, мы видим черту, совершенно противоположную нашим великорусским основам. Самый отсталый, самый последний из возродившихся славянских народов является в этом случае самым опасным для нас; ибо только в его новой истории, а не в чешской, не в польской и не в сербской вступили в борьбу те две силы, которыми мы, русские, живем и движемся – племенное славянство и византизм. Благодаря болгарам и мы стоим у какого-то рубикона» (с. 112).

Вот какой монстр выходит «брат-болгарин» для России! Подход Леонтьева прямо-таки военно-дипломатический: в болгарях видит противника. И если и вникает умом далее и разбираться начинает в положении и психологии болгар, то в той посылке, что и врага надо знать. И высказывает при этом множество пронизательных суждений, имеющих объективное значение. К ним и приглядимся.

«Народ болгарский прост (не то, что он простодушен или добродушен, как думают у нас, и не то, чтобы глуп, как ошибочно думают иные греки, а именно прост, т. е. еще не развит). Вдобавок он вовсе не так пылко и горячо религиозен, как простой русский народ (как из болгар делает монстра, так из русских – икону, мыслитель-романтик! – Г.Г.), который вообще гораздо впечатлительнее болгарского. Народ болгарский, особенно по селам, я говорю, прост. Напротив того, многочисленная интеллигенция болгарская лукава, тверда, по-видимому, довольно согласна и образована греками же, русскими, европейцами и отчасти турками, именно настолько, насколько нужно для успешной национально-дипломатической борьбы. Этого рода борьба, пока дело не дошло до оружия, имеет в наше время какой-то механико-юридический характер и потому не требует ни философского ума, ни высокого светского образования, ни даже обыкновенной дюжиной

учености, ни воображения, ни возвышенных, героических вкусов и чувств» (с. 113).

Тут Леонтьев – как в воду глядел. Когда на вооруженное восстание пошел болгарин (Апрельское восстание 1876 года), тогда все эти качества возвышенные потребовались и проявились, и нашлись среди болгар люди с воображением, с героическими чувствами: Васил Левский, Христо Ботев, поэт и герой-воевода, Бенковский, Каблешков, Петлешков, Стамболов, Захарий Стоянов... Они своими подвигами и жертвами сотворили болгарам национальный героический эпос, свои мифы и легенды и образцы для подражания, без чего не жив ни один национально-исторический организм.

Этих проявлений опять же северных болгар Леонтьев не знал: «Византизм и славянство» закончен в 1875 году... Однако и среди наблюдаемых им в Царьграде «южных болгар» мог бы разных различить, коли б не презирал их так априорно скопом: «вожди крайнего болгаризма, доктор Чомаков (вероятно, материалист), какой-то поэт Славейков...» (с. 113). Сей для Леонтьева «какой-то поэт» – действительно большой болгарский поэт с впечатлительной и хрупкой душой, автор романтической поэмы «Извор на Белоногата» («Родник Белоногой»), просветитель, собравший два тома «Болгарских пословиц», отец тоже большого поэта Пенчо Славейкова (вот и самоначинающаяся династия, род, аристократия, что создает «цветущую сложность» в каждой стране), создавшего на материале Апрельского восстания 1876 года национальный героический эпос «Кровавая песнь».

В своих характеристиках болгар Леонтьев, лишая их «яйности» и субъективности, рассматривая их как закупоренные внешние объекты, неодоушевленные, без своего внутреннего слова и логики, – упрекает тот самый «механико-юридический характер» мышления, в коем винит «национально-дипломатическую борьбу» болгарских интеллигентов (с. 113).

Хваля с точки зрения византизма поведение греков, сего Послушного сына, пай-мальчика для России, и порицая болгар, сына Блудного, Леонтьев делает следующее наблюдение: «У болгарина, напротив того, половина воспоминаний, по крайней мере, связана с борьбой против византизма, против этих православных греков. У болгарского патриота в комнате, рядом с иконой православных Кирилла и Мефодия, обучавших болгар славянской национальной грамоте (это главное для них, а не крещение), вы видите обыкновенно язычника царя Крума, которому подносят на мече голову Православного Греческого Царя» (с. 115).

Да ведь по оптике и эстетике самого Леонтьева – это же пейзаж как раз «цветущей сложности», а не монотонии чего-то одного!

Да и сам он, приняв монашеский постриг под конец жизни, не без бахвальства даже имел в келье Данте и Шекспира рядом со Златоустом...

И такое усложнение-«предательство» христианства – еще в ереси БОГОМИЛЬСТВА, мощной в Болгарии XII–XIII веков, проявилось, что, как отрасль Манихейства, наряду с Богом признавала творцом мира сего, во зле лежащего, – Сатану... То есть то начало Творческого Зла, что и в Германстве сильно (с которым неслучайно сопоставляет болгар, отличая от французов, Леонтьев): Люцифер Мильтона, Фауст-Мефистофель Гете, Ницше позднее и т. п. ... – и Болгарской Психее и Логосу не чуждо.

Кстати, когда Болгария обрела независимость, именно из Германства династия Кобургов – цари Фердинанд и Борис – естественно восседала на троне. И возможность этого проницательно предвидел Леонтьев.

И вот итоговый вывод:

«Только при болгарском вопросе *впервые с самого* начала нашей истории, в русское сердце вступили в борьбу две силы, создавшие нашу русскую государственность: племенное славянство наше и византизм церковный» (с. 155).

То есть в русском «уме сердца» – распад-разрыв – «ум с сердцем не в ладу»: чувство влечет русского человека к состраданию и помощи братьям-славянам – вмешаться и освободить их от турок; а интерес России-державы гласит: осторожно, ловушка! Борясь за национальную церковь, болгары подрывают единство Православия – идеологическую опору Самодержавия в России, а сами норовят устроиться по образцу и подобию мещанства средневропейского в эгалитарной демократии... И так вполне отвернувшись от России, используя чувства русского человека и силушку-армию России, что принесет жертвы воинством своим.

И потому он, как знающий реальное положение дел в политике России, Турции и Англии, Франции, Германии и Австрии в Восточном вопросе, – отрезвляет ажиотаж Славянских комитетов в России и добровольцев – весь этот эмоционально-романтический интеллигентский шум вокруг «страждущих» болгар и сербов:

«Болгары слабы, болгары бедны, болгары зависимы, болгары молоды, болгары правы», – говорят у нас...

Наконец скажут мне:

Болгары молоды и слабы!..

«Берегитесь! – сказал Сулла про молодого Юлия Цезаря. – В этом мальчишке сидят десять Мариев» (демократов)!

...Нечаянная, ненамеренная зараза от близкого и бессильного, которого мы согреваем на груди нашей, опаснее явной вражды от важного соперника» (с. 155).

Потому в своих характеристиках болгар Леонтьев сгущает их неприятные, на русский взгляд, черты – характерологические, им присущие: наблюдателен же и пронизателен и десять лет видел!..

«Воспитание нравственное у болгар и у греков, в глазах свежего, искреннего с самим собою человека, почти одно и то же (и это почти вовсе не в пользу болгар; у греков несколько более романтизма, теплоты); а психически не надо воображать себе упорного, тяжелого, хитрого болгарина похожим на добродушного, легкомысленного великоросса; они так же мало похожи друг на друга в этом отношении, как южный итальянец и северный немец, как поэт и механик, как Байрон и Адам Смит» (с. 119–120).

Четкое и резкое отличие. Практицизм тех болгар-торговцев, с кем мог сталкиваться Леонтьев в Царьграде, забил в его сознании романтизм тех болгар, что северно ориентированы, выученики России (как Каравелов, Ботев, в ком и теплота, и жертвенность...).

Но далее – пронизательные наблюдения насчет *народности* и болгарского духовенства, и интеллигенции – поскольку не было там аристократии, сословий, государства, но – теснее все по быту и душе:

«Болгарское духовенство вело и ведет себя против народа лучше, чем вело себя греческое, лишь потому, что оно своевольно создано самим народом, что у него вне народа нет никакой точки опоры. У русско-го духовенства есть вне народа могучее правительство» (с. 120).

Точное социологическое умозаключение: церковь в России – учреждение в структуре Государства, а среди болгар (не могу даже употребить термин «в Болгарии») – что есть страна-держава, чего тогда еще не было) попы – плоть от плоти крестьян, как и городская интеллигенция – каждый ремесленник и учитель – тоже, народный человек:

«Бедного дворянина Базарова русские крестьяне не признавали своим, а ученого Инсарова простые болгары слушались; ибо он был кость от костей их, такой же болгарский мужик, как и они, но более мудрый» (с. 118).

Это использование Леонтьевым тургеневских персонажей задним числом высвечивает нам образ Инсарова и поход к нему Тургенева из сочувствия русской северной интеллигенции, общественности из ума сердца, а не из интереса Государства.

Отсутствие развитой сословной иерархии в южных славянах, слабая расчлененность населения, синкретизм в быту и сознании – сказывались в близости новой болгарской литературы к фольклору. Но в своем ускоренном развитии – перепрыг через эпохи и в одном поколении стяженный переход от гомеровского типа сознания – к современному европейскому романтизму и реализму. Подобно тому, как болгарский купец из пастуха-овчара переодевается во фрак и галстук, так и «вообще в Турции все христиане, и славяне и греки,

очень легко переходят из патриархального быта в буржуазно-либеральный, из героев Гомера и Купера в героев Теккерей, Поля де Кока и Гоголя» (с. 121). Что и видим в прозе Каравелова, Вазова, в публицистике Ботева. То есть синкретизм – и в Пространстве, и во Времени наблюдаем: быстрый переход от первобытных форм быта и сознания и ценностей и понятий и форм сознания – к современным, ускоренно проходя те исторические стадии, что в развитии стран Западной Европы занимали тысячелетия и века. Та же нерасчлененность, стяженность фаз во Времени, как слабо выраженная вертикаль сословной иерархии – в Пространстве Социума, в его структуре.

Чтобы отлучить болгар от русского сердца, Леонтьев выпячивает интриги болгарских деятелей в Царьграде, где они в борьбе с греками за свою церковь, стараются стяжать благосклонность властей Турции – и поднимают предания «о тюркской крови первых болгар, пришедших на Дунай с Аспарухом» (с. 91). Какие же они «братья-славяне»? Сами подчеркивают тюркость свою! – когда им это выгодно!.. Так и нас, Россию и русских, использует «эта незрелая, невооруженная, малоученая и темная нация» (с. 91).

Однако же, когда болгары могут в чем-то совпасть с интересами государства Российского на Балканах, – и они становятся хороши (лучше румын, кто офранужены и романски) – в вопросе о Добрудже: кому она должна принадлежать-распахиваться:

«И если уж отдавать всех остальных разнородных жителей Добруджи, вероятно, против их воли, кому-нибудь из двух – румынам или болгарам, то во всех отношениях справедливее отдать болгарам. Справедливо это не только по географическим или племенным условиям, но и по многим другим причинам.

Болгары – народ серьезный, народ гораздо более румын *восточный* (в хорошем смысле этого слова); народ трудовой, бережливый, твердый, в семейной жизни почтенный; правда, несколько сухой, вследствие того, вероятно, что жизнь его была долго ограничена одними вещественными интересами, что это исправимо. Православие в болгарях несравненно крепче и чище, чем в румынах. Болгары не правы и не чисты только противу законов Церкви в одном случае; но они покаются, они слишком умны, чтобы не понять этого. Болгары, поставленные под наше влияние и примиренные с Вселенской Церковью и греками (хотя бы ценою некоторых территориальных уступок), болгары, еще почти не жившие, свежие, распространенные от устьев Дуная до берегов царственного Босфора (ибо в окрестностях Царьграда много болгарских деревень), болгары, не успевшие еще и в быту своем утратить всю прелесть и солидность патриархальных форм (вот уже и с эстетической точки зрения хороши – не мещански! – Г.Г.), не успевшие, подобно румынам, стереть с себя все *хорошие*

черты своеобразного азиатизма – болгаре (это у Леонтьева то «болгарЫ», то «болгарЕ». – Г.Г.) могут иметь великую будущность если не по вещественной силе, то по культурному значению (вот как ободряет и льстит! – Г.Г.), если только мы, русские, сами второпях не испортим их навеки; если мы по неосторожности не прикоснемся к ним более петербургским, чем московским боком нашего петровского Минотавра!...)» (с. 159–160).

Тоже характерный акцент: Москва – оплот славянофильства, Петербург – западничества. И в приведенной мысли Леонтьева – аккорд-согласие возможное между двумя субстанциями в сущности России – византизмом государственности и славянством русского народа, что роднит с болгарам и дает надежду на гармоническую будущность.

Так композиция Леонтьева «Византизм и Славянство» обнаруживает себя симфонией. Начав с динамической темы кричащего диссонанса, разведя максимально идеи-принципы державного византизма и родо-племенного славянства, – его ум в ходе разработки тут всех мотивов «про» и «контра», модуляций-девиаций-отклонений в разные сюжеты политические и тональности чувств, – приходит в репризе к разрешению проблемы и в каденции – к гармонии и аккордам согласия.

ОБРАЗЪТ НА БЪЛГАРИНА У «ПРОЗАПАДНИЯ» ТУРГЕНЕВ И «СЛАВЯНОФИЛА» ЛЕОНТИЕВ

Г.Д. Гачев

В студията се прави опит да установи разлика във възпремането на българите от «прозападния» И. Тургенев и «славянофила» К. Леонтиев. Изследователят показва, че писателите пречуват тази тема в различни плоскости. Първият от тях се стреми да изобрази с художествени средства българина като отделна личност (образът на Инсаров), а вторият разглежда българите като цяло – народа. При това Тургенев създава образа на героя си изключително положителен и го дава на руснаците като пример за подражание. За разлика от него държавникът Леонтиев, изхождайки от политическите интереси на Русия, акцентира вниманието си главно върху недостатъците на българите, които могат да попречат на руската политика. Наред с това Леонтиев търси начини за взаимно разбиране на двата народа.

* Резюме составлено И.И. Калигановым.

Яни Милчаков

Социология забытых литературных культов (А.Н. Апухтин, М.П. Арцыбашев)

Едва ли нижеследующие строки могут удовлетворить требованиям к исчерпывающему сравнительно-историческому анализу параллелей между восприятием в Болгарии творчества этих двух писателей, принадлежащих к двум поколениям. Громадная количественная диспропорция между засвидетельствованными оценками их творчества в Болгарии, заводит в тупик традиционный компаративистский подход.

В Болгарии засвидетельствована лишь одна читательская оценка поэта Алексея Николаевича Апухтина (1840–1893) (хотя многие, среди которых и сам Мастер – Михаил Булгаков – ценят его больше как прозаика¹). Однако современное литературоведение доказало, что реконструкция индивидуального читательского мира – такая же «легитимная», культурологически репрезентативная и интересная задача, как и описание типичных читательских реакций целых «исторических менталитетов», стилей и стратегий чтения в интегральных культурных системах (Средневековье, Ренессанс, Классицизм, Романтизм), документированный читательский опыт больших социальных групп или читательских манер великих писателей, артистов и политиков. Хотя оно и единственное, это описание имеет значительную художественную ценность как опыт индивидуального болгарского общения с поэзией Апухтина, поскольку его поклонница, читательница и декламатор его стихов – Лора Каравелова. Михаил Кремен пишет о ней в «Романе о Яворове»:

«Мать (Екатерина Каравелова. – Я.М.) не разделяла литературных интересов Лоры, не вглядывалась в ее прекрасные домашние и классные работы по болгарскому языку, которые она, будучи ее преподавательницей по литературе, имела возможность оценивать, не обращала внимания на ее верное поэтическое чувство, на ее любовь к русским поэтам – Пушкину, Лермонтову и Надсону, а особенно к болезненному, так любимому сентиментальной русской молодежи того времени Александру (Алексею – Я.М.) Николаевичу

¹ См.: *Отрадин М.* А.Н. Апухтин (1840–1893) // *Апухтин А.Н.* Сочинения. Стихотворения. Проза. М., 1985. С. 5.

Апухтину. Лора носила переплетенный томик патологического стихотворца и, прекрасно зная русский от своей матери, цитировала его на языке оригинала (здесь и далее во всех цитатах выделено мною. – Я.М.).

*Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою
Жалят, язвят и кружат над бедной мою голову!
Только прогониш одну, а уж в сердце впиался другая, –
Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая!
Хочешь забыть, разлюбит, а все любиш сильнее и больнее.
Ех, кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!»²*

Эта деталь из биографии Лоры как самозабвенной любительницы поэзии и декламатора, развернутый в психологических, рецептивных и социальных категориях комментарий об Апухтине («болезненный, так любимый сентиментальной русской молодежью того времени... патологичный стихотворец») и цитата, которой М. Кремен иллюстрирует свой комментарий, оказываются интегральными элементами в «дискурсивном ряду» – если понимать под этим термином «всё сказанное и написанное о ком-либо или о чем-либо в данных культурно-исторических границах». Почти теми же словами, что и Кремен, Иннокентий Анненский в своих неопубликованных записках о кризисе русской поэзии «унылого» последнего десятилетия XIX века в 1898 г. отмечает, как лирика (в контрасте с поэтическим оптимизмом «пушкинской эпохи») «отходит» в «теплоту чувствительного сердца»: «**Дети поколения, в котором болезненная чувствительность воспиталась на Фете, Алекс. Толстом и Апухтине, ... не смогут непосредственно чувствовать Пушкинский мир... речь кажется им условной**»³.

Во второй раз Апухтин появляется в ценной подборке другого болгарского исключительного читателя, критика, поэта и переводчика поэзии. В 1922 г. Гео Милев включает его стихотворение «Разлука» в свою «Антологию желтой розы. Лирику злосчастной любви»⁴, определяя поэта как позднего романтика.

Другой русский писатель – беллетрист Михаил Петрович Арцыбашев (1875–1927), переживает в Болгарии успех, который

² Кремен М. Романът на Яворов. Ч. I. София, 1970. С. 339.

³ Анненский И. Записная книжка (1898) // РГАЛИ. Ф.6. Оп.1. Ед.хр.14. Л.60. – Цит. по: Петрова Г. Творчество Иннокентия Анненского. Великий Новгород, 2002. С. 11.

⁴ См. последнее издание: Антология на жълтата роза. Лирика на злостастата любов. София, 2005. С. 76.

и маститые литераторы; учителя с амбициями критиков рассказывают о нем на уроках; прогрессивные гимназисты готовят доклады о «Санине»; в переписке эрудированных болгар с литературными интересами развивается арцыбашевская тема. Русский писатель вызывает бурные дискуссии между завсегдатаями литературных кафе и салонов. Каждый реагирует сообразно своей идеологии, политическому клубу или хотя бы литературному направлению.

Еще больше нам рассказали бы утраченные свидетельства индивидуальных прочтений Арцыбашева. Но и того, что известно, достаточно для того, чтобы утверждать, что его творчество иногда подталкивало к близким к патологической самоидентификации подражаниям и столичных писателей, которые видели в успехе Арцыбашева путь к лаврам скандальной литературной славы, и тихих провинциальных школьников, которые стыдливо прятали свои дневники и «лексиконы» с переписанными «пламенными» страницами из арцыбашевских романов. Популярность Арцыбашева в Болгарии значительно превосходит категории обычной моды и стандартные пункты ее социологического описания. Она принимает формы литературного мифа и культуры.

Как могла бы выглядеть попытка условной реконструкции этих литературных событий вековой давности?

В 1909 г. выходит болгарский перевод романа «Санин»⁶. В течение следующего десятилетия его переиздают еще два раза⁷. А русский оригинал распространяется в Болгарии сразу же, в то время как в России рукопись романа, законченного еще в 1902 г., лежит в разных редакциях, преодолевает многолетние цензурные препоны и в конце концов выходит в свет в литературно-научно-политическом ежемесячнике «Современный мир» с января по сентябрь 1907 г.

В г. Шумене в библиотеке читалища св. архангела Михаила (совр. название – «Добри Войников»), одного из самых богатых русской дореволюционной и эмигрантской научной, культурной и литературной периодикой, на оригинале до сих пор можно различить следы многочисленных прочтений. Такой вид чтения с устаревшей патетикой литературно-исторического рассказа можно было бы определить как «страстный» или по меньшей мере интенсивный.

⁶ Арцыбашев М. Санин. Роман / Прев. К. Т. (К.Т. Митишев). Тутракан, 1909.

⁷ Арцыбашев М. Санин. Роман / Прев. К. Т. Митишев. [2. изд.], София, 1919. – См. так же: Арцыбашев М. Санин. Роман / Прев. Валкира. София, 1927.

С а н и ъ.

РМАНЪ.

Только эти вышедъ я, что
 Бать содѣль чинилъ при-
 шель, а люди пустился во
 слонѣ помысли.

129

В. С. Соловьевъ

1.

То, самое важное въ жизни, время, когда педь илльнѣиомъ
 пернакъ столкновѣннй съ людьми и природою слагаетъ харак-
 теръ, Владимиръ Санинъ прожаль въ семьѣ. Никто не сдѣлать
 за нимъ, ничья рука не спула его и душа этого человека сло-
 жна въ свободнѣ и своеобразно, какъ дерево въ полѣ.

Онъ не былъ дома много лѣтъ, и когда прихалъ, мать и
 сестра Лида почти не узнали его чертами лица, голосомъ и ма-
 нерами онъ составилъ мало, но въ немъ сказывалось что-то но-
 вое, вѣзаконное, что сохранило внутри и обвѣннѣ лицо новизна
 выраженнѣмъ.

Прихалъ онъ въ вечеру и какъ спокойно вошелъ въ ком-
 нату, какъ будто вышелъ изъ нея пять минутъ тому назадъ. Въ
 его высокой свѣтловолосой и элечистой фигурѣ, съ своеобразны-
 мъ чуть-чуть, въ одѣвхъ только углавахъ губъ, наембшаннымъ
 вываженнѣмъ лица, не было замѣтно ни усталости, ни волненнѣ,
 и тѣ шумные восторги, съ которыми встрѣтили его мать и Лида,
 какъ тѣ тайнѣмъ работой улеглись.

Пока онъ былъ и ниль мал, сестра ея была противъ него и
 смотрала, не сводя глазъ. Она была влюблена въ брата, какъ мо-
 лоду вълюблены только въ отсутствующиыхъ братьевъ-молоду
 жаальтроннннн днручки. Лида всегда представляла себѣ
 брата человекомъ ослабѣннѣмъ, но особенннѣмъ именно тою осо-
 бенннннннн, которая съ по-уднѣю книгъ была создана ея само-
 бытннннннн, которая въ о-ужалн трагическую борбѣ, страданнѣ
 и одиночество поннннннн великаго духа.

СВЯТАЯ. 072

Подчеркивания в оригинальном издании, сделанные анонимным читателем более ста лет назад, являются настоящим подарком для историка литературы. Как и все виды пометок, они могут конкретизировать такие абстрактные исследовательские категории, как «исторические типы идентификации читателей», «стиль восприятия»,

«роли в литературной коммуникации» и т. д. Более того, речь идет о болгарском читателе начала XX в., который переживал особую познавательную, эмоциональную и этическую связь с литературой, значительно отличающейся от его отечественной. Со всеми необходимыми оговорками об условности таких обобщений, а также с документированным текстологическим подходом к такому паралитературному виду литературной жизни, такому ее специфическому институту, как гимназические литературные (поэтические и песенные) лексиконы того времени, можно утверждать, что этот читатель вступил в диалог непосредственно с литературными идеями. Он ожидал от них непосредственного нравственного и социального эффекта, подражал литературным героям с их фразами и позами или осуждал их, воспринимал язык художественной литературы как высокий образец в разных сферах нелитературного общения (письма, дневники, публицистика, ораторское искусство). Среди других симптомов вымирание такого вида читателей означает и обесмысливание одного важного вопроса, ответа на который преподаватели по литературе десятилетия требовали от своих учеников: «Почему я хочу быть, как герой ... романа ...?» – и он звучит всё более неуместно вместе с призывами вроде: «Будем писать и говорить языком и стилем наших классических писателей!»

Недвусмысленно «аффирмативные» подчеркивания читателей мы находим и на страницах оригинального издания «Санина» в «Современном мире» (собственность библиотеки шуменского читалища). Вот некоторые из отмеченных мест:

– Я знаю одно, – ответил Санин, – я живу и хочу, чтобы жизнь не была для меня мучением... Для этого надо прежде всего удовлетворять свои естественные желания... Желание это – все: когда в человеке умирают желания – умирает и его жизнь, а когда он убивает желания – убивает себя!

– Но желания могут быть злыми.

– Может быть.

– Тогда как?..

– Так же, – ласково ответил Санин и посмотрел в лицо Юрию светлыми немигающими глазами.

Эта мысль наполнила Юрия чувством гордости и чистоты, но только на мгновение, а в следующую минуту он опять вспомнил о чувстве, охватившем его при видении тысяч пронизанных солнцем, гибких и чистых девушек, и смутился в полном бессилии овладеть собою и справиться с хаосом чувств и мыслей...

«В сущности, – подумал он, – все женщины, каких я только знал, не могли бы меня удовлетворить на всю жизнь. Значит, то, что я называл настоящей любовью неосуществимо и мечтать о ней просто глупо!»...

«Целомудрие идеал, но человечество погибло бы при осуществлении этого идеала, – неожиданно пришло ему в голову, – значит, это нелепость. А... тогда и вся жизнь – нелепость!»⁸

Обостренное внимание именно к этим отрывкам, ключевым для «философии» романа, вероятнее всего, характеризует читателя-мужчину. Но, не утверждая с абсолютной уверенностью, можно усмотреть и следы предполагаемой «женской» читательской реакции-сочувствия и самоотождествления с одной из героинь «Санина», которая делится своим разочарованием в любви:

«Да, я несчастна, и все кончено!! ... Для меня это было так чудно, так хорошо, а для него старая привычная вещь... Потому-то он всегда избегал говорить о прошлом! Оттого мне казалось, что все время у него лицо такое, будто он что-то думает... А я-то!.. Как стыдно, как гадко... Никогда, никогда я уже не буду никого любить!»⁹

Как в России, так и в Болгарии, а также во многих других странах (даже в Японии) многие отвергают роман с морализаторским возмущением, при чем отдельного анализа заслуживает словарь оценок: «нечистоплотная эротомания», «разгул порнографии», «восхваление порока», «пропаганда беспорядочной половой жизни», «циничная проповедь извращенной половой чувственности», «глумление над идеальным началом в человеке», «зоологический эгоизм», «разнузданный аморализм», «апология звериной похоти» и т. д.

Однако, другие восхваляют «Санина» посредством схожего по богатству и патетичной «температуре» словаря как «до сих пор ни с чем не сравнимое художественное воплощение всевластной эротической стихии»; хвалят Арцыбашева как писателя, достигшего «откровенности и яркой правдивости в изображении могущественной силы инстинкта», автора произведения, ставшего «восторженной реабилитацией языческого зова плоти», которая сметает подавляющую нравственную догматику христианства, филистерскую фальшь и моральные предрассудки. Комментарии о главном герое и его «философии жизни» также варьируют от апофеоза Владимира Санина как «воплощения мечты о целостном, сильном и красивом человеке» до гневной тирады «смешной, жалкий, глупый, пошлый, безмозглый провинциальный развратник».

⁸ Арцыбашев М. Санин (Роман) // Современный мир. Г. II. Февраль, 1907. С. 31, 49.

⁹ Там же. С. 51.

Немецкий перевод романа потрясает литературную общественность Германии. Дело доходит до судебного процесса, при чем дело-производство ведется одновременно и в Берлине, и в Мюнхене. Согласно вынесенному приговору, «Санин» запрещают и конфискуют. Однако после масштабной гражданской и коллегиальной защиты, которую оказывает произведению Арцыбашева группа задействованных в процессе экспертов из немецких писателей, роман юридически оправдывают и художественно реабилитируют¹⁰. В другом культурно-историческом контексте, несмотря на иные позиции имен писателей и названий произведений в иерархиях и «канонах», можно сказать, что «Санин» стоит наравне с «самыми скандальными» литературными произведениями нового времени, по которым также велось судебное разбирательство – «Цветами зла» Ш.Бодлера или «Любовником леди Чаттерлей» Д.Г. Лоренса.

Сегодня, сто лет спустя, естественно задаться вопросом, чем «Санин» так шокировал Россию, Болгарию и Европу того времени? Самая дерзкая сцена (сексуальный акт в лодке) на самом деле – описан не прямо, а намеками. Самый дерзкий намек в романе – о возможной интимной связи между братом и сестрой, если даже не вспоминать об инцестуальных сюжетах в любой мифологии, – известная тема новой европейской литературы, по крайней мере по деталям биографии Байрона и по «забавной» идее Шелли (по его собственным словам) включить в свой гарем, кроме любовниц, и сестер. Если ограничиться только великими писательскими именами и только одним годом хронологии современной эротики, то нужно вспомнить, что в том же 1907 г., что и «Санин», в Париже выходит беллетристическое произведение, по сравнению с которым «Санин» выглядит суховатой проповедью аскетизма. Речь идет о *«Les Onze mille verges ou les Amours d'un Hospodar»*. Однако из-за двусмысленности, которую вызывает слово *verge* и коннотаций, которые во французской стилистике содержит славянское слово *gospodar* ‘господин’, на другие языки его переводят несколько иным образом: «Одиннадцать тысяч плетей». Произведение выходит анонимно, но его автор – сюрреалист Гийом Аполлинер. До 1953 г., а на практике – до первого критического издания 1963 г. «только для взрослых!» (произведение

¹⁰ Судьба «Санина» в Германии. Постановление суда касательно конфискации и снятия ареста с романа «Санин». Санкт-Петербург, 1909. – См.: Прокопов Т. Жизни и смерти Михаила Арцыбашева // Арцыбашев М.П. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., 1994.

увидит свет большим тиражом только десятью годами позже) – «плетни» запрещены в самой «фривольной» Франции. При появлении книги критики оценивают ее как переполненную «сцен педерастики, сафизма, некрофилии, скотомании и содомии, которые сочетаются самым гармоническим образом и из этого разгула непристойности вдруг рождается скрытая, таинственная поэзия»¹¹.

Возможно, самое серьезное публичное обсуждение такой деликатной темы секса как секс в общественной и литературной Софии начала XX в. было порождено литературным скандалом, вызванным с появлением «Санина». Условно, оно являет собой пик в эскалации споров об «эротическом и литературном» в болгарской литературе и публицистике (верный знак эмансипаторских либеральных умонастроений в духе сильно эротизированной европейской «бель эпок»). Как мы увидим, «Санин», среди прочего, дает повод заявить о себе той группе болгарского общества («богема», «жеманфишисты», «гедонисты», «эротоманы»), которая через свой «эпатирующий» восторг романом легитимизирует свой стиль жизни и свою социальную ситуацию среди ограничительных моральных конвенций общества.

Газетные отзывы конца XIX – начала XX века, вызванные «эпидемическим» открытием публичных домов в Софии и крупнейших провинциальных городах¹², определяют тот тип людей, которые, если верить литературным мемуаристам, были и среди самых преданных

¹¹ Jean R. Lectures du désir. Paris, 1977. P. 139–141.

¹² Известно, что репутация Шумена как «города порока» и «нездорового увлечения западными модными образцами» возникает еще во время Возрождения, прежде всего благодаря образу жизни венгерских и польских эмигрантов после 1848 г., большому турецкому гарнизону, присутствию французских специалистов по железнодорожному транспорту и прочим местным особенностям, которые увековечены в «Глохопонятой цивилизации». Например, в непосредственной близости к шуменскому публичному дому, одному из первых, открытому в 1893 г., «с соблюдением всех правовых, полицейских и медицинских предписаний», был и магазинчик, который если не по ассортименту, то по функциям полностью соответствовал современному «секс-шопам». Гораздо позже вокруг него разгорелся и уголовный процесс по делу о порнографии, в разряд которой попал распространенный «актовый» снимок самой уважаемой проститутки. Этот публичный дом был формально закрыт 9 июня 1926 г. по решению городских властей, которое сопровождалось в местной печати комментариями в моралистском духе. (Я весьма обязан материалам радиожурналистки Юлии Христовой, которая обобщает интересные данные и «сюжеты» из Шуменского архива.)

читателей «Санина». Возмущенное описание станимакского публичного дома в местной газете 1908 г., например, заканчивается следующим коллективным бытовым и социологическим портретом: «...и самое жалкое в этом случае то обстоятельство, что это заведение деморализации и разврата, где бесстыдно подвизаются публичные и пьяные женщины, регулярно посещает цвет станимакской интеллигенции, включая врачей, учителей, торговцев, чиновников, которые находят там для себя обильное удовольствие и духовную пищу. И в то же время невинные молодые детишки, школьники и молодежь целой толпой собираются около небезызвестного “Чинара” и получают воспитание по примеру своих учителей, братьев и отцов»¹³.

Начиная с «Трепета» К. Христова в литературе начинают накаляться критические, моралистские и политические страсти. Poleмику в таком духе в 1896–98 гг. ведут д-р К. Крыстев¹⁴, А. Страшимиров¹⁵, Д. Благоев¹⁶ и др., а атмосферу дискуссии очень увлекательно проанализировал А. Бенбасат¹⁷.

Б. Пенев обобщает главные тенденции того времени: «Эротика, наводнившая западноевропейские и славянские литературы – вопреки усилиям отдельных писателей пересадить ее на свою национальную почву, остается всё же чем-то несвойственным болгарскому характеру и болгарской поэзии... В романе «Темные зори» Кирил Христов пытается раскрыть существенные стороны психологии эротического, ставит задачи, превосходящие его силы – и всё, что он в состоянии нам дать, это циничный реализм в самой неприятной форме – и больше ничего»¹⁸.

В этой констатации Б. Пенев возводит во главу угла «славянский» контекст. В наши дни, в представлении большинства культурных болгар, «славянское» – почти потерянное сравнительное пространство болгарской литературы и культуры (в пользу, например,

¹³ Народно дело (Станимака). Бр. 11. 1908.

¹⁴ *Кръстев К.* Песни и въздишки. Сборка от К. Христов // Мисъл. VI. 1896. Кн. 5. С. 420–422.

¹⁵ *Кънчев К.* (А. Страшимиров). Стихотворна триада (Бегла бележка) // Праг. Г. I. 1898. Кн. 1. С. 19.

¹⁶ *Благоев Д.* Из живота и литературата // Ново време. Г. II. 1899. Кн. 6. С. 616.

¹⁷ См. подробно: *Бенбасат А.* Эротиката у Кирил Христов. София, 1995.

¹⁸ *Пенев Б.* Основни чърти на днешната ни литература (1921). – Цит. по: *Пенев Б.* Студии, статии, есета. София, 1985. С. 235.

«Балканского» и «европейского»). Однако от идиллической «Славянской беседы» до меркантильной патетики Бай Ганю «Разве мы не славяне?» усматривается актуальность и значение «славянского» как интегральной категории, которая на рубеже веков включает «болгарское» в наднациональный культурный круг. Осмысляя и болгарскую литературную эротику в славянском контексте, в качестве «главного», но крайне сомнительного результата Б. Пенев указывает лихорадочные попытки Кирилла Христова создать модернистскую болгарскую эротическую беллетристику. (Между прочим, привлекают внимание неслучайные межтекстовые схождения в фонетике, ритмике и смысле между «Темными зорями» («*Тъмни зори*») Кирилла Христова и «Тенями утра» Арцыбашева.)

Однако настоящая атака на Арцыбашева предпринимается с Парнаса болгарской литературы – самим «патриархом» Иваном Вазовым.

7 июня 1910 г. он обращается в печати к болгарским читателям с драматическим и тревожным обращением «Скорбное явление». Причиной возмущения народного поэта стали результаты литературной анкеты. Она вновь определяет культурные границы «славянства»; (показательно, что в это же время и в Польше самые авторитетные авторы высказывают свои мнения о порнографии также в литературной анкете¹⁹). Сказанное Вазовым дает интересное свидетельство об «исторических менталитетах» и стратификации болгарской литературной публики:

«В одном из прошлых номеров “Дня” мы вспоминали, что в большей части мнений о лучших славянских писателях, которые “Балканская трибуна” печатает в своей литературной “анкете”, польский писатель Пшибышевский указывается наравне с Толстым. Как известно, в основном в этой анкете принимают участие школьники и школьницы. Нужно прибавить, что их симпатии радуется еще один писатель – Арцыбашев. Тот, кто хотел бы попытаться разгадать причину такого нежного отношения нашей учащейся молодежи к Пшибышевскому и Арцыбашеву, легко найдет ответ, если мы укажем, что оба эти писателя третируют в основном “проблему пола” и разрешают ее крайне возмутительным образом. Так, Арцыбашев в своем романе “Санин” рекомендует “чувственную”

¹⁹ См.: *Burdziej B.* Prus, Orzeszkowa i inni o pornografii. Zapomniane wypowiedzi w ankiecie łwówskiej Sodaliji akademickiej z 1909 roku // *Pamiętnik Literacki*. R. LXXV. 1984. Z. 1. S. 263–281.

любовь между братом и сестрой; также и Шибишевский занимается в основном эротикой и, подобно Арцыбашеву, поддерживает законность любовной связи братьев и сестер. И эти умственно извращенные и умственно нездоровые, хотя и талантливые писатели, очаровывают нашу молодежь, вызывают ее восторг, молодые люди с болезненной жадностью расхватывают и читают их. В русской, польской и чешской литературе есть много более талантливых писателей и поэтов, Сенкевич, Врыхлицкий, Короленко и другие, но ими пренебрегают, хотя в своих высокохудожественных произведениях они дают душам пищу здоровую и облагораживающую!

Печальные размышления вызывает у нас это явление, печальные мысли овладевают нами, когда мы задумываемся о психике нашей учащейся молодежи. Куда мы движемся? **Какие граждане воспитываются на поглощении этих скверностей, подписанных Арцыбашевым и Шибишевским?** Не пришло ли время печати, критике и школе реагировать на это зло, шельмуя подобающим образом такую мерзкую литературу, призванную убить всякое чистое и человеческое чувство в молодых, восприимчивых душах? Здоровая критика в России с негодованием отвергает Арцыбашева, Шибишевского в Польше считают выродившимся, полупомешанным человеком – сам граф Толстой в беседе с корреспондентом одной английской газеты называет последнего “талантом, выросшим на помоях”, а наша молодежь его возвеличивает и возводит на одну высоту с Толстым! ... Не было бы лучше, если бы “Балканская трибуна” прекратила печатать эту несчастную анкету, то есть, не выносить на люди этот позор, это духовное растрепание нашей молодежи, из-за которого нам следует краснеть.

Впрочем, я оставляю этот вопрос открытым. Пусть он занимает умы компетентных организаций»²⁰.

Однако другой оценочный акцент к вазовской антитезе «Толстой-Арцыбашев» придает заметка в дневниках самого Толстого (1910 г.):

«...у Арцыбашева работает – и самобытно – мысль, чего нет ни у Горького, ни у Андреева... Простой талант без содержания у Куприна; у Арцыбашева и талант, и содержание»²¹; «этот человек очень талантливый и самобытно мыслящий, хотя великая самоуверенность мешает правильной работе мыслей»²².

²⁰ Вазов И. Едно скръбно явление // Вазов И. Събрани съчинения. Т. XX. София, 1979. С. 388–389.

²¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 57. М., 1952. С. 20.

²² Там же. Т. 79. 1955. С. 60.

За реакцией Вазова последовали схожие по тону и дискурсу критические комментарии. Эту параллель дополняют и «метатекстуальные» (как определяет такой тип межтекстовых связей Ж. Жене) диалоги героев беллетристики. В рассказе «Неизвестный» (1920 г.) Г. Райчева (исследователи которого утверждают, что в его случае «нетрудно почувствовать влияние ... Пшибышевского и диаволиков»²³) один из героев указывает и этажерку. На ней стоят книги «того сумасшедшего скандинава Стриндберга, и пьяного героя вертепов Эдгара По, и еще масса неуравновешенных безумцев, которые хотят уверить нас в том, что действительность недействительна...». Собеседник отвечает ему почти вазовскими словами: «Может быть, эти люди и гениальны, но в таком случае они – гениальные безумцы, и я не понимаю, почему общество должно их терпеть, даже благодарить их, когда они своими большими нервами заражают и отравляют его душу»²⁴.

Если до «Санина» болгарской литературной критике приходилось оправдывать смелые достоинства восклицания «Женщин и вина! Вина и женщин!» и уже «предельную» для традиционного вкуса метафору Кирилла Христова «мрамор тела твоего»²⁵, то кажется, что в романе Арцыбашева скрывается крайнее для нравов эпохи расшатывание конвенциональной границы эротики, которой во все времена и во всех нормах обычного права (особенно для доисторических) был инцест.

Болгарский триумф М.П. Арцыбашева с его «Саниным» – тема, особенно благодатная с точки зрения литературной социологии. История показывает, как писатель, его биография и прочтение его книг вытесняются мифологизацией литературного стереотипа его имени²⁶.

²³ Райчев Г. Избрани творби. София, 1982. С. 615, 622. – Г. Райчев также является автором романа, опубликованного только в отрывках, в котором подражание Ницше /«Ессе homo»/ и Пшибышевскому /«De profundis»/ начинается с заглавия: «Ессе homo». Книга за онези, които умираат. Непубликуван роман, завършен на 21 юни 1915 г. («Ессе homo». Книга для тех, кто умирает. Непубликуван роман, оконченый 21 юния 1915 г.)

²⁴ Там же. С. 82–83.

²⁵ Бенбасат А. Указ. соч. С. 57–58.

²⁶ Mitosek Z. Literatura i stereotypy. Warszawa, 1976; Hinton P.R. Stereotypes, Social Cognition and Culture. Routledge, 2000. – Случай с романом «Санин» анализируется и в моей книге «Социология на литературата, език и политика» (София, 2001. С. 64–69); уже достаточно богатая болгарская научная литература по стереотипам сосредоточена исключительно на их этно-религиозном «имагологическом» генезисе и функциях.

Сначала такой стереотип создается в России: «В 1907–1908 гг. Санин затмил Арцыбашева, казалось, будто не Арцыбашев написал Санина, а Санин – Арцыбашева, что Санин сотворил автора по своему образу и подобию», – пишет русский литератор – современник явления²⁷.

М. Кремен вновь вспоминает страсти вокруг романа и анкеты: «Эта анкета установила и неосведомленность большинства читателей, как и их искривленный вкус: некоторые восхваляли Толстого наравне с Шибышевским, а другие считали, что Арцыбашев – величайший русский писатель ... И поэтому неудивительно, что один учитель-словесник, позже литературный критик, написал в анкете следующие скупые, но знаменательные строки: «Среди современных русских писателей я могу указать единственного, кто изобразил современную действительность, чьи негативные и позитивные качества сосредоточены в такой личности, как Санин – это Арцыбашев. А среди болгарских писателей нет ни одного такого». Для него в России нет других, кто бы изобразил современную действительность, кроме Арцыбашева, а в Болгарии нет «ни одного» значительного писателя. Болгарские писатели Вазов, Яворов, Пенчо Славейков и русский писатель Л.Н. Толстой его не интересовали. Его интересовал только Арцыбашев со своим Саниним – героем половой распущенности, животного в человеке, с проповедью уничтожения морали, чувства долга, любви к ближнему»²⁸.

В этих свидетельствах, с одной стороны, можно обнаружить «социолект» «жеманфишизма»: через знаки социального поведения он демонстрируется как «мне плевать на общественное мнение», а в литературе он получает выражение «мне плевать на всех в славянской, русской и болгарской литературе, кроме Арцыбашева и “Санина”». С другой стороны, механизмы общественного мнения, услышанного и сказанного, что предопределяет широкий социальный охват литературной рецепции. М.П. Арцыбашев и его герой превращаются в литературные стереотипы – синонимы «чего-то аморального, чего-то неслыханно скандального». Благодаря общественному отзвуку возмущения Вазова, эти стереотипы были внушены не только большинству тех, кто не читал «Санина». Их воспринимают и читатели, обладающие литературной компетенцией, которая позволяет им верно оценить, что сама эротика, как чувственная стилистическая

²⁷ Львов-Рогачевский В. Снова накануне. М., 1913. С. 29.

²⁸ Кремен М. Указ. соч. С. 265–266.

атмосфера, прямые описания и способы вуалирования в скандальном русском романе, не более дерзки, чем похожие страницы у Ги де Мопассана, Э. Золя или С. Жеромского.

Однако на положения Вазова и стереотип, который многие воспроизводят, в Болгарии на протяжении десятилетий после 1944 г. наслаивается и другой. «Санина» и его автора постигает еще более немилосердный – политический приговор. Он остается в силе до конца 80-х гг. XX в. и его можно найти в любом советском²⁹ или болгарском³⁰ университетском учебнике, который содержит обзор русской беллетристики начала века. Если сравнивать с политической анафемой, морализаторское несогласие с *«хищнической чувственностью»* Санина сепаратистского начала века – лишь естественные общественные конфликты вкусов, воспитания, лицемерия, капризов, читательских и критических поз в культуре, свободной от официального идеологического диктата и контроля.

Тем не менее, в докладе, который М. Горький прочитал в августе 1934 г. на первом съезде советских писателей (который, как оказалось, окончательно тоталитаризировал советскую литературную жизнь), уже мертвый М. Арцыбашев и герой прославившего его романа выбраны как главная и основная иллюстрация при разборе и разгроме всего *«отвратительного и позорного в русской литературе предреволюционного десятилетия»*³¹. Горький просто развивает критический обзор того десятилетия, сделанный И.В. Сталиным (и не с полемической ли целью одним из его ранних псевдонимов стало имя Салин), который в своем характерном катехетически-перечисляющем стиле, очевидно, преследуемый призраком Арцыбашева, описывает писательские и интеллигентские настроения 1907 г.: *«Увлекались санинством, занимались декаденсом...»*³².

Разгромные слова, которые М. Горький обрушивает с трибуны на Санина, *«козла в брюках»*, вне всякого сомнения, вызваны отнюдь не тенденциозно несдержанным (но всё же закрытым в рамках частной жизни) эротизмом вымышленного романного героя. Он превращен в литературный тезис с провоцирующими нравственными

²⁹ См., например: *Смирнова Л.* Проблемы реализма в русской прозе начала XX века. М., 1977.

³⁰ *Русакиев С.* Руска литература. Дооктомвриски период (1890–1917). София, 1976.

³¹ *Горький М.* О литературе. М., 1980. С. 448.

³² *Сталин И.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 229.

акцентами – это, скорее «риторический» эротизм, если его сопоставить с другими произведениями из русской литературы того времени, озаглавленными как «Гимн сифлису» и «Изнасилование трупа», с демонстративными («пуналуальными») и гомосексуальными практиками некоторых известнейших русских декадентов, символистов и футуристов, с тем фактом, что Л.Н. Толстой не хочет предупредить своих любовниц о своем венерическом заболевании, или даже с привычкой Горького посещать за границей публичные дома.

Следует добавить, что Горький, хотя и полемизирует с «антиреволюционностью» Арцыбашева еще в своей статье-манифесте «Разрушение личности» (1909 г.) и называет Санина «смешным и глупым»³³, тем не менее долгое время после идейного разрыва и разрыва в отношениях продолжает ценить его автора как своего коллегу и «бывшего друга» и даже в 1927 г. (добавим, что это самый либеральный год сталинской власти, во всяком случае в том, что касается культуры) после смерти Арцыбашева он пишет, что тот еще не оценен по достоинству³⁴. Горький защищает Арцыбашева в судебном процессе, в 1917 г. намеревается включить «Санина» в свою «Историю разночинства», крайне тенденциозно заставляет некоторых из героев «Жизни Клима Самгина» читать Санина и полемизировать с идеями его создателя репликами вроде: «Арцыбашев вовремя указал выход неиспользованной энергии молодежи. ... Санин его, разумеется, будет кумиром...»³⁵

Синхронно установлению режима сталинской власти, чью «историческую закономерность» Горький всё же начинает усердно иллюстрировать (хотя и не без некоторых внутренних колебаний и дилемм), он создает свою гигант/оман/скую «эпопею á la “Война и мир”» о Климе Самгине, «количественно» конкурируя с Толстым. То есть – с высочайшим образцом «старой» русской классики, которую Ленин отечески указывает для «использования» соцреалистической доктриной. С другой стороны, с близкой к навязчивости идейфикс Горький везде, с поводом и без повода полемизирует с Арцыбашевым и с тем, что он олицетворяет в русской литературе. Интертекстуальные связи заметны и в фонетическом уподоблении, точнее – в незначительной разнице между именами двух главных героев – Санин ↔ Самгин.

³³ Горький М. Разрушение личности. Цит. по: http://home.sinn.ru/~gorky/TEXTS/OCHST/PRIM/dstr_pr.htm

³⁴ Литературное наследство. Т. 72. М., 1968. С. 463.

³⁵ Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 3. М., 1969. С. 13.

Причиной полной цензуры на произведения Арцыбашева и того, что он остается заклеянным, запрещенным и забытым до самого конца советской эпохи, стало не только то обстоятельство, что писатель был среди первых и наиболее ярких противников режима большевиков. (Некоторые писатели из числа активных белоэмигрантов реабилитированы как писатели и переизданы еще во времена Хрущева, а некоторые, в том числе и с графскими титулами, совершив подобающее покаяние перед Сталиным и приняв на себя пропагандистские обязательства, возвращаются в СССР еще в 30-е гг. и даже пользуются высшими номенклатурными привилегиями.)

Арцыбашев с первых и до последних страниц своего творчества отрицает социалистические идеи как беллетрист, публицист и драматург. Он отрицает их полностью, до конца, без частичных компромиссов с гуманитарным фасадом их идеологии, и это происходит в годы, когда такие идеи для многих идеалистических умов были всё еще живой, манящей, романтической и вдохновляющей на сострадание и самопожертвование верой. Нечто всё еще редкое для России – радикальное несогласие с социализмом – Арцыбашев выражает не с позиций ультраконсервативной ретроградности Синода и его оберпрокуроров, элитарного дендистского снобизма или «самодержавно-охранительных» монархических сил. Нетерпимость писателя к социалистической идеологии не звучит ни как церковная анафема, ни с неуверенным тоном общественно изолированной, но гражданско-интеллектуально достойной русской либерально-демократической мысли той эпохи, хотя именно «приторный либерализм» – самое сдержанное обвинение в богатом советском словаре инвективы, которая обрушивалась на рассказы Арцыбашева. Он протестует против черносотенного террора 1906 г. и оказывается в первых рядах противников смертной казни в России. Писатель, который определяет сам себя как «не левый, не правый, не монархист, не республиканец»³⁶, видит в насильственной коллективистской утопии всеобщего равенства угрозу биологическому, психологическому и культурному выживанию человека; абсолютное зло, прикрытое за обманчивым фасадом слов, который ограниченные доктринеры и бездушные диктаторы возводят перед обычной человеческой радостью и чувственным наслаждением жизнью. Зинаида Гиппиус обнаруживает этот радикализм одиночки между «черными» и «красными» русскими бесами

³⁶ Цит. по: Прокопов Т. Указ. соч. С. 31.

в портрете писателя: «Да, Арцыбашев “единственный” из писателей. Если и есть у других такая же беспримесная, чистая ненависть к убийцам России, такая же готовность на всякую борьбу, на всякую жертву ради воскресения родины, – эти чувства – увы! – слишком часто соединяются с тоской о России прошлой, невозвратимой и ненужной; но Арцыбашев, при всей кристальной непримиримости своей к большевикам, хочет России не старой, а новой, не рабской, но свободной. Большевики для него не только убийцы тела: они повинны в грехе, какой “не прощается ни в сем веке, ни в будущем”: они – хулители и гонители Духа Божьего, в человеке проявляющагося: Духа свободы, красоты, творчества, истины и любви...»³⁷

Бежав из советской России, Арцыбашев показательно выбирает местом своего изгнания не традиционный интеллигентский, аристократический и меланхолический русский Париж эмигрантской ностальгии. Он получает польское гражданство и остается в Варшаве, которая официально находится в состоянии войны с режимом большевиков.

Там Арцыбашев вместе с другим русским писателем – Б. Савинковым, автором «Коня бледного», неустанно обличает советскую власть перед европейским общественным мнением. В первых документальных изданиях он свидетельствует об итогах красного террора³⁸ и пишет с исповедальной горечью в «Записках писателя», что он, русский писатель, который любит свою родину искренне и просто, так, как любят родную мать, считал своим долгом не оставлять ее в годы тяжелых бедствий. Поэтому в продолжение шести лет он оставался в России и видел своими глазами то, что там происходило, и покинул ее не из страха перед большевиками или в поисках лучшей доли, а чтобы бороться за нее, чтобы освободить русский народ от рабства или самому не быть рабом³⁹.

Часть его политической публицистики сразу же переводится в Болгарии, а образованная и активная часть многотысячной общности русских эмигрантов Болгарии популяризирует ее в своих периодических изданиях⁴⁰. Эмигрантская активность Арцыбашева и Савинкова не исчерпывается только политической дискуссией в их газете «За свободу». Писатели задумывают практическую операцию

³⁷ Гиппиус З. По Арцыбашеву // За Свободу! (Варшава), 1925. № 108.

³⁸ Мельгунов С. Красный террор в России 1918–1923. Берлин, 1923.

³⁹ Арцыбашев М. Записки писателя. Варшава, 1927. С. 3.

⁴⁰ Арцыбашев М. За опознаване на Съветска Русия: Какво нещо е съветската власт на работниците и селяните? София, 1923.

против большевизма и советской власти, которая сразу указывает их среди своих «злейших врагов». Им находят место в мифической сакрализованной официальной апологии разгрома всех реальных и мнимых угроз для СССР. В марте 1927 г. «Огонек» в ликующем некрологе сообщает о смерти писателя и издевается над его памятью. Очень характерно, что ключевое понятие «послесталинской оттепели» – «культ личности» – появляется в самой каноничной книге сталинизма «История ВКП (б)» в 1938 г., когда сталинизм достигает своего расцвета, но не в ницшеанском ореоле вокруг Сверхчеловека, сколько как групповая аллюзия на групповое олицетворение арцыбашевского писательского типа, которому сам Сталин посвятил комментарий: «Появилась целая орава модных писателей, которые “критиковали” и “разносили” марксизм, оплевывали революцию, издевались над ней, воспевали предательство, воспевали половой разврат под видом “культа личности”»⁴¹. В изданной в разгар перестройки литературной энциклопедии, кроме аналитического лаконизма, согласно которому «в “неонатуралистической” прозе Арцыбашева ... внешний антимеритократический критицизм опирался на апологию “освобождения” человека от всех норм общественного бытия», коротко отмечается, что писатель «после 1917 г. эмигрировал, занял крайне антисоветскую позицию»⁴².

Эта точка зрения становится «единственно правильной» и в Болгарии после 1944 г. Однако, ясные следы тайного альтернативного политического прочтения Арцыбашева того времени, когда уже нельзя свободно спорить ни о литературе, ни о политике, мы находим в дневнике Чудомира. Так, почти через полвека после страстей вокруг «Санина», цитата из арцыбашевского романа вновь появляется на страницах тайного дневника. Но в этот раз дневник принадлежит не витающему в облаках гимназисту, чье воображение терзают «тайны желаний», «порывы плоти», «стихии пола», «магия влечения», «власть обладать» и «страсть отдаваться»... Пишет и прячет дневник, который сам по себе является впечатляющим литературным произведением и в то же время личным документом, известный писатель, онемевший перед лицом насилия, повсеместным страхом, общественной деморализацией, тоталитарным диктатом над культурой, экономическими провалами, повседневными бюрократическими

⁴¹ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 96–97.

⁴² Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 354, 547.

и бытовыми абсурдами в беспросветно сталинизированной Болгарии. Так, 3 мая 1951 г., «казанлыкский шутник», «сладкословный рассказчик» и «самый веселый из болгар», Чудомир, с пессимизмом и горечью ищет причины всего перечисленного в «У последней черты». Между прочим, это роман, который охранительная советская критика десятилетиями громит как «самое антисоциалистическое произведение» М.П. Арцыбашева.

Безо всяких комментариев Чудомир дословно переписывает в дневник следующий длинный фрагмент романа: «Я говорю о том, что раз и навсегда надо понять, что ни революция, ни какие бы то ни было формы правления, ни капитализм, ни пролетариат, ничто не даст счастья человечеству, обреченному на вечные страдания. Что нам в вашем социальном строе, если смерть стоит у каждого за плечами, если мы уходим во тьму, если люди, дорогие нам, умирают, если все, что бы ни делали мы, носит в себе вечные задатки страдания и неудовлетворенности? Не будем говорить о смерти, в конце концов, можно смотреть ей прямо в глаза... Возьмем самую жизнь: вы можете свести к одному уровню состояние, вы не сведете на одну линию бесконечное разнообразие стремлений, характеров и случайностей... Эликсир бессмертия уничтожится камнем, разможжившим вам голову, равенство погибнет в муках недостижимых желаний... Если вы уравниваете людей в богатстве, правах и удовольствиях, вы не сравните глупцов с мудрецами, красивых с некрасивыми, больных с сильными... Кто не имеет любви, тот страдает о ней и мечтает, как о величайшем счастье, чтобы его полюбила и приласкала хоть одна женщина, кто имеет одну жену, тот погибнет в однообразии, кто будет иметь сотни женщин, тот начнет тосковать о единой страсти... Так и во всем, человек не удовлетворится ни единым положением, и самое бессмертие представляется ему невыносимо скучным... Сегодня бессмертен, завтра бессмертен... он будет молить о смерти!»⁴³

Поведение болгарских литературных героев и ряд автобиографических писательских ретроспектив долгое время придают «арцыбашевщине» важность и силу настоящей общественной и культурной

⁴³ Чудомир. Дневник (1947–1967). Варна: LiterNet, 2004. – Цит по: <http://litenet.bg/publish2/chudomir/dnevnik/1951.htm>. Чудомир не отмечает издания, по которому он цитирует, во всяком случае заглавие болгарского перевода «У последней черты» выглядит так: До крайния предел. Роман. Ч. 1–2, Прев. от рус. Иван Я. Сакъзов. С крит. бележки за Арцибашев от П. Кохан. София, 1919–1921.

тенденции первой четверти XX в. Особенно интересно то, что М.П. Арцыбашев и С. Пшибышевский обязательно упоминаются вместе в сравнительном критическом прочтении и массовых читательских ожиданиях в качестве литературных «близнецов» с похожим литературным почерком и социальным образотворчеством, что само по себе очень редко. По содержанию это отличается от других стереотипных двунациональных писательских образов, например, *Х. Ботев – Ш. Петефи*, а также и от популярных литературных мотонимий вроде «русского Байрона».

При большом количестве существенных различий между Арцыбашевым и Пшибышевским, очевидно, для их восприятия в Болгарии как двойников, самым существенным оказался «половой вопрос». Социология параллельного прочтения и возникшего общего стереотипа не оставляет места для более объективного сравнительного анализа; как кажется, неразделимая пара «Арцыбашев – Пшибышевский» существует как таковая только для болгарского преподавателя литературы, читателя и критика. В софийском литературном журнале «Хора»/«Люди», небольшом по объему, но с серьезными амбициями, выходившем до 20-х гг. XX в., в 1922–1923 гг. рассказы и повести этих двух писателей помещались параллельно и рекламировались вместе. В следующие годы в уже затихающей критической и литературно-исторической ретроспекции Арцыбашева причисляют к «натурализму», а Пшибышевского – к «законодателям символизма». Впрочем, огромную часть его творчества, в качестве иллюстрации к горькой правде о «преходящей мирской славе» – не считая нескольких «поэм в прозе», классическая «История польской литературы» Ю. Кшижановского определяет как «принадлежащую музейному складу, куда будет обращаться только исследователь отживших литературных явлений»⁴⁴.

Целостных сравнительных исследователей творчества этих двух писателей в польской и русской литературной компаративистике нет. Это, очевидно, проистекает не из апокалиптически провозглашенного (при малой вероятности того, что обладающий здравым рассудком будет сравнивать его именно с апокалипсисом) «мирового кризиса сравнительного литературоведения». Это отсутствие не есть и следствие из всё еще напряженного характера русско-польских культурных и политических отношений (к счастью, эта тема не является

⁴⁴ Krzyżanowski J. Dzieje literatury polskiej. Warszawa, 1979. S. 481.

конфликтной, по крайней мере для диалога польских и русских литературоведов); в 1975 г. в Польше публикуется одно из его произведений⁴⁵, а для польской русистики он – издавна исследованный автор не только по причине того, что он сын польки⁴⁶, но и потому, что он участвует в литературной жизни Варшавы, будучи ее жителем. В 1925 г. Арцыбашев ведет знаменательную литературную полемику со сродным себе по стилю и тематике (в «Истории греха», которая писалась одновременно с Саниным) Стефаном Жеромским. Для Жеромского Пушкин, среди всего прочего, еще и «порнографический писатель»⁴⁷. Дополнительную параллель к спору добавляет и гипертрофированный эротизм самого Жеромского. В его юношеских дневниках современные исследователи находят и литературно аранжированную как страстные молитвенные диалоги с воображаемой женщиной онанистическую экзальтацию⁴⁸. Наконец, возможно, что и политическая активность Жеромского – убежденного социалиста – внесла и дополнительное напряжение в дискуссию двух писателей.

Дело в том, что польская и русская литературоведческие школы исследуют Арцыбашева и Пшибышевского в контексте разных художественных тенденций и стилей, в то время как болгарская воспринимает их вместе, может быть под влиянием массового литературного мнения, а может и из-за неумения скорректировать это мнение путем аналитического прочтения.

«Особенно широкое распространение среди молодежи имели романы польского писателя Станислава Пшибышевского, которые портили вкус и развращали читателей с неокрепшей критической мыслью. Арнаудов начал борьбу с влиянием этого автора, развивая вкус к классической литературе. Он достиг такого влияния на модную упадническую литературу, что упоминание

⁴⁵ *Arcybaszew M.* Bajka starego prokuratora // *Opowieści niesamowite: Groza i niesamowitość w prozie rosyjskiej XIX i początku XX w.* Warszawa, 1975.

⁴⁶ *Skrunda W.* Michał Arcybaszew o utraconych złudzeniach Fausta («Diabeł», tragifarsa wierszem) // *Studia Rossica III. Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia.* Warszawa, 1996. S. 57–65.

⁴⁷ *Żeromski S.* W odpowiedzi Arcybaszewowi i innym // *Echo Warszawskie.* 1925. Nr. 56. Вся эта полемика издана целиком В. Боровым сразу после смерти полемистов в одном томе с произведениями Жеромского «Элегии» (Warszawa, 1928).

⁴⁸ См.: *Borkowska G.* «Dzienniki» Żeromskiego jako źródło erotyczne // *Teksty Drugie.* № 3(9). 1991. S. 110–116.

Пшибышевского одним из студентов вызывало насмешки со стороны его однокурсников»⁴⁹.

Невозможно оценить, насколько успешной была борьба М. Арнаудова против «литературы упадка». Но влиянием арцыбашевского «Санина» и «Синагоги Сатаны» Пшибышевского объясняют как самые разные явления в литературном выражении на болгарском языке «половой сферы», так и свои юношеские восторги многие, иногда значительно расходящиеся по стилю и взглядам болгарские писатели и критики... И. Мешекоев с беспримерной для своего времени, болгарских пуританских стандартов и нравственной природы откровенностью (задолго до того, как Ст. Гринблат укажет на зависимость между романым и мастурбаторским воображением) сострадательно описывает своих сверстников, которые «в одиночестве читали *"Homo sapiens"*, *"De Profundis"* и т.п., и, что самое печальное, над страницами декадентской поэзии совершали юношеский грех... возбужденные ее демоническим эротизмом»⁵⁰.

О дряновском учителе начальной школы Стефане Дечеве – отце писателя А. Смирнова биограф отмечает, что в его библиотеке (около 1910 г.) были «*"Отверженные"* и *"Собор парижской Богородицы"* В. Гюго, *"Мертвые души"* и *"Тарас Бульба"* Гоголя, произведения *Михаила Арцыбашева и Станислава Пшибышевского...*»⁵¹. Об одном давно позабытом беллетристе, Т. Чакрымове, академическое издание 1982 г. считает необходимым пояснить, что он – автор нескольких книг, «написанных под влиянием С. Пшибышевского и М.П. Арцыбашева»⁵². Этот Чакрымов описан в воспоминаниях К. Крыстева так: «...аннархоиндивидуалист, нищезанец, своеобразный мистик и индивидуалист, жестокий и бесцеремонный, иногда и разнеженный, встрепанный и небрежно одетый, или в прекрасной шапке из выдры и зимнем пальто, прошедший психотерапевтическое заведение ... этот интересный графоман, сецесионный символист, декадент, психоман, сексоман ... писал с неистощимым инстинктом, был автором нескольких книг: *"Подполья"* (1919),

⁴⁹ Илиев А. Спомени // Изследвания в чест на академик Михаил Арнаудов. София, 1970. С. 16.

⁵⁰ Мешекоев И. Ляво поколение (1934) // Есета. Статии. Студии. Рецензии. София, 1989. С. 96.

⁵¹ Димков Н. Атанас Смирнов // Дряново и дряновския край. Кн.3. (Б.м.), 1987. С. 42.

⁵² Речник на българската литература. Т. 3. София, 1982. С. 576.

«За пределами» (вновь парафраз арцыбашевского «У последней черты», болг. перевод «У последнего предела». – Я.М.), «В молчании», «Подземный город» (1928) ... которые находятся под очевидным влиянием Станислава Пшибышевского, Арцыбашева, Леонида Андреева и Николая Райнова ... с их эротической тематикой и поэтически-метафорической стилистикой»⁵³.

Только с большой интерпретаторской условностью в произведениях Арцыбашева можно найти в качестве доминантной именно «поэтико-метафорическую стилистику». Однако в данном случае, сознательно или нет, Кирилл Крыстев поставил ее как ориентирующую формальную параллель к «эротической тематике». Посвященный читатель должен воспринимать синонимическую параллель «эротизм – модернизм» как ведущий мотив современного искусства с сопутствующими ему психологическими, бытовыми и культурными моделями; сдержанный Т. Траянов в свое время создает забытый в наши дни неологизм для «гипермодерного» художника (Шницлера) – «душевный эротик», чье призвание – создать «мечтаемый культурный синтез – разнуданность плоти и душевный энтузиазм, которые разрешены в высшем единстве»⁵⁴.

Биографический литературный образ Чакрымова выстроен дискурсивно – как «всё, что говорится у декадента, всё, что мы различаем в его творчестве» – даже когда некоторые чисто литературные особенности могут противоречить этому образу. И поскольку для болгарской литературной публики он «должен иметь в себе и что-то от Арцыбашева», укажем несколько таких особенностей. Неизменным кумиром Арцыбашева, которого чаще всего обвиняют в «натурализме» или «неонатурализме»⁵⁵, до конца остается Л.Н. Толстой, а не Ф.М. Достоевский. В своей условной эстетической программе он советует художникам «изучать жизнь и факты и говорить только о том, что они видят»⁵⁶. Писатель не участвует в созданных поведенческих ритуалах субкультуры самых представительных «декадентских и символистских» кругов русского «Серебряного века», и в одном интервью, отмежевываясь от них, заявляет, что некоторых их

⁵³ *Крыстев К.* Спомени за културния живот между двете световни войни. София, 1988. С. 24–25.

⁵⁴ *Траянов Т.* Артур Шницлер // Художник. 1905–1906. № 15–16. С. 10–11.

⁵⁵ См.: *Тарасова А.* Что такое «неонатурализм» // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX веков. М., 1975. С. 284–296.

⁵⁶ Там же. С. 293.

представителей он «уважает как культурных людей»⁵⁷. Его личный быт тяжело страдающего от туберкулеза человека, чья молодость отмечена попыткой самоубийства, не дает повода для моралистических комментариев, на которые напрашиваются его герои. Свидетели последних лет варшавской жизни Арцыбашева рисуют некоторые нюансы этого образа, описывая проявления некоторой экстравагантности в одежде и известное пристрастие к алкоголю. Владимир Санин – сильный, здоровый, бодрый и оптимистический герой – полная противоположность в основном «морбидной» трафаретной персонологии модернизма исхода века. В конце концов, «роман с тенденционным воззванием к обществу», что при всех своих «шокирующих особенностях» и «крайностях», который без сомнения представляет собой «Санин», находится среди принципиально противопоставленных модернизму нарративных форм – сравнение, например, с романом А. Белого «Петербург» говорит само за себя.

Здесь в качестве литературоведческого ответа на вопрос, почему «Санин», будучи предметом таких острых и разнонаправленных нападений, переживает такую исключительную карьеру, можно сформулировать теоретическое предположение. Его отправная точка должна отразить уже иллюстрировавшийся факт – роман Арцыбашева не только не может сравниваться по «порнографическому инвентарю» с другими тематически и хронологически схожими литературными произведениями, но такого стилистического «инвентаря» в «Санине» просто нет. Например, когда в 1960 г. на процессе против издательства «Penguin Books», возбужденного в отношении одной из версий «Любовника леди Чаттерлей», обвинитель М. Гриффит-Джонс, указав на «литературные достоинства романа», иллюстрирует обоснованность возбуждения дела при помощи педантичной статистики: такие непристойные слова, как «*fuck (fucking)*» встречаются в тексте 30 раз, слова «*cunt*» и «*cock*» – 40 и 4 раза соответственно (в десять раз более редкая номинация мужского полового органа компенсируется другими синонимами и псевдонимами, которые придумывает леди Чаттерлей), слово «*arse*» встречается 6 раз и т.д.⁵⁸ Подобная обвинительная тактика неприложима к «Санину» не только на лексическом, но и на «макростилистическом» уровне.

⁵⁷ Там же. С. 288.

⁵⁸ The Trial of Lady Chatterley. Regina versus Penguin Books Limited. London, 1961. P. 18–20.

Как волнения литературной публики, так и критическое восприятие Арцыбашева в Болгарии варьируют между крайними точками в гамме от гневного отрицания до восторженных апологий.

Однако большая аналитическая статья тырновского гимназического учителя по литературе Славчо Паскалева о романе «Санин»⁵⁹ одинаково удалена как одного, так и от другого полюса. В духе времени она начинается тревожными размышлениями о неполноценном и поверхностном уровне, уровне нуворишей, на котором в Болгарии воспринимают европейские культурные образцы и тенденции. И в наши дни констатацию Паскалева можно встретить почти дословно: *«Да, мы очень далеко от своего идеала – быть равноправными членами семьи европейских народов ... чувствовать свою общность с Европой, сознавать единство наших культурных задач, сопереживать ... тревогам и сомнениям современного европейца. И всё же мы европейцы»*⁶⁰.

Далее в статье характеризируется автор (*«весьма талантливый, хотя и не главный представитель младшего поколения русских писателей»*), *«одаренный писатель, способный посмотреть на мир поэтически»*); общественная атмосфера и *«кризис, который переживает современное поколение в России»*; проводит эрудированный анализ романа (*«смесь вульгарного ницшеанства и взглядов, заимствованных у... Бодлера, Оскара Уайльда, Ведекинда, Шишбышевского и др., культ плоти»*), сюжета (*«весьма несложный»*) и характерных эпизодов; дает общую оценку *«Санина»* (*«художественное произведение /со/ значительными достоинствами, которые ставят его высоко над обычной бульварной и порнографической литературой»*), но *«с самыми важными недостатками – тенденциозностью, которая чувствуется на каждой странице, и безжизненностью, схематичностью главного персонажа»*).

Верный своему общественному долгу литературного педагога, Паскалев предупреждает и об особенно опасных случаях социально-психологического воздействия романа на отдельные группы читателей. Так, например, в России гимназисты и студенты организуют *«санинские группы»* для практикования *«свободной любви»* (З. Гиппиус описывает, с каким чувством, будто желая принести обет, спрашивали: *«Будем жить по-санински?»*)⁶¹. Статья заканчивается

⁵⁹ Паскалев С. Един моден роман // Демократически преглед. 1910. Кн. V. С. 549–568.

⁶⁰ Там же. С. 550–551.

⁶¹ Гиппиус З. По Арцыбашеву // За Свободу! 1925. № 108.

обязательным в ту пору скрупулезным критическим комментарием (непрерывно следует отметить – он занимает целых 5 страниц!) к языку болгарского перевода. Паскалев сравнивает его с оригиналом и выносит беспощадный, но филологически детально аргументированный приговор: «безобразный, невежественный и недобросовестный».

В своей интеллектуальной автобиографии И. Мешеков вновь отмечает сильное впечатление, которое произвела статья Паскалева⁶². Это позволяет утверждать, что в Болгарии существовала даже «рецепция критической рецепции» арцыбашевского «Санина», прошедшая разные этапы: в 20-е гг., например, акцент переходит с проблемы пола на моедрнизм Арцыбашева-драматурга. Н. Райнов пишет в журнале «Везни»: «Те, кто видел “Танец мертвецов”, поставленный Гео Милевым, захотят увидеть и другие пьесы Стриндберга того же круга, они захотят увидеть и Метерлинка, и Гамсуна, и Вилье де Лиль-Адана, и Уайльда, и Выспянского, и Гофманстала, и Арцыбашева»⁶³.

Как ясно из библиографической справки⁶⁴, в то время болгарский читатель уже располагает переводами почти всего творчества Арцыбашева. Большинство его изданий содержат критические предисловия, библиографические комментарии и литературоведческий анализ.

⁶² Мешеков И. Ляво поколение (1934) // Есета. Статии. Студии. Рецензии... С. 104.

⁶³ Н. Р. «Мрътвешки танц» на нашата сцена // Везни. Г. I. 1920. Бр. 6. С. 184.

⁶⁴ Арцыбашев М.: Бунт. Повест / Прев. Цв. Парашкевов. Търново, 1910; Вечният мираж / Прев. Н. Б. Айтос, 1927 (Айтос: Бр. Ф. Апостолови); Врагове. Пиеса в 5 д. / Прев. от рус. М. Соботина. София: Хемус, [1919] (Универс. библиотека Хемус, № 89); Дивите. Повест / Прев. от ориг. Т. Цаков. Лом, 1927; До крайния предел. Роман. Ч. 1–2 / Прев. от рус. Иван Я. Сакъзов; С крит. бележки за Арцыбашев от П. Кохан. София: Хемус, [1919–1921]. (Универс. библиотека Хемус, № 56 и 105); Жена ми. Разказ / Прев. Юст. Петров. София: Знание, [1914] (Либер. клуб; Нова универс. библиотека, № 115); За опознаване на Съветска Русия: Какво нещо е съветската власт на работниците и селяните? София: о-во Рус.-бълг. дружба, 1923; Кървавото петно: Из рус. революция. София, [1924]; Милиони. Повест / Прев. от рус. Мария Абрамович. София, 1919; Отмъстител. Разказ / Ред. на Николай В. Дражев. София: Иван М. Борошовец, 1923; Паша Туманов. Разказ / Прев. Р. Радев. София, Знание, [1912] (Нова библиотека, № 9); Ревност. Драма в 5 д. / Михаил Петрович Арцыбашев / Прев. Ст. Попова. София: Знание, [1915] (П. Глушков; Универс. библиотека, Г. 6, № 228–230); Робиня / Прев. Конст. Георгиев. София: Цвят, 1920 (Библиотека Цвят, № 70); Смъртта на Ланде. Роман / Прев. от ориг. Ст. Д. Танев. София, [1927]; Човешката вълна / Прев. от ориг. Д. Найденов. София: Бисери на Велко Ангелов, [1907] (С. Франклин); Арцыбашев М.П., Гарин Н.Н., Куприн А.И. Разкази. Търново, 1921 (Изд. Ст. Х. Панайотов).

Это было плодом труда инициативных и талантливых издателей, переводчиков и критиков со всей страны и показательно для литературной географии Болгарии того времени. Еще один обзор «частного пространства» литературной жизни должен отметить наблюдаемое и автором этих строк явление: до 70-х – 80-х гг. XX в. самые старые и богатые личные библиотеки семей городской интеллигенции в Болгарии содержали перевод или оригинальный текст «Санина». На них были видны следы прочтений, а их владельцы рассказывали или пересказывали услышанные от других факты, связанные со скандалом вокруг романа и о риске, которому они подвергались в годы строгого табу на Арцыбашева из-за хранения книги⁶⁵. Всё это делает совершенно необъяснимым тот факт, что в книге «Восприятие русской литературы в переводах», вышедшей в Болгарии в 2001 г., писатель не упоминается ни разу⁶⁶.

Арцыбашев и его роман «Санин» становятся и темой болгарской художественной литературы – это самый демонстративный знак сильной и интересубъективно социологизированной литературной вторичности. У двух из основных героев «Ивана Кондарева» Эмилиана Станева есть роман «Санин» и они читают его. Для витающего в своих мыслях и безнадежно влюбленного гимназиста Колю Рачикова

«все великие умы делились на две категории: в первую попадали писатели и философы, чьи книги несли на себе печать безумия (они были истинными гениями, которые проникли в страшную и обнаженную правду жизни...), а во вторую входили “старые писатели, которые под влиянием христианства проповедовали мещанские идеи, говорили о каком-то разумном начале в жизни, о Боге, о нравственности и других подобных вещах”. К этой категории Колю относил всех классиков, которых проходили в гимназии – от Гомера до Ивана Вазова (“казенный поэт в сером”), а в первую входили Арцыбашев, Гамсун, Уайльд, Пшибышевский и другие, т.е. истинные

⁶⁵ Такие рассказы автор этих строк еще будучи студентом слышал от известного шуменского полиглота, эрудита и библиофила Василя Дудекова в 1978 г., а также от покойного поэта из Стара-Загоры Ивана Мирчева летом 1980 г. В 1979 г. у шуменского букиниста на площади «Обориште» болгарский перевод другого арцыбашевского «произведения с идеей» – «Смерть Ланде», обрадовал двух пожилых интеллигентных посетителей, которые заговорили о запрещенном авторе.

⁶⁶ См.: Преводна рецепция на европейските литератури в България. Т. 2: Руска литература / Съст. И. Влодова, Е. Метева, Л. Любенов. София, 2001.

гении, которые подвергали осмеянию добродетели и богов и показывали иррациональное начало жизни и полный крах разума”. Их книги Колю читал с неутолимой жадностью. В основном эти книги он брал у Лалю Ганкина, с которым они были большими друзьями (Ганкина можно было назвать его учителем, потому что он первый познакомил его с “модернистами”. Он дал ему читать “Ното sapiens”, когда Колю было только четырнадцать лет, а после этого сунул ему в руки “Сафо” Альфонса Доде), брал их в библиотеке читалища, когда-то богатой, но сейчас разворованной. А если какую-то из книг он не мог найти нигде, то просил ее у учителя по литературе Георгиева.

Так, охваченный настоящей лихорадкой, он прочитал много книг дома, лежа на животе на высокой железной кровати, или в “одиночестве на природе”, с головой, горящей от разнообразных мыслей, отдавший своим страданиям и той сладкой скорби, которой часто заражаются юноши и которая может оставаться на всю жизнь»⁶⁷.

Учительница Райна Джупунова, сестра и антипод своих братьев, «глупцов» и «богачей», мечтала о «просвещенном муже с общественными интересами и передовыми идеями». На ее столе – романное описание выглядит, как библиографическая справка по изданным в Болгарии «бестселлерам», посвященным биологическим аспектам проблемы пола: «лежали “Первобытное общество” Моргана, “Взаимоотношения между животными” Кропоткина, “Пол и характер” Вейнингера, “Санин” Арцыбашева и т.д.»⁶⁸

Имя Апухтина на самом деле не появляется в романе Э. Станева, но гитара Райны и русские романсы, которые, позабыв про всё на свете, поют героини эмоционально и социально-психологически схожие с ней, однозначно ассоциируют ореол своей «литературности» и «песенности» с «романсовой лирикой». Именно этот жанр в истории и теории русской поэзии олицетворяют как вечную классику (или, если использовать более распространенный сейчас в Болгарии термин, «евъргрийни») большая часть стихотворений Апухтина, а романс «Ночи безумные, ночи бессонные...», положенный на музыку Чайковским, по популярности соперничает с лермонтовским «Выхожу один я на дорогу...».

⁶⁷ Станев Е. Иван Кондарев. Т. I. София, 1979. С. 76–77.

⁶⁸ Станев Е. Иван Кондарев. Т. II. София, 1979. С. 39.

Musketier

Musketier, Musketier, Musketier, Musketier
И Musketier, Musketier, Musketier, Musketier
А Musketier, Musketier, Musketier, Musketier
Мускетер, мускетер, мускетер, мускетер.

II

Musketier, Musketier, Musketier, Musketier
Мускетер, мускетер, мускетер, мускетер
Мускетер, мускетер, мускетер, мускетер
Мускетер, мускетер, мускетер, мускетер.

III

Musketier, Musketier, Musketier, Musketier
И Musketier, Musketier, Musketier, Musketier
Мускетер, мускетер, мускетер, мускетер
Мускетер, мускетер, мускетер, мускетер.

Это – страница рукописного «Альбома с разными песнями на память». В 1897 г. их сочиняли, писали и переписывали (иногда – с удивительным каллиграфическим талантом) одноклассники и друзья Любомира Д.Тырговского, среди которых был и Боян Пенев. Сам по себе будучи исключительно интересным источником для описания

эмоционального облика и поэтического вкуса образованной болгарской молодежи конца XIX в., «Альбом», помимо лирического творчества разградских гимназистов и гимназисток и записей анонимного и деавторизованного городского фольклора (болгарского, греческого, турецкого и армянского), содержит также стихотворения Х. Ботева, П.Р. Славейкова, С. Стамболова, И. Вазова. Есть и тексты русских поэтов, причем имена авторов отмечены только в стихах А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова. Однако тексты самых сентиментальных (и самых популярных до сего дня) русских романсов переписаны в Альбом без указания авторов (интересно, что под текстом второго романса указано: «Написала на память Ваша соседка Т.Д. Бакалова»). Известно, что деавторизация стихотворения начинается в некоторой степени тогда, когда оно превращается в текст песни; сколько болгар вспоминают о Л.Каравелове, когда они поют «Хубава си, моя горо...», столько же в относительной пропорции, вероятно, и людей в России, знающих, что автор романса «Две гитары...» – Аполлон Григорьев, а имя поэта Евгения Гребенки (1812–1848) ничего не говорит многим певцам и меломанам по всему миру, которые знают его «Очи черные...». Хотя это и необязательно, но укажем, что после продолжительного поиска оказалось, что авторами этих двух романсов из Альбома оказались Павел Козлов и Федор Миллер. Двое забытых русских поэтов – современники Апухтина, причем один из них – П. Козлов – его ровесник, умерший за год до Апухтина, а его супруга – известный коллекционер нот романсов и стихотворных автографов. Их тексты – признанные «достижения жанра» – публикуются в сборниках романсовой лирики вместе с романсами Апухтина (вот уже в течение 130 лет в «активном романсовом фонде», согласно специализированному каталогу, находится 19 стихотворений поэта, причем на шесть из них написал музыку Чайковский); сегодня кажется, что романс по одному из наиболее сильных и эмоциональных стихотворений поэта «Пара гнедых» (которое автор этих строк перевел бы на болгарский как «Чифтът дорести коне») исполняется чаще всего⁶⁹. Анонимная песенность, общие места романсов, эмоциональная тональность и характерная сценичность романсов, проявляющаяся в их атмосфере, исполнении и восприятии, – всё это способствовало распространению лирики Апухтина в Болгарии.

Итак, перед нами два русских «литературных культа» в Болгарии начала XX в. – один массовый, а второй – индивидуальный. Это лишь часть проблем, связанных с неполной параллелью; большая популярность в свое время в Болгарии С.Надсона, которого Кремен

⁶⁹ Очи черные: Старинный русский романс. М., 2004. С. 38–39.

упоминает вместе с Апухтиным, давно связывается исключительно с акцентом на его гражданскую поэзию и, соответственно, на ее влияние на болгарскую «социальную» лирику⁷⁰; например, сохранилась фотография 1902 г. габровского гимназического кружка, члены которого держат плакат со стихами Надсона: «*Буди уснувших в мгле глубокой, // упавшим – руку подавай...*»⁷¹. Радикальную социализацию апухтинской лирики трудно себе представить, хотя она и содержит не особенно навязчивую, но достаточно сильно очерченную «гражданскую» составляющую (в стихотворениях «Поэт», «Славянофилам», «Современным витиям»).

О том, как и когда проявляются в Болгарии «арцыбашевщина» и «санинство», есть достаточно количество документов, а о популярности Апухтина в Болгарии неизвестно практически ничего, кроме того, что Кремен пишет о Лоре и отзыва Гео Милева об Апухтине как об «антологическом лирике-позднем романтике».

Однако элементарная логика, фактология и правдоподобие исключают Кремена в качестве непосредственного, явного или скрытого наблюдателя увлечения Лоры Апухтиным, о котором ему рассказал какой-то из частых посетителей дома Каравеловых.

Когда в 1893 г. Апухтин умирает, Лоре – 7 лет. Самое вероятное время для начала ее увлеченности «патологическим стихотворцем» – примерно 1900 г., по крайней мере, если «его переплетенный томик» может быть только одно из четырех изданий Апухтина, вышедшее между 1886–1889 г., в том числе и его первое издание отдельной книгой⁷². Но еще позитивистский биографизм при такого рода подборе «фактов, документов и хронологий» не поддержал бы идеи о прямом «переносе» через посредничество матери, Екатерины Каравеловой, «русской воспитанницы». Не только потому, что литература вообще не была среди тем, которые предпочитали для общения мать и дочь, находящиеся в напряженных отношениях, при этом хорошо известно, что мать старалась уберечь дочь от литературы и литераторов, как от огня. Судя по дневникам Е. Каравеловой, сама она из русской классики предпочитала Пушкина, Лермонтова и Некрасова⁷³. Апухтин, родившийся в 1840 г., занимается творчеством с 1853 до своей смерти в 1893. Однако до 1885 г. (когда Е. Каравелова оказывается в самом центре болгарской политической жизни как супруга премьера

⁷⁰ См.: Преводна рецепция на европейските литератури в България. Т. 2: Руска литература... С. 161–165.

⁷¹ См.: Димков Н. Рачо Стоянов. София, 1984. С. 21.

⁷² Санкт-Петербург, 1886; Сочинения А.Н. Апухтина. В 2 т. СПб., 1895. – Том 1. Сочинения А.Н. Апухтина. – 2-е посм., доп. изд. СПб., 1896; Сочинения А.Н. Апухтина. – 3-е посм., доп. изд. СПб., 1898.

⁷³ Спомени на Екатерина Каравелова. София, 1984. С. 9, 57.

и «женщина-учреждение» со всеми вытекающими из этого для ее семейства тяжелыми последствиями) поэт около 20 лет остается почти неизвестным русской литературной публике. В судьбе Апухтина-лирика особенным является то, что большинство его стихов, написанных до того, но неопубликованных, читатели 80-х и 90-х гг. XIX в. воспринимают как новые и отвечающие «сентиментальным» умунастроениям, что отмечают Кремен, Анненский и другие литераторы⁷⁴.

Стихотворение Апухтина «Мухи», которое читала наизусть Лора и которое неполно (с грамматическими неточностями) цитирует Кремен, получило постоянный и престижный статус в представительных антологиях русской лирики второй половины XIX в. Оно обязательно упоминается в истории русской лирики⁷⁵, и еще с 80-х – 90-х гг. включается в сборники под звучащим архаично в наши дни названием «Чтец-декламатор», а также в сборники песенных текстов «Для цыганских оркестров»⁷⁶. Сам Апухтин имел большую славу в светских и литературных салонах Санкт-Петербурга, будучи неподражаемым чтецом как собственных, так и чужих стихов. Культурные функции декламации, звучащей, песенной и романсовой лирики в то время были такими же важными и очень распространенными; очевидно, этим можно объяснить что-то из привязанности Лоры-декламатора к стихам Апухтина.

Содержание «Мух» впечатляет, даже шокирует, и безусловно запоминается. Стихотворение написано еще в 1873 г., но только двадцать лет спустя его стали воспринимать как «болезненное» и «модернистское». Первая строфа (у Кремена отсутствует) «зеркально» связывается в варьируемом рефрене со второй при помощи сравнения «мухи как черные мысли ↔ черные мысли как мухи». Давно подмеченное свойство и основной эффект этой старой синтаксически-риторической фигуры заключается в том, что она своей структурой создает иллюзию «движения по заколдованному кругу» и «безысходности». Так же мучительно движутся и слова бессильного и физически неподвижного лирического героя в «Мухах».

*«Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою:
Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!
Сгонись одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,
Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,*

⁷⁴ Отрадин М. Указ. соч. С. 8.

⁷⁵ См.: Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология. Л., 1987. С. 283.

⁷⁶ Отрадин М. Указ. соч. С. 8.

*Валится книга из рук, разговор упадает, бледнея...
Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!*

Резкая пересемантизация шестистопного дактиля, который интерсубъективно воспринимается как силлаботонический эквивалент-перевод «эпического» гекзаметра в неэпической ситуации, болезненной физически, психологически и эмоционально ситуации, несомненно, эффективное стихотворное решение. В русском стиховедении Апухтин пользуется репутацией изысканного версификатора и успешного экспериментатора со стихом⁷⁷; некоторые редчайшие для европейской поэзии формы (например, ориентальная монорифма) обязаны своим появлением в русской поэзии именно ему⁷⁸. Без предвзятых «поэтических знамений» и «пророчеств» о «неумолимости литературного дискурса», который «произносит» не только слова, но и судьбы говорящих, можно сказать, что Лоре, читательнице лирики, суждено было прочесть и выстрадать в своей женской ревности и другое «зеркальное» стихотворение. Оно посвящено Яворовым Мине и называется «Две хубави очи» («Ее глаза», пер. Л.Л. Озерова).

Весьма вероятно, что образ Апухтина, которого Кремен описывает как «болезненного и патологического стихотворца», эвфемистически обобщает литературную осведомленность софийской культурной элиты, до которой наверняка дошли рассказы о демонстративном по своим бытовым, социальным и художественным проявлениям гомосексуализме поэта. Между прочим, сегодняшней особый интерес к Апухтину в России в основном проявляется в современных (хотя и не только в них) «реабилитирующих» исследованиях культуротворческой экспрессии так называемых «альтернативных сексуальных общностей и креативных идентичностей»⁷⁹. Поэт публикуется в журнале «Гражданин», основанном самым скандальным гомосексуалистом в русской высшей политике, дипломатии, публицистике и светской жизни – князем В.П. Мещерским, которого В. Соловьев называет «Князем Содома и Гражданином Гоморры». Неизвестно, связывало ли его с Апухтиным что-либо еще помимо сильной литературной и эмоциональной дружбы, которая закончилась резким разрывом, но еще будучи молодым этот последний посвящает ему свое

⁷⁷ См.: *Гаспаров М.* Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 203.

⁷⁸ Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 353.

⁷⁹ См., например, специфичную Интернет-страничку: <http://az.gay.ru/authors/russian/apuhtin.html>

стихотворение «В. М-скому». Оно долгое время остается неопубликованным. В 1893 г. князь пишет литературный некролог о смерти поэта.

Апухтин является постоянным посетителем петербургского «голубого» ресторана «Медведь» – известного клуба гомосексуальной элиты. Долгие годы поэт состоит в творческой и интимной связи с П.И. Чайковским. Если судить по воспоминаниям близких родственников⁸⁰ и других современников, эмоционально это была очень сильная гомосексуальная связь. Она началась еще с гимназических лет, которые Апухтин и Чайковский проводили вместе; она подвергается многим испытаниям, а в 1862 г. из-за нее разражается крупный публичный скандал в ресторане «Шотан».

В интимной связи композитора и поэта дополнительным штрихом является чудовищная нездоровая тучность Апухтина. Поэт находил в себе силы иронизировать над постигшим его физическим несчастьем при помощи элегантно сентенционной «реверсии»: «Говорят, что жизнь прожить – не поле перейти, а мне легче прожить жизнь, чем перейти поле». Апухтин тематизирует свою тучность (в стихотворении 1885 г. «Ответ на письмо»); И. Северянин в своем сонетном пантеоне (где присутствует и Арцыбашев) восстанавливает светский взгляд на физический облик поэта:

Апухтин

Вы помните ли полуанекдот,
Своей ничтожностью звучащий мило,
Как девочка у матери спросила,
Смотря на вздутый недугом живот:

«Он настоящий дядя или вот,
Нарочно так?» – Мы, посмотрев уныло,
По-девочкину, на его чернила,
Вопрос предложим вкусу самый тот...

Из деликатности вкус не ответит.
Но вы – вы, подрастающие дети,
Поймете, верю, чутче и живей

Красноречивое его молчанье.
Тебе ж, певец, скажу я в оправданье:
Ты был достоин публики своей.⁸¹

⁸⁰ Чайковский М. Алексей Николаевич Апухтин: Биогр. Очерк // Апухтин А.Н. Сочинения в 2 т. СПб., 1895. Т. 1. С. XVII; Жизнь Петра Ильича Чайковского. Т. 1. М., 1900. С. 242.

⁸¹ Северянин И. Медальоны. Белград, 1934.

Но даже при всех этих анекдотических и литературных коннотациях тучность неумолимо развивается с 70-х гг. и обездвиживает поэта в последние месяцы перед смертью от плеврита в августе 1893 г.



Графический силуэт Апухтина на границе шаржа запечатлел тяжелую телесную деформацию.



Однако, как утверждают близкие современники, патологическая тучность Апухтина не отгалькивала, а наоборот, сексуально еще больше

привлекала Чайковского, который параллельно имел быстротечный «роман» с еще более толстым, чем поэт, гомосексуальным партнером.

Так в дискурсе сексуальности в болгарской литературе конца XIX – начала XX в., которому А. Бенбасат посвящает великолепное исследование-«историю болгарского литературного эроса»⁸² и в котором сама Лора играет одну из главных реальных и символических ролей, Апухтин, вероятно, поколебал молчание информированных литераторов перед строгим табу на гомосексуальность, после чего «иерархически» следует и провокационное оправдание инцеста у Арцыбашева.

Фразеологические следы и мотивы скрытого «апухтинского дискурса» можно найти и в других текстах этого времени. Они ведут к гипертрофированному по частоте и пристрастию кругу мотивов поэта, таких как «ресторан», «бал», «пир», «цыганский оркестр», «певица-цыганка», «кулисы театра», «оперетта», «светская суета», «дым сигар», «звон бокалов», «искры шампанского», «утренняя усталость» после уже упомянутых «Ночей безумных, ночей бессонных» (один из самых популярных романсов по его стихам на музыку П.И. Чайковского).

«В общем, отмечается в серьезной энциклопедической справке, он представляет собою редкий в истории русской литературы пример талантливого писателя, насквозь проникнутого великосветскостью. Все наши крупные писатели так или иначе прикосновенны к большому свету (“хайлайфу”. – Я.М.). Не всеми, конечно, владело лермонтовское желание бросить “пустому сборищу железный стих, облитый горечью и злостью”; но почти все выше суеты и пустоты этого “сборища”. Про Апухтина этого никак нельзя сказать. Он не только по своим вкусам, но по всему своему душевному складу нисколько не возвышался над уровнем обычной светской психологии»⁸³.

Вот и ироническая реплика И. Вазова о стихотворении «На пиру» г-жи Розы С. Поповой, напечатанном в тырновском журнале «Звезда» (подчеркнем и русизм «великосветский» и реалию «петербургский ресторан»):

Пирувах в забрава със весели гости	Я пиrowала в самозабвении с веселыми гостями
и всички приятели наши, где прибори звънкат и вино се лее кипяще в искрящите чаши.	И всеми нашими друзьями, Там, где звенят приборы и льется вино, Кипящее в искрящихся бокалах.

⁸² Бенбасат А. Еротичният животворчески роман на Андрей Протич. София, 1997. С. 16.

⁸³ Цитируется по сайту: <http://www.classic-book.ru/lib/sb/book/7>

Где смехове чудни и чудни
акорди

ехтяха в нощта отдалече!
Но ето зората от изток ни кани,
че трябва да ставаме вече.

Где чудный смех и чудные аккорды

Отзывались эхом в ночи вдалеке!
Но вот, зоря с востока нас зовет,
уже пора подниматься.

Читая эти стихи, невольно думаешь, будто их писал какой-то великосветский человек, который пришел на застолье в аристократический ресторан в Петербурге. Эти приборы (!), которые звенят, это кипящее вино (шампанское), которое льется в хрустальные бокалы, эти чудные аккорды (рояля) – как это всё дышит рабским переписыванием или подражанием русскому стихотворению. Как это фальшиво и смешно звучит в оборванной Софии, где было написано это стихотворение в январе 1900 г., как отметила автор – и она со своими претензиями (*журт*)⁸⁴, как наш брат!»⁸⁵.

Чем иным, как не светским «сибаритством», романсовой сентиментальностью, «изящной формой стиха» и неконвенциональным эротизмом Апухтин смог покорить литературные вкусы Болгарии того времени? Даже если доступные факты позволяют нам бросить свет на вкусы только двух элитарных и компетентных читателей – Лоры и профессионального писателя и комментатора ее вкуса Кремена?

К счастью, есть и другие следы, которые могут очертать предполагаемый круг интеллигентных и информированных читателей Апухтина более чем вековой давности. В доступной русской литературной периодике эти читатели встречали имя, стихи поэта и комментарии о нем, как, например, в следующей реплике: «В нашей жизни отсутствие другого поэта, который умер вскоре после Плещеева – А.Н. Апухтина – будет не так заметно. Талантом он не уступал Плещееву, но систематически – если не считать редких и по большей части неудачных стихотворений “по поводу” – удалялся от всего волнующего и волнующегося вокруг него. Своеобразная прелесть его стиха в свое время была отмечена “Вестником Европы”; она не будет забыта, пока у нас не переведутся ценители

⁸⁴ В многозначном смысловом переводе турецкое слово *журт* омонимически может обозначать и «оборванный, бедный, зияющий бедностью» и «с большими претензиями», что прекрасно подходит к ангитезе, которую выстраивает Вазов: «великосветский аристократический Петербург» ↔ «оборванная София».

⁸⁵ Вазов И. Събрани съчинения в 22 тома. Т. 20. София, 1979. С. 221–222.

изящной формы. Его спокойно-меланхолическое настроение, проникнутое тем, что французы называют непереводаемым словом *resignation*, будет долго находить отклик в сердцах тех, кому не к чему стремиться и напрасно спешить («кто устал, кто бурей жизни смят, кому стремиться и спешить напрасно»)⁸⁶.

Сам Апухтин в автобиографических заметках и стихах часто определял себя как дилетанта. Как кажется, он настаивал на этой недооценивающей автоидентификации в том смысле, который заключает в себе бескорыстное «создание» поэзии. В таком условном аспекте «дилетантство» надо понимать как социальную, культурную и моральную антитезу «профессионально-коммерческому» или «придворному» типу писательских карьер. Карьеры такого типа осуществляются по безжалостным законам рынка или через формальные литературные институты, фаворизированные властью (награды, лауреатство, синскуры и т.д.); все биографы Апухтина отмечают как его постоянные денежные затруднения и долги, которые к концу его жизни становятся всё более запутанными, так и глубокое отвращение поэта от самой мысли, что на литературе можно зарабатывать. Именно ему принадлежит редкая по экспрессивной крайности метафора: даже «печатный станок обесцещивает поэзию» – метафора, которая привела бы в восторг любого обитателя «башни из слоновой кости».

Это либо поза, либо социальный образ, который мы узнаем уже в формирующейся в Болгарии литературной богеме. Разные русские критики и литературоведы оценивали Апухтина в развернутых метафорах как одного из поэтов, которые «завершали великий век русской поэзии и впервые ощутил на своих плечах тяжесть “наследства”»⁸⁷, как «последнего из романтиков пушкинской ориентации, который сделал достоянием своего времени неисчерпаемые, животворные начала поэзии Пушкина»⁸⁸, как «одного из поэтов-предтеч символизма»⁸⁹; как переносчика духовных ценностей из «Золотого» в «Серебряный» век; как «дилетанта» и «виртуоза», как «болезненного мистика» и «салонного сноба»; как «элитарного» и «великосветского»

⁸⁶ Вестник Европы. Журнал истории – политики – литературы. Т. 164. 28 год. Т. VI. СПб., 1893. С. 449–450.

⁸⁷ Ермилова Е. Диалог с традицией // Контекст 1981. М., 1982. С. 216.

⁸⁸ Иезуитова Р. А.Н. Апухтин и Пушкин // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVI/XVII. СПб., 2004. С. 341; Последний романтик // Апухтин А.Н. Песни моей отчизны. Тула, 1985. С. 318–320.

⁸⁹ Литературный энциклопедический словарь... С. 352.

– и в то же время, поскольку его тексты многие переписывали по альбому, декламировали и пели – и как «массового», «стандартного»⁹⁰; иногда о нем говорили также «эпигон», «поэт эпигонской умеренности и классичности». В основном эти определения сопровождают редкие воспоминания и публикации Апухтина в советский период; показательно, что его первое «большое» и представительное издание после 1917 г. напечатано в главный год хрущевской «оттепели»⁹¹.

В критическом дискурсе об Апухтине постоянно и в течение долгих лет появляется и знакомая нам со времени немного более близкого нам, чем арцыбашевское, и крайне нетипичная для России (где, как мы знаем, *«поэт больше, чем поэт»*, хотя *«поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан»*) дистанцированность от политики во имя личного мира и интимной жизни.

Свой одинокий и меланхолический скептицизм по отношению к гражданской инструментализации искусства Апухтин проявляет в специфический период – в последнюю четверть XIX в. Кроме общих характеристик («безвременье уныния и общественного пессимизма») это еще и период, когда русская поэзия (по контрасту, например, с пушкинской эпохой) структурно существует под категорической культурной гегемонией великой русской реалистической прозы, а спорадические либеральные порывы в общественной атмосфере самодержавия значительно стимулируют публицистику. Короче говоря, русских лириков, равных по значению беллетристам Л.Н. Толстому и Ф.М. Достоевскому, в это время нет, так как предыдущая эпоха оставляет культурный ореол поэтов и таким блестящим прозаикам, как А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. В силу ряда факторов, когда сама поэзия «ощущает» себя как второстепенная на шкале престижа, она «конкурирует» с прозой и легитимизируется посредством сильной стилевой прозаизации с ориентиром на публицистику (сам Апухтин озаглавливает свой стихотворный цикл «Сельские

⁹⁰ См.: *Тарланов Е.З.* Между золотым и серебряным веком. Петрозаводск, 2001. С. 229; *Щенникова Л.* История русской поэзии 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен. Екатеринбург, 2002; *Сапожков С.* Русская поэзия 1880–1890-х гг.: «конструктивность хаоса» или «эстетический имморализм»? // Новое литературное обозрение. 2005. № 75.

⁹¹ *Апухтин А.Н.* Стихотворения. («Библиотека поэта» Большая серия) Л., 1961; из предыдущего советского издания в «малой серии» (Л., 1938) тенденциозно исключена большая часть эмблематических для творчества Апухтина текстов.

очерки)), а также через «некрасовскую» риторически-интонационную подчиненность «социальным» мотивом.

Однако кто знает, не отражает ли разочарование Апухтина и его наблюдения – наблюдения впечатлительного и скептического светского человека, который считал существенным свой интегральный аристократизм. Апухтину были известны рассказы о солидных суммах, которые «самый сострадательный к муке народа поэт» – сам Н.А. Некрасов – проигрывал в карты в роскошных азартных заведениях. Туда – «друг верный нищеты бездомной», как пишется о нем в одном стихотворном некрологе 1878 г. – приезжал в собственном фаэтоне, обитом длинными гвоздями, похожими на шипы, чтобы к нему не приставали с протянутой рукой именно нищие, бездомные и побирушки... И как знать, не вселили ли в Апухтина такие и подобные им вопиющие бытовые иллюстрации столь пагубного для «литературоцентричной» России⁹² литературного лицемерия в общественной жизни элегантно презрения по отношению ко всякому манипуляторскому посягательству на поэзию, что и делают политические демагоги для собственных целей, а также по отношению ко всем унижительным попыткам самой поэзии поставить саму себя в услужение демагогии, социальному позерству и доктринерскому радикализму. *«Посреди гнетущих и послушных, // Посреди злодеев и рабов // Я устал от ваших фраз бездушных, // От дрожащих ненавистью слов»*, – заявляет в 1861 г. Апухтин «Современным витиям». То есть, совершенно ясному коллективному адресату, который в скором времени будет олицетворяться Сергеем Нечаевым. А в силу знаменательных совпадений именно год самых масштабных действий Нечаева оказывается и годом рождения Ленина.

Вопреки всем банальным мотивам и «сценическим» трафаретам сверхценной для русской лирики антитезы «поэт ↔ толпа», еще в стихотворении «Поэт», которое 14-летний Апухтин пишет 29 сентября 1854 г. видится именно этот скептицизм по отношению к «прикладной ценности» поэзии и пиетет к «частному пространству» художественного созерцания. Он остается лирическим кредо Апухтина до конца жизни.

⁹² По точному прогнозу Н. Георгиева о характеристиках «литературоцентрических обществ» – литературный синоним политически и идеологически закрытых обществ // Три литературные дискуссии. София, 2002. С. 24.

«Взгляните на него, поэта наших дней,
 Лежащего во прахе пред толпою:
 Она – кумир его, и ей
 Поет он гимн, венчанный похвалою».

Мотив профанации искусства, но не под влиянием конъюнктуры политической злободневности, а под властью псевдокультурных суррогатов, плач по фаустовской Гретхен, разряженной как кокотка в бесвкусном водевиле открывает и одно особенное стихотворение Апухтина. К. Бальмонт первым публикует его как «посмертное» в «Вестнике Европы» в 1894 г.⁹³ (сохраненном и в библиотеке шуменского читалища), со следующим комментарием: «Это стихотворение А.Н. Апухтина, очевидно, еще не напечатано, поскольку его нет ни в одном из трех изданий его стихотворений. Оно написано по поводу оперетты “Le petit Faust” и получено моей матерью 14–15 лет назад от покойного заместителя прокурора Владимирского окружного суда Ивана Дмитриевича Свицкого, чья семья была близка Апухтину, когда они жили в Петербурге. Как одну из отличительных черт его внешности Свицкий упоминает полноту Апухтина, по причине которой поэт подшучивает над собой словами: “Вот, говорят, жизнь прожить – не поле перейти, а мне легче прожить жизнь, чем перейти поле”. Свицкий сообщает и о других стихотворениях Апухтина, относящихся ко времени, когда они еще не были напечатаны (напр., стихотворение “Реквием”, которое входит в собрание стихотворений Апухтина)».

Без претензий на текстологические открытия отметим, что в доступной автору настоящих строк литературе этот факт со значением, превосходящим текстологические наблюдения, не отмечен. Во всяком случае, в издании 1961 г. и в полном издании Апухтина 1991 г.⁹⁴ история стихотворения «К Гретхен. Во время представления “Le petit Faust”» отражает его публикацию в «Гражданине» по автографу в альбоме Г.П. Данилевского 14 октября 1869 г. Очевидно Бальмонт не знал, что это стихотворение уже было напечатано в «Гражданине» под инициалом «А.» еще в 1872 г. Это может провести и символическую линию преемства между двумя поэтами, славящимися «изысканностью русской стихотворной речи», как Бальмонт самодовольно и гордо говорит о себе.

⁹³ Вестник Европы. 1894. Т. 165. 29 год. Т. IV. СПб. С. 798–99.

⁹⁴ Апухтин А.Н. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд. Л., 1991. Примеч. 129.

Апухтин понимал этическую связанность литературы с общественными проблемами в другом смысле – итак, оставаясь в стороне от народников и царедворцев, разночинцев и нигилистов, социалистов и черносотенцев, панславистов и западников, религии и атеизма, «левых и правых, Апухтин оказывается вне литературы», как обобщает парадокс в гражданской и литературной судьбе поэта его исследователь М. Отрадин⁹⁵.

Однако, как кажется, именно эта аполитическая пассивность дает Апухтину дистанцию и свободу, чтобы наблюдать моральное закулисье политики и почувствовать опасность ее превращения в сверхценность, очертить достаточно верно силуэт социально-психологического типа – и вновь, странным образом, предсказать даже точную «профессию» конкретного человека (!), который превратит Россию в поле самого жестокого политического эксперимента в мировой истории: за десять лет до того, как в Грузии родится будущий тбилисский семинарист И.В. Джугашвили (Сталин), Апухтин пишет из Орла своему интимному другу П.И. Чайковскому: «Для чего трудиться? С кем бороться? В те времена, когда в России несколько дворян занимались литературой, я еще мог быть писателем, но теперь никакие силы не заставят меня выйти на арену, загроможденную подлостями, доносами и ... семинаристами!»⁹⁶.

К защищаемому далеко вне этой «сцены» «чистому искусству» как идеальной ценности прибавляется и чрезмерная для русского XIX в. сексуальная «инаковость» и лирическая «болезненность» Апухтина. И уже эти черты делают его на самом деле предвестником русского «Серебряного века», самым читаемым беллетристом которого был М. Арцыбашев.

Болгарский читатель в первый раз воспринимает этих двух «патологических» русских авторов в границах и в атмосфере настроений «бель эпок», знаменитого *Fin de siècle* и последующего десятилетия. В эти годы конкурируют многие литературные тенденции: эстетической «молодости» и «старости», «декадентства и символизма», творческого «здоровья» и «болезни», «полового голода» и «стыдливого реализма», «Сверхчеловека» и «толпы», «народного духа» и «европейского стиля», все говорят манифестами и различным художественным

⁹⁵ Отрадин М. Указ. соч. С. 8.

⁹⁶ Чайковский М. Жизнь Петра Ильича Чайковского. Т. 1. М., 1900. С. 242.

способом – П.П. Славейков и П.К. Яворов, И.С. Андрейчин и А. Протич, А. Страшимиров и Т. Траянов, К. Христов и Д. Дебелянов, Вен. Тин.⁹⁷ и Тр. Кунев, Э. Попдимитров и П.Ю. Тодоров...

В этом многоголосье произведения и социокультурные образы двух – как принято говорить сейчас – «культурных» русских авторов А.Н. Апухтина и М.П. Арцыбашева очерчены вместе с другими знаками и фигурами («символисты, декаденты, сверхчеловеки, сексоманы, психоманы») неясные пространства «модернизма» и «модернистской души» – «здоровой» и «больной», индивидуальной и коллективной, славянской и европейской, иностранной и болгарской – к которым так стремится Болгария.

P.S. Этот текст был уже почти закончен, когда 30 июня 2007 г. имя М.П. Арцыбашева вновь – через сто лет после появления «Санина» – вновь прогремело на всю Болгарию в загадочном литературном сюжете. Он начинается со старого томика Михаила Арцыбашева в софийском букинистическом магазине... Некоторые определили этот случай как крупнейший литературно-мистификационный скандал последних лет. При этом скандал, вовлекший в себя литературную среду, культурные институты и научные центры Болгарии, России и Франции. Не пересказывая и не расследуя его, ограничимся только началом статьи в одной из газет, которые освещали «скандал». На этот раз Арцыбашев не главный герой, но странным и знаменательным образом присутствует и здесь: «В 1995 г. поэт и тонкий знаток русской литературы Кирилл Кадийский, переводчик Вийона, Верлена, Маларме, Рембо и многих других поэтов, случайно нашел в софийском антикварном магазине потрепанную книжку, засунутую в томик Михаила Арцыбашева»⁹⁸.

История уже наших дней, которая напоминает литературной истории, что для ее памяти «забытых литературных культов» на самом деле нет.

Перевод М.М. Макарецва

⁹⁷ Поэтический псевдоним болгарского поэта Стефана Тинтерова (1885–1912), болгарского эрудита и поэта-символиста. – *Прим. переводчика.*

⁹⁸ См.: Стандарт. 30 юни 2007.

СОЦИОЛОГИЯ НА ЗАБРАВЕНИТЕ ЛИТЕРАТУРНИ КУЛТОВЕ (А.Н. АПУХТИН, М.П. АРЦИБАШЕВ)

Яни Милчаков

Статията е опит за паралелна литературносоциологическа реконструкция на българската рецепция на двама руски автори с особена съдба в руската литература – А.Н. Апухтин, М.П. Арцибашев. Десетилетие след 1907 г. белетристиката на М.П. Арцибашев не само предизвиква най-остри литературни и моралистки полемики в България, но и налага социални стилове на поведение у най-преданите си читатели до степеня на масов моден култ. Следите от кариерата на А.Н. Апухтин сред българската литературна публика от края на XIX – началото на XX век са несравнимо по-малко. Те обаче позволяват също да се говори за индивидуални и «елитарни» читателски култове към неговата лирика. Различни обстоятелства водят до пълната забравя, в която попадат двамата руски автори в България – факт, обясним не на последно място и с идеологическата конюнтура в изследванията на руско-българските културни връзки. Творбите и социокултурните образи на двамата «култови» автори Апухтин и Арцибашев обаче в началото на XX век са очертавали наред с други знаци и фигури смътните пространства на желаната от културна България «модерност» и «модерна душа» – «здрава» и «болна», индивидуална и колективна, чужда и българска.

И.И. Калиганов

Большеви́стская Россия
в болгарской маргинальной литературе
20–40-х гг. XX в.

Литература, обзор которой предлагается вниманию читателя, носит преимущественно маргинальный характер. Это определение не имеет негативного оттенка, а лишь отражает сравнительно небольшие масштабы распространения такой литературы, незначительность числа относящихся к ней авторов и созданных ими произведений. Она не сопоставима с бытовавшей тогда в стране обильной переводной советской и болгарской просоветской литературой. Гигантская машина большевистской пропаганды трубила об успехах строительства в СССР социализма, о раскрепощенном созидательном труде миллионов россиян, о рождении «нового» человека и «нового» общества, воплощавшего в себе вековые чаяния человечества. Под ее гипнозом в энергичное идеологическое наступление большевиков включились и болгарские коммунисты, искренно верившие, что, пропагандируя достижения СССР, они тем самым борются за социалистические идеалы и светлое будущее Болгарии. Но не все болгары поддавались большевистскому идеологическому одурманиванию и утрачивали чувство реальности. Рассказы оказавшихся в Болгарии русских белоэмигрантов, аналитические репортажи о положении в большевистской России, публиковавшиеся в западноевропейской прессе, и отдельные правдивые материалы, периодически всплывавшие на страницах советских газет и журналов, позволяли сделать думающим болгарам выводы, далекие от навязываемых им официальной советской пропагандой. И они открыто делились своими мыслями, выступая создателями своеобразной «маргинальной» литературы, о которой и пойдет речь в нашей статье.

Одновременно следует отметить, что отдельные создатели этой литературы были озабочены не увеличением во лжи советских пропагандистов ради восстановления исторической истины: они стремились к дискредитации СССР как такового. Прежде всего это относится к болгарским авторам фашистского толка 30–40-х годов XX в. Не вступая в полемику о наличии или отсутствии фашизма в Болгарии в тот период¹, сошлемся на мнение болгарского исследователя Н. Поппетрова о бесспорном существовании в Болгарии того времени

¹ Спасов М. Имало ли е фашизъм в България? Избрана публицистика. София, 1998.

свыше полудюжины фашистских и профашистских организаций, которые накладывали определенный отпечаток на политический облик страны². Следует напомнить, что в 1932 г. в Болгарии была создана Национал-социалистическая болгарская рабочая партия (НСБРП), весной того же года – Союз молодежных военных легионов, а в сентябре – Национал-фашистская задруга. Важным представляется не столько употребление слова «фашистский» в названии того или иного политического объединения, сколько тот дух, который пронизывал их деятельность, а также их политическая самоидентификация. Так, например, НСБРП проповедовала идею «чистоты» болгарской крови как необходимого условия, дающего право считаться «полнокровным» болгарским гражданином, а другая болгарская политическая организация с весьма «правильным» названием «Родная защита» сама декларировала себя как фашистскую³.

Наклеивать ярлыки «фашистский» и «фашистское» на стоявших у власти в тогдашней Болгарии политических деятелей или образуемые ими правительства исторически неправомерно. Идеологическая окраска политических лидеров, сменявшихся у государственного кормила на протяжении двух десятков лет (1923–1944), была столь пестрой и изменчивой, что исключает какие-либо однозначные выводы. Александр Цанков, Андрей Ляпчев, Кимон Георгиев и другие главы болгарских правительств того двадцатилетия имели разные политические взгляды, разной была их внешняя и внутренняя политика, по-разному сложились и их политические судьбы.

А.Цанков, например, стал премьер-министром после реакционного переворота 9 июня 1923 г., жестоко подавил организованные в том же году коммунистами июньский и сентябрьский мятежи, а когда в апреле 1925 г. коммунистические радикалы устроили взрыв в софийском соборе св. Недели⁴, А. Цанков развязал в стране террор, который вызвал сильное возмущение в Европе и заставил его в начале 1926 г. подать в отставку. Созданная им вскоре организация «Народное социальное движение» копировала модели развития итальянских и немецких фашистов: позаимствовала у них идеи отрицания

² *Попнетров Н.* Авторитаризм-фашизм / Към модела за политическото развитие на България. 1918–1944 // Исторически преглед. № 2. София, 1997; *Его же:* Теория за тоталитаризма и българския фашизъм // Ново време. София, 1992. № 2.

³ Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 215.

⁴ В одной из недавних работ наших историков дается неверное название данного собора: «Св. Воскресение» (См.: «Болгария в XX в. Очерки политической истории». М., 2003. С. 201), хотя, на самом деле, храм посвящен св. великомученице Неделе, пострадавшей в начале IV в. при императоре Диоклетиане. Культ подвижницы расцвел в Болгарии после составления ей похвального слова знаменитым болгарским патриархом Евфимием Тырновским в XIV в.

парламентской власти, необходимости надпартийного руководства и решающей роли «вождя» в национальной истории, восприняла от них знамя борьбы с коммунизмом. Единственным отличием «социал-движенцев» от зарубежных собратьев являлся лишь отказ от преследования еврейства из-за незначительности его роли в болгарских землях. Незадолго до вступления советских войск в Болгарию А. Цанков бежал в Австрию, откуда перебрался в Аргентину и умер в эмиграции⁵.

Близкий А. Цанкову по взглядам премьер А. Ляпчев продолжал в общих чертах линию правительства своего предшественника, но ослабил гонения на коммунистов, легализовал БКП после изменения ею своего названия (она стала именоваться Рабочей партией) и даже позволил коммунистам участвовать в парламентских выборах, в результате которых они сумели получить 4 депутатских места. Неумение правительства справиться с охватившим страну экономическим кризисом вызвало в 1931 г. отставку кабинета А. Ляпчева, после чего он вскоре умер в результате неуспешной медицинской операции.

К. Георгиев также участвовал в осуществлении государственного переворота 9 июня 1923 г., но постепенно разошелся во взглядах с А. Цанковым и его единомышленниками, организовал 19 мая 1934 г. новый государственный переворот, проложивший путь монархической диктатуре царя Бориса III. Находясь у власти, К. Георгиев восстановил дипломатические отношения с СССР и стремился проводить сбалансированную политику, учитывавшую интересы всех великих держав. Впоследствии К. Георгиев сблизился с коммунистами, с 1942 г. вошел в руководство антифашистского Отечественного Фронта, а после сентября 1944 г. в течение двух лет возглавлял в стране Народное правительство и занимал затем важные государственные посты.

На примере деятельности этих политических лидеров видно, что характеризовать в целом период 20–40-х годов XX в., как фашистский, антикоммунистический и антисоветский, было бы научно некорректным. Можно констатировать, что отношения между Болгарией и СССР накануне Второй мировой войны значительно улучшились. В августе 1939 г. в Москву прибыла группа болгарских парламентариев, встретившая в Кремле теплый прием. Подписано было двустороннее соглашение об установлении регулярного воздушного сообщения между Москвой и Софией. В болгарской столице и Варне открылись магазины по продаже советской художественной литературы, газет и журналов на русском языке. Открыто было и развернуло свою деятельность общество болгаро-советской дружбы⁶. После

⁵ Об этом и других лидерах см.: *Куманов М., Николова Т.* Политически партии, движения в България и техните лидери. 1879–1999. Кратък справочник. София, 1999. С. 217–220, 222–223.

⁶ Болгария в XX веке... С. 233, 235–236.

нападения Германии на СССР Болгария, будучи германским союзником во Второй мировой войне, вопреки давлению Гитлера, не только не послала свои войска на «восточный» фронт, но и не разрывала с СССР дипломатических отношений.

Широкая социальная база для антисоветских настроений среди болгар в то время отсутствовала. Это обстоятельство объясняется не просто русофильскими чувствами болгарского народа, но и привходящими историческими обстоятельствами. Почва для противопоставления русофильства и германофильства решительным образом поубавилась из-за неактуальности темы и исчезновения после Первой мировой войны самих исторических персонажей: Австро-Венгерская империя распалась, не существовало уже и Империи Российской, а что представляло собой появившееся вместо нее советское государство в известной мере еще оставалось для болгар загадкой. Противопоставление же Германии и СССР в конце 30-х годов XX в. для болгар выглядело бы абсурдным, если учитывать подписание двумя державами в 1939 г. советско-германского пакта о ненападении и установление между ними дружественных отношений. Именно поэтому правительства, стоявшие в Болгарии у власти накануне новой войны, как правило, стремились поддерживать с обеими великими силами сбалансированные отношения.

Этот баланс постоянно пытались нарушить болгарские радикальные круги, оказывавшие давление на очередные правительства и слева, и справа. С одной стороны – болгарская коммунистическая эмиграция, которая через своих единомышленников пропагандировала в стране идеи большевизма и различными способами склоняла болгар накануне войны ратовать за заключение пакта о взаимопомощи с СССР, а с другой стороны – местные радикал-фашисты, которым даже крайне правое правительство А. Цанкова казалось слишком умеренным: они критиковали его за чересчур «либеральный» фашизм и мнимые связи с мировым масонством. Причем, если первая противоборствующая сторона была достаточно внушительной благодаря материальной поддержке СССР, то вторая – являлась сравнительно маргинальной и не располагала большими финансовыми возможностями. И по этой причине объем выпущенной болгарскими фашистами литературы относительно невелик и насчитывает всего лишь несколько сот наименований.

Ряд болгарских авторов фашистского толка, как уже отмечалось, выпустил книги антисоветского содержания, что сразу перевело «маргинальную» литературу в разряд сомнительной и в дальнейшем сказало на ее судьбе. Дело в том, что 6 октября 1944 г., то есть через месяц после вступления советских войск на территорию Болгарии, пришедшее к власти Народное правительство ввело цензуру,

в результате которой вся фашистская, профашистская и сомнительная литература была изъята из болгарских библиотек и уничтожена⁷. Сохранились лишь единичные ее экземпляры, которые, в соответствии с правительственным постановлением, должны были остаться в наиболее крупных библиотеках страны⁸. Однако, некоторые из этих изданий, вероятно, погибли, ибо наши заявки на отдельные запрещенные книги в библиотеке Болгарской Академии наук и Народной библиотеке им. свв. Кирилла и Мефодия в Софии не были выполнены из-за отсутствия там этих изданий, вопреки упомянутому постановлению⁹. Можно также предположить, что «черный» список, очевидно, составлялся в спешке, поскольку в него не попал целый ряд книг явно сомнительного содержания. Он был обнаружен нами в справочнике А. Булевой и Н. Буссе, выпущенном через четыре года после опубликования списка¹⁰.

Обстоятельный обзор содержания подобной болгарской литературы 20–40-х годов XX в. – задача современных литературоведов и историков. Ее невозможно решить в одной статье, потому что ознакомление со всеми изданиями «списка» требует значительного времени. Тем не менее, названия фигурирующих в нем книг и брошюр отчасти раскрывают их содержание и позволяют предварительно их классифицировать. В списке можно выявить следующие тематические группы: 1) переводная фашистская литература, включающая произведения Гитлера, Геббельса и Муссолини; 2) переводные и оригинальные болгарские сочинения, направленные против еврейства; 3) книги, чрезмерно возвеличивающие историческое прошлое Болгарии; 4) произведения, проводящие идею о неславянском, протоболгаро-арийском происхождении болгарского этноса и его культурном превосходстве над славянами; 5) литература с антисоветским или

⁷ Съдът над историците. Българска историческа наука. Документи и дискусии. Т. I. 1944–1956. София, 1995. С. 23–24.

⁸ Там же. Единичные экземпляры подобной литературы были оставлены в софийской Народной библиотеке им. свв. Кирилла и Мефодия [далее – НБКМ], библиотеке Болгарской академии наук [далее – БАН] и пловдивской Народной библиотеке им. Ивана Вазова [далее – НБИВ].

⁹ Это, например, такие издания, как книги (или брошюры?) *Ф. Поповой* «Религиозни гонения в Русия», *Л. Котева* «Режимът на СССР», *архиеп. Серафима* «Руска идеология», анонимного автора «Какво иска Съветския съюз от България?» и некоторые другие.

¹⁰ *Булева А., Буссе Н.* Библиографски справочник. Стопанска и социална книжнина в България. Библиография на българските книги и статии от началото до днес. 1850–1945 / Под ред. на Т. Владигеров. Свищов, 1948.

антирусским содержанием; 6) многие издания об Эгейской и Вардарской Македонии¹¹.

Материалы нашей публикации касаются пятой тематической группы. При этом сразу следует оговориться, что избранный нами принцип подбора привлекаемых материалов был призван дать представление о собирательном образе большевистской России, который возникал в сознании болгарского читателя после знакомства с упоминаемыми нами маргинальными книгами. Анализ содержания отдельных произведений или же «творчества» подвизавшихся на данной стезе отдельных авторов не входил в нашу задачу. Отклонение от этого принципа происходит лишь тогда, когда освещаемая нами «подтемка» оказывалась достаточно узкой (как, например, вопрос о тяжелой жизни болгарских переселенцев в СССР или проведение параллели между большевистской Россией и «красным апокалиптическим зверем») или затронутой одним-единственным автором. Представление нами материалов ведется с соблюдением определенной тематической очередности: истоки большевизма; хозяйствование большевиков; террор против собственного народа; положение в России рабочих и крестьян; моральное разложение в стране (упразднение семьи, хулиганство, пьянство); чиновничество, бюрократия, партийная «элита» и ее нравы; положение русских в большевистской России; демонизация еврейства и экспорт революции; Россия и грядущий Апокалипсис; война с Германией и ее исход; положение болгар в России; СССР и славяне.

В конце сносок при ссылке на редкие книги в квадратных скобках приводятся данные о месте хранения и шифрах цитируемых уникальных изданий. При этом еще раз следует подчеркнуть, что сжатое резюме материалов этой маргинальной литературы подается нами с сохранением тональности повествования, лексики и логики мышления ее авторов. Собственная краткая оценка упоминаемых нами книг дается в конце статьи.

¹¹ Эти территории в период второй мировой войны были переданы Гитлером союзной Болгарии, а затем вновь возвращены Греции и Югославии. Изъятие книг о болгарском этническом происхождении проживавшего в Македонии населения предпринималось с целью затушевывания македонской проблемы и улучшения крайне сложных политических и дипломатических отношений с указанными странами. При всем этом следует отметить, что большинство изымавшихся книг носит сугубо научный, далекий от политики характер. Македонская проблема на время в Болгарии фактически замалчивалась, пока эта позиция не создала угрозу автономизации болгарской Пиринской Македонии с последующим включением ее в состав Югославии.

Истоки большевизма. Беды большевистской России, по мнению болгарского автора С. Янева, во многом проистекают от ее «неправильного» прошлого. Она всегда являлась страной безмолвия с историей, которую Сергей Соловьев называл «степной», а Константин Аксаков – лаконичной историей «молитвенной тишины и смирения»¹². Отсюда возникла романтическая идея славянофилов об особой роли славянского духа русского человека, не затронутого цивилизацией загнивающего западного мира. И.В. Киреевский, К.С. Аксаков и А.С. Хомяков оказались в плену страстного влечения к русской старине и идеализации допетровского патриархально-дворянского быта. Еще дальше пошел Ф.М. Достоевский, считавший, что призвание славянства состоит в спасении мира, и важную роль в нем должны сыграть русские – единственный народ-богоносец, грядущий обновить всю землю. На самом же деле, незатронутость русского человека цивилизацией не есть «плюс», а большой «минус». Она свидетельствует об отсталости России, которая не была местом зарождения великих идей и борьбы за социальные и национальные права. В то время как на Западе расцветал Ренессанс и бушевали великие революции, русские мужики из века в век продолжали строить свои избышки из соломы и глины и жить в своем идиллическом земледельческом быту «без каких-либо законов и традиций» (Sic!).

Хозяйствование большевиков. Коммунисты, в сущности, разоряют Россию. По свидетельству Рыкова¹³, Россия теперь только потребляет, но ничего не производит. Каждый год убытки составляют 800 млн. золотых рублей¹⁴. Хотя Советский Союз и совершил рывок в производстве чугуна и стали, выплавляя их сегодня больше чем в Англии, но по производству этих металлов на душу населения он продолжает уступать развитым западноевропейским государствам в несколько раз. Неэффективным является и сельское хозяйство. Несмотря на пресловутую «тракторизацию» и увеличение посевных площадей на 30%, рост производства зерна в стране возрос всего лишь на 18%¹⁵. Советский Союз не способен прокормить своих граждан. Каждый год в стране от голода умирают сотни тысяч людей.

¹² Янев С. За съветска Русия. Отношения и преценки. Дупница, 1940. С. 8–12. [НБКМ В 3913; БАН 179729].

¹³ Рыков А.И. (1881–1938) – председатель ВСНХ, председатель СНК, председатель СНК СССР и РСФСР, член Политбюро ЦК.

¹⁴ Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт (Съдържание на речта на женевския адвокат Шарл Обер). София, 1924. С. 20. [НБКМ 12863].

¹⁵ Чавдаров М., Гърков И. Защо болшевизма залезва. Общи недъзи на болшевизма. София, 1942. С. 11. [НБКМ I 541].

Так было в 1921–1922 гг., когда похожие на скелеты, обтянутые кожей голодающие покорно ложились на землю в ожидании смерти¹⁶. Чтобы притупить чувство голода напоминающие своим обликом стариков и старух дети ели землю и грязь, что влекло за собой несварение желудка и долгую мучительную агонию. Препятствуя бегству сельского населения в города, большевистские власти выставляли заградительные отряды, но умирающие от голода люди пробивались туда силой. В городах, где по карточкам выдавалось по 50 г. хлеба, не хватало гробов для погребения.

В общей сложности от голода в России пострадало около 21 млн. человек. Из-за отсутствия хоть какой-нибудь еды люди в Башкирии ели навоз. В Симбирске крестьяне варили болотные водоросли и употребляли их в пищу, смешивая с торфом¹⁷. Пытаясь избавиться от чувства голода, люди пили воду и страшно опухали. Голод толкал их на дикие поступки, часто приводя к людоедству. Из могил вырывали трупы, чтобы как-то насытиться. В Минске и других городах матери убивали собственных детей. Когда в Борисоглебске от голода умерла Елизавета, дочь Григория Башмакова, в могилу опустили только ее кости – семья съела тело усопшей ради собственного выживания¹⁸. В Новочеркасске рабочая Ирина Попова в приступе отчаяния задушила собственного младенца и подожарила, чтобы спасти умирающих от голода детей Мишу, Ваню, Ксению и Катю. Старший из них Миша сказал: «Мы съели Верочку, потом съедим Катю, потом Ксению, Ваню, и меня ты должна будешь съесть. Но кто будет есть тебя? Наверное, тебя зарежут для комбеда (комитет бедноты. – *К.И.*) на обед».

Террор против собственного народа. Большевики лицемерно заявляют, что испытываемые народом трудности – временные и неизбежные. Они затуманивают народное сознание идеями коммунизма¹⁹. Ленин утверждает, что причина трудностей заключается в текущей ситуации, когда капитализм уже разрушен, а социализм еще не построен. А Карл Радек²⁰ в своих теоретических рассуждениях проводит идею о том, что социалистическая власть неизбежно ухудшает положение, потом оно становится еще хуже, но затем после

¹⁶ Георгиев В. Обещаха рай – създадох ад (Истина за болшевиците). София, 1925. С. 1–11, 14–15. [НБИВ II 273398].

¹⁷ Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 13.

¹⁸ Есив М. Как живее в Съветска Русия. София, 1936. С. 19. [НБКМ 100468].

¹⁹ Кунчев Х. Комунизм без маска. София, 1939. [НБКМ II 11352].

²⁰ Радек К.Б (1885–1939) – секретарь Исполкома Коминтерна, зав. отделом международной информации ЦК.

мыслимых и немислимых страданий наступает коммунистический рай²¹. Особую ненависть у большевиков вызывает русская аристократия, интеллигенция и духовенство. На одном из митингов в Москве Лев Троцкий обещал трудящимся создать в России земной рай, но новое государство беззаветной братской любви, по его словам, может быть построено только на костях и крови русской аристократии²². Отсюда проистекает разжигание беспредельной классовой ненависти и поощрение неимоверной жестокости при расправе с представителями «верхних классов».

В первые годы советской власти в Самарской губернии большевики закопали живыми в землю 300 священников, епископа Василия в Перми сбросили в реку с высокого моста, архимандрита Вениамина и монахов Соловецкого монастыря сожгли живьем²³. В Тирасполе священникам заливали горло расплавленным свинцом и скальпировали, а в Одесской, Киевской и Харьковской областях чекисты распинали их на вратах храмов. Уцелевших высших иерархов ссылали в самые отдаленные места России: Сибирь, Архангельск, Туркестан. Для стирания о них самой памяти на их могилах устанавливались не кресты, а сатанинские пятиконечные звезды. Особыми зверствами прославилась ЧК, расправлявшаяся, разумеется, не только со священниками. Обычным делом здесь считалось забивание иголок под ногти, вырывание глаз, вливание в горло кипятка, заколачивание в голову гвоздей, вырезание на груди и плечах орденов и погон.

Объектами репрессий становились не только представители аристократии и духовенства, но и крестьяне, которых большевики явно не жаловали. Подтверждением этого могут служить слова Ленина, произнесенные им в беседе с итальянским коммунистом Джованни Паппини²⁴. На вопрос последнего Ленину о том, что он думает о крестьянах, тот ответил с гримасой отвращения: «Я их ненавижу. Ненавижу мужика, идеализированного этим мягкотелым западником Тургеневым и этим лицемерным вероотступником Толстым». Ленин заявлял, что при построении коммунизма может погибнуть 90% русского народа – зато оставшиеся в живых 10% увидят торжество светлого будущего. Представителям рабочего класса также не удалось избежать репрессий. Во время наступления Юденича на Петроград рабочие Путиловского завода были заподозрены в сочувствии

²¹ Джидров П. Империализъм, болшевиизъм и социализъм. София. Речи, държани в София на 17 април 1921 г. в салона на градското казино от д-р П. Джидров и Асен Цанков. С. 9. [НБКМ 60278].

²² Есиев М. Как живеят в Съветска Русия... С. 5.

²³ Там же. С. 12.

²⁴ Янев С. За съветска Русия... С. 19, 26–27; Красная чума. Какво носи болшевиизъм за духовната култура на човечеството. Пловдив, б.г. С. 9. [НБИВ 55813].

к белым, в результате чего без суда и следствия было расстреляно 800 человек²⁵.

Мечтой Ленина было превращение России в огромный дом мучений, и она, похоже, осуществлялась, ибо за пять лет революции и гражданской войны в стране, по официальной статистике, число убитых составило свыше 1 млн. 850 тыс. человек. Среди них было 28 епископов, 1200 священников, 6000 учителей, 8800 врачей, 54000 офицеров, 260000 солдат, 192000 рабочих, 815000 крестьян и 355000 представителей других профессий и классов²⁶. Репрессиям подвергают даже детей: по решению Совнаркома и ЦИК от 8 апреля 1935 г. было расстреляно около 8000 детей в возрасте десяти – двенадцати лет²⁷.

Положение в России рабочих и крестьян. Большевики сумели завлечь рабочих идеалами равенства, но после революции разделили на 17 разрядов²⁸. Органы народовластия – так называемые «советы» – остались только на бумаге. Рабочих снабдили трудовыми книжками, куда записывают все нарушения, и без таких книжек нельзя устроиться на работу. Тем самым рабочих закрепили за фабриками и заводами, подобно крепостным: уйдешь – тюрьма. В то время как социалисты боролись за введение семичасового рабочего дня, советские власти, напротив, постоянно повышают уровень эксплуатации рабочих. Труд последних становится все более интенсивным и продолжительным. Так в 1922/1923 г. трудящиеся работали 245 дней в году, а через три года уже 263 дня. Им ввели шестидневную рабочую неделю без какого-либо повышения зарплаты. Сверхурочный безвозмездный труд становится нормой, не говоря уже о принудительных бесплатных субботниках. При этом в России неуклонно растет число безработных. По данным «Рабочей газеты», в 1924/1925 г. таковых насчитывалось в стране около 850000 человек, а 1926/1927 г. – свыше 1350000²⁹.

Отвратительными являются и жилищные условия, в которых живут советские рабочие. В газете «Труд» от 23 июня 1931 г., например, сообщалось, что в казарме «Франция» в Московской губернии живет более 80-ти семей общей численностью свыше 250 человек, а другие рабочие живут поблизости среди блох, клопов и вшей, спят рядом со скотом среди сырости, плесени, гари и сажки на нарах, под нарами, на столах или прямо на полу³⁰. Еще хуже обстоит дело

²⁵ Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 15.

²⁶ Янев С. За съветска Русия... С. 27.

²⁷ Есиев М. Как живеят в Съветска Русия... С. 13.

²⁸ Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 14–15.

²⁹ Провалата на большевизма в Русия. София, 1929. [БАН III 186572].

³⁰ Денев С. Болшевишка Русия и бъдеща всемирна война. София, 1931. С. 20. [НБКМ 13373].

с жильем в провинции. В газете «Труд» от 19 января 1928 г. писалось, что на Урале близ Екатеринбурга рабочие спят по 17–18 человек в девятиметровой комнате, где им не хватает места даже для личных кроватей, и поэтому они спят на общих кроватях по очереди. Рабочие начинают разбегаться, не выдерживая тяжелого быта в общежитиях и скверного питания в общественных столовых. Пища в них напоминает жидкую грязь, в супе нередко плавают черви.

Если среди рабочих возникает протест, он сразу же жестоко подавляется, а зачинщиков ссылают на пожизненные принудительные работы на Соловки. В целом, рабочий люд живет под ужасным гнетом, и поэтому слова о том, что в России установлена диктатура пролетариата, воспринимаются как лицемерная издевка. Здесь можно привести следующий характерный пример. Двое рабочих на Путиловском заводе, Василий Ельцов и Федор Кучин, переносили на плечах тяжелую медную плиту, уронили ее и слегка повредили лестницу. Обоих избили и отправили на принудительные работы. За опоздание на работу рабочим полагается физическое наказание и тюрьма. Их зарплата составляет всего лишь 1/4 от дореволюционной и выплачивается нерегулярно. «В России, – пишет болгарский автор М. Есив, – человека как такового отменили, его лишили права на голос, его семью уничтожили»³¹.

Не лучше живется и крестьянам. Русская деревня оказалась отброшенной назад на целое тысячелетие. Государство откровенно грабит крестьян, покупая у них хлеб по 10 коп. за кг, а продает за 1 руб. В стране, располагающей огромными массивами приспособленных для сельского хозяйства земель, безземельными и безлошадными являются восемь млн. крестьян – то есть больше, чем все население Болгарии.

Моральное разложение в стране (упразднение семьи, хулиганство, пьянство). Стремясь добиться абсолютного и беспрекословного подчинения народа, власти занялись систематическим разрушением института семьи как такового. Этому должен был способствовать новый закон о браке, вступивший в силу в СССР с 1-го января 1927 г. Он отменяет регистрацию брака, подталкивает людей к беспорядочным половым связям и фактически поощряет многоженство. Поскольку срок сожительства никак официально не оговаривается, девушки могут становиться женами мужчин на месяц, на неделю или даже на одну ночь. На тех же, «кто в любви ищет нечто большее, чем простая физиология, смотрят с насмешкой как на слабоумных или умственно ущербных субъектов». Свободный брак, по мнению большевистских юристов, не требует ни письменного, ни устного закрепления или наличия свидетелей – он представляет собой половое сближение при обоюдном согласии сторон³². Станным

³¹ Есив М. Как живее в Съветска Русия... С. 4.

³² Красная чума... С. 32.

выглядит и право признания брака законным в случае совместного проживания, ведения общего домашнего хозяйства, наличия общего имущества или обоюдной переписки. Ведь переписываться можно не только с физически близким человеком, а материальную помощь можно оказывать и без совместного проживания.

Принятие этого закона венчало собой борьбу против института семьи, которая развернулась в стране сразу же после окончания гражданской войны. Один из неистовых борцов за «правое дело», правовед А.Г. Гойхбарг, в своей статье «Брачное право», опубликованной в 1922 г., декларировал следующее: «Коммунистическая партия должна покончить с семьей. Пусть там угаснет узколобая родительская любовь к детям, которая заставляет отца и мать привязываться к своим детям и растить из них эгоистов». Большевистский вождь Бухарин³³ в своей знаменитой «Азбуке коммунизма» утверждает, что ребенок принадлежит обществу и, следовательно, Коммунистической партии. В газете «Правда» от 9 января 1927 г. констатируется особый «советский» характер отношений между супругами: «У нас не существует других связей между мужем и женой, кроме половых».

Беспорядочность половых связей возводилась в принцип. Сами они трактовались как элементарное удовлетворение физиологических потребностей, полезное для здоровья членов коммунистического общества. Поэтому советским женщинам следовало отказаться от права на выбор. «Каждая молодая коммунистическая девица, студентка, рабочая или школьница, на которой остановится взгляд какого-либо мужчины, должна ему подчиниться, иначе она считается буржуйкой, недостойной носить коммунистическое имя» – писала большевичка Смидович³⁴ в «Правде» от 24 марта 1925 г. Большевики подвергли российских женщин обобществлению. Начиная с 18-ти лет, каждая советская женщина обязана была вступать во временные половые отношения и заключать брак даже против своей воли. Во многих городах были организованы комиссариаты свободной любви, подвергавшие женщин физическому наказанию за отказ вступать в половые связи. Эти учреждения издавали мандаты, дававшие право на «социализацию» девушек 16–20-летнего возраста³⁵.

Формированию семьи и традиционных семейных отношений во многом мешает отсутствие нормальных жилищных условий или даже

³³ Здесь и далее см.: Провалата на болшевизма в Русия... С. 42–51; Бухарин Н.И. (1888–1938) – академик, публицист, теоретик партии, в различные годы – член ЦК, гл. редактор «Правды», член Политбюро, ВЦИК и ЦИК СССР, член Президиума ВСНХ.

³⁴ Смидович С.Н. (1872–1934) – зав. женским отделом МК партии (1919–1922), зав. отделом работниц и крестьянок ЦК партии (1922–1924), позднее – аппаратчик ЦК партии и ЦИК СССР.

³⁵ Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 30.

вообще крыши над головой. В одной лишь Москве в 1920-е годы имелось около 70000 бездомных. Те же, кто располагает пристанищем, чаще всего живут очень тесно и скученно. В 1926 г. на москвича приходилось в среднем всего 6,8 кв. м, и положение не улучшалось, а только ухудшалось. Через три года в результате притока людей в Москву из полугодных провинций упомянутая средняя крошечная норма жилья москвича еще больше уменьшилась, составив 5,2 кв. м на человека³⁶.

Разложение института семьи, отсутствие истинного духовного наставничества и семейного воспитания в СССР способствуют процветанию хулиганства, ведут к половой распущенности и росту числа изнасилований³⁷. Об этом можно судить по публикации в газете «Известия», помещенной в № 205 за 1926 г.: «Хулиганство», – пишется в ней, – разливаётся мутной волной по нашей стране – в городах, селах, фабрично-заводских поселках, в столицах...». По свидетельству прокурора г. Москвы, приведенному в другой советской газете, в столице ежемесячно арестовывают за хулиганство 3700 человек, а общее число рассмотренных судами дел в ноябре составило 5000. По сведениям газеты «Рабочий путь», в Иваново-Вознесенской губернии за период с 1923 по 1926 гг. число случаев хулиганства выросло в четыре раза. Нарушители общественного порядка устраивали драки, часто пуская в ход ножи и финки, устраивали дебоши, оскорбляли прохожих, били стекла, бросали под ноги артистов кирпичи и кошек, демонстративно мочились на тропинках в парках.

Характерно, что хулиганству в СССР подвержены не только простые рабочие и крестьянские парни, но и сами служители правопорядка. В качестве иллюстрации приводится случай с хулиганским нападением у Страстного монастыря (то есть в центре Москвы) на шедшего с супругой писателя Демьяна Бедного. Когда же тот начал грозить милицией, дебошир рассмеялся ему в лицо: он сам оказался политруком 46-го отделения милиции, да к тому же и членом Коммунистической партии. Болгарский переводчик этой публикации откровенно потешается над заявлениями советских прокуроров, твердящих будто хулиганство есть наследие старого мира и вызвано пережитками капитализма. Он замечает, что совершающие хулиганские поступки парни являются преимущественно пролетариями и комсомольцами 17–25 лет, и формирование преступных наклонностей этого возрастного слоя произошло во время революции. Так что заявления судебных защитников, провозглашающих хулиганов «жертвами капитализма», равно как и их потуги взвалить вину за правонарушения на императора Николая II, ничего, кроме иронии, вызвать не могут.

³⁶ Провалата на болшеви́зма в Русия... С. 52–53.

³⁷ Морално падение в СССР. Превод от руски. София, 1927. [НБКМ I 2424].

Тяжелая, беспросветная жизнь подталкивает русский народ к пьянству. Всего лишь за несколько лет, с 1925 по 1928 гг., потребление крепких спиртных напитков в России возросло почти в десять раз: 49 млн. литров и 456 млн. литров, соответственно. Почти в два раза выросло число смертных случаев по причине алкогольного отравления и более чем в сорок раз случаи помещения людей в медвытрезвители³⁸.

Бюрократия, партийная элита и ее нравы. Гораздо лучше народа живет бюрократия и партийная элита. В большевистской России невероятно раздулся штат различного рода чиновников. Их число достигло неслыханных ранее размеров, резко возросло количество всевозможных справок и иной бюрократической писанины. Сформировалась громадная чиновничья машина, чьи бесчисленные колеса вращаются вхолостую без осязательного результата. Хищения приобрели невиданные масштабы. За взятки можно получить все, что пожелаешь, а без них – не сдвинешься с места³⁹.

Чиновничество процветает, но наиболее разительный контраст с жизнью прозябающего в нищете народа составляют быт и замашки партийной большевистской элиты. Она купается в роскоши и предаётся «сладким» порокам буржуазии, к которой, на словах, испытывает непримиримую классовую ненависть. Представители большевистской элиты безнаказанно совершают преступления, предаются пьянству и блуду, устраивают скандалы и дебоши, тратят общественные и партийные деньги на личные нужды, демонстрируют равнодушие к страданиям окружающих, включая родственников. М. Литвинова⁴⁰,

³⁸ Провалата на болшевизма в Русия... С. 57.

³⁹ Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 17.

⁴⁰ Там же. С. 8–10. Следует напомнить читателю сколь ответственные посты занимали этот и другие фигурирующие далее представители партийно-государственной верхушки: Литвинов М. [Валлах Макс] (1876–1951) – советский полпред в Эстонии, зам. наркома и нарком Иностраннных дел, член ЦК и ЦИК; Каменев С.С. (1881–1936) – зам. председателя РВС СССР; Карахан [Караджанян С.В.] (1889–1937) – зам. наркома Иностраннных дел, полпред в Польше, Китае и Турции, член ЦИК СССР; Зиновьев [Радомысльский] Г.Е. (1883–1936) – председатель Исполкома Коминтерна, член Политбюро ЦК, фактический глава правительства в период болезни Ленина; Семашко Н.А. (1874–1949) – нарком здравоохранения, затем член Президиума ВЦИК; Склянский Э.М. (1892–1925) – зам. председателя РВСР, член Совета Труда и Обороны, член ВЦИК; Косиор И.В. (1893–1937) – зам. председателя и председатель ВСНХ СССР; Подвойский Н.И. (1880–1948) – член РВС Республики, член ЦКК партии; Сокольников (Бриллиант) Г.Я. (1888–1939), дипломат, член ЦК; Смилга И.Т. (1892–1938), зам. председателя. ВСНХ (1921–1923), член ЦК. Данные почерпнуты нами из советских энциклопедий и Указателя к Полному собранию сочинений В.И. Ленина.

например, арестовали в Лондоне за сбыт банкнот, захваченных в результате вооруженного ограбления большевиками Тифлисского отделения Госбанка. Каменев (Розенфельд) занимал в Москве два дома, в одном из которых находилось 15, а в другом 20 комнат. Обслуживанием Каменева и понаехавших к нему родственников из провинции занималось несколько автомобилей и многочисленная прислуга из аристократии. Карахан в Варшаве имел полсотни рассыльных и лакеев. Идеолог красного террора Зиновьев (Апфельбаум) подарил своей подчиненной Аделаиде Ганзен жемчужное ожерелье стоимостью 250 тыс. золотых рублей⁴¹. Австрийский еврей К. Радек (Собельсон), спекулянт и аферист, в 1922 г. растратил 3 млн. руб. в Египте и Турции, гордо заявив, что деньги были израсходованы на пропаганду. Склянский превратил свою квартиру в игорный дом, где спускал десятки миллионов руб. 29 июня 1922 г. в квартире Семашко пьяные большевики устроили дебош, собравший огромную толпу зевак. Когда прибывшие чекисты попытались призвать буянов к порядку, пьянствовавшие там Каменев, Склянский, Косиор, Подвойский, Сокольников и Смилга открыли в ответ пальбу из револьверов, тяжело ранив одного из оперативников.

Положение русских в большевистской России. После организованной большевиками революции страной правит кто угодно, только не русские. У власти стоят главным образом инородцы: евреи, венгры, латыши, поляки, армяне, немцы, болгары – русских к кормилам власти не подпускают. Причем иностранные правители России стараются скрыть свои истинные имена и фамилии и прикрываются русскими псевдонимами⁴². С целью отстранения русского народа от власти иноземцы стремятся его всячески раздробить, неустанно размахивая жупелом классовой ненависти. Интеллигенция нерусского происхождения всеми способами пытается ослабить в русских чувство патриотизма, называя его «чувством дикарей», «зоологическим патриотизмом» и другими нелюбезными словами. Большевики умышленно топчут русский народ, чтобы им владеть⁴³. И это у них неплохо получается. Палата национальностей в СССР состоит их 839 членов, из которых 471 человек – евреи, 35 – кавказцы, а славян – русских, украинцев, поляков и болгар – почти вдвое меньше. Выходит, что интересы русских просто некому защищать⁴⁴.

Демонизация роли еврейства и экспорт революции. Большевизм стал распространяться в Европе благодаря евреям. Он есть детище Маркса, настоящая фамилия которого Мордухай, и других

⁴¹ *Есив М.* Как живут в Съветска Русия... С. 24.

⁴² Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 11.

⁴³ *Есив М.* Глас на истиината (поучителни очерки от трагедията на Руската държава). София, 1927. С. 40. [НБКМ 2034].

⁴⁴ *Георгиев В.* Обещаха рай – създадох ад... С. 8.

евреев – Давида Риккардо, Франца Лассалья, Виктора Адлера, Карла Либкнехта и Розы Люксембург, Карла Каутского, Александра Парвуса, Льва Троцкого⁴⁵. Россию при поддержке Франции, Англии и Америки расшатывал Лев Толстой, подобно тому, как это делал во Франции Анатоль Франс, которым манипулировала его супруга, еврейская миллионерша Лимпакт. В революционных событиях 1903 г. в Турции участвовали евреи Таалут-бей и Давид-бей. Революцию 1871 г. в Париже возглавлял еврей Леон Гамбета. Русского прогрессивного реформатора Петра Столыпина застрелил еврей Мордко Вогров. Еврей Парвус финансировал возвращение в Россию русских революционных эмигрантов во главе с Лениным. Они ехали через Германию в семи запломбированных вагонах, в которых из 224 человек только 20 человек были русские, а остальные – евреи. Лев Троцкий (истинные имя и фамилия которого – Давид Бронштейн) был арестован в Галифаксе, но по настоянию американского правительства его выпустили на свободу. Ходатаями за освобождение Троцкого выступили лоббисты евреи Симон Вольф, Брандаш и Якоб Шифф. Позднее в Кремле Троцкого охраняли только нерусские – латыши и китайцы. Русского императора Александра III отравил в Ливадии лекарь-еврей по фамилии Сахарин, за что и удостоился ордена св. Александра Невского. Спустя время в Нью-Йорке издательство «Бони и Левит» опубликовало книгу еврея Эдгара Салтуса с описанием обстоятельств отравления русского императора.

В сегодняшней Советской России нет никакой диктатуры пролетариата, а осуществляется диктатура интернационального еврейства над всем русским населением. Она все больше и больше ухудшает жизнь российского населения. Цена хлеба за десять лет выросла с 9 до 75 коп. за кг. Около 6,6 млн. человек надрываются на непосильной работе в лагерях, которые являют собой настоящий ад. В них брошено более одного млн. женщин. На строительстве беломорско-балтийского канала им. Сталина погибли сотни тысяч заключенных. Его прокладывание велось под руководством Ягоды⁴⁶, Гершеля, Давидсона, Исаксона, Ротенберга и других большевистских деятелей с подобными фамилиями. Коллективизация в СССР стоила жизни 15 млн. человек.

Большевики жаждут распространить свою власть на весь мир. Захватив власть, используя лозунг «Мир народам!», они мгновенно забыли о своем мнимом миролюбии: держат под ружьем 4 млн. человек и продолжают воевать⁴⁷. Интернационал и ведающий им коммунист

⁴⁵ Здесь и далее см.: *Ваганов А.* Как е дошъл в Русия «Съветския рай»? (Болшевишките ужаси в Русия). Пловдив, 1926. [НБИВ II 273972].

⁴⁶ Г. Ягода – глава НКВД, с 1924 г. заместитель председателя ОГПУ.

⁴⁷ Здесь и далее см.: *Кунчев Х.* Болшеvizмът на теория и практика. Световният заговор на Георги Димитров. София, 1939. С. 13, 15, 30. [НБКМ 91000].

Георгиев Димитров занимаются экспортом революции в другие страны⁴⁸. Именно из Москвы отправляются приказы Сталина зарубежным коммунистическим партиям с указаниями о том, какую им следует проводить военную, внутреннюю и внешнюю политику. В Москве созданы планы по захвату власти посредством восстаний во всем мире, которые уже поднимались в Уругвае, Парагвае, Чили, Китае, Греции и, совсем недавно, в Испании. К счастью, у Европы уже есть, кому защитить ее от большевизма: Муссолини и Гитлер. В целом, большевизм является разновидностью духовной эпидемии, заразной болезнью духа, которая, как всякая болезнь, поражает прежде всего слабые организмы. Поэтому он распространяется и цветет преимущественно на Востоке, где царят бескультурье и то, что называют «ориентальщиной». Но как только большевизм начинает продвигаться на Запад, то разом слабеет, причем чем дальше, тем больше.

Россия и грядущий Апокалипсис. Крушение большевистской России неизбежно из-за нарушения большевиками Божьих заповедей. Именно к такому выводу пытался подвести болгарского читателя С. Денев в своих брошюрах, изданных в середине 30-х годов XX столетия⁴⁹. Обильное использование автором библейских цитат наводит на мысль, что он являлся священнослужителем или человеком, близким к церкви. По стилю брошюры напоминают Откровение Иоанна Богослова и одновременно ветхозаветные апокрифы-пророчества, приправленные фактами из жизни тогдашней России. Последняя предстает перед читателем как черная сила Апокалипсиса, которая на краткое время установит в мире торжество зла. Близится час, когда грянет всемирная война, и ее вешие знаки уже явились людям: в России работают общества безбожников, в школах введено преподавание атеизма, в Киеве установлен памятник Иуде Искариоту. Во время Великих Господних праздников коммунисты устраивают уличные представления, в которых потешаются над Иисусом и Богородицей.

Сбываются слова из пророчества Даниилова «будет угнетать святых Вышняго», и свидетельством этому служат постоянные расстрелы в России священнослужителей, издевательства над ними и глумления. Епископ Воронежский Тихон, например, был сожжен заживо, владыка Пермский – ослеплен, другого умертвили, разрезали на куски, сварили в котле и под страхом смерти принуждали священников есть его мясо. Население большевистской России напоминает служителей сатаны и обитателей ада одновременно. Огромная армия таких большевистских адовых исчадий двинется на Запад, одержит

⁴⁸ *Тошев М.* Отворено писмо до Георги Димитров в Москва. София, 1942. [НБКМ I 52254].

⁴⁹ *Денев С.* Болшевишка Русия и бъдеща всемирна война. София, 1931; *Его же.* Червеният звяр (большевизма) София, 1935. [НБКМ 2332].

победы в Азии и Африке, дойдет до Палестины и займет Иерусалим, где пробудет семь лет. Однако Господь Бог сокрушит эту армию, и затем начнется контрреволюция во всем мире. Произойдет грандиозное планетарное землетрясение, атмосферные стихии разбушуются, на землю обрушатся метеоритные потоки и дожди с огнем и камнями. Разразится война, по сравнению с которой первая мировая будет выглядеть небольшим приключением. Россия (северный царь) поднимется против Англии (южного царя). К первому присоединятся финны, эстонцы и, возможно, германцы, а также турки, арабы и египтяне, которые восстанут против англичан в колониях.

Развивая апокалиптическую тему, С.Денев через четыре года обратился не только к Святому Писанию, но и дал собственную интерпретацию 17-й и 18-й глав Откровения Иоанна Богослова. По его словам, Москва и есть тот самый город, который связан с красным апокалиптическим зверем. Москва есть новый Вавилон, где смешались толпы разношерстных языков и племен. Она большая блудница, «расположившаяся на больших водах» и пьянящая людей вином, настоящим на идеях интернационала и коммунизма. Сладкая на вид, она очень коварна, ибо незаметно превращает человека в зверя. Красный зверь, на котором сидит эта женщина, и есть Россия. Коммунизм – это детище кровопийцы и человеконенавистника Сатаны. Коммунисты не стыдятся пролитой крови – они избрали красный цвет колером своего сатанинского знамени. Всего у красного зверя отрастут семь голов – семь великих держав, зараженных большевицкой болезнью: Англия, Франция, Россия, Италия, Япония, Америка и Китай. Но именно Москва есть мать всех блудниц и всех земных гнусностей. Поэтому во время войны, когда наступят «последние дни», ее покинут все верующие – одни из-за гонений, другие из-за надвигающейся кары Господней. Что же касается вождей Москвы, то им будет воздано по заслугам вместе с их детьми: не останется от них и следа. Они будут гибнуть от голода, мора, грабителей и ножей убийц.

Война с Германией и ее исход. Самым активным комментатором этой темы сразу же после нападения фашистской Германии на СССР оказался Петр Лунгов – пресс-атташе, служивший в болгарском дипломатическом представительстве в Загребе. Он без промедления поспешил издать небольшую книгу под заглавием «Почему гибнет Советская Россия? Секреты германских побед»⁵⁰, уверяя читателя, что окончил работу над ней еще в мае 1941 г., но не опубликовал ее тотчас же, а лишь давал читать в рукописи друзьям и знакомым. Тем самым П. Лунгов пытался обрядить себя в тогу непогрешимого пророка, хотя

⁵⁰ Дреновски П. [Лунгов Петър]. Защо пропада Съветска Русия? Тайна на германските победи. София, 1941. С. 14, 21–22, 24, 26, 34, 36.

на всякий случай и скрыл свое истинное имя под псевдонимом «Петр Дреновски». Автор явно лукавил со временем написания, поскольку уже с первых страниц опуса становится очевидным, что он был написан после 22 июня 1941 г., так как здесь пишется о вероломности СССР, якобы готовившегося вонзить нож в спину несчастной Германии, и той не оставалось ничего другого как нанести предателю превентивный удар.

Согласно П. Лунгову, ошеломительные победы германского оружия закономерны, равно как и неизбежность сокрушительного поражения СССР, поскольку оно предопределено объективными обстоятельствами. Наполеон не смог привести в России центробежные силы и склонил на свою сторону одну только Польшу, но фюрер сумеет использовать внутреннее недовольство в СССР. Пространство, погубившее армию Наполеона, сегодня для русских не преимущество, а недостаток: оно делает невозможной охрану железных дорог, сеть которых, кстати, недостаточно разветвлена. К тому же, вагоны не могут заменить русским грузовики, которых у них имеется меньше, чем нужно. И шоферов у русских тоже мало – в основном это трактористы, умеющие водить только танки, а они встанут из-за отсутствия у России необходимого количества нефти. Ведь Азербайджан от нее отделится, а Северный Сахалин займет Япония, и это оставит русских без топлива.

Победа Германии над СССР предопределена, потому что немцы несут населяющим его народам свободу и экономическое процветание. Еврейско-большевистское правительство оказалось неспособным организовать эффективное производство в богатой природными ресурсами России. Население ее обширных областей голодает и прозябает в нищете и недовольстве. По этой причине русские рабочие и крестьяне не станут защищать большевистское государство. Точно так же поступят и другие народы, которые уже провели генеральную репетицию сепаратизма в 1917 г., когда от Советской России отделились Украина, Грузия и Азербайджан. Но поражение России от Германии пойдет только на пользу ее побежденным народам, попавшим под германскую власть. Ведь еще в сентябре 1936 г. на Нюрнбергском съезде Нацистской партии фюрер недвусмысленно заявил: «Если бы Урал с его несметными богатствами полезных ископаемых... и Украина с ее необозримыми полями принадлежали бы Германии, то она (то есть Россия. – *К.И.*), находясь под национал-социалистическим руководством, захлебывалась бы от изобилия». Война Германии с Россией, по мнению П. Лунгова, есть спасение для всей Европы, ибо к последней относится и европейская часть России.

Положение болгар в России. Желая рассорить болгар и русских, враждебно относящиеся к СССР авторы сразу же после нападения

на него Германии начали муссировать тему страданий своих соотечественников, нашедших приют на русской земле. Речь шла о болгарях, переселившихся в Бессарабию и Южную Украину после неудачных русско-турецких войн XVIII–XIX в. Во время Второй мировой войны вслед за захватом немцами обширных советских территорий безымянный болгарский автор предпринял поездку по болгарским селам (Евгеница, Булатовка, Рухла, Серлу и Дулмени) в Бессарабии и в Одесской области. В результате этого путешествия появилась обстоятельная брошюра «Страдания болгар в Советской России»⁵¹, которая была снабжена большим количеством фотоснимков, подкреплявших слова автора. Он подчеркивает, что болгары значительно более трудолюбивые и хозяйственные, чем русские (не отдавая себе отчет, что в этих селах или поблизости жили не русские, а украинцы или молдаване. – *К.И.*), дома у них были каменные, чистенькие, раскрашенные веселыми красками, и выгодно отличались от местных мазанок. Болгарская зажиточность, по утверждению автора, вызывала у русских лентяев раздражение, зависть и ненависть, что нередко выливалось в драки, учиняемые пьяными дебоширами. Причем русские жандармы защищали болгарских переселенцев только для вида – на самом же деле они во всем потакали своим соплеменникам.

Следуя народной традиции, болгарские переселенцы уделяли большое внимание просвещению. Они построили на свои средства великолепные болгарскую среднюю школу в Комрате (Тигинская околия) и реальную гимназию в Болграде (Бессарабия). Кабинет по физике и химии в последней выглядел лучше, чем в Одесском университете. В Болграде переселенцы развели рыбу в озере Ялпуг, создали великолепные хозяйства по овцеводству, коневодству и овощеводству, служившие примером для всего юга России. Однако после большевистской революции этому благоденствию был положен конец: у зажиточных болгар отняли земли и дома. Новые хозяева привели хозяйство в плачевное состояние. Их неумение работать вылилось в то, что нивы заросли бурьяном, а присвоенные дома потонули в грязи и мусоре. Болгарских переселенцев насильно загнали в колхозы, реквизировали у них скот, обложили непосильными налогами, изымая даже посевное зерно. Села пришли в запустение, на месте добротных домов и амбаров возникли жалкие русские избышки и хибары. Тысячи болгар вместе с семьями были сосланы в Сибирь, часто неизвестно куда (автор приводит список фамилий таких, бесследно сгинувших, болгарских семей).

⁵¹ [Дитнер Х.] Страданията на българите в Съветска Русия. София, 1942. [НБКМ 149205].

Схожая картина репрессий наблюдалась и в болгарских селах в той части Бессарабии, которая до 1940 г. была румынской. Как только сюда вошли советские войска, за непродолжительное время были сосланы или переселены в другие районы тысячи болгарских семей. В качестве доказательства автор приводит снимки писем болгар, в которых описывались выпавшие на их долю страдания. Из Болграда, по его свидетельству, была выслана 1000 болгарских семей, православные церкви были разрушены или превращены в музеи атеистической пропаганды. По его выводу, в большевистской России болгары попали в рабство более страшное, чем турецкое. «Самый бедный крестьянин на нашей родине живет лучше этих несчастных, измученных людей!» – эмоционально восклицает он в своей брошюре и утверждает, что многие из болгар желают возвратиться на свою историческую родину.

СССР и славяне. Возврат к идее славянства в СССР, усиливавшийся по мере изгнания с родной земли фашистских оккупантов и приближения советских войск к границам славянских стран, довольно быстро был замечен в Болгарии и проанализирован в статье Б.А. Андреева⁵². Автор писал, что идея славянской близости, основанная на сходстве славянских языков, начала эксплуатироваться в России еще императрицей Екатериной II, которая, разумеется, думала прежде всего об интересах российской державы. Использование данной идеи как средства для установления гегемонии России в славянской Европе продолжалось и в последующие эпохи. Однако после установления в России большевистской власти эта идея была забыта в угоду доктрине всемирного коммунистического интернационала. Поэтому идея единого славянства не может быть отождествлена с большевизмом. Возрождение ее в годы Второй мировой войны свидетельствует лишь о стремлении большевиков сделать из нее своеобразного «троянского коня» для славянских стран с целью насаждения в них своих коммунистических идеалов. Таким образом, идея славянской солидарности, извлеченная большевиками из праха забвения, всего лишь карта в более крупных большевистских политических играх.

* * *

Завершая наш обзор содержания болгарской маргинальной литературы 20–40-х годов XX вв. о большевистской России, выскажем несколько общих наблюдений по поводу создававших ее авторов и всей этой литературы в целом. Часть из авторов являлась госслужащими и выступила против СССР, руководствуясь не только своими личными политическими взглядами, но и по должности. Таким

⁵² Андреев Б. Възможно ли е идеята за славянството да се отъждествява с комунизма? // Простор, № 6. София, 1943. С. 9–11. [НБКМ А 2148].

деятелем был, видимо, дипломат П. Лунгов, скорее всего, сочетавший дипломатию с другими «деликатными» обязанностями, работая на свои (а, может быть, и на германские) спецслужбы. Не исключено, что он сказал правду и начал создавать свое «сочинение» еще до вероломного нападения Германии на СССР, зная о его подготовке.

Абсолютно ясна ситуация и с основателем НСБРП, лидером болгарских фашистов Х. Кунчевым. Большинство его рассуждений о большевизме и жидомасонстве являются перепевами рассуждений его учителей из нацистской Германии.

Профессор Асен Цанков и его единомышленник П. Джидров были социал-демократами и, осуждая большевизм, тем самым стремились от него отмежеваться.

Хорошо понятны и чувства С. Денева, бывшего, по всей вероятности, лицом духовного чина или особой, близкой к Болгарской Православной Церкви. Он, конечно, не знал о секретном распоряжении В.И. Ленина, приказавшего расстрелять 100 тыс. священников, но утаить столь масштабное гонение на Церковь было попросту невозможно. Совершаемые с особой жестокостью массовые казни русских православных священников воспринимались в сознании глубоко религиозных людей как начало Апокалипсиса, а сама большевицкая Россия представлялась восставшим из преисподней Красным Апокалиптическим Зверем.

Большое воздействие на сознание болгар оказывал перевод на болгарский язык речи адвоката Шарля Обера, выступившего в Швейцарии защитником белогвардейцев Конради и Полунина – ликвидаторов советского посла Воровского в Лозанне. После яркой речи адвоката и его красочного рассказа о преступлениях большевицкой власти против собственного народа швейцарский суд оправдал обвиняемых. Многие приводившиеся Ш. Обером факты позднее широко использовались в болгарской антибольшевицкой литературе.

Можно также отметить, что ряд публиковавшихся в Болгарии, антибольшевицких авторов не были болгарами по происхождению. Особенно активно проявил себя М. Есив, который собрал в своих работах множество свидетельств об антигуманной сущности большевизма, способных вызвать гнев и отвращение у любого нормального человека.

Не болгарскую, а скорее немецкую, фамилию носит и автор брошюры о тяжелой жизни болгарских переселенцев в Бессарабии и Южной Украине: Х. Дитнер. Видимо, по этой причине он предпочел не ставить на брошюре свою фамилию, сделав публикацию анонимной.

Анонимной осталась и брошюра «Моральное разложение в СССР». Она представляет собой подборку и комментарии к материалам соответствующего содержания из советских газет. Ее составитель и переводчик был явно болгарин, а не белогвардейским

эмигрантом, поскольку слово «анаша» (наркотик из конопли) он поместил в тексте с пометкой «непереводимый жаргонизм».

Содержание отдельных публикаций носит заведомо односторонний характер: их авторов можно упрекнуть в необъективности, незнании истории и манипулировании фактами. Так, например, утверждение о технической отсталости СССР опровергла Вторая мировая война. Вспомним хотя бы всеобщее признание советского Т-34 лучшим танком Второй мировой войны или восторженные отзывы союзников о наших знаменитых «катюшах» и наводивших ужас на врага штурмовиках Ил-2.

Неверно и утверждение о том, что идея славянской близости возникла при императрице Екатерине II. Она появилась гораздо раньше: о славянской близости на основе сходства славянских языков писал еще в XVII столетии живший в России хорватский просветитель Юрий Крижанич.

«Страдания» болгарских переселенцев в России и разорение их сел были вызваны отнюдь не жестокостью и завистью русских аборигенов – они отражали общую трагедию крестьянства в большевистской России.

«Демоническое» еврейство самым активным образом участвовало в захвате большевиками власти, заняло множество важнейших государственных постов⁵³, но, соорудив вместе с другими тоталитарную машину для массовых репрессий, оно само впоследствии понесло от нее жестокие потери и начало обвинять в «антисемитизме» советские власти.

Временами авторов можно уличить в прямом подлоге. Так, например, Бухарин в «Азбуке коммунизма» пишет о том, что ребенок принадлежит не только семье, но и обществу⁵⁴, а его болгарский интерпретатор добавляет за него: «а, следовательно, и Коммунистической партии». Схожим образом обстоит дело и в случае с С.Н. Смидович, которая в своей публикации пишет, что «полигамия или, вернее, беспорядочные половые отношения, свойственные первобытному коммунизму, отнюдь не соответствуют нашему строю общества»⁵⁵. Убогая полигамная «философия», да еще с претензией на коммунистическую прогрессивность, над которой С.Н. Смидович так жестоко иронизирует, в вольной трактовке болгарского переводчика превращается в большевистский призыв к беспорядочным совокуплениям.

⁵³ Список фамилий «семивагонников» с указанием постов, которые они заняли после организации большевистского переворота 1917 г., приведен в приложении (с. 274–279) к сенсационной книге американского историка Э. Саттона, вышедшей в 1974 г. Русский перевод этого труда см.: *Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция*. М., 1998.

⁵⁴ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Харьков, 1925. С. 173.

⁵⁵ См.: Смидович С.Н. О любви (посвящается нашей молодежи) // Правда. 24 марта 1925 г. № 67. С. 5.

Одновременно можно констатираме, че подавяващото мнозинство упоминачи се в маргинална литература факти отражаат реална трагическа история на Русия и на населението на неа в 20–40-те години на XX век. Эти факти стана широко известни на нашето общество само по-късно – само след като рухна комунистическият режим и отмени жестока идеологическа цензура. Голяма роля в познанието с неми русияни играха книги на А.И. Солженицын и публикации на документи в обществено-политическа периодика. Материали на подобен род все още раз потвърждават аксиомата, че за идеолозите на тоталитаризма «идеята е все, а човеческа живот – нищо», и милионна човеческа маса – само само строителен материал, значителна част на която неизбежно поити в отход. Поэтому нелишно все още обратити се к таким фактам, чебы извлечь из нех соответствующие уроки.

БОЛШЕВИШКА РУСИЯ В БЪЛГАРСКАТА МАРГИНАЛНА ЛИТЕРАТУРА ПРЕЗ 20-ТЕ – 40-ТЕ Г. НА XX В.

Игор Калиганов

В статията се разглеждат слабо изучени материали за отношението към болшевишка Русия през 20-те – 40-те г. на XX век. За българите, които не се поддават на гигантската пропагандна съветска машина, тръбяща за невиданите успехи на руснаците в строителството на принципно новото общество, призвано да стане образец за цялото човечество. В действителност, както става ясно от приведените в статията факти, болшевиките се движат към технически прогрес с цената на колосални жертви, постигайки пътя към бъдещия «рай» с милиони трупове, изповядвайки канибалското кредо «идеята е всичко, човекът – нищо». Самата болшевишка върхушка далеч не стои в очакване да настъпи този всеобщ рай, а го създава за себе си още през тези години. Това поражда множество обществени пороци: цинизъм, лицемерие, вседозволеност за вождовете, разхищаване на държавни средства, бюрократизиране на държавния апарат, рушветчийство, коравосърдечие към безжалостно експлоатираните работници и селяни, жесток терор спрямо несъгласните със съществуващия ред и т.н. По голямата част от «неудобните» статии и книги, разкриващи истинското положение в болшевишка Русия, биват иззети от българските библиотеки по заповед на местните комунистически власти непосредствено след влизането на Съветската армия на територията на България през септември 1944 г. и остават за българите почти неизвестни. В статията за първи път е представена гледната точка на българите, алтернативна на онова, което е писано за Съветска Русия от българските комунисти през 20-те – 40-те години на XX век.

Н.Н. Пономарева

Комедии Йордана Радичкова и Станислава Стратиева в Советском Союзе

Болгарская драматургия второй половины XX в. по сравнению с поэзией и прозой не имела столь крепких традиций в прошлом. Так, в комедиографии первой половины века, пожалуй, можно назвать лишь несколько пьес, которые и в дальнейшем продолжали свою жизнь на сценах болгарских театров: «Службогонцы» Ивана Вазова, «Свекровь» Антона Страшимирова, «Големанов» и некоторые другие комедии Стефана Костова. Кстати, все они с успехом ставились и в Советском Союзе. В ходе становления, дальнейшего развития и обретения художественной самоидентификации болгарский театр черпал из опыта мировой драматургии. Значительную роль в исторических судьбах национального театрального искусства Болгарии сыграла и русская драматургия. Особое место принадлежит Максиму Горькому. Начиная с 1914 г., когда в Болгарии появилась первая драматизация романа «Мать», имя писателя, вплоть до запрета царской цензурой его произведений, прочно утвердилось на театральных афишах страны. Однако уже в 30-е годы, несмотря на препоны властей, болгарские зрители смогли познакомиться с произведениями некоторых советских драматургов (Александра Корнейчука, Виктора Гусева, Владимира Киршона, Василия Шкваркина и др.).

В послевоенные годы русская классическая и советская драматургия свободно шагнула на сцены болгарских театров, а пьесы Максима Горького заняли в них ведущее место. Так, уже в краткий период с 1945 по 1948 гг. было поставлено более сорока советских пьес.¹ Среди них: «Русские люди», «Под каштанами Праги», «Жди меня» Константина Симонова; «Дальняя дорога» и «Таня» Алексея Арбузова; «Машенька» Александра Афиногенова; «Платон Кречет» и «В степях Украины» Александра Корнейчука; «Нашествие» Леонида Леонова; инсценировка «Молодой гвардии» Александра Фадеева.

На протяжении всего послевоенного периода до 1989 г. болгарская драматургия развивалась в русле национальной литературы в целом. В ней своеобразно (с учетом родовой специфики) отразились общие тенденции литературного развития - новые, позволяющие ей встать вровень с достижениями поэзии и прозы, и отрицательные, тормозящие ее поступь (сковывающие рамки социалистического реализма, навязываемая лжетеория борьбы хорошего с лучшим,

¹ Державин К. Болгарский театр. Очерк истории. М., 1950.

бесконфликтности и другие требования официальной критики, которая во многом подражала советской). В пьесах с современной тематикой преобладала критическая направленность по отношению к действительности. Однако при этом критике подвергались в основном только нравственные изъяны общества в самых разных областях жизни. В первые годы упор делался на так называемые пережитки буржуазного прошлого, далее – на обличение мира мещанства, который порождал в обществе многочисленные социальные и нравственные пороки. Авторы нащупывают болевые точки в повседневной жизни, когда эрозия потребительской стихии, карьеризма, бюрократизма разъедает естественные гуманные отношения между людьми, подрывает их взаимное доверие, рушит дружеские связи, любовь, заставляет подчас забывать о доброте, великодушии, сострадании.

Разумеется, все эти явления в разных вариантах отразились в жанре болгарской комедии, которая имеет своей целью прежде всего осмеяние, разоблачение негативных общественных недугов. В 60–80-х гг. она развивалась уже не менее интенсивно и успешно, чем другие драматургические жанры. Ее обогащение шло по многим направлениям. К драматургии, в том числе и к комедиографии, обратились многие талантливые писатели, ранее успешно проявившие себя в поэзии и прозе. Они решительно преступали, казалось, нерушимые драматургические нормы, создавали новые жанровые формы. Например, именно в это время появляется лирико-поэтическое направление («поэтическая волна»), существенно оживившее жизнь болгарского театра. Так, в комедии одного из наиболее ярких представителей этого направления поэта Валерия Петрова (р. 1920) «Когда танцуют розы» (1959) гармонически сочетаются как будто несоединимые приемы: комедия и психологическая драма, нравственно-философские диалоги и буффонада, реальное и фантастически-условное действие. Неизмеримо выросла роль диалога, вытеснившего навязчивую событийность и подчеркнувшего остроту интриги. В «интеллектуальных» комедиях прозаика Димитра Димова (1909–1966) «Женщины с прошлым» (1959) и «Виновный» (1960) он занимает центральное сюжетобразующее место. Ироничный, остроумный, легкий, динамичный, полный афоризмов и парадоксов, он организует действие и отлично выражает идеи пьесы. По-новому и часто в романтическом и лирическом ключе представляется конфликт между поколениями, эмоциональный бунт «молодых» против лицемерия, нечестности, равнодушия и косности «стариков» в миниатюрах Ивана Радоева (1927–1994). Важным звеном в этом обогащении является овладение авторами всей палитрой художественных средств комического – от шаржа, фарса, буффонады до сатиры, гиперболы, абсурда, гротеска, пародии, фантастических преувеличений и т.д.

Наивысших достижений во второй половине XX в. болгарская комедиография достигла в 70-80-е гг. Можно утверждать, что Иван Радоев, Йордан Радичков, Станислав Стратиев, Недялко Йорданов, Христо Бойчев и др. создали пьесы, которые подняли болгарскую комедиографию на новый художественный уровень и привлекли внимание не только в Болгарии, но и далеко за ее пределами. В Советском Союзе особый интерес театров и широких театральных кругов, зрителей вызвали комедии Станислава Стратиева и Йордана Радичкова. Нестандартные подходы к художественному воплощению в них важных процессов современности, широкое использование многообразия средств комического встречались в советской комедии тех лет нечасто.

Станислав Стратиев (1941–2000) – одно из наиболее ярких открытий в болгарской комедиографии 70-80-х гг. прошлого века. В его пьесах «Римская купальня» (1974), «Замшевый пиджак» (1976), «Автобус» (1980), «Максималист» (1983), «Мамонт» (1990) и др. ярко высвечиваются и укрупняются негативные явления современного общества и посредством очистительного пламени смеха вскрывается абсурдность этих явлений, их несовместимость с этическими и моральными нормами. Задача драматурга – обратить внимание на опасность разлагающего влияния потребительской стихии, бюрократизма, карьеризма, стереотипов мышления и поведения, эгоизма. Все это ведет к деградации внутреннего мира человека. Недаром в одном из интервью С. Стратиев сказал: «Настоящая сатира – это прежде всего боль за человека».

Как правило, в основу драматургического конфликта в комедиях С. Стратиева заложена довольно реальная жизненная ситуация, которая в дальнейшем, в результате заострения, становится нелепой и даже абсурдной. Так, фабула первой пьесы автора «Римская купальня» строится на анекдотическом, курьезном, но в общем возможном событии: при ремонте полов в квартире героя на нижнем этаже обнаружена античная римская купальня. О ней узнают всякого рода машинаторы и бюрократы, которые норовят на этом нагреть руки.

Нет ничего особенного и в начальном эпизоде комедии «Замшевый пиджак». Герою не повезло – купил бракованный лохматый (из выворотной кожи) пиджак. В сельской овчарне его привели в порядок – постригли, но деньги по квитанции взяли как за стрижку овцы. С этого момента всего лишь смешная ситуация превращается в тупиковую, безвыходную – герой не может доказать, что у него нет и никогда не было овцы. Но он принужден платить за нее налог.

Комедия «Максималист» начинается совсем уж обыденно: молодые супруги, скопив немного денег, покупают гардероб. Далее автор прибегает не только к гротескным, но и прямо фантастическим приемам.

Гардероб из вещи, предназначенной лишь облегчить быт семьи, превращается в узурпатора, пытающегося подчинить себе не только поведение, но и образ мышления хозяев.

Зло в пьесах С. Стратиева многолико. Поэтому автор выступает против него с разнообразным оружием – юмором и добродушной насмешкой, иронией и сарказмом, сатирическим гротеском и гиперболической метафорой. Абсурдизм в комедиях С. Стратиева соотносим с западноевропейским театром абсурда (Камю, Ионеско, Беккет, Пинтер), с которым он был знаком и известное влияние которого он, по-видимому, испытывал. Однако между ними существуют и принципиальные различия. Болгарский критик и литературовед Светлозар Игов определяет это направление в драматургии С. Стратиева (а также и ряда других болгарских комедиографов) как «социалистический абсурдизм» и справедливо отмечает, что «он опирается не столько на пессимистическую философию экзистенциализма, сколько на реалистическую оценку социалистических абсурдов и фальши тоталитарных обществ».² Здесь, пожалуй, более уместно сравнение с драматургическим творчеством польского писателя Славомира Мрожека (р. 1930), в комедиях которого конца 50-х – начала 60-х гг. XX в., как и у С. Стратиева, сатирический гротеск, пародия, абсурдные ситуации, в отличие от довольно абстрактного абсурдизма на Западе, тоже напрямую указывают на реалии и проблемы современности.

Комедии С. Стратиева могут быть отнесены к типу сатирических, хотя степень сатирического обличения в них и разная. Комические ситуации в них содержат в себе нечто, заставляющее читателя или зрителя за частным случаем, нередко парадоксальным, видетьстораживающую и вызывающую активный протест отрицательную тенденцию и подходить к обобщениям нравственно-социального характера. В то же время они вызывают смех, остроумны и занимательны. Так, в первой комедии болгарского комедиографа «Римская купальня» смех в зале театра не смолкает, по существу, ни на минуту. Автор создает гиперболизированные, яркие и остроумные ситуации, в которых выразители нравственных пороков сами себя разоблачают. Однако в этой пьесе насмешка (часто добрая) и юмор значительно преобладают над сатирой. Но в эпизоде со Спасателем, явившемся в бассейн нести спасательную службу, хотя заведомо известно, что в бассейне уже много веков нет воды, ситуация из просто анекдотической перерастает в абсурдно-гротескную, и смех приобретает язвительный характер.

В комедии «Замшевый пиджак» С. Стратиев выстраивает полуфантастическое Учреждение с лабиринтом коридоров и массой

² Игов С. В сложная и двусмыслен свят. Творчество на Станислав Стратиев // Станислав Стратиев. Избрано. София, 2002. С. 8.

кабинетов, в которых абсолютно невозможно разобраться из-за постоянной реорганизации. И в самом деле, как здесь не запутаться, если на двери кабинета, где герою надо решить вопрос о мифической овце, написано: «Водоплавающие собаки с ограниченным надоем молока»! Служащие Учреждения закоснели в инерции и механизированности мышления, умственной лени и равнодушии. Радиоточка в одном из кабинетов работает круглые сутки, потому что предшественник нынешнего его хозяина пятнадцать лет тому назад будто бы сказал, что она выключается только централизованно, а проверить это чиновнику просто не приходит в голову. Гротескный и абсурдный мир Учреждения очень смешон, но и страшен, опасен. Ведь эта яркая метафора, пожалуй, жива и в современной Болгарии, а может, и не только в ней. Здесь уместно провести известную параллель с «Баней» В. Маяковского.

В комедии «Максималист» С. Стратиев показывает, как чрезмерная тяга к материальной обеспеченности, комфорту, может породить такое уродливое явление, как накопительство, так называемый «вещизм». Гардероб, который купили герои, – его метафорическое олицетворение. Он претендует на то, чтобы его признали «Способом мышления. Способом существования. Идеей». Таким образом, «гардеробное» грозит победить человеческое в человеке. И эта метафора вполне актуальна в нашем сегодня.

Неповторимая в художественном своеобразии комедиография Йордана Радичкова (1929–2000), как и все его творчество в целом, ведет свою родословную прежде всего не от литературных и тем более не от западных традиций, а от болгарского народного творчества. Хотя тесные связи с ним у писателя весьма необычны. Прекрасный знаток сказок, легенд, поверий своего родного края, он часто переосмысливает их или, заимствуя их структуру, создает новые ситуации, новые притчи, нередко прибегая к пародии и широко используя иронию, гротеск, фантастику. Таким образом, можно говорить о фольклорном мироощущении писателя. Преобразовательные процессы в стране и мире, когда, по выражению Радичкова, все меняется, «встает с ног на голову», самым непосредственным образом и, может, гораздо больше, чем другие слои населения, затронули болгарское село. В первой своей комедии «Суматоха», обыгрывая в 13-ти вариантах известную народную притчу о хитрой лисице, притворявшейся мертвой, писатель прибегает к яркой театральной условности и показывает, в какую жизненную суматоху ввергло болгарского крестьянина вторжение цивилизации в его патриархальные устои. Герои комедии, болгарские крестьяне, каждый по-своему пересказывая притчу, представляют разные стороны сельского космоса во время хаоса («суматохи») нового времени.

Сельский быт в комедиях Радичкова узнаваемо реалистичен, будничен и одновременно причудлив, фантастичен и даже таинствен (комедия «Январь»). Человек у него органически слит с окружающей средой, предметный и животный мир «живет» и даже «действует» с ним по существу почти на равных. Здесь можно почувствовать известную близость автора к Гоголю. Так, в комедии «Январь» наряду с крестьянами, собравшимися в корчме побеседовать о новостях, почитать газеты, присутствуют и другие персонажи – дятел, который не прочь выпить ракии, тенец (фантастический образ из народных поверий), приславший героям «анонимное» письмо и желающий поехать на экскурсию в Цариград. Все эти необычные явления нимало не смущают крестьян, в сознании которых живы народные поверия, сказки, мифы. Правда, их озадачивает странное исчезновение одного из героев. Он уехал на санях в город, не боясь волков, рыскающих вокруг, и не вернулся. Вместо него к корчме подкатили сани с его ружьем и мертвым волком. Тогда завсегдаи корчмы один за другим отправляются на выяснение тайны – и вместо каждого из них возвращаются те же сани с новыми убитыми волками. Автор не дает разгадки этой притчи, оставляя ее режиссерам и зрителям. А может быть, она кроется в реплике одного из персонажей: «Совсем другое дело, когда идешь не один, а с дружиной». В комедии заложена проблема экзистенциального плана – жизни и смерти, круговорота человеческого бытия, в котором присутствует не только современность, но и далекое и часто таинственное сказочное прошлое.

Монодрама Радичкова «Лазарица» философского содержания, хотя и в ней присутствуют элементы комического. В центре ее – так называемые «вечные проблемы». Герой, крестьянин Лазар, хотел застрелить свою собаку, заподозрив ее в бешенстве, но промахнулся и только перебил цепь. Спасаясь от разъяренной собаки, он влез на дерево да так и просидел на нем в продолжение четырех времен года – весну, лето, осень и зиму. В соответствии с ними меняются смысл и тональность монолога героя. Он – о жизни, человеке, его судьбе и о его одиночестве, о чувстве вины, неосуществленности долга и желаний, о природе и ее месте в жизни человека, то есть о метафизических вопросах бытия. Это разговор с самим собой, если не считать немногих и, естественно, безответных обращений к собаке либо к сороке. Магия слова делает монолог Лазара самодостаточным для организации внутреннего действия, создания спектакля, а не только пьесы для чтения.

В большинстве комедий Радичкова герои – простые крестьяне, еще во многом патриархальные, занятые будничными заботами «о хлебе насущном». Но в комедии «Попытка полета» они волею случая на аэростате, неведомо откуда занесенном в село, поднимаются

над землей. Автор создает философскую притчу с большим зарядом комического и остродраматического. После первых минут страха эти простые крестьяне забывают о постылом быте, воспаряют над земной суетой, открывают доселе им неведомый мир – осознают красоту родной земли, мечтают о чем-то светлом, совсем не похожем на прежнюю жизнь. И печальный финал этого фантастического и прекрасного путешествия (по десять плетей каждому в наказание) не меняет смысла притчи – в каждом человеке заложена жажда «полета».

Несколько особняком стоит последняя комедия Радичкова «Образ и подобие». Сказочность в ней, притчевость, аллегоричность и ассоциативность служат для выражения конкретного политического тезиса и даже в известной мере конкретной политической ситуации. В пьесе обыгрывается парадоксальный случай, когда власть случайно попадает в руки невежественного и нравственно неразборчивого человека (дровосек получает «царство за коня»). Однако сатирическое обличение насилия, коррумпированности, силы власти над разумом выходит на реалии не только недавней болгарской действительности, а приобретает и общечеловеческие параметры. По силе и точности критической направленности, а также значимости проблем, не ограниченных рамками конкретного времени и места, эту комедию уместно сравнивать с «Драконом» Е. Шварца.

Как уже говорилось выше, болгарская комедиография второй половины XX века не могла прочно опереться на традиции прошлого. Тем не менее она успешно развивалась и пользовалась заслуженным успехом. Однако в первые послевоенные годы это была главным образом психологически-бытовая или социально-психологическая комедия. Гротеск, пародия, парадокс, приемы абсурдизма, аллегоричность, острая сатира, гиперболичность и др. приемы из широкого арсенала комического, а также метафоричность, мифологизм, притчевость и пр. не использовались или встречались крайне редко. В то время как именно такие художественные средства выражения существенно расширяют содержательное и проблемное поле произведения, придают большую глубину заложенному в нем смыслу и продлевают его жизнь в искусстве. Поэтому не удивительно, что в российских театрах (и не только в них) и поныне идут и продолжают вызывать повышенный интерес пьесы В. Маяковского, Е. Шварца, Н. Эрдмана и что именно они оказались близки по художественным подходам и духу комедиям Радичкова и Стратиева, несмотря на существенную разницу во времени их написания, национальное и индивидуальное писательское своеобразие.

Яркая театральность и избранные Радичковым и Стратиевым средства выражения придают художественной реальности в их комедиях большую достоверность и глубину. Это реализм, но не критический

и тем более не социалистический. Это сатирический, аллегорический (Стратиев), мифологический, философский (Радичков) или какой-то иной, вбирающий в себя сочетание художественных подходов, но реализм.

Драматургия – это род литературы. Пьесы не только ставятся в театрах, но и читаются. Советский читатель смог познакомиться (в переводах) с довольно многими болгарскими авторами драматургических произведений. Так, пьесы И. Вазова и Д. Димова вошли в их собрания сочинений на русском языке. В популяризации современной болгарской драматургии принял участие журнал «Театр»³. Пьесы О. Василева, К. Зидарова, И. Пейчева, В. Петрова, Д. Димова, Н. Русева, Н. Хайтова опубликованы в томе «Пьесы болгарских писателей» в серии «Библиотека болгарской литературы»⁴. Отдельным изданием вышли сборники пьес И. Радоева⁵ и С. Стратиева⁶. И. Радичкову повезло меньше: до последнего времени были опубликованы лишь две его комедии – «Попытка полета» (в томе избранных произведений писателя)⁷ и «Образ и подобие» в журнале «Иностранная литература»⁸. И только в 2005 году (уже после смерти писателя) по инициативе Болгарского культурно-информационного центра в Москве вышел том, включающий четыре (из шести) его пьесы («Суматоха», «Январь», «Лазарица», «Попытка полета»)⁹. Теперь российский читатель, не смотря на мизерный тираж книги (500 экз.), наконец, может получить более полное представление о замечательном болгарском комедиографе Й. Радичкове. Кстати, судьба прозы писателя на русском языке оказалась гораздо более благоприятной. Она начала издаваться уже с 60-х годов XX века, а два солидных тома его избранных произведений (в серии «Мастера современной прозы» и «Библиотека болгарской литературы»)¹⁰ вышли тиражом по 50 000 тысяч экземпляров.

Популяризации болгарской драматургии и театра в Советском Союзе в большой степени способствовали организация и проведение

³ Асенов Д. Обеспечено золотом // Театр. 1976. № 2; Радоев И. Красное и коричневое // Театр. 1972. № 6; Стратиев С. Замшевый пиджак // Театр. 1979. № 8; Пономарева Н., Швидкой М. Здравствуй, Болгария!.; Жаровцева И., Глазунова О. Радостные открытия; На советско-болгарском симпозиуме // Театр. 1978. № 11.

⁴ Пьесы болгарских писателей. М., 1971.

⁵ Радоев И. «Красное и коричневое» и другие пьесы. М., 1980.

⁶ Стратиев С. «Автобус» и другие пьесы. М., 1986.

⁷ Радичков Й. Избранное. М., 1982.

⁸ Радичков Й. Образ и подобие: Хроника // Иностранная литература. 1990. № 3.

⁹ Радичков Й. «Попытка полета» и другие пьесы. М., 2005.

¹⁰ Радичков Й. Избранное (Серия «Мастера современной прозы»). М., 1979; Избранное (Серия «Библиотека болгарской литературы»). М., 1982.

в стране трех Фестивалей болгарского драматического искусства, заключительные этапы которых прошли в 1969, 1978 и 1988 годах. Репертуарный отдел Министерства культуры проводил работу по переводу и распространению на ротапринте по театрам страны пьес болгарских авторов.

В первом Фестивале участвовало около 80-ти театров страны, во втором – вдвое больше, 160 и в третьем – около 100. Эти цифры не требуют комментария – советские режиссеры и зрители проявили повышенный интерес к болгарскому театру. И географические рамки всех трех Фестивалей необычайно широки. Перечисление республик и городов, театры которых приняли в них участие, заняло бы слишком много места. С большим вниманием отнеслись к драматургии Болгарии ведущие театры страны – Москвы, Ленинграда, Киева и др. Так, например, москвичам представилась возможность посмотреть в Малом театре пьесу Георгия Джагарова «Маленькая эта земля», в Театре им. Моссовета – пьесу «Передышка в Арко Ирисе» Димитра Димова, в театре Сатиры – комедию «Замшевый пиджак» Станислава Стратиева, а в Театре им. Пушкина «Римскую купальню» того же автора. Театр им. Ермоловой поставил одноактные пьесы Н. Хайтова («Тропинки», «Лодка в лесу», «Псы»), театр Советской Армии – комедию В. Петрова «Когда танцуют розы», Московский областной театр – комедию Х. Бойчева «Нечто».

Многие советские театры заинтересовались драматургическими произведениями авторов первой половины XX века (Ивана Вазова, Пейо Яворова, Стефана Костова, Рачо Стоянова, Антона Страшимирова и др.). Особый успех выпал на спектакль театра «Современник» по пьесе Р. Стоянова «Мастера» в постановке известного болгарского режиссера Вили Цанкова. Однако в центре всех трех Фестивалей оказалась болгарская драматургия с современной тематикой нравственно-психологического и социально- нравственного аспекта. Проблемы, которые поднимались в пьесах болгарских авторов, были близки и понятны советским зрителям, поскольку они сталкивались с ними и в своей повседневной жизни.

Наиболее востребованными оказались комедии С. Стратиева. Однако острая сатира общественных пороков в них далеко не везде встретила благожелательный прием местных властей. Так, даже самая первая комедия драматурга «Римская купальня», в которой юмора и насмешки больше, чем сатиры, была снята с постановки в театре Ставрополя. Наибольший успех имели две комедии С. Стратиева – «Замшевый пиджак» и «Автобус». Первую поставили более 15 театров Советского Союза, а вторую – 12. Объяснение этого феномена следует искать не только в художественном уровне комедий, но и в том факте, что советские театры на долгие годы утратили (или подзабыли) такие средства выражения, как гипербола, гротеск, приемы

абсурда и пр., которые в свое время широко использовались (Владимир Маяковский, Николай Эрдман и др). Об этом им напомнили комедии С. Стратиева.

Некоторые театры не смогли в полной мере освоить особенности жанра сатиры, но большинство из них не ограничились эксплуатированием комического эффекта ситуаций и сумело извлечь из пьес Стратиева пафос категорического осмеяния бюрократов, стяжателей, карьеристов или просто равнодушных людей-эгоистов. Так, в спектакле московского Театра сатиры по комедии С. Стратиева «Замшевый пиджак» режиссер Александр Мекке стремился выстроить цельное сатирическое действие, вбирающее в себя и остроту комической репризы, но не подчиненное ей. Театр располагал большим опытом в постановке пьес Маяковского, и режиссер со всей очевидностью выявил связь болгарского автора с драматургией советского писателя.

Популярность в рамках третьего Фестиваля комедии «Автобус» можно объяснить тем, что она привлекла внимание не столько комическими ситуациями, сколько сочетанием едкой сатиры и средств драматического и порой даже почти трагического изображения. Смех в ней невесел (если вообще звучит). Чувствуется искренняя боль автора за нравственную неустойчивость, равнодушие и эгоизм современника. В этой пьесе нет гротеска, гиперболы, но не трудно распознать аллегорию на хаос в стране, которую не преминули использовать в своих постановках советские режиссеры.

Комедии Й. Радичкова во всех трех Фестивалях болгарского драматического искусства в Советском Союзе по количеству спектаклей не могут сравниться с успехом пьес С. Стратиева. Притча в драматургии – не частый гость в советском театре тех лет. Здесь для театра было важно найти единство интеллектуализма и национальной специфики, достоверности и условности, которого невозможно добиться известными ходами, с помощью готовых приемов. Самобытность художественного видения писателя, специфика его поэтики требовали от режиссеров известной склонности к эксперименту, творческой смелости или просто большего времени для репетиций. Ведь нередко спектакли в рамках Фестивалей ставились в короткие сроки. Советский зритель смог познакомиться только с тремя комедиями автора («Январь», «Лазарица», «Попытка полета»). Интересно, что наибольший интерес к ним проявили театры Прибалтийских республик. В знаменитом в те годы литовском театре Паневежиса шла «Попытка полета», в Каунасе – «Лазарица». Столичные театры в Таллине, Риге и Вильнюсе предложили свое оригинальное решение одной из труднейших для художественной и философской интерпретаций комедии Й. Радичкова «Январь». Спектакли получились интересные, удачные, но во многом и разные.

Так, снег, заметающий корчму в этой пьесе, в одной интерпретации (Таллин) – знак противостоящего человеку и человечеству злу, а в другой (Вильнюс) – образ вечной сказочной красоты, куда уходят люди. В первом случае – это белое безмолвие, во втором – мир праздничных превращений. Соответственно по-разному режиссеры решают и финал пьесы. В постановке эстонского режиссера герои преодолевают страх перед возможной гибелью и бросают вызов смерти. Праздничным смехом заканчивается спектакль литовского режиссера. Весело хохоча друг над другом и над самими собой, герои уходят в белоснежные дали под ликующую музыку. Смерти нет. Вероятно, смысл комедии «Январь» можно прочитать и воплотить на сцене и как-нибудь иначе. Автор предоставляет это каждому режиссеру и каждому зрителю.

Наиболее зрелые постановки Фестивалей, в том числе комедий С. Стратиева и Й. Радичкова, увеличивают потенциал драматургического произведения, проясняют и часто углубляют его смысл. Исторический опыт, культурные традиции одной страны и народа вступают на сцене театра в живое органическое взаимодействие с ценностями другой культуры. Таким образом рождаются новые, во многом уникальные произведения театрального искусства.

КОМЕДИИТЕ НА ЙОРДАН РАДИЧКОВ И СТАНИСЛАВ СТРАТИЕВ В СЪВЕТСКИЯ СЪЮЗ

Н.Н. Пономарьова

През 60-80 гг на XX в. българската комедиография привлича голямо внимание не само в България, но и далеч зад нейните предели, в това число и в Съветския Съюз. Станислав Стратиев и Йордан Радичков са едни от най-ярките представители на този драматургичен жанр. В своите сатирични комедии те разкриват опасността от разложителното влияние върху обществото на нравствените пороци, водещи към деградация на вътрешния свят на човека (С. Стратиев), показват последствията от най-важните преобразователни процеси в страната и особено в българското село (Й. Радичков). Авторите щедро използват похвати на широката палитра от средства за комическото, както и метафоричност, митологизъм, притча. Именно този художествен аспект у двамата български комедиографи най-вече привлича вниманието на съветските режисьори и осигурява големия успех сред зрителите.

Радостин Русев

**Русская эмиграция в Болгарии 1918–1944 гг.
(в контексте русско-болгарского культурного
диалога, межславянского культурного
общения и славянской идеи)**

На протяжении многих веков Болгария и Россия посредством прямых или книжных контактов обменивались духовными и культурными ценностями, и это способствовало сближению между нашими народами. По причине, хотя и «недоброго стечения обстоятельств»¹, непосредственное массовое общение болгар и русских осуществилось и в конце 10 – середине 40-х годов XX в. Именно тогда изгнанные большевистской властью или спасавшиеся от ужасов гражданской войны русские ученые, писатели, журналисты, художники и театральные деятели оказались в Болгарии. Болгарская столица превратилась в один из центров русской эмиграции с собственной культурной жизнью, которая включала в себя книгоиздательство, периодическую печать и школы.

Независимо от причин эмиграции, можно констатировать, что в 20–30-х годах XX в. Болгария испытала мощный русский культурный прилив, который, похоже, все еще является малоизвестной и недооцененной главой из истории русско-болгарских отношений и русско-болгарского межкультурного диалога. По своей сути он не может быть определен иначе, как составная часть и естественное продолжение уже существовавшей тенденции проникновения и разрастания русского культурного влияния у нас. Оно оживилось в XVII столетии, когда в болгарские монастыри и церкви в результате «хождений» болгарских иерархов в Россию или через Афон начали в большом количестве поступать русские богослужебные книги. В период болгарского национального Возрождения это влияние стало еще более интенсивным благодаря болгарским ученым, писателям, театральным деятелям и учителям, получившим образование в России. Эта тенденция получила еще большее развитие в конце XIX после освобождения Болгарии от османского ига. «Единственным источником, из которого мы могли черпать духовные блага, – писал болгарский писатель Добри Немиров, – была Россия со своей литературой и своей внутренней жизнью. Русский язык стал необходимым прежде

¹ Цонев Б. Езиковни взаимности между българи и руси // Памяти профессора А.К. Медведева. Русско-болгарский сборник. София, 1922. С. 35.

всего идейной интеллигенции в 90-е годы XIX в. Она должна была читать Писарева, Добролюбова, Лаврова [...]. Все те движения 60-х годов в России обрели у нас почву в силу приблизительно одинакового устройства жизни. Значительная часть нашей молодой интеллигенции в 90-е годы восприняла идеализм старых русских революционеров. Позднее Россия превратилась для нас в духовное зеркало, поскольку все, что она нам давала, легко усваивалось через русскую книгу»².

Распространение русской культуры в Болгарии присутствует как главная тема в эмигрантском одноразовом выпуске «День русской культуры», вышедшем 6 июня 1926 г. в Варне. Издание представляет собой попытку ответа на вопросы о том, что дала русская культура болгарскому народу, что в Болгарии о ней думают и каково ее место в иерархии культурных ценностей тогдашнего болгарина. По этой причине в нем представлена преимущественно болгарская точка зрения: здесь помещены отклики на эти вопросы видных и далеких от политики болгарских деятелей науки, литературы и искусства (Боян Пенев, Михаил Арнаудов, Владимир Василев, Дора Габе, Николай Лилиев). Фактически это был откровенный и аналитичный разговор о положительных и негативных сторонах русского влияния на болгарскую культуру.

В лаконичных строках, написанных поэтами Н. Лилиевым («Моя Россия») и Дорой Габе («Странники»), как и следовало ожидать, присутствует больше эмоций и патетики, чем взвешенного анализа. Противоположностью им являлись статьи Б. Пенева и В. Василева.

По замечанию русских редакторов издания, болгарская культурная жизнь рассматривается ими «как перевод русской», как «своеобразное зеркало и опытное поле русской культуры». Их отзывы сплошь хвалебные и ласкающие, но именно это и делает их поучительными, поскольку «проскальзывающий в них изредка разоблачительный характер обычно имеет и саморазоблачающий смысл»³.

Это особенно отчетливо видно по статье Б. Пенева «Несколько слов о русском влиянии в Болгарии». Ученый не может себе представить облик нашей интеллигенции без русского воздействия и болгарской литературы без русского влияния. По его мнению, если наша литература и превосходит в некотором отношении литературу наших соседей, то обязана этому не только силе болгарского творческого духа, но и тому обстоятельству, что в сравнении с ними мы испытали на себе самое сильное влияние русской литературы. Но русская интеллигенция, продолжает далее Б. Пенев, влияла на нашу литературу не только положительно, но и отрицательно: «склонностью к догматизму, к доктринерству и сектантству», «русским вкусом к высокопарности,

² *Немиров Д.* Руският интелегент // Памяти профессора А.К. Медведева... С. 138.

³ *Нилов И.* Злоба дня // День русской культуры. С. 2.

к превосходной степени, многословию и блеклой полемике». С необычайной силой, по мысли ученого, воздействовал на болгар и русский социальный утопизм и утилитаризм, русская склонность к словесному теоретизированию и умозрительности при игнорировании основополагающих фактов и принятии во внимание реалий самой действительности и ее возможностей. Ни в одной стране, кроме России, по его мнению, не говорится столь много об идеологии, различных учениях и мировоззрениях и нигде более не наблюдается такого «паразитического отсутствия здравого смысла». В значительной мере, согласно Б. Пеневу, мы, болгары, заражены русской инертностью – общеславянским качеством, сильнее всего проявляющемся в русских: это преобладающее чувство, создающее возможность неожиданных и быстрых смен всплесков энергии. «Нам следует искать воспитателей нашей воли и характера, – приходит к выводу Б. Пенев, – в другом месте, а не в неуравновешенной русской психике, не знающей чувства меры и впадающей в крайности равно как в религиозной, так и политической жизни».

Редактор «Златорога» В. Василев также предельно откровенен и объективен. Он считает, что для болгарина понятия «русская культура» и «русская литература» почти тождественны, а предрасположенность его к исключительному воздействию последней объясняется поисками идеала страны в период пробуждения болгарской нации в конце XIX – начале XX в. Русская культура и литература легли в основу художественного сознания болгар в то время, когда они еще не осознали свои собственные истины и их национальный дух еще не сложился – по этой причине самоощущение болгарской интеллигенции сформировалось под воздействием морали и социальных идей русского художественного творчества. Однако, наряду с этим, в болгарскую психику были внесены и некоторые элементы, чуждые темпераменту, традициям и духовной сущности болгарского народа. В. Василев не сомневается, что есть вещи, которые у русских следует заимствовать, но далеко не все, поскольку «необъятная русская душа таит в себе небеса и бездны», и тому, кто к ней устремляется, следует иметь путевую веху, чтобы не утонуть. Такой вехой является наша самобытная культура, которая должна строиться на основах народной психики с привлечением самого ценного из того, что имеют народы, близкие болгарам по духу.

Сходное видение присутствует и в высказываниях Д. Немирова в другом издании русских эмигрантов. «Болгарский интеллигент, – пишет он, – зажил с русской книгой как со своей. Однако жизнь, предстающая перед ним на ее страницах, не была нашей жизнью – поэтому болгарина увлекала лишь внешняя ее красота. Ему нравилась кокетливо олитературенная русская жизнь, и он отдавался ей всей

душой, не сознавая, что при этом забывает о своей цели как строитель своей национальной культуры, что увлекаясь чужим, он изменяет себе, своему духу, всей своей национальной психике...» И далее: «Болгарин стал походить на русского провинциала, мечтающего по-русски, страдающего по-русски, пьющего чай по-русски, философствующего, опять-таки, по-русски...» И в другом месте: «Русизмы прочно обосновались в нашем языке, и то, откуда наши писатели наворовавали помалу, было преимущественно русской литературой. В сущности, вся эта русская окраска нашей жизни была книжной, бессодержательной, неглубокой. Мы восприняли страдание русского интеллигента в том эстетическом облачении, в которое его обряжал русский писатель, и поэтому нам было отнюдь не неприятно страдать от некоего воображаемого жизненного безпутья»⁴.

Невольно и непреднамеренно русские эмигранты высекли искру для откровенного разговора с болгарями, затрагивающего важные стороны его жизни – о самопознании и собственной идентичности. Среди публикаций в русской периодике есть одна многозначительная и особенно симптоматичная статья М. Самборского⁵. В ней автор рассказывал русским читателям о значении дела Паисия Хилендарского для болгар, объяснял им суть его подвижничества – пробуждение чувства национальной гордости у болгар, повышение внимания и уважения к самим себе. Аналогия напрашивается сама собой – борьбу с ослаблением у болгар национального чувства ведут случайные «посланцы» русской духовности и культуры в лице русской эмигрантской интеллигенции. Достаточно отметить, что благодаря посредничеству русского языка и русских эмигрантов болгарская литература и болгарский фольклор «путешествуют» по всей Европе: журнал «Русская мысль» (№ 1–2, 1922 г.) публикует в Праге переводы стихотворений Ивана Вазова, Пенчо Славейкова, Пейо Яворова, Кирила Христова, Стилияна Чилингирова и Доры Габе, отменно выполненные А.М. Федоровым; в апрельском номере этого же издания были помещены 20 песен из Юго-Западной Болгарии, собранные и переведенные русским фольклористом В. Нечитайловым; не скрывавший своего интереса к поэзии славянских народов Константин Бальмонт опубликовал в Париже собственные переводы болгарских, сербских и хорватских народных песен во влиятельнейшем эмигрантском издании «Последние новости».

По понятным причинам внимание эмиграции было устремлено прежде всего на поиски выхода из собственных, внутренних проблем – начиная от неустроенного быта и восстановления психического

⁴ Немиров Д. Руският интеллигент. С. 138–139.

⁵ Самборский М. Иеромонах Паисий // Русь. №№ 24, 25 сентября 1922 г.

равновесия из-за внезапно наступившей разлуки с родиной и близкими и кончая тревогой за судьбу русской культуры и русской духовности⁶. Несмотря на это, следует признать, что русские эмигранты постоянно проявляют обостренный интерес и к истории, быту, экономике и литературе болгар, к различным вопросам взаимосвязей между двумя славянскими культурами. Материалы книг и периодической печати русской эмиграции в Болгарии свидетельствуют об этом интересе самым красноречивым образом или, если точнее, даже сверхинтересе, представляющим собой исключительный прецедент.

Увлекательные исследования того или иного аспекта родственной духовной жизни болгар и русских появлялись, например, на страницах эмигрантской газеты «Свободная речь» в 1921–1922 гг. Статья известного искусствоведа А. Грабаря «О связях русского и болгарского искусств» была написана по конкретному поводу – юбилейной выставки болгарских картин и скульптур, которая делалась с целью показать отдаление болгарского искусства от русского. Для доказательства того, что этим нарушается древняя традиция, связывающая два народа, А. Грабарь совершил глубокие экскурсы в древность. Он полагает, что ключ к пониманию русских художественных форм следует искать в их первоисточнике, каким служит Болгария со времени крещения и распространения славянской письменности в Киевской Руси через болгар. Затем он прослеживает процессы взаимопроникновения искусства в двух государствах (особенно в иконописи), маркирует создание русскими собственного стиля и распространение его за пределами Киевской Руси, включая и Балканы в XVI–XVII вв. Проводимая автором идея очевидна – доказать наличие в болгарском и русском искусстве параллелей и перспектив дальнейшего развития.

Тонкие наблюдения содержатся и в статье В. Нечитайлова «Россия в болгарских народных песнях» (№52 от 4.IV. 1922 г.), показывающего, что историческое влияние России затрагивало даже самое интимное творчество болгар – их народные песни. Ученый отмечает, что чаще всего образ России запечатлевался в болгарском фольклоре как матери-заступницы или как могучей непобедимой силы.

В 1922 г. вышел из печати «культурно-общественный русско-болгарский сборник»⁷ в память русского ученого эмигранта Анатолия Константиновича Медведева. В рецензии на этот труд С. Младенов

⁶ Подробнее см.: Русев Р. Руската литературна емиграция в България: духовна миссия, ценности // Изгнаничество. Драма и мотивация. Завръщане на съвременните славянски емигрантски литератури у дома. София, 1996. С. 229–241.

⁷ Памяти профессора А.К. Медведева. Русско-болгарский сборник. Российско-болгарское книгоиздательство. София, 1922.

назвал его «памятником русско-болгарской взаимности»⁸. Содержание сборника и в самом деле оправдывает такую характеристику – русские эмигрантские и болгарские писатели и поэты, ученые и общественные деятели приняли участие в нем не столько посредством публикаций о самом А.К. Медведеве, сколько о русско-болгарских исторических взаимоотношениях в целом или об отдельных областях духовной и культурной жизни болгар и русских. Профессор М.Г. Попруженко в своей статье «Страницы из истории болгар» исследовал эпоху царя Самуила, и прежде всего попытки болгарского царя объединить всех славян на Балканах против византийцев. Другой русский исследователь В.Погорелов в статье «Русизмы в старых болгарских книгах» остановился на неожиданных явлениях во взаимодействии русского и болгарского языков. По его мнению, неподдающееся объяснению появление русизмов в перепечатке Четырехязычного речника Даниила (*Lexicon tetraglosso Danielis Moschopolitae*, 1802), осуществленной в Салониках в 1841 г., или в предназначенном для болгарских католиков издании *Alphabetum Bulgaricum sive Cyrillianum nunc primum editum Catholicis Thraciae Bulgaris* (1844), имеет простую разгадку: в подготовке и правке этих глаголических богослужебных книг были задействованы русские униаты.

На следующий год Общество русско-болгарской дружбы, основанное русскими эмигрантами с целью обоюдного знакомства с нравами, обычаями, культурой и творчеством болгар и русских посредством издания газет, книг, брошюр, лекций, публичных собраний и концертов, выпустило сборник «Русские в Болгарии». В нем также печатались исследования по различным вопросам русско-болгарских контактов, несмотря на то, что основная его задача была куда более скромной – рассказать русской эмиграции в других странах о положении русских в Болгарии и, главное, о доброжелательном отношении к ним болгар.

Эти и ряд других публикаций ясно говорят не только о живом интересе русских эмигрантов к сходным явлениям в болгарской и русской культурах, но и о подчеркнутом славянском самосознании русской эмигрантской интеллигенции в Болгарии, о ярко выраженном славянофильском духе и повышенной озабоченности судьбой славянской идеи.

Упомянутый факт объясняется тем обстоятельством, что общеславянское самосознание было изначально присуще русским, что засвидетельствовано еще в «Повести временных лет» Нестора-летописца XI–XII вв., который вполне осознанно пишет о едином славянском народе. Но у эмигранта имелись и дополнительные основания для проявления своей славянской приверженности. Логично, что вдалеке

⁸ Младенов С. Един паметник на руско-българската взаимност (Възпоменателен сборник за проф. А.К. Медведев) // Славянски глас, 1923. № 1. С. 14–23.

от родной земли у него обострялось желание соприкоснуться с тем, что ближе всего и роднее на чужбине. Кроме того, одна из задач русского славянофильства заключалась именно в возвращении русской жизни к своим корням и истокам.

Имеется, однако, и известная разница в трактовке понятия славянофильства – его приверженцами в дореволюционной России и теми, кто оказались в эмиграции после Октябрьской революции в 1917 г. Если точнее, то различными были приоритеты, вкладывавшиеся этими движениями в иерархию ценностей и цели славянской идеи. В дореволюционной России определение «славянофил» связывалось преимущественно с противопоставлением Западной Европе, со стремлением и борьбой за народность, равно как и с убеждением в существовании особой великой миссии России. Отмеченные моменты, разумеется, отражаются и в некоторых теоретических построениях русской эмигрантской мысли. Это относится, прежде всего, к евразийству, которое реанимировали русские эмигранты в Болгарии, поднявшие на щит идею Владимира Ламанского конца XIX в.⁹ Обновление этой идеи в эмигрантских кругах было также результатом реакции на чрезмерное преклонение перед Западом части русской интеллигенции. Естественно, что в такой ситуации прокладывал себе путь и противоположный тезис – о закате Запада, о вхождении западной культуры в период упадка и так далее. Что и делали провозгласившие себя и русский народ «евразийцами» П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский в одной из самых замечательных книг русской эмигрантской печати (причем не только болгарской), которая вышла в 1921 г. под заглавием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Похоже, что суть этого издания сводится к привычной перепалке по поводу путей России между «западниками» и «славянофилами» (на болгарской почве они объединились в религиозно-философский кружок, созданный в 1921 г. Н.С. Трубецким и Г.В. Флоровским). Несмотря на то, что евразийцы категорически не желали, чтобы их смешивали со славянофилами и подчеркивали, что «они не являются народниками и не сочетают исторический индивидуализм с экономическим коллективизмом, как это делал Герцен, а утверждают творческое значение самодержавной личности и в хозяйственной области, занимая таким образом позицию последовательного индивидуализма»¹⁰, их идеи в целом все-таки имели славянофильскую ориентацию.

⁹ Ламанский В. Три мира азиатско-европейского материка // Славянское обозрение. 1892. № 1.

¹⁰ Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 41.

Таковы на практике и представления значительной части русской эмигрантской интеллигенции в Болгарии. Некоторые из русских эмигрантов в Болгарии оставались в стороне от любых общественно-политических объединений и движений, но не столько из-за равнодушия, сколько, как пишет известный историк и филолог П. Бицилли в своей автобиографии¹¹, от того, что эмигранты на Балканах были полностью отрезаны от России, не имея ни малейшего представления о том, как там развивается жизнь, и это закономерно делало их идеи по большей части отвлеченными, затеоретизированными, надуманными и лишенными практического применения. И сам он, и многие ему подобные, предпочитали сосредоточиться исключительно на своих научных, художественных и другого рода творческих занятиях, не утрачивая, однако, славянофильского духа в своих трудах. Понятие славянофильства преломлялось в них скорее всего в таких представлениях, как общее происхождение и близость славянских языков, принадлежность ряда славянских народов (включая болгар) к православию и т.д.

Вероятно, отсюда идет и этим объясняется повышенный интерес русских эмигрантов к родственной духовной жизни болгар. Этот интерес, бесспорно, был бы невозможен, не будь такого доброжелательного приема русских эмигрантов в Болгарии. Подвергнутые унижениям и лишениям, прозябавшие в полуголодном существовании русские беженцы обратили свои взоры к болгарской земле в надежде встретить здесь отзывчивость братьев-славян и не обманулись в своих ожиданиях. «Одни народы приютили нас со сжатым сердцем, другие – с холодным безучастием, третьи – с фальшивой маской равнодушия и только некоторые из них раскрыли нам свои объятия», – писал журналист Б. Ивинский, подразумевая в последних своих словах именно благосклонное отношение к русским болгар. В стихотворении «Две родины» русская поэтесса Любовь Столица обращалась к Болгарии («Край столь редкостный, где чтят и любят Русь, / Край златистых лоз, и роз, и кукуруз...») как к своей второй родине¹². В нем ощущается огромная искренняя благодарность к стране, которая не только облегчила тяжкий путь изгнания, но и высекла искру вдохновения у творца: «Наконец, в земле радушной, как зерно, / Сердце ожило... И вновь поет оно!» Верно, что в момент нахождения у власти Александра Стамболийского, в особенности после мая 1922 г., русские эмигранты повернулись преследованиям. Но буквально через несколько дней после свержения возглавляемого им правительства

¹¹ Бицилли П. Статьи: История. Литература. Культура // Русская литература. 1990. № 2. С. 135.

¹² Это посвященное болгарскому поэту К. Димитрову стихотворение было опубликовано в газете «Россия и славянство» (№ 87, 1930 г.), а затем в журнале «Славянски глас», 1930. № 2–3. С. 85.

9 июня 1923 г. они были восстановлены в правах и приравнены к болгарским гражданам. В отношениях между болгарским народом и русской эмиграцией подобных зигзагов и обвалов не наблюдалось¹³. По категоричной оценке их русских эмигрантов, они являлись «ровными, братскими и ничем не омраченными». В еще большей мере это относилось и к провинции, где при желании (за редким исключением) русские эмигранты всегда находили работу, а в некоторых случаях для «братушек» специально создавались надуманные «должности», проводилось увеличение штатов, а местное общество, как могло, месяцами поддерживало нуждающихся и нетрудоспособных членов русской диаспоры. П. Бацилли признавал, что наиболее благоприятные условия для школ русской эмиграции, находящейся в различных странах, созданы в Болгарии. Они являются результатом характерной для болгарского народа, «огромной терпимости», обладают большой свободой и могут полностью сохранять свой национальный характер¹⁴.

Отношения между местным населением и русскими эмигрантами не лишены и отдельных комичных и курьезных моментов¹⁵, вызванных наличием предрассудков. Но они как бы показывают, насколько длинный путь взаимного познания должны еще пройти болгары и русские. Например, в провинциальных городках масштаба Перника, болгарским девушкам не только запрещалось выходить за русских замуж, но и даже знакомиться с ними, несмотря на то, что они завоевали себе доброе имя добросовестным трудом на местных шахтах. Считалось, что русские бросят своих жен, если решат покинуть город, не принимая в расчет повышенную религиозность эмигрантов и их сильную приверженность к семье.

Как это ни покажется странным, первой организацией, занявшей у нас приемом, размещением и нуждами русских беженцев и фактически возложившей на себя функцию русского дипломатического представительства и благотворительного центра одновременно, явилась организация нерусская – болгарское «Славянское общество». Печатные органы этого общества – «Славянски глас», «Славянски календар», «Славянска библиотека», являлись в то время единственными в мире изданиями, всецело посвященными славянской тематике. В них стали сотрудничать многие русские ученые, писатели, публицисты и общественные деятели: В. Завьялов, Н. Кондаков, М. Попруженко, А. Агура и др. Они публиковали в «Славянском гласе» свои исследования, касающиеся вопросов объединения славян, культурных связей и отношений между Россией и Болгарией. Первый выпуск «Славянской

¹³ См. передовую статью «Болгары и мы» // Русское эхо, № 6 от 18 июля 1923 г.

¹⁴ Из нашите славянски среци // Славянски глас. № 2. 1933. С. 87.

¹⁵ Русите в Перник // Кракра. № 1 от 5 июля 1922 г.

библиотеки» (1921 г.) содержал, в частности, статью М. Попруженко «К вопросу о роли славянства в мировой истории».

Идея объединения славян и само славянофильство не являлись порождением эмигрантской общественной мысли. Они возникли в русской культуре и обществе еще в XIX в. после публикации статьи А.С. Хомякова «О старом и новом» в 1838 г., отклика на нее И.В. Киреевского и последующего оформления славянофильства как движения, у которого затем появилось много ревностных приверженцев.

Славянофильские идеи и искания основывались на убеждении, что не кто иной, а славянство и славянская культура призваны обновить культуру Европы, но, к сожалению, славянские народы не едины – не столько в политическом отношении, сколько в культурном. Согласно воззрениям русской эмиграции в Болгарии¹⁶, славянские народы страдают прежде всего из-за отсутствия у них осознания необходимости тесного культурного и экономического общения, из-за непонимания, что интересы одних славянских народов неразрывно связаны с интересами других, из-за того, что никогда не держались кровной близости, понуждающей их хорошо знать друг друга и воспринимать интересы других, как свои собственные. Поэтому они легко поддаются настроению и подстрекательству тех, кто выигрывает от раздоров между славянами. В судьбоносные исторические моменты славянство предстает разобщенным, не существует как единая сила, раздоры между отдельными славянскими народами, отстаивающими лишь собственные интересы, ведут «к равнодушию, разногласиям и взаимному недоверию»¹⁷.

Программа неославизма, разработанная ранее на Славянском съезде в Софии в 1910 г., предусматривала в этой связи постепенное политическое сближение между славянскими странами преимущественно посредством сотрудничества в области культуры.

Рассредоточение русской эмигрантской интеллигенции в славянских землях, новые контакты и процессы взаимопроникновения в результате этого славянских культур встречались с одобрением и превратились в дополнительный катализатор для идеи славянского объединения. В самом начале подготовкой взаимного сближения и культурного знакомства болгарского и русского народов занималось Общество русско-болгарской дружбы, созданное 6 марта 1922 г. Его деятельность была встречена русской эмиграцией неоднозначно¹⁸,

¹⁶ Самборский М. Славянство и Европа // Русь. № 1 от 5 июля 1922 г.

¹⁷ Сурин Н. Славянство и восток // Русь. № 32 от 4 октября 1922 г.

¹⁸ Маринин К. Акробаты благотворительности: Правда о «Русско-болгарской Дружбе» // Русь. № 123 от 20 июля 1923 г. Автор этой публикации характеризует Общество как «сомнительное учреждение», а его основателей как «аферистов». Высказывались предположения, что за их намерениями кроются совсем

хотя оно довольно быстро увеличило число своих активистов в различных краях Болгарии до 650, проведя более 20 лекций во многих городах страны и подготовив 5 изданий¹⁹. Деятельность указанного общества была приостановлена при А. Стамболийском, но после падения его правительства сразу же была возобновлена и распространяла свои идеи на страницах новой эмигрантской газеты «Русское эхо».

В редакционной статье «Одна из задач русской эмиграции», опубликованной в первом номере этого издания (вышел 12 июля 1923 г.) отмечалось, что все несчастья последних лет в России и Болгарии происходят из-за разобщенности славянства. По мнению издателей газеты, политическому объединению славян должно предшествовать объединение культурное. Свое пребывание в славянских землях русские эмигранты расценивали именно как возможность взаимного знакомства с нравами, обычаями и культурами славянских народов. Похоже на то, что только после произошедшей с русским эмигрантами исторической трагедии и попадания их в Болгарию они осознали, что не знают о ней и населяющем ее народе ничего (также как и русские вообще, в том числе и славянофилы). «До этого момента мы совсем не знаем болгар... и даже не имели желания их знать», признавался Б.И. Ивинский²⁰. Каждому болгарину это признание покажется неожиданным, но дело обстоит именно так. По мнению Б.И. Ивинского, русское общество сравнительно хорошо знает поляков, более или менее – сербов и чехов, но совершенно не знает болгар, их роли на Балканах, к чему они стремятся, кого любят, а кого ненавидят. Вину за это он возлагает прежде всего на неумелую русскую дипломатию, отбрасывая, однако, обвинения русских в высокомерии, надменности или тем более в рассмотрение ими Болгарии в качестве одной из русских «губерний» (миф, созданный самими болгарами).

другие цели – финансовые блага от членских взносов и прибыль от печатных изданий. Утверждалось, что издания Общества рассчитаны на наивность подписчиков: раздражаясь дифирамбами болгарам, «они грубо и цинично разрушают исторические призывы», «причиняют зло» всей русской эмиграции и делу славянства. «Издевкой над искренними чувствами болгарского народа» названы «примитивные картинки» с изображением России и Болгарии в национальных костюмах и переплетенными руками, держащими национальные флаги друг друга. Резкие выступления подобного рода были не редкостью в русской эмигрантской периодике и встречаются довольно часто.

¹⁹ Карта «Результат Русско-болгарской Дружбы» проф. Художественной академии Тачева, сборник «Русские в Болгарии», брошюры Б.И. Ивинского «Кто виноват в войне России с Болгарией» и «Кто виноват в развале России? (Русская интеллигенция перед лицом свершившихся событий)» и «Письма генерала Радко Димитриева».

²⁰ Ивинский Б.И. Среди братьев // Русские в Болгарии. София, 1923. С. 44.

Если судить по некоторым публикациям эмигрантской печати, идея единения славянства завладела русскими эмигрантами всерьез. Выходившая в 1922–1928 гг. газета «Русь» отпечатала серию статей по этой проблематике и, несомненно, стоит за проектом введения общеславянского языка, предложенного болгарским профессором Б. Цоневым²¹. Вставая на позиции «хладного мыслителя», а не «пламенного славянофила», он предлагал создать общее письменное и разговорное средство для общения между собой всех славян. Использование его только в торговых, научных и дружеских межславянских связях исключало вероятность того, что он может заглушить отдельные славянские языки. Проследив развитие проблемы в теоретическом плане, Б. Цонев отверг вариант некоего искусственного, мертвого языка (такую попытку предпринял еще в XVII в. Ю. Крижанич, создав грамматику подобного языка, представлявшего собой нечто среднее между русским и хорватским) и остановился на русском, который после известной орфографической реформы должен был стать естественной основой будущего языка.

М. Самборский говорил о славянстве как о «доказавшем перед человечеством свое существование организме»²², который обладает мощной духовной силой и огромным запасом творчества, приходя к заключению, что славянская идея не может в перспективе развиваться при положении, в котором судьба славянской общности решается Европой. Согласно его точке зрения, возможность создания нового сильного политико-культурного объединения славян заставляет великие европейские силы заниматься интригами. Они стремятся разобщить славян внутренними распрями и отклонить их от идеи слияния в единое целое, строящейся на осознании того, что их культурные, экономические и государственные интересы совпадают.

Около десятилетия спустя в другой эмигрантской газете (также носившей название «Русь», но без преемственной связи с предыдущей) сходные взгляды выразил в статье «Славянские перспективы» и Ф. Данилов. Разногласия внутри славянской общности он так же связывал не столько с непреодолимыми внутренними противоречиями, сколько с искусственными препятствиями, создававшимися извне и с успешными действиями противников славян по торпедированию идеи их объединения. Таковыми стали война России с целью защиты сербов (1914–1917), исход которой стал бы другим, не привлеки Германия себе в союзники Болгарию, и не разразись революционные события в России.

Интересно, что мотивы, которыми руководствовались сторонники идеи славянского единства среди русской эмиграции, имели мало

²¹ Цонев Б. Обще-славянский язык // Русь. № 8 от 21 июля 1922 г.

²² Самборский М. Славянство и Европа // Русь. № 1 от 5 июля 1922 г.

общего с российской дореволюционной политикой, которая была нацелена на русский всеславянский централизм и переплеталась со славянской идеей. То были мотивы другого естества, в них намного больше преобладали эмоции и присутствовала даже известная доля наивности. Обращение русских эмигрантов к идее объединения славян было связано прежде всего с их надеждой на создание некоей значимой политической силы, с которой стали бы считаться великие европейские силы и которая протянула бы России руку помощи, избавила бы ее от большевизма и способствовала бы ее последующему возрождению. Эти ожидания явственно проявились в реакции русской эмиграции на визит в Софию югославского короля Александра I Карагеоргия и его встречу с болгарским царем Борисом III, имевшую место 27–30 сентября 1934 г. Данное событие было воспринято русскими эмигрантами как залог грядущего славянского объединения, но спустя всего неделю югославский король был убит, что было воспринято ими словно некий вещий знак. Оно будто продемонстрировало несостоятельность их упований и прожектов и свидетельствовало о фиаско весьма привлекательной, но на деле оказавшейся утопичной идеи – идеи славянской.

Ярко выраженный славянофильский дух, эта общая настроенность русской эмиграции в Болгарии, вызвала усиление и активизацию общеславянского сознания, пробудило в болгарской интеллигенции идею славянского единства, привело к ее укреплению в среде болгарских славянофилов. Благодаря этому культурное единение славянства и сближение славян как народов посредством взаимного знакомства с явлениями их духовной жизни воспринималось как фактор формирования отношений, которые будут способствовать решению спорных славянских политических вопросов. Кроме Славянского общества, в Болгарии подобную цель преследовали и другие учреждения – например, Софийский свободный университет (Балканский ближневосточный институт в Софии)²³. В 1922 г. был создан «Литературно-художественный кружок по единению славянской молодежи», ставивший целью сближение молодых людей из славянских стран на культурной основе через литературу, искусство, научную, философскую и религиозную мысль. За краткое время численность членов кружка возросла до 200 человек, каждую неделю они организовывали воскресные встречи, создав филиалы в Дупнице, Шумене, Пловдиве, в Германии и Америке. С 1924 г. в продолжение нескольких лет по инициативе Славянского общества начали проводиться и так называемые славянские встречи. С лекциями и докладами на них часто выступали русские эмигранты, чаще всего писатели: А.М. Федоров, В. Ленский, В. Немирович-Данченко, П. Бицилли.

²³ Юс М. Из культурной жизни славянства // Русь. № 2 от 7 июля 1922 г.

Несмотря на свою непродолжительность, встреча Болгарии с культурой русских эмигрантов – писателей, ученых, публицистов, деятелей театра в 20–30-е годы XX в. имела исключительное значение для славянского культурного общения в целом и для контактов болгарской и русской культур, в частности. Она стимулировала процессы самопознания, обоюдного знакомства и взаимного понимания между двумя народами и культурами. Русское эмигрантское присутствие в Болгарии наложило отпечаток на многие области болгарской жизни. В той или иной степени оно оказало влияние на ряд процессов в культуре, искусстве (в особенности в театре), науке, литературе, образовании и общественно-политической мысли²⁴. Оно также служит болгарам в качестве стимула, чтобы взглянуть в самих себя, чтобы осознать и осмыслить значение и ценность собственного культурного достоинства в процессе поиска и защиты своей национальной идентичности.

Перевод И.И. Калиганова

РУСКАТА ЕМИГРАЦИЯ В БЪЛГАРИЯ 1918–1944 (В КОНТЕКСТА НА РУСКО-БЪЛГАРСКИЯ МЕЖДУКУЛТУРЕН ДИАЛОГ, СЛAVЯНСКОТО КУЛТУРНО ОБЩУВАНЕ И СЛAVЯНСКАТА ИДЕЯ)

Радостин Русев

Руската емигрантска културна инвазия в България през 20-те и 30-те години на миналия век е още не докрай изследвана и недооценена глава от историята на руско-българските отношения, на руско-българския межкултурен диалог. Независимо от обстоятелствата и причините, които са я предизвикали, по своята същност тя е съставна част и естествено продължение на тенденцията на проникване и разрастване на руското културно влияние в България, активирана през периода на Българското възрождане. Руското емигрантско присъствие в България оставя отпечатък в редица сфери на българския живот. В една или друга степен то оказва влияние върху процесите в културата, изкуството, науката, образованието, общественно-политическата мисъл, дава поводи на българите в преходен период на търсене и утвърждаване на националната им идентичност да се вгледат в себе си, да осъзнаят ценността на създадените от тях културни ценности, подтиква двата народа към самопознание и взаимно опознаване. Инцидентната по своя характер среща на България с руската култура в лицето на руската емигрантска интелигенция е от значение не само за руско-българските контакти, но и от гледна точка на славянското културно общуване, на славянофилството, на идеята за славянско единство.

²⁴ Подробнее по этому вопросу см.: Русев Р. Руското емигрантско присъствие в българския литературен живот през 20-те години на XX век // Бялата емиграция в България. София, 2001. С. 213–220.

Васил Балевский

ТРАГИЧНАЯ СУДЬБА ДЕЯТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Размышления над книгой «Деятели
славянской культуры в неволе и о неволе. XX век.
Москва, «Индрик», 2006)

Еще в начале изложения я хотел бы подчеркнуть, что при анализе сборника «Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век» мною будут рассмотрены только публикации, относящиеся к болгарским, русским и польским авторам, чья судьба тесно связана с Россией.

Сборник издан в 2006 г. Институтом славяноведения РАН. В 2007 году была проведена научная конференция «Болгария и Россия XVIII–XX вв: взаимопознание (София, 7 июня 2007г.) Актуальность книги «Деятели славянской культуры» очевидна. Это черные страницы диктатуры, утверждавшейся не только в СССР, но и в значительной части Восточной Европы. Как отмечает в предисловии к сборнику Л. Будагова: «Сталин расправлялся отнюдь не только с врагами, но и с ни в чем не повинными советскими гражданами, как правило со своими же соратниками и сторонниками, просто, вероятно, профилактики ради»¹. Будагова горячится, говоря о Нюрнбергском процессе «над фашистскими головорезами»². В Германии никогда не было фашизма, а был национал-социализм, и управляющей партией была немецкая национальная социалистическая рабочая партия. Другими словами, нечто очень схожее режимом, существующим в СССР в то время. Автор предисловия подчеркивает, что в её время и во время жизни детей репрессированных родителей ситуация в стране изменилась. Сейчас они могут отдать заслуженную дань памяти своим родителям.

В сборнике опубликованы две больших статьи тех авторов, родители которых были ликвидированы сталинским режимом, – это исследования Марины Смольяниновой и Георгия Гачева. Оба случая интересны, а для нас особенно интересен второй, потому что отец Георгия, Димитр Гачев, является ярким представителем как болгарской, так и советской культуры.

М. Смольянинова поведала не только о судьбе своего отца, Геннадия Смольянинова, но и о том, что произошло в Институте мировой

¹ Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век. М.: «Индрик», 2006. С. 7.

² Там же. С. 8.

литературы им. А.М. Горького Академии Наук СССР, созданном в 1932 г. Первый его директор, Лев Каменев (1883–1936), был крупной политической фигурой. Горький был знаком с Каменевым еще с 1905 г. Горький протестовал против методов Ленина и в 1921 г. надолго уехал в Италию. Вскоре 200 русских ученых, философов и литераторов были депортированы советской властью из России за границу (речь идет о знаменитом «пароходе интеллигенции»).

В сущности судьба первого директора ИМЛИ показательна для многих сотрудников этого Института. Через семь месяцев после назначения Каменев был арестован (16 декабря 1934 г.), а в 1936 г. расстрелян. Расстреляны также его первая супруга (сестра Троцкого), их сын, вторая супруга Каменева и его брат. Сын брата сослан на каторгу, после чего он умер. Каменев реабилитирован посмертно только в 1988 г. Однако, книги его сегодня забыты, а предисловия к сочинениям Андрея Белого, Тургенева и Герцена, изданные в 30-е годы, были вырезаны и до сих пор не восстановлены³.

Второй директор Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, много сделавший для его развития, академик Иван Капитонович Луппол (1896–1943) – философ, эстетик и литературовед. В 1940 г. он был арестован и осужден на расстрел, позднее этот приговор был заменен на 20-летнюю каторгу. Луппол умер в лагере в 1943 г.

Петр Крючков (1889–1938), секретарь М. Горького и его близкий друг был первым директором музея Горького, созданного в феврале 1937 г. при ИМЛИ АН СССР. Он арестован в конце 1937 года, а весной 1938 г. расстрелян. Расстрелян также его отец (78-летний старик) и жена Крючкова. А сестра его умерла в сумасшедшем доме. Пятилетний сын его, оставшийся сиротой, имел трагичную судьбу. Видимо причиной всех этих несчастий послужил музей Горького, а многих из тех, кто был связан с ним каким-то образом в то время, и даже позднее, постигла смерть или уничтожение.

Это случилось и с Геннадием Смольяниновым, отцом нашей коллеги Марины Смольяниновой, который был старшим научным сотрудником, главным искателем и собирателем материалов для музея А.М. Горького⁴. К «несчастью» он открыл дневник Горького после смерти писателя. И все, прочитавшие дневник или отдельные отрывки из него, были отвезены на «Лубянку» и подписали документ о неразглашении прочитанного в нем текста⁵. То, что написал в дневнике Горький о Сталине, слишком обличало тоталитарную систему. Впоследствии дневник, скорее всего, попал в НКВД и там исчез.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же. С. 26.

Геннадий Смольянинов, однако, рассказал эту историю своей супруге⁶. Осенью 1937 г. ученого арестовали, а в марте 1938 года расстреляли. Он стал очередной жертвой чистки, связанной с дневником.

В 1937 г. арестован и венгр Янош Матейка, заместитель директора Института. Он умер в 1940 г. в ГУЛАГе. Арестован также заместитель директора по хозяйственной части Гершензон и в 1938 г. заведующая библиотекой Ключникова⁷. Естественно, хотя и с запозданием, не забыли и супругу Г. Смольянинова – Милицу Папкову. В феврале 1942 г. она была арестована и полтора года провела в тюрьме. Её освободили летом 1943 года.

Тяжела судьба и одного из более поздних директоров Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР Бориса Сучкова, который был арестован в 1947 году и семь лет провел в ГУЛАГе. В 1955 г. он был реабилитирован. С 1967 г. вплоть до своей смерти (в 1974г.) он был директором Института. Одна из самых интересных фигур, подвергшихся репрессиям, – известный писатель Андрей Синявский, работавший научным сотрудником в ИМЛИ АН СССР. В 1965г. он был приговорен к семи годам заключения в ГУЛАГе, где его использовали на тяжелых работах. Позднее он эмигрировал во Францию, где стал профессором Сорбонны. М.Смольянинова сопроводила свою статью богатым фактологическим материалом. В сущности, ее работа занимает почти треть сборника. Заключительные строчки потрясают. Академик А.Н.Яковлев, который более 10 лет был председателем комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, подсчитал, что в ГУЛАГе погибло 60 миллионов человек⁸.

Другим автором, рассказывающим о своем отце, является Георгий Гачев, сын известного деятеля болгарской и русской культуры Дмитрия Гачева. Имя почтенное и авторитетное. В 1926 году болгарский политический эмигрант поступил в Московскую консерваторию по рекомендации Георгия Димитрова, влиятельной фигуры в Коминтерне. (Напомню, что после сентябрьского восстания 1923 года два его предводителя, одним из которых был Г.Дмитров, быстро покинули Болгарию и нашли приют в СССР.) Весной 1927 г. Гачев уже студент Московской консерватории. В 1938 г. он стал членом Союза писателей, и в тот же год его арестовали и послали в лагерь на Колыму на 8 лет с правом переписки. Гачев так и не вернулся домой. В ноябре 1945 года он получил новый срок – еще 10 лет. А через месяц, в декабре 1945 г, он умер. Реабилитирован в 1956 г.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 35.

⁸ Там же. С. 56.

Большинство писем с Колымы адресованы супруге Д. Гачева. У него нет иллюзий о досрочном освобождении. Он пишет жене, что собирается написать роман, анализирует свои мысли, говорит о том, что не успел сделать в жизни и т.д. В последнем письме от 2 декабря 1944 г., адресованном сыну и опубликованном в этом сборнике, есть две важные детали. Во-первых, огромная радость, что Георгий решил заниматься литературой, и, во-вторых, потрясающий факт: Д. Гачев получил письмо своего сына, отправленное в январе 1944 г. лишь осенью того же года⁹. Комментарии излишни. И еще нечто. Из материала статьи не ясны причины ареста Д. Гачева, сосланного в ГУЛАГ: никакого документа, никакого обвинения, никакого объяснения. Нет объяснения причин и второго ареста. В сравнении с богатым документальным материалом в статье Смольяниновой текст Г. Гачева вызывает у меня удивление отсутствием какого бы то ни было документального материала, исключая письма.

В статье Т.П. Агапкиной рассказывается о судьбе польского драматурга, поэта и основателя рабочего театра Витольда Вандурского, напоминающей судьбы других жертв советской системы того времени. Он окончил Московский университет в 1918 г. Затем уехал на Украину. Тяжело пережил самоубийство Сергея Есенина. В 1918 г. объявлена независимость Польши. В 1921 г. Вандурский покинул Россию и вернулся в Польшу. В 1923 г. он пытается создать самодельный театр в г. Лодзь. Творчество Вандурского отличается пацифизмом (что можно сказать и о творчестве Вл. Броневского и Ю. Тувима). Закрытие театра – страшный удар для Вандурского. И с этого момента он решает посвятить себя общественно-политической деятельности, которая не принесет ему добра. В 1927 г. Маяковский посетил Варшаву. На вокзале его встретило много знакомых, в том числе и Вандурский. Вандурский занимался конспиративной политической деятельностью, благодаря чему был арестован весной 1928 года. После протеста видных польских интеллектуалов (Я. Ивашкевича, М. Домбровской, Ю. Тувима и др.) Вандурский освобожден. 17 сентября 1928 г. он немедленно покинул Польшу. В Берлине, где он был недолго, Вандурский встретился с Б. Ясенским, ставшим членом французской коммунистической партии. Бруно Ясенский был изгнан из Франции. Оба писателя уехали в Москву.

Пребывание Вандурского в СССР делится на два периода (в зависимости от того, где он тогда работал): киевский (1929–1931) и московский (1931–1934). На Украине он стал директором Киевского «революционного» театра. Но на Украине не разделяют его воззрений, тем более, что страна жестоко пострадала от проведенной в ней

⁹ Там же. С. 109.

коллективизации. С другой стороны, репертуар театра не соответствует спущенной советским правительством тематике – наряду с пьесами антирелигиозной направленности Вандурский поставил и антивоенные пьесы. Он устал от борьбы в Киевском театре, что ясно из его письма Вишневскому¹⁰. Ясенский, Домбаль и Вандурский были лишены возможности публиковаться в изданиях, выходящих на польском языке в СССР. В 1930 г. в первой советской «Литературной энциклопедии» помещена информация о Вандурском, в которой он назван видным польским пролетарским поэтом и драматургом (Т. 2. М., 1930. С. 97–98)¹¹.

Главным творческим событием в его московской жизни стало завершение и постановка пьесы «Рабан». Пьеса рассказывает о политическом бунте заключенных в польской тюрьме. Фактически речь идет о жизни и борьбе текстильщиков г. Лодзь. Разумеется, все представлено в черных и белых тонах: плохое в Польше и хорошее в СССР. В пьесе Вандурский создал образ человека, «преданного партии и революции, одаренного исключительным интеллектом и обладающего наилучшими чертами характера. Таково, по крайней мере, было мнение театрального критика Оружейникова. Вандурский очень ценил свою пьесу «Рабан» и, очевидно, не был согласен с «советизацией» при её постановке. А это непременно означало конфликт с официальным мнением по данному вопросу. Пьеса запрещена, но впоследствии разрешено ее издание на польском языке. Речь идет о кратком варианте. Полный вариант текста тоже напечатан позднее на русском языке. И в этом объемном аналитическом материале о творчестве Вандурского нет ни слова о причинах его ареста в 1933 г., а затем скорого расстрела в 1934 г.. Как будто бы все произошло совершенно случайно!

В. Мочалова свое исследование о творчестве Александра Вата начинает с тенденциозного высказывания Иосифа Бродского¹² о том, что аресты писателей в XX веке практически повсеместны. Лично я никогда бы не согласился с подобным мнением. Я не знаю арестованных писателей в США и Объединенном Королевстве, в Канаде или Австралии. Речь идет о другом. Естественно, конфликт между поляками и Россией, против которой они вели национально-освободительную борьбу, вечен, особенно если учитывать сильно развитое национальное чувство поляков, переживших столетия под управлением Астро-Венгрии, Пруссии и России. Как будто у нас этой проблемы не существует (при пятивековом турецком рабстве). То, что для поляков Сибирь, для нас Диар-Бекир в Турции. Речь идет

¹⁰ Там же. С. 140.

¹¹ Там же. С. 142.

¹² Там же. С. 165.

об определенном историческом периоде. В статье Мочаловой есть одна неточность: Вандурский не погиб в тюрьме, он расстрелян. Одно – умереть в тюрьме или заточении, другое – быть расстрелянным¹³. Но Мочалова пользуется и политической терминологией, которая будит серьезные сомнения. Немецкие фашисты, о которых она пишет¹⁴, вообще не существуют; существуют немецкие национал-социалисты. Когда создается подобный сборник, терминология должна быть ясной. Ват был подвержен увлечениям своего времени и довольно быстро разочаровался в коммунистической идее¹⁵, поняв, что коммунизм враждебен человеку и стремится к его уничтожению¹⁶. Дневник Вата в сущности – это глубокий анализ всего, что его окружает, со всеми политическими конфликтами и противоречиями. Первый его арест – в 1930 г. в Варшаве. Вновь его арестовали в Варшаве в 1937 г., но только на одну ночь. И лишь третий арест поистине изменил его жизнь – в январе 1940 г. он арестован советскими властями во Львове. Он пробыл в заключении до 1946 г. и вернулся в Польшу лишь после окончания войны. Из Львова он перемещен в Киев, а оттуда на Лубянку в Москву. На Лубянке, говорит Ват, или сходишь с ума, или превращаешься в ничто¹⁷. Из материала Мочаловой не ясно, какие же 13 тюрем, упомянутых в заглавии, имеются ввиду, так как пересчитывая их, я нашел значительно меньше. Но в конце концов Александр Ват уцелел, несмотря на пребывание на Лубянке и имел возможность почти 20 лет после тюрем мыслить и творить. Это говорит о том, что Бог его любил. Очень немногие вернулись из этого дьявольского места в Москве.

И наконец, вновь о болгарской литературе и литературных деятелях у нас. Нина Пономарёва рассматривает в своей короткой статье развитие литературного процесса после 9 сентября 1944 г.: исключение ряда крупнейших творцов из Союза писателей, заключение некоторых из них в тюрьму, смерть Трифона Кунева, развитие социалистического реализма и, в частности, необходимость автоцензуры в творчестве авторов, по словам известного болгарского писателя Ивайло Петрова¹⁸. Все же болгарская литература следует по своему пути раскрепощения и развития. Пономарёва в своей статье бегло вспоминает случай, произошедший с известным болгарским писателем Георгием Марковым, эмигрировавшим в 1969 г. в Лондон и убитым

¹³ Там же. С. 167.

¹⁴ Там же. С. 168.

¹⁵ Там же. С. 169.

¹⁶ Там же. С. 170.

¹⁷ Там же. С. 177.

¹⁸ Там же. С. 261.

по поручению властей Болгарии, как утверждает в своей книге известный болгарский журналист Христо Христов, который провел журналистское расследование. Об упомянутом Пономарёвой Цветане Марангозове Институт литературы провел серьезную научную конференцию, но, очевидно, автор не искала доступа к материалам, опубликованным в великолепном сборнике, изданном Институтом литературы БАН. В период, рассматриваемый Ниной Пономарёвой, болгарская литература имеет своих блестящих представителей, которые творят в эмиграции, и некоторые из них стали известными в мире писателями. Они творят в Германии, Австрии, Великобритании и Франции. Достаточно вспомнить имена Димитра Инкова, Христо Огнянова, Стефана Маринова и Петра Увалиева. Материал Пономарёвой, хотя и краткий, очень ценен для нас, болгар, ибо бросает реалистический взгляд на 45 лет развития болгарской литературы, начиная с 1944 г. до наших дней. Лично мне кажется, что очень много места автор уделила Георгию Данаилову за счет других, более значимых авторов.

Сборник «Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век» – это великолепное издание, привнесшее серьезный вклад в науку, которое знакомит с трагичными судьбами ученых, писателей, поэтов – русских, болгар, поляков, чехов, словаков, сербов, уничтоженных жестокой машиной коммунистического безвременья. Особенно следует отметить статью М. Смольяниновой с огромным материалом, с множеством архивных документов. Сборник вышел из печати в 2006 году, что говорит как о большой моральной ответственности его создателей, так и о больших переменах в стране, где он напечатан.

Перевод М.Г. Смольяниновой

ТРАГИЧНАТА СЪДБА НА ДЕЯТЕЛИ НА СЛАВЯНСКАТА КУЛТУРА

(Наблюдения върху сборника «Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век», Москва, «Индрик», 2006.)

Васил Балеvски

Сборникът е един великолепен резултат от усилията на всички членове на колектива, който го е изготвил. Особено богато документиран е материалът на М. Смольянинова за баща ѝ Геннадий Смольянинов, като следва да се обърне внимание за частта му относно на Института за световна литература им. А.М. Горки АН СССР и на Музея на Горки. За нас българите особено ценен е и материалът на Г. Гачев за баща му Д. Гачев. Статиите за Вандуррски и А. Ват добавят особен привкус с полската си тематика. Финалът на Н. Пономарёва за българската литература допринася за попълване на общата картина за едно страшно време, което за щастие вече е изживяно.

М.Г. Смольянинова

Иван Вазов и Федор Достоевский о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

В современной научной литературе в некоторых исследованиях можно наблюдать переоценку роли России в Освобождении Болгарии от 500-летнего турецкого ига. Например, исследователь Пламен Митев в своей книге «Българско Възраждане» и др. работах¹ критикует грубые тактические ошибки и неудачи русской армии, недооценку русскими сил противника. Возможно, были тактические ошибки. Не ошибался тот, кто не воевал, освобождая болгар от османского владычества. Но важен результат – победа. П. Митев пишет о грубых аферах в тылу с едой и лекарствами, от чего страдали русские солдаты. Вероятно, были и аферы. Всегда, к сожалению, находятся люди, которые наживаются во время войны. «Кому война, а кому мать родна», – гласит русская пословица. Автор сетует, что во время войны было много пожаров и разрушений. А бывают ли войны без пожаров и разрушений? «А la guèrre, comme à la guèrre» («на войне, как на войне»).

П. Митев стремится разоблачить «миф» – само *представление* о том, что русско-турецкая война была объявлена для того, чтобы освободить болгар. Он считает, что Россия, прежде всего, стремилась помочь Сербскому княжеству. По его мнению, убийства болгар турками во время Апрельского восстания 1876 г. не были главным толчком для объявления войны. Согласно Митеву, русские шли освобождать сербов, а по дороге ненароком освободили и болгар.

В манифесте Александра II от 12 апреля 1877 г. об объявлении войны Турции говорилось о желании России «облегчить участь христиан балканского полуострова». Там вообще нет упоминания об отдельных народах: болгарях, сербах и т.д. Речь идет о всех христианах, притесняемых и угнетаемых мусульманами. А разве болгары не относятся к христианам Балканского полуострова?

Австрийский историк Отто Кронштайнер в 2000 г. поучал болгар: «Здесь, в Болгарии, существуют различные мифы – что, русские, мол, освободители. Это миф»². Таково *представление* псевдоученого. А реальность – иная. Реальность заключается в том, что в 1878 г. на карте Европы вновь после 500 лет небытия появилось государство

¹ Митев П. Българско възраждане. Лекционен курс. София: «Полис», 1999. С. 109–153; Митев П. Размисли върху Руско-турската освободителна война (1877–1878) – История 3. София, 1994. № 2. С. 52–59.

² Литературен форум. София, 2000. Бр. 6. С. 12.

Болгария. Болгарская держава была воссоздана благодаря русским войнам, сложившим свои головы на алтарь болгарской свободы. К провокационным заявлениям Отто Кронштайнера не привыкать. Чем стоит его предложение болгарам заменить кириллицу на латиницу.

Но порой аналогичные представления о русско-турецкой войне встречаются и у болгарских ученых. В 2004 г. в Софии опубликована книга Ивана Лилова «“Освободительные” миссии на Русия – Съветския Съюз във и около България». Автор считает, что русско-турецкая война 1877–1878 г. была не Освободительной, а завоевательной, оккупационной: «Россия нас не освободила. Ей помешали завладеть нами. Мы освобождены, главным образом, Англией, а затем Австрией и болгарскими, обладающими здравым разумом»³. Далее читаем: «Князь Черкасский назначен губернатором оккупированной Болгарии»⁴; «Граф Игнатъев – враг и убийца Болгарии»⁵. Подобная ложь – на каждой странице книги. Автор искажает факты, фальсифицирует историю.

Ни Англия, ни Австрия не собиравалась помогать Болгарии, не намеревались приносить в жертву своих сыновей ради освобождения болгарского народа. Англия послала России ноту, в которой ставился ультиматум об объявлении русским войны в случае взятия русскими войсками Константинополя. Она послала своего офицера Синклера с целью формирования армии в Родопях для противодействия русским войскам. Именно Англия на Берлинском конгрессе больше всего настаивала на пересмотре Сан-Стефанского договора.

«Мифоборцы» появились и в освещении Апрельского восстания 1876 года. Австрийский историк Ульф Брунбауер и болгарский искусствовед Мартина Балева называют сегодня «мифом» массовое уничтожение болгар турками в Батаке. По мнению учёных данный миф, якобы, стимулирует ненависть болгар к мусульманскому меньшинству. Псевдоучёные стремятся доказать, что пять тысяч погибших жителей Батака – «мнимая, преувеличенная» цифра.

Слава Богу, что существует болгарская литература эпохи Возрождения, которая не только доставляет эстетическое наслаждение, но и является художественной летописью национальной истории. Именно в произведениях писателей-возрожденцев, свидетелей той эпохи можно найти ответы на многие вопросы, поднимаемые в работах тех «мифоборцев», которые подвергают ревизии роль России в Освобождении Болгарии.

³ Лилов И. «Освободительные» миссии на Русия – Съветския Съюз във и около България. София, 2004. С. 148.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Там же. С. 125.

Одно из ключевых слов в болгарской литературе эпохи Возрождения – страдание. Вспомним одно из первых произведений начала XIX века – «Житие и страдание грешного Софрония». Кстати, Софроний Врачанский лелеял надежду на помощь России в освобождении Болгарии.

Любен Каравелов, обучавшийся в России на средства славянофилов, выпустил книгу – «Страницы из книги страданий болгарского племени» (М., 1868), из которой русская общественность узнавала о трудностях болгарской жизни, о страданиях униженных и оскорбленных соотечественников автора. В 1859 г. Васил Попович издал в России, в журнале «Русская беседа» свою повесть «Поездка в виноградник», в которой также поведал русскому читателю о страданиях, причиняемых турками болгарам.

Иван Вазов отразил в своих произведениях как трагические события в Батаке - в стихотворении «Воспоминания о Батаке (рассказ ребёнка)», 1881 г., так и перипетии русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он заклеил западноевропейских дипломатов, поощряющих турецкие насилия (в стихотворениях «К Европе», «Век», «Дизраели», «Политика» и других). В стихотворении «Голгофа» он писал:

Тогда не люди, змеи
Из европейских стран
Турецким лиходеям,
Убийцам и злодеям
Вручают ятаган!

Когда же гнев народа
Взлетит как стон души,
Джон Буль, прожжённый шкода,
И вся его порода
Считают барыши.

Чтоб дани им платили,
И армии рабов
Для них в болотах гнили,
Они нас осудили
На тысячи Голгоф.

Перевод Л. Белова

Вот и ответ господину И. Лилову, причем ответ свидетеля, очевидца и Апрельского восстания и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – Ивана Вазова.

Федор Михайлович Достоевский был потрясен равнодушием Европы к массовому убийству болгар. В главе «Последнее слово цивилизации» в «Дневнике писателя» (июль–август 1876 года), то есть через три месяца после апрельского восстания и за восемь месяцев до начала войны Достоевский писал: «Последнее слово цивилизации показало, прояснило: все (почти все) в данный момент отшатнулись от миллионов несчастных – христиан, людей, своих братьев, погибающих,

опозоренных, – и ждут, ждут с надежной, с нетерпением, когда же их истребят – всех, как гадов, как клопов, и когда же замолкнут, наконец, все эти отчаянные и призывные вопли о спасении, вопли – досаждающие Европе, тревожащие ее. Именно гады, клопы, даже еще хуже: десятки, сотни тысяч христиан уничтожаются как вредная короста... На глазах умирающих братьев бесчестят их сестер, на глазах матерей подбрасывают вверх их детей – младенцев и пронзают их штыком; церкви уничтожаются дикой, гнусной, мусульманской ордой, противницей цивилизации... Разбойники действуют по указу, распоряжению министров и правителей государства, по указу самого Султана. А Европа, христианская Европа, великая цивилизация, смотрит с нетерпением... когда же, наконец, перебьют этих клопов! Мало того, что в Европе оспаривают факты, отрицают их в национальных парламентах, не верят, делают вид, что не верят. Все эти правители знают про себя, что все это правда, все отводят глаза друг от друга: «это не правда, этого не было, это преувеличено, это они сами перебили 60 тысяч болгар, чтобы свалить вину на турок»⁶.

Апрельское восстание 1876 года потерпело крах, сокрушительное поражение. Турки потопили его в болгарской крови. В романе «Под иггом» Иван Вазов дал свою оценку этого события: «Апрельское восстание было недоноском, зачатым в упоении самой пламенной любви и задушенным своей матерью в ужасе от его рождения. Оно умерло, не успев пожить. Это восстание не имеет даже истории. Оно было кратковременным. Страшное пробуждение. А сколько мучеников! Сколько жертв! Сколько смертей! Если бы это движение и его трагические последствия не вызвали Освободительной войны, над ним нависло бы неумолимое осуждение; здравый смысл назвал бы его безумием, народы – позором, история – преступлением. Ибо история, эта старая куртизанка, тоже поклоняется успеху»⁷.

Если бы не было победоносной войны 1877–1878 гг., то на карте Европы не было бы Болгарии. Без этой войны болгар ожидала бы судьба курдов, которые ведут национально-освободительную борьбу за независимый Курдистан, но безуспешно. Нет государства, которое согласилось бы пожертвовать жизнями своих сыновей ради их свободы. Для болгар апрельское восстание было героическим, а для османских властей – преступлением. Для болгар Васил Левский – герой, а для турок – преступник, которого повесили. Сегодня лидер национального движения курдов Абдулла Оджалан сидит в тюрьме, его не повесили только потому, что Турция стремится войти в Европейский Союз, который выступает против применения смертной казни.

⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 23. Ленинград, 1981. С. 45.

⁷ Вазов И. Събрани съчинения в 20 тома. Т. 12. София, 1956. С. 351–352.

Но нет сегодня такой страны, которая отдала бы жизни 200 тысяч своих сыновей за независимость Курдистана. И вряд ли найдется. Потому что есть пример: потомки освобожденных могут назвать освободителей оккупантами.

Иван Вазов с болью и гневом осуждая турецкие зверства, призывал Россию помочь его соотечественникам:

Как мы долго страждем
Горем край объят
Братья, ну когда же
Пушки загремят⁸.

Перевод В. Луговского

Вера в скорое освобождение Родины связывается у Вазова с бесконечно дорогой ему идеей общеславянского братства, с надеждой на помощь России.

В поэтическом сборнике «Печали Болгарии» (1877) Вазов с болью и гневом осуждал зверства турок, подавивших Апрельское восстание 1876 г., учинивших резню в Батаке, спаливших дотла многие села и города, убивших тысячи детей, женщин и стариков. Тем, кто сегодня называет годы турецкого рабства «османским присутствием» (а такие формулировки встречаются ныне в болгарской прессе) не грех освежить в памяти стихи патриарха болгарской литературы, летописца эпохи болгарского Возрождения-И.Вазова: он называл османское иго «муками ада», «Голгофой». В описанной им общенациональной трагедии ощутил эпический размах. В стихотворении «Жалобы матерей», опубликованном в книге «Печали Болгарии», поэт писал:

Видишь злую нашу долю,
Видишь, как мы слезы льем? .
Как страдаем мы от боли,
Как от голода мы мрем?
Видел ты как душегубы
На глазах у матерей
Малых деток саблей рубят
И бесчестят дочерей?⁹

Перевод П. Железнова

Будучи свидетелем жесточайшего подавления Апрельского восстания 1876 г. Вазов призывал Россию помочь своим соотечественникам. В стихотворении «Россия», написанном за пять месяцев до начала русско-турецкой освободительной войны (в ноябре 1876 г.) Вазов вновь взывал о помощи:

⁸ Вазов И. Сочинения в шести томах. М., 1956. Т. 1. С. 578.

⁹ Там же. С. 83–84.

Повсюду там, где вздох суровый,
Где неутешно плачут вдовы,
Где цепи тяжкие влекут,
Ручьи кровавые текут,
И узник-мученик томится,
И обесчещены девицы,
И рублища сирот сквозят,
И старики в крови лежат.
И в прахе церкви, села в ранах,
И кости тлеют на полянах,
У Тунджи, Тимока и Вита,
Где смотрит жалкий раб забитый
На север, среди темных бед, –
По всей Болгарии сейчас
Одно лишь слово есть у нас,
И стон один, и клич: Россия!

* * *

И мы тебя зовем святой,
И как сыны тебя мы любим,
И ждем тебя мы, как Мессию –
Ждем, потому что ты Россия!¹⁰

Перевод Н. Тихонова

И Россия откликнулась на стон и клич Болгарии. После апреля 1876 г., когда антитурецкое восстание болгар было потоплено в крови и весь мир ожидал реакции России Ф.М. Достоевский писал в «Дневнике писателя» (в июне 1876 г.): «Как же, однако, поступит Россия? Вопрос ли это?.. Россия поступит честно – вот и весь ответ на этот вопрос. В чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим и всеединение славян; но всеединение это не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству. В этом самоотверженном бескорыстии России – вся ее сила, так сказать, вся ее личность и все будущее русского назначения»¹¹.

Русский народ был единым в своем стремлении помочь угнетенным болгарам. Мне не приходится далеко ходить за примерами. Мой прапрадед – предприниматель и меценат Тимофей Саввич Морозов входил в состав Славянского комитета, был членом «Болгарской комиссии» (вместе со славянофилом Иваном Сергеевичем Аксаковым). Он финансировал «Болгарскую дружину» воинов-старообрядцев,

¹⁰ Там же. С. 120–121.

¹¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 23. С. 45.

сражавшихся на Балканах. А его жена Мария Федоровна Морозова (моя прапрабабка вместе с женой И.С. Аксакова помогала сиротам, детям русских офицеров, погибших во время русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг. Все слои русского общества объединило, по словам Достоевского, «прекрасное и великодушное чувство бескорыстной и великодушной помощи своему брату, распятому на кресте». И. Вазов, как и Ф. Достоевский, подчеркивал бескорыстие России в этой освободительной войне.

В заключительном сборнике поэтической трилогии «Избавление» (1878) выражено ликование болгарского народа и его признательность русским, освободившим Болгарию. В сущности эта книга является поэтической летописью русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В стихотворениях «Плевен пал», «Здравствуйте, братушки!», «Пушки загремели» и других воспета слава русскому оружию. Наблюдая за историческим продвижением русской армии во главе с главнокомандующим Дунайской армии Великим князем Николаем Николаевичем (сначала по Румынии, а затем по Болгарии), Вазов воссоздает поэтическую хронику войны. Этот период поэт считает величайшей эпохой для болгар. Для художественного сознания Вазова литература – это и летопись национальной судьбы. Он подчеркивал, что пока другие молчат, он должен писать («хотя для данной эпопеи нужны Гомер, Пушкин и Тассо»). «Пусть эта эпоха отразится мало-мальски в нашей литературе».

В произведениях И. Вазова находят отражение универсальные идеи христианства. Писатель веровал, что Освобождение Болгарии русскими есть *Божий промысел*. В стихотворении «Здравствуйте, братушки» (1878), напечатанном в сборнике «Избавление», мать говорит сыну о русских:

Это их послал сам Бог,
Чтобы нам помочь, сынок¹².

Пер. М. Зенкевича

Тот же мотив звучит в стихотворении «Плевен пал» (29 ноября 1877 г.) и в «Оде императору Александру II» («Бог передал в твои руки нашу судьбу», – обращается поэт к герою оды).

Поэт ощущал боль от того, что тысячи русских солдат и офицеров погибли и никогда не увидят своих детей, жен, матерей, никогда не вернуться в Россию. Особенно остро выражено это чувство в стихотворении «Прогулка в Баянсы», написанном в начале русско-турецкой войны в июне 1877 г.. На фоне ослепительно красивой природы поэт видит русскую конницу:

¹² Вазов И. Сочинения в шести томах. Т. I. М., 1956. С. 142.

Неслись они с песней веселой, лихой,
Как будто на свадебный пир, а не в бой.
И глядя на грозные те эскадроны,
На бравых драгун и уланов колонны,
На лавы казаков, готовых на бой,
Свободных, как небо, как ветер степной,
Подумал, что все они с дерзким бесстрашьем
Идут – умирать за Болгарию нашу,
Подумал и – глядя на них и вокруг –
Заплакал я вдруг!¹³

Перевод П. Железнова

Вазов – истинный поэт, утонченная натура, из очей его льются слезы в предчувствии гибели русских воинов, которые сложат свои головы за свободу Болгарии.

Достоевский тоже сочувствовал русским солдатам, хотя и считал, что Освобождение «распятого брата» – высокая цель, долг более сильной славянской страны. Он полагал, что защита «униженных и оскорбленных» – «православное дело».

Но он не исключал, даже был уверен, что самопожертвование русских воинов через 100 лет не будет оценено по достоинству. Некоторые факты современной действительности подтверждают это предвидение пророка, гения русской литературы. Достоевский предсказывал, что через 100 с лишним лет появятся псевдоученые, умаляющие роль России в Освобождении Болгарии: «...настоящая, например, всенародная русская война, всего русского народа, с Царем во главе, поднятая против извергов за освобождение несчастных народов – эту войну оценили ли, наконец, славяне сейчас, как вы думаете? Но о сегодняшнем моменте я не говорю, при том мы еще нужны славянам, мы их освобождаем, но позднее, когда их освободим и когда они обустроятся – признают ли они эту войну великим подвигом, совершенным для их освобождения, решите сами. *Да ни за что* на свете не признают! Напротив, скажут, в качестве политической, а позднее и научной истины, что не будь во все эти 100 лет освободительницы России, так они давно бы сумели сами освободиться от турок благодаря своей доблести или с помощью Европы, которая не будь на свете России, не только не имела бы ничего против их освобождения, но и сама бы их освободила. Это *хитрое учение* наверно существует у них уже и сейчас, а впоследствии оно неминуемо разовьется в научную и политическую аксиому. Более того, даже о турках начнут говорить с большим уважением, чем о России... Они будут лебезить перед европейскими державами, будут клеветать на Россию, сплетничать о ней и интриговать против нее... О, я не говорю

¹³ Вазов И. Сочинения в шести томах. Т. 1. М., 1956. С. 138.

об отдельных людях: будут и такие, которые поймут что значила, значит и будет значить для них Россия всегда. Они поймут все величие, всю святость дела России. Но эти люди, особенно в начале, будут в таком меньшинстве, что они будут подвергаться насмешкам ненависти и даже политическим гонениям¹⁴.

Васил Друмев (митрополит Климент Тырновский) был одним из тех русофилов, который подвергался политическим гонениям за свои убеждения. Он был заточен Стефаном Стамболовым в Гложенский монастырь уже через 15 лет после Освобождения Болгарии (в 1893–1894 гг.). Освобожден он был только после смерти Стефана Стамболова. Весной 1878 г, встречая в Русе освободителей, он говорил: «После долгих страданий и страха вы пришли во имя евангельской любви, которая водворит у нас мир, спокойствие и счастье. Мы знаем, что храброе российское воинство перенесло много трудов и лишений, пролило много драгоценной крови для нашего освобождения. Император Александр II благоволил посетить нашу несчастную Болгарию, дабы облегчить нашу злую участь, сделать нас свободными и счастливыми»¹⁵. Друмев понимал значение жертвы, принесенной на алтарь болгарской свободы русским народом.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была святой, альтруистской войной, одной из немногих справедливых войн в истории человечества. Честь и хвала болгарскому народу, который не позволил снести памятник царю-освободителю Александру II ни во времена фашизма, ни во времена тоталитаризма. В то время как в России почти все памятники русским императорам снесли в советский период. Прав был И. Вазов, называвший русских воинов «рыцарями добра»¹⁶.

ИВАН ВАЗОВ И ФЬОДОР ДОСТОЕВСКИ ЗА РУСКО-ТУРСКАТА ВОЙНА ПРЕЗ 1877–1878 ГГ.

М.Г. Смолянинова

Авторът на статията полемизира с изследванията на някои български учени (в частност, Иван Лилов), където се твърди, че Освободителната руско – турска война 1877–1878 г. е била окупационна. В полемиката си с Лилов Смолянинова се опира на свидетелства на съвременници и очевидци на събитията – Фьодор Достоевски и Иван Вазов.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 23. С. 211–212.

¹⁵ Климент Браницки и Тырновски (Васил Друмев). Документи и материали. София, 2005. С. 69–70.

¹⁶ Вазов И. Сочинения в шести томах. М., 1956. Т.1. С. 149.

Камен Михайлов

Престиж и престижность в болгарском обществе

В 60-ые и 70-ые годы прошлого века началось осуществление крупного проекта Г. Гачева – «национальные образы мира», сначала в разговорах и публичных выступлениях, потом – в печати. Известно, что это был широкомасштабный анализ проявлений «Космо-Психо-Логоса» в его разнообразных отложениях: устных, печатных и модельных (в границах общественного сознания). Болгарские исследователи помнят, что эти идеи быстро породили разные реакции, обусловили ряд новых осмыслений по отношению к тому, что мы называем «болгарская душевность». Можно сказать, что в Институте литературы Болгарской Академии наук, эта линия была продолжена тенденцией научных форумов, на которых обсуждались проблемы болгарских страхов, героичности, норм, типов престижности. Текст, который я предлагаю здесь читательскому вниманию, тоже спровоцирован вышеуказанной «Гачевской» линией: вскрыть и вникнуть в варианты болгарской национально-характерологической образности. Хотя он ближе к родной традиции, которую утвердил в своих исследованиях Иван Хаджийский: если будет мне позволена такая метафора – это своеобразный паталого – анатомический взгляд на проблему. Болгарская душевность (именно душевность, отнюдь не дух!), разыскиваемая с точки зрения социологических зарисовок; наблюдение психики, дабы вникнуть в тот эмоциональный мир, где рождаются механизмы поведения масс. Как можно понять, статья является в определенном отношении контрапунктом гачевского пути. Он рассматривает факты болгарского поэтического мышления¹ и создаёт своё видение национального мира, причем сознательно игнорируя низкие проявления душевных движений. Достойное существование, а далее – героичность, гайдучество, самопожертвование во имя высоких идеалов; вечные символы –

¹ Неспроста первая работа о болгарском Психо-Космо-Логосе была побуждена и основана на высокопоэтических символах болгарского национального гения Хр. Ботева: *Гачев Г. О болгарском логосе (по космосу «Элегии» Ботева)* // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. № 11. София, 1987. С. 531–554; *Его же. Българският образ на света в поезията на Ботев* // Език и литература. София, 1988. № 4. С. 66–78.

такие как мать, отец, родной дом, братья, сестры, мужское, женское, любовь – вот опоры этого прекрасного бытия и соответственно качеств героев, его населявших². Но мы же знаем, что даже в этом самом поэтическом пространстве, например в поэзии Христо Ботева, существует не только высокое, но и низкое пространство и они оба не только обособлены по вертикали, но и воюют друг с другом: «гайдуцкая Болгария» с «чорбаджийской Болгарией», «свободная Болгария» с «рабской Болгарией» и т.д. В этом «низком мире», образов и чувств («там – внизу») властвуют чорбаджии-душегубы, дикари-учителя, продажные журналисты, священники-реакционеры³, а также мещане, покорные рабы, люмпены. Если к этому добавим исторические примеры и саму жизнь, то картина получится совершенно иная, не опозитизированная, а, скорее всего – нелицеприятная, но тем не менее достоверная.

И вот интереснейший вопрос – как относятся друг к другу эти два национально-специфических образа, каким способом существуют совместно в обществе, как воздействуют на поведение масс и отдельно взятой личности. Разумеется, чтобы ответить на этот вопрос сперва нужно составить низкий образ болгарского мира – дегероизированный, не опозитизированный, но земной и реалистичный. Отдельные его черты представлены в творениях таких писателей, как Петко Славейков, Любен Каравелов, Христо Ботев, Иван Вазов (в его произведениях «Эпоха – кормилица великих людей» и «Кардашев на охоте»), Алеко Константинов (в его фэйлетонах, в рассказе «Упаси Бог, чтобы слепой прозрел», в бессмертном «Бай Ганю»), Пенчо Славейков (в книге «На острове блаженных») и т.д. – вплоть до современного творчества Станислава Стратиева (напр. «Вавилонская хроника»). Но это все преимущественно художественные образы, которые в лучшем случае воспроизводят определенную низовую ситуацию. Нравственному рассмотрению и обобщению подвергаются характеристики и явления у всепризнанного народоведа Захария Стоянова – главным образом в IV-й части его мемуаров «Записки о болгарских восстаниях». Это определенно новый, обзорный этап в развитии проблемы. Он не просто описывает такие черты как предательство, животный страх, подстраивание к сильному, но и разделяет

² Практически, Г. Гачев исходит из целого ряда сугубо теоретических предпосылок, отдельные из которых являются отрицательными моделями, и в процессе рассуждения достигает положительных итогов; в предлагаемом мною тексте я исхожу из преимущественно отрицательных фактов болгарской жизни и поведения, после процесса анализа которых напрашиваются обобщения в объяснительном модусе.

³ Такие социальные категории перечислил сам Христо Ботев в своем стихотворении «Элегия».

болгарский народ на фракийцев (продвинутых) и шопов (дикарей). Здесь нельзя обойти вниманием и такого оригинального интеллектуального писателя как Стоян Михайловский с его политическими аллегориями (напр. «Книга о болгарском народе» и особенно – «Метаполитика»). И вот, в 30-е годы прошлого века появились исследования вышеупомянутого Ивана Хаджийского «Быт и душевность нашего народа» (сначала как лекционные курсы), где при помощи научных приемов была проделана необходимая социо-психологическая работа в плане прояснения: откуда и почему у болгар появились определенные отрицательные черты характера и поведения. Конечно, заданное направление было продолжено современными авторами. Среди них выделяются имена Т. Жечева и М. Симова.

Необходимо оговорить еще один вопрос. Понятно, что престиж и соответствующая система престижей проявляются в разных областях бытия: например, престиж по статусу, которому соответствует целый ряд прилегающих характеристик – дом, воспитание, образование, профессиональные и другие умения и т.д. и т.п. Есть материальный престиж, есть духовный (все они восходят к личности), но есть и социальный – который можно отнести к коммуникативным способностям людей (нужда в общении и умение заполнять этот пробел). Очень интересно изучать данную проблему в плане эмоционального мира человека. Ведь есть же престижные чувства, обуславливающиеся теми моделями, которые общество накладывает на индивида. И если не акцентировать внимание на специализированных социо-психологических работах, в литературоведческом пространстве подобные исследования появились относительно недавно⁴. Здесь нельзя не указать на монографию Р. Дамяновой, где в культурологическом и психологическом ключе прослеживаются основные эмоциональные категории в их специфическом проявлении в период болгарского Возрождения⁵. В этом труде ее интересует более общий вопрос о приоритетах, где престиж является лишь частью комплекса разных элементов⁶. В настоящем тексте я выбрал

⁴ Здесь я упомяну таких авторов как В. Динев (рассматривающий страх), С. Страшимиров (о переживаниях), А. Алексиева (о стыде и страхе), А. Петров (о радости).

⁵ См.: *Дамянова Р.* Емоциите в културата на Българското възрождане. С.: «Сиела», 2008. – Автор сосредотачивает свое внимание на стыде, вине, страхе, гневе, смехе и радости.

⁶ Вот одно из обобщений, которые находим в книге: «Каждое общество создает собственные механизмы, чтобы привести в порядок свои приоритеты. Для болгарского общества XIX в., направляющего себя на манящий образец «просвещенных народов», это образование и процветание, национальная идея и свободная духовная воля. Одновременно, в порыве утверждения и реализации этих приоритетов, возрожденческое общество сталкивается

другой путь – рассмотрение некоторых аспектов престижей в плане болгарского мышления и обусловливаемого им поведения.

Многообразие и противоречивость «болгарского мировосприятия» имеет место еще в пословицах, поговорках и притчах – словесных формулах, которые всегда представляли надежную основу для народо-психологических исследований. Для каждой экзистенциальной или бытовой ситуации возможно указать как минимум на две, взаимоисключающие конструкции, и, что более важно, они утверждают совершенно противоположные ценностные образы мышления и типы поведения. Иными словами – на два совершенно отличающихся друг от друга типа престижности, которые со временем создают обособленные модели-клише для реагирования на действительность. Покоряйся власти – сопротивляйся власти, деньги все – деньги ничто, будь гордым – будь смиренным, отстаивай свою правоту – кланяйся и проси у сильных мира сего блага. Вот только несколько примеров, касающихся противоположных ценностей и выражаемых соответствующими нравственными формулами⁷. Является ли эта «двойственность» сущностной характеристикой внешнего мира, или спецификой воспринимającego сознания – вот это стоящий вопрос. Он на самом деле сложный, зато и заслуживает усилий, чтобы ответить на него.

В болгарских условиях выявляется одна моделирующая тенденция, которая подчиняет все остальные, и которая оказывает воздействие на проблему престижа и престижности. Уже время ее назвать: стремление к *опровержению*. Как в коллективном, так и в индивидуальном ментальном пространстве непрерывно звучат *два* оспаривающие друг друга голоса, которые практически не разрешают болгарину, как личности, и обществу в целом, как более сложному образованию, принять *одно*, к тому же *окончательное решение*. Этот факт обесмысливает акт выбора, так как болгарин (болгары) не в состоянии следовать ему до конца. А история, как никто иной, показывает,

с непониманием – как внешним, так и внутренним – и оно должно решить сложную задачу переустроить все механизмы социальной жизни, переупорядочить, переосмыслить, переменить свои поведенческие стереотипы и создать совершенно новые, соответствующие новым актуальным идеям» – (Дамянова Р. Цит. соч. С. 14–15).

На этот факт обратил внимание и сам Г. Гачев в «Болгарском образе мира в сравнении с русским» в своей книге «Национальные образы мира» (М.: «Советский писатель», 1998. С. 109): «Среди болгарских пословиц поражает обилие условных, начинающихся с «ако», «като», «да би» ... Он [болгарин. – К.М.] не принимает ничего на веру, но оставляет резерв для сомнения и принятия другой истины. Таким образом, неуверенная форма его суждения одновременно означает допущение других горизонтов познания, открытость им, ожидание истины с разных сторон – достоинство, которого не имеет категорическая форма суждения».

что лишь защищенная позиция является выигрышной позицией; на основании этого знаменательного факта писатели создают свои литературные концепции о человеке и о времени. Достаточно напомнить, например, о Д. Талеве и его трилогии. Болгарский народовед Петко Славейков, в самом разгаре церковной борьбы озвучивает непонятые, и до сегодняшнего дня, слова: «Кто выигрывает свою тжбу, выигрывает курицу, а теряет корову!»⁸ Посредством своей живописной речи он представляет нам результат обдуманности проблемы, которая широко обсуждается на страницах его газеты «Македония»: что мы теряем, когда выигрываем. Потому что мудрость гласит – не бывает абсолютного выигрыша, равно как не бывает и абсолютной потери. Мысль возрожденца постигла диалектику процесса, который не бывает однонаправленным. В народо-психологическом плане Петко Славейков хотел предупредить грядущие поколения об одном специфическом болгарском комплексе: страхе фатального поражения или катастрофы. Этот комплекс, вероятно, занимает первое место в лестнице болгарских страхов.

Болгарин строит свои дела так, чтобы непрерывно достигать все более высокого уровня материального благосостояния, совершенно не интересуясь меняющейся престижностью, как элементом исторически обусловленной ценностной системы. Он предварительно программирует жизнь своих детей и внуков, не учитывая их собственную индивидуальность, психические особенности, возможности, таланты, перипетии судьбы. Когда Неньо Балдьовец предает решение о всеобщем восстании, принятое в Обориште (1876 г.), турецкому паше в Пловдиве, он обосновывает свой поступок словами: «Ведь мои дети должны жить лучше, чем я!» Ему невыносима мысль о том, что собранное таким трудом и потом имущество и недвижимость пойдут по ветру. Ограниченный ресурс (и в личной, и в общественной жизни) оказывается основным законом в болгарской действительности. Отсюда прагматичная бесчувственность, описанная Алеко Константиновым в «Бай Ганю», а задолго до него – возрожденческими деятелями. Болгарин согласен пожертвовать имуществом только когда существует угроза жизни, никак не меньше. Во всех остальных случаях он жертвует здоровьем человека, верный философии «Терпи душа, черней кожа». На самом деле, в своих решениях он руководствуется не принципами и идеями, а стремлением сохранить накопленное имущество⁸. Однако – что получается в результате? Как

⁸ Иван Хаджийский подходит к этому вопросу с другой стороны – он устанавливает взаимозависимость между материальным и моральным: «Нам становится предельно ясно, что нравственное обособление следует за экономическим. Примером тому служит тот факт, что нравственность, которую можно обнаружить в Хеврен махала в Ямболе, мы не найдём в Каргоне,

в семейном, так и в общенародном плане, события вынуждали, как человека, так и народ, начинать всегда всё с самого начала; воскрешаться, словно феникс из пепла, из обрушившейся на них разрухи. Судьба превращала посланное наружу стремление в бумеранг с двойной силой. Есть один исторический момент, который является жестокой эмблемой вышесказанного: Апрельское восстание 1876г. Если освободимся от эмоциональных наслоений, события выявляют «стальную» логику, которая, будучи невысказанной, соответственно представляется неувоенным уроком. Повсюду, где были пожарища и трагичная резня – в Батаке, Перуштице, Клисуре население передаёт своё оружие врагу, отказывается добровольно от борьбы, от принятого решения о вооружённом сопротивлении турецким мучителям; оно ступает на противоположный путь – «повинную голову острый меч не сечет». Единственное место, где люди сражаются до конца на протяжении двух недель – Еледжицкий лагерь деревень долины реки Тополницы. Они не испытали таких страданий. Более того – после прорыва повстанцев, оставшиеся в лагере беззащитные женщины, старики и дети не переживают ужаса резни, их отвели в г. Пазарджик и разместили во временных лагерях. Даже во время всплеска магометанской жестокости, турки уважали *достоинство* и героизм – как свидетельствует и сам З. Стоянов, описывая страдания пленных повстанцев и свои собственные страдания.

Болгарин упорствует лишь до самых первых трудностей, после чего резко меняет свою позицию в противоположном направлении. И снова до первых трудностей и требуемых жертв ... Это колебание продолжалось бы вечно, если бы ведущую роль не играли внешние силы. Они всегда воспринимались как нечто чужое, навязанное извне, что позволяло индивиду (обществу) занимать удобное положение жертвы. В этом случае уже можно роптать и даже вопить, проявляя удивительную безответственность, против совершенного насилия, но оставаться в пассивной позиции. Так осуществляется защитная реакция у болгар; так они добывают право выбирать спасителя-освободителя. Что получается в итоге? Имущественные отношения лежат в основе целой развернутой системы, которая приводит к определению типа защиты с идеально-нравственным характером. На самом деле это синдром страха от необходимости принимать решения. Разве удивительно тогда, что освободители, союзники, друзья так легко отказывались от договорных отношений, от материальных и нравственных обязательств! Или то, что они также вступали в эти

а ещё меньше в центре города» (Съчинения в два тома. Том втори. Бит и душевност на нашия народ. София, 1974. С. 395). И ниже: «Разрушительное действие денег начинает проявляться с того, что на братьев и сестер человек смотрит как на будущих претендентов на отцовское имущество» (с. 421).

отношения из-за своих меркантильных, либо сугубо личных практических интересов? Существуют многочисленные воспоминания времён Освободительной русско-турецкой войны (1877–1878), которые свидетельствуют, как освобожденные делали все возможное и невозможное, чтобы протолкнуть свои некачественные товары людям, которые непосредственно жертвуют для них своей жизнью. При том «продавцы» просят деньги в разы превышающие реальную стоимость товара. (Разве подобные поступки не отвратили Христо Ботева, когда за 4 ягненка пастухи потребовали полную шапку золотых в мае 1876 г.?) В ряде случаев это приводило к серьезным конфликтам между войсковыми снабженцами, населением и отдельными представителями болгарской народности на службе в русских штабах.

Кроме формирования межличностных и межэтнических взаимоотношений, мы должны учесть ещё одно следствие закона *отсутствующей материальности*, на этот раз в области накопления культурных фактов. Болгарин не стремится превратить бытовую материальность в духовную ценность. Вот почему в конкретном плане обогащение проявляется в приобретении *престижных вещей*: дом, предметы люкса, транспорт. Причем очень редко всё это вместе. Зачастую можно увидеть рядом с какой-нибудь холупой «Мерседес», или в деревенской мещанской обстановке какие-то вещи высокотехнологического толка (музыкальные центры, телевизоры), накрытые полотенцами с узорами и ожидающие впустую своего использования. Картина абсурдная, именно благодаря своей незавершённости. В таких случаях звучали одновременно два голоса: первый – покажи своё преимущество перед остальными; второй – «не выделяйся из толпы», а то нарвешься. Употребление денег строго ограничено и регламентировано в болгарском обществе – их судьба: «белые деньги на чёрный день»⁹. Положить золотые в горшок, закопать в землю (начиная с чорбаджи Нено, героя повести Любена Каравелова «Маменькин сынок»), до Йордана, героя повести Елина Пелина «Гераковы»). В новое время «Бурканбанк» (стеклянные банки) и «под матрац» – почти единственная возможность сохранения денег «здесь» (на востоке), и непонятное явление «там» (на западе). В определенных случаях деньги («готовые деньги») могут быть вложены в какое-то предпринимательское дело, даже с риском. Иногда, хотя очень редко, допускается помощь какому-нибудь человеку, или родному месту (школе, церкви, на строительство моста, источника и т.п.)

⁹ Здесь очень важен эпитет «белые» – он не значит «хорошие», «добрые», а просто указывает на количество денег, которое нужно отложить (от турецкого «ak parası» – т.е. «акчета», вид серебряных монет). Иными словами, в этом случае опять смысловая направленность на материальную сторону проблемы.

– на этот раз по принципу «брось за себя, чтобы найти перед собой»¹⁰. Так или иначе, ни в коем случае «готовые деньги» не употребляются на создание культурных ценностей. Рассказ Чудомира «Портрет» является блестящей иллюстрацией сказанного. В нём старый торговец розовым маслом хаджи Койо отказывает хаджи Стойолу в оплате сделанного сыном заказа на портрет с такими словами: «Ты с Тунджи (болгарская река. – К.М.) ли загребашь эти тысячухи, чтобы их раздавать направо-налево? Что это за понты в моем доме, безумные! За один портрет, причем до пояса – две тысячи! Ничего себе! Вы что – меня за дурака держите, или как! Если бы я знал, что до вечера три раза помру, и то такие деньжищи не дал бы ни за что!»¹¹

В абсолютных измерениях «изготовление» и приобретение культурных ценностей отдано энтузиастам, самоучкам, которые являются близкими, знакомыми, либо просто соседями заказчика. При этом накопление изящных предметов протекает по принципу повторения («я хочу то, что есть у соседа»). В результате каждое следующее поколение создаёт свои собственные культурные ценности, категорически пренебрегая предыдущими (после смерти старшего поколения «культурные ценности» просто выбрасываются)¹².

На втором месте после *опровержения*, раздвоение приводит к следующему существенному идентификационному следствию. Многое написано про наличие «двойной морали». Указаны разнообразные примеры. Самый распространенный из них – утверждение, что болгарин в семье воспитывает (и ведет себя) одним образом, а вне семьи совершенно другим. То есть – в разной среде и в разных ситуациях он подчиняется разным правилам. Проблема связана с конкретно-историческим временем. Для улучшения ситуации предлагались разные решения – от самоусовершенствования путём религиозного воспитания до создания гражданского общества. Эти универсальные факторы должны остановить разложение, по мнению

¹⁰ Среди патриархально воспитанных людей и поныне существует устойчивое представление о бытийном явлении «за хаир» (от греч. 'восславлять', 'здоровствовать'). Его суть в том, что нужно делать добро, чтобы встречать добро. Этим объясняется множество поступков в обществе, когда человек является дарителем (слово меценат неправильно в болгарских условиях), но его дарения всегда имеют прагматический характер. Меценатство на западе – наоборот, оно касается произведений искусства, артистической деятельности.

¹¹ Перевод автора.

¹² Этот процесс особенно характерен в последние 20 лет. Открытые антикварные магазины наполнились исключительными экземплярами книг, картин, статуэток, архивных материалов – все они принесены цыганами, подобраны на свалках, либо при уборке чердаков и подвалов. Появилась даже специальная профессия, – она зафиксирована в газетных объявлениях, – разборщик чердаков и подвалов. Бесплатно люди нанимаются почистить замусорившиеся помещения, так как знают, что там могут найти дорогостоящие вещи.

озабоченных этим процессом авторов. Я позволю себе возразить, не взирая на престиж авторитета авторов, защищающих подобные взгляды. Описанное исследователями явление действительно имеет такие проявления, но у него совершенно иная суть. Во-первых, определение «двойная мораль» обозначает «раздвоенное» представление о нравственности, что в принципе невозможно (это бы значило, что человек признает взаимоисключающие ценности). Во вторых – если это реальный факт, он бы означал, что болгарин безнравственный человек в своем глубинном и исконном становлении, что тоже неверно. В третьих – «двоичная», «троичная» и т.д. ценностная система и соответствующая им мораль является социальным и идеологическим построением, а не национальной характеристикой. Считаю, что старая (средневековая) болгарская литература – в ее непримиримости к язычеству – достаточно ясно дает примеры по отношению к сказанному; возрожденческое творчество Христо Ботева моделирует его; известнейшая «Сказка о лестнице» Христо Смирненского представляет его в модусе психологической бытности. И так – то, что годами называли «двойной моралью» практически является *несовпадением слов и дел*. Болгарин одно *говорит*, а другое *совершает*. Он жалуется на турецкого полицейского (на «чауша») своим односельчанам, соседям за столом в корчме и сразу после этого он приглашает его в гости, готовит ему пироги, печет хлеб, жарит курицу, заливает сиропом пахлаву (именно так делает бабушка Илийца в рассказе Ивана Вазова «Болгарка»). Она стремится засвидетельствовать свое *подчинение*, чтобы получить в нужный момент чужое благоволение. «Поклонись злему как святому!» – говорит народная мудрость и ею руководствуются немало представителей болгарского общества. Не менее знаменательное поведение бабушки Тонки Обретеновой. Это реальное историческое лицо, на примере которого с самых молодых лет воспитывают болгарских школьников. Бабушка Тонка является образцом достойного поведения: она ругает «за глаза» безумных революционеров, чтобы хоть как-то облегчить их судьбу¹³. Таким способом достойное поведение принимает форму *скрытности, хитрости*. Причем демонстративное поведение не противоречит никоим образом ни христианской морали, ни «гражданской совести», ни индивидуальному пониманию. Такое поведение не осуждается ни самим собою, ни окружающими. Совесть человека чиста; его имя не запятнано. Сейчас нужно задать вопрос – престижна ли эта двойственность? Может ли быть иначе? Означает ли это, что у болгар нет критерия поведения? Ответ всем поставленным вопросам категорическое «нет». Такое поведение не является престижным, но считается *нормальным*. И причина

¹³ Получить свидание с заключенными, передать хлеб, деньги т.п.

тому – как ни странно – сама престижность. Ведь престижно же говорить в корчме против турок (социальная престижность) и заодно – престижно угождать им всячески (персональная выгода). Причина психологически проста – лишенный какой бы то ни было иерархии в своем обществе, болгарин легко может входить в и выходить из самых разных ролей, показывая при этом специфическое восприятие мира каждой из них. Он легко может рассуждать как «действующее лицо» по «обеим сторонам баррикады»: он способен думать как начальник (и легко соглашаться с ним в компании) и как подчиненный того же начальника (и опять поддакивать подчинённому в другой компании). А когда такие лица встречаются вместе и каждый жестко выражает свою точку зрения, свидетель старается не высказывать свое мнение, уходя от «приглашения» присоединиться к тому или к другому. Болгарин уверен, что так сохраняет себя, хотя на самом деле он теряет (как возможного союзника) и первого, и второго.

Другое следствие «плавающей морали» (полагаю, что именно этот термин является правильным, а не клише «двойная мораль»): болгарин никогда не высказывает свое мнение, будучи в *подчинённой позиции*. После освобождения Болгарии от турецкого порабощения, Захарий Стоянов, бывший функционер IV-ого революционного округа и один из тогдашних правителей, посещает в деревне Царацово Ивана Арабаджия – тоже бывшего деятеля Апрельского восстания. Хозяин продолжал заниматься своим плотницким делом, совершенно не подавая вида, что в его дворе находится столь высокий гость, причем соратник недавних времен, нынешний идеологический противник. На вопрос: «Ты меня не узнаешь?», он отвечает: «Узнаю, ну и что!» Бай Иван не воспользовался возможностью выразить своё возмущение перед политиком-тираном и потерявшим совесть бывшим апостолом свободы, либо раскритиковать курс самого правления. Повидимому, исходя из представления о престижности, услышанное мнение – не то, что высказывается перед оппонентом, а то, что декларируется перед свидетелями (оппонент может даже отсутствовать). Услышанное мнение то, которое озвучено с превосходящей позиции. Каждый болгарин воспринимает себя глашатаем, который ожидает, что в свое время займёт полагающееся ему место на *мировой трибуне* и прокричит оттуда современникам и потомкам свою правду, всеобщую и абсолютную. До тех пор лучше эту правду скрывать. Так как она – правда в последней инстанции; это она должна победить: изменить мир, историю, религию, социальные отношения, личность. Разве это не свидетельствует о том, что болгарин страдает агрессивным индивидуализмом. «Он будет меня учить!» – вот фраза, которая звучит как из уст литературных персонажей, так из уст политических деятелей. В Болгарии не допускается ещё одно мнение, а правда имеет

единственный критерий – власть. Правящий не выбирает среди многоголосья верное мнение и претворяет его в жизнь, а *самовыражается*, уничтожая (часто и физически) всех остальных оппонентов. Вообще – категория «оппонент» значит не что иное, как *противник*. В историческом плане это приводит к синдрому *беспрерывного геноцида*. Он не должен восприниматься только как вооруженная расправа. Это лишь вариант в процессе. Самой главной тенденцией всегда было экономическое принуждение. А оно осуществлялось преимущественно при помощи соответственных законов и реже – оружием. Унизить оппонента до крайней степени, представить его перед историей деградировавшим элементом – вот высшая цель разбирательства. Немногие люди, подобно Ботеву, смогли бы достойно заявить: «Наши средства низки, так как иных нам не оставили! Зато наши цели высоки и достойны!»

Я, прямо-таки, не знаю, возможна ли в других странах научная конференция на тему «Эзоповский язык в литературе и культуре». В Болгарии эта проблема выделена еще в эпоху Возрождения – «про-тащить воду под сеном» («сделать свое, но незаметно»). Эта фраза охватывает всю борьбу за церковную независимость. Высказывание, по болгарским меркам, не творческий акт, а проявление чистой глупости. «Слишком ляпаешь», «трепаться языком», «несет ерунду как ученый сам себя не понимает, другие – тоже»¹⁴: вот основные квалификации, прилагаемые к явлению «говорить». Оригинально болгары относятся к процессу *«слышимости»*. Может потому любимая политическая фраза – это: «я предупреждал», «я говорил», «я знал, что так получится». Все, конечно, «задним умом». Вышеупомянутые фразы дают возможность деятелю занять позу «невинной жертвы». Давайте вспомним одну из мало популярных басен Петко Славейкова: козленок, с балкона издевался над проходящим внизу волком. «Не ты издеваешься надо мной» – ответил хищник, – «а место, которое занимаешь!» Так вот – болгарин идентифицирует себя не с высказанным словом, а с *позицией*, которую имеет в момент высказывания. К тому же – само слово может не иметь ничего общего ни с правдой, ни с моралью.

Позволю себе пересказать один прослов (устный жанр¹⁵ близкий к русскому «сказу»), который я записал в Велинграде. Бай¹⁵ Митьо,

¹⁴ Реплика главного героя из рассказа Елина Пелина «Андрешко». Знаменательно то, что подобные фразы сочиняются и в относительно новое время – напр. «Много шпяхен, малко арбайтен» [Много говоришь, мало работаешь]: употребление немецких слов прямо указывает на время появления этой поговорки, время Второй мировой войны. Её суть сохраняет древнее понимание среди болгар, что слово противостоит делу.

¹⁵ Просторечивое обращение среди болгар (от турецкого «bai» – господин); не имеет ничего общего с титулом, который присваивают мусульманским феодалам в азиатских странах.

популярный рассказчик из Чепино, как-то рано утром проснулся в плохом настроении и начал крыть матом округу. «Бай Митьо, – отозвались соседи, – что так разматерился ранним утром?» «Разматерился, да – ответил им хитро прищуриваясь бай Митьо, посмотрел бы я на вас, если бы был министром, что вы тогда говорили бы: «Сегодня, ранним утром, товарищ министр озвучил заявление!» Это наблюдение относится не только к современной действительности, но и к патриархальному миру. Иначе почему Христо Ботев будет писать стихотворение «Майце си» («Моей маме») в форме открытого письма, делая таким способом семейные отношения достоянием чужих людей. Это стихотворение свидетельствует о том, что между сыном и матерью невозможен какой-либо диалог; каждый из них укрепился в своей позиции; коммуникативный акт должен принять форму суда, причем открытого, всеобщего – и, по возможности, переходящего границы конкретно-исторического времени¹⁶. Впрочем, подобный характер выявляет и «Письмо к матери» Есенина.

Я не ошибусь, если скажу, что 90 процентов из всех разговоров, которые проводят болгары, имеют цель «создать» общественное мнение. Начиная с дворовой сплетницы из рассказа Чудомира – «Я не из тех, дорогая Сийка», вплоть до аргументов коллег в любом офисе и обмена впечатлениями супругов – всё это обозначает период «зондирования» «мнений других, «закулисных манипуляций» при одной цели – обеспечить себе решающее преимущество. Весь этот процесс запускает важнейший механизм *обеспечения*. Для болгарина все является результатом обеспечения. Самое большое престижное достоинство родителей – это обеспечить своих детей – обеспечить образование, работу, брак, дом и т.д.¹⁷ Конечно, до того – надо обеспечить свою семью. В любое время, при любой власти и в любых условиях местный человек спрашивает – «А это обеспечено?» Лишь после утвердительного ответа, он начинает действовать. К тому же ясно, что *обеспечение* где-то тонко, где-то грубо перешагивает через закон; иногда даже подавляет его. Закулисные махинации являются болгарской *игрой в престижность*. До того, как она будет проведена, никакие усилия не заслуживают своей траты. Вековой опыт показал, что без обеспечения, все

¹⁶ См.: Михайлов К.В. Текст и контекст у Ботев. С, 2001. (хабилитационный труд, рукопись); также: «Майце си» // Ботев. Съвременни интерпретации. Търново: «Слово», 2005. С. 130–142.

¹⁷ В этом отношении болгары грубее и циничнее, но честнее, чем русские. У русских тот же самый процесс обозначается словами: «поднять детей», «поставить на ноги». Как видно – эти фразы не просто преднамеренная эвфемизация (название чего-то более приятным и общепринятым способом) – за ней скрывается понятие «нормальности» (от слова «норма», но и от слова «адекватность»); в то же время болгары знают (и помнят), что это не норма и не адекватный поступок, а нарушение морали и закона.

усилия останутся пустыми. Закулисные махинации – *логос* болгарского мира: редкое умение проводить переговоры, убеждать в необходимости выполнить желания просящего, которое всегда оказывается коррективом сделанного злоупотребления. Обеспечение – это безнравственный поступок, совершённый с помощью нравственных слов.

Намеченное до сих пор отношение: человек – речь (слово) имеет определяющее литературное значение. Читая в последнее время возрожденческие письма и мемуары, я с удивлением заметил, что для пишущего фактические обстоятельства не имеют никакого значения. Когда и где становится монахом Софроний, будущий епископ Врачанский, какие лица присутствуют, какова обстановка, кто что говорил...; Когда и где заключён договор о найме учителем Петко Славейкова в деревне Михалци (исследователям болгарского Возрождения известны слова: «Не сравнить пастуха с учителем»), кто присутствует, кто что говорит ... Повсюду мы находим неопределённые предложения («однажды», «где-то возле Петрова дня», «через некоторое время») и «безличные конструкции («сделали меня попом», «решили некоторые чорбаджии», «собрались крестьяне», «не так вышло, как мы думали»). Мемуаристы ставят единственный акцент – на свое собственное высказывание: то, что характеризует описываемую ситуацию – кто плохой, кто добрый, а обстоятельства интерпретатор может повернуть и так, и эдак. Задолго до вхождения в моду герменевтики, болгарин знал точно, что только обработка фактов имеет значение, все остальное – пустое дело. Мастер разменных ситуаций, мемуарист Захарий Стоянов показывает это блистательно в своих «Записках о болгарских восстаниях»: апрельский бунт вспыхивает, хозяин дома, где скрывались апостолы – бай Иван, предстает ршительно перед Георгием Бенковским: «Остановись! Что будет с моими детьми, с моим домом!»; видя, что его слова не останалвивают главного руководителя, он встаёт на колени, плачет и просит, чтобы не объявляли восстание. Через час Захарий Стоянов встречает бай Ивана на площади среди героев, одетого в форму повстанца и кричащего «Да здравствует!» На свой укор Стоянов слышит ответ: «Так я же не понял, что творится!» И кричит еще громче – «Да здравствует!» Этот человек больше не упоминается в книге, но мы догадываемся о его судьбе: при разгроме он был среди первых, кто сказал: «Я же вас всех предупреждал ... «Возможно даже, что прозвучали слова: «Хватайте этого!» Бай Иван, разумеется, уцелел. И, конечно, после Освобождения, занял свое место в ряду знаменательных борцов. Может быть, в этом – говорить одно, а делать другое – есть определенный скрытый экзистенциальный смысл. Это даёт возможность болгарину оказываться положительным (престижным) героем в любое время и в любых обстоятельствах: ведь всегда же он может заявить – «Правда,

что я так говорил, но вы же посмотрите что я делал», либо – «Правда что меня заставляли так делать, но вы послушайте, что я говорил».

После раздвоенной идентификации болгарина по отношению к слову, давайте обратим внимание на следующее отношение в иерархии: межличностное. Здесь тоже властвует принцип, о котором мы уже говорили: одно говорю, другое делаю. История четко показывает как наши славные и не столь славные предки формировали свои межличностные отношения вражды и дружбы. Они «одевали» их в политическую форму, чтобы добиться решительного преимуществ и в итоге суметь учинить расправу над противником. «Фатально!» – восхищается бай Ганю, – «будто хватаю кого-то за горло!» Это ощущение представлено как высшее наслаждение. Неофит Византиец ненавидит по личным причинам Неофита Бозвели. Именно это «личное» дает ему неистовую энергию добиться ссылки, а затем и отравления бывшего протосингела. Борьба между болгарами и греками имеет в основе личные, бытовые, в конечном счёте – экономические конфликты, но она одевается в политическую одежду, чтобы достичь самой высокой точки расправы. Без политизации противоречий это было бы невозможно. Преследование Петко Славейкова тем же самым Неофитом Тырновским – митрополитом, тоже имеет в основании сугубо личные обстоятельства, но и в данном случае конфликт быстро принимает политический характер. Та же самая модель блистательно поднесена нам Иваном Вазовым в повести «Митрофан и Дормидольский»: мировой судья Иван Еспаназиевич приговаривает к смерти своего недавнего друга Митрофана Поросенка за убийство. Правда, потом оказывается что это «убийство» – всего лишь сруб одного дерева. Важно то, что конфликту придана политическая окраска, в результате чего он быстро достигает точки *расправы*. Иван Вазов, сам описавший эту историю, попадет в такую же ситуацию в отношениях с Пенчо Славейковым. Потом Пенчо Славейков попадет в эту западню с Кириллом Христовым и т.д. Вот поэтому в болгарской истории вопросом умелого руководства является разделение семьи по политической характеристике – дабы была гарантирована её стабильность, что бы ни случилось. Отец (мать) делали так, чтобы один из сыновей продвигался в карьере одной партией, а другой – ее оппонентом. Сам глава семьи являлся членом третьей партии и т.д. Примеров в этом плане – предостаточно, нет нужды на них останавливаться подробно.

Последний круг отношений в плане престижности бесспорно отношения индивид – государство. Представление о них существует с самого начала исторических времен, только я не буду возвращаться к средневековью. Достаточно обратить внимание на процесс в период становления болгарской нации – в эпоху Возрождения. Христо Ботев неспроста очерчивает свою знаменитую авторскую концепцию в статье

«Народ. Вчера, сегодня, завтра». В ее основе лежит последовательная логическая парадигма. Основным термином является слово «страна» – в смысле «отечество», «родной край», «общая земля». Он выражает идеально-эмоциональный план при отсутствии социальной плотности. Пространство постепенно расширяется, пока не охватывает все болгарские территории с языковыми и культурными традициями, но структуры, расположенные внутри, остаются неприемлемыми. Болгарин всегда принимал державу персонально (в этом плане ближе русское слово государство – от ‘государь’) – царь, султан, паша, ага... и так до самого низкого уровня. Когда апостолы свободы агитируют поднять всеобщее восстание, они говорят о «болгарском царстве». И совершенно не случайно задают вопрос Левскому: «В новом болгарском царстве скорее всего тебя сделают царём?» В бытовых разговорах по кафетериям люди тоже персонифицировали каждую из Великих сил (это перешло быстро в газеты): Дедушка Иван (Россия), Панапалин (искажённое слово Бонапарт – Франция), Босфорский пифагор (Больной человек – Турция), человек из Капреры (Гаррибальди – Италия), Безбородый козёл (Греция) и т.д. В этом отношении фельетон Христо Ботева «Политическая зима» – замечательное осуществление утвержденной в разговорной практике модели. Держава, как абстракция, невозможна в представлении болгарина. У него чёткие понятия лишь на уровне отдельных структур. Он думает примерно так: полиция состоит из крутых взяточников; войско – бандитская шайка, тоже любитель взяток; чиновники – наглые люди, сумевшие достать себе хлебное место; судьи – коррумпированные типы и т.д. Здесь нужно напомнить, что такое представление сложилось из-за Османской Империи, которая платила мизерные зарплаты своим служащим, предоставляя им возможность наживаться на взятках. (В скобках я лишь отмечу, что похожая ситуация была и в Российской империи – неспроста в русской классике изобретена фраза «доходное место»). Не лучшим образом обстояли дела в Сербии и Румынии. Именно эти державы были известны тогдашним болгарам, по ним они судили о государстве и государственности. Каковы прямые следствия подобного восприятия государственности:

А) Держава – самый большой карательный орган: только берёт, ничего не давая взамен, причем поддерживает безоглядно всех, кто берёт силой;

Б) Общественные (государственные) средства – это бесхозные средства. Только ленивый и дурак не покушается на них. По отношению к ним нужно прилагать право первого;

В) На преступника смотрят как на романтическую личность, конфликтующую с государством (но и сам обыватель находится

в состоянии конфликта с государством, только у него нет воли противостоять ему);

Г) Держава заполнена слухами; каждый слух когда-то обязательно превращается в правду. Глубоко укоренена восточная практика «своеволия». Именно при ее помощи осуществляются все перемены в общественной иерархии. Вот почему в болгарских условиях все возможно и ничего нельзя спрогнозировать – капризы не подлежат логическому объяснению. Одновременно опытные люди знают, что нет ничего случайного – личная приближенность – это единственный действенный фактор для утверждения в жизни. Поэтому в Болгарии деньги не имеют особой силы; фразу «иди по дороге денег и дойдешь до настоящей причины» нужно перефразировать – «иди по дороге личной связи». В Болгарии распространена пословица: «Болгарские связи превзошли румынские взятки».

Д) Болгарин верит в скрываемое зло, которое когда-нибудь окажется раскрытым. Утверждение «Я знаю этого человека, он не может сделать это!» невозможно в болгарских условиях. Неспроста подобная ситуация отсутствует не только в контексте всей болгарской литературы, но и в жизни. Зато предложение типа «Как мы могли его распознать, он так искусно притворялся, выдавал себя за хорошего человека» можно услышать на каждом шагу. Народ говорит: «Змея за пазухой». Поливание грязью, дискредитация каждой личности – это только вопрос времени и неотъемлемый исторический процесс. Причем им занимаются люди самого близкого окружения. Прямым следствием является мифологизация всего и всех при последующей дискредитации. Болгарин является лжесвидетелем – на свидетельство у него не хватает нравственных сил. Вера в зло не значит, что у него злая душа, он просто сознаёт, что одно говорит, а другое делает.

Е) Болгарин, сам существуя вне морали, очень чувствителен в моральном отношении. Поэтому для общества исключительно важно, чтоб в публичном пространстве утверждались нравственные понятия и примеры. В глубине души болгарин наивный романтик. Он всегда рассчитывает на победу добра; более того, ему очень нужно, чтобы это произошло *немедленно*. Вот откуда у него анархические замашки. Так как любая государственная структура замедляет восстановление справедливости (если вообще оно состоится), то индивид берется за это дело сам – протекает процесс *самоуправства*. Отсутствие справедливости выводит болгарина из равновесия, он становится анти-социальным элементом (при поддержке массового сознания).

Какой итог можно сделать из всего сказанного? Прежде всего: в Болгарии существуют многочисленные элементы престижности, которые обусловлены воспринятой индивидом (социальной группой, общественной силой) ценностной системой. Престижем всех престижей,

все-таки, является утверждение личности, семьи. Прагматический интерес выводит българина на мировые дороги и отсюда его непостоянство. Нередко этот интерес наводит на мысль: «Как мне меньше потерять?» (вариант: «Как мне обойтись малой кровью?») И часто он, выигрывая сегодня в малом, теряет завтра в большом. Вероятно, поэтому Алеко Константинов жалуется в одном письме: «А идеалы нужны, Алексей! Они не пустое слово, как думает жаждущая благ сволочь!» Но это лишь одна из очередных, напрасных попыток доказать, хотя бы на бумаге, преимущество духа. «Суета, ветер!»

ПРЕСТИЖ И ПРЕСТИЖНОСТ В БЪЛГАРСКОТО ОБЩЕСТВО

Камен Михайлов

В статията «Престиж и престижност...» авторът насочва вниманието си към една цялостна парадигма психоповеденчески прояви на българското масово съзнание. В нейната основа лежат отношенията между думи и дела. Тяхното противопоставяне е забелязано и отразено още в българските народни пословици. Тук обаче усилията на К. Михайлов са насочени към обяснението на въпросното противопоставяне. Представена е собствена система от тълкувания на характерологичните процеси. Потърсена е дълбоката логическа връзка между различните специфични черти, проведена е необходимата за целта йерархизация. Едно от сериозните следствия на указаното противоречие е неспособността на българина да поема отговорността за решения на всички равнища на битийното му проявление: от ежедневието до исторически-държавното съществуване. Уточнява се, че главната причина за подобна особеност е нежеланието да се довеждат докрай и отстояват взетите решения. В областта на ценностната система, там където работят механизмите на престижността, се проследява т. нар. «двоен морал», анализирана е неговата поява, детайлни характеристики, типове поведенчески модели. Като главна причина за формирането му е изтакната особеността на късносредновековното развитие на българското общество – време, когато са унищожени всички социални граници в него. Отсъствието на аристокрация, духовни съсловия, свободни професии, натрупване на материални средства по производителен път довежда непосредствено и до особеното отношение на българина към изкуството. Той се удовлетворява с предмети от съмнително естество, кичова продукция, образец за него става елементарното повторение. В текста се правят успоредици с позиции на автори, работили в направлението на народната психология, сред които изпъкват имената на З. Стоянов, Ив. Хаджийски, Г. Гачев.

Элена Тачева
**Одесса и Одесский круг
болгарских литераторов в литературном
контексте Болгарского возрождения**

Мощное присутствие Одессы в культуре Болгарии XIX в., развивавшейся за ее пределами, – факт, давно занявший заслуженное место в научных текстах, посвященных эпохе Болгарского национального возрождения. Классические штрихи в интерпретации данной темы, сделанные в конце XIX и первые десятилетия XX в. Иваном Шишмановым и Николой Начовым, являются источником основных представлений, служащих ориентиром для всех дальнейших поколений исследователей. Эти представления могут быть обобщены следующим образом: 1. На географической карте культуры возрождения город Одесса занимает «в соответствии с болгарскими деятелями» и «их достижениями» третье место после Константинополя и Бухареста.¹ 2. Одесса является центром интенсивного русско-болгарского влияния, что осязаемо проявляется как в болгарской книжности, так и в процессе культурной переориентации, характерном для первой половины XIX в.² 3. Одесса превращается в центр интересных творческих и издательских инициатив болгар, а книжники, творящие в этом городе, выстраивают сеть сложных и противоречивых взаимосвязей, которые создают между ними своеобразное литературное единство³.

С опорой на эти представления в современной исторической и литературно-исторической науке оформились три эпистемологические «сюжета»⁴, в которых Одесса рассматривается соответственно как образовательный, литературный и политический центр Болгарского национального возрождения.

Цель настоящей работы – обобщив известные факты, обрисовать картину литературной жизни болгарских эмигрантов, сосредоточив внимание на аспектах, имеющих особую значимость для институционального строительства новой болгарской литературы.

¹ Начов Н. Българската колония в Одеса // Училищен преглед. Г. XXVIII. 1929. Кн. 5. С. 601–628.

² Шишманов Ив. Наченки на руско влияние в българската книжнина // Шишманов Ив. Избрани съчинения. Т. I. София, 1965. С. 371–425.

³ Шишманов Ив. Студии из областта на Българското възраждане // Сп. БАН. Кн. VI. 1916; Шишманов Ив. Нови студии из областта на Българското възраждане. Васил Априлов. Неофит Рилски. Неофит Бозвели // Сп. БАН. Кн. XXI. 1926.

⁴ Наилбантова Ел. Одеса в българската история и литература. Одеса, 2006. С. 7–8.

40-е годы XIX в. часто интерпретируются как переходное и кризисное время, в котором встречаются два поколения с различными интеллектуальными и, более конкретно, литературными настроениями. Поиск новых культурных ориентиров был особенно заметным в литературной жизни этого десятилетия. Просвещение на Балканах уже достигло литературного апогея в форме законченной литературной доктрины. Она была кодифицирована поступательными волнами художественного мышления нескольких книжно-литературных объединений просветительского типа, последовательно проявивших себя в Брашове, Свиштове и Бухаресте. Однако пришло время нового интеллектуального движения, которое искало более актуальные идеолого-философские системы, чтобы поставить их в основание национального литературного процесса. 40-е годы – своеобразная граница между двумя различными литературными периодами национального возрождения, обозначающая начало «настоящей», «полноценной», «современной», «новоболгарской» литературы. Это начало связано с именами творцов и произведениями, которые мы привыкли считать принадлежащими к литературной общности, часто называемой Одесским кругом болгарских литераторов.

Представление о функционировании современного литературно-институционального явления в Одессе («литературного кружка», «литературного круга»), заложенное еще в первой половине XX в., активизируется в начале 80-х годов в трудах Дочо Лекова⁵ и Румыны Дамяновой⁶ и стабилизируется в 90-е годы, когда Дочо Леков вводит его в более широкий контекст иностранных литературных и культурных центров национального возрождения⁷. Сегодня некоторые ученые используют это название осторожно, ставя под сомнение его литературную природу⁸, а другие принимают объективность данного понятия именно в его литературно-институциональном характере.⁹

Принимая во внимание историю возрожденческой литературной институциональности, мы можем обозначить в качестве основного тезиса настоящей работы следующее утверждение: Одесский круг

⁵ Леков Д. Литература. Общество. Култура. Литературно-социологически и литературно-исторически проблеми на Българското възраждане. София, 1982. С. 120–121.

⁶ Дамянова Р. Руската епистоларна и поетическа традиция и Одеският литературен кръжец // Литературна мисъл, 1983. Кн. 5. С. 43–57.

⁷ Леков Д. Одеса и формирането на българската литературна интелигенция през Възраждането // Леков Д. Български възрожденски литературни и културни средища в чужбина. София, 1999. С. 34–64.

⁸ Аретов Н. Българското възраждане и Европа. София, 1995. С. 76–82.

⁹ Налбантова Е. Образът на Одеса и символиката на града в българската литература на XIX век // LiterNet. Декември 2004. Бр. 12 (61).

болгарских литераторов формирует новые культурные направления Просвещения, осуществляет их синтез с динамикой следующей культурной эпохи и реализует первые автономные формы возрожденческой литературной Современности. В предстоящей процедуре по «выделению пластов» институциональных наслоений литературы, произведенных в Одессе, мы попытаемся исследовать некоторые из наиболее значимых элементов возрожденческой литературной институции.

1. Консолидация интеллектуального потенциала общности

Интерес возрожденческой интеллигенции к Одессе был ощутим уже в конце 30-х годов XIX в., но начало 40-х годов отмечено настоящим наплывом молодых болгар, которые приезжают в этот морской город с мечтой о современном европейском образовании. В.Априлов в своих письмах пишет, что испытывает затруднения с размещением всех прибывших, поскольку графом Воронцовым было выделено только четыре стипендии. Из известных нам деятелей в Одессе уже находятся Найден Геров, Добри Чинтулов, Иван Богоров, Димитр Мутев, Захарий Княжеский, Димитр Михайловский, Никола Касапский, Ботю Петков, Атанас Чолаков, Христо Тодоров. Учащиеся в основном Херсонской семинарии и Ришельевского лицея, они представляют собой достаточно разнородную по возрасту, мотивации и занимаемым социальным позициям группу.

К этим именам следовало бы добавить еще одно – Васил Априлов. Для болгар Априлов созданием школы в Габрове и первыми своими произведениями уже стал символом благодетельства и любви к родине. Родители, отправлявшие своих детей в чужой город, видят в его лице настоящего опекуна, необходимого, по мнению традиционного возрожденца, любому молодому человеку. Попечительская обязанность, которую Априлов берет на себя как очередной патристический долг, ставит его в особое положение в среде одесских учеников. Для них он, кроме друга и книжника-единомышленника, оказывается фигурой власти, говорящей голосом «болгар старого времени». В интеллектуальном поле Одесского круга Априлов занимает место духовного противника в обязательной для каждого поколения борьбе с традициями и прошлым.

1841–1842 годы в значительной степени могут считаться годами рождения Одесского круга болгарских литераторов. Именно в это время Васил Априлов, Найден Геров и Иван Богоров создают свои первые произведения. Этими же годами датированы первые документальные свидетельства проявления чувства принадлежности к единой общности, а также конфронтации между одесскими учеными и одесскими благодетелями.

Лица, принадлежащие к Одесскому кругу болгарских литераторов, несмотря на серьезные различия в темпераменте и интеллектуальных настроениях, находят солидную опору для объединения их культурных интересов в нескольких основных направлениях. Наиболее ярко выраженным из них является филологическое. Мы обнаруживаем его в проявлении активного интереса к проблемам языка и филологическим дискуссиям, которые ведутся на страницах возрожденческих периодических изданий. После того как еще в конце 30-х годов Априлов призывает болгарских книжников достичь консенсуса в правописании, в начале 40-х годов одесские ученики многократно заявляют о неотложной необходимости выработки национальной литературной нормы языка. Их участие в создании этой нормы исключительно существенно – не только в теоретическом, но и в практическом плане. Здесь можно вспомнить словари и грамматики, изданные Н. Геровым, Ив. Богоровым, С. Филаретовым, В. Бероном, Др. Цанковым.

Другое важное направление, в котором проявляется интеллектуальная взаимность Одесского круга, – историография. Интерес к национальной истории и значительное количество историографических сочинений характерны для В. Априлова, Ив. Богорова, З. Княжеского, Б.Петкова, Н.Герова, Др.Цанкова. Почти все историографические публикации имеют учебное назначение. Внимание к учебным книгам и составление специализированных учебников по грамматике, географии, естественной истории, богословию, всеобщей и церковной истории, древнеболгарскому языку, риторике и др. относится к одному из существенных проявлений единства, которое Одесский круг болгарских литераторов проявляет в понимании нужд национальной литературы.

В литературном репертуаре одесских воспитанников с интересом к филологии, историографии и учебной литературе связано присутствие комплекса жанровых, тематических, языковых и философско-идеологических доминант, относящегося к литературной доктрине Болгарского просвещения. Как уже было упомянуто, одной из исторических заслуг Одесского круга болгарских литераторов является преодоление просветительской литературности и начало новой литературной эпохи. Переход к Современности происходит с помощью моделирующих культуру энергий поэзии. Одесские ученики приходят к поэзии опосредованно, через свой интерес к филологии. Ориентация на поэзию, ставшая основным выражением творчества одесских учеников, вызывает также сопутствующее ей филологическое изучение литературных памятников прошлого, а также фольклора. Таким образом формируется национально-поэтическая составляющая языковой нормы – можно сказать, что она в большой степени была «вращена» именно в Одессе.

2. Формирование новой жанровой парадигмы

Одесские ученики-поэты (Геров, Чинтулов, Богоров и др.) вносят вклад в развитие национального поэтического процесса двумя основными «открытиями» - жанровым (элегия) и метрическим (силлаботоника). Но они не просто привносят новые формы и технику в возрожденческую поэзию, они создают в поэтическом пространстве ментальность нового национального поколения, демонстративно отграничивающегося от предшествующих, афишируя космополитическую и проевропейскую чувствительность.

Элегическая форма оказывается естественной жанровой обителью этого интеллектуального настроения, подчеркнуто индивидуалистского, которое исповедует поколение Герова. То, что мы часто называем его первым литературным поколением Болгарии, связано с колоритным через-литературным бытием, построенным в основном с помощью инструментов субъективной экспрессии.

Элегическая ситуация, характерная для поэзии Одесского круга болгарских литераторов, воссоздана с помощью современной для того времени литературной техники сентиментализма и романтизма. Лирический герой одинок и отчужден, томим сердечной мукой и неудовлетворенностью [«Плач от одиночества» («Плач от самотия»)]. Найден Геров первым из возрожденческих поэтов говорит языком современного интеллектуала о бесследно растратенном времени [«Куда утекло время золотое» («Къде утече време злато»)], потерянным детстве и преждевременной старости [«Я рано познал заботы» («Спознал сам ся аз в грижа рано»)]. Геров открывает духовную несовместимость между личностью и обществом и исповедует сознание о космополитическом духовном рабстве поколения после Паисия, «безмерные желания» которого противоречат коллективному консерватизму отцов и учителей. Это поколение в духе сентиментальной элегии агонизирует в схватке с внутренним демоном «вепрем», раздирающим душу современного человека («Впечатление»). Сентименталистский поэтический реквизит, в котором доминируют образы осени, могилы, смерти, демона, одиночества, отчаяния, самоуглубления, очерчивает художественные пространства, о которых возрожденческий человек и не подозревает. В них возрожденческий интеллектуализм помещает свои ранние рефлексии урбанистической культуры¹⁰, но также и нового типа творящей личности, все еще слишком недиалогичной в общественной ситуации 40-х годов. Поэтому значительная часть стихов Герова остаются погребенными в архивах. В национальной литературной норме еще долго не будут кодифицированы те художественные ценности, к которым он прикасается в Одессе.

¹⁰ Тачева Е. Градът: философия и визия във възрожденската поезия // Градът: Символи, образи, идентичности. Съст. Св. Христова. София, 2002. С. 169–180.

Общественная роль одесских поэтов ограничивается проявлением объективной экспрессии. В ней элегический герой остается в рамках общностно-смоделированного поэтического дискурса и по его законам смолкает перед коллективными голосами матери, товарищей, исторического прошлого, потребностей настоящего и т.д. Таким образом молодые одесские поэты присоединяются к традиционным для середины XIX в. стратегиям публичного выражения, выстраиваемым возрожденческой творческой личностью. Эти стратегии, наблюдаемые и в Свиштовском литературном круге, подчиняются тенденции максимальной визуализации гражданской роли, принятой от «книжника» при минимальном освещении интимной стороны творца. Так спроектированная линия социальной видимости адекватна как лабильной творческой идентичности, так и реальной неподготовленности общества к полноценному восприятию нового формирующегося социокультурного объекта интеллектуала-индивидуалиста. Подчиняясь именно этой линии, молодой Чинтулов предпочтет представить болгарским читателям на страницах газеты «Цариградски вестник» стихи, в которых присутствуют подчеркнuto коллективные и патриотические настроения, как, например, элегии «Старая мать прощается со своим сыном» («Стара майка се прощава със сина си»), «Проводы одного болгарина из Одессы» («Изпроводяк на едно българина из Одеса»). И в то же время – сохранить для тесного круга друзей элегию «Воспоминание» («Възпоминание»), в которой исторический мотив интерпретируется преимущественно через призму субъективной экспрессии¹¹.

3. Выстраивание публичного литературного пространства

Некоторые из проявлений Одесского круга болгарских литераторов вносят в литературную жизнь новые элементы, которые существенно обогащают и расширяют литературную публичность возрождения. В этой области значителен вклад самого Васила Априлова, который в 1841 г. публикует свою известную статью «Болгарские книжники» («Българските книжници») в «Одесском вестнике». Оспаривая неверные утверждения сербского книжника Димитрие Тирола о кириллических буквах, Априлов вступает в историко-филологический спор, который сразу попадает в круг интересов русской научной общественности. После того как статья Априлова получает в «Одесском вестнике» четыре отзыва, становится ясно, что Априлову удалось развернуть в публичном (и при этом интернациональном)

¹¹ *Леков Д.* За хронологията и за периодизацията на Чинтуловата поезия // *Леков Д.* Българска възрожденска литература. Проблеми, жанрове, творци. Т. 1. София, 1988. С. 192–220.

варианте одну из существенных филолого-литературных полемик новой болгарской культуры – полемики о легитимности болгарских переводов священных текстов. Последующие два переиздания этой статьи на русском и болгарском языках в форме отдельных брошюр свидетельствуют о сознательном расширении позиций национальной культурной идеи, а также представляют собой решительный жест в создании публичного пространства для болгарской книжности в переполненном литературном поле Одессы.

Одесские студенты встречают книгу Априлова приглушенной критикой. Но «Денница новоболгарского образования» становится одной из первых новоболгарских книг, получивших известность не только среди болгар. Как известно, в России о ней появляется шесть отзывов – четыре в Одессе и два в Москве. Один из них принадлежит профессору Одесского лицея М. Соловьеву, а другой – самому Белинскому. Априлов цитирует некоторые из отзывов в изданном в следующем году «Дополнении» к «Деннице». Так его сочинение приобретает достаточно внушительный, а также занимательный «рецептивный сюжет», что само по себе является знаком формирующегося публичного дискурса новой болгарской литературы.

В 1842 г. Одесса становится свидетелем другого факта болгарской литературной публичности. Он был вызван изданной Иваном Богоровым «Математической географией» («Математическа география»). У этой книги есть своя предыстория, известная нам по эпистолярным свидетельствам, расположенная в сети сложных взаимоотношений между Априловым, Геровым и Богоровым. Почти сразу после выхода ее из печати Геров посвящает ей большой критический отзыв, который появляется в форме брошюры под названием «Несколько слов о переводе Математической географии г-на Ивана А. Богоева, написанные Найденом Геровым» («Няколко думи за преводът на Математическата география на г. Ивана А. Богоева, написани от Найдена Герова»). Эта брошюра – первый публичный документ, свидетельствующий о наличии самосознания у одесской литературной общности. Заявления ее автора говорят о высокой самооценке молодых литераторов: «... в одесских школах зреют такие плоды, от которых мы скоро сможем вкусить духовную сладость». Книга Богорова рекомендована как первый из этих плодов и в качестве такового она названа «хорошим и похвальным делом», которое должно быть «благодарно воспринято» всеми болгарам. Очевидно, отграничивая себя от всех этих болгар, Геров обнаруживает в данной книге наряду с «пользой, которая может произойти от нее», и слишком много «ошибок», которые он подвергает немилосердной и многословной критике на 24 страницах. Часть его критики принципиально филологическая, она направлена на орфографические и общие языковые принципы Богорова. В ней автор приходит

к заключению, что язык книги Богорова – не настоящий болгарский язык: «... это новоболгарский язык господина Богорова». В брошюре Герова указан и ряд других ошибок, касающихся переводческих принципов, несохраненной автономности оригинального заглавия, написания имени Богорова и даже способа оформления списков спомоществователей. Так, брошюра Герова, хотя и начинается с намерения приветствовать издание Богорова, в действительности превращается в первое зрелое проявление критического дискурса в возрожденческой литературной культуре. Несмотря на учебный характер книги Богорова, критика Герова направлена на авторскую институциональность. Можно сказать, что эта критика работает в поддержку формирования публичного пространства вокруг фигуры автора. Именно с сознанием нарушенного авторского права на выбор отвечает на критику Богоров. Он также выбирает для своего ответа форму брошюры и называет ее «Кое-что о нескольких словах о переводе Математической географии. Написанной на новоболгарском языке» («Нещо за няколкото думи за преводът на Математическата география. Написана по новобългарски»). Спор между Геровым и Богоровым о новоболгарском языке, а также о новоболгарском авторе, не заканчивается обменом критическими брошюрами в 1842 г. После Одессы он продолжается в Константинополе, где его развитие в начале 50-х годов можно проследить на страницах газеты «Цариградски вестник». Несмотря на невзвешенные слова, субъективные оценки и неправомерные намеки, которыми обмениваются Геров и Богоров, именно в этом споре вся читающая Болгария середины столетия становится свидетелем первого публичного обсуждения того, что, по словам Герова, «должен иметь человек, чтобы суметь написать миру какую-нибудь книгу».

4. Современность как история, литература в истории, литературная история

Среди самых значимых результатов деятельности Одесского круга болгарских литераторов следует выделить усилие сформировать национальный литературно-исторический нарратив. Его можно рассматривать, с одной стороны, как плод естественного развития литературного процесса, а с другой – как отголосок историографических и библиографических трудов Юрия Венелина, в особенности в его книжке «О зародыше новой болгарской литературы», переведенной на болгарский язык М. Кифаловым в 1842 г. Самый яркий результат этого усилия можно обнаружить в книге Априлова «Денница новоболгарского образования».

Помимо того, что «Денница» является знаком институционального расцвета возрожденческого училища, это сочинение значимо

и как важный феномен в эволюции возрожденческой историографии. Сообщая в ней о «первой звезде» на болгарском образовательном небосклоне, Априлов становится автором самой ранней истории Габровского училища. Эта история отличается от всех историографических текстов того времени, поскольку в ней рассказывается не о прошлом, а о возрожденческой «действительности», которую Априлов признает «исторической» в силу ее значимости. Так он по сути первым среди своих современников делает попытку сделать настоящее историей, осознать его как неотъемлемую часть и продолжение прошлого, дополнить им нарратив славы предков и назвать его историей. Его усилие является одновременно книжно-филологическим (найти язык для описания настоящего) и идеологическим (передать историческую перспективу как сейчас-происходящее). В эпоху возрождения не было ни словесного опыта, ни литературной нормы, которые могли бы ему помочь. Априлов, ясно осознавая свою роль первосоздателя, создает их сам, ведомый превосходной литературной интуицией.

Литературно-исторические нарративы о Возрождении всегда включают, но редко комментируют текст «Денницы новоболгарского образования». Поступая так, они, очевидно, колеблются в определении жанровой природы «Денницы» и часто место труду Априлова в основном ищут в области публицистики и историографии.

Действительно, «Денница» создает яркий исторический и идеологический дискурс. Развитие возрожденческих школ у болгар представлено не как плод случайного и единичного акта дарения, а как естественная историческая закономерность. Рассказ о нем – следствие, «вторая часть» первичного культурно-исторического сюжета, в который вплетены имена Кирилла и Мефодия, крестителя болгар Бориса и политика Асена II, Черноризца Храбра и Иоанна Экзарха... В создании Габровской школы «соучаствуют» такие исторические события и имена, имеющие важное значение для исторической судьбы Балкан, как Ключук-Кайнарджийский мир, Махмуд II и Абдул Меджит, торговые колонии в России, Австрии, Валахии, Молдове... Габровская школа – не начало, а часть древнего процесса, который продолжается, возобновляется в Габрове и воспроизводится в Копривштице, Панагюриште, Сопоте, Карлове, Трявне, Казанлыке... В образе восходящей, развивающейся, разрастающейся новоболгарской образованности постепенно достигается тот культурный стандарт, в соответствии с которым болгары ориентируют сознание о своей принадлежности к Европе. Историк Априлов складывает культурную конфигурацию исторического развития создающейся (со времен Кирилла и Мефодия до современной Априлову эпохи) новоболгарской школы. Он творит и язык, на котором можно исповедовать европейскую идентичность. Естественно, этот язык не может быть автономно-литературным, он в большей степени

опирается на факт, чем на образ. Нарратив «Денницы», состоящий из имен личностей и названий населенных пунктов, точных цифр денежных сумм, отсылок к документам и научным фактам, не претендует на художественность, но я бы сказала, что он не лишен ее. Его художественная энергия исходит от силы свершенного дела, от изображения реального исторического процесса, онтологизма созидания, визуализированных в тексте Априлова.

К сожалению, эта энергия – именно в ее художественности – не оценена многими исследователями, которые в своих интерпретациях данного текста последовательно и небезосновательно относят его к маргинальным полям художественной прозы. Но за их пределами остается много текстов, которые включает в себя «Денница новоболгарского образования», таких как, например, жизнеописание Венелина, стихотворения Пешакова, речь габровского учителя Захария Петрова, рассказ о краже церковного серебра в Габрове, рассказ о св. Иоанне Рильском и его монастыре и др. Во многих местах Априлов выходит за рамки своих информативно-историографических намерений и приближает свой текст к формальным и языковым особенностям путевых заметок, рассказа, автобиографии в их ранневозрожденческом варианте. Таким образом он закладывает многочисленные литературные заявки, осуществленные в «Деннице».

Такой я вижу композицию этого произведения. Уже современники замечают его уникальность, одесские ученики, не удовлетворенные не только формой, но и стилем и гражданскими идеями, продемонстрированными в книге, тайно его критикуют. В глазах молодого Найдена Герова, сформировавшего свои литературные ожидания на высоких образцах русской литературы, «Денница» с ее нагромождением нескольких различных нарративов, с ее содержательной неоднородностью и особенно с примечаниями, примечаниями к примечаниям и дополнением 1842 г. вряд ли могла бы выглядеть чем-то иным, кроме как «гнилым деревом», как он определяет ее в одном из своих писем. Сегодня, однако, литературно-исторический взгляд на произведение может обнаружить, что формальные особенности текста не только не являются случайностью, вызванной литературной некомпетентностью его автора, а, напротив, представляют собой своеобразное композиционное открытие, не оставшееся без последователей. Один из них – Раковский, который в поэме «Лесной путник» («Горски пътник») также использует «примечание» как одну из возможностей расширения и углубления рассказа о болгарском и, оставаясь открытым, выходит за пределы единичного текста, чтобы достичь измерений национального слово-мира.

Можно указать на еще один важный вклад «Денницы новоболгарского образования» в процессы литературной нормотивизации.

Я вижу его в создании первого рассказа о развитии болгарской литературы от эпохи Кирилла и Мефодия до современности. В него Априлов вносит литературно-историографическую и библиографическую модель, которой в эпоху Возрождения будут придерживаться и в 60-е, и в 70-е годы, когда ее можно будет обнаружить в произведениях Г. Теохарова, Л. Каравелова и Р. Жинзифова.

Представляя литературную историю национальной книжности, которая незадолго до этого характеризовалась (например, Венелиным) как несуществующая или находящаяся на стадии зародыша, «Денница» достигает конечной точки в кодифицировании литературной доктрины болгарского просвещения. Т.е. доводит до финала процесс нормотивизации, исторически первый в литературе нового времени. Вероятно, у Априлова существовало сознание о создании норм и это поддерживало неоднократно выраженную в «Деннице» уверенность в том, что в Габрове закладываются не только образовательные, но и литературные основы новой культуры.

Образование и литература в представлениях Априлова – понятия одного порядка, часто даже синонимы. Это, впрочем, характерно для многих его современников. Один из них, В.И. Григорович, в своих лекциях в Казани указывал студентам на «Денницу» Априлова именно как на «пособие по истории литературы»¹².

Перевод Е.М. Суловой

ОДЕСА И ОДЕСКИЯТ ЛИТЕРАТУРЕН КРЪГ В ЛИТЕРАТУРНАТА ИНСТИТУЦИЯ НА БЪЛГАРСКОТО ВЪЗРАЖДАНЕ

Елена Тачева

Текстът обобщава познатите исторически факти за литературния живот на одеските българи през 40-те години на XIX в. и прави опит да ги концептуализира в посоката на една бъдеща история на възрожденската литературна институция. Вниманието е насочено към някои от по-значимите елементи на институционално съграждане като интелектуално единство на общността, жанровата ѝ парадигма, оформянето на публично пространство за литературата и изграждането на литературно-историческото съзнание. Направените наблюдения обосновават тезата, че Одеският литературен кръг пренасочва културните посоки на Просвещението, осъществява синтеза им с динамиката на следващата културна епоха и реализира първите автономни форми на възрожденската литературна Модерност.

¹² Минкова Л. Васил Априлов и Виктор Григорович // Васил Априлов и българската възрожденска култура. София, 1990. С. 28–45.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Диана Иванова

Русские издания Библии и болгарская традиция перевода Библии в эпоху Возрождения

В контексте специфических культурно-исторических условий, включающих континуитет в книжной традиции, новоболгарская литература продолжает тенденции предшествующих столетий, притом что церковнославянская печатная книга и рукописная дамаскинская литература оказывают мощное влияние и вливаются в литературно-языковые процессы Возрождения. В этой литературе ярко выделяются новоболгарские переводы Библии, которые играли важную роль в национальном пробуждении, стали фактором ускорения консолидации общества, а также развития и обогащения литературного языка и формирования его стилей. После выхода в свет «Недельник» («Кириакодромиона») Софрония Врачанского один за другим начинают появляться переводы (для домашнего использования) отдельных книг Ветхого и Нового завета. Они стимулируются Британским и иностранным библейским обществом (ББО), основанным в Лондоне в 1804 г., которое открывает свои филиалы по всему миру с целью печатания и распространения Библии на разных языках.

ББО и созданное в 1812 г. в Санкт-Петербурге Российское библейское общество (РБО) дают толчок к переводу и печатанию Библии на Балканах, в том числе и в Болгарии. В результате как деятельности этих обществ (и открытого позднее Американского миссионерского совета в Константинополе), так и собственных усилий болгары получают Библию в переводах на разговорном языке. Так, в 20–70-е гг. XIX в. выходят отдельные книги Ветхого и Нового завета, а также Библия в полном составе. Хронологически эти наиболее значительные с точки зрения истории нашей культуры переводы можно представить в следующем порядке:

1. От Матея Святого Благовествование Теодосия Быстрицкого. Санкт-Петербург, 1823.

2. Новый завет сиреч четирите евангелия на четиритях евангелиста преведени от елински на български език, отпечатано в Бухаресте, 1828 г. – в переводе Петра Сапунова и отца Спиридона.

3. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. Смирна, 1840 (I изд.) – в переводе Неофита Рильского.

4. Библия сиреч Священното писание на Ветхий и Новый завет. Цариград, 1871.

Переводом Ветхого завета занимался К. Фотинов, результатом которого было издание «Псалтыри» (1855) и «Бытия» (1857) в Константинополе, а после его смерти Хр. Сичан-Николов отредактировал, собрал воедино все ветхозаветные книги и издал их в трех отдельных выпусках¹.

Полный перевод Библии, после десятилетней работы, вышел в 1871 г. в Константинополе. Его финансирование полностью взял на себя Американский миссионерский центр.² В качестве переводчиков были привлечены П.Р. Славейков – один из лучших в то время знатоков болгарского языка – и Христодул Сичан-Николов. Оба они, поддерживаемые американскими миссионерами Э. Риггсом и А. Лонгом, имели опыт перевода соответственно Нового и Ветхого завета.³

Параллельно с первым переводом Нового завета на новоболгарский язык РБО подготавливало перевод Библии и на русский язык. В 1818 г. вышло Евангелие, за ним были отпечатаны Псалтырь, Пятикнижие и книга Руфь, а в 1823 г. и весь Новый завет. Вскоре после выхода в свет первых печатных библейских книг на русском языке последовал запрет со стороны Святого синода, и дальнейшая работа по печатанию Библии на русском языке была приостановлена, но отдельные ее экземпляры достигают болгарских земель. Так наряду с церковнославянской Библией (Елисаветинской Библией – сокр. ЕБ) новоболгарские переводы Библии в известной степени испытали влияние и русских переводов.

Разумеется, вопрос об источниках конкретного перевода остается одним из наиболее трудных, потому что сами переводчики об этом приводят совсем лаконичные сведения. Так, например, П. Сапунов и П.Р. Славейков указывают, что они переводят с первообраза (т.е. с греческого), а Неофит – с церковнославянской Библии. Но это не всегда соответствует действительности. Текстологический

¹ Иванова Д. За новобългарските библейски преводи // Език и литература. 1992. № 5. С. 116–121.

² Несторова Т. Американските миссионери сред българите (1858–1872). София, 1991. С. 80.

³ О роли Американского совета в переводе Библии на болгарский язык см.: Clarke J.F. Bible Societies, American Missionaries and the National Revival of Bulgaria. New York, 1971. P. 88–98.

и лингвистический анализ⁴, например, показывает, что на переводе Сапунова в очень большой степени сказалось влияние церковнославянской Библии, а Неофит Рильский за справками обращался ко многим источникам (греческим, румынским, сербским). Оказывается, что ранние новоболгарские переводы (Теодосия Быстрицкого, П. Сапунова и Неофита Рильского), наряду с указанными источниками, сверялись с русским евангельским текстом, изданным РБО, а в полном новоболгарском переводе Библии, известном как «Цариградская», «Славейковская», «протестантская» Библия, чувствуется влияние русского синодального перевода (РСП). В 60-е годы XIX в., еще до его издания в полном составе в 1876 г., в России были отпечатаны отдельные книги Нового завета, в том числе и Евангелие.

Наблюдения над переводом Теодосия Быстрицкого показывают, что в нем, кроме сильного влияния церковнославянской Библии, заметно известное влияние и русского источника и оно не эпизодическое, а системное и последовательное, охватывающее наряду с лексикой также и определенные синтаксические конструкции, текстологические решения и др. Можно уверенно утверждать, что таким источником было издание РБО, так как в нем гораздо в большей степени используется живая разговорная речь с наличием в ней стилистически сниженной лексики вместо архаических церковнославянских форм. Эту констатацию можно проиллюстрировать следующими примерами:

Мт 3:17 *Сей есть Снъ мой возлюбленъ о немже благовоихъ* (ц.-сл)
Тажи есть Снъ мой возлюбленъи о коемъ все мое благоволеніе (ТБ)
 Сей есть Сынъ Мой возлюбленный въ Коемъ все Мое благоволеніе (РБО)

В другом месте Т. Быстрицкий ц.-сл. выражение Пакости емъ дѣаха переводит с использованием его разговорного русского соответствия: *Заушаха ему* Мт 26:27.

Имеются и десятки других случаев, в которых находим большее сходство с русским, а не с церковнославянским переводом:

1. Мт 4:23 *Исцѣлаа всакъ недѣгъ и всакв язю в людехъ* (ц.-сл)
Исцѣлаваше всакво болѣзнь и всакво немощь в людехъ (ТБ)
 Исцѣляя всѣкую болѣзнь и всѣкую немощь в людяхъ (РБО)

2. Мт 7:6 и вращеша расторгнѣтъ вы (ц.-сл)
 и са вращатъ и растерзовать васъ (ТБ)
 и обратившись не растерзали васъ (РБО)

⁴ Полный текстологический и лингвистический анализ см. в: Иванова Д. Традиция и приемственность в новоболгарските преводи на Евангелието. Текстология и език. Пловдив, 2002.

3. Мт 7:23 и тогда исповѣмъ имъ такъ николиже знахъ васъ (ц.-сл)
и тогда ще свѣдамъ имъ какъ никога познахъ васъ (ТБ)
И тогда объявляю имъ: Я никогда не зналъ васъ (РБО)
4. Мт 18:28 Вѣрѣте единого ѿ клевреть своихъ (ц.-сл)
Наиде единого ѿ товарищев своихъ (ТБ)
Нашелъ одного изъ товарищей своихъ (РБО)
5. Мт 7:9 И въ разрешеніе ея веліе (ц.-сл)
И паданіе негво было великое (ТБ)
И было паданіе его великое (РБО)
6. Мт 6:32 вѣсть бо оцъ вашъ небный такъ тревете сихъ свѣхъ (ц.-сл)
и почто знаете оцъ вашъ небный какъ во свѣхъ тѣвннхъ имѣете неждѣ (ТБ)
потому что Отецъ Вашъ небесный знаетъ что вы имеете нужду во всемъ этомъ (РБО)
7. Мт 18:13 И аще вѣдетъ свѣрѣсти ю (ц.-сл)
И ако случитса да наидетъ тѣю (ТБ)
И если случится найти ее (РБО)

Во многих местах встречаем употребление падежей не с церковнославянскими, а с русскими окончаниями:

1. Мт 10:8 Болашыа исцѣляйте прокаженныа очищайте (ц.-сл) – Больныхъ исцѣляйте прокаженныхъ очищайте (ТБ) – Больныхъ исцѣляйте прокаженныхъ очищайте (РБО)
2. Мт 4:21 И прешедъ ѿ тѣдѣ видѣ ина два брата (ц.-сл) – И когда премина ѿ тамъ видѣ другихъ два брата (ТБ) – Отойдя оттуда, увиделъ другихъ двухъ братьевъ (РБО)
3. Мт 5:20 Ако аще не извѣдетъ правда ваша паче книжникъ и фарисев (ц.-сл.) – Какъ ако не умножетъ правда ваша выше книжниковъ и фарисевъ (ТБ) – ежели праведность ваша не превзойдетъ (праведности) книжниковъ и фарисевъ (РБО)

В переводе ТБ наблюдается и сохранение управления падежами с помощью определенных предлогов согласно нормам русского языка:

- Мт 3:11 Азъ ѣво крѣпаю вы водю (ц.-сл.) – Азъ крѣпавамъ васъ въ водѣ (ТБ) – Я крещу васъ въ водѣ (РБО)

Не редки и лексические совпадения с русским переводом:

- Мт 3:4 прѣіе (ц.-сл.) – саранчи (ТБ) – саранчи (пояснение в сноске) (РБО)
Мт 4:23 недѣгъ (ц.-сл.) – немошти (ТБ) – немошь (РБО)
Мт 4:23 недѣгъ (ц.-сл.) – болѣзнь (ТБ) – болѣзнь (РБО)
Мт 6:13 напастъ (ц.-сл.) – искушеніе (ТБ) – искушеніе (РБО)
Мт 7:6 висеръ (ц.-сл.) – жемчюги (ТБ) – жемчуга (РБО)
Мт 7:14 свѣрѣтають (ц.-сл.) – находатъ (ТБ) – находить (РБО)
Мт 12:5 обаче (ц.-сл.) – однако (ТБ) – однако (РБО)

- Мт 18:13 *вздѣтъ* (ц.-сл.) – *слъчитса, приключитса* (ТБ) – *случится* (РБО)
 Мт 18:28 *клеветѣтъ* (ц.-сл.) – *товарици* (ТБ) – *товарищи* (РБО)
 Мт 24:6 *кончина* (ц.-сл.) – *конецъ* (ТБ) – *конецъ* (РБО)
 Мт 26:67 *за ланитѣ* (ц.-сл.) – *по щекамъ* (ТБ) – *по щекамъ* (РБО)

В переводе ТБ наряду с указанными лексическими параллелями употребляются и слова русского происхождения, выбор которых не диктуется новозаветным текстом РБО, и это показывает, что при принятии текста Теодосия, вероятно, проводилась редакция со стороны проверочной комиссии или же эти коррективы были сделаны самим переводчиком, использовавшим русские словари.

К такому выводу подводят и слова церковнославянского происхождения, которые Теодосий в сносках переводит или объясняет не болгарскими, а русскими словами:

- Мт 2:18 *воплъ* (ц.-сл.) – *кликъ* (ТБ) – (в РБО *воплъ*)
 Мт 3:3 *стеги* (ц.-сл.) – *тропи* (ТБ) (в РБО *стеги*).
 Мт 6:26 *питаѣтъ* (ц.-сл.) – *кормлетъ* (ТБ) (в переводе РБО *питаѣтъ*)
 Мт 7:3 *свѣцъ* (ц.-сл.) – *вѣтвѣ* (ТБ) (в РБО *сучецъ*)
 Мт 10:3 *мытаръ* (ц.-сл.) – *откупникъ* (в РБО *мытарь*)
 Мт 13:25 *плевелы* (ц.-сл.) – *квколь* (ТБ) (в РБО *плевели*)
 Мт 14:36 *одежды* (ц.-сл.) – *шметы, подоли* (ТБ) (в РБО *одежды*)
 Мт 17:4 *сѣни* (ц.-сл.) – *колыбы – квци, шалаши* (ТБ) (в РБО *сѣни*)
 Мт 27:7 *сквдваликъ* (ц.-сл.) – *гончаръ, горшечникъ* (ТБ) (в РБО *горшечникову*).

О влиянии русских источников говорит и ряд примеров из последовавших переводов Нового завета на болгарский язык. Так, например, в греческом источнике некоторые выражения «не развязаны», хотя в большинстве случаев по смыслу они подразумеваются, и обычно в старых славянских переводах, где соблюдается пословный принцип, они передаются буквально, буквальными их соответствиями, без расширения. Так, например, в Мт 11:8 греческому выражению *οἱ τὰ μαλακὰ φοροῦντες* в древних памятниках, включая и церковнославянскую Библию, соответствует *магкаа носациѣ*. Соображаясь как с греческим источником, так и со славянской традицией, переводы Сапунова и Неофита оставляют текст без расширения – соответственно *коите носатъ мѣгките* (ПС); *които носатъ мегки те* (НР). П.Р. Славейков считает уместным текст расширить, и в его переводе читаем: *които носятъ мегкы дрѣхы* (срв. с русским переводом – *носящая мягкие одежды*).

Имея в виду русское текстологическое влияние, можно указать и следующий пример: Мт 4:6 На ангелы-тъ ще заповѣда за тебе. В данном случае П.Р. Славейков руководствовался греческим текстом, и такое решение совпадает и с русским переводом: Ангеламъ своимъ заповѣдаеть от Тебя, в то время как предшествующие

переводы следуют другой, более старой славянской текстологической редакции, содержащей расширенный вариант данного стиха: Ангеломъ своимъ заповѣсть твою + сохрани ти (ТБ); + да ти пазаѣтъ (ПС); + да те сохраниаѣтъ (НР).

Греческое выражение в Мт 9:30 καὶ ἐνεβριμήθη αὐτοῖς в старых памятниках переводится следующим образом: И запрѣти имъ Исусъ – в значении *приказал им, заставил их*. Точно такой перевод находим у П. Сапунова и Неофита Рильского, в то время как П.Р. Славейков расширил текст пояснением *строго*: запрети им *строго* Исусъ. Такое же решение находим и в русском переводе (и *строго* запрѣтилъ имъ Исусъ РБО; и Исусъ *строго* сказаѣтъ имъ РСП).

Мт 10:29 καὶ ἐν ἑξ αὐτῶν οὐ πεσεῖται ἐπὶ τὴν γῆν ἄνευ τοῦ Πατρὸς ὑμῶν.
И ни еди́на ѿ ни́хъ па́детъ на зе́млю безъ О́ца ва́шего (ЕБ)

И ни одна изъ нихъ не упадетъ на землю безъ *воли* Отца вашего (РБО, РСП)

И ни одно отъ тѣхъ нѣма да падне на земь-тж безъ *воли-тж* на Отца вашего (ПРС)

Мт 11:2 Въсприемаѣ мзда своа (ЕБ)

ше восприемаѣтъ заплаѣтата си (ПС)

Защо приимаѣтъ мздаѣтата си (НР)

Они *уже* получаютъ награду свою (РБО)

Приимаѣтъ *еще* заплаѣт-тж си (ПРС)

Мт 13:47 καὶ ἐκ παντὸς γένους συναγαγοῦσθ

И ѿ всакогѡ рода собраѣши (ЕБ)

И захватишему *рыбь* всякого рода (РБО; РСП)

И събра отъ всякакѡв видь *рибы* (ПРС)

Петр Сапунов и Неофит Рильский также доуточнили смысл предложения, добавив слово *рибы*, что наводит на мысль о влиянии русского текста.

В ряде других случаев новозаветный текст 1871 г. также ближе всего стоит к русскому:

Лк 24:1 Καὶ τὸ μὲν σαββατον

Въ еди́нъ же ѿ свѣтъ (ЕБ)

Въ первый же день недѣли (РБО)

И въ первый-ть день на седмиц-тж (ПРС)

(До П.Р. Славейкова такого переводческого решения придерживался и Неофит Рильский, который, в отличие от П. Сапунова, следует ЕБ: А въ еди́на ѿ свѣтъитѣ).

Мт 9:20 И се жена кровеочива дванадесатъ летъ (ЕБ)

И ето жена коато и течеше крѣвъ дванадесатъ години (ПС)

И ето еди́на жена на коато и течеше крѣвъ дванадесатъ години (НР)

И вотъ, женщина, дванадцать летъ *страдавшая кровотечения* (РСП)

И ето жена, която *страдала отъ кровотеченіе* дванадесетъ години (ПРС)

Ниже мы остановимся и на других подобных примерах:

Й 19:29 σλόγγον οὖν μεστὸν τοῦ ὄξους ὑσσωπῶ περιθέντες προσήνεγκαν αὐτοῦ τῷ στόματι.

Исполнише гвѣс оцта и на трость конше придѣша ко оустамъ его (ЕБ)

Напоивъ укусомъ губку и наложивъ на иссопъ поднесли къ устамъ Его (РБО)

Напылнихъ гѣжъ съ оцетъ обвихъ съ иссопъ и принесохъ на устѣ-тѣ му (ПРС)

Мт 27:47 Ἰησοῦ Ἰησοῦ φωνάζει αὐτῷ (ЕБ)

чи Иліа выка той (ПС)

защо Иліа выка тоа (НР)

Илію зоветь Онъ (РБО)

Илія зове той (ПРС)

Мт 8:9 ἔχων ὑπ' ἑμαυτὸν στρατιώτας

Имѣй подъ собою вѣины (ЕБ)

Имамъ подъ себеси конскари (ПС)

Имамъ подъ себеси воини (НР)

Имея у себя въ подчинении войновъ (РБО)

Имамъ подчинени на себе си войны (ПРС)

Мт 8:33 ἀπήγγειλαν πάντα καὶ τὰ τῶν δαιμονιζομένων.

Възвѣстиша всѣ и о бѣснво (ЕБ)

Казаха сичките и за бѣсните (ПС)

Рассказали обо всемъ и о томъ что было съ бѣсноватыми (РБО)

Приказаха сичко-то цю се савчи и за бѣсни те (НР)

Извѣстихъ всичко и това що станъ съ бѣснуеми-тѣ (ПРС)

Мт 9:17 и обоє соблюдетса (ЕБ)

И опазатъ са и двѣте (ПС)

И овардватъ се и двете (НР)

И сберегаются то и другое (РБО)

И одного и друго-то ся увардятъ (ПРС)

Обычно три возрожденческих перевода в текстологическом отношении едины, следуя более старой славянской традиции. Естественно, иногда встречаются и варианты, обусловленные причинами разного характера – чаще всего следованием разным греческим редакциям. Нижеследующий пример именно таков по своему характеру. Среднеболгарская традиция и ЕБ отражают следующую греческую редакцию:

Лк 8:19 καὶ οὐκ ἠδύναντο συντυχεῖν αὐτῷ διὰ τὸν ὄχλον.

И не можахъ бесѣдovati къ нему народа ради (ЕБ)

И не можахъ да хортватъ немъ заради народа (ПС)

И не можеха да хортватъ съ него ѿ народа (НР)

В других греческих образцах выступает глагольная форма παραγενοντο (гр. παρα-γίγνομαι – подойти к, идти к, приблизиться к), который как раз и находим и в издании РБО, и в переводе ПРС:

И не могли подойти къ нему по причине народа (РБО)

И поради множество-то не можасхж да приближатъ до него (ПРС).

В возрожденческих переводах греческого выражения Мт 20:29 καὶ ἔκτορευομένων αὐτῶν, где причастие и местоимение в косвенном падеже имеют форму мн. числа (*и когда выходили они*), мы сталкиваемся с морфологическим несоответствием. В переводах ПС и НР употреблена глагольная форма в ед. числе – *като излазяше* (ПС), *като излезе* (НР). В старой славянской книжной традиции (болг. Торговищком тетраевангелии, 1512; ЕБ) случай аналогичный – и *исходациоу емоу*.

В переводе Славейкова, однако, использована форма мн. числа, соответствующая греческому оригиналу – и като излъзохж тѣ. Не без значения, может быть, и тот факт, что в обоих русских переводах (РБО и РСР) также находим форму мн. числа. (Это косвенным образом указывает на то, что библейские переводы первой половины XIX в. придерживаются старой славянской традиции ближе, чем переводы третьей четверти XIX в., которые точнее следуют греческим источникам и на этой основе имеют больше параллельных чтений в русских переводах Библии).

Синтаксические построения и порядок слов у Славейкова также указывают на известное влияние русских моделей или дистанцирование от моделей традиционных, представленных в более ранних переводах:

Мт 5:18 иже *аще оубо* разорить – Който *ако* разори (ПС)

Който *прочие* разори (НР)

И *такъ*, кто нарушить (РБ) – И *тъй*, който наруши (ПРС)

Мт 27:55 Бахъ же ты и жены многи издалече зраца (ЕБ)

А *вѣха* тамъ и жены многи които *гледаха* ѿдалечъ (ПС, НР)

Тамъ были также и *смотрѣли* издали многия женщины (РБ)

Тамъ *бъхж* още и *гледахж* издалечъ жены много (ПРС)

Мт 27:57 *Поздъ* же вышъ – И като *мракна* (ПС, НР)

Когда же насталь *вечерь* (РБ) – Когато станж *вечерь* (ПРС)

Мт 28:1 *Въ* *вечерь* же *свѣтъ*ный (ЕБ)

И *въ* *свѣтъ* *вечерь* же (НР)

По *прішествіе* же *субботы* (РБ) – И като се *минж* *сбота*-та (ПРС)

Хотя в болгарском языке вполне возможна синтаксическая конструкция с предикатом, подразумевающим и субъект, а в русском как раз наоборот – чаще встречается эллизия предиката, а выступает местоимение субъект, НР и ПРС считают необходимым (очень возможно, что именно под влиянием русского перевода) добавить личное местоимение: Мт 18:20 Ты *есмы* (ἐκεῖ εἰμι) – Тамъ *самъ* (и *азъ*) (НР) – Тамъ *смы* (*азъ*) (ПРС).

Подобен этому и следующий пример, в котором у ПРС, НР, как и в обоих русских переводах, употреблено слово, отсутствующее в греческом тексте и в других рассматриваемых памятниках; срв., например: Мт 13:20 – ἐλί τὰ πετρῶδη – на каменѣ – на каманакъ (ПС) – на каменистыхъ мѣстахъ (РСП) – на каменисты-тъ мѣста (ПРС).

Кроме совпадений текстологических во многих случаях на лицо и лексические параллели между славейковским и русским переводами:

Мк 13:28 γινώσκετε ὅτι ἐγγύς τὸ θέρος ἐστίν

Вѣдите ꙗко близъ естъ жатва (ЕБ)

То знаете что близко лѣто (РСП)

Знаете вече че е близу лѣто-то (ПРС)

См. ниже и следующие лексические соответствия:

	ЕБ	ПС	НР	РБО/РСП	ПРС
Мт 2:6	во вѣдкахъ	владѣтели	владѣтели	воеводства	воеводства
Мт 2:22	вѣсть	вѣсть	вѣсть	откровение	откровение
Мт 4:19	ловца члѣвкомъ	рыбары	рыбарѣ	рыболовы	рыболовци
Мт 4:24	мѣсачны	мѣсачны	мѣсачны	лунатики	лунатици
Мт 5:22	оуродѣ	лудѣ	море (безумнѣ)	безумный	безумнѣ
Мт 6:13	напасть	напасть	напасть	искушение	искушение
Мт 8:28	люта	люти	зли	свирѣпыѣ	свирѣпи
Мт 9:18	кназь	кназь	кназь	началникъ	началникъ
Мт 5:40	срацица	риза	риза	верхняя одежда	врѣхна дрѣха
Мт 12:19	на распѣтихъ	распѣтица	кржетопѣтица	улицы	улицы
Мт 13:32	зелѣе	зеленчцы	зеленица	злакъ	злакъ
Мт 19:7	книга распѣтна	кн. вѣтавна	кн. распѣтна	письмо разводно	письмо письмо
Мт 28:40	црковь	черкова	церква	храмъ	храмъ
Мт 24:6	слышаниѣ бранемъ	чваніи боюве	зѣ слышаниѣта бранитѣ	на военные слухи	военни слухове

В Новом завете греческое слово θέρος, τὸ, означает и *жатву*, и *лето*. Предшественники ПРС, следуя традиции, переводят его словом *жѣтва*. Славейков предпочитает ему другое соответствие – *лѣто*, что едва ли случайно – скорее и здесь влияние русского перевода. Подобны этому и несколько следующих примеров:

Греческое слово δύναμις, ἡ в древних памятниках обычно переводится словом *сила* – в значении *чудотворной силы*: никто во естъ иже сотвори силв. Новоболгарские переводы следуют этой более старой традиции. В ПС и НР находим выражение *стори сила* – *сотвори сила*. ПРС, однако, выражение употребляет *стори чудо* – так, как и в РБО: *никто сотворивий чудо* Мк 9:39.

В Лк 16:20 греческому слову εἰλωμένος (гнойный, покрытый струпьями) в новоболгарских переводах до Славейкова дается лексическое соответствие *гнойный*. В переводе ПРС, однако, как и в переводе РБО, употреблено слово *струпеи* – и *покрыть съ струпеи* = *въ струпеяхъ*.

Мк 27:54 Видѣвшѣ трѣсъ – Видѣхѣ трѣсатъ.

Видя землетрясение (РБО) – Видѣхъ землетресение-то (ПРС)

Передача топонима 'Ефраим в древних славянских переводах отличается большой вариативностью: в Зографском – *Ефреомъ*, Тырновском (1273) – *Ефреемъ*, но в подавляющей их части его соответствием является *Ефрем* – согласно византийскому произношению. Так же и в переводах ПС и НР. В переводе же ПРС название города – *Ефраим*, полученное в результате транслитерации, способом, какой мы видим и в РБО. В Мт 13:55 личное имя *Мария* в древних славянских переводах и в ПС и в НР передано как *Мариам* (в греческих источниках имя дается в обоих вариантах). В русском переводе и у Славейкова используется вариант *Мария*.

Можно было бы привести еще ряд примеров, из которых видно, что П.Р. Славейков «бросал взгляд» и на русский перевод Библии и испытал его влияние. Вместе с тем надо подчеркнуть, что такие случаи скорее единичны и что вообще о каком-то системном и постоянном использовании русского текста говорить не приходится. Скорее тут сказывается доминирующее влияние, идущее по линии церковнославянской традиции, особенно в лексике и фразеологии. Славейков, однако, осуществил самостоятельный перевод, в котором проявились его широкие познания новозаветного греческого языка, древней славянской библейской традиции, а вместе с этим и умение использования богатых выразительных средств современного болгарского языка. В своем переводе он предстает как мастер и создатель литературного языка, в меру опирающийся на книжную старину и одновременно выступающий как новатор с видением реалистичного прогноза и тонким чутьем к наиболее перспективным элементам языка, умело встраиваемым им в современную лексическую основу. В таком аспекте признания мы можем присоединиться к оценке, которую дает его сын Пенчо Славейков огромному вкладу своего отца в окончательное построение болгарского литературного языка⁵: «И то, что бывало и в других странах, например, в Германии, происходит и у нас: перевод Библии кладет конец языковому разнобою, борьбе разных наречий за главенствующее положение и устанавливает литературный язык». Сегодня, с дистанции истекшего времени, снова

⁵ Славейков П. Избрани произведения (Предговор). София, 1904.

можно подтвердить тот факт, что перевод Библии 1871 г. способствует ускорению нормоутверждающих процессов и ведет к окончательной стабилизации литературного языка, на котором успешно создается новая болгарская литература.

Перевод Г.К. Венедиктова

Использованные источники

- Торговишкое** (Макариево) тетраевангелие, 1512 г. НБ «И. Вазов», Пловдив, РЦ, II, № 32.
- ЕБ** Библия или книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. (Елисаветинская Библия). М., 1819.
- РБО Новый Завет** в переводе Российского Библейского Общества. (Репринтное воспроизведение издания 1824 г.). Изд. Российское Библейское Общество. Москва, 2000.
- РСР Святое евангелие** от Матеев, Марка, Луки и Иоанна на славянском и русском наречии, СПб, 1870.
- Nestle A., K. Aland.** Nowum Testamentum graece. Deutsche Bibelgesellschaft. Stuttgart, 1988.

РУСКИТЕ ИЗДАНИЯ НА БИБЛИЯТИ И БЪЛГАРСКАТА БИБЛЕЙСКА ПРЕВОДАЧЕСКА ТРАДИЦИЯ ПРЕЗ БЪЗРАЖДАНЕТО

Диана Иванова

Въз основа на текстологичен и лингвистичен анализ се доказва, че новобългарските библейски преводи наред от църковнославянската Библия се влияят и от двете руски преводни версии през XIX в. По-ранните преводачи Теодосий Бистрички, П. Сапунов и Неофит Рилски са сверявали своите текстове с руския новозаветен превод, издаден от Руското библейско дружество (1823), в резултат на което в тях проникват отделни думи, граматични форми и изрази от този източник, докато в пълния превод на Библията (1871), известна като «Цариградска», «Славейкова», «протестантска» се чувства влиянието на синодалния руски превод (в издание от 60-те години на XIX в.). Посочват се и се анализират конкретни примери от българските преводи, сравнени с руските преводни версии.

К.Г. Венедиктов

Первые болгарские возрожденческие книги в Москве

В обширнейшей литературе, посвященной истории русско-болгарских (болгарско-русских) культурных и общественных связей в период Возрождения, почти не затронутым остается вопрос о месте в ней болгарской печатной книги. Утверждая это, мы имеем здесь в виду книгу не как конкретные сочинения тех или иных авторов, составителей, издателей, а как особый историко-культурный феномен, свойственный периоду Возрождения. Особость книги в ряду других возрожденческих процессов заключалась в том, что книга, прежде всего печатная, не просто была носителем, выразителем и распространителем определенного содержания (информации) или средством воспитания, а стала мощным осознанным орудием (инструментом) борьбы за освобождение народа от иноземного духовного и социального, а затем и политического гнета, за создание национальной школы, развитие на родном языке просвещения, литературы, периодической печати и других атрибутов самобытности и самостоятельности возрождавшейся нации, важнейшей предпосылкой функционирования которых должен был стать единый и общепонятный для всех болгар литературный язык. Создание такого языка рассматривалось деятелями Возрождения как одна из первостепенных задач в скорейшем решении поставленных ходом истории национальных проблем. Важнейшей предпосылкой этого становилась необходимость широкого распространения в обществе печатной книги. Это хорошо понимали уже первые возрожденцы, которым нередко приходилось преодолевать неимоверные трудности на пути к изданию собственных или переводных сочинений, вызванные не только отсутствием необходимых для этого средств, но и воспрепятствованием греческих духовных и османских светских властей открытию болгарскими собственными типографий. Неудивительно поэтому, что в столь тяжелых и неблагоприятных для развития книжного дела условиях книгопечатание у болгар началось намного позднее, чем у других славян. Даже первые опыты издания болгарскими Библии, в частности Евангелия, относятся только к 20-м годам XIX в. – ко времени, когда у других славян разнообразная литература, в том числе и художественная, на их языках уже много лет издавалась немалыми тиражами. Вспомним хотя бы творчество А.С. Пушкина и А. Мицкевича, чтобы нагляднее представить себе отправную точку в истории книгопечатания у болгар – народа, далекие предки которого внесли выдающийся

вклад в начальную историю славянской письменности, в создание первого у славян литературного языка.

Известно, что в первые десятилетия XIX в. до России о болгарях доходили крайне скудные сведения. Исследователями нашего времени установлено, что в первые годы XIX в. в русской публицистике вообще «нет никаких материалов о Болгарии, ее населении, историческом прошлом и современном положении»¹. Первые признаки интереса к Болгарии появились здесь во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Более определенные сведения о ней относятся к середине 20-х годов, когда в 1825 г. в петербургском журнале «Северный архив» за подписью «С-д-ов» вышла статья «Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в Европейской части Турецкой империи», в которой было сказано: «Болгары, будучи совершенно лишены всякого просвещения, не имеют даже и церковных книг на собственных наречиях. Однако же они не лишены природных способностей к учению, и те из них, которые, оставляя отечество, посвящают себя торговле или другим промыслам, легко выучиваются разным языкам, наукам и искусствам»². Из цитируемой статьи неясно, бывал ли ее автор А.М. Спиридов, чиновник российского консульства в Дунайских княжествах, на болгарских землях за Дунаем или нет, однако из того, что и как он пишет в ней о болгарях, можно уверенно заключить, что он общался по крайней мере с болгарями, жившими в Бухаресте и в трансильванском городе Германштадте (теперь г. Сибиу, Румыния), куда консульство из Бухареста было переведено после разрыва дипломатических отношений с Турцией. О бесспорных контактах Спиридова с германштадскими болгарями можно судить по дневниковым записям «Путевые заметки» русского ученого П.И. Кеппена, встречавшегося летом 1822 г. в Германштадте со Спиридовым, который поделился с ним своим мнением о распадении болгарского языка на 6 наречий и рекомендовал ему заняться там этим языком с одним болгарским священником³. Здесь важно отметить, что ни летом 1822 г. в беседах с Кеппеном в Германштадте, ни в опубликованной в 1825 г. цитируемой выше статье Спиридов не сообщает никаких сведений о печатных болгарских книгах. Очевидно,

¹ *Достян И.С.* Българите в руската литература и периодичен печат през първите десетилетия на XIX в. // *Българското Възраждане и Русия*. София: «Наука и изкуство», 1981. С. 196.

² *С-д-ов [Спиридов А.М.]*. Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в Европейских частях Турецкой империи // *Северный архив*. 1825. № 14. С. 197–198.

³ *Венедиктов Г.К.* Първа страница в историята на изучаването на българския език от руски учен // *Българското Възраждане и Русия*. София: «Наука и изкуство», 1981. С. 216–217.

какими-либо сведениями о них он не располагал и потому не сообщил о них Кеппену. Сам же Кеппен через три года писал, что в бытность свою в Германштадте он узнал, что болгары «уже с некоторого времени намереваются приступить к переводу и изданию разных книг Св. Писания», что «некто Петр Сапунов (из Грабова), переведший уже Псалтирь, занимался переводом книги Премудрости Соломона; Евангелия же переводил на болгарский язык Теодосий архимандрит Быстрицкий (в Малой Валахии, родом грек) вместе с каким-то природным болгаринном»⁴. Таким образом, в 1822 г. ни Спиридов, ни Кеппен еще не знали, что к тому времени болгарскими уже было издано несколько книг на родном языке.

О болгарских печатных книгах в то время ничего не знали и другие русские ученые. Очень показательным в этом отношении мнение А.Х. Востокова. В связи с данным Российской академией ему и П.И. Соколову поручением составить «Сравнительный словарь всех славянских наречий» Востоков в январе–феврале 1822 г. написал проспект этого словаря и в нем привел список славянских языков и диалектов, в котором болгарский язык не значился по той причине, что о нем Востоков не располагал необходимыми сведениями. «... Так как доселе ни грамматики, ни словаря оному языку, – писал он, – не издано, то и нельзя сделать о нем никакого верного заключения»⁵. Очевидно, что, если бы Востокову были известны какие-либо печатные болгарские книги, он, надо думать, отсутствие болгарского языка в составленном им списке славянских языков и наречий мотивировал бы как-то иначе.

Первое же известное нам достоверное сообщение в русской печати о болгарской печатной книге относится к 1825 г. Оно содержится в упомянутой статье Кеппена в его «Библиографических листах», о чем подробнее см. ниже.

Прежде чем перейти непосредственно к предмету настоящей статьи, следует кратко остановиться на самом понимании болгарской возрожденческой печатной книги и ее хронологических рамках.

Болгарская возрожденческая книга – это совокупность книг, изданных в эпоху национально-культурного возрождения болгарского народа. Начало этого важнейшего процесса в новейшей истории болгар обычно связывается со знаменитой «Историей славяноболгарской» Паисия Хилендарского, написанной в 1762 г., а его завершение

⁴ См. раздел «Болгарская [литература]» в статье: *Кеппен П.И.* Иностранная литература // Библиографические листы. 1825. № 40. Стлб. 598, сноска под тремя звездочками.

⁵ Цит. по статье: *Макеева В.Н.* Проект плана «Сравнительного словаря всех славянских наречий» академика А.Х. Востокова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXIII. Вып. 4. 1964. С. 346.

– с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., называемой в историографии Освободительной, в результате которой была восстановлена государственная независимость Болгарии. Строго говоря, понятие «болгарская возрожденческая книга» охватывает не только изданные (опубликованные), но и не изданные (не опубликованные) книжные творения болгар, созданные ими на протяжении ста с лишним лет. Хорошо известно, что немало книг, подготовленных их авторами, переводчиками или составителями, не увидели свет по тем или причинам (например, из-за отсутствия средств), и будь судьба к ним благосклоннее, они могли бы стоять в одном ряду с более удачливыми их современниками. Некоторые из таких сочинений, хронологически относящихся по времени написания к эпохе Возрождения, были изданы – полностью или частично – позднее и, таким образом, будучи сочинениями данной эпохи, они, естественно, не являются печатными возрожденческими изданиями. Такова, например, «История славяноболгарская» Паисия, изданная Й. Ивановым в 1914 г.; таковы издания некоторых трудов Софрония Врачанского и других возрожденцев.

В намечаемой нами серии статей, посвященных болгарской возрожденческой книге в Москве, будет дан обзор только тех изданных книг, авторами, переводчиками и составителями которых являются болгары (а в отдельных случаях и не болгары, написавшие и издавшие книги на болгарском языке, например, серб К. Огнянович) и которые хранятся в настоящее время в библиотеках Москвы. При этом здесь будут приняты во внимание как правило только издания на болгарском и церковнославянском языках, поскольку именно эти издания в своей совокупности и составляют один из важнейших результатов движения болгар за создание национальной культуры, с одной стороны, и одно из мощных средств или орудий достижения общевозрожденческих целей, с другой. Исключение здесь сделано лишь для изданных на русском языке книг некоторых возрожденцев, например, В. Априлова, выдающегося деятеля Возрождения, сыгравшего большую роль в подъеме национального самосознания болгар, в их движении за развитие национальной школы на родном языке, за создание нового литературного языка на народной основе и др., а также некоторые издания на русском языке других возрожденцев. Известный деятель Возрождения П. Берон, как известно, кроме знаменитого «Букваря с различными поучениям» (Брашов, 1824), более известного под названием «Рыбный букварь», издал целый ряд своих научных трудов на латинском, французском, немецком и греческом языках, но сочинения эти практически в Болгарии не были известны, они не были адресованы болгарскому читателю и по существу оказались ничем, кроме болгарского происхождения их автора, не связанными с развитием книгопечатания, школы, литературы, журналистики, науки у болгар.

Началом болгарского книгопечатания обычно считается выход в свет в Римнике (Румыния) в 1806 г. книги Софрония Врачанского «Кириакодромион, сиреч Неделник». М. Стоянов, автор фундаментального двухтомного библиографического описания болгарских возрожденческих книг, пишет: «Начальной датой болгарской печатной возрожденческой литературы мы считаем 1806 год, когда вышел «Недельник» Софрония Врачанского – первая печатная новоболгарская книга»⁶. Двухсотлетию выхода в свет именно этой книги была посвящена большая научная конференция, состоявшаяся в конце 2006 г. в Софии⁷, на которой вице-президент БАН, акад. К. Косев в приветственном слове отметил, что «Недельник» Софрония Врачанского – «первая болгарская печатная книга в нашей новой истории», а проф. Б. Христова, директор Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия, подчеркнула, что конференция посвящается «200-летию первой печатной книги на новоболгарском языке»⁸. Существует, однако, и другое мнение, согласно которому первой печатной новоболгарской книгой является известный «Абагар», изданный в 1651 г. в Риме. В одном авторитетном энциклопедическом справочнике, изданном Болгарской академией наук, например, сказано, что «Абагар» – «первая печатная книга на новоболгарском языке, написанная кириллицей»⁹. Думается, однако, что «Абагар», как и изданная в 1802 г. «Дидаскалия», признаваемая другими исследователями первой болгарской печатной книгой, хотя несомненно и имеют отношение к болгарам, все же стоят вне собственно болгарского, точнее – новоболгарского, книгопечатания.

Что же касается «Недельника» Софрония Врачанского, то исторической точности ради надо отметить, что достоверных данных о том, что именно эта книга действительно была хронологически первой печатной новоболгарской книгой, пока нет. Дело в том, что в 1806 г., когда она увидела свет, в Буде была издана другая книга – скромный и почти неизвестный, редко упоминаемый в историографии «Молитвенный крин». Экземпляра этой книги в настоящее время, по видимому, нет ни в одной библиотеке; во всяком случае, он не известен. Однако сомнений в том, что «Молитвенный крин» был издан и издан именно в 1806 г., быть не может. В известном обзоре болгарских

⁶ Стоянов М. Българска възрожденска книжнина. Аналитичен репертоар на българските книги и периодични издания. 1806–1878. Т. I. София: «Наука и изкуство», 1957. С. X.

⁷ Информацию об этой конференции см. в статье: Дамянова Р. 200 години новобългарска печатна книга // Списание на Българската академия на науките. СХХ. 2007. 2. С. 29–34.

⁸ Дамянова Р. Указ. соч. С. 30, 31.

⁹ Энциклопедия. А–Я. София: Изд-во БАН, 1974. С. 9.

возрожденческих книг «Очерк книгопечатания в Болгарии», опубликованном в 1846 г., И.И.Срезневский приводит данные о существовании такой книги. Первым в списке описываемых книг он указывает как раз «Молитвенный крин». Отметив, что начало «печатания книг на народном болгарском наречии было, кажется, делом случая», Срезневский далее писал: «Так вышла наконец никем не замеченная и первая печатная болгарская книжка, написанная, как видно, болгариним и для болгар, и напечатанная церковнославянским правописанием, по форме, издавна бывшей в употреблении у болгарского народа. То был : Молитвенный кринь. У Будиму, 1806 (80 стр. in –12). Это – собрание молитв утренних и вечерних, порядочно составленное, хотя и далеко не полное. В книжке нет ни предисловия, ни послесловия, ни имени издателя, ни посвящения. В образчик языка привожу молитву господню»¹⁰. И далее следует текст молитвы «Отче наш» в болгарском переводе. Ясно, что такие данные о «Молитвенном крине» Срезневский мог привести только *de visu*, имея эту книгу на руках. Почерпнуть их из какого-либо библиографического или иного источника он не мог по той простой причине, что до него эта книга никем и нигде не упоминается. Однако важнейшим подтверждением того, что Срезневский действительно описывал «Молитвенный крин» *de visu*, находим в его письме к В. Ганке от 26 мая 1846 г., в котором дан библиографический обзор болгарских печатных книг, подобный приведенному в его «Очерке», и в котором он специально отметил: «В книгах, которых я сам не имею, не означено число страниц»¹¹. И в «Очерке», и в письме к Ганке число страниц в «Молитвенном крине» указано – 80. Какая из двух изданных к 1806 г. книг – «Недельник» Софрония Врачанского или «Молитвенный крин» неизвестного автора-составителя – увидела свет первой, а какая второй, твердо сказать сейчас невозможно. Нужно, однако, обратить внимание на следующее важное обстоятельство, указанное в послесловии к «Недельнику», где сказано: «Нача ся печатати априліа 24, и соверши ся ноемврїй 25. Въ льто от рожества по плоти бога слова 1806 ноемврїй 25». Приведенные слова, следует, как нам кажется, понимать в их прямом смысле, а именно: 25 ноября 1806 г. было завершено печатание «Недельника», набор его текста, а не реальный выход его в свет. Между завершением набора текста и выходом готовой, т.е. сброшюрованной, подшитой, книги из печати должно было пройти

¹⁰ Срезневский И. Очерк книгопечатания в Болгарии // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. Ч. LI. Отдел V. С. 6.

¹¹ Цит. по: Францев В.А.. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 1050; это же в чешском переводе см. в: *Časopis Českého Museum*. 1847. II. D. II. S. 212.

какое-то время. Некоторые исследователи считают дату 25 ноября 1806 г. днем именно выхода «Недельника» в свет¹². Но даже если и согласиться с этим, все же более предпочтительным кажется предположение о том, что реально «Молитвенный крин» мог выйти в свет ранее «Недельника» – с января по ноябрь, а не после него – в самом конце ноября – декабре 1806 г., но только более предпочтительным или более вероятным, ибо в принципе он мог быть напечатан и выйти в свет и в последние дни декабря 1806 г. Учитывая, видимо, это, А. Балан еще в начале XX в. в статье, посвященной столетию со времени издания первой болгарской книги, писал о «Молитвенном крине»: «Составитель ее (этой книги. – Г.В.) не известен, как не известен и день, когда она увидела свет. А не она ли как раз и была первой книгой («първият брой») болгарской литературы и не ей ли приходится нынешние почести? Кто знает»¹³. А. Балан поставленный им вопрос оставил здесь открытым, но в другой работе тем не менее отметил, что, если даже «Молитвенный крин» и вышел из печати ранее «Недельника», все равно «первой печатной новой болгарской книгой» следует считать сочинение Софрония Врачанского¹⁴. Мы полагаем, что до подтверждения неоспоримыми данными о выходе в свет «Недельника» до издания «Молитвенного крина», было бы корректнее говорить, что «Недельник» Софрония – одна из двух первых новоболгарских печатных книг, изданных в 1806 г.¹⁵ Естественно, таким определением места этого сочинения никак не умаляется его огромное значение в начальной истории болгарского книгопечатания и болгарской культуры.

Говоря о «Недельнике» и «Молитвенном крине» как о первых новоболгарских книгах, следует отметить, что впервые новоболгарский текст, т.е. текст на новоболгарском языке, был напечатан не в них. Существует мнение, что на этом языке был напечатан уже упомянутый выше «Абагар», признаваемый некоторыми учеными первой новоболгарской печатной книгой. Но это – очевидное заблуждение, так как

¹² См., например: *Кутинчев Ст.* Печатарството в България до Освобождението. София, 1920. С. 206; *Василев М.* Общо и приложно книгознание. II изд. София, 1970. С. 101–102. – Р. Дамянова днем, когда, «было ... завершено печатание подготовленного епископом Софронием Врачанским сборника «Недельник», указывает 8 декабря 1806 г. (*Дамянова Р.* Указ. соч.. С. 29).

¹³ *Теодоров-Балан А.* По случай стогодишнината на българската книга // *Летопис на Българското книжовно дружество в София.* VII. 1906. София, 1907. С. 136.

¹⁴ *Теодоров-Балан А.* Софроний Врачански. По случай стогодишнината на новата българска печатна книга. (1806–1906). София, 1906. С. 62.

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Венедиктов Г.К.* О первой новоболгарской печатной книге // *Typographia Universitatis Hungaricae Budae.* 1777–1848. Budapest, 1983. С. 187–194.

в действительности язык этой книги церковнославянский. На самом же деле первый новоболгарский текст увидел свет на исходе XVIII в. На него совсем недавно обратил внимание А.А. Круминг, научный сотрудник Российской государственной библиотеки (Москва). Так как статья Круминга об этом тексте опубликована в малотиражном издании, считаем не лишним сказать о нем несколько слов. Интересующий нас текст представляет собой небольшое стихотворение о поклонении волхвов младенцу Христу. Напечатан он в изданной в 1793 г., как в свое время и «Абагар», в Риме в брошюре, подготовленной Коллегией пропаганды – учебным заведением Конгрегации распространения веры, возглавлявшей образовательную и литературную деятельность Ватикана. Эта брошюра, с длинным названием на латинском языке, была издана по случаю посещения Коллегии пропаганды 13 января 1793 г. английским принцем Августом-Фредериком, герцогом Сассекским. Готовившая миссионеров Коллегия хотела показать высокому гостю успехи и знания своих учеников, в подтверждение чего на встрече с принцем студенты на разных языках, в том числе и на болгарском, прочитали ему названное стихотворение. Кто из числа болгарских студентов-католиков, обучавшихся в Конгрегации пропаганды, перевел это стихотворение на болгарский язык, не известно, как не известны имена и переводчиков его на иллирийский (хорватский), польский, русский, славянский (церковнославянский) и другие языки¹⁶. Чтобы сделать болгарский текст указанного стихотворения доступным более широкому кругу исследователей истории болгарского книгопечатания, ниже приводим его так, как он дан в статье А.А. Круминга. В брошюре 1793 г. он, как и русский, русинский и церковнославянский тексты стихотворения о поклонении волхвов младенцу Христу, напечатан кириллицей. Ему в брошюре предшествует название его языка – *Bulgarice*:

Звездá [! Звезда] по Небо прясна
Хора кани, и вика от Исток
Сас нейна светлость [! светлость] прекрасна
Пре родениять Царь висок.
Идат три гулеми Царе
От делечни край Сабесни,
С носити негови даре
На душáлась Краль Нивесни. [! Нибесни.]
Ча́стáть го с Злато като Царь,
Пак с Тамян като Бог хвáлин,
По свáрхь му прават с Мирра дар,
Кóя смáрть му обрбиче жáлин.

¹⁶ Круминг А.А. Первый печатный текст 1793 г. на новоболгарском языке // Славянский альманах. 1997. М., 1998. С. 290–292.

Текст стихотворения дан здесь точно так, как он воспроизведен Крумингом. (Слова в квадратных скобках – его пояснения). Круминг отмечает, что болгарский перевод стихотворения от русской и других славянских версий «резко отличается своим чисто народным языком», что «язык болгарской версии – чисто народный болгарский»¹⁷, хотя в нем есть и очевидные ненародные «вкрапления». В целом же он производит впечатление более народного болгарского, чем язык «Недельник» Софрония Врачанского. Обращает на себя внимание здесь и удачная рифмованность строк стихотворения; ср. *преясна – прекрасна, Исток – висок, Царе – даре (!), Сабѣсни – Нивѣсни, Царь – дар, хвалин – жалин*. Это, надо полагать, первый пример рифмованного стихотворства, отраженный в новоболгарской печати.

Описи болгарских возрожденческих книг, издававшихся начиная с 1806 г., предпринимались неоднократно (И.И. Срезневский, И. Шопов, К. Иречек, А. Теодоров-Балан, Н. Начов, В. Погорелов, М. Стоянов). Наиболее полная из них – упомянутый выше двухтомный фундаментальный труд М. Стоянова¹⁸. Согласно данным Стоянова на середину XX века, всего за время с 1806 по 1878 г., было издано 1907 книг и брошюр, включая и повторные издания: 1871 из них приведены в 1-м томе его труда, где они расположены по годам издания (с. 471–497), а 36 возрожденческих книг, открытых Стояновым после выхода в свет 1-го тома, приведены им во 2-м томе (с. 784–785). При этом список книг за 1878 г. – год освобождения Болгарии от османского ига – у него не претендует на полноту, поскольку «год этот переходный – от возрожденческой литературы к послевозрожденческой»¹⁹. Самостоятельный список здесь составляют периодические издания – газеты и журналы²⁰. После выхода в свет 2-о тома данного труда М. Стояновым были обнаружены и некоторые другие, ранее им не отмеченные, возрожденческие издания, с машинописным списком которых мы имели возможность в свое время ознакомиться в Отделе старопечатных книг Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия (София). Несколько болгарских книг и брошюр, не отмеченных в библиографических описаниях или известных только библиографически и отсутствовавших в середине прошлого столетия в библиотеках Болгарии, были к тому времени обнаружены нами в разных библиотеках Советского Союза²¹.

¹⁷ Там же. С. 293.

¹⁸ Стоянов М. Българска възрожденска книжнина. Аналитичен репертоар на българските книги и периодични издания. 1806–1878. Т. I. София, 1957; Т. II. София, 1959.

¹⁹ Стоянов М. Указ. соч.. Т. I. С. 496, сноска.

²⁰ Там же. С. 433–467

²¹ Венедиктов Г.К. Об одном болгарском календаре на 1846 г. (К описи болгарских печатных книг периода Возрождения) // Славянский архив. Сборник

В начальной истории книгопечатания у болгар есть две важные особенности. Одна из них – позднее начало самого книгопечатания. Внеся выдающийся вклад в начальную историю славянской письменности, болгары, однако, одними из последних среди славян включились в важнейший процесс мировой цивилизации, каким является печатание книг. Причина этой исторически горькой участи, выпавшей на долю болгар, заключается в тяжелейших условиях многовекового османского политического и социального ига и греческого духовного господства, особенно усилившегося в последние десятилетия XVIII в. Другая важная особенность истории книгопечатания у болгар, объясняемая названными превратностями их судьбы, состоит в том, что со времени своего возникновения и вплоть до середины 60-х годов XIX в., оно развивалось почти исключительно за пределами болгарских земель. Разные города Румынии, Сербии, Хорватии, России, Австрии, Венгрии, Чехии и других стран были центрами, в каждом из которых увидели свет большее или меньшее число болгарских книг (включая и напечатанных латиницей), брошюр, журналов и газет. Много болгарских изданий вышло в городах Османской империи за пределами болгарских земель – Константинополе (Цариграде) начиная с 40-х годов, гораздо меньше в Измире (Смирне) – в 40–50-е годы и всего около 10 книг в Адрианополе (Одрине) в 60–70-е годы. Первая болгарская типография на болгарских землях действовала в западноболгарском городе Самокове. Ее основателем был местный возрожденец Николай Карастоянов, который в 1835 г. закупил в Венгрии набор металлических литер и до 1846 г. без разрешения на то властей издал, вероятно, какие-то книги, указав в них, дезориентации властей ради, типографии других стран²². Первая книга в Самокове, уже с разрешения властей, была издана только в 1846 г. В конце 30-х была основана болгарская типография в Салониках, в которой Теодосий Синаитский в 1838–1841 гг. с разрешения властей издал несколько книг²³. Но это были лишь первые опыты организации книгопечатания в болгарских типографиях, опыты кратковременные и не имевшие продолжения по существу до середины 60-х годов, когда в 1864 г. начала действовать типография Дунайского вилайета, которая до 1878 г., согласно данным М. Стоянова, выпустила

статей и материалов. М., 1962. С. 75–83; *Венедиктов Г.К.* Об одной книге эпохи болгарского Возрождения // Советское славяноведение. 1966. № 2. С. 56–60; *Венедиктов Г.К.* Дополнения к болгарской библиографии эпохи Возрождения // Известия на Народната библиотека «Кирил и Методий». Т. IX (XV). 1969. С. 251–257.

²² *Кутинчев Ст.* Указ. соч. С. 18–31.

²³ *Снегаров Ив.* Сто години от основаването на първата българска печатница. София, 1939. С. 16–17.

в свет 140 книг²⁴. Уже в 1878 г., в год освобождения Болгарии, первые книги на болгарском языке издали типографии в Пловдиве, Тырнове и Свиштове. Надо также иметь в виду, что значительная часть болгарских книг эпохи Возрождения в пределах Османской империи была издана в Константинополе, Адрианополе, Измире и ряде других ее городов. Особенно много книг вышло из разных типографий в Константинополе – важнейшем центре национально-культурного движения болгар. Здесь большую роль в развитии болгарского книгопечатания играли прежде всего типографии газет «Цариградски вестник» и «Македония». Всего до Освобождения Болгарии от османского ига, согласно данным указанного труда М. Стоянова, в Константинополе вышло из печати свыше 600 болгарских книг.

Таким образом, подавляющая часть болгарских возрожденческих книг, брошюр, газет и журналов была издана за пределами болгарских земель.

Свою лепту в болгарское книгопечатание эпохи Возрождения внесла и Россия. Здесь болгарские книги, согласно данным М. Стоянова, были изданы в разных типографиях Одессы – 27 (1841–1876), Петербурга – 11 (1823–1867), Москвы – 10 (1844–1867), Кишиневе – 3 (1821–1869) и Киева – 2 (1869–1871). Сюда следует включить и 63 книги, изданные в 1861–1876 гг. в Болграде – центре болгарских переселенцев в Бессарабии, который в составе южной части этой области после Крымской войны до 1878 г. был отторгнут от России. В Болграде издавались и журналы «Духовни книжки за поучение на всяк христианин» (1864–1868), «Обшт труд» (1868), «Пътник» (1870), и «Български глас» (1876–1877).

Москва, как видим, по числу изданных в России болгарских возрожденческих книг занимает скромное место. Тем не менее сам факт их издания в этом городе заслуживает быть особо отмеченным как одна из страниц в истории русско-болгарских культурных связей вообще и как вклад самой Москвы в развитие формировавшейся в эпоху Возрождения болгарской национальной культуры в частности. Какие же болгарские книги были изданы в Москве? Приведем их в хронологическом порядке их издания: 1) *Г. Бусилин*. Български буквар (1844); 2) *Зах. Княжески*. Вхождане в историята на българските славяне от 5-я век до 1396-та година (1847); 3) Зерцало или огледало христианское, което съдържава мисли спасителни и увещания душеполезни и весма нужни за всякого христианина, който желае да познай своето христианско живееяни и евангелската истина. Превели от славянский на българский язык с дополнение... Натанаил и брат его Захарий Княжеский (1847); 4) Святителское поучение к новопоставленного свещеника,

²⁴ Стоянов М. Указ. соч., Т. I. С. 509.

което е изписано из правилата на свети апостоли и свети отци. Превел от славенороссийския на българский язык в полза на българското духовенство монах Натанаил Атонскозграфский (1847); 5) Абидонската невяста. Поболгарил Н.Д. Катранов (1850); 6) Православни църковни братства во юго-западната Руссия. От руският язык преведе К. Миладинов (1858); 7) Новобългарска сбирка (1863).

В Москве увидели свет также 4 выпуска журнала «Братски труд» (кн. 1–3, 1860; кн. 4, 1862), изданные на средства Р. Жинзифова, В. Поповича, Л. Каравелова, М. Дринова и других болгар, учившихся в Московском университете в начале 60-х годов XIX в.

Все названные выше книги, изданные в Москве, кроме «Абидонской невесты», находятся в настоящее время в разных библиотеках этого города.

В число болгарских возрожденческих книг, увидевших свет в Москве, М. Стоянов включает и две книги болгарских авторов, опубликованные на русском языке – «Возрождение болгар или реакция в Европейской Турции» Хр. Даскалова (1858) и «Памятники народного быта болгар» Л. Каравелова (т. I, 1861) и изданную В.А. Дашковым «Древнюю болгарскую песню об Орфее, открытую Стефаном Верковичем, сербским и болгарским археологом» (1867).

Отметим также, что указанные книги были отпечатаны в разных московских типографиях – университетской (5), синодальной (1), Бахметьева (2), К. Андерса (1) и не установленной (2).

В эпоху национально-культурного возрождения болгар Москва, однако, была не только одним из центров болгарского книгопечатания, хотя и не столь значительным по сравнению с другими городами, но и тем центром в России, куда по разным каналам стекалось немалое количество издававшихся в ту эпоху болгарских книг. Мы не знаем, какими собраниями болгарских возрожденческих книг располагают крупнейшие библиотеки за пределами Болгарии, в том числе национальные и университетские библиотеки Румынии, Сербии, Украины, Молдавии, Венгрии, Австрии и других стран, в городах которых в XIX в. печатались книги на болгарском языке, как и тех стран (Германия, Франция, Великобритания, США и др.), в библиотеках которых хранятся богатейшие книжные сокровища разных народов. И все же мы, наверное, вряд ли ошибемся, если скажем, что после Софии, Пловдива и, вероятно, некоторых других университетских центров Болгарии Москва с ее библиотеками в настоящее время обладает, по-видимому, самой богатой коллекцией рассматриваемых здесь книг. Эта коллекция складывалась постепенно в основном по мере выхода их в свет. Само количество и тематическое разнообразие таких книг, оказавшихся в Москве, несомненно объясняется особо тесными связями в разных областях культуры, которые сложились

и развивались между Болгарией и Россией в XIX в. и одним из естественных следствий которых как раз и было движение болгарских книг из Болгарии и других стран, где они печатались, в Россию. Такие книги в XIX в. поступали, конечно, не только в Москву, но и в Петербург, Харьков, Казань, Киев, Кишинев и другие города, где были университеты и иные средоточия научных, духовных, культурных и общественно-политических учреждений, проявлявших больший или меньший интерес к истории и современному состоянию славянских народов. Отдельного упоминания заслуживает здесь Одесса – город, который на протяжении ряда десятилетий в XIX в. был центром, куда стекалось значительное количество болгарских книг, изданных в разных странах, и откуда они расходились тогда по городам Российской империи. В современной России после Москвы больше всего рассматриваемых здесь книг находится в Петербурге, где они сосредоточены главным образом в Библиотеке Российской академии наук и Российской национальной библиотеке.

Выход в свет «Недельника» Софрония Врачанского и «Молитвенного крина», как и книг И. Кырчовчкого и К. Пейчиновича, изданных во втором десятилетии XIX в., в России был отмечен лишь по прошествии некоторого времени. И это неудивительно, потому что, как уже сказано выше, до середины 20-х годов российская общественность о положении в современной ей Болгарии знала очень мало. Начало живых контактов русских ученых с болгарями было положено П.И. Кеппеном только в 1822 г., когда он, путешествуя по европейским странам, посетил Трансильванию, где встречался с жившими там болгарями (в частности, с Д. Мустаковым) и первым из русских ученых проявил тогда интерес к живому языку болгар. Из бесед с ними он узнал, в частности, и то, что у болгар есть «новейшие переводы священного писания на болгарский язык», которые «для окончательного рассмотрения и одобрения» сообщаются Д. Мустакову. Но в цитируемых здесь «Путевых заметках 1822 г.» Кеппен не называет какого-либо печатного издания этих переводов, потому что назвать ему такое издание болгары, естественно, не могли по той причине, что его еще не было. Но уже через три года в статье «Иностранная литература» Кеппен сообщил о первом ему известном печатном издании на болгарском языке: «Болгары перевели ныне на свой язык с русского Гибнеровы (Hübners) *Священные истории*. Издание сие заслуживает внимание языкоисследователей. О болгарском языке писано еще так мало, что каждое новое известие по сей части не может не быть любопытным»²⁵. Кеппен имеет в виду здесь книгу «Священное цветообрание или сто и четыре священи истории, избрани

²⁵ См.: Библиографические листы. 1825. № 40. Стлб. 597.

из ветхий и новиат завет в полза на юношеством от г. Иоана Гибнера», переведенную с русского языка Анастасом Кипиловским (Будин, 1825). Из приведенных выше слов Кеппена об этой книге можно заключить, что он эту книгу смотрел и что он, следовательно, был первым русским ученым (а может быть, и вообще первым русским человеком), кто держал в руках первую печатную новоболгарскую книгу и сообщил о ней русским читателям. К сожалению, в статье Кеппен не сообщает, как она к нему попала. И это, судя по всему, была, возможно, первая печатная болгарская возрожденческая книга, оказавшаяся в России. Важно отметить также, что Кеппен в цитируемой статье приводит и названия (с неполными выходными данными) трех других книг, известных ему по вышедшему в 1822 г. знаменитому «Додатак'у» Вука Караджича, «в коих он [Вук. – Г.В.] встречал болгарский язык»: 1) «Сия книга, глаголемаа митарства» (Будин, 1817; перевод И. Кырчовского), 2) «Различна поучителна наставления» И. Кырчовского (Будин, 1819) и 3) четырехязычный словарь «Λεξικον τετραγλωσσον» Даниила (1802).

Приведенные Кеппеном названия четырех книг были первыми в российской печати сведениями о болгарских возрожденческих изданиях, увидевших свет за пределами России²⁶. В самой же России к тому времени уже были отпечатаны две книги на болгарском языке: 1) изданная в 1821 г. в Кишиневе с параллельным русским текстом «Инструкция заради долгат на приказете селски» – перевод с русского языка «Инструкции о обязанностях сельских приказов» административно-канцелярского характера, регулировавшей устройство быта и хозяйственную деятельность болгарских колонистов в Бессарабии, и 2) переведенное архимандритом греческого происхождения Теодосием «Евангелие от Матфея» и отпечатанное в 1823 г. в Петербурге по решению Российского библейского общества. Первая из названных книг до наших дней сохранилась, по-видимому, в единственном экземпляре, который в настоящее время находится в Городской научной библиотеке Одессы (Украина). В библиотеках Болгарии и современной России этой книги, насколько нам известно, нет. Что касается «Евангелия от Матфея», то его постигла печальная участь – почти весь его тираж по одной версии погиб во время наводнения в Петербурге, по другой – был уничтожен. До нашего времени сохранилось, вероятно, только три экземпляра этого издания, которые хранятся в Библиотеке РАН и Российской национальной библиотеке (Петербург). Никаких откликов об этих изданиях в российской печати того времени не было.

²⁶ Подробнее об интересе П.И. Кеппена к начальным проблемам болгаристики см. в статье: Дроснева Е. Пётр Иванович Кьопен и българистиката // Векове. 1982. № 4. С. 78–84.

Таким образом, можно сказать, что начало живого интереса в российских научных и общественных кругах к болгарской возрожденческой книге положил П.И. Кеппен. За ним последовали Ю.И. Венелин, Н.Н. Мурзакевич, О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, В.И. Григорович, П.А. Бессонов и другие представители университетов и других учебных заведений, которые не только сами следили за успехами развивавшегося в тяжелых условиях книгопечатания у болгар, но и делились собранными сведениями об их книжных новинках в письмах к своим коллегам и знакомым и на страницах российской печати. Большую роль в распространении болгарских книг и сведений о них в России сыграли жившие здесь видные деятели Возрождения Болгарии и болгары, обучавшиеся в российских учебных заведениях, – В. Априлов, Н. Палаузов, Зах. Княжеский, С. Филаретов, Р. Жинзифов и др.

Подробный обзор болгарских возрожденческих книг, хранящихся в современной Москве, заслуживает отдельного подробного рассмотрения. Здесь же мы остановимся только на вопросе о том, когда и какая болгарская возрожденческая книга первой оказалась в Москве. Если о такой книге, поступившей в Россию из-за ее пределов, мы можем достаточно уверенно сказать, что таковой было по-видимому названное выше «Священное цветобрание» в переводе А. Кипиловского и что она оказалась в Петербурге, где жил сообщивший о ней П.И. Кеппен, то сказать более или менее определенно, какая именно болгарская возрожденческая книга, когда, кому и при каких обстоятельствах первой попала в Москву, сказать мы пока не можем.

Возможно, этой книгой был «Букварь с различными поучениями» («Рыбный букварь») П. Берона, изданный в Брашове (Румыния) в 1824 г. Привезти ее с собой мог из Кишинева Ю.И. Венелин, один из зачинателей болгаристики в России, который в 1823–1825 гг. жил в этом городе, общался там с болгарскими переселенцами. Отсюда он уехал в Москву для поступления в университет. Правда, никаких прямых данных о том, что Венелин именно в Кишиневе познакомился с этой знаменитой книгой П. Берона и сумел ее привезти с собой в Москву, нет. Иными словами, мы не знаем, как и когда попал «Букварь» Берона к Венелину, как не знаем и того, была ли эта книжка в его собственной библиотеке или же он получил ее для ознакомления из рук другого лица (и кто бы это мог быть?). Однако то, что он знал эту книгу еще до поездки в Болгарию в 1830 г. и читал ее, не вызывает сомнений. Об этом свидетельствует блестящий отзыв Венелина о «Букваре» Берона, опубликованный в 1829 г. в 1-м томе его «Древних и нынешних болгар». «Я не видел, – пишет здесь Венелин, – ни одной русской азбуки, которую бы можно сравнить с достоинством сей книжки; изложение статей ее ясно, слог приятный, показывающий,

что болгарский язык гибок для всяких оборотов»²⁷. Свой труд Венелин писал в Москве, будучи студентом медицинского факультета университета, и, следовательно, цитируемый здесь отзыв он написал скорее всего во время работы над этим трудом, имея «Букварь» Берона на руках. В принципе можно, конечно, предположить, что приведенное мнение о «Букваре» Венелин написал или его составил еще в Кишиневе и процитировал его в «Древних и нынешних болгарях», не имея у себя в Москве книжки Берона. Но это, кажется, маловероятно, так как предполагает допущение, что уже в Кишиневе Венелин едва ли не предвидел, что приведенная цитата ему вскоре пригодится.

Какими-либо сведениями о других болгарских книгах, изданных до выхода в свет «Древних и нынешних болгар», Венелин, судя по всему, не располагал. «О болгарской литературе, – писал он в этом труде, – нечего и говорить, ибо она еще не возродилась», но тут же не преминул заметить, что и среди болгар уже «стали появляться любители просвещения и письменности отечественной», которых, кроме Берона, представляли Йордан Генович и Василий Ненович. Он привел указанный в «Букваре» Берона следующий список книг, которые они «намеревались издать»: «Священное цветообрание, собрано от ветхий и новыят завет», «Лексикон малкий на 4 языцы: болгарски, гречески, влашки и российский», «Грамматическа етимология на те же 4 языцы», «Катихизис на наша православна вера», «Священная история за ради децата», «Грамматика болгарска», заметив, что «успех сего предприятия» ему «еще не известен»²⁸.

Если о «Букваре» Берона как о первой болгарской печатной книге, привезенной в Москву Венелиным, можно говорить лишь предположительно, то появление в Москве нескольких других болгарских возрожденческих книг, изданных до 30-х годов, благодаря именно Венелину, не подлежит сомнению и оно прямо связано с его путешествием в Болгарию.

Как известно, в 1830 г. Российская академия (не Академия наук!) направила Венелина «в филологическо-археографическое путешествие по княжествам Молдавии и Валахии и по турецким областям Булгарии и частью Румелии». Целью этого ученого путешествия, согласно первому пункту данной ему Академией «Инструкции», было «обстоятельное обозрение всех сколько возможно как на славянских наречиях, так и на молдавском, волошском и греческом языках печатных книг и рукописей», а пунктом девятнадцатым «Инструкции» Академия «для приращения своей Библиотеки» уполномочивала

²⁷ Венелин Ю. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1829. С. 106.

²⁸ Там же. С. 16–17.

«путешественника приобретать для нее рукописи, редкие печатные книги не только славянские, но и греческие, на сумму, на первый случай, до тысячи рублей из суммы, определенной на заведение при Академии Славянского книгохранилища»²⁹. Хотя в «Инструкции» и не говорится особо об обозрении и приобретении Венелиным болгарских печатных и рукописных книг, ясно, что такая задача ему несомненно поручалась. Сохранившиеся в архиве Венелина его «Путевые записки» и письма к историку М.П. Погодину и непременно секретарю Российской академии П.И. Соколову (недавно опубликованные) содержат некоторые сведения, касающиеся проявленного им во время путешествия интереса к болгарским рукописным и печатным книгам. Нужно иметь в виду, что кратковременность пребывания Венелина лишь в небольшой части северо-восточных болгарских земель и неблагоприятная русско-турецкая война) помешали молодому ученому выполнить эту задачу в том объеме, в каком он, наверное, надеялся это сделать.

Венелин стал наводить справки о болгарских книгах уже при первых контактах с болгарями. Прибыв в Одессу рано утром 8 мая 1830 г., он уже через несколько дней, в дневниковой записи от 11 мая отметил, что познакомился с болгаринном Степаном Петровичем Мутевым, филиппопольским уроженцем, который ему сообщил, что «болгаре отправляют богослужение и на славянском языке», что у них «церковные книги большею частью киевской печати» и что он «обещал дать ему [болгарских] песен и доставить Болгарскую историю»³⁰. Здесь особенно следует обратить внимание на последние слова – обещании Мутева доставить Венелину «Болгарскую историю». Без большого риска ошибиться можно, наверное, утверждать, что речь здесь могла идти о каком-то списке знаменитой «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского. Несколько позднее в письме М.П. Погодину от 28 мая Венелин писал, что он ездил в расположенный неподалеку на Днестровском лимане Овидиополь, где, как ему говорили, находится «какая-то болгарская рукопись», но оказалось, что там «ничего не бывало»³¹. В письме же П.И. Соколову от 16 июня из Одессы о поездке в этот город он рассказывает более подробно: «Узнав между прочим от одного болгарина, что в Овидиополе есть болгарская историческая рукопись, 26 мая я отправился

²⁹ Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию. 1830–1831 / Публикация подготовлена Г.К. Венедиктовым. М., 2005. С. 31, 36.

³⁰ См.: «Путевые записки» Ю.И. Венелина в публикации: *Медовичева Т.А.* О Путевых записках Ю.И. Венелина // Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Вып. 51. М., 2000. С. 202.

³¹ Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию. С. 81.

туда, во-первых, для приобретения книги, кроме сего, для осмотра Овидиопольских окрестностей, в коих стояла, по мнению некоторых ученых, древняя Никония. Но к великому моему неудовольствию там узнал, что книга и лицо, ею владеющее, ныне находятся в Николаеве»³². В цитируемом здесь (черновом) письме после слов «историческая рукопись» следовал зачеркнутый текст о ее содержании и большом интересе, сразу же проявленном к ней Венелиным: «... в коей, по его [одного болгарина. – Г.В.] уверению, рассказывается, как болгаре воевали с греками и как сии последние платили им дань и как царь Святослав с греками на Дристре и проч. *Мое нетерпение превъшало мое любопытство увидеть это сочинение* (Курсив наш. – Г.В.)»³³. Была ли «болгарская историческая рукопись» в Овидиополе та же самая, о которой Венелину сообщил Мутев, обещавший ему ее доставить, или же какая-то другая, сказать мы не можем за отсутствием необходимых уточняющих данных. Мутев по каким-то причинам своего обещания не выполнил. Сам Венелин в Николаев не ездил и, таким образом, попытка его в мае 1830 г. на юге России увидеть и приобрести «болгарскую историческую рукопись» (каковой, вероятно мог быть, повторим еще раз, какой-то список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского), к сожалению, успехом не увенчалась.

Другое не состоявшееся знакомство Венелина с каким-то вероятным списком «Истории» Паисия связано с Бабадагом – городом в современной Румынии, куда он, продолжая свое путешествие поездкой из Варны в Бухарест, прибыл 27 июля 1830 г., т.е. ровно через два месяца после поездки за «болгарской исторической рукописью» в Овидиополь. В Бабадаге один бежавший из-за Дуная болгарин – «грамотей, помощник при одном чиновнике» – ему «наговорил об одной исторической рукописи, которая будто увезена попом Иванчо в Силистрию». Попытки Венелина навести какие-то дополнительные справки об этой рукописи, как видно из его письма к М.П. Погодину от 20 августа из Силистры, оказались безрезультатными. «Пораспросив, поразведав почти понапрасну и поездив по окрестностям», Венелин 3 августа покинул Бабадаг и отправился в Гирсов³⁴. Несколько подробнее об этом же Венелин сообщал П.И. Соколову в письме от 2 сентября. В продолжение более недельного пребывания в Бабадаге Венелин опросил («перебрал вопросами») большую часть оказавшихся там болгарских переселенцев из Разграда, в том числе и единственного среди них грамотного болгарина, который ему «говорил об одной исторической болгарской рукописи, увезенной из Афонского

³² Там же. С. 90.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 99.

монастыря одним болгаринном и перешедшей после к одному священнику», о местопребывании которого он не мог сказать Венелину «ничего верного», но обнадеживал, что, может быть, сам Венелин отыщет его в Силистре³⁵.

О своих переживаниях, связанных с полученными в Бабадаге сведениями о чрезвычайно заинтересовавшей его исторической болгарской рукописи, Венелин позднее, уже по возвращении из путешествия, подробно рассказал в письме к В.Априлову от 27 сентября 1837 г. В этом письме в отличие от цитируемых выше дневника и писем Венелин эту рукопись называет «старинной болгарской рукописью на пергаменте под именем Цароставник». Из слов «бывшего логофета, из болгар, Руцукского епископа», рассказавшего ему об этой рукописи, Венелин «ясно понял, что это неоцененная находка для Истории болгар», мысль о которой, как и ранее в Одессе при первом же известии о нахождении в Овидиополе «болгарской исторической рукописи», привела его в сильное возбуждение. «Я, – писал он Априлову, – почти целую ночь не мог спать от радости в надежде приобрести это сокровище, сколько бы за него не запросили»³⁶. Увы, обнадеживший было Венелина логофет исчез из Бабадага, а с ним вместе угасла и свернувшая было в нем надежда увидеть и приобрести столь желанную старинную рукописную книгу по истории болгар. «Бог знает, – писал Априлову раздосадованный неудачей Венелин, – где теперь гуляет бедный Болгарский цароставник! Может быть теперь его уже и на белом свете нет. Печальная мысль! Кто же [его] мог лучше спасти как не я? Вольно же было судьбе, чтобы болгарин отбил его у меня!»³⁷

О болгарской исторической рукописи Венелин услышал и в Силистре, где особенно полезным для него было общение с болгаринном, уроженцем Тырнова лекарем Калчо Петковым, который сообщил ему о «порядочном собрании болгарских рукописей», хранившемся в Тырнове при митрополии, об остатках Шишмановой библиотеки, хранившихся также в митрополии, сгоревших в 1798 г. «Ныне, говорит он (Калчо Петков. – Г.В.), – писал Венелин в письме от 28 октября из Бухареста, – не помнит ничего славянского при Митрополии, кроме трех книг, валяющихся на полке, и которые он обещался привести в Силистрию при возвращении. Цароставник, род болгарских летописей, видел год тому назад в Тернове у купца Жаджи-Огло, который с того времени проживал в Букаресте»³⁸. Отметим, что в этом

³⁵ Там же. С. 105.

³⁶ Косев Р. Две писма от Юрий Ивановича Венелина до Василия Априлов // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Т. I. София, 1889. С. 178.

³⁷ Там же. С. 178–179.

³⁸ Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию. С. 119.

письме, в отличие от хронологически предшествующих и «Путевых записок», Венелин впервые болгарскую историческую рукопись называет Цароставником. Это название ему стало известно, наверное, от упоминаемого им Калчо Петкова. Не есть ли Венелин первый ученый, который в своих бумагах (письме от 28 октября 1830 г.) записал бытовавшее среди болгар это название?

Рассказанное здесь о болгарской исторической рукописи (Цароставнике) – пример того, как автор «Древних и нынешних болгар» в трудных для археографических поисков условиях настойчиво старался ее (его) раздобыть, в научной ценности содержания которой для его собственных разысканий и вообще для освещения истории болгар он как бы уже à priori был уверен. Важно отметить также, что в таких условиях и в сравнительно короткий срок Венелин дважды «нападал на след», наверное, разных списков «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского и притом не на болгарских землях за Дунаем, а на юге России и юго-востоке Валахии. Это вряд ли можно объяснить только простым везением Венелина или случайным стечением обстоятельств. Такое, как мне кажется, едва ли могло бы произойти, если бы сочинение Паисия не было распространено среди болгар в многочисленных списках. А тот факт, что такие списки находились или могли находиться у кого-то из болгар в Овидиополе и Бабадаге, показывает, сколь дороги им были эти рукописи, если, покидая родные края и отправляясь на чужбину, они не бросали их на произвол судьбы, а увозили с собой.

Интерес Венелина к болгарским рукописям и печатным книгам, естественно, не ограничивался распросами только о данной рукописной болгарской книге и ее поисками. Его дневник и письма из Одессы и Силистры содержат немало заметок о попытках собрать конкретные сведения о рукописных и печатных болгарских книгах на всем пути его следования до Бухареста. В обезлюдевших вследствие военных действий болгарских селах, в заброшенных церквях и монастырях он тщетно искал рукописные и печатные книги. Лишь немногие болгары могли ему сообщить о старых славянских, в том числе и болгарских, книгах и рукописях, хранившихся или хранящихся, по их сведениям, в библиотеках Тырнова, Рильского монастыря и Афона. На всем пути он неоднократно сталкивался с непониманием священников и архивных служителей, греков, молдован и валахов по национальности, его интереса к славянским книгам и безразличия к ним. Не раз он встречался и с подозрительностью болгар, уклонявшихся от сообщения ему народных песен, интересовавших его материалы этнографического характера и др. Неудивительно, что результат поисков и тем более приобретения болгарских печатных книг и рукописей до приезда в Бухарест оказался более чем скудным.

Впрочем, что касается печатных изданий, то тогда в условиях только что закончившейся войны, при отсутствии болгарских школ и церквей в принципе найти такие издания было крайне трудно, тем более, что самих этих изданий вообще было еще очень мало. Показателем в этом отношении итог разысканий Венелина книг и рукописей в Силистре, где он прожил семь недель. «Археологического (т.е. археографического. – Г.В.) приобретения в Силистрии, – писал Венелин П.И.Соколову 28 октября 1830 г. из Бухареста, – я не мог сделать никакого. Епархиальное духовенство состоит из нескольких священников, молдован и греков, постоянно находящихся при архиерее. Богослужебные книги все греческие, а отчасти и волошские. Знакомство мое с клиром было для меня не много полезным. На вопросы о славянских или болгарских рукописных сочинениях я получал малоудовлетворительные ответы, в которых вместе изображалась обыкновенно явная и сильная ненависть и презрение в болгарскому народу, страждущему не менее и от греков, сколько же и от турков. Я объехал некоторые внутренние окрестности Силистрии; ни в одном болгарском селе нет церкви ни священника; в случае потребности духовной христианин присылает за священником в Силистрию»³⁹. Он надеялся – и не без оснований – на удачу в Бухаресте.

В столицу Валахии Венелин въехал ранним утром 26 сентября 1830 г. имея на руках, по-видимому, только одну болгарскую книгу – «Букварь с различными поучениями» П. Берона, который приобрел где-то еще до приезда 6 августа в Силистру. Сведений о том, где именно и у кого он приобрел эту книгу, ни дневник Венелина, ни его письма с дороги, к сожалению, не содержат. О том же, что книга эта у него в Силистре уже была, свидетельствует его письмо к П.И. Соколову от 2 сентября из этого города, в котором Венелин в подтверждение своих слов о подготавливаемых образованными болгарскими книжками на родном языке, ссылается на «прилепленное» к «Букварю» Берона объявление с перечнем готовых к изданию книг и приводит из него обширную цитату⁴⁰. Впрочем, возможно, что Венелин еще в Москве взял с собою в дорогу имевшийся у него экземпляр «Букваря» в качестве пособия по болгарскому языку. На такую мысль наводит тот факт, что в письме к П.И. Соколову от 2 сентября 1830 г. из Силистры Венелин ссылается на изданный в Вене в 1822 г. «Додатак» Вука Караджича. Указав на частое употребление жителями Котела указательных местоимений *am* (вместо *tom*), *ta*, *to*, *te* после существительных, он заметил: «Посему Вук Стефанович (в своем Додатак к Сравнительному словарю) несправедливо присудил

³⁹ Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию. С. 118–119.

⁴⁰ Там же. С. 112, 114.

болгарскому языку эти частицы»⁴¹. Конечно, в приведенном виде Венелин мог сослаться на Караджича и по памяти, но все же нельзя исключать и того, что труд Караджича он тоже мог взять с собой в дорогу (разумеется, если таковой был у него в Москве). Думать же, что Венелин мог найти и приобрести «Додатак» Вука где-то во время путешествия по болгарским и валашским землям, на наш взгляд, совершенно не приходится. Из его писем известно, что с собой в дорогу он взял немалое число экземпляров «Древних и нынешних болгар». Так, только в Харькове он оставил профессорам тамошнего университета П.П. Гулак-Артемовскому и В.Н. Каразину по 20 экземпляров своего труда⁴². В дорогу он мог взять и другие, необходимые ему для занятий, книги, в том числе «Букварь» Берона и «Додатак» Караджича.

В Бухаресте Венелину с болгарскими книгами повезло больше. «Здесь, – писал он М.П. Погодину 5 октября, – болгар очень много, которые составляют лучшую часть жителей города»⁴³. Уже через несколько дней по приезде Венелин познакомился с В. Неновичем и А. Нековичем; всего же в городе он «насчитал уже с полдюжины болгарских литераторов». В письме он сообщает о двух болгарских изданиях: «Св. цветообрание напечатано в (Офене) Будине в двух томах. В 1828 в Бухаресте издан перевод Нового Завета Петром Сапуновым»⁴⁴. Не приходится сомневаться, что об этих изданиях здесь ему сообщил кто-то из его новых знакомых болгар. И хотя в цитируемом письме Венелина не сказано, что эти книги он купил у них (или, может быть, получил от них в подарок), едва ли можно сомневаться, что именно эти книги, доставшиеся ему в Бухаресте, он привез с собой в Москву.

В Москву Венелин вернулся из путешествия только с шестью книгами, которые в письме к секретарю Российской академии П.И. Соколову он характеризовал как «небольшое собрание из скудной нынешней болгарской письменности, достаточное однако для подробного наблюдения и изучения языка»⁴⁵. Это «небольшое собрание» составили следующие книги: четыре печатные – «Кириакодромион сиреч Неделник» Софрония Врачанского (1806), неоднократно упоминавшиеся выше «Буквар с различни поучения» П. Берона (1824), «Священное цветообрание» в переводе А. Кипиловского в двух томах (1825) и «Новый завет» в переводе П. Сапунова (1828)

⁴¹ Там же. С. 107.

⁴² Там же. С. 70.

⁴³ Там же. С. 116.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Ангелов Б. Из архива на Юрий Иванович Венелин // Известия на държавните архиви. 1966. № 11. С. 187.

и две книги рукописные: «Разные поучения праздничные, на македонском наречии» и «Разные слова и поучения. На варненском или восточном наречии»⁴⁶. Обе рукописные книги известны в литературе как дамаскины – памятники новоболгарской письменности XVII и XVIII вв., хранящиеся ныне в собрании рукописей Н.С. Тихонравова в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

Из сказанного выше ясно, что три печатные книги из названных четырех (кроме «Кириакодромиона» Софрония Врачанского) Венелин имел уже в Бухаресте, где он находился, по-видимому, до середины апреля 1831 г. Точная дата отъезда его из этого города не известна. Последнее письмо, посланное им отсюда М.П. Погодину, датировано 3 марта, а в письме ему же от 3 мая из Кишинева Венелин сообщал, что прибыл туда 30 апреля. Возможно поэтому, что и знаменитую книгу Софрония Врачанского, изданную четвертью века ранее недалеко от Бухареста (в Рымнике), Венелин приобрел скорее всего тоже в столице Валахии. Нельзя, однако, полностью исключать и того, что книгу эту он раздобыл (мог раздобыть) и в Кишиневе или его окрестностях. Намек на такую возможность усматривается в указанном письме к Погодину. «Здесь [в Кишиневе. – Г.В.], – пишет он, – хочу кое-чем заняться, а преимущественно песнями. Хотелось бы еще съездить по области кое-куда; сказывали, что есть вещица»⁴⁷. Что это за вещица, которая так заинтересовала Венелина, что он, еще не оправившись как следует после перенесенной лихорадки, хотел «съездить по области кое-куда», чтобы ее, эту вещицу, увидеть? Не был ли это «Кириакодромион» Софрония? А может это был список «Цароставника» Паисия? Или какая-нибудь другая новоболгарская рукопись? Сказанное в письме Венелина очень неопределенно и допускает любой ответ на этот вопрос.

По возвращении в Москву осенью 1831 г. о привезенном «небольшом собрании» болгарских книг Венелин уведомил непрямого секретаря Российской академии П.И. Соколова. Согласно «Инструкции» Академии, которою Венелин должен был руководствоваться во время путешествия, «все извлечения из печатных книг или рукописей, списки, путевые записки, древности и проч. как приобретения археографического путешествия по вышеозначенным княжествам и областям, совершенного по распоряжению Императорской Российской Академии, средствами и иждивением ее, суть безусловная и полная ее собственность»⁴⁸. В соответствии

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию. С. 143.

⁴⁸ Там же. С. 37.

с этим Академия потребовала от Венелина представления ей привезенных им болгарских книг. Несмотря на ее настойчивые требования, Венелин, судя по сохранившимся в его архиве бумагам, привезенное «небольшое собрание» болгарских книг в Петербург не отправил, а оставил у себя, оправдывая это необходимостью использования их для составления грамматики болгарского языка и «критической грамматики церковно-болгаро-русской с примечаниями к одной прочих славянских наречий»⁴⁹. И Венелин действительно использовал привезенные книги для своих занятий. Так, известно, что он сравнивал особенности языка «Кириакодромиона» Софрония Врачанского и «Нового завета» в переводе П. Сапунова⁵⁰ и что в качестве хрестоматийного текста в своей «Грамматике нынешнего болгарского наречия» он привел «Житие Петки Тырновской», взятое из «Разных поучений праздничных» – новоболгарской рукописной книги XVII в.⁵¹

После смерти Венелина одна из привезенных им новоболгарских рукописных книг, оказавшихся в Москве, попала к М.П. Погодину, а после его смерти – к Н.С. Тихонравову, по имени которого она стала известна в науке как Тихонравовский дамаскин, новоболгарский памятник XVII в. Вместе с другими рукописями собрания Тихонравова этот дамаскин поступил в Румянцевский музей, рукописные фонды которого хранятся нынче в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, где привезенная Венелиным рукопись дамаскина хранится и по сей день. Вероятно, таким же было перемещение в Москве и второй привезенной Венелиным новоболгарской рукописи, известной в литературе как Тихонравовский дамаскин Б, новоболгарский памятник XVIII в. Рукописная книга XVII в. во второй половине прошлого века привлекла внимание ряда советских (российских) и болгарских ученых. В частности, ей посвящено фундаментальное исследование Е.И. Деминой, второй из трех томов которого представляет собой прекрасно подготовленную публикацию текста этого памятника новоболгарской письменности на народном языке. Уже много лет ждет выхода в свет и 4-й том данного исследования, заключающий словарь Тихонравовского дамаскина, подготовленный группой сотрудников Института болгарского языка БАН под руководством Е.И. Деминой. Не осталась без внимания исследователей и другая рукописная новоболгарская

⁴⁹ Демина Е.И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. София, 1971. С. 14.

⁵⁰ Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1837. С. 48–50.

⁵¹ Венелин Ю.И. Грамматика нынешнего болгарского наречия / Публикация подготовлена Г.К. Венедиктовым. М., 1997. С. 209–243.

книга, привезенная Венелиным⁵². Такова судьба двух рукописных болгарских книг XVII–XVIII вв., благодаря Венелину оказавшихся в Москве и сохранившихся до наших дней.

Что касается привезенных Венелиным в Москву четырех печатных возрожденческих книг, то об их судьбе после смерти Венелина, к сожалению, мы сказать ничего определенного не можем – никаких сведений о них у нас нет. В настоящее время в московских библиотеках есть все печатные книги, указанные Венелиным в списке их «небольшого собрания», посланном П.И. Соколову, а именно: «Кириакодромион или Недельник» Софрония Врачанского, «Букварь с различными поучениями» П. Берона, двухтомное «Священное цветочное изображение» в переводе А. Кипиловского и «Новый завет» в переводе П. Сапунова, но те ли это книги, которые привез в Москву именно Венелин, или же все они либо некоторые из них попали в Москву позднее другими путями, нам не известно. И все же трудно отказать от мысли, что, читая теперь в Москве эти ранние болгарские возрожденческие издания, читатели держат в руках, может быть, именно те книги, которые почти 180 лет назад отыскал на Балканах и привез в Москву Венелин.

Итак, поскольку сведений о других печатных болгарских книгах в Москве до начала 30-х годов XIX в. нет, следует признать, что привезенные Венелиным в 1831 г. с Балкан названные выше четыре книги были первыми печатными болгарскими возрожденческими книгами, оказавшимися в Москве. Одна из них, а именно «Букварь» П. Берона, как сказано выше, была у Венелина в Москве, возможно, уже в конце 20-х годов. Русский ученый-славист, карпаторосс (русин) по происхождению, Ю.И. Венелин был зачинателем отечественной болгаристики. В широких рамках нашей болгаристики как комплекса наук о болгарском народе в заслугу Венелина должно быть поставлено и то, что он положил самое начало образованию богатой коллекции болгарских возрожденческих книг, которой располагают в настоящее время московские библиотеки, – книг, представляющих ценнейшее наследие культурной истории болгар эпохи Возрождения. Нельзя при этом упускать из виду и большую роль, которую сыграла в этом Российская академия, которая командировала Венелина в Болгарию и поручила ему – в числе прочих задач – поиски и приобретение болгарских книг.

Венелин проявлял живой интерес к болгарской возрожденческой книге и по возвращении из путешествия. Он следил за выходом из печати новых книг на болгарском языке, в известной брошюре

⁵² Венедиктов Г.К. К начальной истории изучения в России памятников новоболгарской письменности // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 710. 1985. С. 25–54.

«О зародыше новой болгарской литературы» (1838) информировал о них русских читателей. Благодаря ему число болгарских печатных книг, поступивших в Москву, уже в 30-е годы заметно возросло. И после него с каждым десятилетием их становилось все больше. Но это был уже следующий этап в истории болгарских возрожденческих книг в Москве, когда их собрание пополнялось не только усилиями русских ученых, в том числе и тех, кто путешествовал по Болгарии и прочим странам, но и – и это особенно важно – усилиями многих болгар, прямо или опосредованно доставлявших книги на родном языке жившим в Москве ученым и другим представителям русской интеллигенции.

ПЪРВИ БЪЛГАРСКИ ВЪЗРОЖДЕНСКИ КНИГИ В МОСКВА

Г.К. Венедиктов

Статията хвърля светлина върху някои особености на началната история на българското книгопечатане в епохата на Възраждането и първите контакти на руски учени с печатни възрожденски български книги. Авторът смята, че първият руски учен, съобщил през 1825 г. в руския печат за наличието на такива книги и запознал се *de visu* с една от тях («Священное цветочертвение» в превод от руски на А. Кипиловски, 1825), е П.И. Кепен. Това е първата българска възрожденска книга, донесена в Русия. В Москва първи се появяват четирите книги, донесени през 1831 г. от завърналия се от България Ю.И. Венелин: «Кириакодромион сиреч Неделник» от Софроний Врачански (1806), «Буквар с различни поучения» («Рибен буквар») на Петър Берон (1824), споменатото по-горе «Священное цветочертвение» в превод на А. Кипиловски и «Новый завет» в превод на П. Сапунов (1828). Възможно е, Ю.И. Венелин да е имал «Рибния буквар» на П. Берон и преди заминаването си за България, още в края на 20-те години.

Лиляна Минкова

Захарий Княжеский и русско-болгарские связи второй половины XIX в.

Вновь и вновь мы возвращаемся к десятилетиям Возрождения как к началу многих начал. Эпоха эта ставила так много целей, что ее деятели вносили свой вклад в несколько областей. Среди них по многообразию предпринятых начинаний, из которых одни были осуществлены, а другие нет, ярко выделяется Захарий Княжеский.

Жеко Петров родился в 1814 г. в с. Пишмана Старозагорского округа. Переименованное в Разкаяне, в настоящее время это село называется Княжевско.

Рано осиротев, Жеко сначала учится ремеслу у старшего брата – гончара, а потом у другого брата – мыловара. По-видимому в это же время любознательный юноша совершает долгое путешествие. Если верить его первым биографам, он посетил Сербию, Грецию, Черногорию, Валахию и Молдову, добрался и до Дамаска, а в Иерусалиме стал хаджи. Мы уже видим в нем человека, который не боится опасностей, лишений и неудобств.

Жадный к знаниям, Жеко сначала учится в Габрове у Неофита Рильского, позднее в Тырнове, где и сам на некоторое время становится учителем. В качестве стипендиата тырновцев в 1839 г. он отправляется на учебу в Одесскую (Херсонскую) семинарию. Оканчивает ее в 1845 г.

Причины, по которым он не возвращается в Болгарию, не совсем ясны. Сам он утверждает, что соотечественники поручили ему собрать в России книги и пособия для школ, богослужебную литературу, утварь, одеяния и иконы для церквей и монастырей. Можно предположить, что это были одесские болгары.

В России молодой болгарин стал известен как Захарий Петрович Княжеский. Несколько раз через Константинополь он возвращается в Стару Загору, а спустя некоторое время снова отправляется в Одессу.

В первую поездку Княжеского в Москву хорошие знакомые снабжают его необходимыми рекомендациями. 3 декабря 1845 г. известный болгарофил Николай Никифорович Мурзакевич пишет профессору Осипу Максимовичу Бодянскому, занимавшему кафедру славяноведения в Московском университете:

«На последнюю Вашу грамотку, вместо длинного ответа, посылаю на руки истинного болгарина “в нем же лести нет”, хаджи Захария Княжеского, поклонника Иерусалима и кончившего курс учения в Одесской

духовной семинарии. Посылаю и передаю вам человека доброго и “поведения честного” и ревнителя славянства. Грамотность этого человека в Болгарии известна по маленьким брошюрам, изданным английским обществом миссионеров. Посылаю его прежде всех к вам ... потому, что многое о болгаризме сообщит и притом основательнее, чем те, которые уже нечто вам пересказали. Княжеский, принявший русское подданство, едет в Москву, для того чтобы, определяясь в Синодальную типографию, выучиться набору книг и по выучке думает воротиться на родину и там водворить это полезное дело. Буде возможно, споспешествуйте доброму предприятию. Об успехах болгарской книжности лучше всякого, все и подробно объяснит вам этот дельный человек. Новости болгарские конечно он доставит сам...»¹

Приведенные строки раскрывают как первые намерения молодого болгарина, так и то, что уже было сделано им до этого, а также и хорошее впечатление, которое он оставлял о себе как о человеке серьезном и деловом, хорошо осведомленном в положении в Болгарии и в успехах ее литературы.

Отличное впечатление оставляет Княжеский и у Измаила Ивановича Срезневского, которого он посещает в Харькове. В свою очередь и Срезневский обращается к Бодянскому:

«Не много нужно слов, пиша письмо с человеком, подобно г. Княжескому. Довольно вам сказать, что это болгарин образованный и полный любви к родине, чтобы и вы его обласкали как родного. Он достоин ваших ласк и вашего участия. Вы верно не откажете ни на одну из его просьб»².

В 1846 г. болгар в России было мало. А Княжеский – скромный, образованный и сладкоречивый. Есть много свидетельств того, что он обладал обаянием и внушал доверие. Привлекал симпатии к себе и щедрую помощь для своей страны. Круг знакомых Княжеского был в самом деле широк. К настоящему времени известны 15 его адресатов; очень возможно, что при дальнейшей работе в российских архивах их окажется больше. Лиц, которым болгарин в своих письмах шлет поздравления, более 70. Каждый болгарин, учившийся и живший в России более-менее продолжительное время, создавал круг своих знакомых и друзей. Но мы можем смело сказать, что Княжеского в этом отношении никто не превзошел.

В Москве Княжеский остается только три недели, знакомится с москвичами, с которыми долгие годы будет поддерживать связи:

¹ Отдел рукописей Института литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины (Киев). Архив О.М. Бодянского. Ф. 99. Ед. 92. Л. 22.

² В: Осип Максимович Бодянский в переписке с учеными. (Письма И.И. Срезневского). Нижний Новгород, 1892. С. 6.

с Михаилом Петровичем Погодиным, Вуколом Михайловичем Ундольским, братьями Иваном и Константином Аксаковыми и др. Узнав, что печатное дело лучше можно изучить в Санкт-Петербурге, Княжеский уезжает в столицу, куда прибывает 20 января 1846 г.

В письме к Михаилу Петровичу Погодину от 4 июня 1847 г. Княжевский знакомит его со своей автобиографией, после чего в 18 пунктах перечисляет то, что он сумел сделать в столице с 20 января 1846 г. по 25 апреля 1847 г.

«1) В течение этих 15 месяцев, – пишет он, – я исходатайствовал 13 казенных вакансий для болгарского юношества. А именно в Спб. и Московской семинариях по 4 человека чрез каждые два года, и по окончании курса семинарских наук переводить оных в Духовных Академиях Спбской и Московской, а из Одесской семинарии переводить в Киевской Академии, и так этих 14 болгар будут принимаемы в Константинополь в нашем посольстве и отправлены на казенный счет в упомянутых д(уховных) заведений, таким образом и по окончании курса будут возвращаемы в самой Болгарии на сумму Духовно-учебных капиталов.

2) В Спб. университете одну вакансию казенную навсегда для болгарских юношей.

3) Две казенных вакансий навсегда в Императорской Медико-хирургической академии.

4) В Практическом Технологическом Институте две вакансии навсегда.

5) Св. Синод пожертвовал все свои издания по 1 экз. для Болгарской Публичной библиотеки на сумму 720 р. сер.

6) Медицинская Академия также пожертвовала около 60 названий книг от своих изданий.

7) Духовная Академия также пожертвовала на все годы “Христианское чтение” по 2 экз., которых и в будущее время будет отпускать оных.

8) Топографическое депо также отпустило безмездно 65 экз. карты и планов для болгарских училищ.

9) Также пожертвовано для Библиотеки «полное собрание российских законов» и «свода законов» 1842 г. в чистом переплете 115 томов огромных.

10) Министерство народного просвещения пожертвовало по 1 экз. своих изданий для всех болгарских училищ, кроме того отпустило на все годы своего журнала и впредь будет отпускать оного по 2 экз.

11) Министерство Вн. (???) дел также отпустило и будет отпускать своего журнала по 2 экз.

12) Департамент Мануфактуры отпустил на все годы своего журнала и навсегда будет отпускать оного, кроме того отпустил два ящика земледельческих моделей.

13) Имп. Вольное Экономическое Общество пожертвовало для всех болгарских училищ по 1 экз. из всех своих трудов и изданиях.

14) Имп. Академия наук также пожертвовала до двухсот названий от своих кладовых для Болгарии.

15) От частных лиц собрано более 30 пудов книг разного содержания.

16) Св. Синод пожертвовал для Болгарии из Московской Синодальной типографии два станка для Болгарской типографии и 4 сорта славянского шрифта, матрицы и 4 гражданского шрифта.

17) Кроме того по моей просьбе Св. Синод послал указ митрополитам Санктпетербургскому, Московскому и Киевскому и 10 архиепископам и епископам, дабы каждый из них предложил церквам в своей епархии пожертвовать для болгарских бедных церквей всякие священнические облачения, евангелия, кресты, чаши, диски, воздухи и все принадлежащее к церковному украшению... из Санктпетербургской епархии отправлено уже 30 ящиков в Одессе таковых облачений и посуд.

18) Журналы "Современника" и "Финского вестника", отпущены за все годы и впредь будут отпускаться³.

Этот первый «отчет» Княжеского говорит о многом; прежде всего о том, что свои усилия он не ограничивал исходатайствованием стипендий в духовные учебные заведения, как и о том, что книги он собирал не только для школ.

Княжеский настаивал на том, чтобы молодые болгары и болгарки в России учились не только в семинариях и духовных академиях, но и изучали медицину и технические науки. Пока Княжевский был жив, он делал все возможное, чтобы больше девочек уезжали в Россию и стали там врачами и акушерками, потребность в которых в Болгарии была огромная. Об этом свидетельствуют его письма к Нилу Попову, секретарю Московского славянского благотворительного общества, от которого зависело многое. Так, 3 октября 1872 г. он ему пишет из Русе:

«Я просил в Азиатском департаменте принять на счет казны или других благотворительных обществ, еще по крайней мере 10-ти приготовленных девиц для акушеров, дабы тем пособить женскому полу в главных городах...»⁴

Княжеский и сам содействует медицинскому просвещению своих соотечественников. Еще в 1842 г. он издает в Смирне «Корень пьянства и какую пользу оно приносит тем, кто много пьет». Он активно использует свое пребывание в России, чтобы подобрать, перевести и затем издать в Константинополе необходимые, по его мнению,

³ Письма к М.П. Погодину из славянских земель (1835–1861). Вып. 3. С примечаниями Н. Попова. М., 1880. С. 710–712.

⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 239. П. 10. № 40.

в Болгарии статьи и брошюры. Он перевел с русского языка французскую книгу «Советы беременным женщинам и правила как им поступать с новорожденными младенцами...»⁵ Издал на болгарском языке и брошюру «Средства предотвращения погребения мнимоумерших или обморочных людей», опубликованную в 1846 г. по приказу министра внутренних дел России⁶. Опубликовал взятую из «Медицинской газеты» статью Ивана Павлова «Простонародное средство от падучей болезни (эпилепсии)»⁷.

По личной инициативе Княжеский собирал книги для будущей большой библиотеки в Болгарии. Он представлял ее подобною петербургской «Публичной библиотеке», общедоступною и центральною. Старозагорская библиотека в настоящее время носит имя Захария Княжеского, но в ней, к сожалению, сохранилось очень мало книг, доставленных им из России.

Княжеский во многих отношениях проявил собственное понимание пользы своего пребывания в России. Одно из них – собирание книг не только духовного, но и медицинского, экономического, юридического содержания.

Что касается «Современника» и «Финского вестника», то первый из этих журналов он получил благодаря своим личным связям с Петром Александровичем Плетневым, который, как преемник А.С. Пушкина, редактировал его с 1838 до 1846 г. Относительно «Финского вестника» можно предположить, что с этим журналом ему помог И.И. Срезневский, сотрудничавший с журналом и опубликовавший в нем рецензию на изданные Княжеским две книги – «Зерцало христианское» и «Введение в истории болгарских славян»⁸.

В 40–60-е годы XIX в. Княжеский живет в Одессе, Москве, Санкт-Петербурге и Киеве. В России это годы сильного подъема после Крымской войны и особенно после отмены, в 1861 г., крепостного права. Заметно прогрессируют сельское хозяйство, мануфактурное

⁵ Совети за непразни жени и правила как да постълват с новородените младенци, взети от сочиненията на славнаго Тисота, Николая Фуркруа и Салмада... Цариград, 1853.

⁶ Средства за предварвание за заравянето на мимеоумрелите или примрелите человеци. Цариград, 1858.

⁷ Простонародно средство (тертип) за падучната боляст (гдето падат от вонкашно епилепсия) // Цариградски вестник. IX. № 443. 8 август 1859.

⁸ Зерцало или огледало христианское, което съдържава мисли спасителни и увещания душеполезни и весма нужни за всякаго христианина... Превели от славянский на българский язык с допълнение Афонско-Зографскаго монастыря монах Нафанаил и брат его Зохарий Княжеский 1844 года. М., 1847; Введение в истории болгарских славян. М., 1847.

и фабричное производство, торговля. Естествен большой интерес Княжеского к тем отраслям сельского хозяйства и некоторым производствам, которые могли бы развиваться и в Болгарии. Он связывается с известными русскими деятелями, которые могут оказать ему помощь. Один из них – Федор Васильевич Чижов (1811–1877). После нескольких лет преподавания математики в Петербургском университете он живет в Италии, посещает и славянские страны. В 1847 г. возвращается в Россию, берет в аренду землю в Киевской губернии и принимается за разведение шелковичных червей. «Санкт-Петербургские ведомости» публикуют его «Письма о шелководстве». С 1848 г. Чижов издает «Вестник промышленности». Большой вклад внес он в открытие железнодорожной линии Ярославль – Вологда, в организацию Архангельско-Мурманского пароходства. Чижов – один из учредителей «Московского торгового банка» и «Московского купеческого общества». Он завещал миллионные средства на открытие профессиональных технических училищ в Костромской губернии.

Мы не знаем, где и кто познакомил Княжеского с Чижовым. Это, должно быть, произошло легко, потому что у них обоих было много общих знакомых.

И вот 16 марта 1856 г. Княжеский пишет Чижову из Одессы:

«Итак, по вашему предложению я готов хоть сейчас приехать к вам с моими болгарками, ибо это шелководство так ожило у меня на душе, что я желаю его совершенно и правильно изучить, чтобы свободно и с пользой можно распространить в Болгарии, вместе с машинами и инструментами, какие необходимы для совершенного производства». И продолжает: «Г-н Струков рассказывал мне, что при Московском комитете шелководства есть машинист Кепнер, который сделал разные машины по шелководному производству, а именно машина самопрялка с двумя веретенами для пряжи шелковую вату и двойников. Акорду, для расчески шелка или самую вату и другой какой-то инструмент для уравнивания нити при разматывании шелка и все эти три машины стоят около 30-ти рублей серебром. Я полагаю, что как машины, така и их действие вам должны быть подробно известны: поэтому и прошу вас, если они действительно хороши и полезны для Болгарии, то выпишите их или еще и другие полезные вместе с ними для меня и когда я приеду к вам, то принесу на уплату и деньги»⁹.

Две девочки, которые на средства Княжеского воспитывались в Одесском пансионе, – Анастасия Тошева и Александра Милкова. Первая из них пишет в своих воспоминаниях, что в то время (1854–1855 гг.) «у него (Княжеского. – Л.М.) появилась мысль улучшить отрасль шелководства, которая была очень развита в Болгарии,

⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 332. П. 33. № 6. Л. 1.

но носила примитивный характер; поэтому он привез нас, двух девочек, в Киев, а оттуда в село Жуковцы, где был завод по выкормке шелковичных червей, и мы научились там тянуть хороший и тонкий шелк. В этом селе под наблюдением хозяина завода г-на Чижова я перевела с французского руководство по выкормке шелковичных червей, и после этого мы возвратились снова в Одессу»¹⁰. По всей вероятности именно переведенную Анастасией Тошевой французскую книгу «Практическое руководство по шелководству...» Княжеский издал в 1859 г. в Константинополе¹¹.

О том, сколь сильным было желание Княжеского усовершенствовать шелководство, знали его друзья. 16 сентября 1855 г. Димитр Мутев шутливо писал из Одессы Найдену Герову: «Захарий Шелковод живет в ботаническом саду и учится мотать шелк»¹².

Княжескому действительно удалось внести вклад в развитие коноводства и шелководства в Болгарии. Его другие добрые намерения остались, к сожалению, не реализованными.

Еще один хороший знакомый Княжеского – Степан Алексеевич Маслов, секретарь, позднее председатель «Московского сельскохозяйственного общества». Это общество старалось развивать шелководство и пчеловодство, издавало просветительные книги для крестьян. В письме к М.П. Погодину от 27 ноября 1847 г. из Одессы он просит напомнить Маслову, что тот обещал подарить болгарским школам и болгарской центральной библиотеке издания Земледельческого училища и его журнал¹³.

Не случайным среди неизменных покровителей Княжеского был и князь Юрий Федорович Самарин, долгие годы ратовавший за отмену крепостного права и расширение сети сельских школ. Он был постоянным сотрудником известного Княжескому журнала «Сельское благоустройство». Самарин часто помогал Княжескому как своими связями, так и материально¹⁴.

Академик Арест Арестович Куник был в числе людей, собиравших для Княжеского книги. В письме от 9 сентября 1850 г. Княжеский делится с ним своей идеей открыть в Болгарии фабрику

¹⁰ Автобиография (Животопис) на Анастасия Тошева. Стара Загора, 1911.

¹¹ Практическое руководство за шелководството. Собрано и составено от Захария Княжеский. Цариград, 1859.

¹² Из архивата на Найден Геров. Кн. II. София, 1914. С. 71, Д. № 1754.

¹³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 231/II. П. 15. № 72.

¹⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 265 (Самарины). П. 190. № 44. (Четыре письма З. Княжеского к Ю.Ф. Самарину).

по производству стеариновых свечей. «По сему, – пишет он ему, – покорнейше прошу вас узнать у кого следует, что бы один холодный и один горячий пресса и оба в 12 сил и одна машинка для кручения и резания фитилей стеариновых свеч.

Один ствол для пятериков.

Один – для четвериков, для выливания форм или трубы для стеариновых свечей». Он спрашивает также, «... что они стоят в Германии или Австрии и сколько нужно для перевозу чрез Триест до Текир даа (Родосто, недалеко от Адрианополя, пройдя Дарданеля – сейчас и Текир даа). Узнав обо всем, сообщите мне в непродолжительное время»¹⁵.

Это одно из неосуществленных желаний Княжеского.

Понятно, почему Княжеский обращается к немцу Кунику, незадолго до этого посетившего свою родину. Добавим еще, что, как отмечает А.В. Рачинский в своих «Походных письмах ополченца из Южной Бессарабии в 1855–1856 году», болгарам не ведомо чинопочитание¹⁶. Нельзя сказать, что Княжеский испытывал неловкость, когда, обращаясь за содействием к обер-прокурору Синода или настоятелю Троице-Сергиевой лавры, не смущаясь писал им на своем отнюдь не изрядном русском языке.

Скажем еще раз, что сведений о том, что кто-то посмотрел на Княжеского свысока, нет, а на его просьбу очень редко от кого-либо следовал отказ. Убедительным доказательством этому служит список лиц, подписавшихся в Москве и Петербурге на изданную в 1858 г. книжку «Средства к предотвращению захоронения мнимоумерших или потерявших сознание людей». В Москве 27 человек подписались на 84 экземпляра. Среди них старые знакомые Княжеского – Погдин, Вельтман, Чижов, Мальцев, Хомяков, Самарин, а также Константин и Иван Аксаковы, митрополит московский Филарет, князь Оболенский, граф Михаил Владимирович Толстой. В Петербурге 19 человек подписались на 31 экземпляр. В их списке читаем имена генерал-майора Егора Петровича Ковалевского, обер-прокурора Синода генерал-майора графа Александра Петровича Толстого, князя Петра Андреевича Вяземского, Владимира Павловича Титова, Петра Андреевича Плетнева, Петра Спиридоновича Билярского, князя Василия Долгорукого, графа Дмитрия Блудова, Антонины Дмитриевны Блудовой¹⁷.

¹⁵ Отдел рукописей Библиотеки РАН (Санкт-Петербург). Ф. 95. Оп. 2. № 418. Л. 5.

¹⁶ Рачинский А.В. Походные письма ополченца из Южной Бессарабии в 1855–1856 гг. // Русская беседа. 1858. Т. 2. Кн. 10. Приложения. С. 1–76.

¹⁷ Средства за предваряние за заравянието на мнимоумрелите или примрелите человеци. Цариград, 1858. С. 94–95.

Вполне естественно, что некоторых из знакомых и покровителей Княжеского мы видим позднее в числе членов Московского и Петербургского славянских благотворительных обществ. Но немало было и таких, кто со славянофильством не имел ничего общего. Вопрос о том, повлияло ли это идейное течение на Княжеского, еще предстоит решать, но так или иначе очевидно, что он обращался ко всем, кто был в состоянии оказать помощь. Иногда, правда, и ему лично, но при этом всегда с мыслью, что тем или иным своим замыслом он помогает и своему отечеству. Таков, например, случай с просьбой, с которой в 1864 г. Княжеский, уже будучи на службе в российском консульстве в Тырнове, обратился к Семену Андреевичу Шийко. Напомнил ему, что они познакомились семь лет назад в Чернигове, в доме Чигова. В Тырнове Княжеский посеял гречиху, сахарный тростник и подсолнух. Сожалет, что не располагает препаратами, необходимыми для получения подсолнечного масла, и прессами, нужными для получения сока из сахарного тростника. Поэтому труды его снова уходят впустую. Когда Княжеский был в Киевской губернии у Чигова, он видел, как крестьяне извлекают масло из семян подсолнуха и сок из тростника. Просьба к Шийко – попросить опытного производителя описать правила производства доброкачественного подсолнечного масла и используемые крестьянами приспособления. И если есть руководство по такой деятельности, прислать ему таковое.

«Страна наша без всяких удобрений рождает все, что не посеется, но народ в высшей степени прост и не умеет ею воспользоваться, отчего и беден», – заключает Княжеский¹⁸.

Димитрию Кировичу Княжеский пишет 22 декабря 1870 г. из Русе. Сообщает ему, что жители этого города хотят отказаться от греческого напева и усвоить русское нотное пение. Поэтому через Княжеского они обращаются к директору императорской капеллы с просьбой подарить им полный комплект книг по нотному пению. По каталогу изданий Святого Синода Княжеский отметил книги под №№ 259 и 266, которые он хотел бы получить¹⁹.

Среди ближайших к Княжескому людей в России – Петр Спиридонович Билярский, автор изданного в 1847 г. исследования «О среднеболгарском вокализме по патриаршему списку летописи Манассии»

¹⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 332 (Ф.В. Чигов). П. 33. № 5.

¹⁹ Отдел рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) (Санкт-Петербург). Ф. 162 (Архив М. Балакирева). Оп. 3. № 212.

и появившегося годом позднее труда о Кирилловской части Реймского евангелия. Интересно, что в письме от 14 августа 1847 г. Княжеский просит Билярского прислать ему изданную в 1828 г. «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина...» и дополнения к ней, изданные в 1829 и 1832 гг. Кроме того, он хочет получить и «Реестр русским книгам продающимся в книжном магазине комиссионера Ал. Смирдина 1832 года», а также и последний каталог 1847 г. Княжеский просит Билярского купить для него и «Строения по части сельского хозяйства, или указания лучших способов производства хозяйственных построек, с чертежами и рисунками. Сочинение Неймана, издание 2-е 1845 года, с дополнением»²⁰.

Княжескому были присущи любознательность и большое желание сделать многое для развития сельского хозяйства и промышленности в Болгарии. Позднее люди, подобные ему, добьются быстрого прогресса в развитии земледельческой страны. Замыслы Захария Княжеского, хотя большая их часть и осталась не осуществленной, ставят его в ряд наиболее прозорливых и самых деятельных наших возрожденцев. Своей постоянной мыслью о прогрессе – материальном и духовном – отечества Княжеский вызывает у нас глубокую симпатию.

Среди болгарских возрожденцев Княжеский выделяется и тем, что он быстро понял не только то, в чем нуждаются его соотечественники, но и то, что хотели бы знать о Болгарии русские ученые. Поэтому он публикует в России три статьи: «Обычай болгар при свадьбе, рождении и крещении детей и погребении»²¹, «Болгарские поверия»²² и «О древностях в Болгарии»²³. О первых двух статьях мы знаем, что они были использованы такими учеными как А.А. Котляревский, В.В. Макушев, И.И. Срезневский, А.А. Скальковский.

Захарий Княжеский – один из наиболее энергичных болгарских возрожденцев, долгое время живших в России. Как упорно старается он, чтобы молодые болгары получили стипендии в российских учебных заведениях, сколь последователен он в собирании книг и в их распределении по около 40 болгарским школам! Княжеский –

²⁰ См. письма З. Княжеского к П.С. Билярскому в: *Истрин В.М.* Письма к академику Петру Спиридоновичу Билярскому, хранящиеся в имп. Новороссийском университете. Одесса, 1906. С. 160–167.

²¹ Обычай болгар при свадьбе, рождении и крещении детей и погребении // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения на 1846 г. Кн. 3. С. 65–83.

²² Болгарские поверия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 52. 1846. С. 204–212.

²³ О древностях в Болгарии // Записки имп. Археологического общества. Т. 41. Отд. 1–2. СПб., 1852. С. 103–110.

распространитель исторических и здравоохранительных знаний; три его статьи, опубликованные в Санкт-Петербурге, – одни из самых ранних, давших сведения о болгарях как русским ученым, так и более широкому кругу читателей. Деятельность Захария Княжеского еще не представлена ни в своей целостности, ни в подробностях. Это – предстоящая задача.

Перевод Г.К. Венедиктова

ЗАХАРИ КНЯЖЕСКИ И РУСКО-БЪЛГАРСКИ ВРЪЗКИ ПРЕЗ ВТОРАТА ПОЛОВИНА НА ХІХ В.

Лиляна Минкова

Сред българите, които са учили и по-дълго са живели в Русия, Захари Петров Княжески (1814–1877) се откроява с разностранността на своята дейност и с широкия кръг на познанствата си. При това, трябва да се подчертае, дейността му се отнася още към 40-те години на ХІХ в. Като събира книги за българските училища и утвар за българските църкви, като ходатайства за чиновнически служби за българските младежи и девойки, той общува с много руски учени и обществени деятели. Сред тях са М.П. Погодин, А.А. Куник, Ю.Ф. Самарин, П.С. Шевиръов, О.М. Бодянски, И.И. Срезневски, П.С. Билярски. Княжески се старае да подобри селското стопанство в България и в частност копринарството и пчеларството. За това в Русия му помагат Ф.В. Чижов, С.А. Маслов, И.А. Малцев. В своите писма Княжески споменава повече от седемдесет свои руски познати. От тях към посочените по-горе може да се добавят имената на А.Ф. Велтман, А.В. Рачински, И.С. Аксаков. В различно време му помагат и княз В.Ф. Одоевски, княз П.А. Вяземски, граф Д. Блудов и неговата дъщеря Антонина Блудова. Със своята дейност Княжески привлича вниманието на широк кръг руски деятели към България, към нуждите на нейното образование и на нейната църква, към подобряването на нейното селско стопанство и към развитието на манифактурното производство в нея.

Юлия Николова

**«Свадьба» – неизвестный перевод
гоголевской «Женитьбы» 1870 года
(Функциональные и смысловые инвенции)**

Гоголевская «Женитьба» создавалась в 1832–1836 гг. – в то время, когда писатель испытывал особый интерес к драматургии в связи с работой над одним из наиболее значимых своих произведений, комедией «Ревизор» (1836 г.). Есть предположения, что самый ранний вариант пьесы, озаглавленный «Женихи», был написан в 1833 г. Два года спустя автор завершил работу над первой редакцией комедии, в которую ввел новых персонажей – Подколесина и Кочкарева. 4 мая 1835 г. Гоголь читал пьесу (уже под названием «Женитьба») в доме М.П. Погодина в Москве. Через несколько месяцев – 6 декабря 1835 г., – увлеченный работой над «Ревизором», он сообщает М.П. Погодину: «Той комедии, которую я читал у Вас в Москве, давать не намерен на театр»¹.

Шестью годами позже Гоголь вновь возвращается к этому произведению. В окончательном виде «Женитьба» вышла в 1842 г. в четвертом томе собрания сочинений писателя. В том же году, 5 декабря, ее сыграли в Санкт-Петербурге. В одном из писем В.Г. Белинскому В.П. Боткин с грустью замечает: «“Женитьба” провалилась и была освистана. Игра была отвратительной и подлой»².

Спустя два месяца (5 февраля 1843 г.) состоялась московская премьера комедии, имевшая сравнительный успех. В «Отечественных записках» были опубликованы заметки В.Г. Белинского с характеристиками персонажей и соображениями по поводу их сценической трактовки.

С тех пор «Женитьба» (не особенно любимая критиками) имела множество театральных, но мало литературных толкований.

*

По библиографическим сведениям, «Женитьба» на болгарском языке впервые была опубликована в 1889 г. в тырновском журнале «Труд»³. Перевел комедию Иван Д. Иванов, дядя Алеко Константинова

¹ Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. М., 1959. С. 326

² О творческой истории «Женитьбы» см. комментарий С. Цветковой в: Гоголь Н.В. Избранные творби в три тома. Т. 2. София, 1976. С. 445–446.

³ Женитба. Комедия в две действия от Н.В. Гоголя. Превел Ив. Иванов // Труд. II. Февруари 1889. Кн. XI. С. 1321–1349; Март 1889. Кн. XII. С. 1457–1480.

(они были ровесниками)⁴. Без ведома переводчика в 1897 г. комедию издал отдельной книжкой тырновский книготорговец Т.П. Джамджиев⁵. Позже, в 1907 г., Ив. Иванов вернулся к переводу «Женитьбы» и опубликовал второй, переработанный, вариант. По поводу данных текстов д-р Никола Бобчев писал: «Перевод в этом издании (1907 г. – Прим. авт.) безукоризнен». Тем не менее Бобчев отметил все недостатки обоих вариантов, оправдывая их при этом молодостью и неопытностью переводчика. «Главный недостаток перевода – обилие тривиальных, можно сказать, простонародных выражений. Не стоит, однако, забывать что все это (перевод «Женитьбы» – прим. авт.) было сделано юношей, вчерашним учеником. [...] Г-н Ив. Иванов переводил «Ревизора» и «Женитьбу» 25 лет назад, вскоре после окончания учебы в Николаеве»⁶.

Но – девятнадцатью годами ранее, в 1870 г., «Женитьба» уже была переведена на болгарский язык и поставлена на сцене в Свиштове, родном городе переводчика – Игната Иванова. Оригинал этого текста, который и по сей день хранится в библиотеке Первого болгарского читалища им. Елены и Кирила Д. Аврамовых в Свиштове (инв. № ПО 865), озаглавлен: *Сватба-та, весела игра в две действия. Преведе от руский спорядъ Гоголя Иг[нат] Иванов за Свищовскиятъ народень Театър, 1870, мар. I*⁷.

У рукописи под названием «Сватба-та» («Свадьба») тоже есть своя история. Она была обнаружена в 1952 г. в архиве шуменского

⁴ Иван Димитров Иванов/Хаджииванов (1864–1949) родился в Свиштове. Связан с родом Шишмановых (его мать Елена – сестра Димитра и Александра Эм. Шишмановых) и с другим видным свиштовским родом – Хаджиивановыми. Из-за ранней смерти матери рос под присмотром сестер (одна из них – Тинка – мать Алеко Константинова). В 1878 г. вместе с другими свиштовскими юношами (Алеко Константиновым, Стояном Бешковым) отправился в Николаев, в Южнославянский пансион Т. Минкова. После окончания гимназии в 1881 г. начал изучать филологию в Одессе. В Болгарии был учителем (Самоков, Габрово, Русе), окружным инспектором (Варна) и директором Народного театра в Софии (1911–1914 гг.). Переводил произведения драматургии для постановки в театре. Автор либретто оперы «Камен и Цена» по «Громаде» Ив. Вазова.

⁵ Женитба. Комедия в две действия от Н.В. Гоголя. Превел Ив. Иванов. Отпечатък от Литер. Научно Спис. «Труд», г. В. Тырново: Издава книжарница-та на Т.П. Джамджиев, 1897.

⁶ Бобчев Н. Н.В. Гогол в България (критико-библиографски бележки). София, 1909 (отпеч. на «Бълг. Сборка». Г. 16. Кн. 4). С. 5.

⁷ Рукопись, до сих пор не являвшаяся предметом специального исследования, не известна болгарской науке. Библиографические сведения о ней есть в работах по краеведению; см.: Казански Р. Развитие на театралното дело в Свищов // Сто години народно читалище Свищов. Свищов, 1958. С. 235.

читалища им. Добри П. Войникова его зрителем Г.С. Джумалиевым. Он обратился к свиштовским коллегам с просьбой предоставить более подробные сведения о переводчице, пояснив, что документ попал в Шумен в 1872 г. – его привез из Свиштоба Стефан М. Балтаджиев, родственник жившего в Шумене Александра А. Балтаджиева⁸. Свиштовский библиотекарь-смотритель Атанас Т. Иванов в ответ направил Г. Джумалиеву письмо, в котором высказал предположение, что в 1870 г. Игнат Иванов, вероятно, был одним из свиштовских учителей. В доказательство он привел тот факт, что Игнат Иванов указан как помоществователь при издании книги «Писмовниче» (Русчюк, 1870 г.), предпринятом свиштовским учителем Стефаном И. Поповым и Петром К. Аврамовым. Других сведений об Игнате Иванове не имелось. В ходе исследования нами были собраны материалы, проливающие свет на личность переводчицы, дающие представление о рецепции гоголевской комедии и особенно о широком контексте так называемых локальных процессов в культурной жизни Болгарии⁹.

*

Творчество Н.В. Гоголя становится популярным в Болгарии начиная с середины XIX в. Несмотря на то, что в болгарской периодике тех лет его произведения публиковались нечасто¹⁰, широкую известность писатель получил благодаря устным (или рукописным) переводам, сделанным чаще всего выпускниками российских учебных заведений. Они же способствовали и формированию осознанного интереса к Гоголю в первые десятилетия после Освобождения. «Мы, болгары, – писал Никола Бобчев, – должны помянуть добрым словом знаменитого русского писателя Н.В. Гоголя не только потому, что он

⁸ В документах свиштовского читалища Александр Балтаджиев упоминается как активный член местной самодеятельной театральной труппы, существовавшей в 70-е годы XIX в. Он «любил роли с оружием». (см.: Сто години народно читалище Свищов. Свищов, 1958. С. 237).

⁹ Термины М. Кундеры (см.: *Кундера М. Weltliteratur-та. Как се четем едни други* // Лит. вестник. Бр.3. 30.01–5.02.2008. С. 3, 7).

¹⁰ Маньо Стоянов в своем аналитическом справочнике (Българска възрожденска книжнина. Аналитичен репертоар на българските книги и периодични издания. 1806–1878. Т. I, II. София, 1957–1959) указывает, что до 1878 г. были переведены и опубликованы следующие произведения Н.В. Гоголя: 1858 г. – отрывок одной из глав «Мертвых душ» (пер. П.Р. Славейкова) под заглавием «Два писателя»; 1870 г. – в Брайле издан перевод «Тараса Бульбы» (пер. Н. Бончева, до этого опубликованный в «Периодическо списание». Кн. 7–8, 9–10. Брайла, 1870); 1875 (июнь–июль) – в журнале «Читалище» Д. Душанов опубликовал «За преподаване на всеобщата история по Н.В. Гоголя»; 1876 г. – в газете «Ден» (24 апреля) Д-ов напечатал «Средните векове по Гогол».

один из величайших славянских писателей-гуманистов, но еще и потому, что у нас, в Болгарии, он один из самых популярных и любимых писателей»¹¹. Эти слова подтверждает и Райна Тырнева, защитившая в 1901 г. в Лионе (Франция) диссертацию по Гоголю. Свой интерес к творчеству писателя она объясняет так: «У меня были прежде всего личные причины для этого: будучи болгаркой, воспитанницей Пловдивской женской гимназии, я уже давно интересуюсь русской литературой, и в этом смысле всегда руководствовалась прекрасными уроками своих учителей, о которых храню нежную и благодарную память. Но особенно меня привлекают сочинения Гоголя, малоросса *par excellence*»¹².

¹¹ Бобчев Н. Н.В. Гоголь в Болгарско (Критико-библиографски бележки). София, 1909 (отпеч. на «Бълг. сбирка»). Г. 16. Кн. 4). С. 1.

Первая полная библиография рецепции Гоголя в Болгарии за период 1858–1907 г. была подготовлена Николой С. Бобчевым (1863–1938). В 1902 г. в журнале «Българска сбирка» (Г. IX. 1902 г. С. 164–171) он опубликовал статью «Поет на действителния живот – Н.В. Гоголь (По случай 50-годишнината от смъртта му)». В конце указано: София, 18 февруля 1902 г. Сразу же после статьи помещен обзор «Н.В. Гоголь в Болгарско (Критико-библиографски бележки)» («Бълг. Сбирка». IX. 1902. С. 171–176), причем Н. Бобчев назвад этот обзор приложением к предыдущему материалу.

В 1909 г., вновь в «Българска сбирка» (также и отдельным оттиском), опять выходят «критико-библиографические заметки» «Н.В. Гоголь в Болгарско». В них повторяются некоторые сведения из обзора 1902 г., однако автор подчеркивает: «Предыдущие заметки, написанные в 1902 г. в связи с 50-летием со дня смерти Гоголя (см.: Бълг. Сбирка. Г. 9. Кн. 3), переработанные сейчас для нового издания, в честь 100-летия со дня рождения великого русского художника, необходимо дополнить следующими данными, из которых одни в свое время были неизвестны автору и оттого не вошли в его труд 1902 г., другие же представляют собой работы, вышедшие в свет позже» (с. 6). В новый список вошли 13 переводов Гоголя на болгарский, вышедших с 1888 г. по 1907 г.

¹² Там же. С. 1. – Имя Райны Тырневой не упоминается ни в работах по истории болгарской литературы, ни в энциклопедиях. Сведения, которые дает о ней Н. Бобчев, отрывочны. О Тырневой упомянуто в двух его статьях: «Н.В. Гоголь в Болгарско» (1902 г. и 1909 г.). Бобчев цитирует вышеприведенный отрывок из обоснования темы диссертации, из которого можно узнать, что она окончила Пловдивскую женскую гимназию. В сноске в обеих статьях Н. Бобчев указывает тему диссертации и название университета, где она была защищена; тема – «Nikolas Gogol, écrivain et moraliste, these de doctor présenté á la soutenance devant la faculté des lettres de l' université de Lyon par M-elle Raina Turneva. Aix. 1901. С. 284, на 8-ни», а в обзоре литературно-критических материалов о Гоголе добавляет: «Наконец, давайте отметим и посвященную Гоголю диссертацию Р. Тырневой, которая, правда, написана по-французски, но, без сомнения, болгарская по происхождению». Большого внимания заслуживают два замечания в статье 1902 г. (опущенные во второй статье), которые свидетельствуют о том, что Бобчев был знаком с диссертацией и что болгарская общественность отметила ее защиту в периодической печати. На сс. 171 и 176 (Н.В. Гоголь в Болгарско // Бълг. сбирка. IX.

Никола Бобчев, вспоминая годы учебы в Николаеве, очень ярко описывает отношение своих сверстников-болгар к гоголевским произведениям, к их языку, юмору и образам, покоровшим молодежь. «Я мог бы, – писал он, – поделиться здесь и воспоминаниями о своих юношеских годах, проведенных в Южнославянском пансионе Т.Н. Минкова – но так мы уйдем далеко в сторону, особенно если я возьмусь рассказывать о “Ревизоре”, которого мы, воспитанники, ставили несколько раз. Боже, какое увлечение, какой юношеский идеализм! Скажу прямо: Гоголь был нашим наставником в литературе. Гоголевские персонажи были постоянным предметом наших бесед – какой, говоря словами Гоголя, благородный, восторженный юношеский смех вызывали все эти Собакевичи, Плюшкины, Ноздревы, Коробочки и др.! А пресловутый Петрушка, слуга Чичикова! Тот самый Петрушка, который имел даже благородную страсть к просвещению, то есть к чтению книг, над содержанием которых не давал себе труда задумываться: “ему было совершенно все равно [...] – он все читал с равным вниманием. Ему нравилось все то, о чем читал он, но больше самое чтение, или лучше сказать, процесс самого чтения, что вот де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое, иной раз, черт знает что и значит”. Боже, сколько шуток было связано с этим

1902) соответственно читаем: «Райна Тырнева, о чьей написанной по-французски диссертации, посвященной Гоголю, на днях появились лестные отзывы в некоторых наших газетах...» и «Этот объемный труд Р. Тырневой стал мне известен именно тогда, когда я писал эти строки...» (выделено мной. – Ю.Н.). В последние годы интерес к диссертации и ее автору проявлял проф. Н. Георгиев. В своей работе «Как е съшит “Шинел” на Гогол (опит за реконструктивистки анализ)» (В: Разказът «Шинел» на Гогол – сътворен! Направен? Съшит?? София, 2002. С. 148 он пишет следующее: «В 1901 г. в Лионе была защищена диссертация по Гоголю, первая в истории французской русистики (выделено мной. – Ю.Н.). Ее автор – Райна Тырнева. Это означает, что пловдивский род Тырневых не только внес значительный вклад в борьбу болгар за освобождение. Настало время – и его представительница вписала свое имя в историю французского гоголеведения (о диссертации Р. Тырневой добрые слова пишут до наших дней). Диссертация Тырневой далеко отстоит во времени и отличается по концепции от сегодняшних представлений о литературе и человеке литературы. Автору работы близка мысль о том, что и художественные произведения могут оцениваться с позиций моралистики, но она согласна, что человек литературы не обычный человек, он не такой, как все, и что, например, Петрович, портной из “Шинели”, представлен отдельными штрихами и “не может быть воспринят во всей целостности”». В примечаниях (№№ 82 и 83. С. 148) Н. Георгиев приводит название труда Тырневой и указывает: «См.: *Stolze H. Die französische Gogolsrezeption, Köln-Wien, 1974*».

Проф. Н. Георгиеву мы обязаны весьма обстоятельным исследованием деятельности Р. Тырневой (см.: *Георгиев Н. Между Марица, Нева и Сена или за една българска, литературведка във Франция // Лит. вестник. 24–30 април 1996. С. 4, 5, 6*).

Петрушкой! – мы знали на память, слово в слово, отрывок об этой его благородной страсти к просвещению, то есть к чтению книг. А когда Филип Попов (Гинев) вдруг произносил – он частенько это делал – слова Чичикова, обращенные к Петрушке [...]: “Ты, брат, чорт тебя знает, потсеешь что ли. Сходил бы хоть в баню» – мы, чем бы ни занимались в ту минуту, не могли удержаться от смеха. А пок[ойный] Алеко Константинов! Он всегда подшучивал над Ноздревым, который был “в некотором отношении исторический человек”.[...] Особенно смеялся Алеко над тем, что Ноздревы “скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе ты”¹³.

В пансионе Т. Минкова в 80-е годы XIX в. несколько раз с небывалым успехом играли «Ревизора». А по поводу «Женитьбы» Бобчев пишет: «Один или два раза мы ставили и “Женитьбу”. Здесь уже был Подколесин, который, если бы был царем, повелел бы всем мужчинам быть женатыми, – сам же выскочил в окно, дабы избежать свадьбы, – Подколесин, прямо скажу, натерпелся от нас за свою отвагу»¹⁴.

Именно эти постановки, возможно, и навели ученика Ив. Д. Иванова на мысль о переводе на болгарский обеих комедий Гоголя («Женитьбы» – в 1889 г., «Ревизора» – в 1891 г.). Известно, что по его рукописному тексту в 1882 г. (то есть за девять лет до выхода перевода отдельной книгой) свиштовские учителя ставили «Ревизора». «В начале этих заметок мы упомянули, – пишет Н. Бобчев, – что комедия “Ревизор” с успехом идет на нашей сцене. Но первая постановка “Ревизора” в Болгарии была осуществлена не профессиональной труппой, а любителями – членами общества “Учителска дружба” в Свиштове. Это было в 1882 г. Инициатором, по всей вероятности, стал Ив. Д. Иванов, учившийся в свое время в России, незадолго перед тем окончивший Николаевское реальное училище, воспитанник Южнославянского пансиона Минкова. Пьесу ставили по его рукописному переводу (выделено мной. – Ю.Н.), сам он играл Хлестакова»¹⁵.

Но еще тогда, когда Ив. Д. Иванов был семилетним ребенком, на свиштовской сцене другой учитель – Игнат Иванов – поставил «Женитьбу» Гоголя по своему переводу.

*

Одинаковые фамилии переводчиков и тот факт, что почти во всех документах вместо имен указаны только инициалы, часто вводят исследователей в заблуждение. Оба они (Игнат Иванов и Иван Иванов) учились в России, оба преподавали в Свиштове, там же выступали

¹³ Бобчев Н. Н.В. Гогол в България... София, 1909. С. 2.

¹⁴ Там же. С. 2.

¹⁵ Там же. С. 7.

на сцене, представляя на суд местных «театралов» пьесы, поставленные по своим переводам. Однако профессиональные и человеческие судьбы этих двух почитателей Гоголя совершенно различны.

По нашим сведениям, Игнат Иванов (Казасов¹⁶) родился в 1841 г. в г. Габрово. Вместе со своими братьями Йоакимом и Христофором учился в Киеве. В архивных материалах, исследованных Константином Поглубко, есть данные о том, что Игнат прибыл в Киев из Одессы и поступил в духовную семинарию. В своем прошении он так говорит об этом: «Желание учиться в духовном заведении заставило меня прибыть в Киев, где получили образование многие мои соотечественники»¹⁷.

До поступления в семинарию Игнат Иванов был направлен в одно из городских районных училищ для получения необходимой подготовки. В сохранившихся документах есть свидетельства о том, что он входил в число бунтарей, часто нарушавших спокойствие семинарии своими письменными жалобами на плохое питание, на то, что «у них нет личных средств на приобретение учебников, которыми библиотека семинарии не снабжает», что выделенные иностранным учащимся двадцать комнат в пансионе («в доме Коробкиной») непригодны для жилья – в них «тесно, сыро и холодно», и т.д.¹⁸

В 1861 г. Игнат Иванов, как и многие воспитанники, покинул семинарию и поступил в Киевский университет. Материально его поддерживали земляки – с начала 1862 г. до 23 октября 1863 г. Габровское училище выделило ему 1225 рублей серебром¹⁹. К концу того же года он уже учительствовал в родном городе²⁰. Здесь он встретился со старым другом, Илией Христовичем, в свое время тоже получившим образование в России²¹. Вскоре к ним присоединился и вернувшийся

¹⁶ Данные о семье Игната Иванова и профессии его отца отсутствуют, но диалектное слово *казас* (тур. *kazaz*) означает «торговец шелком».

¹⁷ Поглубко К. За да бъдат полезни на народа си. София, 1976. С. 66.

¹⁸ Там же. С. 66, 70, 73.

¹⁹ Славейков П. П. Габровското училище и неговите първи попечители. Цариград, 1866. С. 83.

²⁰ В архиве Габровского училища сохранились сведения о его жалованье за каждый учебный год с декабря 1863 г. по 31 декабря 1866 г. – соответственно 1200 гр., 4430 гр., 3370 гр., 2833 гр. (Славейков П. П. Указ. соч.. С. 119, 123, 127, 129).

²¹ Илия Христович (1834–1882) родился в г. Габрово. Учился в родном городе, затем в Киево-Подольском училище, в Киевской духовной семинарии, а в 1855–1862 – в Московской духовной академии. Учительствовал во многих городах Болгарии (в Габрове, Русе, Свиштове, Лясковце – в Петропавловской духовной семинарии и др.). Также переводил произведения Гоголя. В окружной библиотеке г. Велико Тырново обнаружены рукописные переводы двух небольших отрывков («Украинская ночь» и «Днепр»), переводы

домой после окончания учебы Сава Илиев. Втроем они попытались ввести в школе новые порядки. В своей книге о Габровском училище Петко Славейков так описывает бунтарские настроения и поведение молодых учителей: «Я должен опять повторить: было что-то такое в характере г. Христовича, любил он разные дела затевать – Но, предпочитая оставаться в тени, вел себя осторожно, опасался прямых столкновений. По приезде же Игната Иванова (дек. 1863) – юноши высокомерного, строптивого и непокорного, открыто поднявшего знамя борьбы против богатеев, – Христович под его влиянием тоже стал действовать открыто и опрометчиво, к ним присоединился и прибывший 24 октября 1864 г. Сава Илиев, принятый в Габровское училище на службу по настоянию одесских попечителей»²².

С этого момента начались скитания Игната Иванова. Некоторое время он пробыл в г. Тырново, до 1869 г. – в главном училище г. Русе. В 1869–1871 гг. был учителем в Свиштове, а в 1871–1872 гг. – в Видине.

Во время службы в Габрове он вместе с Илией Христовичем задумал издать два учебника – по истории и географии²³. Вышла только география – в 1867 г. На страницах журнала «Читалище» в 1871 г. был помещен очерк Игната Иванова о Яне Гусе²⁴. Других его серьезных публикаций в периодике не обнаружено.

из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», приписываемые Христовичу (см.: *Радев И.* Един опит за превод на Гогол у нас // *Език и литература.* 1987. № 3. С. 107–110; автор статьи полемизирует со статьей Е. Метевой. (*Метева Е.* Гогол у нас // *Библиотекар.* 1959. № 3. С. 31–33 и др.). В 1881 г. Илия Христович опубликовал в журнале «Българска илюстрация» (связка 9 и 10) свой перевод «Н.В. Гогол. Ревизор, комедия в 5 действия», вышедший затем в 1882 г. отдельной книгой (см.: *Налбантова Е.* Илия Христович – педагог и книжовник // *Петропавловският манастир – средище на духовен живот.* В. Тырново, 1992. С. 107–119; также в: *Енциклопедия на българската възрожденска литература.* В. Тырново, 1996. С. 768–769).

²² *Славейков П.Р.* Указ. соч.. С. 56–57.

²³ На страницах газеты «Турция» (номер 27 от 23 января 1865 г., с. 115) помещено довольно большое сообщение, подписанное Игнатом Ивановым и Илией Христовичем, в котором говорится, что к печати готовятся два учебника. «Первый учебник – учебник математической, физической и политической географии – [...] по американской методике Корнелия [...] учебник, составленный по лучшим европейским руководствам», который будет снабжен картами, иллюстрациями и т.д., а второй учебник – курс всеобщей истории Шульгина, переведенный с русского языка». Авторы подчеркивают доступность задуманных учебников: они стремятся к тому, чтобы «ученики в классе смогли свободно ими пользоваться и любой человек сумел бы легко понять, о чем в них говорится». Весьма амбициозна и цель издания: «Читатели поймут, что нашей целью было познакомить соотечественников с судьбами человечества».

²⁴ *Иванов Иг.* Йоан Гус // *Читалище.* I. 24, 15 сент. 1871 г. С. 765.

До конца своих дней Игнат Иванов оставался человеком непокорным и непримиримым. Несколько раз его арестовывали как активного участника борьбы за церковную независимость.

Умер он около 1877 г. в Соколовском монастыре, неподалеку от г. Габрово.

*

К тому времени, когда Игнат Иванов прибыл в Свиштов, там уже работала значительная группа учителей-интеллигентов. В опубликованной в журнале «Училище» (1872, № 6, с. 45) заметке говорится, что в городе насчитывается восемь общинных болгарских школ – равное количество мужских и женских, шесть из них – «основные с приготовительными классами», а две – «главные». В них преподавали двадцать два учителя. В 1867 г. Николай Павлович задумал организовать школу живописи²⁵. Учитель Фердинанд Дечев, по происхождению банатский болгарин, вместе с супругой открыл частную женскую школу с пансионом²⁶. Были также частные (мужская и женская) протестантские школы. В 1873 г. Димитр Э. Шишманов (отец профессора Ив. Шишманова) основал «первое болгарское частное торговое училище»²⁷. Не случайно в «Нова мода календар за 1857 година» Петко Славейков шутливо заметил: «Дал нам господь, преподнес, умножил и преумножил в Тырнове постоянные дворы, в Севлиево кофейни, в Софии кабаки, в Свищове учителей»²⁸.

Представители именно этой интеллигентной прослойки, к которой принадлежали и получившие образование за границей торговцы, врачи, музыканты, фармацевты, художники, стали инициаторами первых театральных постановок. Ведущей фигурой был Димитр Шишманов, его поддерживал Николай Павлович, а также все учителя, участвовавшие в спектаклях в качестве актеров или выполнявшие техническую работу. Ставить пьесы помогали также и ремесленники,

²⁵ В своей книге «Заведение за живопис как да се устрои в България и позив за подържането му» (Русчюк, 1867) Н. Павлович отмечает: «В газете Съветник, год II, № 37 я предложил устроить такую школу в г. Железнике, но затем по личным причинам *выбрал свой родной город Свиштов[...], который удобно расположен на Дунае, что даст возможность снабжать школу всем необходимым из Европы*» (с. . (выделено мной. – Ю.Н.).

²⁶ См.: Устав на Българското девическо заведение, отворено в Свищов в 1872 г. Русе, 1872.

²⁷ Брошюру, в которой основатель училища опубликовал свою программу, он озаглавил «Първо българско приватно търговско училище на Д.Е. Шишманова в Свищов» (Русе, 1873 г.).

²⁸ Славейков П.Р. Съчинения в осем тома. Т. II. София, 1978. С. 63.

музыканты, портные. 1 февраля 1870 г. вступительным словом о значении театра Д. Шишманов²⁹ предварил первый самостоятельный спектакль – «Многострадальная Геновева» («Многострадална Геновева») ³⁰.

Город охватила театральная эйфория. В том же месяце сыграли еще восемь различных спектаклей³¹. И в следующем году «с начала января до середины апреля 1871 г. было поставлено не менее 12 пьес, которые дали читалищу около 5519, 50 гр.»³².

Намеченные к постановке в феврале 1870 г. драматические произведения – переводные и оригинальные – были подготовлены силами местной интеллигенции. Так, например, по поводу «Геновевы» С. Каракостов писал, что «в Свиштове под руководством Д.Э. Шишманова были осуществлены перевод и редакция пьесы»³³. Чрезвычайно

²⁹ Это вступительное слово известно в истории болгарского театра как «Реч за произхода и значението на театъра от Димитър Е. Шишманов на 1 февруари 1870 г. преди първото представление на «Многострадална Геновева» в Свищов» (см.: *Българска драматургия до Освобождението*. Т. III. София, 1966. С. 231–236). Оно было обнаружено в архиве Д. Шишманова и впервые опубликовано его сыном Ив. Шишмановым в журнале «Училищен преглед» (1927, № 2–3).

³⁰ См.: *Ганчев Ст.* Свищов. Принос към историята му. Свищов, 1929. С. 214: «Театральные постановки начались 1 февраля 1870 г. и продолжались до 21-го. Были сыграны следующие пьесы: 1) Геновева, 4 раза; 2) Заключенный, 3 раза; 3) Бедность и честность, 4 раза; 4) Пьяница; 5) Злосчастное семейство; 6) Келья; 7) Господин».

В газете «Свобода» (год. I, № 15 от 12.II.1870) указано, что непосредственно после «Геновевы» была сыграна еще одна драма – «Райна-княгиня» Д. Войникова, которая не названа Ст. Ганчевым.

³¹ *Казански Р.* Развитие на театралното дело в Свищов // Сто години народно читалище Свищов. 1856–1956. Свищов. 1958. С. 239.

³² *Каракостов С.* Българският възрожденски театър на освободителната борба. 1858–1878. София, 1973. С. 746.

³³ Единственная опубликованная драма Димитра Шишманова – «Добродетел и злоба. Фантазия в три действия» (Русе, 1871). В его архиве обнаружен перевод «Разбойников» Шиллера (сделанный в 50-е гг. XIX в.). В документах свиштовского читалища есть сведения, что самостоятельной театральной труппой в 1871 г. были поставлены: «Помолвка» («Годежът», комедия в едно действие от Коцебу, приспособил Д. Шишманов), «Добрая матушка» («Добраята майка» от Д. Шишманов), «Пенчо-Клещ», («Пенчо Кърлежа», комедия... (побългарена) от Д. Шишманов (ръкопис)). Последняя была вновь поставлена в 1896 г. и опять по рукописному тексту. (*Казански Р.* Указ. соч. С. 296, 297). Считается, что и поставленная в 1887 г. пьеса «Сельское сватовство» («Селски годежъ», вероятно, не что иное, как «Помолвка» («Годежът»), комедия в одном действии Коцебу, адаптированная Д.Э. Шишмановым) (Там же. С. 297). Д. Шишмановым написана и пьеса «Добрый сын» («Добрийа син») (в двух редакциях – 1858 и 1868 г). Второй вариант был восстановлен автором по памяти, поскольку он считал, что первый вариант утрачен.

интересны сохранившиеся в архиве Н. Павловича копии рисунков Йозефа Фюриха из цикла «Геновеа»: на обороте каждого листа Павлович написал по-немецки диалоги героев, относящиеся к изображенной мизансцене. Вероятно, свиштовский спектакль был выстроен именно из этих сцен и диалогов. В том же месяце Димитр Шишманов поставил одноактную комедию «Заключенный» («Затвореният») Августа Ф. Коцебу («Der Gefangene»). В течение трех лет он предложил вниманию свиштовской публики еще шесть драм – оригинальных, переводных и адаптированных. Пьесу «Честность и бедность» («Честност и сиромаштво») (в театральной истории Свиштова сохранилось только ее название) сочинил житель города, подписавшийся лишь инициалами П.И. Ст-в³⁴. «Келью» («Килия»), одноактную комедию, играли, когда ее автор, Илия Христович³⁵, учительствовал в городе (1869–1870 гг.). В 1871 г. житель Свиштова Павел Икономов, окончивший гимназию в Саксонии, опубликовал в Браиле свой перевод комедии А. Коцебу «Max Helfenstein» под названием «Помощник без помощи» («Помагач без помощ»). Она, вероятно, ставилась на сцене, или, по крайней мере, была известна, поскольку жена брата Павла Икономова Мария (Маргьола, сестра матери Алеко Константинова) подарила 50 экземпляров этой пьесы свиштовским школам. В то же время играли и трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта» – по переводу (рукописному) Велизара (Белизара) Яковава, который после получения диплома фармацевта в Мюнхене работал в родном городе. Без указания имен авторов упоминаются в документах

Обнаружив сделанную друзьями копию, он написал (23 июля 1871 г.), что варианты следует приспособить друг к другу так, чтобы они составили одно целое.

³⁴ См.: Николова Ю. Творчество на П.И. Ст-в. – периферия и/или хорграфски център. (В печати). – В документах свиштовского читалища пьеса «Честность и бедность» упоминается без указания имени автора. Она опубликована в журнале «Училище» (год. I, кн. 1, 5 ноември 1870. С. 8; кн. 2, 20 ноември 1870. С. 2). В целом с ноября 1860 по февраль 1871 г. П.И. Ст-в опубликовал в журнале «Училище» более двадцати четырех поэтических произведений, басен, бесед, диалогов; среди них была и упомянутая пьеса. На свиштовское происхождение автора указывают его произведения, посвященные родному городу. В 1871 г. П.И. Ст-в издал в Браиле еще одну драму – «Радан войвода. Драма из българската история. В 1. действие». У нас есть определенные основания связать инициалы П.И. Ст-в с Павлом Икономовым, так как, по обнаруженным отрывочным сведениям, его фамилия была Сотиров, то есть Павел Икономов Сотиров.

³⁵ Принято считать, что комедия «Келья» («Килия») написана «около 1872 г.» (см.: Энциклопедия на българската възрожденска литература. В. Търново, 1996. С. 769). В документах свиштовского читалища указана более ранняя дата ее постановки на сцене. Возможно, постановка была осуществлена по первоначальному варианту текста.

читалища названия пьес, ставившихся в 1870–1877 гг.: «Пьяница» («Пияницата») ³⁶, «Мастер Петко» («Уста Петко»), «Цыганка Лазарица» («Циганката Лазарица»). Театр читалища стал центром культурной жизни города.

Все вышеизложенное ³⁷ хорошо объясняет, почему, окончив работу над переводом, 1 марта 1870 г. на титульном листе рукописи «Сватба-та, весела игра в две действия... спорядь Гоголя» учитель Игнат Иванов указал: «Для свиштовского народного театра».

*

Трудно сказать, когда именно Игнат Иванов задумал перевести комедию Гоголя «Женитьба». Его знакомство с оригиналом относится, вероятно, к годам учебы в Одессе и Киеве. Но окончательный рукописный вариант перевода, датированный 1 марта 1870 г., совпал по времени со свиштовской театральной эйфорией.

До Иванова гоголевская комедия на болгарский не переводилась (по крайней мере, на сегодняшний день такие переводы неизвестны), так что опереться на опыт предшественников переводчик не мог. Однако он вполне удачно применил удовлетворяющий зрителя адаптивный подход к произведению, написанному на другом языке. Игнат Иванов поступил так же, как Д. Шишманов в случае с комедиями А. Коцебу ³⁸.

³⁶ Возможно, это буквальный перевод пьесы А. Коцебу «Der Trunkenbold» или же в архивных документах читалища ее перепутали с упомянутой пьесой Д. Шишманова «Пенчо-Клещ». В своей работе «Немската литература в България през Възраждането» (София, 2001. С. 261) проф. Надежда Андреева высказывает мнение, что «составленная» Д. Шишмановым пьеса «Пенчо Кърлежа, весела игра в едно действие и 3 изгледа по един анекдот» – адаптированный перевод «Der Trunkenbold» А Коцебу.

³⁷ Здесь мы не упомянули о традиции школьных диалогов, помещенных в учебниках, подготовленных свиштовскими учителями Эммануилом Васкидовичем, Неофитом Бозвели и Христки Павловичем.

За рамками настоящего исследования (в силу более ранней рецепции) осталась и комедия «Ловчанскийт владика или бела на ловчанскийт сахатчия» (1863) – произведение жителя Свиштова Теодосия Икономова.

³⁸ Так, например, переводя пьесу «Заключенный» («Запреният»), Шишманов сначала сохранил немецкие имена героев. Но позже (может быть, для конкретного спектакля) он заменил их болгарскими, не нарушая авторского стиля и манеры письма. Как указывает М. Даскалова, «Клоц становится Панто, майор Хельборн – Страшимиром Тортомановым, Вест – Бояном, Шлихтман – Драгановым, г-жа Штерн – Ружей, Луиза Штерн – Ангелиной... Немецкий писатель придумал такие имена ради игры слов. Переводчику удалось сохранить комический эффект». (См.: Даскалова М. Димитър Емануилов Шишманов и немската литература // Българо-немски литературни и културни взаимоотношения през 18. и 19. век. София, 1985. С. 192).

Подобный подход неоднократно становился предметом исследования литературоведов. В связи с переводами на болгарский для него чаще всего (еще со времен Возрождения) используют термин «болгаризация» («побългаряване»), но есть и другие названия – уподобление, подражание, перифраз, литературная трансплантация, имитативное преобразование, мистификационная интерпретация и др. Более серьезным, однако, продолжает оставаться вопрос о функциях подобной «болгаризации» и их смысловом контексте³⁹.

Интересно, что при всех спорах о том, как следует переводить литературно-художественный текст, спорах, начатых в 30-е и достигших своего апогея в 70-е годы XIX века, то есть во времена Нешо Бончева, комедию всегда рассматривали отдельно от других типов текста и других жанровых модулей. Петко Славейков решительно заявляет: «Комедии можно и нужно переделывать при переводе на другой язык, драмы же – никогда»⁴⁰.

Смысл этого строгого «наставления» еще только предстоит исследовать. Перевод же Игната Иванова уже сейчас дает возможность прийти к некоторым выводам.

*

Игнат Иванов не помышлял о соавторстве или компиляции. Перед своим именем на титульном листе он написал: «Перевод с русского». «Свадьба» полностью передает текст гоголевской «Женитьбы». На 107 рукописных страницах представлен дословный перевод всех реплик героев, авторских ремарок, описаний мизансцен, сохранена последовательность действий и явлений и т.д. Нет никаких изменений композиционной структуры, количества персонажей и их смыслообразующих функций – а ведь в ту эпоху далеко не всегда все это сохранялось при переводе. На первый взгляд переводчик очень близок к автору.

Однако различия обнаруживаются уже в самом названии комедии. Дело здесь не только в замене существующего и в болгарском языке слова «женитьба» словом «сватба-та» в определенной форме (можно согласиться, что в разговорной практике более распространено второе слово). Гораздо важнее то, что, по данным болгарских толковых словарей, первое слово обозначает только акт объединения мужчины и женщины в семью, а второе – намекает и на принятый в таком случае торжественный ритуал⁴¹. Таким образом, Игнат Иванов

³⁹ О содержании и истории вопроса см.: Николова Ю. Записки по българска възрожденска литература. Пловдив, 2004. С. 348–353.

⁴⁰ Славейков П.Р. Съчинения в осем тома. Т. 4. София, 1979. С. 396.

⁴¹ См. у Найдена Герова (Речник на българския език. София/Фототипно изд.):

выбрал более точное слово. Суматоха вокруг подготовки к смотрам, присутствие свахи Феклы, пошив фрака Подколесиным, мысль о венчании (в действии II, явлении 22 Агафья «входит в подвенечном платье»; в болгарском варианте – «във венчалните си дрехи», с. 102), заказ праздничного стола Кочкаревым – все это говорит о предполагаемом соблюдении всех обрядов и ритуалов.⁷

Более существенным представляется изменение подзаголовка. У Гоголя – «совершенно невероятное событие в двух действиях», а у Игната Иванова – «весела игра в две действия». Таким образом заявлены совершенно разные жанровые модификации, и, если бы режиссерские трактовки основывались на подзаголовках, в данном случае игрались бы два абсолютно разных спектакля.

В 1842 г. Гоголь включил «Женитьбу» в тот же самый, четвертый, том собрания сочинений, куда вошла и пьеса «Театральный разъезд после представления новой комедии». Совершенно очевидно, что на последнюю он смотрел не только как на произведение, задуманное после премьеры «Ревизора», но и как на творческий манифест. 29 августа 1842 г. он пишет Прокоповичу: «Но более всего хлопот было мне с остальной пьесой «Театральный разъезд».[...] Но она заключительная статья всего собрания сочинений и потому очень важна и требовала тщательной отделки»⁴².

«Театральный разъезд» важен не столько в композиционном (хотя он и завершает «Собрание»), сколько в программном отношении. Реплики героев пьесы, представителей различных социальных слоев, демонстрируют их взгляды на сущность комедийного произведения: «Это пошлая, низкая выдумка; это сатира, пасквиль!» ..., «...предметом комедии должно быть непременно низкое? Комедия выйдет уже низкий род» ..., «Я знаю, что есть иные из нас, которые от души готовы посмеяться над кривым носом человека и не имеют духа посмеяться над кривою душою человека.»..., «Но мне было грустно оттого, что хотелось бы отдохнуть хоть на одном добром лице. Это излишество и множество низкого...»; «Для того, кто будет глядеть на слова, а не вникать в смысл, это так. Но разве положительное и отрицательное не может послужить той же цели? Разве комедия и трагедия не могут выразить ту же высокую мысль? Разве все, до малейшей излучины души подлого и бесчестного человека, не рисует уже образ честного человека?... В руках таланта все может

«Женитба и женитва. С. ж. 1) За мъж: женение. 2) За жена: мъжение» (Герои Н. Речник на българския език. Фототипно издание. Т. 2. София, 1976. С. 16); «Сватба», с.ж. Венчавание, оженвание, задомьявание някой с всчките обряди, обичаи и веселби, что стават по тоя случай.» (Т. 5, 1978. С. 129).

⁴² Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. М., 1959. С. 373.

служит орудием к прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному»; «Да если бы хотя одно лицо честное было помещено в комедию, и помещено со всей увлекательностью, то уже все до одного перешли бы на сторону этого честного лица и позабыли бы вовсе о тех, которые так испугали их теперь. Эти образы, может быть, не мерещились бы беспрестанно, как живые, по окончании представления; зритель не унес бы грустного чувства и не говорил бы: "Неужели существуют такие люди?"»⁴³ (выделено мной. – Ю.Н.).

По силе воздействия Гоголь приравняет комедию к трагедии. Их цели, высота идей, регистр драматического переживания в них и через них, а также их эстетический и этический посыл, как он считает, должны быть одинаковыми. Различаются только способы выражения. В этом смысле комедия со своими аллегориями и подтекстом, выводящими ее на уровень «невероятного события», оказывается более трудной для постановки на сцене (и для понимания). Гоголь по существу создает комедию нового типа, очень далекую от существовавших в то время произведений, делавших акцент на развлекательно-буффонадном, на жизнерадостном, порой остроумном, но легковесно-водевильном смехе. У него же доминируют гротеск, сатира, абсурдность происходящего.

Из всех смысловых пластов комедии Игнат Иванов выбрал только забавное, «веселое». Репертуар зарождавшегося болгарского театра, особенно распространенные в ту пору произведения Коцебу предполагали именно такую интерпретацию. Отсюда и отношение к комедии как к неглубокому «смешному зрелищу», предназначенному для отдыха, хотя при этом и не лишенному некоторой дидактичности, свойственной тому времени. Однако комедия далека и от рефлексии мелодрамы, предполагающей, что зритель «всегда готов расплакаться»⁴⁴. Именно поэтому П.Р. Славейков считал, что условия существования трагедии и комедии в Болгарии различны. Кроме того, в силу господствовавших тогда представлений публика, смешивая вымысел с реальностью в духе уличной карнавальности, настолько

⁴³ Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. М., 1959. С. 97–155.

⁴⁴ См. главу «Представление» в романе Ивана Вазова «Под иггом»: «Вот почему предстоящий спектакль уже много дней волновал бяло-черковское общество. Его ждали с нетерпением, как большое событие, которое должно было внести приятное разнообразие в монотонную жизнь городка. Все население собиралось идти смотреть пьесу [...]. Только и было разговоров что о театре, и они отодвинули на задний план обычные сплетни о семейной и общественной жизни горожан. В церкви старухи спрашивали друг друга: "Гена, вечером пойдешь на Геновеву?" И уже готовились плакать о много страдальной графине». (Вазов И. Сочинения в шести томах. Т. IV. М., 1957. С. 107; пер. М. Клягиной-Кондратьевой и В. Володина).

вживалась в театральную игру, что порой начинала обращаться непосредственно к героям на сцене. В этих условиях от автора драматического произведения, предполагающего такую «рецептивную диалогичность», требовалось умение быть на «ты» со зрителем.

В случае с произведениями иностранных авторов это достигалось болгаризацией имен героев и умелым подбором болгарских эквивалентов для каламбуров и идиом чужого языка. «Простонародные выражения», о которых упоминает Н. Бобчев в связи с первым вариантом перевода «Женитьбы», сделанным Иваном Д. Ивановым, по существу были почерпнуты из разговорной речи сверстников переводчика, точнее – воспитанников пансиона Т. Минкова, о чем Н. Бобчев пишет с некоторой насмешкой.

Но в пьесе «Свадьба» Игнат Иванов изменяет не только имена героев, но и их социальный статус. Переводное произведение характеризуется совершенно иной социокультурной структурой. У Гоголя действующими лицами являются:

1. Агафья Тихоновна, купеческая дочь, невеста
2. Арина Пантелеймоновна, тетка
3. Фекла Ивановна, сваха
4. Подколесин, служащий, надворный советник
5. Кочкарев, друг его
6. Ячница, экзекутор
7. Анучкин, отставной пехотный офицер
8. Жевакин, моряк
9. Дуняшка, девочка в доме
10. Стариков, гостинодворец
11. Степан, слуга Подколесина

В переводе Игната Иванова:

1. Цвята, невястата, дъщеря на един богат табак (в данном случае – мастер-дубильщик – прим. авт.)
2. Стойна, нейна леля
3. Маара, сватята
4. Иван Колелото, който служи в мазтъ (ма(а)за – большой торговый склад – прим. авт.) на един богат търговец
5. Никола Кучката, негов приятел
6. Генчо Попарата, писар в кантората на един търговец
7. Вельо, който ся намярва на работата на един търговец
8. Воденичаров, който са завърнал из Влашко и са скита без работа
9. Керра, слугиня в къщата на Цвята
10. Цоньо, един кожухарин
11. Стефан, слуга на Иван Колелото⁴⁵.

⁴⁵ Несмотря на то что перевод Ивана Иванова (издания 1897 и 1909 гг.) считается неадаптированным, в нем также заменены некоторые имена, например,

Нельзя не отметить находчивости Игната Иванова при выборе им болгарских имен для героев, особенно интересны Никола Кучката и Генчо Попарата. Хорошо подобрано и имя невесты – Цвята.

Гоголевская невеста хочет жениха дворянского происхождения. Купеческое сословие, к которому принадлежит она сама, находится ниже дворян на социальной лестнице. Любого дворянина – военного или штатского, состоящего на государственной службе, – она считает достойным кандидатом. Сваха Фекла (д. I, явл. 13) убежденно заявляет: «А дворянин-то с аполетой пройдет навстречу, скажет: “Что ты, купчишка? Свороти с дороги!” Или: “Покажи, купчишка, бархату самого лучшего!” А купец: “Извольте, батюшка!” – “А сними-ка, невежа, шляпу!” Вот что дворянин»⁴⁶.

Тот же дух «аристократизма» требует, чтобы Агафья Тихоновна говорила по-французски. При встрече с другими женихами (д. I, явл. 20) Анучкин признается, что не знает этого языка. На вопрос же, зачем ему супруга, говорящая по-французски, отвечает: «А нет, нет. Женщина совсем другое дело. Нужно, чтобы она непременно знала, а без того у ней и то, и это... (показывает жестами) – все уж будет не то»⁴⁷.

Социокультурная ситуация в Болгарии в XIX в., особенно в придунайском Свиштове, была совсем иной. Торговцы, получившие образование в Темишоаре, в Саксонии, Париже, Вене, Бухаресте, имевшие конторы в Галаце, Зимнице, Бухаресте, Вене и др., составляли ту социальную прослойку, представители которой не только были достаточно грамотны, но и стремились (наряду с учителями и другими интеллигентами) способствовать повышению культурного уровня своих сограждан (понятие, трактуемое в то время в узком региональном смысле). Они были носителями новых европейских ценностей, жертвовали средства на строительство школ и читалищ⁴⁸, участвовали (как авторы и актеры) в театральной самодеятельности и т.д.⁴⁹ На более низкой ступени находились ремесленники. Даже

сваха Фекла – баба Тодорка, Степан – Стефан, Яичница – Пържени яйца. В примечаниях переводчик указывает, что «имена Подколесин и Кочкарёв произносятся Подкальосин и Кочкарёв».

⁴⁶ Гоголь Н.В. Драматические произведения. Киев, 1984. С. 91.

⁴⁷ Там же. С. 101.

⁴⁸ Свиштовские школы им. Филипа Сакелариевича, Тодора Милановича, торговая гимназия им. Димитра Хадживасилева, хозяйственная академия им. Димитра Ценова, читалище им. Еленки и Кирилла Д. Аврамовых были названы в честь торговцев, пожертвовавших средства на их возведение, обустройство и даже последующее обеспечение.

⁴⁹ В Свиштове в те годы, например, среди жителей, получивших торговое (гимназическое или высшее) образование за границей, можно назвать Александра Э. Шишманова, Димитра Э. Шишманова, Димитра Хадживасилева, Сотира

чорбаджии, вне зависимости от степени богатства, характеризовались теми качествами, которые Гоголь приписывает чиновникам-недворянам. Именно поэтому Игнат Иванов позволил себе изменить социальный статус и социокультурные представления своих героев. Если гоголевская Агафья твердит: «Да ни за что не выду за *купца!*»⁵⁰, то Цвята Игната Иванова заявляет: «Никак не ся уженвам за *занаятчия*» (выделено мной. – Ю.Н.).

Слова покойного батюшки Агафьи, защитника старых традиций, которые вспоминает Арина Пантелеймоновна («Плевать я хотел, говорит, на того, который стыдится быть *купцом*; да не выдам же, говорит, дочь за *полковника*. Пусть их делают другие!»⁵¹) в переводе звучат так: «Плюя аз на тогоз, който се срамува да е *занаятчия* и няма да дам дъщеря си за *чорбаджийския син*. Нека това да правят другите!» (с. 24) (выделено мной. – Ю.Н.).

Размышления Подколесина о фраке, который для него шьют⁵², у Игната Иванова претерпевают изменения только в отношении социальной роли этого предмета гардероба: «Я того мнения, что черный фрак как-то солиднее. Цветные больше идут секретарям, титулярным и прочее мелюзге, – молокососно что-то. [...] Да, батюшка, уж как ты сам себе ни переворачивай, а надворный советник тот же полковник, только разве что мундир без эполет»⁵³. В переводе: «Аз съм на същото мнение, че черният сюртук е никак по-солиден. Пъстрите приличат по-много на бакалите, занаятчиите и за другата дреболия. [...] А-а! Както щеш ти там обръщай, ама да слугуващ при търговец ще кажи да бъдеш същият търговец, само чи ключовете от касата не ни ся остават на ръката!» (с. 5).

Сопоставление рукописного перевода Игната Иванова 1870 г. с первым опубликованным переводом Ивана Д. Иванова 1889 г. (отдельной книгой издан в 1897 г.) и современным переводом Христо Радевского⁵⁴ вызывает любопытные текстологические размышления.

Икономова, Тодора Икономова, Павла Икономова, Мирона Бешкова, Димитра Ценова, Николу Начова, Димитра Анева, Стефана Атанасовича, Петра Атанасовича, Яни (Ивана) Станчова, Кирияка Цанкова, Александра Цветкова и др. (см.: *Николова Ю.* Достойно есть. Свищов през деветнадесетия век и първото десетилетие на ХХ век. Личности, събития, факти. София, 2006).

⁵⁰ Гоголь Н.В. Указ. соч.. С. 89.

⁵¹ Там же. С. 88.

⁵² В данном случае мы не ставим своей задачей анализ сходства фрака с шинелью (см. «Шинель»), а также их семантической и функциональной нагрузки.

⁵³ Гоголь Н.В. Указ. соч.. С. 80.

⁵⁴ Ср. перевод Ив. Иванова: «Аз съм на това мнение, че черният фрак е нещо по-солидно. Пъстрите по приличат за писарите, титулярните и такъв дребосък – детинска работа. [...] Да. Да, каквото и да се приказва, ама

Игнат Иванов, первопроходец, справляется со своей задачей вполне успешно. Например, в вышеприведенном отрывке его вариант перевода выражения «я того мнения» представляется наиболее удачным («аз съм на същото мнение») по сравнению с более поздними («аз съм на това мнние» и «аз съм на мнение»). Сходным образом, если слово «дреболия» в современной разговорной практике употребляется со значением «нещо дребно, незначително», то раньше этим словом обозначалась также и группа маленьких детей. (например, «да не плаши дреболията в къщи»). В свете этого вопрос о том, какому болгарскому выражению наиболее точно соответствует «молокососно что-то», представляется излишним.

Сегодня Игната Иванова можно было бы упрекнуть за то, что его герои не «секретари», «титулярни съветници», «надворни съветници», а «бакали», «занаятчи», «кожухари», «чорбаджии», «богат табак». Но кто из зрителей-болгар того времени смог бы понять, что означают эти названия русских чинов? Достаточно сказать, что в своей речи перед свиштовской публикой 1 февраля 1870 г. Д. Шишманов объяснял, что такое театр!

Стремление Игната Иванова приблизить гоголевскую комедию к зрителю было причиной употребления идиоматических оборотов, которые, на первый взгляд, снижают эстетическую ценность оригинала, но с этноантропологической точки зрения они абсолютно точны. Например, описание внешности Агафьи, данное Феклой в ответ на вопрос Подколесина «Да собой-то какова, собой?», – это попытка создать представление об утонченности, привлекательности, нежности: «Как рафинат! Белая, румяная, как кровь с молоком; сладость такая, что и рассказать нельзя» (д. I, явл. 8). В переводе Игната Иванова эта реплика звучит иначе: «Като ряпа, бяла, червена, като кръв с мляко, сладост таквази, шото не мога ти разказа (с. 9). «Шекерчето» («рафинат») превращается в репу. Такой примитивизм остался бы непонятным, если бы не было известно, что репа хорошо знакома болгарской кухне (даже изограф Боянской церкви XII в. изобразил репу как деталь на своей фреске «Тайная вечеря»). В аллегорическом контексте выражение «пращи като ряпа» говорит о крепком здоровье, силе и свежести. Типично народные представления о женской красоте

надворен съветник е се едно като полковник, само че без мундира и еполети» («Женитба» комедия в две действия от Гоголя, превел Ив. Иванов... В. Търново, 1897. С. 4–5). Перевод Христо Радевского: «Аз съм на мнение, че чернбият фрак е някак си по-молиден. Цветните отиват повече не секретарите, на титулярните съветници и прочее дребосъци – несериозна работа. [...] Да, драги, сучи го, върти го там както си искаш, но надворният съветник си е нещо като полковник, само че един вид мундир без еполети. (Гоголь Н.В. Съчинения в шест тома. Т. 4. С. 98).

свойственны и торговцу Ганю Сомову в путевых очерках жителя Свиштова Алеко Константинова «До Чикаго и обратно». Говоря о посетительницах Чикагской выставки 1893 г. «хептен заиф работа» («заиф» – тощий. – Ю.Н.), Ганю Сомов заключает: «Е, друго са нашите хора, жените, гледаш го, едро, червено, здраво, пращи, дявол да го земе!»⁵⁵

Чтобы сократить дистанцию между героями и зрителями, Игнат Иванов несколько вольно обращается и с историческими фактами. Жевагин, например, рассказывает своим соперникам, что его фрак исключительно высокого качества. Сукно английское. Материя куплена в 1795 г. в Сицилии (во время итальянского похода русской армии и флота). Фрак был пошит давно и долго носился. Герой надевал его и в кругосветном путешествии 1814 г., и по выходе в отставку в 1815 г. (к тому времени фрак уже был перелицован), и при всех попытках жениться. Его болгарский двойник, Воденичаров, рассказывает, что он обзавелся сюртуком («в 40-та година» (1840 г. – Ю.Н.), «кога пръв път побегнах във Влашко», носил его, когда «52-та се скрив в Россия (само декишите му ся поизтриха)») и тогда, когда «в 57-та година бях принуден да оставя Россия и като се завърнах само сукното обърнах наопъки».

Игнат Иванов передвигает время действия на полвека вперед (речь идет о совсем других исторических событиях). Меняются и географические измерения. Но обе пространственно-временные плоскости – в оригинале и в переводе – связаны с военными действиями, значимыми для России. Во втором случае это события Крымской войны, понятные болгарскому зрителю.

Этим трансформациям социокультурной и пространственной среды сознательно придаются новые локальные оттенки. Столичные нравы двадцатых годов девятнадцатого века, места, связанные с отдыхом и культурными событиями, приобретают не просто болгарские, но конкретные свиштовские черты, характерные для шестидесятих-семидесятих годов девятнадцатого века. Пример подобной трансформации – разговор, который ведут Агафья Тихоновна и Подколесин, соответственно Цвята и Иван Колелото (д. II, явл. 14):

Подколесин. Вы, сударыня, любите кататься?

Агафья Тихоновна. Как-с кататься?

Подколесин. На даче очень приятно летом кататься в лодке.

Агафья Тихоновна. В которой церкви вы были в прошлое воскресенье?

Подколесин. В Вознесенской, а неделю назад тому был в Казанском соборе. Впрочем, молиться все равно в какой бы то ни было церкви. В той только украшение лучше. [...] Вот скоро будет екатерингофское гулянье»⁵⁶.

⁵⁵ Константинов А. Избрани съчинения в четири тома. Т. I. София, 1980. С. 62.

⁵⁶ Гоголь Н.В. Указ. соч.. С. 114–115.

К. Вий. Госпожа обичате ли да са возите?

Цв. Как да са возя?

Ив. К. На чифлика лятно време е твърде приятно да са вози чияк с враница.

Цв. Коя черква бяхте вий миналата неделя?

Ив. К. В горнята, а преди една неделя бях в долнята. Но да се моли человек все едно е в коя черкова и да бъди. [...] Ето скоро ще бъде гюргевската разходка (с. 86).

Дача (курорт)⁵⁷ заменена придунайским именем, лодка – диалектным словом «враница». Вместо названий больших петербургских соборов переводчик намекает на церкви в двух болгарских районах Свиштова – Св. Преображения в Верхнем квартале и Св. Троицы в Нижнем. По причине извечного соперничества этих церквей, о котором упоминается даже в периодике тех лет, Игнат Иванов сознательно опускает ту реплику, в которой сравнивается убранство храмов. «Екатерингофское гулянье» превращается в «Гюргевска разходка».

Все эти изменения переводчик вносит совершенно сознательно. Игнат Иванов хорошо знал русский язык. Будучи учителем и издателем учебников, он сам немало способствовал утверждению основ новоболгарского литературного языка, но был знаком также и с особенностями местного говора, и с церковнославянским языком, которые умело использовал. Ему удалось передать и гоголевскую игру слов. Например, фамилия Яичница (болг. Пържени яйца), заменена болгарским антропонимом Генчо Попарата, в котором налицо характерное сочетание имени собственного и прозвища, что для болгарского зрителя более приемлемо и комично.

Но эта осознанная модификация не одномерна. Она охватывает различные интерпретационные и смысловые уровни. Некоторые из них связаны с так называемыми «лакунами» в культурной информации. (в данном случае речь идет об особенностях комедийного жанра, неизвестных зрителю фактах, социокультурных отношениях, званиях, титулах и т.д.). Все это делает переводчика своего рода медиумом, который должен сам определить, отказываться от чужого или принимать его, учитывая уровень зрительской компетенции и свои представления о проницаемости культур, о возможности движения «между передовым культурным центром и недоразвитой, подражающей ему и самоколонизирующейся провинцией»⁵⁸. Целостная

⁵⁷ В переводе Х. Радевского (*Гоголь Н.В. Събрани съчинения*. Т. 4. София, 1955. С. 140) читаем:

Подкальосин. Вие, госпожице, обичате ли да се разхождате?

Агафя Тихоновна. Как да се разхождам?

Подкальосин. На курорт е много приятно да се разхождаш с лодка!

⁵⁸ Цит. по: *Ковачев О.* Как спрях да се тревожа (за теорията) и обикнах терора на историята // *Литературен вестник*. 5–11.12.2007. С. 13.

трансформация этно- и социокультурного пространства, географических и временных параметров на первый взгляд являются типичным примером того, что мы называем болгаризацией. Но именно эти изменения, при всей имитативной приближенности к болгарской действительности, предоставляют возможность восприятия и осмысления сущности гоголевского текста. Именно парадоксальная природа комедии (интуитивно понятая П.Р. Славйковым), имеющей дело не с характерами, а с образами-типами, то есть с образами-знаками, способствует переходу этих знаков в иные конвенциональные системы. Их специфическая закодированная смысловая нагрузка, подобная той, которая присутствует в персонажах басен, героях бытовых сказок и анекдотов, требует адекватной, соотносенной с ситуацией и зрителем герменевтической интерпретации.

У замены деталей, связанных с конкретными географическими характеристиками, есть еще одна функция – о-своенное локальное пространство должно вызывать эмоциональную сопричастность зрителей происходящему на сцене.

Указанные изменения в переводе Игната Иванова напоминают современные режиссерские решения, когда осуществляется не постановка определенного произведения, а постановка по определенному произведению. Единственное, что объединяет оба подхода (тот, что был в годы Возрождения, и современный), – это стремление приблизить произведение к вкусам и представлениям зрителей. Но задача современных текстовых модификаций совершенно иная – через них реализуется желание режиссера-постановщика показать свой индивидуальный почерк, свое понимание и трактовку известного текста.

Игнат Иванов, да и другие болгарские переводчики той эпохи очень далеки от таких намерений. В своих переводах все они стремились к максимально точной передаче оригинальной авторской мысли. В комедиях это достигалось сохранением означаемого и заменой означающего, присутствием метатекстового смысла, принимающего различные иконические модификации, обусловленные этносоциальными пространственно-временными культурными парадигмами.

Говоря о сущности литературы в своей статье «Weltliteratur. Как мы читаем друг друга», Милан Кундера подчеркивает: «Есть два основных контекста, в которые можно поместить произведение искусства: история его нации (*узкий контекст*) или наднациональная история этого искусства (*широкий контекст*)»⁵⁹ (выделено мной. – Ю.Н.). Рассматривая вопрос о «провинциализме» узкого контекста, он утверждает, что очень часто «другой», иностранец, способен прочесть произведение искусства и литературы вернее, глубже:

⁵⁹ Кундера М. Weltliteratur-та. Как се четем едни други // Литературен вестник. Бр. 3. 30.01.2008. С. 3.

«Географические расстояния отдаляют наблюдателя от локального контекста и позволяют ему объять *широкий контекст мировой литературы* – это единственный подход, который позволяет извлечь на белый свет *эстетическую ценность* романа – другими словами, увидеть невидимые прежде аспекты, которые этот конкретный роман может развернуть, увидеть новаторство формы, предложенное в нем. Не хочу ли я сказать, что мы можем оценивать роман, не зная оригинального языка, на котором он написан? В сущности, я имею в виду именно это» (выделено М.К.)⁶⁰.

Творчество Гоголя в конце XIX и начале XX в. имело своих читателей в Болгарии. Переноса в другую среду распространенные в русской культуре тексты, они не только популяризировали их, но и по-новому осмысливали. Их интерпретации, представленные как переводы или адаптации, как разговорно-коммуникативные реакции на заученные наизусть и умело используемые цитаты, как живые реплики во время театральных спектаклей, являются интересным примером того, «*как мы читаем друг друга*».

Перевод О.А. Ржанниковой

«СВАДБАТА» – ЕДИН НЕПОЗНАТ ПРЕВОД НА «ЖЕНИТБА» НА ГОГОЛ ОТ 1870 ГОДИНА (ФУНКЦИОНАЛНИ И СМЫСЛОВИ ИНВЕНЦИИ)

Юлия Николова

В статията авторът предлага и коментира непубликувания и непознат в литературната наука ръкопис «Свадба» – превод на комедията от Гогол от руски език на български език.

Дело на възрожденския учител Игнат Иванов, този превод е направен специално през 1870 г. за спектакъл на «Свищовския народен (любителски) театър».

Специфичните особености на превода, житейският път на Игнат Иванов, културната ситуация през XIX век, разгледана в нейното конкретно локално съществуване – всичко това допълва и в определена степен осветява по нов начин представите за литературноисторическите и компаративните връзки особено по отношение на творчеството на Н.В. Гогол.

Налага се изводът, че адаптираният превод на «Женитба» от 1870 г. не е само илюстрация за «поглъщане» и «побългаряване» на чуждия текст, а по същество демонстрира осъзната възможност за адекватно смислово-херменевтично възприемане на Гоголевата творба.

⁶⁰ Там же.

ПРОБ. 1971 г.

9856 Свадьба-ма

всена игра в 4-х дтв ембле

Митваге Амреусовый сондринг

9856

Тогольва

Мг. Уманова

За Свинговекис мѣ кародерс Мсампрѣ

1970 Мар. 1.

865

Дѣйствиіе 1.

Актъ первый.

Смѣхъ на декоративномъ Уладѣ Королюто —
самыякъ стѣны на каначе то въ людскѣ мѣ.
Ето, Кама захвануше стѣнкѣ самца въ нрзду
но стѣне да нѣмьслываюте, выждаше ни каіи
подрѣтѣ каіи стѣнна нрзуда да ед унѣмьшѣв.
и каакѣ каіи стѣнна? Млѣтѣше, Члѣвѣше,
и каіи подрѣтѣ унѣмьшѣвѣ мѣ. Ето матѣ нрз-
дѣтка нрѣвонѣше мѣ. Дѣшѣ, ни вѣрѣтно матѣ нр-
мѣте, и еванѣ мѣ еванѣ стѣны нрѣ нрѣ нрѣ нрѣ
ва ка доломѣда. Чѣмѣмѣмѣмѣмѣ захвануша мѣ
да ед спрѣмѣванѣ. — Дѣ Стѣмѣмѣ!

Актъ второй.

Уладѣ Королюто, Стѣмѣмѣ.

Ул. Кор. Не е ли доломѣда свѣтѣ мѣ?

Ст. Не, ни е доломѣда.

Ул. Кор. Ани доломѣ у панѣмѣмѣмѣмѣ мѣ?

Ст. Догрѣ.

Ул. Кор. Каакѣ мѣ, ни е ли спрѣмѣ мѣ?

Ст. Улѣ го.

Ул. К. У мѣмѣмѣмѣмѣмѣ мѣ?

ЧЕРТАКОВЕ
ВЛЕНКА И КИРИЛЪ КЪРАМОВИ
СЕРГИЕВ

Данчо Господинов

Русская литература и возникновение жанра романа в болгарской литературе

В конце 1870 г. Петко Славейков публикует в журнале «Читалище» статью «Что такое роман?», которая заканчивается следующим образом: «В конце концов, еще раз повторимся и скажем, что в романах, новеллах и сказках более всего нам по нраву русский способ написания»¹. Поэтому он надеется, что «имей и мы честь располагать романистами, как сейчас мы имеем честь обходиться без них, следовало бы и им устремиться по тому пути, по коему устремились и русские, а именно, писать романы, опираясь на знание жизни народа. Но как у нас ныне нет романистов, то мы высказываем сейчас это мнение единственно как напоминание тем молодым писателям, которые, возможно, когда-нибудь станут писать». На самом деле, молодые писатели к тому моменту уже занялись этим, и за шесть лет до того один из них, 23-летний Васил Друмев, публикует первую часть своей повести «Ученик и благодетели, или чужое всегда чужое» в газ. «Съветник», № 8 (23 мая) – № 41, 1864 г. (после этого газета больше не выходит и, вероятно, поэтому вторая часть повести остается не только в рукописи, но и незаконченной). Очевидно, это произведение Славейков романом не признает (и едва ли причиной этому был его конфликт с редакцией газеты), хотя оно и подпадает под его определение: «Роман есть занимательная повесть или выдумка, в которой нам представляется человеческая жизнь в своих разнообразных отношениях», даже с дополнением о том, что настоящий роман должен быть «повестью из знакомой нам жизни». Позднейшие исследователи также не решаются назвать произведение Друмева романом, поэтому и до нашего времени оно известно как «вторая повесть Друмева».

В то же время, у нас есть запись того, как реагировал на это реальный читатель того времени, Иван Вазов, которому на тот момент было 14 лет. Позже он рассказывал Ивану Шишманову: «Когда я учился у Парфения, больше всего меня поразил роман Эжена Сю «Вечный жид», который Ваклидов перевел и напечатал в одном журнале. Меня очень занимала и повесть Друмева «Несчастливая семья». [...] Но с самым большим увлечением я читал роман Друмева, который печатался на страницах газеты «Съветник», «Ученик и благодетели», который остался незаконченным. [...] Герои этого романа, Богдан и Живко, были в моих мыслях днем и ночью, и в субботу, когда

¹ Славейков П.Р. Съчинения. Т. 4. София, 1979. С. 374–375.

приходили письма и газеты из Пловдива, я уходил из села далеко в поле, и ждал почтальона, чтобы взять у него газету. Я перечитывал новую часть романа по нескольку раз в тот же день и с нетерпением ожидал следующей субботы»². В данном случае я более склоняюсь к тому, чтобы положиться на восприятие юного, но непредубежденного Вазова, чем на гораздо более начитанного к тому времени Славейкова, чье восприятие проникнуто идеологией: ему уже 43 года и он хочет обладать влиянием, управлять процессами, происходящими в болгарском обществе, а соответственно и в литературе. Это же мы видим и позже, когда, например, Георгий Цанев пишет об «исторической трилогии» Л. Каравелова («Отмщение», «После отмщения», «Вот ему и конец»), что это произведение можно было бы определить и как роман, «если бы оно не было таким слабым». Но поскольку оно слабое, он решает назвать его «исторической повестью»³. Его идея состоит в том, что первый болгарский роман должен быть сильным произведением, и поэтому первым болгарским романом следует объявить «Под игом». Тенденция к тому, чтобы рассматривать роман как особенный, престижный жанр, в силе до сего дня, она продолжает искажать оценки жанровой принадлежности произведений и вызывать споры.

В юности Вазов находился в заслуживающей доверия классической ситуации неспорченного внелитературными влияниями страстного читателя романов, и без труда узнает в произведении Друмева один из них. Одним из основных положений критики, ориентированной на читателя, было то, что жанровые ожидания каждого из читателей основываются на совокупности прочитанных им (в особенности в последнее время) книг. Поскольку Друмев следует тем же романским образцам (не раз отмечалось влияние Эжена Сю, Виктора де Фереаля и Бернардена де Сан-Пьера), Вазову-читателю не сложно распознать болгарский вариант романа, выходящий на газетных страницах, известный как роман-фельетон. А Эжен Сю – среди трех самых успешных авторов в этом жанре (вместе с Александром Дюма и Фредериком Сулие) – его роман увеличивает количество подписчиков издаваемой Луи-Дезире Вероном газеты «*Constitutionnel*» с 3000 до 40 000. Роман Друмева такого успеха не добился, что, конечно же, не было причиной закрытия газеты «Съветник». Однако по этой причине вторая часть произведения не выходит в свет, и его замысел и реализация не получают ясности. Тем не менее, романная конструкция видна и из первой части – типичный хронотоп дороги (недовольный своим социальным статусом герой, который отправляется за лучшей долей и по дороге претерпевает разнообразные перипетии

² Шишманов И.Д. Иван Вазов. Спомени и документи. София, 1976. С. 75.

³ Цанев Г. Страницы от историята на българската литература. Т. 2. София, 1971. С. 365.

– болезнь, заключение, обман на пароходе). М.Г. Смольянинова уточняет, что «композиция “Ученика и благодетелей” восходит к авантюрно-нравоописательному роману с путешествием героя. По причине отсутствия денег Живко отправляется в Россию пешком и пересекает всю Болгарию, встречая по дороге представителей разных слоев болгарского общества»⁴. Сегментация (членение на приблизительно одинаковые по объему главы) и заглавия также в духе романа-фельетона («И ты!», «Он был болгарин», «Не так-то просто!», «Случись одно, не бывай другому», «Иначе никак!», «Разлука», «Кто знает? Бывает всякое», «Лондонец», «Господь позаботится», «И вновь после принуждения благодетель»). «Романность» этого произведения замечена Стилияном Чилингировым, хотя он последовательно называет его «повестью», которая, однако, «могла бы до известной степени считаться первым болгарским опытом романа, хотя и автобиографического. [...] Она написана в манере сентиментальных романов, и значительное место занимают неестественные и неожиданные сцены, а также живая и буйная фантазия автора; к ним он, очевидно, прибегает не по иной причине, кроме как ради поддержания напряженного читательского интереса»⁵.

Едва ли это является причиной такого отношения Славейкова, скорее, он не хотел бы, чтобы болгарский роман развивался в этом направлении, или не видел ожидаемого «русского способа написания». Но влияние русской литературы есть, притом не только во второй части, где оно гораздо заметнее. Это влияние отмечали исследователи Друмева. Д. Леков указывает на заимствование приемов из «Мертвых душ» при изображении чорбаджиев Стоянаки (ср. Плюшкина) и Иванаки (ср. Манилова) в первой части, а также Мляскова, Шишкова, Гордева и Хитрова во второй. По его мнению, «под влиянием “Мертвых душ” Друмеву удалось изобразить болгарских чорбаджиев в более рельефном критически-реалистическом плане, раскрыть их общие и индивидуальные черты»⁶. От Гоголя же, как считает Д. Леков, заимствован и контакт с читателем, прямое к нему обращение. Здесь нужно отметить, что во французском романе-фельетоне этот прием не используется, при этом преднамеренно. В предисловии к «Сценам из частной жизни» Бальзак объявляет такие обращения устаревшими формулами, которые он не будет использовать.

Марина Смольянинова отмечает влияния на уровне тематики: «Друмев одним из первых в болгарской литературе выразил идею защиты униженных парий общества, которую Достоевский считал

⁴ Смольянинова М. Творчество Васила Друмева и становление болгарской национальной литературы. София, 1987. С. 102.

⁵ <http://liternet.bg/publish10/schilingirov/vdrumev.htm>

⁶ Леков Д. Васил Друмев – живот и дело. София, 1976. С. 64.

основным содержанием, главной целью литературы XIX века»⁷. Это же отмечает и Н. Аретов, со следующим дополнением: «В не меньшей степени это и результат тяжелого житейского опыта автора. Синтез двух начал приводит к рождению значительного художественного произведения»⁸.

Помимо этого, по его мнению, «введение недвусмысленно отсылает к началу “Накануне” И.С. Тургенева (1860) – разговор на природе двух друзей, Живко и Богдана, имеет аналогии в начале известного русского романа с главным героем болгаринном, несмотря на серьезные различия в характере разговора и общем настроении. Во второй части “Ученика и благодетелей” количество художественных приемов и сюжетных ходов, характерных для классической русской прозы, увеличивается, и можно предположить, что они вели к соответствующему финалу. Введение как тип повествования, как повествовательное пространство связано с “русской” частью произведения, задает его код и, как будто, указывает на “цель”, к которой устремлено творчество Друмева». И кроме того, «русская» часть имеет известное сходство с переведенным Х. Даскаловым рассказом неизвестного русского автора «Песня».

Я хотел бы обратить внимание на другое направление влияния, которому до сих пор не уделялось внимания. По моему мнению, самое большое влияние на болгарскую литературу во время ее первых шагов русская литература оказывала не через романную традицию, а через очерки. Я уже говорил и писал о том, какое влияние она оказывает на Л. Каравелова. Подобное влияние видно и у Друмева, который, как отмечает М. Смольянинова, «обращается к жанру очерка и короткого рассказа. Он создает цикл рассказов о России: “Из одесской жизни”, “Из жизни болгар в Киеве”, “Из жизни студентов в России”, но исследователь творчества Друмева Д. Леков не без основания предполагает, что они написаны в период, когда писатель обучался в Киеве (1865–1869)»⁹. По моему мнению, влияние очерков видно и в «Ученике и благодетелях», при этом с самой первой страницы, при представлении Живко, который «был одет так, как вообще у нас бывают одеты дети бедняков»¹⁰. Позже при описании архиерея, который преследует семью Живко, мы опять встретим похожую

⁷ Смольянинова М. Указ. соч.. С. 102.

⁸ Аретов Н. Две незавершенные повести на Васил Друмев в контекста на възрожденската оригинална и преводна белетристика. «Ученик и благодетели» и «Богдан и Златка». – <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AulD=38&WorkID=4542&Level=3> (31.03.2008).

⁹ Чемоданова М. Указ. соч. С. 106.

¹⁰ Друмев В. Ученик и благодетели или чуждото си е все чуждо // Друмев В. Съчинения. Т. 1. София, 1967. С. 101.

характеристику: «В С... владыка был такой, какие вообще бывают архиереи-фанариоты в Болгарии, т.е. человек недалекого ума, но гордый и злой, бессовестный и развратный до глубины души...»¹¹. Похожие вводные конструкции использует и Л. Каравелов («Старый паша был таким же, как и все азиатские турки»¹²; «Гылыб был один из тех скупцов, которых очень много в Болгарии»¹³; «Мой чорбаджия был такой же, как и все его собратья – богатые торговцы»¹⁴ и т.д.) и они характерны для очеркового способа типологизации образов, которые являются носителями не индивидуальных психических качеств, присущих только им как личностям, а групповых нравственных и психических характеристик, поэтому они и появляются в художественном мире произведения не как целостные личности, а только в своей социальной роли или как представители некоторой общности. Персонаж интересен не сам по себе (как индивидуальность), а как представитель некоторой среды (национальной или социальной), как воплощение ее признаков. При этом он отражает не все черты этой среды, а только главные. Этот вид типизации предпочитали беллетристы болгарского Возрождения, поскольку их интерес (и интерес читателей) был направлен на психологию и социологию сообщества (болгар, греков, турок, бедняков, чорбаджиев), а такой прием позволял исследовать сообщества на основе их персонифицированных представителей. Кроме того, так подчеркивается устойчивость, массивность воспроизводимых норм, норм поведения и реакций на данную среду. Вопреки недостаткам в пластическом отношении¹⁵, у этого подхода есть и определенные преимущества. Изображение персонажей не как личностей, а как персонификаций национальной или социальной группы ощутимо повышает значение сопоставлений между ними. Таким образом, сравниваются уже не единичные явления, а разные образы жизни, каждый из которых получил достаточно определенные формы, дал свой тип человека и даже свой установленный быт.

По этой и по ряду других причин, на которых в данный момент я не буду останавливаться, жанр очерка был популярен не только среди писателей болгарского Возрождения, но и позднее, вплоть

¹¹ Там же. С. 125.

¹² Каравелов Л. Сѣбрани съчинения. Т. 1. София, 1967. С. 73.

¹³ Там же. С. 280.

¹⁴ Каравелов Л. Указ. соч. Т. 2. С. 52.

¹⁵ «Ее главный недостаток – в незаконченных и неестественных характерах, особенно отрицательных, которые дают нам основание предполагать, что автор не наблюдал их в жизни, а создал только для того, чтобы еще более усложнить и без того несчастное положение главного героя» (Трифонов Ю. Васил Друев – Климент Браницки и Търновски. Живот, дейност и характер. София, 1926. С. 40).

до Первой мировой войны. Здесь можно проследить связь между литературой Возрождения, в частности, творчеством Ивана Вазова (которого Иван Шишманов не признает человеком Возрождения и определяет как «современного»). Его произведение «Дядюшки» имеет показательное заглавие: «Галерея типов и нравов болгарских в турецкую эпоху». У него богатое творческое наследие («около двухсот малоформатных прозаических произведений», по подсчетам С. Игова¹⁶), которые обозначены типичными для жанра очерка подзаголовками: наметки, наброски, портреты, очерки, заметки: «Хаджи Ахил. Портрет», «Беседа над Княжевым (Злободневные заметки)», «Но разве вы болгары? (Наброски)», «В саду муз. Наброски», «В зоопарке (Наблюдения)», «В карантине (Заметки)» (внутри автор говорит: «Поэтому-то мне и выдался приятный случай написать сегодняшний очерк»), «Сладкоголосый гость у государственного стола (Очерк)», «Царапины и пятна (Очерки из столичной жизни)»; сборник «Разноцветный мир», который по замыслу должен был называться «Разноцветные картины» и т.д.

К очеркам (как указывает Н. Аретов) принадлежат и рассказы Василия Поповича «Эпизод из Мехадии» (1881), «Самозванный доктор Искро Кибритов» (1894) и оставшееся в архиве «Воспоминание об иностранных нравах в Софии. Дон Жуан»¹⁷. Очерковость характерна и для Михалаки Георгиева («Углем и мелом. Картины из нашей современной жизни», «Приметы нашей современной жизни»), Тодора Влайкова, Алеко Константинова («Бай Ганю» – очерковый цикл, в котором изображается социально-психологический тип и описываются нравы), хотя С. Игов и утверждает, что они его развили «до полноценного художественного жанра, переливающегося в рассказ и повесть, хотя иногда он, особенно у Влайкова, сохраняет свою этнографическую или фельетонную окраску, которая в болгарской художественной прозе есть еще у Каравелова»¹⁸.

Поэтому неудивительно, что такое же влияние очерков мы видим и в романе «Под игом» (как и у Друмева, французское влияние здесь проявляется на уровне построения сюжета, а русское (очерковое) – «Посиделки в Алтынове», «Силистра-йолу»¹⁹). Это по-разному отмечали еще первые критики романа, хотя они и не говорили о влиянии русской литературы. В 1905 г. д-р Крыстев пишет: «Психо-

¹⁶ Игов С. История на българската литература. 1878–1944. София, 1990. С. 50.

¹⁷ См.: Аретов Н. Васил Попович. Живот и творчество. София, 2000.

¹⁸ Игов С. Указ. соч. С. 93.

¹⁹ Сам Вазов отмечал в разговоре с И. Шишмановым: «Многие эпизоды романа – плод моих личных воспоминаний и наблюдений. Большинство действующих лиц – настоящие жители Сопота, с измененными именами. [...] Почти все они сняты в фотографической камере тогдашнего Сопота. Я изменил только имена, но сохранил оригинальный характер прозвищ...». – Шишманов И. Указ. соч. С. 262–263.

логический анализ у Вазова всегда был неглубоким. Но если мелкую беллетристику можно писать с некоторым успехом и без значительно психологического углубления, то роман – другое дело. Даже маленькие рассказы, заметки и наброски теряют всякое серьезное значение и превращаются просто в “легкое чтение”, если автор не может вложить в них большую художественность и психическое и идейное содержание, а роман без психологизма может быть только перечислением “интересных” приключений и невероятных случайностей. Именно таковы романы Вазова, и поэтому их значение в *этнологии*, а не в художественных достоинствах²⁰. Этот термин д-р Крыстев вводит на 70 лет раньше русского исследователя Геннадия Поспелова, который предлагает деление на четыре жанровых группы: мифологическую, национально-историческую, *этологическую* и романическую²¹. В *этологическую* группу включаются произведения, которые не сводятся к описанию нравов, потому что они и анализируют, оценивают картину нравов, ищут причину наблюдаемого состояния и возможные средства его изменения. В рассмотренных нами случаях подтверждается принцип, согласно которому произведение может показывать признаки более чем одного жанра, т.е. – сочетать черты и *этологической*, и романической жанровой групп, «бытового и бытийного». Не случайно «Под игом» определяют как «энциклопедию болгарской национальной жизни», так как в этом романе изображаются «ритуально-повторяемые формы национальной жизни – и праздничная обрядность (церковь, экзамен в школе в праздник Кирилла и Мефодия, театральное представление), и повседневный быт (сплетни на монастырском подворье, политические разговоры в кофейне у Ганко»²². Сочетание французского и русского влияния приводит к замеченному С. Иговым сочетанию «романтической приподнятости и даже склонности к сенсационно-интригующему прерыванию действия (старый романский прием, перенятый от Сю и Гюго, который Вазов так любил) и сурового реализма, доходящего порой до натурализма и фольклорно-этнографической аутентичности». (Это начинается уже с первой главы, когда в незабываемую картину быта внезапно вторгается Кралич, что приводит в движение и действие романа.)

По отношению к формированию жанров в болгарской литературе есть две крайние точки зрения. Представители первой из них склонны видеть болгарскую литературу, в силу особенностей ее развития, как в значительной степени своеобразную, самобытную, уникальную, и потому в ее исследовании ищут «болгарскую мерку», поскольку

²⁰ *Кръстев К.* Иван Вазов. Беседа, казана в Елена на 17. VIII. 1905 г. // Млади и стари. Критически очерки върху днешната българска литература. София, 1907.

²¹ *Поспелов Г.* Проблемы исторического развития литературы. М., 1972. С. 207.

²² *Игов С.* Указ. соч. С. 42.

европейские образцы представляются неадекватными, и выдвигают в качестве основной цели создание «болгарской понятийной системы. Раковский был первым, кто ввел понятие “повестивителен спев”, мы же хотим продолжить, не поддаваясь чрезмерным амбициям»²³.

Второй тезис был сформулирован С. Иговым в предельно чистом виде совсем недавно: «Древнеболгарская литература возникла не по модели “от фольклора к литературе”, а путем перевода византийского книжного канона, через “трансплантацию” (если воспользоваться термином Д.С. Лихачева, который так ругали когда-то “патриоты”). Новая болгарская литература также не автохтонная, а рецептивная, она возникла благодаря переводу и болгаризации уже разработанной в европейских литературах системы жанров и стилей. Патриарх болгарской литературы, которого считают «самым болгарским» из классиков, Вазов, в известном смысле самый большой плагиатор – на самом деле он заимствует если и не все, то большинство жанровых и стилистических структур, норм и языков европейских литератур»²⁴.

Оставив в стороне совершенно неуместное употребление понятия «плагиат» по отношению к использованию жанров (сохранившихся в практически неизменном виде еще с античности, несмотря на многочисленные трансформации и модуляции, которые привели к возникновению множества их исторических вариантов), даже из приведенных примеров видно, что говоря о зарождении болгарского романа, вместо того, чтобы исходить из заранее созданных конструкций, хорошо бы сначала исследовать (по мере возможности, непредубежденно) конкретное (которое всегда оказывается более сложным, чем абстрактные схемы), и только тогда приступать к обобщающим выводам.

Перевод М.М. Макарицева

РУСКАТА ЛИТЕРАТУРА И НАЧАЛОТО НА БЪЛГАРСКИЯ РОМАН

Данчо Господинов

Статията изследва епизод от формирането на жанровете в началния етап на новата българска литература, като отстоява тезата, че най-голямо влияние при първите стъпки на българския роман руската литература оказва не чрез своята романова традиция, а чрез очерковата литература. Аргументи в подкрепа на тази теза са потърсени в конкретен анализ на определяното като повест (а всъщност роман) произведение на Васил Друмев – «Ученик и благодетели».

²³ http://uk.geocities.com/bulgarskata_miara/BylgarskaMyara_content.html (31.03.2008)

²⁴ *Игов С.* Третият случай. Емилиян-Станевият Иван Кондарев // *Култура*. № 19 (2458). 17 мая 2007 г.

Христо Манолакев

**П.Р. Славейков и М.Ю. Лермонтов
(о вероятном интертекстуальном диалоге
в поэме «Источник белоногой»)**

Поэма «Источник белоногой» («Изворът на белоногата») относится к тем произведениям Болгарского национального возрождения, которые заложили основу национальной самоидентичности и утвердили непреходящие характеристики болгарского. С этим связано и общепринятое мнение о значении народного творчества для формирования идейной составляющей поэмы. Прежде всего благодаря тому пафосу, который утверждает превосходство исконно болгарского и народного, превратившими Гергану в один из символов национального самосознания. А уже затем и благодаря формально-поэтическим проявлениям фольклорного начала, которые, явно или скрыто, видимо или неосознанно извлекаемые из глубин предшествующей традиции, пронизывают текст на всех уровнях¹. И с этой точки зрения говорить о «воздействии» какой-либо иностранной литературы при возникновении ее замысла вряд ли не показалось бы кощунственным. Свой вклад в это безоговорочное следование традиции и его незаметное превращение в автоцензуру внесла не лишенная пафоса трактовка поэмы Тончо Жечевым². И объясняется это не чем иным, как тем фактом, что, заметив интересный аспект близости между «своим» и «чужим», он не позволил себе поддаться искушению и продолжить исследование в этом компаративном направлении. Я имею в виду то место из его анализа, где ассоциативная мысль исследователя неожиданно вводит в семантический контекст Герганы силуэт пушкинской Татьяны. Повод для сравнения – нравственная сила Татьяны, не поддавшейся искусителю Евгению. Подобно ей героиня Славейкова с неменьшим достоинством отвергает притязания визиря и смело отстаивает собственные представления о чести и морали. С непоколебимой уверенностью исследователь заявляет: «Гергана – подлинный апофеоз болгарки. Гергана для нас имеет то же значение, что и Татьяна для русских»³. Очевидно, что речь идет о сравнении, но обязательно следует уточнить цель подобного сравнения, поскольку в смысловом плане оно существенно отличается

¹ Михайлов К. Петко Славейков – поетически послания. 1827–2002. София, 2002. С. 130–154.

² Жечев Т. Българският Великден или страстите български. София, 1975. С. 416–462.

³ Там же. С. 445 и далее.

от процедур компаративистского анализа, предполагающего рассмотрение одного явления в зависимости от другого. Здесь следует говорить о своеобразном шаге в сторону. Мысль Тончо Жечева ведет его к желанному, великому литературному идеалу. Верно, что в намеченном семантическом контексте обе героини имеют сходные черты. Разве что болгарский образ мог бы стать значимым как идеал при условии, что он отделится от эталона и будет с ним на равных. А так уже изменяется сама идеология сопоставления. Когда оно строится «по аналогии», процедура интерпретации подчеркивает самооценку своего в подъеме до подобной высоты и через этот подъем. Эта идея пропитывает каждую мельчайшую деталь подобного анализа⁴.

Критик К. Михайлов рассматривает «искушение» в конфликте между визирем и Герганой как столкновение противоположных цивилизационных мировоззрений и подробно исследует его наличие в семантической структуре текста⁵. Я также обращусь к этому мотиву, так как считаю его стержневым для толкования значения данного произведения, но занимать меня будет не имманентная постановка проблемы. Я хотел бы расширить возможности его осмысления, обратив внимание и на русский контекст.

Меня удивляет, что уловленная Т. Жечевым близость не вызвала у него желания провести компаративное исследование хотя бы в качестве возможного эксперимента. В таких случаях проблема связана прежде всего с концептуальными основами интерпретации: склонны ли мы в принципе думать о «своем» в каком-либо отношении к «чужому». Идея о том, что мы теряем чуть ли не часть собственного национального достояния вследствие подобных сопоставительных процедур, не менее наивна, чем представление о межлитературном общении только как о «займе-отдаче». Для того, чтобы сохранить свою гордость, мы внесем «позитивный» акцент и переформулируем вопрос следующим образом – что нового мы могли бы узнать о «своем» из такого возможного приближения к «чужому»? В этом действительно заключается смысл любого компаративного прочтения, поскольку нет литературы, которая бы развертывалась исключительно в герметичной социокультурной ситуации своего собственного развития. Даже когда речь идет об эпохе Болгарского национального возрождения, со всеми трудностями, сопутствующими процессу знакомства с иностранными книгами, всегда налицо обмен между литературами. Не нужно в очередной раз повторять хорошо известную истину о роли русской книги в творчестве

⁴ И неслучайно рассматриваемый некоторыми из современных интерпретаторов в качестве представительного в конституировании болгарского национального проекта. См.: Манчев Б. Вечното завръщане на Одисей. Националноекзотическият проект на Тончо Жечев // Вечните страсти български. Почит към Тончо Жечев. София, 2004. С. 469–474.

⁵ Михайлов К. Указ. соч. С. 146–154.

Славейкова⁶. Однако следует отметить, что он сам проходит тот путь духовного и интеллектуального развития от «Письмовника» Курганова до наиболее значимых образцов русской литературы, что говорит об исключительной внутренней интуиции к эстетически ценному.

На сложность ситуации с точки зрения компаративизма указывает и невозможность подойти к ее бескоординатности через ракурс «типологии», по крайней мере не в том аспекте, в котором она обычно рассматривается как сходные условия для возникновения подобия между двумя независимыми друг от друга литературными явлениями⁷. Говоря более обобщенно, соотнесение Герганы с Татьяной в рамках существующих подходов к компаративному анализу нефункционально. Встречу героинь следует рассматривать в формате того, что мы сегодня называем проектом литературной динамики – относится к проблеме, которая после того, как она заявлена в литературе, воспринимается и инвариантно доразвивается следующими произведениями независимо от их жанровой принадлежности, формируя целостный дискурс в национальном литературном пространстве. После этого пояснения возможность рассматривать Гергану и с компаративной точки зрения уже кажется мне обоснованной.

Чтобы понять суть проблемы, перед лицом которой оказывается героиня Пушкина, нам придется вернуться в отдаленное прошлое русской литературы, к границе XVIII–XIX вв. и небольшой повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792), в которой эта проблема проявляется впервые. Это произведение неизвестно даже современному болгарскому читателю – специалисту, а для контекста русской литературы она значит не меньше, чем знаменитый пушкинский роман в стихах, поскольку эта повесть – одна из первых ступеней в становлении русского литературного проекта.

Молодой дворянин Эраст случайно встречает крестьянскую девушку Лизу, продающую цветы в городе, постепенно они влюбляются друг в друга. Она – сирота, у нее нет отца и она сама заботится о пропитании своей старой матери. В одну из их встреч в лесу Лиза отдается Эрасту. Спустя некоторое время она случайно узнает о его предстоящей помолвке с богатой дворянкой и совершает самоубийство.

Таков вкратце сюжет «Бедной Лизы». В его разработке Н.М. Карамзин очень близок роману Гете «Страдания юного Вертера», но на русскую почву он переносит только финальный жест – самоубийство, коренным образом меняя его мотивационную и идейную основу⁸.

⁶ См. подробно: *Русские* С. П. Р. Славейков и руската книга. София, 1955.

⁷ О теоретизировании типологии см.: *Ничев Б.* Основы на сравнителното литературознание. София, 1987. С. 125–153.

⁸ Подробным анализом данной проблемы мы занимались в: *Манолакев Х.* «Избор» и «Отговорност» – модерният либерален проект на XVIII век през

В смысловом центре повести оказывается «сцена в лесу», так как в реальности Эраст ни обещает Лизе жениться на ней, ни насилует ее, причем проблема нравственного выбора и ответственности каждого из них овеществляется при помощи мотива «искушения». В нем и с его помощью рождается одна из первых проблемных ситуаций русской литературы. Роли ясно распределены: Он – греховный искушитель, стремящийся к ее телу, Она – жертва своих чувств.

То важное, что Карамзин открывает для русской литературы, – неожиданная внутренняя сила героини, которая заставляет ее идти до конца, покоряясь своей греховной слабости. На ее хрупкие плечи ложится судьба произведения, в то время как Эраст внешне пассивен.

Контур этого конфликта подобно скрытому алгоритму будет снова и снова актуализироваться чуть ли не в каждом из символических для русской литературы текстов вплоть до романа Толстого «Анна Каренина» и рассказа Бунина «Легкое дыхание». Именно в этом аспекте можно говорить об отличительном национальном литературном проекте. Карамзин «ставит с ног на голову» западноевропейский проект, в котором активным персонажем является мужской. На русской почве этот персонаж всегда имеет коннотацию «чужой», иной, враждебный, угрожающий «своему» – женщине. Каждая последующая разработка проблемной семантики женского выбора все более заметно идеологизируется через различные ипостаси исконной русской бытийности. И первый важный шаг в этом направлении сделает пушкинская Татьяна в финальной сцене романа «Евгений Онегин».

Мы не знаем, действительно ли Евгений любит Татьяну, но с уверенностью можем утверждать, что здесь искушение – угроза не только собственному телу (эротическое искушение, как в повести Карамзина), но и социальному телу, т.е. семейному счастью. С учетом этого нового момента отказ Татьяны не импульсивен, а осмыслен и идеологически мотивирован определенным нравственнорелигиозным сознанием. Ее выбор ясен и категоричен – несмотря на эмоциональную боль в душе, несмотря на то, что неясно, будет ли она счастлива со своим супругом, разум велит ей другое и она будет нести ответственность за свое решение.

Я хочу обратить внимание на еще одно произведение – поэму Михаила Юрьевича Лермонтова «Демон», смысл которой тоже можно трактовать в рамках очерченной проблемы. Демон греховно искушает Тамару, она отдается ему и умирает. Оставаясь в рамках типичной схемы, трагический финал, усиливающий драматизм выбора, инвариантно возвращает это произведение к повести Карамзина.

тематизацията на «женското самоубийство» в руската литература // Модерността – вчера и днес. София, 2003. С. 254–261.

Нет необходимости еще глубже погружаться в имманентный контекст, если только вопрос реконструкции намеченного проблемного поля не будет исчерпан. В него поэма Лермонтова привносит определенное колебание. Почти в духе пафоса Тончо Жечева я признаю, что всегда при чтении лермонтовского «Демона» у меня появлялось воспоминание о поэме Славейкова. Вот те моменты, которые вызывают ассоциации с болгарским текстом: первый «взгляд» на дом Гудала с горизонта Демона и проведение основной пространственной оси «сверху вниз»; первая встреча с Тамарой, которая покрытая белою чадрой «к Арагве ходит за водой»; ночь сватовства, радости и танца Тамары; ее неземная красота, какой в своем гареме не обладает ни один властитель Персии; формирование предчувствия того, что произойдет несчастье; Демон, который в этот момент пролетает над Татьяной и замечает ее, завидует ее счастью, но в то же время влюбляется в нее; жених, который возвращается с долгой дороги, но сгорая от нетерпения встретиться со своей избранницей, нарушает обычай и не останавливается на молитву перед часовней; вмешательство злых сил, вызывающих его смерть и таким образом устраняющих его из конфликта; внезапное появление Демона перед Тамарой и их диалог, когда Демон искушает Тамару, предлагая ей расстаться с прежним материальным миром («Оставь же прежние желания»), а взамен он построит ей невиданные дворцы с несметным количеством служанок, он даже готов дать ей самое великое – возможность стать «Царицей мира» и властвовать на земле и т.д.; смерть Тамары и всеобщее прощание с ней; запустение ее родного аула:

На склоне каменной горы
 Над Койшаурской долиной
 Еще стоят до сей поры
 Зубцы развалины старинной.
 Рассказов, страшных для детей,
 О них еще преданья полны...
 Как призрак, памятник безмолвный,
 Свидетель тех волшебных дней,
 Между деревьями чернеет.
 Внизу рассыпался аул...

финальная «балладичная» картина, лунный пейзаж и разрушенный дом с его новыми обитателями:

И только ждут луны восхода
 его незримые жильцы: <...>
 Седой паук, отшельник новый,

⁹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. Изд. 2-ое испр. и дополн. Т. 2. Поэмы. Ленинград, 1980. С. 402.

Прядет сетей своих основы; <...>
 И осторожная змея
 Из темной щели выползает
 На плиту старого крыльца <...>¹⁰

Я отдаю себе отчет в том, что при компаративном чтении текстов часто интуитивно появляются спорные наблюдения. Подобные тем, что в связи с Ботевым и русской литературой несколько лет назад убедительно отстаивал Иван Пауновски¹¹. В свое время П. Славейков принадлежал к тому, небольшому числу болгар (если вообще не являлся единственным), хорошо знакомых с творчеством всех этих трёх русских писателей¹². Я не могу с полной уверенностью утверждать, что импульсом для появления этого болгарского произведения стала поэма Лермонтова, но в тоже время меня не оставляет мысль о невидимом присутствии рядом с Герганой Тамары, ее семантической тени.

В принципе анализ наиболее существенных пересечений «своего» и «чужого» в компаративном духе приводит к теоретизированию форм межлитературного диалога. Однако, когда нужно обратиться к существенным явлениям из сферы индивидуального творчества на практическом уровне, компаративистика попадает в капкан своей амбивалентной природы, потому что постоянно рискует поколебать ценности своего намеками на замеченную «знакомость» или «подобие» в чужом контексте. Особенно в лирике импульс к творчеству, помимо «божественного» происхождения, мог бы быть порожден чужим текстом – метафорой, деталью, звуковым образом, риторическим жестом и др. Это понятно. Но именно этот первый миг вдохновения наиболее недоступен для компаративистов, хотя бы из-за своего чисто субъективного элемента авторского эго. Если бы Иван Вазов не рассказал проф. Шишманову о толчке, полученном им при чтении од И.Л. Рунеберга и В. Гюго, мы вряд ли бы могли подумать, что идея написания «Эпопеи забытых» была вызвана и «извне», тем более если речь идет о такой литературе, как шведская, и по сей день остающейся в стороне от традиционных рецепционных предпочтений болгарских авторов?! И из-за этого такие странные на первый взгляд сближения между «своим» и «чужим», как в рассматриваемом случае, нужно исследовать

¹⁰ Там же. С. 403.

¹¹ Пауновски И. Но зашто? София, 1993.

¹² Здесь корректно отметить важный момент в творческой истории поэмы. Из-за запрета цензуры она была впервые опубликована в России лишь в 1860 г. в первом томе собрания сочинений Лермонтова, после чего ее начали регулярно помещать в издания книг поэта. Из цитированной работы С. Русакиева, а также исследования М. Гуруловой, известно, что Лермонтов был одним из любимых поэтов П. Славейкова, особенно подробно познакомившегося с его произведениями после своего переезда в Константинополь. – См.: Гурулова М. Лермонтов и българската литература. С.офия, 1987. С. 74–108.

даже через нейтральный ракурс интертекстуального, хотя бы потому, что они обогащают знания о собственном смысловом контексте. Например, в типологическом аспекте мотива «любовь – верность в любви» поэма «Источник белоногий» в семантическом поле произведения Лермонтова является ее ответной репликой – в то время как Тамара (хотя у нее есть избранник) поддается искушению и потому умирает, Гергана, наоборот, готова умереть ради клятвы, данной ею Николе. С этой точки зрения Славейков приближается к Пушкину – Гергана вносит своего рода поправки в образ Тамары через убежденность Татьяны. Мы можем, следовательно, применяя более умеренную риторичность интерпретации, принять, что здесь намечается сближение болгарского текста с русским литературным проектом для представления женского образа.

Прежде всего с помощью той роли и того значения, которые Славейков придал своей героине при проблематизации мотива *искушения*. На первый взгляд его разработка в болгарском тексте кажется иной. С одной стороны, из-за осязаемого присутствия вещного мира в его смысловом мире, а с другой – так же в связи с метатекстовым смещением акцента в сторону его онтологии¹³. В сюжете болгарского произведения он является центральным, что, возможно, имеет свои концептуальные основы в русском контексте. Я считаю, что при анализе мотива внимание нужно сосредоточить на его функциональности.

Сам по себе данный мотив не представляет интереса для литературы, даже русской. Являясь ни чем иным как специфической «вторично моделирующей системой», литература идейно переосмысливает этот библейский архетип, придавая женскому образу новые значения в дискурсе интимного. В типологическом плане это также нужно обязательно иметь в виду. Выбирая искушение, она признает архетипную вину за женскую слабость, но оставаясь верной данному слову, превращает «поражение» в нравственную победу. В ее ответственности и с ее помощью в художественной системе происходит изменение семантических ценностей мужского, которое оказывается в позиции слабого и недостойного. В наиболее общих чертах это модель литературного проекта с ясно обозначенной идейной направленностью *через* женский «выбор» и «ответственность». Так обстоит ситуация в русском контексте, а разве не то же самое происходит в болгарском тексте?

На то, насколько данный мотив важен для Славейкова в именно этом семантическом ракурсе, указывает и тот факт, что при его включении в поэму автор существенно нарушает фабульную логику. Я имею в виду сцену у источника, когда Гергана моет ноги. До этого момента ее образ в тексте постоянно строится в традициях патриархальной образцовости, примерного и достойного подражания поведения.

¹³ Я имею в виду цитированные наблюдения Т. Жечева и К. Михайлова.

Перед тем как пойти за водой в то фатальное утро, Гергана рано утром «станала, та са умила» («встала и умылась») (!) и смиренно «пред икони се прекръсти, // тихо богу се помоли» («перед иконами перекрестилась, // тихо богу помолилась»). Но вместо Николы у источника она застаёт визиря и его войско. Почему нет ее любимого, проявил ли он больше разума, нам неизвестно, но внезапно этот «кроткий агнец», эта добродетельная христианка прямо под скверными взглядами толпы мужчин решает именно в этот момент вымыть «свои белые ножки». Это действие само по себе предполагает появление обнаженности. В любом другом случае подобная сцена под взглядом хотя бы одного незнакомого мужчины сразу бы наложила на образ героини отпечаток морального обвинения. Это самый слабый момент в построении сюжета. И все исследователи, говорящие о благотворном воздействии фольклорной эстетики и поэтики на формирование замысла, благоразумно пропускают этот эпизод¹⁴. Едва ли нам удастся обнаружить такую нецелесообразность в народнопесенной традиции. Достаточно, однако, беглого взгляда на «Демона», чтобы заметить, что мужское искушение к телу танцующей Тамары овещается в чувственности («ее божественной ножки») и через нее. Славейкову в данный момент необходима такая деталь, которая бы привела к плотскому желанию женского тела, без внешнего насилия над женщиной, будто бы случайному, как это происходит у Лермонтова. Но болгарскому поэту не удалось достичь художественной убедительности в несомненно одном из наиболее трудных поворотов сюжета, каковым является «ощущение случайности», в чем его, конечно, нельзя упрекать. И также в связи с функциональностью, в какой-то степени оправдывающей эту фабульную немотивированность, стоит отметить следующее. Очевидно, в замысел поэта входило также стремление проблематизировать данный конфликт и в области этнического различия, но так, чтобы избежать ощущения предопределенного исхода по знакомой схеме «поработитель – раб». Самым трудным для Славейкова было ввести сам мотив «искушение» таким образом, чтобы у визиря сформировалась такая же стратегия, как у Эраста, Онегина и Демона, т.е. прежде всего стратегия поведения «по половому признаку». Так уже и в разрез с бытовыми традициями, визирь, будто бы скрыто спровоцированный самой «белой болгаркой», лишь после рассматриваемой сцены страстно возжелает обладать ею. Настойчивое повторение глагола «гледам» («смотреть»): «гледал Гергана, чудил са» («смотрел на Гергану, удивлялся»); «Гледал я везир, сматрал я» (Смотрел на нее визирь, глядел на нее) – имплицитно намекает на «задействование» этого мотива.

¹⁴ Исключением является К. Михайлов, по мнению которого, поступок Герганы «непосредственно обусловлен использованными жанровыми структурами» (Михайлов К. Цит. соч. С. 135).

С этого момента его поведение начинает строиться по известной из русской литературы модели.

У всех троих героев русской литературы, о которых идет речь, скрытая суть стратегии – сделать так, чтобы у НЕЕ самой возникло желание искушения, спровоцировать ее на грех. В этом заключается удовольствие от умело скрываемой игры с женским телом, так мужчина-искуситель стремится получить власть над ее душой. Посмотрим на слова Визиря с этой точки зрения. Он не устремляется прямо к желанному плоду. Может быть, он растолковал ее поведение у источника как знак наивности и простоватости и предполагает, что мог бы с легкостью подкупить «красавицу-болгарку» обещаниями богатства, привольной и беззаботной жизни, власти. С каждой его репликой мечта о «рае» там становится все более призрачной, и с каждым следующим ответом он понимает, что искусившее его женское тело все больше отдаляется от него. И у Лермонтова существует имплицитная градация обещаний, но по мере ее возрастания Тамара все более колеблется. В момент, когда визирь снимает лицемерную маску, скрывавшую эротические порывы, и императивно заявляет о своем желании с позиции политического несоответствия между ними («господар аз съм над тебе, // аз ще ти бъда стопанин...») – «я тебе господин, // буду тебе хозяином...»), мотив «искушение» оказывается исчерпанным¹⁵.

Показанный русский литературный контекст дает возможность иным образом взглянуть на спор о напряжении, создаваемом взаимодействием отдельных элементов композиции. Напомним, что речь идет о будто бы ускользающей сюжетной логике, которая вызывает необходимость появления мотива встраивания, в то время как с точки зрения победы Герганы в словесном сражении с визирем ее смерть в конце становится неожиданной развязкой всего сюжета. Сегодня принято считать, что произведение едино и данный переход мотивирован жанровыми особенностями и балладичной поэтикой произведения¹⁶. По моему мнению, одной из причин напряжения является то, что проект «выбор/ответственность», который привносит новую концепцию женского образа и с которым мы связываем в данном случае расширение тематического горизонта болгарской литературы, разработан не в, так сказать, чистом, имманентном виде, а связан, переплетается с национальным проектом. А по сути у этих проектов разные идеологические акценты, что проявляется, например, при сопоставлении с указанными произведениями русской литературы. Например,

¹⁵ Здесь можно вспомнить, что двумя годами ранее почти по такой же схеме «искушение – соблазнение» был построен конфликт между Маргариди и Анкой в комедии Д. Войникова «Криворазбраната цивилизация».

¹⁶ См. подробнее: *Холевич И.* При извора на вечната младост. (Петко Славейков и народното творчество) // *Българската литература и народното творчество.* София, 1977; *Михайлов К.* Указ. соч.

в них нравственное начало все еще не осмыслено как специфическое для национальной идентичности¹⁷, смерть героини вообще находится в функциональной зависимости не от физической силы героя, а от его скрытой демонической природы. Даже отказавшись от отстаиваемой здесь компаративной идеи, можно было бы обобщить, что болгарский поэт понял, что для того чтобы женское тело получило превосходство в семантическом плане, оно должно быть мертво. И при этом восприниматься в коннотациях жертвы как знака нравственной чистоты в сочетании с идеологическим ореолом превосходства «своего» над «чужим» в национальном плане. И здесь находится второй рубежный момент в построении сюжета. Славейкову легче удалось выполнить первое условие с помощью дискурсивности «искушения». Заявленная Герганой в кульминационный момент спора верность клятве верности, данной ею Николе, находит ясные параллели у Карамзина и Пушкина в новой концепции женского образа. Разве что это «искушение» в болгарском контексте имплицитно становится иным еще в том, что конфликт вводится в дискурс различия этносов, из-за чего ответ Герганы не удивителен – он проистекает из семантики ее риторического поведения в целом до этого момента, и произнесение его было лишь вопросом времени. И в связи с этим смысловая пауза в болгарском тексте находится *лишь после* последних слов героини: «Без воля стопан ставаш ти // на мъртво сърце студено...» («Без моей воли ты становишься хозяином // холодного мертвого сердца...»). В отличие от русского контекста, в котором от решения героини (от Лизы Карамзина до Анны Карениной Толстого!) зависит все, здесь, напротив, судьба текста уже подчиняется визирю. Даже и потому, что столкновение между ними отмечено знаком национального. На миг все затихает в драматическом ожидании его реакции – как мужчины, но также как иностранца и властелина. Именно эта двойная семантичность конфликта подсказывает, что невозможно при его разрешении следовать знакомой модели взаимоотношений между «поработителем» и «рабом». Здесь почти неизбежна параллель с ситуацией в народной песне «Даваш ли даваш, балканджи Йово», в которой национальное представлено с помощью резких полусюжетных противопоставлений. В ней герой принужден участвовать в унижительной игре с заранее известным концом – и согласившись, и отказавшись, он не сможет спасти «красавицу Яну». В какой-то степени его героизм предопределен полом, а сила подвига – тем, что он свободен

¹⁷ Эти коннотации отчетливо проявляются начиная со второй половины XIX в. Карамзин ведет спор с традицией европейского сентиментализма вообще, чтобы показать, что и «крестьянка» способна на сильное чувство, а у Пушкина нравственность как отличительная национальная черта Татьяны будет «теоретически» мотивирована лишь в знаменитой «Пушкинской речи» Достоевского в 1880 г. И каждый, кому хорошо знаком текст Достоевского, может «услышать» его идеи в анализе Тончо Жечева.

в стремлении отстоять словом свой выбор, преодолевая физическую боль. Неужели своей властью визирь не смог бы забрать Гергану? Конечно, смог бы. И Славейков вновь отходит от фольклора. Однажды он уже сделал это самым решением представить Гергану главным героем. Если безысходное смирение «красавицы Яны» соответствует «естественному» поведению женщины, новый выбор Герганы, предопределенный существующими текстами и предопределяющий идеи новых посредством оппозиции «нежное тело – сильная душа» представляет собой стремление целенаправленной литературной трансформации уже известного. Теперь поэт продолжает отдаляться от традиции. Прежде всего при сопоставлении можно заметить перестановку фигур и элиминацию физической силы, выдержки мужского тела (сюжет «балканджи Йово»). Другой вопрос – как нам следует рассматривать отсутствие мужчины-героя в столкновении – увидим ли мы в этом факте следование определенной болгарской тенденции, как предлагает Н. Чернокожев¹⁸, или свяжем его с открытиями европейского сентиментализма, установившего женский персонаж в качестве центрального, причем в этом случае концепция Герганы может считаться и одной из первых гендерных трансформаций (слабый «пол» – сильная душа) в болгарской литературе, или, наконец, вновь отнесем его к русской литературе, в которой со времени Карамзина идеологический проект беспрестанно актуализирует оппозицию «активная женщина – пассивный мужчина». Гораздо важнее в идейной составляющей произведения оказывается не отстранение любимого Николы, а расхождение с традицией по отношению к визирю. Неожиданным в тексте оказывается его ответ. Идейным акцентом оказывается глагол «смайвам» (удивлять): «Смая се везир с Гергана» («Удивился визирь Гергане»), – в котором имплицитно представлен метафорический образ нравственного превосходства своего. Он освобождает «девушку», удивленный и восхищенный ее непоколебимой гордостью и достоинством. Указанное смешение знаков и последовательное следование концепции отличия основных персонажей – Герганы и визиря – от традиции свидетельствует о целенаправленном дистанцировании от нее, т.е. выражает определенную художественную логику и обдуманную творческую стратегию. И трудно согласиться, что они возникли случайно, только с усвоением «родного» или с поверхностным знанием о литературе.

Жестом дарения формально завершается встреча между персонажами. Но не столкновение между ними, в котором последнее слово выражает волю властелина. Его решение: «после за помен поръча // изворът чешма да стане» («потом он приказал на память // построить на месте

¹⁸ Чернокожев Н. Среца на/край пътя, или в прегръдката на камъка. Нещастиято се властване на чужденеца в «Изворът на белоногата». – <http://internet.bg/publish2/nchernokozhev/belonogata.htm>

источника чешму)), – окажется своеобразным приговором Гергане. А метафорическим превращением дарения в амбивалентную семантику «поминовения»¹⁹, ее статус жертвы получает также сюжетную мотивацию с помощью этого финального жеста визиря, который помещает их встречу в определенную рамку. Каким бы далеким это ни казалось, но это последнее слово вновь приближает болгарский текст к Лермонтову. Подобно Тамаре судьба Герганы предрешена уже в тот момент, когда ее касается мертвящий взгляд демонического героя-мужчины.

Именно в этом смысле я считаю, что компаративное прочтение обогащает представление о тексте Славейкова. Привнесение иностранного литературного горизонта свидетельствует о стремлении не к диалогу с другой литературой в целом, а о переосмысленной направленности на актуальную и для болгарской литературы постановку проблем о новых ролях героини, о поиске новых идейных акцентов, об «осовременивании» болгарской литературы в соответствии с ведущими тенденциями в европейских литературах.

Перевод Е.М. Суловой

П.Р. СЛАВЕЙКОВ И М.Ю. ЛЕРМОНТОВ (ЗА ЕДИН ВЕРОЯТЕН ИНТЕРТЕКСТУАЛЕН ДИАЛОГ В ПОЕМАТА «ИЗВОРЪТ НА БЕЛОНОГАТА»)

Христо Манолакев

Статията е посветена на компаративното изучаване на едно от основните произведения на българския литературен канон – поемата на Петко Р. Славейков «Изворът на Белоногата». Анализът е осъществен в две посоки. От една страна е посочена близостта на българския текст с поемата «Демон» от М.Лермонтов в областта на фабулирането, образната система и поетиката. Общите места са изследвани типологически и интертекстуално, като се аргументира хипотезата за това, че по всяка вероятност «Демон» се явява първоисточник за българския автор. От друга страна, в по-широк литературноисторически план, е разкрито влиянието, което оказва актуалният за руската литература от XIX в. «gender» проект «избор/отговорност на жената в любовта» върху героинята на Славейков. Българският автор се стреми не просто към диалог с руската литература, а към обмислено възприемане на новите идейни и нравствени проблеми, за да приближи по този начин своята литература към съвременните европейски тенденции.

¹⁹ Двусмысленная коннотативность ситуации «поминовения» анализируется К. Михайловым и Н. Чернокожевым в их ранее цитированных работах.

Радослава Илчева

Болгары и Болгария в русской романтической поэме первой трети XIX в.

По устоявшейся и льстящей национальному самолюбию традиции родоначальником болгарской темы в русской литературе принято считать А.С. Пушкина. Его небольшая повесть «Кирджали», впитавшая в себя впечатления кишиневского периода южной ссылки¹, вышла в свет 1834 г. Так 1834 год стал годом отсчета болгарского присутствия, а главный герой произведения – этно-типологический родоначальник болгар в русской словесности, среди которых заметно выделяется тургеневский Инсаров.

Изучая литературный поток первой трети XIX в., мне в свое время посчастливилось отыскать в нем два произведения, которые перемещают вышеуказанную хронологическую планку на несколько лет назад. Это поэма неизвестного автора «Любовь в тюрьме», вышедшая в 1828 г., и поэма П. Родивановского «Пленник», датируемая 1832 г. Если во втором произведении болгарам отведена второстепенная роль, то в первом впервые в качестве главного героя выведен болгарин.

Прежде чем обратиться к образам болгар и Болгарии в этих двух поэмах, следует, однако, сказать несколько слов о представлениях, которые бытовали в русском обществе в первой трети XIX в., тем более, что эта проблема еще не получила надлежащего научного освещения главным образом из-за недостаточности и разрозненности сведений. Не ставя своей целью реконструкцию этих представлений, попытаемся, на основе малоизвестных фактов, наметить некоторые из их параметров.

Если исходить из опубликованных в русской периодике указанного периода материалов, то под Болгарией тогда понимали территорию, ограниченную Тимоком, Дунаем, Черным морем и Балканскими горами². Несмотря на то, что военные операции 1809–1811 гг.

¹ Об их яркости свидетельствуют незаконченное стихотворение 1823 г. «Чиновник и поэт» и замысел поэмы «Кирджали» (1828). Если в первом тексте находим зарисовки внешности болгар (ср.: «Скуфьи жидов, усы болгар...»). – *Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. I. М., 1974. С. 576*), то во втором они охарактеризованы по признакам семейственности, близости к природе и верности традиции (ср.: «Семействами болгары тут / в беспечной дикости живут, / Храня родительские нравы»). – *Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 367*). Все же эти пушкинские впечатления не стали в свое время достоянием читательской публики.

² См., например: Известие о булгарах // *Вестник Европы. 1828, июнь. С. 300–301*. Хотя рассказывает и о булгарах (булгарах) в Румелии, автор

и восточный кризис 20-х гг. вызвали интерес к славянскому народу, в целом, как отмечает И.С. Достян, «о болгарях в русской публицистике писалось мало», российская «читающая публика» могла получить об этом народе самые скудные сведения³. Сразу оговоримся: сведения о болгарях были скудными, но интерес к ним был неподдельным.

С учетом общественно-политической ситуации в России того времени слагаемыми образа болгар и Болгарии представляются: 1) древняя Болгария и славянская культура; 2) современная Болгария как часть Турецкой империи и ее православное население; 3) болгарские колонисты в новых российских землях.

Разрабатывая основы лингвистики, археографии, славяноведения, стремясь понять собственную историю, ученые знакомились с древней болгарской книжностью и культурой. Так, например, известный знаток рукописного наследия допетровской Руси митрополит Евгений (Болховитинов) еще в начале 20-х годов XIX века писал другому не менее известному исследователю – П.И. Кеппену: «После церковно-славянского диалекта (который я почитаю болгаро-моравским, а не сербским, как другие), я полагал самым древним у нас диалектом новгородский»⁴. Внимание к средневековой болгарской словесности сильно возросло в 1824 г. после выхода в свет знаменитого труда К. Калайдовича «Иоанн Экзарх Болгарский».

Второе слагаемое – это описания, наблюдения, впечатления, а чаще всего просто высказывания о болгарях, принадлежащие путешественникам и дипломатам в Турецкой империи⁵. Здесь особо следует выделить «Поездку русского офицера в Константинополь, или Ежедневные Записки от 23 октября по 11 число декабря 1808 г.» капитана А. Краснокутского⁶ и «Отрывки из путевых записок английского доктора Вальша, бывшего священником посольства при лорде Странгфорде в Константинополе»⁷. Оба автора делятся с читателями

статьи д-р Уольш (Вальш) пишет «Нынешняя область Булгария лежит вдоль по Дунаю, от устья сей реки до соединения с нею Тимока, выше Виддина. Пространство ея, с довольною верною определяемое, полагается около 350 миль длины и от 40 до 50 миль ширины; границами ей служат: к Северу течение Дуная; к Югу цепь Балканов, простирающаяся в параллельном направлении с упомянутою рекою».

³ Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 135.

⁴ Цит. по: Ивановский А.А. Высокопреосвященный Евгений, митрополит киевский и галицкий. Сборник материалов для биографии митрополита Евгения, изданный в память столетнего юбилея его рождения – 18 декабря 1767–1867. СПб., 1871. С. 91.

⁵ См.: Достян И.С. Указ. соч. В монографии приведены сведения о болгарях П. Левашова, П. Чуйковича, М. Каченовского, В. Сафонова, Г. Спиридова и др.

⁶ Русский Вестник. 1810. Кн. 9. Ч. II.

⁷ Вестник Европы. 1828, июнь-июль.

своими отличнейшими впечатлениями о болгарях, образ которых заметно выигрывает при сравнении с турками. Доктор Уольш (Вальш) характеризует болгар как кротких и трудолюбивых людей, добрых и простодушных поселян, совершенно оставивших воинственный характер предков и ведущих жизнь пастушескую. Эти люди живут в маленьких деревнях, не стоящих названия городов, отличаются своими шапками из черной овчины и черными камзолами из сукна некрашеной овечьей шерсти. Отмечая приветливость и гостеприимство, автор заключает: «Из всех людей крестьянского быту, каких мне встречать ни случилось, болгар я нашел самыми простосердечными, кроткими, радушными; они представляют разительную противоположность с турками»⁸.

Последнее слагаемое формируется за счет наблюдений русских миссионеров и чиновников в Бессарабии над жизнью и бытом болгарских переселенцев в Новой России. Так, например, в пятом отчете за 1817 г. Российского библейского общества вице-президент его Бессарабского отделения митрополит Гавриил, экзарх кишиневский и хотынский, сетует о том, что «болгары, единоверный и соседственный нам народ, крайнюю имеет нужду в слушании глаголов живота на природном языке, ибо на славянском не понимает». Он интересуется, существует ли уже готовый перевод, и обещает в случае необходимости «приискать способного к тому переводчика»¹⁰. Добавим к этому, что о наших соотечественниках заботился не только духовный пастырь, но и сам попечитель южных колонистов генерал Н.И. Инзов. Вовсе не случайно, по настоянию признательных болгар, он был похоронен на болгарском кладбище г. Болграда.¹¹

О болгарях в Кишиневе знали не понаслышке и подполковник расквартированного в Бессарабии Якутского пехотного полка И.П. Липранди и гражданский вице-губернатор Кишинева Ф.Ф. Вигель. Последний стяжал себе славу желчного мемуариста, и поэтому

⁸ Там же, июнь. С. 303. В Записках Уольша немало конкретных зарисовок – дом зажиточного болгарина в деревне Быня (Баня), где автор чувствует как у себя дома; невинные танцы «красных девиц Булгарских», которыми он любуется в селе Лопеница (возможно, Лозница или Ломница в Северо-Восточной Болгарии).

⁹ Российское библейское общество (1812–1826) ставило своими задачами распространение Священного писания на языках нерусских подданных и обеспечение малоимущих русских Библией на церковнославянском языке.

¹⁰ По этому поводу А.Н. Пыпин отмечает, что у экзарха и у самого общества еще не было ясного представления о том, что болгары и есть тот самый народ, которому принадлежит первый славянский перевод Библии. См.: *Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I*. Петроград: «Огни», 1916. С. 53.

¹¹ См. *Сушков Н.В.* Московский университетский благородный пансион и воспитанники университета, гимназии, пансиона и дружеского общества. М., 1858. С. 59.

поражает его искреннее восхищение болгарями: «Что за славный народ болгары! Право, я готов назвать его цветом славянских народов. Какая деятельность в них, какое трудолюбие, какой огонь горит в их глазах! Какая веселость, смелость и добродушие написано на смуглых лицах их! В униженной доле, в которой находятся совершенно, предались они земледелию... Однако, если бы случай представился, подобно Цинциннату, от сохи быстро перешли бы они к мечу для защиты родины и собственности... Вот чем отличаются они от других южных славян, хотя бы например от сербов»¹².

Эти линии в отношении русского общества к Болгарии и болгарам нашли свое обобщение в знаменательном трехтомном издании «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания Юрия Венелина» (1829-1841 гг.). Судя по биографическим данным, в фарватер этого неброского, но все же довольно устойчивого и разностороннего интереса болгарями и Болгарией попадали в разное время и по разным поводам многие русские литераторы, люди разного таланта и судьбы. Это и А.С. Пушкин и В.Ф. Раевский, служившие под начальством ген. Инзова в Кишиневе, и вышеупомянутый Ф.Ф. Вигель, одно время работавший в Московском Архиве под начальством Н.Н. Бантыш-Каменского, а затем – на Юге России высшим чиновником, и А.А. Бестужев-Марлинский, которого не кто иной как сам Калайдович заинтриговал личностью Иоанна, экзарха болгарского¹³ и т.д.

К сожалению, в эту группу нельзя включить анонимного автора поэмы «Любовь в тюрьме». О Болгарии по-видимому он знал очень мало, вопросы национальной специфики его не волновали. Но сразу следует уточнить, что они и не стояли перед ним в качестве художественной задачи. Тем не менее, как было уже сказано, его произведение заслуживает внимания исследователей, хотя бы тем, что автор выбрал своим главным героем болгарина. Случаен ли этот выбор?

Поэма «Любовь в тюрьме», вышедшая в 1828 г. в Петербурге в типографии Ив. Глазунова (in 16, 94 с.), судя по посвящению, была написана не позже 1824 г. Она состоит из посвящения, введения, двух частей («Тюрьма» и «Пустыня») и не выделенного графически эпилога. В ней рассказывается о молодом болгарине, возглавившем отчаянный бунт земляков против властелина Омара и сразившем в битве его сына Селима. После поражения на поле битвы болгарин попадает в плен. Омар обещает в качестве награды тому, кто придумает

¹² Вигель Ф.Ф. Записки. В XII частях. М., 1891–1895. Ч. VII. С. 64.

¹³ Об этом свидетельствуют его «Заметки» 1823 г. о пребывании в Москве – РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 604. № 12. Л. 8 об.

для мятежника самую мучительную казнь, руку своей дочери Гульнаны. Гульнана исповедует христианство – веру ее покойной матери. Она влюбляется в пленного и бежит с ним. Влюбленные направляются к пещере отшельника и духовного наставника девушки Калоэра, который должен обвенчать их. Гроза в горах прерывает идиллию героев, предвещая в лучших традициях художественного параллелизма их грядущие страдания: неожиданно Гульнана и ее любимого окружает толпа болгар-предателей и силой возвращает их Омару. Умиравшая после пережитого потрясения Гульнана напоминает отцу об обете, данном им некогда ее покойной матери, – разрешить дочери выйти замуж за того, кого она сама выберет. Из последних сил она упрашивает сурового деспота принять ее жениха как сына. Совершенно неожиданно для читателя Омар из жестокого тирана превращается в нежного отца и верного супруга. Он исполняет предсмертное желание дочери. После его смерти, однако, некая безликая «проницательная злоба» вновь бросает героя в тюрьму, где он заканчивает свои дни.

За несколькими исключениями поэма прошла мимо внимания исследователей. В 50-ые годы З. Русова увидела в ней продолжение традиций гражданского романтизма, и в частности, декабристской поэмы¹⁴. Позже В.М. Жирмунский в своем известном исследовании «Байрон и Пушкин» упомянул ее в числе целого ряда подражательных произведений первой трети XIX века, вызванных восточными поэмами Байрона и южными поэмами Пушкина¹⁵. Впрочем, это

¹⁴ Русова З.И. Романтическая поэма в декабристской литературе // Учен. записки Горьковского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Вып. 39 (серия филологическая). Горький, 1957. С. 36–37.

¹⁵ Жирмунский В.М. Пушкин и Байрон. Л., 1978. – Упоминаний об интересующей нас поэме в монографии не так уж много, учитывая объем и анализируемый материал. Их нетрудно перечислить: «Поэма написана под сильным влиянием “Корсара”; однако из “Бахчисарайского фонтана” автор заимствует целый ряд мотивов гаремной трагедии» (с. 259); «Любовь в тюрьме... варьирует мотивы черкешенки и пленника, Гюльнаны и Конрада» (с. 293); «Корсар» напоминает в особенности «Любовь в тюрьме», где вождь повстанцев появляется перед победителем-пашой...» (301); «Любовь в тюрьме» в сюжетном отношении примыкает к «Корсару»: героиня, как у Байрона Гюльнана, освобождает из темницы узника, вождя повстанцев, брошенного туда по приказу ее отца Омара (у Байрона: Сеид паша – муж Гюльнаны). Кроме имени главной героини, о знакомстве русского автора с Байроном свидетельствует и «благочестивый Калоэр» (т.е. монах), воспитатель Гюльнаны: название, которое Байрон вводит в «Гяуре», давая ему пояснение в этнографических примечаниях к поэме... Кроме сходства основной ситуации, сближение с Корсаром поддерживается несколькими частными мотивами. Напомним драматическую сцену, в которой пленник с гордым видом стоит пред пашой... Байрон вводит также образ врача, навещающего узника, чтобы узнать, может ли он выдержать пытку... За своим

подражание было подмечено еще современниками. В «Московском телеграфе» поэма была охарактеризована как извлечение из «Шильонского узника», «Бахчисарайского фонтана» и «Абидонской невесты», в котором «нет ни плана, ни связи: неестественности на каждом шагу и во всем – действии, характере, словах, выражениях»¹⁶.

По линии подражательства и использования целого набора излюбленных романтических трафаретов «Любовь в тюрьме» мало чем отличается от подобных ей произведений, которыми изобилует литературный поток 20-ых годов. Эти художественные штампы были перечислены еще Жирмунским: лирическая увертюра, например, красота южного пейзажа, описательное вступление, внезапное появление главного героя в эффектной ситуации, биографическая реминисценция, диалогическая сцена взаимных признаний, вставные песни, заключительная лирическая картина, эпилог с патриотическими или биографическими мотивами. «Имея в запасе готовый ряд подобных композиционных шаблонов, автор романтической поэмы мог при любом сюжете катиться, как по рельсам, не затрудняя себя новыми сюжетными вымыслами и ограничиваясь лирическим сопоставлением отдельных эффектных отрывков», писал ученый, отмечая вместе с тем, что в целом ряде случаев зависимость подражателей от Пушкина не ограничивалась общим формально-композиционным сходством и переходила в более специальное заимствование пушкинского сюжета и темы¹⁷.

Итак, какую версию романтического сюжета предложил анонимный автор при посредстве своего героя болгарина? Начнем с того, что в поэме два главных героя – пленный болгарин и дочь Омара Гульнара. Имя болгарина нигде не названо¹⁸, и этот факт сам по себе

образцом русский поэт следует далее, описывая душевное смятение заключенного в темнице повстанца... В остальной части поэмы, во всем, что лежит за пределами традиционной тюремной ситуации, русский поэт идет своими путями, примыкая то к типу «гаремной трагедии», то к типу «пленника»... Однако, изображая скитанья Гюльнары и ее возлюбленного в лесах, картину грозы и связанную с ней любовную сцену, автор, по-видимому, следует за Шатобрианом (первый случай влияния «Атала», отмеченный мною на всем протяжении истории романтической поэмы в России)» (334–335).

¹⁶ Московский Телеграф. 1828. Ч. 21, май. С. 94. Оскорбительно-короткую рецензию в «Московском Телеграфе» братьев Полевых как бы дополняет рецензия в «Московском вестнике» М.П. Погодина. Если в первом случае рецензия без подписи, то во втором она подписана многозначительным псевдонимом «Зоил 1-й». Стоит указать, что отношение к поэме – один из немногих примеров полного совпадения мнений двух враждующих журналов.

¹⁷ Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 233.

¹⁸ В.М Жирмунский неточно называет его Селимом, а героиню Гюльнарой, в то время как она Гульнара (Указ. соч. С. 259). Селим в поэме – антипод болгарина. Он сын Омара и сводный брат Гульнары.

многозначителен – ведь в художественном произведении, по Тынянову, говорят все имена¹⁹. На место болгарина можно поставить любого христианина и смысл поэмы от этого не изменится. Более того, в ситуации, когда русское общество пристально следило за событиями на Балканах²⁰ и высказывало сопричастность к судьбам единой Греции²¹, логичнее было бы сделать героя греком. Но, по всей видимости, автор намеренно избегает даже малейшей конкретизации. К тому же показ национальной специфики, как уже было сказано выше, не входил в художественные задачи поэмы. Может быть и потому главный герой – представитель народа, которым читатели в какой-то мере интересовались, но о котором знали не так уж много? Возможно, в первую очередь причину его безымянности следует искать в недостаточной осведомленности самого автора. В первую очередь потому, что нетрудно усмотреть связь между безымянностью героя и анонимностью автора, связь, в конечном счете приводящую к их своеобразной унификации. Перевоплощение автора в героя осуществляется по мере развития сюжета, что отражено даже в формальном плане: после введения монолога пленного по сути заменяют собой авторское повествование. Их голоса сливаются и рассказ ведется от имени болгарина. И если болгарин является литературно-эмоциональным alter ego героя, то в Гульнаре проступают неясные черты таинственной возлюбленной поэта. Имя этой женщины, обозначенное криптонимом А...а, оказывается христианским именем дочери Омара. Ей посвящена сама поэма:

Не льщусь надеждою напрасно
 Потомству передать ее.
 В ней нет искусства, но прекрасно
 В ней имя милое твое.
 Оно ее собой украсит,
 Ей даст достоинства печать,
 Велит завистнику молчать,
 И светоч критики погасит²². (С. 2.)

¹⁹ Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 27.

²⁰ См. раздел «Современная история» в журнале «Сын Отечества» Н. Греча и Ф. Булгарина за 1828–1829 гг.; «Вестник Европы» М. Каченовского, «Отечественные записки» П. Сленина и др. В 1828 г. выходят также такие книги как «Предсказание о падении Турецкого царства арамейским звездословом Муста-Эдыном», два издания «Собрания любопытных предсказаний об упадке Турецкой империи» и др.

²¹ Знаменский П. Чтения из истории русской церкви за время царствования Александра I. Казань, 1885. С. 31.

²² Все цитаты приводятся по изданию: Любовь в тюрьме. СПб., 1828, с указанием страниц.

И если «долгая скука заключенья», о которой говорит поэт, традиционный для романтизма поэтический образ, то чувства автора к А... получают художественную конкретизацию в любви болгарина к Гульнаре. Возможно, поэма предназначалась для очень узкого круга читателей или даже для одной читательницы. В таком рецептивном ракурсе признание собственных недостатков (см.: «В ней нет искусства...») переставало быть литературным штампом и звучало обрывком диалога «за кадром» автора и читателя. Может быть, упомянутое даже вскользь имя героя заговорило бы (и не только по Тынянову!) и аннулировало бы таким образом сознательно выбранную автором анонимность? Может быть, не литературная неопытность, а желание остаться в тени привели к слабой индивидуализации болгарина? Впрочем, поубавим свой пыл. Скорее всего наблюдаемая ситуация – дань литературной моде в духе литературной мистификации, столь характерной для первой трети XIX века.

Итак, главный герой слабо индивидуализирован. Его личные качества – уважение к противнику в битве («Геройский дух его пронес на крыльях славы» – говорит он о Селиме, с. 13) и трудолюбие («И изнурилось, ослабело / Трудом воспитанное тело» – говорит о нем автор, с. 19). В сочетании со стойкостью и храбростью они роднят его с высокими образцами гражданского патриотизма. Как подобает романтическому герою, болгарин противопоставлен и своим, и чужим. Традиционный романтический конфликт заостряется предательством земляков-болгар, ради свободы которых герой рисковал жизнью. Так попутно и неназойливо, но вместе с тем достаточно ощутимо вводится излюбленная романтиками тема рабской психологии толпы.

Главная героиня Гульнара появляется не сразу. Вначале она находится за кулисами – это и запах амбры и «здравые плоды», появляющиеся когда герой спит. Узнав о существовании дочери Омара и почувствовав заботы «незримого состраданья», герой и читатель видят саму героиню. И хотя ситуация предполагает выход на сцену страстной женщины знойного Юга – неизменного типа южанки-«дикарки», смоделированного романтизмом, автор поступает по-другому. Он удаляет из этого образа все плотское и конкретно земное. Его доминантой становятся не красота и пылкий темперамент, а христианские добродетели – сострадание и кротость. Использован и мотив узнавания – благодетельницей оказывается сестра врага, дочь тирана, будущая жена мучителя. Происходит наложение двух пластов в интриге – закономерность появления Гульнары и закономерность появления таинственной помощницы. Однако, образно говоря, вместо черкешенки из «Кавказского пленника» появляется Мария из «Бахчисарайского фонтана».

Монолог героини снимает такие, казалось бы, непреодолимые оппозиции, как христианство-мусульманство, привязанность к родным – любовь к убийце брата и т.д. Гульнара способна не только на глубокие и сильные чувства, но и на борьбу за эти чувства. В хрупкой девушке таится огромная духовная сила, которая, взрывая сюжетную предопределенность, спасает любимого от смерти. Думается, что создавая этот образ, автор старался избегать тех расхожих штампов, которые привели к тиражированию определенного типа женских образов в литературе 1820-х годов. Другое дело, что это ему не совсем удалось в художественном плане.

Функции второстепенных героев в поэме сугубо вспомогательные. Они фиксируют границы эмоционального пространства, в котором протекает действие. Смерть Селима переводит социальный конфликт в плоскость личностного; врач лечит раненого пленного для будущих жестоких мучений; Калозр нужен для «узаконения» чувств героев и проч. Сюжетное развитие мотивировано образами Омара и его жены-христианки:

Отяготел над нами бич,
Отяготел ярем Омаров. (С. 22.)

Или:

Со всею прежнюю любовью
Призрак супруги к изголовью
Приникнув тихо укоряя
Священной клятвы нарушеньем.... (С. 79.)

В духе романтизма 20-х гг. XIX в. хронотоп поэмы условен. Эманципационный центр художественного пространства представлен оппозицией «тюрьма – пустыня». Эта оппозиция конституирует и структуру произведения названиями двух его частей «Тюрьма» и «Пустыня». Пустыня – это место, где герои могут укрыться от враждебного мира и обрести свободу и счастье (ср.: «Она со мной, нас в мире двое», с. 64). Тюрьма, напротив, мыслится продуктом цивилизации со строгими конвенциональными корреляциями: узник – тюремщик, жертва – палач, угнетенный – тиран. Из тюрьмы выводит героя любовь Гульнары.

Горы, куда устремились герои в поисках свободы и супружеского счастья, на самом деле оказываются («дурным») местом для них. Предательство соотечественников превращает их в западню, эксплуатируя тем самым пушкинский парадокс пленничества, выведенный в «Кавказском пленнике»: поиски свободы оборачиваются пленом. Но в поэме анонимного автора любовь героини снова выступает в функции *deus a ex machina*: после смерти Гульнары жестокий Омар преображается чудесным образом. Он не только прощает бунтовщика

и убийцу сына, но, чья память супруги и дочери, проникается к нему отцовскими чувствами. После смерти Омара, в конце поэмы, восстановлена первоначальная пространственная конфигурация: герой снова в тюрьме, но на этот раз без любви Гульнары он обречен на вселенские горе и одиночество.

В поэме мало конкретных топонимов. В ней упомянуты Дунай, Македонская дорога, но отсутствуют такие знакомые русскому читателю по периодике первой трети XIX века названия как Силистрия (Силистра) и Шумла (Шумен). А именно они однозначно бы настроили читательское восприятие на соответствующую «волну». Судя по всему малочисленные географические реалии не конкретизируют пространство, а лишь оформляют его рамки, исполняя во многом функции экзотизмов. Так, например, вблизи Дуная не отыскать упомянутого в поэме пятиглавого холма Бештепе. Очевидно, он введен по аналогии со своим литературным «прототипом» – кавказским Бештау, ставшим к тому времени неотъемлемым элементом романтического декора. Битва между болгарами и турками происходит на берегу Дравы. Оттуда же когда-то Омар привез мать Гульнары. Впрочем, в этом нет ничего странного, если учесть, что в начале XIX века главным пособием по истории южнославянских народов служила работа Й. Энгеля «История Венгерского государства и соседних с ним стран»²³.

В отличие от конкретной, романтическая топография представлена в полном объеме: скалы, горная крутизна, поток, лес; замок, сады, колодцы, тихие пруды; степь, дубравы, пещера и т.д. Некоторые религиозные реалии (омовение, представление о мусульманском рае, минарет) и предметы быта (шербет, мундштук), получившие в 20-ые годы высокую частотность в произведениях русских романтиков, свидетельствуют о том, что для автора Болгария была частью так называемого условного Востока романтизма.

В темпоральном плане заметны быстрые переходы, характерные для романтической прозы того времени. Омар *сразу* произносит приговор мятежнику, после чего

...много времени легло
На избраженное годами
И лютой горестью чело. (С. 19; курсив мой. – Р.И.)

Гульнара *быстро* решается разделить судьбу любимого. Бесконечная, как бы вневременная идиллия *вдруг* разрушена предательством.

²³ В Истории доказывалось, что освобожденные от турецкой власти балканские народы должны быть присоединены к Венгрии. См.: Достян И.С. Указ.соч. С. 23. – Еще по этой теме: Вацуро В.Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов (Этюды и размышления) // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Т. 1. Л., 1976. С. 236.

После мгновенной развязки герой долго блуждает в лесах, потом неожиданно снова попадает в тюрьму и время для него останавливается:

Прошли нессчитанные годы;
Пройдут еще... (с.93; курсив мой. – Р.И.)

Цепь с его костей снята лишь в эпилоге. Это чередование быстрых перемен с замедленными состояниями, с одной стороны, отрицательно сказывается на динамичности действия в поэме. С другой стороны, оно притягивает поэму к романтической повести, выводя за ее пределы и без того слабую лирическую струю.

Ритмам поэтики романтизма созвучны такие образы, как, например, *змеи* – символа вечности (с. 7); антитезы *северная ночь* – *южная ночь* (с. 15-16), *сын* – *дочь* (с. 47-48); природный параллелизм (с. 70), лирические отступления, трехкратные повторы, намеки и проч.

Что касается *неестественностей* (по терминологии «Московского телеграфа»), то в них при желании можно увидеть попытку автора создать свои варианты популярной темы и стремление помочь героям, устраняя все препятствия на их пути. С другой стороны, они в какой-то мере объясняются предысторией событий. Селим оказывается сводным братом героини, рожденным до женитьбы Омара на христианке, – факт, в котором при желании можно обнаружить ассоциацию с сыновьями ветхозаветного Авраама – Исмаилом и Исааком. Нарушение Омаром обета, данного покойной супруге, мотивирует бегство Гульнары. Тень горячо любимой жены упрасивает тирана простить мятежника и убийцу сына и т.д.

Поэма легко вписывается в массовую литературную продукцию 1820-х годов. С одной стороны, «Любовь в тюрьме» предлагает свои вариации на две широко эксплуатируемые в то время сюжетные матрицы. Первая из них – любовь девушки к захваченному ее земляками или родственниками представителю другой национальности, имеющая своим классическим образцом поэму А.С. Пушкина «Кавказский пленник»²⁴. Вторая – это любовь победителя-иноверца к плененной им женщине-христианке, увековеченная в «Бахчисарайском фонтане» Пушкина. Анонимный автор благоволит к своим героям: Черкешенка (Гульнара) добивается взаимной любви, Гирей (Омар) был счастлив со своей Марией.

²⁴ Второе издание пушкинской поэмы в 1828 г. спровоцировало настоящее нашествие *пленников* в литературе – «Кавказский пленник» М. Лермонтова (1828), «Киргизский пленник» Н. Муравьева (1828), «Московский пленник» Ф. Соловьева (1829), «Пленник Турции» Д. Комиссарова (1830), «Пленник» П. Родивановского (1832), «Калмыцкий пленник» Н. Станкевича и Н. Мельгунова (1832).

С другой стороны, в поэме затрагивается тема тяжелой судьбы угнетенных православных христиан в Османской империи, тема, получившая широкий общественный резонанс благодаря произведению П. Ободовского «Хиосский сирота» (1828 г.)²⁵. Сразу следует отметить, что национальный конфликт в ней представлен не так четко. Отсутствие каких бы то ни было национальных характеристик позволяет разглядеть в толпе болгар многих затоптанных порабителем христиан. А почему бы и не обездоленных русских крепостных крестьян, тем более, что Омар вполне может претендовать на роль «внутреннего турка»? Высшим проявлением атрофии национального чувства становится предательство героя и его любимой своими же – болгарями. Противопоставлению по социальному признаку отведено далеко не первое место, но в этом произведении оно присутствует сильнее, чем в подобных ему текстах того периода. Так, например, яркими красками обрисована тяжелая доля народа. Герой с негодованием говорит о «притупленном духе» своих соотечественников, над которыми тяготел ярмом Омара: даже их надежда на свободу «темная и унывая»:

Не за свободой, не за славой
Стеклась ничтожная их рать,
Но смерть легчайшую сыскать (С. 25)

Поэма «Любовь в тюрьме» является типичным примером нарушения строгих жанровых границ в литературе 20-х гг. XIX в. Четкая сюжетность сближает ее с романтической повестью. Явный перепев пушкинских и байроновских мотивов помешал критикам увидеть и оценить социальную направленность произведения. Предлагая свой вариант традиционной модели любви девушки и пленного, автор усиливает по временам акценты социальных конфликтов. В этом, на мой взгляд, несомненное достоинство произведения. Свобода и любовь оказываются неотделимыми друг от друга, что примиряет конфликт между чувством и долгом, свойственный в известной степени гражданскому романтизму.

К сожалению, в тексте нет той магии, которая превращает набор слов в поэзию. Тот же самый объем содержания можно передать

²⁵ Произведение, повествующее о зверствах и издевательствах турок над свободолюбивыми греками, было написано по действительным событиям. Под чертой указывалось, что бежавший из турецкого плена Хиосский сирота уже находится в Санкт-Петербурге и «воспитывается в одном из лучших казенных заведений, на иждивении ея Императорского величества Государыни Императрицы Александры Федоровны» (Ободовский П. Хиосский сирота. СПб., 1828. С. 5). В эпилоге автор посвящает свой труд выкупу младшего брата героя – Ламбрине, который все еще находится у турок.

прозой и художественные качества поэмы от этого не пострадают. Автор оказался не поэтом, а сочинителем, и это обстоятельство предопределило судьбу произведения. Прав был рецензент «Московского Телеграфа», отмечая, что в нем есть несколько прекрасных стихов, но «их надобно отыскивать в куче других, а отыскивая, встречаете стихи нестерпимые»²⁶. Очевидно, бытование поэмы «Любовь в тюрьме» в литературном контексте своего времени было кратковременным и ограничилось ее изданием.

В отличие от первой, вторая интересующая нас поэма имеет своего автора. Имя П. Родивановского то и дело мелькает в альманахах и журналах второй половины 20-ых – начала 30-ых годов XIX века. Возможно, это брат Ивана Родивановского, известного знатокам живописи по портрету, нарисованному знаменитым русским художником П.А. Федотовым²⁷. Поэма «Пленник», опережающая на два года «Кирджали», была опубликована в 1832 году в Санкт-Петербурге. Главные герои в ней – плененный турками молодой донской казак и красивая гречанка, которая после ряда перипетий в конце произведения становится его женой. Болгары в этой love story выступают в массовке. Они друзья-единоверцы, самоотверженно помогающие главным действующим лицам на пути к happy end'у.

Образ Болгарии, отчизны роз, не является приоритетом для автора, но тем не менее он поражает своей конкретностью. Это и Дунай, к берегам которого мчится Донец, и село Кулевчи (сегодня, Кюлевча), недалеко от Шумена, где русская армия под командованием И. Дибича 30 мая 1829 года одержала победу над турками Рашида-паши, и заключительная в сюжетном повествовании битва под Сливной (Сливеном). Бургас, где русский находится в плену, описан, с учетом конвенций романтической поэмы, поразительно точно:

На лоне вод сереют стены,
Угрюм строений древних вид,
И горизонт земли покрыт
Клубами наносимой пены.
Лишь только слышится порой
Прибрежных волн протяжный вой.
Окрест Балканские вершины
Теряются в дали небес;
А у подошвы мрачный лес
Рисует мрачные картины
Смотряся в лоно светлых вод²⁸.

²⁶ Московский Телеграф. 1828. Ч. 21, май. С. 94.

²⁷ Если это предположение правильно, то нам известны имена братьев, сестер и зятя (Иван, Михаил, Ольга, Анна, Семен Пашевич) поэта, а также и его адрес (18-ая линия Васильевского острова в Санкт-Петербурге).

²⁸ Родивановский П. Пленник. СПб., 1832. С. 12.

В этой связи отметим попутно, что Пушкин ничего не говорит о Болгарии в своей знаменитой повести («Кирджали был родом болгар» и только!); описываемые события разворачиваются в Молдавии. Топонимика «Пленника» наводит на мысль, что Родивановский, если и не был прямым участником русско-турецкой войны 1828–1829 гг., то по меньшей мере был хорошо знаком с ходом военной кампании. Возможно, сама поэма была написана по действительному случаю. В противном случае остается только сожалеть о том, что автор влюбил своего героя в гречанку, а не в болгарку...

Вышерассмотренные произведения заслуживают пристального внимания как историков литературы, так и ученых, занимающихся выявлением и анализом болгаро-русских и русско-болгарских литературных и культурных связей. Ведь, как указывал в свое время один из первых в Болгарии исследователей болгарского присутствия в русской литературе Г. Германов, без полного охвата всего написанного нельзя выяснить отношение русской художественной мысли к болгарской тематике в ее разных нюансах²⁹. Поэмы «Любовь в тюрьме» и «Пленник» – небольшие, но все же начальные звенья в ее интерпретации. Думается, вовсе не случайно болгарин появляется впервые в русской художественной словесности в роли романтического героя, а Болгария – в качестве романтического декора. Учитывая тягу романтиков к экзотическому, не могло и быть иначе. Любопытно, однако, то, что анонимный автор поэмы «Любовь в тюрьме» предвосхитил пушкинскую приуроченность болгарина к топосу тюрьмы и тургеневскую пару Инсаров – Елена Стахова.

В конце статьи успокоим национальное самолюбие. В вопросе о том, кто из русских писателей был родоначальником болгарской темы, не может быть спора: пальма первенства принадлежит А.С. Пушкину. И не только потому, что без его «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» вряд ли бы появились произведения типа вышеуказанных, но и потому, что в его «Кирджали» болгарин впервые приобрел художественные достоверность и зримость. Вместе с тем, признавая первооткрывательство гениального поэта, отдадим же должное и первопрободству неизвестных или малоизвестных стихотворцев, которые впервые, пусть и недостаточно четко или уверенно, ввели ее в русскую словесность. Заодно скорректируем и год дебютного появления болгарина в русской литературе – с 1834 на 1828.

Перевод автора

²⁹ Германов Г. Окървавено то навечерие. София, 1976. С. 6.

БЪЛГАРИТЕ И БЪЛГАРИЯ В РУСКАТА РОМАНТИЧЕСКА ПОЕМА ОТ ПЪРВАТА ТРЕТИНА НА XIX ВЕК

Радослава Илчева

Устойчивата и ласкаеща националното ни самолюбие научна традиция посочва като родоначалник на българската тема в руската литература А.С. Пушкин, а 1834 г., годината на издаване на повестта «Кърджали», – като начало на българското присъствие.

Изследователските акценти в настоящата статия визират две неизвестни досега поеми, които преместват с няколко години назад хронологичната летва на това присъствие – «Любов в затвор» («Любовь в тюрьме», СПб., 1828) от анонимен автор и «Пленник» от П. Родивановски (СПБ., 1832). Те се разглеждат в контекста както на някои битоващи представи за българите и България в руското общество през първата трета на XIX в., така и и спрямо някои параметри на руската романтическа поема от посочения период. Проучването е центрирано предимно върху по-ранния текст. Главният герой в него е българин, оглавил бунта на своите сънародници срещу жестокия феодал Омар. Загубил свободата си, той спечелва любовта на дъщерята на своя враг – добродетелната Гулнара. Подчертано внимание е отделено на интерпретацията на два тиражирани чрез Пушкиновите «Южни поеми» в литературата на руския романтизъм сюжети: 1) любовта на девойка от екзотично за образования читател племе към пленен от нейни роднини или земляци представител на друга, доста различна по културни традиции, националност; 2) любовта на победителя-друговедец към пленена християнка.

Втора поема, където българите са част от масовката за любовната история между пленен донски казак и красива гъркиня, пък е ценна за проучвателя с почти топографичното (с оглед на жанровите конвенции на романтизма) описание на България и нейната природа.

Изказано е мнението, че появата на българин и България в руската романтическа поема е съвсем закономерно с оглед на интереса на романтиците към необикновени и слабо познати културни феномени.

Като се подчертава, че родоначалник на българската тема в руската литература еднозначно е А.С. Пушкин, в заключението се отдава дължимото на усилията на двамата неизвестни днес стихотворци, които за пръв път я въвеждат в руската словесност. Едновременно с това се коригира и годината на дебюта на българин в руската литература – от 1834 на 1828 г.

Ваня Добрева

Фигура чужепоклонника в болгарской возрожденческой комедии

В образцах западноевропейской комедии (ренессансовой, классической, просветительской) проблема чужепоклонничества, сознательного подражания Другому – представителю иного этноса, как самостоятельная черта в типологии персонажа не обособлена. Некоторые пьесы включают образ чужеземца, но с акцентом на невозможность его адекватного присутствия в данной комедийной ситуации. Так, например, в комедиях Шекспира этническая принадлежность персонажа не имеет большого значения: включение персонажей-чужеземцев (испанца Дона Андриана де Армандо в комедии «Напрасные усилия любви», евреев Шейлока и Тубала в комедии «Венецианский купец», француза Доктора Кая и уэльского священника отца Хью Эванса в комедии «Виндзорские проказницы») зависит от направления комедийного конфликта. Известно, что действие в комедиях Шекспира развивается не только в Англии, но и в других самых разных географических точках Европы. В комедийных ситуациях присутствие персонажа-чужеземца используется как залог смехового эффекта – акцент здесь делается на речевых несообразностях. Кроме того, комедия дель арте фиксирует в маске (Капитан) амбиции чужеземца-владельца (испанец), претензии которого окарикатуриваются и становятся источником комедийного эффекта.

И у следующего поколения комедиографов (Мольер, Гольдони, Бомарше) персонажи-чужеземцы, присутствующие только в редких эпизодах, служат средством дополнительного комедийного воздействия. Однако гораздо важнее то, что у них нет комедийных ситуаций, которые бы иллюстрировали проявления подражания персонажу-чужеземцу. В приведенных примерах из западноевропейской комедии не встречаются маски, посредством которых осмеивалось бы явление чужепоклонничества.

В данном случае речь идет и об особенностях культурной ситуации. По мнению ряда исследователей, одной из специфических черт смеха является то, что комедийный конфликт отражает неуместное поведение персонажа по отношению к стабильным общественным нормам.

Балканская, в том числе и болгарская, комедия имеет другую специфику. Здесь комедийный жанр своеобразным образом отражает переход от традиционного к современному обществу, когда установленный нормативный порядок разрушается под напором новых поисков и ориентаций. Надо отметить, что в соответствующий исторический период (XVIII–XIX вв.) понятие нового направления в развитии

общества связано прежде всего с изучением и освоением европейского опыта. По утверждению Николая Генчева, «Европейское влияние очень сильно и в области материальной и повседневной жизни – на быт, моду и вкусы городского населения, на одежду, на светские манеры, поведение в обществе и т.д.»¹.

В истории возрожденческой культуры подобная сущностная трансформация предполагает и дихотомию категорий «свое» и «чужое» как отражение противопоставления – старое–новое, традиционное–современное. Их соотношение, но и разграничение отражаются в процессах национальной консолидации на основе концепта «мы и Европа». Таким образом, этот концепт обозначает все уровни развития общества. По мнению Светлозара Игова, «Европа и мы» создаст сравнительно новую в рамках крупного исторического масштаба проблему нашей культуры. Она возникает в эпоху Возрождения, когда мы осознаем себя европейским (христианским) народом, в противовес вере и культуре поработителя, и когда начинаем развиваться по «европейской» модели, то есть буржуазной. И так как в этом развитии мы должны «догнать», в сопоставлении «мы и Европа» появляется и известный комплекс культурной малоценности. И не только потому, что вскоре увидим непривлекательное лицо и Европы, а потому, что часто «цивилизуемся по плохо понятой европейской модели». Сопоставление «мы и Европа» становится амбивалентной в оценочном смысле: с одной стороны, мы стремимся к развитию в направлении к европейской культуре, а с другой, отграничиваемся от нее и в позитивном смысле – желая сохранить свою национальную и зональную (балканскую, славянскую) самобытность и желая избежать негативные стороны европейской цивилизации»².

Симптоматично, что указанная амбивалентность в динамике между «мы и Европа» в возрожденческой комедии разрабатывается через систему персонажей. При этом чаще всего через акцентирование фигуры чужепоклонника (балканца, изображающего из себя европейца), через окарикатуривание чрезмерного увлечения чужим, которое доводит до нигилистического отношения к своему.

Следует привести и еще одно сопоставление со сходным процессом в комедиографии – в русской комедии конца XVII в. И в ней можно найти персонажей-чужепоклонников. В комедиях А.П. Сумарокова («Чудовища» и «Пустая ссора») выводится персонаж, поведение которого строится на презрении ко всему русскому за счет увлечения французской модой. Однако чужепоклонничество в произведениях русских

¹ Генчев Н. Българско възраждане. София. 1988. С. 33.

² Игов С. Тезиси по историческа поетика на българската литература // Поетика и литературна история. София, 1990. С. 266.

писателей является характерной особенностью персонажей из дворян и помещиков, которые в собственных своих глазах как представители высоких институциональных сфер «облагораживаются», перенимая внешние формы поведения при французском дворе.

Сходная ситуация в создании фигуры чужепоклонника наблюдается и на Балканах. С одной разницей – здесь отсутствуют представители аутентичных высоких сфер. В болгарской культурной ситуации верхние этажи власти (светской и религиозной) заняты чужеземцами³, а общество, вследствие пятивекового рабства, характеризуется горизонтальной структурой (в остальных балканских странах религиозная власть не была в руках чужеземцев).

Понятие «мы» (болгары) предполагает бивалентное отношение к фигуре чужеземца: с одной стороны, институционально представленный (владелец-инверец и церковный иерарх), а с другой, носитель нового, современного (европеец). В подобном аспекте концепция «мы» (болгары), в постижении нового, проходит через отказ, дистанцирование от высокого пространства, занятого чужеземцем-владельцем, по направлению к усвоению прогрессивного европейского начала, связанного опять же с понятием «чужого». Румяна Дамянова определяет это стремление к «европеизации» как влечение к чужому: «Влечение к европейским образцам художественной деятельности выдает стремление к выходу («вне») из традиций и охотному усвоению нового, чужого художественного опыта. Уже это усвоение (ассимилирование) представляет и взгляд «извне» для болгарской культурной действительности и порождает соответствия при ее соотношении с современным уровнем в европейских странах. И третий момент – воспринятый «модерный» (современный, новый – прим. пер.) взгляд становится *опытом*, способствующим установлению баланса между собственными и привнесенными (и усвоенными) культурно-художественными ценностями. Этот сознательно ведущийся диалог с чужими культурными общностями неизбежно вызывает ощущение «чуждости» у болгар, попавших в непохожую культурно-историческую ситуацию... и одновременно с этим ведет к новому открытию потенциальных национальных ценностей – *чужое часто проникает через интерес к своему*⁴.

В свою очередь, характерное для развитых культур противопоставление старого и нового в болгарских условиях становится разграничением между «чужим» (институционально высоким), равнозначным «старому», и «чужим» (европейским), эквивалентом нового.

³ Генчев Н. Указ. соч., С. 244.

⁴ Дамянова Р. Отвѣд текстовете: културните механизми на Възраждането. София, 2004. С. 17.

Такая сверхактивность в функционировании категории «чужое» во многом порождает переформатирование понятия «свое». Показательно, что «свое» приобретает концептуальный смысл в осознании национальной идентичности – истории, языка, культурной памяти. В ряде случаев эта категория включает и все позитивы в понимании чужого европейского как нового и прогрессивного, но с учетом осознания самобытности и собственного пути развития. Таким образом осмысленная категория «свое» противопоставляется «чужому», понятому как увлечение, мода, рабское подражание плохим образцам.

Современные интерпретации проблемы «свое–чужое» находят основания в классических текстах возрожденческих писателей. В своей статье «Пятна в нашей общественной жизни» П.Р. Славейков подчеркивает: «Бедные материально и невежественные духом, многие из нас хотят показать себя больше, чем они есть. Одеты эти люди по последней моде, а жизнь их – подражание всему европейскому. Говорят они о больших делах, а жаждут достичь высокого положения. Об их достоинстве и не спрашивай – они считают себя достойными всего без малейшей подготовки и без наличия способностей. Эти люди забывают, где живут, к какому народу принадлежат и в каком состоянии этот народ»⁵.

Особым объектом осмеяния в возрожденческом жанре комедии предстает персонаж-чужепоклонник. Как уже говорилось (по отношению к маске соблазнителя), персонаж-чужеземец входит в комедийное пространство скорее как олицетворение зла, что отражается на специфике комедийного конфликта. Его осмеяние достигается с помощью комических средств – фарсового юмора, на основе и имплантации традиционных для фольклора комедийных мотивов, которые вытесняют его представление преимущественно как персонажа-чужеземца.

В то же время, персонаж-чужепоклонник оказывается гораздо более успешной фигурой. С одной стороны, он крепитель интересов чужеземца-владельца и по-своему транскрибирует понимание «старого». (В этом отношении характерна фигура Чорбаджии из одноименной пьесы Войникова и из пьесы «Сцены из домашней жизни наших чорбаджиев» Каравелова.) С другой стороны, персонаж-чужепоклонник это одетый по моде адаптер чужого, отступивший от «своего» болгарин («Плохо понятая цивилизация» Войникова).

Интересна модель конструкции комедии «Кринолин» (болг. «Малакова») П.Р.Славейкова. В ней пока еще нет фигуры чужепоклонника, но на различных полюсах конфликта намечается столкновение двух видов персонажей – представителей нового (горожане

⁵ Славейков П.Р. Петна от нашия обществен живот // Възрожденски страници: Антология. Т. 1. София, 1969. С. 178.

Иван и Стоян) и традиционного поведения (крестьяне Рашо, Рашовица и Русин). Обе группы по-своему олицетворяют понимание «своего», с позитивными и негативными его качествами. В данном случае понятие «чужое» является знаком одного объекта – кринолина, вокруг которого персонажи, представляя свою поведенческую мотивацию, проводят что-то вроде дискуссии об отношении болгарина к внешнему чужому опыту. Таким образом герой (и горожане, и крестьяне), а также и автор выявляют свою точку зрения на критику чужого, тогда, когда оно воспринимается легковёрно и становится самоцельным подражанием, эталоном «праздных нравов».

Фигура персонажа-чужепоклонника как олицетворение старого, о чем уже говорилось выше, присутствует в комедиях «Чорбаджия» Войникова и «Сцены из домашней жизни» Каравелова. В первой образ чорбаджи Димо, кроме его характеристики как скупого, включает мотив крепителя чужеземца-владельца. Так, например, в явлении пятом речь идет о предназначении 10 000 грошей, которые, по убеждению персонажа, должны попасть в Царьград, в руки греческого владыки, «чтобы он их отослал, куда нужно, и смог прийти к нам; потому что хватит уже нам жить без владыки».

Такая трактовка образа чорбаджии углубляется в пьесе Каравелова. Источником прибылей чорбаджи Михалаки является его посредническая роль между болгарскими крестьянами и владельцем-чужеземцем (пашой). Чорбаджи Михалаки характеризуется и через внешние признаки чужого – он носит французское платье, на голову надевает фес (явление второе: Мария). Все его поведение строится на ненависти к простым болгарам («хендрокефали»), а те ему обеспечивают вольготную жизнь. Но гораздо интереснее то, что поведение персонажа-чорбаджии диктуется активностью персонажей простых болгар – Петко и Стояна. Два брата в этой комедии оказываются крепителями старого, они выполняют и функции чужепоклонников: клеветают друг на друга, они *de facto* гарантируют *status quo* высокого положения чужеземца-владельца. Поэтому здесь осмеяние наиболее глубоко затрагивает персонажей-болгар (чужепоклонников).

В истории возрожденческой комедии самым характерным образом в разработке персонажа-чужепоклонника является комедия Войникова «Плохо понятая цивилизация». Само заглавие указывает на ошибочное, превратное восприятие так называемой цивилизации. В этой комедии персонажами-чужепоклонниками выступают Злата, ее дочь Анка и сын Димитраки. Злата и Анка активные действующие лица и по чисто количественному показателю – они участвуют в наибольшем числе явлений (Злата – в 29, Анка – в 33). Между матерью и дочерью существует взаимосвязь, которую можно увидеть и в других балканских комедиях.

Как пример в этом отношении можно привести комедию «Надутая тыква» (сербск. «Покондирена тиква», идиом, – спесивая глупая женщина) Й.С. Поповича, в которой основные действующие лица – тоже мать и дочь. Мать Фема, богатая вдова, живет амбициями накопец-то теперь реализовать себя как современную женщину (под понятием «модерная» подразумевается отказ от родовых связей – от брата Митара, от своего прошлого, мещанской супруги; усвоение неподходящих для ее положения и возраста манер, употребление неверно заученных немецких фраз.). Именно слепое подражание, рабское следование чужим образцам, принятых за европейские, делают ее персонажем-чужепоклонником.

В своих комедиях Попович активно использует традиционный принцип *qui pro quo*, который в данном случае ставит в центр типологию одного персонажа – Фему, ограниченную женщину, чьи финансовые возможности после смерти мужа неожиданно выросли, отсюда и ее претензии именоваться «госпожой», а не просто «мастерицей», не быть сербкой, а стать современной европейкой. Мне кажется, что в дальнейшем развитии сербской комедиографии этот образ чужепоклонника трансформируется в образ Госпожи министерши (в пьесе Нушича «Госпожа министерша»), энергия и амбиции которой сходны с поведением Фемы, но уже в области политики и власти.

В отличие от Фемы ее дочь Эвица не представлена как персонаж-чужепоклонник. По своему значению ее образ скорее противоположен образу матери: Эвица не понимает попыток матери представляться другой, а также ее желания направить дочь по своему пути.

В болгарской комедии «Плохо понятая цивилизация» такого противопоставления матери и дочери нет. Персонаж-чужепоклонник предстает в ней не только в образах героев более старого поколения (Злата), но и представляет собой модель поведения, связанную с позициями молодых (Анка и Димитраки): «Он (Войников. – В.Д.) рассматривает чужепоклонничество в гораздо более широком контексте. Он видит в нем явление глобального порядка, которое затрагивает основные национальные ценности. Это явление намного превосходит модное кривляние и вызываемые им забавные курьезы. С точки зрения Войникова, речь идет не об отдельном ограниченном секторе подражания, а о целом комплексе отношений к чужому или, точнее, о взаимоотношениях болгарина и «цивилизованного» мира. Здесь уже появляется обобщающее понятие «цивилизация». Оно включает все, что приходит извне с претензией превосходства над болгарским. Не только превзойти, но и навязать свою модель. В комедии «Плохо понятая цивилизация» Войников открывает поверхностную видимость модели и извлеченные из нее фальшивые стандарты, которые противопоставляют традиционно болгарское чужому. Проблема, которая в сущности

волнует Войникова, это слепое преклонение перед такими фальшивыми стандартами, заблуждение по поводу их престижности и общезначимости. Заблуждения распространяются, разрушают утвердившиеся нравы и нормы поведения. Во всем этом он ощущает гнилой запах комплекса неполноценности, насаждаемого сознательно одними и усвоенного по наивности и легкомыслию другими. И он видит угрозу моральной стабильности молодого болгарского общества в период, когда его развитие пошло по пути к своей новой идентичности»⁶.

Показательно, что в этой комедии формируются ясно выраженные персонажи-протогонисты: Злата – хаджи Коста, бабушка Стойна; Анка – Марийка; Димитраки – Митё и его друзья. Так, против персонажа-чужепоклонника стоит персонаж-защитник «своего», болгарского. Исследователями отмечена эта особенность актантной модели. По мнению Бояна Пенева, «Войников выводит в своей комедии две группы лиц – 1) поклонников, 2) противников «цивилизации»⁷. «Анка и ее дочь Злата восхищены проповедями и поведением доктора (Маргариди), стараются во всем ему подражать и точно выполнять его советы. Анка начинает учить французский и шить платья по моде, презрительно относиться ко всему болгарскому и жалеет, что родилась болгаркой. Ее мать оставляет домашнюю работу и постоянно говорит о цивилизации, хотя ни разу не может произнести правильно слово «цивилизация». Она убеждена, что доктор хорошая партия для ее дочери и поэтому поощряет Анку в ее увлечении модой и своеобразной цивилизацией Маргариди.

Брат Анки Димитраки, живший известное время за границей, тоже поклонник доктора. Они – Маргариди, Анка, Злата, Димитраки – сторонники цивилизации»⁸.

По этому поводу Иван Богданов отмечает следующее: «Три группы характеров – три мира: Анка и ее мать Злата легковерны, они жертвы коварного соблазнителя, носителя мнимой цивилизации и развращенности – грека доктора Маргариди. Против них – здоровая группа героев, представленная хаджи Костой, отцом Анки, бабушкой Стойной, Марийкой, Митё и его друзьями»⁹.

А Васил Стефанов подчеркивает: «Нравственная идея комедии базируется на положении о разделенной вине. Ее двойкий воспитательный эффект во внушении, что обманщик не зашел бы так далеко без поощрения и соучастия обманутых. Крупная добыча, которая попадает в заложенный Маргариди капкан, это суетная красавица Анка и ее глупая мать Злата... И обе женщины в упоении от моды и всего чужого»¹⁰.

⁶ Стефанов В. История на българския театър. Т. 1. София, 1998. С. 158.

⁷ Пенев Б. История на новата българска литература. Т. 1. София, 1976. С. 68.

⁸ Там же. С. 69.

⁹ Богданов И. Българската комедия. София, 1965. С. 50.

¹⁰ Стефанов В. Указ. соч.. С. 159.

В комедии «Плохо понятая цивилизация» разработка в образах матери и дочери персонажа-чужепоклонника затрагивает и характерные для того времени вопросы об образовании и воспитании. В комедии Войникова эти проблемы становятся частью более серьезной дискуссии о путях в постижении категории «свое» и в ее противопоставлении «чужому» как мировоззрения, ориентации, моральных ценностей и т.н. Независимо от того, что образование в этой комедии не является первостепенной характеристикой в актантной модели, оно присутствует как элемент в общей структуре действующих лиц. Так, «мнимый апостол» доктор Маргариди без усилия соблазняет персонажей-чужепоклонников Анку и Димитраки более всего из-за их невежества и необразованности. Пребывание Димитраки за границей не меняет общей констатации: этот факт осмысливается как еще один аргумент против поверхностного овладения знаниями. В первых трех действиях Войников изображает и верных последователей лживых проповедей персонажа-чужеземца, и представителей молодых болгар – Митё, Петра и Георгия, которые позже становятся антагонистами персонажа-чужеземца.

С этой точки зрения, плохо понятая цивилизация оценивается и как диспропорция между «фальшивым» и «истинным» знанием, а это приводит к путанице в идентичности, к отказу от национальной принадлежности. Таким образом, персонаж-чужепоклонник становится и представителем «поверхностного знания», («заимствования наоборот») (Войников), искривленного познания. В третьем действии, центре кульминации, более всего демонстрируются проявления фальшивого знания – призыв Маргариди к молодежи не плясать хорошо и научиться танцевать вальс, быть более свободными в личных взаимоотношениях, выражать легко свои чувства.

Парадоксально, что идея освобождения индивида от лона традиций и сковывающей морали, характеризующая новую ориентацию европейской культуры, в болгарских условиях воспринимается как нарушение и вмешательство извне в социальный порядок общности и подвергается осмеянию. Ясно, что комедиографу более присуща просвещенческая концепция об освобождающей роли знания, которая синхронизирует унаследованные добродетели и позитивы модернизирующегося человеческого общества.

В подобном смысле Войников актуализирует традиционные для народной культуры аксиологические представления о женщине – она должна быть трудолюбивой, отличаться умом, уважать родителей, хранить «честь» и мораль семьи. В комедии еще в первом явлении первого действия между Златой и хаджи Костой проводится подобие дискуссии о воспитательной стратегии, в которой представляются две точки зрения: традиционные представления о поведении молодой девушки и новый современный взгляд на них.

В образ Анки как персонажа-чуждепоклонника встраивается и мотив избалованной дочки, пропущенный через тезис о внешнем подражании. Этот мотив (воспитание девушки) можно увидеть и в комедиях Поповича «Кир Яня» и «Надутая тыква» с акцентом на внешность женщины, усвоение ею чуждой модели (модное платье, шляпа, поведение, жесты) и нарушение моральных норм.

Возможно здесь и сопоставление с комедией Икономова «Ловчанский владыка»: развращенность матери-чужеземки» (Кириака) формирует поведение и неверной супруги-чужеземки (Маргиола). Взаимосвязь мать-дочь в комедии Войникова интерпретируется таким же образом: легкомыслие матери-чуждепоклонницы (Злата) безоговорочно усваивается чуждепоклонницей-дочерью (Анка). В то же время, мишура, мода, деньги увлекают обе группы персонажей. Различие между Кириака-Маргиола и Злата-Анка состоит в том, что Икономов не дает ни малейшей возможности персонажам-чужеземцам изменить свое поведение – в ситуации, в которой они участвуют, они характеризуются как уже морально деградировавшие. Войников же целенаправленно ищет возможности для изменения поведения персонажа-чуждепоклонника, подчеркивая момент его отрезвления. Более того, он активизирует эту эволюцию через конфликты данного персонажа с героями носителями позитивных ценностей – с Марийкой и хаджи Костой.

Итак, Войников, используя сравнительно более сложный набор средств, изображает моральное падение персонажа-чуждепоклонника, крах его иллюзий как следствие его отхода от традиционных норм поведения. Усиление действительности персонажа-чуждепоклонника происходит за счет пассивности, статичности, резонерства персонажей, защищающих болгарские ценности.

Перевод Н.Н. Пономаревой

ФИГУРАТА НА ЧУЖДОПОКЛОННИКА В БЪЛГАРСКАТА ВЪЗРОЖДЕНСКА КОМЕДИЯ

Ваня Добрева

Статията изследва малко проучван аспект на възрожденската комедия от XIX век – фигурата на чуждепоклонника. Прави се съпоставка с аналогичния въпрос в западноевропейската комедия, където този образ не е обособен самостоятелно. Очертана е спецификата на балканската комедия, в чиито прояви интерпретацията на прехода от традиционно към модерно общество е показателна за развитието на този литературен жанр. Направена е и съпоставка с комедиографския опит на руската комедия от края на XVIII в. – поспециално с творчеството на А.П. Сумароков. Проблемът на чуждепоклонника е разгледан в творби на П.Р. Славейков, Й.С. Попович, Д. Войников и др.

Ангелина Вачева

О предполагаемом образце комедии Добри Войникова «Плохопонятая цивилизация» («Бригадир» Д.И. Фонвизина)

Комедия Добри Войникова «Плохопонятая цивилизация» («Кривообразаната цивилизация», 1871) давно заняла заслуженное место в истории болгарской литературы. Интерес поколений исследователей сосредоточен главным образом на проблемах поэтики и особенностях системы персонажей. Обычно подчеркивается оригинальность сюжета пьесы, но очень редко комментарию подлжит история создания текста и наличие возможных образцов, которым следовал драматург. Еще Боян Пенев в «Истории новой болгарской литературы» (1936) ставит вопрос о вероятном подражании сербскому источнику – комедии «Београд некад и сад» (1853) Йов.Ст. Поповича¹. Выдающийся критик учитывает мнения некоторых своих предшественников, а также современников драматурга, которые также говорят о возможном следовании чужому образцу. К примеру, Л. Каравелов указывает на ту же сербскую комедию, но приписывает ее Штере Поповичу, А. Гечев в своем труде «Д. Войников в развоја на нашата драма» первым выдвигает тезис, защищаемый позднее Пеневым, а Александр Теодоров говорит о подражании таким известным комедиям, как «Le bourgeois gentilhomme» и «Les femmes savantes» Мольера². Так или иначе, первые исследователи творчества Войникова склонны поддерживать мнение об имитации схожего по тематике иностранного текста. Позднейшие поколения ученых (П. Динев, Д. Леков, Н. Чернокожев, Н. Аретов, Н. Пытова и др., за исключением Н. Драговой в ее неопубликованной и уже недоступной для современного читателя диссертации о Войникове, 1958), которые работали над проблемами болгарской возрожденческой литературы, не рассматривают этот вопрос³.

¹ Пенев Б. История на новата българска литература. София: Български писател, 1978. Т. IV. С. 66.

² Там же.

³ См.: Динев П. Възрожденски писатели. София, 1962; Динев П. Из историята на българската литература. София, 1969; Леков Д. Българска възрожденска литература. Проблеми, жанрове, творци. София, 1988; Леков Д. История на литературата и възприемателя през Българското възраждане. Т. 1. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2004; Чернокожев Н. «Кривообразаната цивилизация» – проблематизациите на разбирането и цивилизоването // Език и литература. № 2. 1998; Аретов Н. Национална митология и национална литература. София: Кралица Маб, 2006; и др.

Впрочем, сюжет о преклонении перед чужой культурой далеко не новый и оригинальный во времена не только Войникова, но даже Фонвизина. Французский исследователь Алоис Стричек указывает на его исключительную популярность: «Действительно, когда писался «Бригадир», французоomania высмеивалась и на берегах Темзы, и на берегах Невы. Комедии типа «Jean de France» Людвига Гольберга игрались повсюду, где находились поклонники французского шарма. Впрочем, подражание иностранным обычаям и модам во все времена было излюбленной темой комедий, и уже латинянам нравилось высмеивать на сцене «грекоманию» своих современников»⁴.

Многолетнее преподавание творчества выдающегося русского комедиографа Дениса Ивановича Фонвизина неизбежно навело меня на мысль об аналогиях с произведением *Добри Войникова*. Сходство в проблематике, критика слепого преклонения перед всем иностранным, тема плохопонятой цивилизованности вызывали у моих студентов русского и болгарского отделений Софийского университета им. св. Климента Охридского ряд ассоциаций и сравнений между двумя текстами. Это обстоятельство заставило меня провести текстологическую параллель между обоими текстами, сыгравшими важную роль в развитии национальных драматургий России и Болгарии.

Тема «Фонвизин в Болгарии» давно и основательно разработана болгарской русистикой. Она является традиционной в освещении рецепции русской литературы во время болгарского Возрождения. Ведущие исследователи русско-болгарских литературных отношений – Ц. Минков, Т. Боров, В. Велчев, Е. Метева, Л. Боева и др., – уделили много внимания популярности этого русского автора в Болгарии⁵. Особый интерес вызывает болгаризация другой классической комедии Фонвизина – «Недоросля» (1782) в пьесе «Глезен Мирчо» Тодора

⁴ Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи просвещения. М.: Прометей, 1994. С. 129. – Среди предшественников Фонвизина, критиковавших в своих комедиях галломанию, автор называет Сумарокова, Карина, Лукина, а среди предполагаемых непосредственных его образцов – комедию «Французская гувернантка» немецкого драматурга Готшеда (Там же).

⁵ Минков Ц. Българска драма – начало, развитие, представители. София, 1936; Метева Е. Фонвизин у нас // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. Т. LII. 2. 1956–1957. София: Наука и изкуство, 1958. С. 377–424; Боров Т. Русская литература XVIII века в Болгарии в эпоху Возрождения. Итоги изучения // Сб. XVIII век. № 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. Л., 1966. С. 409–414; Велчев В. Българо-руски литературни взаимоотношения през XIX–XX век. От Фонвизин до Горки. София, 1947; Велчев В. К вопросу о восприятии русской литературы XVIII века в Болгарии. (Традиция фонвизинского «Недоросля» в творчестве Т. Шишкова) // Сб. XVIII век № 7... С. 403–418; Боева Л. Русская литература XVIII века и Болгарское возрождение // Боева Л. Проблемы русской литературы XI–XVIII веков. София: Наука и изкуство, 1985. С. 330–376.

Шишкова. Но никто из ученых не комментировал наличие какого-либо интереса со стороны возрожденческих писателей к первой оригинальной комедии Фонвизина, благодаря которой он совершил значительный поворот в русской драматургии XVIII в. и особенно в классицистической комедии, ориентируясь на оригинальные, взятые из реального дворянского быта сюжеты, и вводя национальные русские типажи.

Внимательное прочтение фонвизиновского «Бригадира» (1768) и пьесы Войникова «Плохопонятая цивилизация» (1871) позволяет установить ряд аналогий между текстами, несмотря на столетие, стоящее между ними.

Еще в начале пьес бросается в глаза сходство проблематики – критика чужепоклонства (конкретно галломании) и защита национальных ценностей. Необходимо отметить, однако, коренное различие в сюжетах обоих произведений. На сюжетном уровне комедия Войникова полностью расходится с «Бригадиром».

В пьесе Фонвизина две дворянские семьи, обладающие высоким социальным статусом, собрались в провинциальном имении Советника отметить помолвку своих детей. Отцы семейств имеют одинаковые чины в дворянской иерархии – V класс по Табели о рангах (хозяин дома – коллежский советник, а гость – бригадир), брак их детей, который обе семьи оговаривают между собой, вполне укладывается в сословные конвенции. Фонвизин вводит схематическую любовную интригу, чтобы исполнить классицистические требования к жанру: в конце пьесы добродетельная дочь Советника от его первого брака Софья выйдет замуж за своего избранника Добролюбова, неожиданно разбогатевшего, а разочаровавшийся друг в друге после серии флиртов и интриг сваты отказываются от своих первоначальных планов.

Сюжет комедии Войникова основывается на цивилизационном конфликте между болгарами-патриотами и традиционалистами, с одной стороны, и проповедниками псевдоцивилизации – греком и его подражателями, с другой. Любовная интрига в комедии Войникова имеет гораздо большую организующую роль в тексте. Конфликт в пьесе хорошо очерчен, в отличие от комедии Фонвизина, где нет такого резкого противопоставления между отрицательными и едва намеченными добродетельными персонажами. Цель русского драматурга – осмеяние нравов русского (провинциального) дворянства, критика распространившейся как эпидемия в сословии галломании, а также постановка вопросов, связанных с уровнем просвещенности и воспитанием молодых дворян. Особенно актуальной в эпоху Фонвизина была проблема о том, что за знания привозят из чужих краев посланные туда за наукой дворянские «недоросли». Эта тема появляется и активно присутствует в русской литературе XVIII в. еще со времени Петра I, когда Россия стала сталкиваться с горькими плодами в принципе положительного для развития страны опыта.

Сходства между пьесами прослеживаются на нескольких уровнях, прежде всего на уровне паратекста и в типологии персонажей.

Аналогия производит впечатление еще в самом начале обоих текстов. Как «Бригадир», так и «Плохопонятая цивилизация» начинаются подробными ремарками, содержащими авторские концепции декора, костюмов и поведения персонажей на момент поднятия занавеса.

«Бригадир»:

«Театр представляет комнату, убранную по-деревенски. Бригадир, в сюртуке, ходит и курит табак. Советник, в дезабилье, кобеняся, пьет чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит советница в дезабилье и корсете и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит одаль и чулок вяжет. Софья также сидит одаль и шьет в тамбуре»⁶.

«Плохопонятая цивилизация»:

«Сцената представлява къщата на Хаджи Коста. Стая, постлана с килим; надясно – мендерлик с наредени възглавници, наляво – маса и столове. Огледало и др. Вратата на стаята иде отляво; друга врата надясно води в друга стая».

Явление I

Хаджи Коста с потури, ферменя, фес, седнал на мендерлика, с дълъг чибук, пуши, Злата, която му носи кафе»⁷.

Обе ремарки должны ввести зрителей в живую реальность современности и ознакомить их с миром персонажей. Ремарка, предваряющая текст Фонвизина, совершает революцию в русском театре: она раскрывает публике подробности русского дворянского быта и порывает с условностью тогдашних русских комедий. Все детали конкретизированы, а автор рассчитывает на устойчивые впечатления зрителей от типичных для русской глубинки нравов, отношений, даже одежды и интерьеров. Все сообщенные комедиографом подробности костюмов, поз, поведения персонажей подсказывают зрителям как социальный статус героев, так и особенности их характеров, которые раскрываются в ходе действия.

Ремарка в начале комедии «Плохопонятая цивилизация» имеет сходные цели. В ней также есть описания интерьера и поведения персонажей, в которых содержатся скрытые характеристики их социального статуса и характеров. Ковер, а не домотканая дорожка на полу, зеркало, узкие диванчики (миндерльци) с множеством подушек, стол

⁶ Фонвизин Д.И. Комедии. М., 1987. С. 5. – Все цитаты из текста даются по этому изданию. В дальнейшем указывается только страница. Цитаты из произведений даются на языке оригинала.

⁷ Войников Д. Криворазбраната цивилизация // Българска възрожденска драма. София: Български писател, 1976. С. 27. – Все цитаты даются по этому изданию.

и стулья говорят о зажиточности хозяина, о его склонности воспринять до известной степени модные для времени тенденции в убранстве дома, а также в организации жизни, что будет защищено поведением героя в ходе действия. Производят впечатление некоторые сходства в обеих ремарках при всем различии бытовых реалий, воспроизведенных авторами, согласно особенностям культур их стран: трубка Бригадира/чубук хаджи Косты, концепция сценографии, расположение мебели на сцене, чаепитие в русском тексте и угощение кофе в болгарском, Советница, разливающая чай по светскому европейскому этикету, и Злата, подносящая кофе своему мужу, который она вероятнее всего сварила сама согласно балканской традиции.

Аналогии между текстами проявляются прежде всего на уровне системы персонажей. Особенно явственно они прослеживаются в образах сторонников псевдоцивилизации. Самый яркий образ в этом смысле в комедии Фонвизина – сын Бригадира Иванушка, недавно вернувшийся из Франции. Всегда, когда появляется возможность, он не упускает случая, чтобы не показать свою «образованность», постоянно вставляя в свою речь какое-нибудь французское слово или выражение (*Dieu!*; *Vous avez raison*; *Je vous prie*; *C'est plus interessant*; *J'en suis d'accord*; бильеду, резонман, экзистирует и пр. и пр.). Это устойчивая речевая характеристика персонажа, подчеркивающая его поверхностную образованность, сводящуюся к элементарному копированию французского речевого и светского поведения, но не основывающаяся на более серьезных знаниях («*J'en suis d'accord*, на что грамматика! Я сам писывал тысячу бильеду, и мне кажется, что свет мой, душа моя, *adieu*, *ma peine*, можно сказать, не заглядывая в грамматику», Д-е. 1, явл. 1, с. 11). Таким же образом поступают аналоги героя в болгарской пьесе Маргариди и Димитраки. Иванушка, также как одноименный герой русского фольклора, – круглый дурак, пародирующий французской псевдоученостью. Он такой же оболтус («диване»), каким является истративший немало отцовских денежек на учебу во Франции Димитраки. Иван особенно гордится «теплым» приемом, который ему оказывали французы:

«В Париже все почитали меня так, как я заслуживаю. Куда бы я ни приходил, везде я один говорил, или все обо мне говорили. Все моим разговором восхищались. Где меня ни видали, везде у всех радость являлася на лицах, и часто, не могли их скрыть, декларировали ее таким чрезвычайным смехом, который прямо показывал, что они обо мне думают» (с. 35).

По словам своей матери, Димитраки после пребывания за границей стал «похожим на французика: как будто это не наш сын» («поприличал на френче: сякаш не е наш син» (с. 29, Д-е I), превратился в «настоящего вранцуза» («същ вранцузин» (с. 68, Д-е III, Явл. 6). Сам Димитраки пародирует своим «европейским» поведением

и отказывается от болгарского происхождения: «Если бы я знал, что во мне хоть столечко (показывает пальцем) болгарского мяса, я бы отрезал его и бросил бы собакам» («Да зная, че има (показва с пръста си) толкози месо българско у мене, отрязвам го и го хвърлям на кучетата»; Там же). Это происходит до того момента, когда честь семьи скомпрометирована иностранцем Маргариди, и Димитраки вынужден вспомнить, что он болгарин, и искать сочувствия и помощи у общества: «Господа, вы знаете что это такое, честь болгарина» («Господа, вий знайте какво нещо е честта на българина. Аз като българин...»), также и реплика Райчо: «Ну и ну! Теперь он стал болгаринном» («Хъ, хъ! Сега стана българин», с. 93).

Сын Бригадира также воспринимает себя уже как натурализованного француза:

«Сын. Mon cher père! Или сносно мне слышать, что хотят женить меня на русской?»

Б р и г а д и р. Да ты что за француз? Мне кажется, ты на Руси родился.

Сын. Тело мое родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской» (Д-е III, явл. 1, с. 30).

По мнению Ивана каждый его соотечественник, побывавший в Париже, уже стал более французом, чем русским («Всякий кто был в Париже, имеет уже право, говоря про русских, не включать себя в число тех, затем что он уже стал больше француз, нежели русский» (с. 35, Д-е III, явл. 3). Для Димитраки не существует рода и веры, если человек хочет быть по-настоящему свободным: «Кой ли ти пита днес за вяра? За рода ... челяк е свободен, какъвто ще, такъв се казва, стига да бъде достоен за името на нея нация» (с. 68, Д-е III, явл. 6). Однако Иван, как и Димитраки, к своему большому сожалению, не может полностью преодолеть чувство неполноценности, возникшее из-за того, что он родился в «варварской» стране:

«С о в е т н и ц а. Скажи мне, жизнь моя: можно ль тем из наших, кто был в Париже, забыть совершенно то, что они русские?»

Сын. Totalement нельзя. Это не такое несчастье, которое бы скоро в мыслях могло быть заглажено. Однако нельзя и того сказать, чтоб оно живо было в нашей памяти. Оно представляется нам, как сон, как illusion» (Там же, с. 36).

Париж и в русской, и в болгарской пьесах приобретает в сознании героев, уже побывавших в нем или же мечтающих попасть туда (Анка, Советница), характеристики сакрального топоса, обладающего магическими свойствами. Иван уверен, что, если кто-то (в данном случае его совершенно старомодный отец) попадет в Париж, он хотя бы станет походить на человека («он, съездя в Париж, по крайней мере хотя сколько-нибудь на человека походить будет», с. 28).

И тот, и другой персонажи осмысливают пребывание во Франции как перерождение, как метаморфозу не только духа, но и тела, оба склонны отречься не только от своей национальности, но даже от родителей, из-за их «непросвещенности», «упрямства», «нецивилизованности».

И тот, и другой персонажи проповедуют псевдоцивилизацию и чужепоклонство. Оба пропагандируют плохопонятую свободу личности (особенно женской), которую они интерпретируют на поверхностном бытовом уровне как распущенность в семейных и любовных отношениях:

«С ы н По крайней мере государи мои, во Франции он (Бог. – А.В.) оставил на людское произволение – любить, изменять, жениться и разводиться» (с. 8, Д-е I, явл. 1).

«Д и м и т р а к и. Цивилизацията, Марийке, е слынцецо на днешния век, слынце, косто грее днес над цяла Европа, дето м а д а м и т е с а цветето на тази цивилизация. Да, там жените не са като тукашните робини, а са равни с мъжете. Във Франца, а именно в Париж, жената е тъй свободна, както и мъжът. Една д е м у а з е л а там зема си кавалерина, когото обикнала, па са разхожда с него, където си ще. Да, голяма свобода» (с. 34, Д-е I, явл. 5).

Вкладывая эти реплики в уста отрицательных персонажей, оба автора дают ясно понять, что они являются традиционалистами в отношении семейных ценностей и защищают свойственную их культурам патриархальную мораль.

Можно провести также известные аналогии между образами Иванушки и мосье Маргариди. Сын Бригадира лишен инфернальных характеристик врача-грека, который в болгарской пьесе проявляет себя как искуситель («дьявол» в восприятии наивного фольклорного сознания бабы Стойны) и злодей, преследующий свои низкие цели. Иванушка – «свой», он иллюстрирует собой последствия слепого и поверхностного подражания чужим цивилизационным моделям, но он не агрессивен и не угрожает так явственно единству русского социума. Самая явная аналогия между обоими персонажами, помимо их характеризования испещренной галлицизмами речью, проявляется в диалогах соответственно Ивана с Советницей и Маргариди с Анкой. Особенно показательны сцены ухаживания во втором действии «Бригадира» (явл. 6) и «Плохопонятой цивилизации» (явл. 7), в которых оба героя рисуют перед объектами своего ухаживания соблазнительные сцены из иностранной жизни и обещают им организовать их бегство к цивилизации:

«Бригадир»:

«С о в е т н и ц а . . . Я не была в Париже, однако чувствует сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человеческое есть всегда сердце и в Париже, и в России: оно обмануть не может.

Сын. Madame, ты меня восхищаешь: ты, я вижу, такое же тонкое понятие имеешь о сердце, как я о разуме. Mon Dieu! Как судьбина милосердна! Она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава; мы созданы друг для друга.

Советница. Без сомнения, мы рождены под одною кометою.

Сын. Все несчастье мое состоит в том только, что ты русская.

Советница. Это, ангел мой, конечно, для меня ужасная погибель.

Сын. Это такой défaut, которого ничем загладить уже нельзя.

Советница. Что мне делать?

Сын. Дай мне в себе волно. Я не намерен в России умереть. Я сыщу occasion favorable увезти тебя в Париж. Там остатки наших дней, les restes de nos jours, будем иметь утешение проводить с французами; там увидишь ты, что есть между прочими и такие люди, с которыми я могу иметь société» (с. 28).

«Плохопонятая цивилизация»:

Маргариди (любезно). Ты, машер Аннет, не си никак родена, за да станеш жена на един българин; натурата та е дарила, бога ми, с таквази шарманта на хубост, с таквази физически авантажи, с таквази персонални граци, дето трябва да бъдат само за сантименталното сърце на един европеец. Да, маптитам, ти си родена да живееш не между и гнорентите, простите, а в пазвата на цивилизацията.

Анка. Цивилизацията... да, тази цивилизация, която толкова обичам и желая...

Маргариди. Да, имаш резон. Голям грях ще бъдеш, ако останеш в тази простата земя.

Маргариди. ... Парконсеканс, машер Аннет, ти си ендепендента... стига да десидаш а си са оставиш на мене. О, тогаз, тогаз... шер Аннет, ще видиш светливата Европа; да... ще отидем на Виена, на Париж, на Лондон и ... други много, много цивилизовани градове, дето ти ще са видиш... как да ти кажа?... Да речем... в рай – никак по-долу. Идваш ли?» (с. 54).

И в том, и в другом случае средство достижения мечтаемого космополитичного рая нечестно и непорядочно, входящее в разрез с национальными и человеческими нормами: Иванушка обещает замужней женщине приобщить ее к цивилизации, причем именно нарушение нравственных правил должно стереть «темное пятно» ее русского происхождения, а Маргариди ставит себе целью соблазнить и скомпрометировать Анку, обманывая ее обещанием жениться на ней.

Возможны последовательные аналогии также между двумя ведущими женскими персонажами в обеих комедиях: Советницей и Анкой. Также как героини-мужчины, проповедующие псевдоцивилизацию, Советница и Анка характеризуются прежде всего насыщенной галлицизмами речью. В этом они почти не уступают отрицательным мужским персонажам. Для обеих французские слова – средство

отличиться от окружающих, подчеркнуть свою «продвинутость» и просвещенность, отказ от слепого подчинения традиции, отводящей женщине зависимое положение в патриархальном мире. Последний аспект гораздо сильнее выражен в образе Анки. То, что объединяет обе героини, – это понимание освобождения от домостроевских норм как отказ от своей национальной сущности. Другое интересное различие между Советницей и Анкой состоит в том, что героиня болгарской пьесы – старательная ученица Маргариди и Димитраки, тогда как Советница настаивает на почти равноправных отношениях в флирте с Иванушкой, признавая его превосходство лишь в том, что он уже побывал в заветном Париже, т.е. в степени его цивилизованности и отдаленности от русских корней. Наивность Анки, ее доверчивость, трудная ситуация, в которую она попадает в конце комедии, делают ее симпатичнее, чем претенциозная и жеманная героиня Фонвизина.

Обе героини последовательно характеризуются также своим отношением к моде в поведении и костюме. Одежда – главный внешний (и едва ли не единственный, помимо речи) знак, которым персонажи-галломаны выражают себя и по которому распознают родственные души. Модное платье, сшитое по свежайшим журналам, становится главным выражением отказа от национальной идентичности. Оно – критерий ценности человека, который заменяет собой традиционные свойства. Тема моды в «Плохопонятой цивилизация» в последнее время разработана достаточно подробно⁸, поэтому я остановлюсь лишь на общих мотивах в рассматриваемых текстах.

Еще в начале «Бригадира» костюм героини, принимающей почти незнакомых сватов, приехавших по поводу столь важного события как помолвка, в модном «дезабиле», так, как, она слышала, поступают парижские дамы в своих будуарах, говорит о ее снобизме и невежестве. Неуместность подражания в одежде, особенно ярко выделяющаяся на фоне фразы «комната, убранная по-деревенски» в начальной ремарке, подразумевающей странную смесь стилей и влияний, характерную для русской провинции, над которой часто иронизируют также крупные классики XIX в., красноречиво говорит о характере героини. Она, так же как и Анка, слепо увлечена модой, не вникая в суть неподдельной изысканности (настоящая дама принимает в халате в своем будуаре лишь узкий круг людей очень

⁸ См.: *Михова Л.* Мадмоазели и малакови. За литературните интерпретации на модната женска дреха през Възраждането // Модерността вчера и днес. София: Кралица Маб, 2003. С. 160–173; *Пътова Н.* Европа – заплаха или копнеж? (Комедийните интерпретации на европейското) // Модерността вчера и днес. София: Кралица Маб, 2003. С. 187–199; *Пътова Н.* Войникова-та драматургия в търсене на българската самоличност // Български език и литература. 2004. № 1. (www.liternet.bg/publish7/npytova/voinkovata.html)

близких, но не почти незнакомых, тем более приехавших по официальному поводу). Так же как Анка, осмысляющая свою жизнь платьями, сшитыми по последним модным журналам, Советница наполняет свои дни заботами о нарядах («И если бы поутру не сидела я часов трех у туалета, то могу сказать, умереть бы все равно для меня было», с. 14). Как элемент модного и изысканного поведения Советница принимает также флирт с молодым сыном Бригадира (разумеется, за спиной мужа), тогда как героиня Войникова, хотя и поддающаяся ухаживаниям Маргариди, до последнего защищает свою девичью честь. С другой стороны, подобно Советнице, презирующей «невежественных» соседей по имению, еще не усвоивших правил галантного поведения, Анка демонстрирует пренебрежение и снисходительность к тем, кто «отста-ет» в усвоении «европейских» манер – Марийке, ее матери. И обе героини мечтают вырваться из «варварской» среды, в которой «обречены» жить, а брак (или любовные отношения) с «носителем цивилизации» им кажется единственным способом воплотить свою мечту:

«С о в е т н и ц а. Ах! Сколь счастлива дочь наша! Она идет за того, который был в Париже. Ах! Радость моя! Я довольно знаю, какво жить с тем мужем, который в Париже не был» (с. 6).

«А н к а. ... аз мразя туй име.

М а р и й к а. Тогаз мразиш и себе си.

А н к а. Себе си не, а българското име; затуй и искам да са събера с един чужденец европеец, за да са измия от това просто име. Не ща да съм българка, защото няма по-долно нещо от българката.

...
«Аз трябва да живея като европейка; обикнала съм цивилизацията и в нея искам да умра» (с. 81, Д-е IV, явл. 5).

Ряд аналогий можно установить также между остальными персонажами в обеих комедиях. Здравомыслию и грубоватому поведению хаджи Косты в русском тексте соответствует грубое и тираническое поведение Бригадира, который, однако, сохранил чувство реальности и глубоко разочарован, как и отец Димитраки, «успехами» и «просвещенностью» сына. И Бригадир, и хаджи Коста твердо отстаивают патриархальные традиции своих семей, но в то же время герой русской пьесы позволяет себе светский флирт с будущей родственницей – Советницей. Известное сходство, вызывающее сочувствие, имеют между собой Бригадирша и Злата. Обе иллюстрируют собой судьбу женщин в патриархальной семье, которые вынуждены не только подчиняться воле, но также терпеть прихоти и своеволия мужей. Так же как Злата боится, что хаджи Коста опять будет «греть», подвергаясь всю жизнь унижениям Бригадирша, которой часто приходилось отведывать кулаки благоверного, вымещавшего

на ней промахи рядовых, боится гнева мужа. Разумеется, сходство можно найти и между двумя положительными женскими персонажами в комедиях – Софьей и Марийкой, успешно выполняющих роль резонеров в обоих произведениях.

Приведенные аналогии между «Бригадиром» Фонвизина и комедией «Плохопонятая цивилизация» Войникова можно объяснить сходством культурной ситуации в Болгарии второй половины XIX в. с культурной ситуацией в России столетием раньше. Но лишь типологическая близость не является достаточно основательным аргументом наличия большого числа сходных по смыслу реплик персонажей, к тому же представляющих собой одни и те же типажи. Множество аналогий между текстами, как и одинаковая по сути проблематика, связанная с критикой преклонения перед чужим и отказа от национальной идентичности, дают основание предположить, что Добри Войников знал классический текст русской драматургии XVIII в. и использовал его в качестве образца при работе над своей комедией и прежде всего в выработке концепции характеров в ней. Основание для подобных суждений дает также большая популярность Фонвизина как автора в Болгарии во время национального Возрождения. Известный своими интересами не только к французской, но и к русской литературе автор «Плохопонятой цивилизации», русский поданный и консул России Войников по всей вероятности обратился к «урокам» прославленного русского драматурга, чьи пьесы в то время были хрестоматийно известными. Если допустить, что это правда, то перед нами совершенно новое для болгарской литературы того времени отношение к иностранному тексту. Трансформация, которой подвергся чужой текст, не имеет уже ничего общего с практикой «поболгаривания». Войников создает оригинальную по своему сюжету комедию и с большим мастерством воспроизводит национальную и социальную психологию своих персонажей, учитывая особенности болгарской национальной жизни и национальный менталитет. Русский текст, третирующий сходную проблематику (и в то же время содержащий очень много различных с социальной и культурной точки зрения реалий) вероятнее всего подсказал концепцию отрицательных образов, послужил моделью. Добри Войников поступил как умный, хороший и внимательный ученик, усваивая лучшее из уроков своего учителя, чтобы создать качественно отличное произведение, в котором нашли мастерское отражение проблемы и особенности болгарской национальной жизни в эпоху Возрождения.

Перевод автора

ЗА ПРЕДПОЛАГАЕМИЯ ОБРАЗЕЦ НА КОМЕДИЯТА НА ДОБРИ ВОЙНИКОВ «КРИВОРАЗБРАНАТА ЦИВИЛИЗАЦИЯ» («БРИГАДИР» ОТ Д.И. ФОНВИЗИН)

Ангелина Вачева

В статията се провежда текстологичен паралел между текстовете на комедиите «Бригадир» от Д. И. Фонвизин и «Криворазбраната цивилизация» от Д. Войников. Установяват се аналогии както на паратекстово ниво (уводните ремарки в двете пиеси), така и на равнище персонажна система. Забележими прилики могат да бъдат отбелязани в образите на отрицателните персонажи-галомани: Иванушка – Димитраки и Маргариди, Советница – Анка. Героите се характеризират чрез речта си, твърде богата на варваризми и галицизми, а също чрез отношението си към модата в облеклото и поведенческите стереотипи. Известни аналогии могат да бъдат установени и между някои други персонажи: Бригадиршата и Злата, Бригадира и Хаджи Коста, а също между резоньорстващите положителни героини Софя и Марийка. Съответствията между текстовете са продиктувани от приликата на културната ситуация в Русия и България, въпреки столетието, разделящо двете комедии. И от еднаквите цели на авторите, осмиващи чуждопоклонството и псевдоцивилизоваността сред съвременниците си и стремящи се да защитят традиционните ценности по време, когато родните им страни се приобщават към съвременната им европейска култура. Големият брой аналогии позволява да бъде изказано предположение, че Добри Войников е познавал текста на първата оригинална комедия на Фонвизин, автора, много популярен в България по време на Възраждането с други свои произведения, и я е използвал като образец при създаването на персонажната система на своята творба.

Николета Пытова

Фрагменты из публицистики Р. Жинзифова и полемика о болгарской национальной идентичности

Эпоха болгарского Возрождения – это первый период в развитии болгарского национального самосознания, когда поиск и заявление собственной групповой идентичности становятся объектом публичного и массового внимания. Начиная с Паисия Хилендарского, все идеологи Возрождения стараются разными способами внушить болгарам уважение к своему роду и языку. Возрожденческие споры о болгарской идентичности – разножанровые, в них участвуют все имеющиеся на тот момент культурные и политические институции. К поискам болгарского «мы-образа» подключаются публицистика, историография, просвещение, делающие свои первые шаги литературные жанры, зарождающаяся фольклористика, церковь, читалища¹, изобразительное искусство, театр.

Болгарское Возрождение – это тот период, в течение которого осуществляются серьезные трансформационные процессы в области социальной и личностной эволюции как разных по масштабу и принципу обособления групп людей, так и отдельных индивидов в меняющемся обществе. Это период, когда происходит перереструктуризация существовавшей до тех пор групповой идентичности и в создание обобщенного образа болгарина вкладываются новые важные акценты. Особый смысл для определения характера идентичности приобретает тот факт, что болгарская общность начинает осмысливать себя как национальная общность.

Целый ряд теорий² направлен на исследование специфики проблемы возникновения наций и национальных государств. В большинстве из них утверждается следующее: Этнические общности

¹ Читалище – специфическая общественно-культурная институция в Болгарии. Выполняет одновременно функции: библиотеки; театра; школы по факультативным учебным дисциплинам (например, по музыке, танцам, изобразительному искусству, иностранным языкам), места для проведения бесед и дискуссий, культурных клубов по интересам. Эта форма народной самодеятельности возникла в эпоху болгарского Возрождения. – *Прим. переводчика.*

² *Smith A. Theories of Nationalism. New York, 1971; Armstrong J. Nations before Nationalism. The University of North Carolina Press, 1982; Hutchinson J. Cultural Nationalism and Moral Regeneration // Nationalism. Oxford Readers, 1994; Андерсън Б. Въобразените общности. София, 1998; Геллър Ъ. Нации и национализъм. София, 1999; Смит А. Националната идентичност. София, 2000.*

предваряют национальные объединения. Факторы, объединяющие большую группу людей – это прежде всего общие язык, религия, прошлое, обычаи и культура, общая территория. В XVIII веке в условиях капитализма и индустриализации отдельные этнические общности начинают оформлять свои экономические пространства. Возросшая мобильность населения, возникновение административных языков на основе разговорного языка, вызванное массовизацией образования и функционированием «печатного слова как товара» (Б. Андерсон) – это те возникшие впоследствии условия, благодаря которым этнические общности трансформируются в национальные. Национальное сознание развивается параллельно с требованиями создания собственных институций (например, независимой церкви), собственного государства (если его надо создавать вследствие распада в этот период многонациональных империй) или расширения уже существующего государственного объединения.

В большей части упомянутых выше исследований предлагаются генерализирующие теоретические проекты, сконцентрированные преимущественно на истории западноевропейской государственности и на особенностях постколониальной эпохи. Применительно к болгарской практике ближе всего матрица так называемого *восточноевропейского типа нации*, (или по-другому – *культурной нации*). Эта модель функционирует прежде всего в многонациональных империях, где отдельные народы объединяются вокруг собственных культурных движений. Отсутствие своей государственной организации и своей государственной территории в этих случаях компенсируется тем, что акцент ставится на общих корнях, на общем идеализированном прошлом, на общих культурных традициях, на общих языках и религиях.

Любая идентичность – групповая или личностная – понятие собирательное. Она осуществляется в общем по двум направлениям – как отличие от других и как тождественность самой себе. Д. Армстронг приходит к выводу, что идентичность является психологической, а не антропологической категорией, потому что такие объективные характеристики, как общность языка, территории, истории, рынка, недостаточны для определения идентичности. Идентичность возникает тогда, когда объективные характеристики осознаются индивидами, т.е. когда проявляется их отношение к ним.

Наиболее активно возрожденческие поиски национальной идентичности идут во второй половине XIX в. Этот период совпадает с самыми плодотворными десятилетиями в творчестве Райко Жинзифова,

который в Москве и более всего перед русской общественностью и для нее пытается определить облик болгарской специфики, т.е. дополнить со своей точки зрения меняющееся содержание понятия «*болгарская идентичность*».

К указанным выше ее характеристикам можно добавить еще одну: это понятие динамичное, в ходе развития общества постоянно подвергающееся коррекциям и дополнениям. Поэтому очень трудно дать корректный ответ на основной вопрос, вокруг которого идут споры в любой национальной общности – Кто мы? Ответить сложно даже в рамках общности, поднимающей этот вопрос, и еще сложнее, когда данной общности надо найти свой образ и объяснять его другой национальной общности. Именно в этом и состоит уникальность ситуации, в которой находится Р. Жинзифов в Москве, где он знакомит русское общество с болгарами и их проблемами, ищет для своего народа поддержки, сочувствия и адекватной помощи. Потому что он верит, что они могут прийти именно из России.

Когда летом 1858 года родившийся в Велесе девятнадцатилетний Р. Жинзифов отправляется в Россию и к концу того же года обосновывается в Москве, он вряд ли мог себе представить, что остаток его жизни, самый активный в творческом отношении для него период, пройдет именно там. Осенью 1860 г. он поступает на историко-филологический факультет Московского университета. Его учеба там становится возможной благодаря скромной материальной помощи славянофилов, с которыми Р. Жинзифов имеет тесные связи. И его современники, и исследователи его жизни и творчества в дальнейшем причисляют Р. Жинзифова к славянофилам. Однако тщательный анализ его публицистики свидетельствует о том, что его славянофильские увлечения не доминируют над патриотической болгарской ориентацией. В рамках настоящей работы невозможно дать углубленный комментарий к его статьям, опубликованным в периодических изданиях «День», «Москва», «Православное обозрение», «Современная летопись», «Московские ведомости», «Русский архив» и «Труды этнографического отдела».³ Поэтому здесь я остановлюсь

³ В 1928 г. выходит исследование д-ра Павла Орешкова «Жинзифов как журналист» (см.: *Орешков П. Жинзифов като журналист // Македонски преглед. IV. Кн. 1. 1928*), в котором автор на основании своей исследовательской работы в России перечисляет свыше 100 статей Р. Жинзифова в русской печати. Позже эти статьи с исправлениями и дополнениями публикуются в двухтомном академическом издании: *Райко Жинзифов. Публицистика. Т. 1, 2 / Составители Цвета Унджиева, Дочо Леков, Илия Конев. София, 1964.*

только на первом выступлении автора на страницах русской периодики – я имею в виду письмо Жинзифова в газету «День», опубликованное в ее третьем номере за 1861 г. и вызванное, по всей вероятности, одной из передовых статьей той же самой газеты.

В ней редактор «Дня» И.С. Аксаков, один из идеологов славянофильства, подвергает критике позицию своих соотечественников, которые с униженным раболепием ждут благосклонности Европы и, чтобы понравиться Западу, готовы скрыть в себе все русское. Таково, считает Аксаков, и поведение всей Православно-славянской общности. К сожалению, она так и не дожидается признания и похвалы со стороны Запада, потому что между ними существует непреодолимый антагонизм двух различных духовных начал. Далее Аксаков отмечает, что русские – единственный свободный славянский народ и определяет миссию России следующим образом: *«Освободить из-под материального и духовного гнета народы Славянские и даровать им дар самостоятельного духовного, и, пожалуй, политического бытия, под сенью могущественных крыл Русского орла – вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России»*. В газете учреждается новый Славянский отдел, который должен помочь проникновению к славянам дружеского слова, поддерживать духовную связь с Россией⁴. В статье легко угадывается выдвигаемая славянофилами идея объединения славянских народов под эгидой России и полного неприятия ценностей западноевропейской цивилизации.

Выход в свет первого номера газеты «День» и, по всей вероятности, указанная выше статья И.С. Аксакова побуждают Р. Жинзифова опубликовать «Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору»⁵. Сначала автор письма приветствует хорошее начинание, каким, по его мнению, является идея газеты огласить публично проблемы славянства. Затем молодой болгарин подчеркивает, что у славян и, в частности, у болгар есть, кроме немцев и турок, еще один столь же опасный враг – греки, не отказавшиеся от своего старого убеждения в том, что каждый, кто не является греком – варвар. Во второй половине письма он говорит о разнице между болгарями и русскими во взаимном восприятии друг друга: первые, как и остальные славянские племена, хорошо знают русских, а русским незнаком даже этноним *болгарин*. То же самое невежество они проявляют

⁴ Аксаков И.С. Славянский вопрос. М., 1886. С. 3–9.

⁵ Райко Жинзифов. Публицистика. Т. 1. С. 31–35.

и по отношению к остальным славянам. Письмо Р. Жинзифова заканчивается риторическим вопросом: «Легко ли нам это ваше русское невежество? Как вы думаете?»

В данном случае интересен тот факт, что из этого письма в дальнейшем проистекают две из центральных тем публицистики Р. Жинзифова: 1) тема борьбы за независимость болгарской церкви, вокруг которой ведутся споры о взаимоотношениях между болгарами и греками; 2) стремление автора на протяжении многих лет знакомить русскую общественность с болгарским и с другими славянскими народами на основе разностороннего материала – политического, литературно-культурного, этнографического, географического и т.д. В этом смысле первое публицистическое выступление молодого автора можно рассматривать и как программную статью его собственного журналистского творчества.

Однако, по своим функциям миссия Р. Жинзифова в русской столице оказывается стабильно последовательной. Ее цель – попытаться ответить на вопрос «Кто мы, болгары?». Возвращаясь к началу настоящей работы, к теоретическим посылкам по вопросу о возникновении наций, мы отдаем себе отчет в том, насколько сложно найти ответы на поставленный вопрос вообще. А в данном случае ситуация усложняется вдвойне, поскольку публика, которой предназначаются эти ответы – чужая и не очень в них заинтересованная, так что комментарии, предлагаемые автором, должны интриговать, а сопутствующий им рассказ должен быть понятным, пробуждать эмоции этой публики.

Внимательное прочтение «Письма» Р. Жинзифова показывает, что в его текст нестандартным способом включен весь набор общих характеристик, на которые должна отвечать данная общность, чтобы осознать себя нацией – единство происхождения, религии, языка, культурных норм, исторической памяти и общий политический проект совместного будущего – в сочетании с пониманием значимости этих характеристик.

После пожелания газете успеха автор сразу же ставит вопрос о «своих», о «славянских племенах», а из контекста становится ясным, что он говорит прежде всего о болгарях и о сближении двух народов – русского и болгарского. Непосредственно после этого он говорит и о «других» по отношению к славянскому миру – немцах и турках. В то же время Р. Жинзифов и обогащает познания аудитории, подчеркивая, что в данный исторический и политический период самым отъявленным для болгар врагом являются греки. И спрашивает,

действительно ли этот факт незнаком русской общественности или она просто закрывает на него глаза: *«Ужели потому, что они православные, не следует и называть их притеснителями, такими же, как немцы и турки?»* В следующем своем комментарии автор говорит о «своих», называя их «православными славянами-болгарами». Этим сложным понятием он, в сущности, подчеркивает ту идентичность, которая в данном случае кажется ему наиболее важной – религиозную принадлежность болгар, сближающую их с русскими, приобщающую их к славянству. В нескольких строках Р. Жинзифов комментирует высокомерное самочувствие наших соседей по отношению ко всем отличным от них и прежде всего к «славянам», неоднократно противопоставляя «греков» «славянам». Когда же он переходит к конкретным отрицательным характеристикам греков и его рассказ концентрируется на конфликте с фанариотами, он сужает понятия «свои» и «чужие», называя обе стороны соответственно «болгарами» и «греками-фанариотами». Здесь проблемы весьма животрепещущи и нет нужды в метафорах *«Греки (в Турции) наперсники и друзья турок, постоянные и верные доносчики, гонители всего славянского, лъстящие русским, хитрые лицемеры перед русскими!»* Далее говорится о предательской по отношению к православным русским и болгарам политике греков, посоветовавших турецкому правительству запретить распространение иностранных книг, особенно русских, в своей империи.

В этом контексте автор в полемическом плане раскрывает и тему культурной памяти славян, в частности болгар: *«Не трогайте греков, говорят нам, не кричите против них, потому что они передали вам, славянам, христианскую веру, потому что они просветили славян. Как будто бы не будь греков, так славяне не были бы христианами и остались бы язычниками? А болгары, от которых перешли священные книги ко всем прочим славянам на языке более или менее понятном каждому славянину? Разве они имеют менее прав на признательность русских и всех славян?»*

Пытаясь объяснить русским, кто такие болгары и откуда они, Р. Жинзифов очерчивает географическую территорию болгарской нации: *«...начиная с устьев Вардара на берегах Средиземного моря, проедет всю Македонию вдоль и поперек, тоже Болгарию и Фракию до устьев Дуная на берегах Черного моря...»*. Затем он иллюстрирует на примерах незнание болгар русскими и описывает радушный прием, который устроили бы русскому его соотечественники даже в самой захолустной болгарской деревне. Когда в одном из вообразаемых

диалогов, пересозданных автором статьи, русский священник просит своего собеседника-болгарина объяснить, кто же он, Р. Жинзифов предлагает такой ответ: «Южный славянин, болгарин». Стараясь, чтобы русская аудитория поняла его как следует, он представляет этноним вместе с уточняющим словосочетанием «южный славянин».

Последняя из воображаемых встреч между русским и болгаринном, описанная в статье, проходит в идиллической обстановке русского деревенского праздника, где все пляшут и поют. Фольклорная ситуация настолько напоминает болгарскую праздничность, что болгарский герой Р. Жинзифова невольно думает: «мы дети одной и той же матери, мы ветви одного и того же корня». Оказывается, однако, что, несмотря на идеализированные общие корни и близость, которые ощущают оба персонажа друг к другу, хозяин-русский опять не в состоянии распознать болгарского гостя, так как никогда даже не слышал слова «болгарин».

Возвращаясь снова к возрожденческой полемике об идентичности, следует отметить, что в процессе конструирования образа *Своего* особенно важно сопоставление с *Инаковостью*. Его присутствие превращается в корректив понятий моральности и неморальности, определяемых не просто как абстрактное добро и зло: добро мыслится как носитель или хранитель национальных ценностей и всеобщности, а зло – как угроза ему. Так обстоят дела в обычных случаях. Существуют, однако, и исключения, когда *Другой* выступает в ипостаси *Престижного Другого*⁶. В данном случае русские для болгар являются *престижными другими*, и Р. Жинзифов стремится приобщить своих соотечественников к весьма абстрактной группе всеобщего славянства. Когда национальное достоинство подвергнуто унижению, появляется попытка новой этнокультурной самоидентификации⁷, «присвоения более общей чужой идентичности» (в данном случае идеальной является славянская идентичность). Ситуация поиска и доказательства идентичности ставит идеологов группы перед сложным выбором «не только будущего, но и прошлого»⁸.

⁶ Аретов Н. Национална митология и национална литература. София, 2006. С. 49.

⁷ Кръстева А., Димитрова Н., Богомилова Н., Кацарски И. Свое и чуждо: Български прочит // Универсално и национално в българската култура. София, 1996. С. 11–44.

⁸ В аналогичной ситуации оказывается один из *драматургических* героев в драме Д. Войникова «Райна княгиня». Там русский князь Святослав прибывает в нестабильное до этого момента Болгарское царство как завоеватель,

В своей публицистике Р. Жинзифов хочет сделать имя своего народа актуальным и узнаваемым. Представив русской общественности разные лики *болгарского*, он пытается убедить ее почувствовать болгар ближе к себе, как часть *своего*.

Перевод Р. Русева

ЕДИН ФРАГМЕНТ ОТ ПУБЛИЦИСТИКАТА НА ЖИНЗИФОВ И ДЕБАТЪТ ЗА НАЦИОНАЛНАТА ИДЕНТИЧНОСТ

Николета Пътова

Статията разглежда Райко Жинзифов като един от участниците във възрожденския дебат за българската национална идентичност на базата на неговата публицистика. Коментарът тук е само върху първата публикация на автора, която обаче е разчетена като програмна статия, отнасяща се до цялостното му журналистическо присъствие в руската периодика. В «Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору» са анализирани знаците, с които младият журналист заявява присъствието на българите като национална група изключително близка до русите пред руската общественост.

призванный на помощь византийцами, но по ходу сюжета превращается в друга и защитника болгар. В драме задействован механизм помнящего распознавания. Святослав и Райна помещены в сюжетное время и составляют связь между прошлым (разъединившимися славянскими племенами) и будущим (их желанным объединением). Их должно распознавать как «своих», близких, созданных друг для друга. Здесь важен и факт, что прибыв в Болгарию, Святослав начинает говорить об этой стране как о райском месте. Неосознанное болгарское ожидание признания удовлетворено. Чужому понравилось наше пространство и мы, польщенные этим, принимаем его как своего. Актом распознавания болгары становятся Своими для славянства. Святослав помогает нам воссоздать деконструированное Свое. Он – Престижный Другой, сыгравший одну из главных ролей обозначателей и выявителей нашей собственной идентичности.

Красимир Кунчев

На периферии Российской империи (Болгарское обычное право, азиатский адат, каноны шариата и поэма Г.С. Раковского)

Тема, сформулированная таким образом, не до конца отвечает оправданным ожиданиям того, что речь снова пойдет о нравственном пафосе болгарской литературы Возрождения, как следствии упомянутых уже в оглавлении обычных и религиозных правораздающих систем, которые чаще всего находятся в столкновении друг с другом. При этом одна из них может стать нравственным коррективом не только конкретного литературного произведения¹. Мой выбор текстов Г. Раковского не случаен, но при любом рассмотрении в них данной проблемы она не станет настоящим центром исследования из-за необходимости ряда теоретических уточнений нелитературоведческого характера. Нестандартность избранного ракурса дополнительно усложняет задачу, поскольку чисто литературные аспекты проблемы должны уступать фактам, более интересным для истории, социологии, права, политологии и культурной антропологии. И это естественно, если иметь в виду, что, с одной стороны, я вижу Болгарию периода Возрождения, по словам одного из героев Вазова, насильно загнанную Османской империей «в чрево адово». С другой же – мой интерес направлен на «вторую» Болгарию (Волжско-Камскую), подвергнутую еще большему геноциду со стороны царской России, не отказавшейся и от мечты о «Задунайской губернии». В главе «Татары – двуликий Янус Балкан» из моей книги «Общающийся человек в болгарской литературе Возрождения...»² я посвящаю немало страниц татарской теме и поэтому в данном тексте делаю акцент на другом – на отношении Балкан, Российской и Османской империй в период Возрождения Болгарии к «двум» Болгариям. В тексте будут проведены также и некоторые параллели в трагической судьбе двух народов одной крови, но по иронии судьбы с разными языками и верой – болгарской и татарской.

Все мы знаем общеизвестные, но оспариваемые факты о судьбе Великой Болгарии Кубрата в Приазовии – как распавшаяся империя стала частью Хазарского хаганата. В то же время рождаются еще две Болгарии – Дунайская Болгария хана Аспаруха (VII в.), называемая

¹ См. подробнее по данному вопросу: *Кунчев К.* Фолклорното и обичайно-правното в белетристиката на Любен Каравелов. Бургас, 1996.

² *Кунчев К.* Общаващият човек в Българската възрожденска литература. Етнически стереотипи. Шумен, 2007. С. 96–121.

еще Малой Болгарией, и воистину Великая Волжская Болгария (Булгария) со столицей Болгар³.

В основных этапах своего развития оба болгарских государства очень похожи. Когда во время Золотого века культуры царя Симеона Великого (IX–X в.) и благодаря Тырновской литературной школе (XIV в.) первая Болгария становится, по признанию академика Д.С. Лихачева, «державой духа» и одним из оплотов православия, в устье Волги и Камы, по словам ряда арабских миссионеров-путешественников, рождается «Царство разума», поднявшее на завидную высоту медицину, историю, астрономию (поэт Сайфи Сараи ал Болгари пишет за триста лет до Н. Коперника о вращении Земли вокруг солнца, а произведения поэта Казана Кул Гали можно сравнить с самыми высокими достижениями мировой поэзии до XIII в.).

Я не буду говорить подробно о достижениях в ремесле, далеко превосходивших соседние народы – впервые в Европе болгары на Волге и Каме лютуют чугуном, строят мусульманские храмы, а хорошо обработанная кожа в Восточной Европе и Центральной Азии называется «болгари». Болгарская армия на Балканах не раз побеждает византийцев и крестоносцев, участвует в устранении арабской угрозы в Азии, а их собратья на Востоке – это единственный народ, победивший Чингиз-хана, татаро-монголов в XIII в. и т.д.

Обоим народам с общим языческим прошлым – тенгринством – цивилизационная миссия стоит дорого. Они почти на пять веков покорены и включены в Османскую империю, но после ряда восстаний достигают своего Возрождения и освобождения, а другие стараются сохраниться и выжить в рамках Золотой орды и под гегемонией России, осуществляемой «болгарскими и всероссийскими царями» – Иваном Грозным и Петром Первым. И это только один из многих схематичных примеров большого количества совпадений в трудной судьбе двух народов, рожденных с культурной миссией, которую они отстаивали на различных языках, с разными религиями и письменностью⁴.

Важнее подчеркнуть, что болгарское Возрождение очень напоминает те ферментационные процессы в культурной, политической и социальной жизни наших «возрожденных» братьев, которые, как и болгары под Османским игом, страдали в объятиях царской Руси.

³ Халилов Г. Къде е изчезнала Волжска България?!... // Български древности. Кн. 1. Шумен, 2004. С. 36–43.

⁴ В эпоху так называемого «Казанского ханства» на географической карте Европы эти земли называются *Bulgaria Magna*, т.е. Великая Болгария, а в Турции пишут о Казани так: «Казань, столица болгарского вилайета, прекрасный и благочестивый город – один из больших городов исламского света». Это сказано в 1550 г., за два года до покорения Казани Москвой. См. подробнее: *Kubran I. Tarihin Yankisi (Bulgar Tarihi ve Medeniyeti)*. 1998.

Национальное пробуждение под чужой политической и духовной доминацией с пафосом Паисия ставит судьбоносные вопросы этногенезиса: *«Кто мы? Откуда пришли? И чем мы заслужили эту несчастливую участь, помня о времени неслыханного величия?»*. Волжские болгары помнят наш общий корень, а у нас на лицо лишь скептицизм по отношению к настоящему, блуждания в политических стратегиях идеологии освобождения и романтические теории только у одного Г.С. Раковского. Более точное сопоставление показывает разницу – болгары на Балканах старательно ищут свои корни в Индостане (в литературе Возрождения – чаще Хиндиستان), в то время как болгары на Востоке в XVIII–XIX вв. видят Золотой век своего национального мифа во времени Великого Кубрата.

И еще кое-что: одно за другим следуют массовые, безуспешные, безмилостно подавляемые восстания, характерные для угнетенных народов, которые вынуждены веками выживать в таких деспотичных и неподатливых гражданским реформам империях, как Царская Россия и Османская Турция. (Отсюда и рождение революционных организаций, подобных БРЦК или «Совету волжских болгар мусульман» с их идеологами ранга Левского и Ваисовых – отца и сына).

Все эти бегло упомянутые факты и видимые параллели со страстью, но не всегда талантливо отражены и в болгарской литературе Возрождения (Припомню лишь некоторые непревзойденные и сегодня образцы литературы Возрождения, дошедшие иногда с опозданием до своего изначально неподготовленного читателя, как и меньшее число произведений со скромными качествами, но с большим конкретно-историческим значением, превратившиеся в своеобразные «гимны» времени), а также и в литературе Волжской «возрожденческой» Болгарии, которая мало известна массовому болгарскому читателю. Лучшее всего подтверждает мои слова о том, что далеко на Волге и Каме протекают процессы, сходные с нашими в XVIII–XX вв., цитата Г. Халилова, русского ученого с традиционной для сегодняшнего Татарстана фамилией: *«Большое значение для судеб России имело воспитание болгар в 1753–55 гг., которым руководил самый достойный из сыновей болгарского народа молла Батырша. Он призвал к возрождению Болгарии»*. И далее: *«Как видим, возрождение собственной державы волжских болгар не было самоцелью, а средством получения человеческих прав и свобод как необходимого условия для свободной жизни. Народ понимал, что добиться человеческого достоинства и благополучия он сможет, только если восстановит свою родную Волжскую Болгарию. Здесь уместно сказать, что русская история не знает никаких народных движений, которые бы имели целью возродить Золотую орду, потому что нет народа в России, который считал бы себя*

татарским»⁵. Показательным фактором динамики культурной жизни в устье Волги и Камы является создание первого в России культурно-политического центра болгарского народа – Мусульманской Академии (Мікәлібе Гирраи), разгромленной «татаристами» еще в 1884 г., а важнее всего то, что этот центр обслуживал и другие, соседние народы, оторванные царской политикой от своего болгарского «ядра» – чувашей, башкир, удмуртов, мордвинов и др.

Из сказанного выше следует, что связь с обычным правом, с азиатским адатом (характерным с незначительными различиями для большинства тюркских народов)⁶ и с Шариатом усложняется только на первый взгляд. Еще в начале этой статьи было упомянуто о попытке увидеть огромное значение болгарского обычного права в прозе Любена Каравелова. То же самое можно сказать, если мы обратимся к любому другому видному поэту или прозаику, историографу, публицисту и т.д. Оказывается, что особенно у таких возрожденческих авторов, как Л. Каравелов, нет ни одного значимого обычаевого казуса, который бы не «иллюстрировался» в рамках сюжета его повести «Болгары старого времени». Естественно, гораздо важнее то, что эта неписанная нормативность лежит в основе нравственных посланий авторов, становится нравственным коррективом в действиях и метаморфозах персонажей, сталкиваясь как с нормативами Шариата, так и с каноническим православным правом и т.д. Адат – это что-то более сложное. Прежде всего он труден для изучения не только потому, что в основе нормативно-правовой культуры многих народов, таких, как древние киргизы (этноним, распространенный и в огромных степях, и на горных склонах Казахстана), хакасы, чувашаи, башкиры и, естественно, волжско-камские болгары, лежат каноны адата. Трудность возникает и от того, что в то время как Волжско-Камская Болгария после хорошо продуманных миссионерских подготовок принимает ислам, в Центральной Азии народы сохраняют адат и после прихода в 1917 г. советской власти. Эти различия объясняются тем фактом, что из всех упомянутых народов только болгары, как давно осевший народ, принимают ислам и Шариат. Подобным образом поступили и болгары во время царствования св. Бориса I – Михаила, приняв христианство. Трудности в изучении адата объясняются и тем, что первые его собиратели и классификаторы – это не такие подготовленные этнографы и фольклористы, какие в XVIII–XX вв.

⁵ Халилов Г. Там же. С. 39.

⁶ Особенности так называемого тюркского адата подробно рассмотрены в трудах: Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998; Исраилова-Харьезузен Ч.Р. Традиционное общество кыргызов в период русской колонизации во второй половине XIX – начале XX вв. и система их родства. Бишкек, 1999.

бесспорно были в России. Для царской власти эти опасные *периферии*, приобщенные постепенно силой оружия, важны, но вследствие военной ситуации миссия исследователя иногда возлагалась на неподготовленных военных людей. Так, вместо научных записей царской администрации отправляются сотни по-военному лаконичные доклады и рапорты. Собранные казусы неписанного адата интересны и из-за их связи с язычеством, тенгрианством и обычноправовой практикой аспаруховых болгар, влияния римского права и византийской культуры. При сопоставлении адата с его болгарским аналогом обнаруживается ряд сходств и отличий. Рискуя впасть в субъективизм, я бы сказал, что адат содержит больше «нормативных ловушек» против чужого посягательства с целью ассимиляции. Те, кто не знает адата, даже не подозревают, какие возможности, несмотря на пресловутую азиатскую жестокость, предоставляет эта система правораздачи для предотвращения излишнего кровопролития. Для осиротевших детей адат предвидит десятки различных способов выживания, через усыновление и т.д. Еще более любопытно одно безоговорочно принятое правило – при одинаковой или с незначительной разницей вине лиц, равных в социальной иерархии, право всегда на стороне более взрослого. Не проведены серьезные исследования, сопоставляющие адат и родственное ему болгарское обычное право, особенно в культурах народов, которые приняли ислам, но по традиции ведут кочевую жизнь, и он не доходит до каждой юрты и семьи. Важнее то, что неписанные законы становятся альтернативным *modus vivendi* даже в литературе XVIII–XX вв. обоих народов, сохраняющих свой общий этноним в веках, передаваемый из поколения в поколение, в рамках семейной общины. У одного – под ятаганом мусульман-иноверцев, у другого – под гнетом русского православного царизма. Более того – обе империи даже соперничают по вопросу о будущем Болгарии. И одна, и другая воспринимают нас как генетически «своих», т.е. с надеждой на бескровную ассимиляцию, которая остается неосуществленной.

Поскольку болгарская (татарская) литература «возрождения» конца XVIII–XIX вв. в известной мере *terra incognita*⁷, рассмотрим как Г. Раковский через призму писанного и неписанного права раскрывает важные аспекты жизни одной из балканских периферий, похожей культурно и географически на все другие территории под чужим владычеством.

⁷ С помощью одного дружелюбного, как болгарин к болгарину, киргизского букиниста я сумел познакомиться с некоторыми болгарскими (татарскими) авторами времени нашего общего Возрождения. Симптоматично то, что такие авторы как Ш. Меркани (1818–1889), К. Насийри (1825–1902), Р. Фехретдинов (1858–1936) очень плохо представлены и на русском языке.

Задолго до автора поэмы «Лесной путник» татарскую тему мимоходом затрагивает и Паисий в своей «Истории славяноболгарской». Таким образом, к этой теме уже проявляется внимание⁸. В отличие от Софрония Врачанского, который в своем произведении «Житие и страдания грешного Софрония» тоже описывает группы «татарагаси» и приводит кошмарный эпизод с представителем татарской династии Гереев его племянник Г. Раковский, не искавший «болгарский след», задумывается о том, какая же эта по Паисию наша священная земля и выстраивает свою уникальную теорию о происхождении нашего народа, его обычаев, его священного языка и миссии. В бухарестском издании «Българска старина. Повременно списание...» (1865) он высказывает бесспорно интересные мысли по отношению к древним болгарским историческим «прародинам» (Индостан, Центральная Азия и т.д.). Эти вопросы в нашей современной науке вызывают чрезвычайный интерес, а также и у татарских ученых, с той лишь разницей, что их акцент падает на наши общие «булгаро-тюркские» корни, которые они ищут со времени Кубратовской Болгарии и до наших дней. На эти вопросы также дан подробный ответ в уже упомянутом исследовании, посвященном татарам – этноним, который вводит в заблуждение не только болгарских авторов. Почти во всех художественных, историографических и публицистических текстах периода болгарского Возрождения не проводится никакой разницы между крымскими татарами (называемыми «ногайскими»), но которые ближе к так называемым «кыпчакам», пришедшим в Европу с Золотой ордой Чингиз хана – Тимурджина и его наследниками) и народом, гордо носящим этноним «булгары». В «Истории Казани», изданной Академией наук Республики Татарстан, говорится: «Сами жители Казани и вокруг нее вплоть до Октябрьской революции не переставали называться болгарами»⁹. Поскольку ранее не раз подчеркивалось, что болгарское самосознание сложилось за много сотен лет до победы советской власти, то становится вполне ясно, что для появления нынешней республики Татарстан было необходимо осуществить одну особенную операцию – *татаризацию*.

Будучи не самым подходящим текстом для извлечения обычных правовых казусов, поэма «Лесной путник» для скептика с очень встревоженным татарской темой умом тоже благодатна для наблюдения. (Мы упустили подчеркнуть темпераментное изобличительное высказывание Г. Раковского в 1861 г. в публикации «Вид на Восток. Сплетни, использованные русскими консулами и агентами о переселении болгар в Россию», где даже в самом заглавии видны антицаристские стрелы. Из текста становится ясной антиболгарская политика

⁸ См.: Кунчев К. Общуваят човек... С. 96–107.

⁹ История Казани. Кн. 1. Казань, 1988. С. 40.

русских консулов, которые рука об руку с Его Высочеством Али пашой побуждают наивных болгар к авантюризму с целью обезлюдения «периферии» южнее Дуная).

Поэма «Лесной путник», названная автором еще и как «Повестителен спев», демонстрирует, особенно в предисловии, одну не совсем известную черту характера Раковского – его творческую скромность и робкую надежду на то, что читатель будет судить его дело, вооруженный всей своей снисходительностью, а это больше, чем награда для стратега болгарской национальной революции с характером громовержца, но подписавшим «Предисловие болгарскому народу» к поэме просто «Сочинитель». Так, скорее всего, Г. Раковский актуализирует свою «ритуальную» связь со словесным выражением скромности у староболгарских писателей. С одной стороны, великий революционер сумел выставить волнующий для своего времени поэтический призыв к своим сонародникам исполнить в судьбоносный момент свой долг. С другой – великий собиратель и знаток болгарского фольклора прекрасно уловил дух общеправовой традиции, чей нормативный пафос присущ народному творчеству, превратив неписанное болгарское право и эту незаконченную поэму в нравственный корректив действий ее эпических персонажей, в важный фактор сюжета поэмы. Однако сама «Часть первая» этой поэмы начинается с некоторого хаотического движения, столпотворения «приглашенных» из различных эпох своих и чужеземных войск с разными расовыми, этническими признаками и ценностными системами, сформированными общеправовыми, религиозными и чисто политическими нормами. В этом хаосе Г.С. Раковский как истинный демиург умеет не только беспрепятственно двигаться и моделировать этот космос перед взором читателя литературы Возрождения, но и возвысить болгарское историческое прошлое до такой степени нравственного императива, особенно в контрасте с настоящим, что доводит своих читателей до слез и до «френизии». Темпераментным, немного черно-белым штрихом, лаконично автор обозначает особенности народов, упомянутых выше: и поработенного болгарина с древней великой, но забытой историей, и «злых татар» из династии безжалостных Гереев, турок – *«адского врага, злодея»*, воинственных русских и многих других. (Может быть, среди всех доминирует образ «грека духовника, чародея», который, как давний враг, немного выпадает из поля зрения исследования). Очень часто на этом историческом фоне мелькают и не очень хорошо обоснованные Г. Раковским аллюзии с далеким нашим азиатским языческим прошлым – в духе его умозрительных, но и гиперболических, «романтических» теорий.

Гораздо ближе по духу к неписанной нормативности, поскольку он живо отражается на поведении, восприятии героями тех или иных

насильственно установленных правил, несколько однотипно представленные автобиографические картины-исповеди Воеводы и некоторых персонажей из гайдутской дружины. Эти истории на первый взгляд исповедуют философию «оружия и ножа» - как в гайдутской песне, но несут и огромную информацию о жизни болгарина в рамках обычно-правовых норм. Из этих излияний-монологов мы узнаем некоторые из особенностей *семейной задруги, семейно-правовых, имущественных отношений, проблем естественной самообороны* и т.д.

Но остановимся подробнее на единственном в поэме легитимном судебном процессе, что его отличает от самосуда гайдуков. Ситуация следующая – после предательства дружина поймана и гайдуки единогласно решают притвориться *«убогими батраками»*. Окованных в цепи, как врагов империи, в назидание и к удовольствию и ужасу *«сомнища людей»* их проводят по цариградским улицам. Очевидно, в данном случае это дань низменным страстям толпы, но ведь все это происходит на улицах города, в котором живы традиции античного мира и Византии с её высокими достижениями в области юриспруденции и в то же время действуют законы Турецкой империи с её наложенным насильно Шариатом по отношению к болгарам, евреям, цыганам, армянам, албанцам, грекам и т.д. Но ясно, что в каждой из упомянутых культурных традиций, если не во время написания произведения, то хотя бы в фиктивном времени поэмы (от одного до двух поколений до авторского) подобные площадные зрелища устраивались по различному поводу. (В болгарских правовых обычаях эти позорные зрелища представляли прелюбодейцев, которые должны были пройти перед множеством любопытных голыми и верхом на осле.) Очевидно, что турецкое правосудие мудро, по-азиатски обошло Шариат за счет того популизма, без которого Цариград-Стамбул не мог бы остаться цитаделью, граничащей с периферией.

Важнее то, что после ареста начинается настоящий процесс. Расходительно, что нетипично для стилистики поэмы, Г. Раковский описывает психическое состояние плененных гайдуков. В ожидании *«колов и виселиц»* среди вооруженного множества кишащих *турок-поганцев* дружина *«бедных и проклятых»* мужчин, может, выглядит и совсем не героически для поэмы, созданной как апофеоз гайдучеству (*«мы чувствовали себя смущенными как молодухи»*) – комментирует с самоиронией Воевода). В данный момент и в дальнейшем положение для обвиненных болгар трагично. Едва ли Шариат или азиатско-туркский адат позволили бы в роли адвоката выступить гяурскому воеводе, при этом обвиняемому в одном из самых тяжких преступлений перед государственностью. Речь воеводы, хотя и трогательная для болгарского читателя, не приводит к оправдательному приговору:

*Пашо честит, не сме злодейци!
Никого ми не сме погубили!
Бедни убоги сме работници...*

Судья объявляет приговор, который в рамках обычного правового адата совсем не может быть квалифицирован как легкий или великодушный.

*Чудно се турчин в милост придума!
Вечна тъмница вместо бесило! –
Страшно намръщен он издума¹⁰.*

Далее следуют авторские решения – помочь отчаянным героям выжить. Г. Раковский прибегает к средствам, которые давно приняты в романтично-сенсационной литературе, популярной в период Возрождения.

Однако, можем обобщить: вся литература Возрождения – это цепь разрешимых или нет правовых казусов, которые определяют смысл ряда литературных произведений, рассчитывающих на результат от столкновения между всеми упомянутыми нормативными системами.

И мы снова подходим к понятию *родовая память*, такому уязвимому с позиций наших первых лет после Миллениума, потому что она несет в себе архетипическое мышление наших предков, подвластных и обычноправовым традициям в мире. Так называемая *татарская литература* с упомянутыми выше представителями XVIII–XX в. Ш. Меркани, К Насийри, Р. Фехретдиновым и др., по словам современного культуролога Г. Халилова, излучает те возрожденческие флюиды, которые так задевают Метрополию с претензиями на Третий Рим, что она использует строгую цензуру, делающую недоступными тексты этих авторов для местного русскоязычного населения, принявшего христианство¹¹.

¹⁰ Цит. по изданию: *Раковский Г.С.* Български въпрос. София, 2003. С. 39–40.

¹¹ Даже в наше время в России, а также и в бывших советских республиках так называемая татарская литература стоит как-то на периферии – не хватает переводов на русский или на другие соответствующие национальные языки. Такие книги, как «Империя и Крым – долгий путь к геноциду» В.Е. Возгри-на со своим симптоматичным названием, рассматривают с современной точки зрения методы использования цензуры со стороны каждой империи на периферии. Автор указанного исследования даже выбрал цитаты-эпиграфы из произведений двух великих классиков таким образом, что они превращаются в нечто большее, чем код к исследованию. Это две цитаты М. Булгакова («Белая гвардия») и Л.Н. Толстого («Хаджи Мурат»), т.е. выбор не случаен, поскольку доказано, что оба автора имеют волжско-болгарские корни. (Труд Возгри-на дан без года и места издания потому, что этот текст дошел до меня ксерокопированным, без титульной страницы и редакционного каре. – К.К.)

Азиатский адат имеет еще одно преимущество, которым и сейчас обладают не все писанные и неписанные правовые нормы – это преклонение перед культом предков. Поэтому в Средней Азии и Татарстане все еще сохраняется языческий обычай *жеті ата* (семь дедов). Видный представитель советской и среднеазиатской литературной традиции Чингиз Айтматов – сын киргизского интеллигента, репрессированного и убитого советской властью, и матери – образованной татарки, от которой осиротевшая семья унаследовала не только воспоминания о прошлом величии Волжско-Камской Болгарии, но и о цивилизаторской роли так называемой татарской диаспоры в Азии. О древнем обычае она говорит так: «Я из народа *Шекер*, мой отец *Терекул*, отец *Терекула* – *Айтмат*, отец *Айтмата* – *Кимбилди*, отец *Кимбилди* – *Кончужок*» и так до седьмого колена¹². Этот утерянный и не только у нас обычай, обязывающий каждого азиатского ребенка с волжско-камских земель знать наизусть имена своих предков до седьмого колена, может быть, и есть именно то уже невозможное звено, способное сделать нас свободным. Даже на Периферии.

Перевод М.Л. Пасларь и М.С. Калчевой

В ПЕРИФЕРИЯТА НА РУСКАТА ИМПЕРИЯ (БЪЛГАРСКО ОБИЧАЙНО ПРАВО, АЗИАТСКИ АДАТ, КАНОНИТЕ НА ШЕРИАТА И ЕДНА ПОЭМА НА Г.С. РАКОВСКИ)

Красимир Кунчев

Настоящият текст се опитва да подчертае незаслужено пренебрегваното значение на българската обичайноправна нормативност и на тюрския адат. В сблъсък или хармония с Шерията те формират редица нравствени ценности в културните и литературни традиции в две родствени, но отдалечени географски «периферии», каквито са възрожденска България в рамките на Турската империя и Волжско-Камска България в границите на царска Русия. В такъв контекст се осветляват някои *бели петна* от литературната история, фолклора, обичайноправния дискурс и културната антропология на два народа с общ етноним, който на свой ред търпи по-късни митологични и литературни реализации.

P.S. После дополнительной консультации с Д. Тахируглу (татарин по происхождению, родился в Болгарии, турецкий бизнесмен), от которого я получил текст этой книги, я узнал, что на обложке, которая не была отсканирована, присутствует только фиктивное Бахчисарай 04, знак того, что это самиздат. Известны и другие книги автора, официально изданные в России.

¹² Шаханович М. Космоформула карающей памяти. (Тайна, унесенная Чингизханом). Алматы, 2002. С. 98.

Дечка Чавдарова

Болгаро-русский диалог в творчестве Вазова: (не)проблематическая любовь

В Болгарии о взаимоотношениях с Россией никогда не говорят спокойно, в нейтральном тоне, а всегда со страстью, при помощи метафор любовного дискурса. Миф России занимает место среди основных мифологем (идей, концептов) болгарской культуры. В начале XX в. этот миф подвергся рациональному осмыслению, научной интерпретации. Впервые генезис веры в Россию в болгарской культуре в 1907 г. прослеживает в своей лекции Юрдан Трифонов, который открывает корни этой веры не во время русско-турецких войн, а еще в эпоху русских владетелей Ивана III и Ивана IV Грозного, воспринимаемых как наследников византийских императоров. Именно культом этих русских владетелей автор объясняет название «Дядо Иван» («Дед Иван»)¹. Упомянутый миф находит отражение в разных текстах болгарской культуры, особую роль среди которых играет литература. Формирующую национальное мышление функцию литературы современный болгарский культуролог А. Кёсев формулирует следующим образом: «Тексты литературы и культуры моделируют формы определенного *Lebenswelt*, задают способы, при помощи которых *переживаются* события субъектом истории – человеческим (в нашем случае – национальным) коллективом, но вместе с тем они могут оказаться и глубоким основанием его поступков – а это означает, что они могут, с другой стороны, мотивировать историческое бытие, что могут фактически производить историческую событийность» (выделено автором; здесь и далее перевод критических текстов с болгарского мой. – Д.Ч.)².

Мифологизация России осуществляется исключительно последовательно в творчестве Вазова. Ю. Трифонов отмечает чутье писателя к отношению болгарина к России: «За верное ощущение некоторых из этих черт мы обязаны нашему народному поэту Ивану Вазову, который хорошо оценил значение веры в “Деда Ивана” для нашего народа...»³. В наше время, учитывая моделирующую национальное сознание роль литературы, мы можем искать в творчестве Вазова не только воплощение возникшего в болгарской культуре мифа России,

¹ Трифонов Ю. Историческото обяснение на вярата в «Дядо Иван» (Русия) у българския народ. София, 1908. Цит. по: Трифонов Ю. Избрани студии. Варна: LiterNet, 27.08.2006.

² Кёсев А. Исторически факти, национална идеология и национална литература // Пламък. 1990. № 5. С. 150.

³ Трифонов Ю. Там же.

но и его развитие и дополнительное утверждение. Значимость отношения к России и сильная идеологизация этого отношения на каждом этапе болгарской истории обуславливает специфическое прочтение произведений Вазова в разных политических ситуациях и умолчание одних текстов за счет других. Так, например, в период социализма внимание исследователей было направлено только на те произведения, в которых утверждается любовь болгарина к России, при этом они «употребляются» для оглашения идеологемы «братской дружбы». В новой политической и социокультурной ситуации этому подходу противопоставляется тезис двойственного отношения Вазова к России, для чего привлекаются умалчиваемые до этого момента (но известные всем искушенным читателям) произведения. М. Цанева, занимающая почетное место среди исследователей Вазова, отмечает столкновение русофильства писателя с патриотической идеей во время Первой мировой войны⁴. Д. Добрев, комментируя мифологизацию России в поэзии Вазова, обращает внимание на те табуированные произведения Вазова, в которых снимается упомянутый миф, причем оспаривает идеологизированное прочтение сореалистической критики и приходит к выводу, что в сознании Вазова «детской вере и чистой любви постепенно противопоставляются жестокие реальности опыта»⁵. Поэтическая интерпретация образа России в творчестве Вазова привлекает внимание ее исследователей и с точки зрения актуальных идей нашего времени о межкультурном диалоге, о ситуированности Болгарии между Россией и Европой. Таков ракурс С. Цанова, который также учитывает двойственность образа России у Вазова⁶. Несмотря на хрестоматийный характер большей части произведений Вазова и очерченную исследовательскую традицию, целостный образ России в творчестве писателя, включающий разнообразные аспекты проблематизации болгаро-русской любви, заслуживает внимание литературоведов.

Действительно, основные значения хоронима *Россия* в текстах Вазова общеизвестны – ‘освободительница’, ‘братская славянская, православная страна’, ‘великая’. Своим восхвалением России поэт следует за Петко Славейковым (в своих воспоминаниях после Освобождения он указывает на роль стихов Славейкова «Кат Русия няма втора / тѣй могъща на света» для выражения любви болгар к России).

⁴ Цанева М. Ив. Вазов. Творчески портрети. София: «Просвета», 1995.

⁵ Добрев Д. Вазов и противопоставянето между млади и стари // За Вазов. Юбилейна научна сесия 150 г. от рождението на Вазов. Силистра, 2000. – Так же и в: Български език и литература. 2000. № 6.

⁶ Цанов С. «Векът» на Вазов и триадата България – Европа – Русия // Епископ-Константинови четения 9. Шуменски университет. Шумен, 2004.

Но если мы освободимся от представления вазовской мифологизации России как «общего места» и сделаем филологический анализ текстов поэта на тему «Россия», перед нами откроются разнообразные приемы реализации этой мифологизации. В большей степени в дополнительном прочтении нуждается демифологизация, которую можно извлечь не только из прямого выражения негативного отношения к России и русской политике, но также и из ее дискретного присутствия в текстах разных жанров.

Один из самых значимых элементов мифологизированного образа России в поэзии Вазова – это ее сакрализация, на которую обращают внимание все исследователи: одни, чтобы подчеркнуть силу любви Вазова к России, другие (и это доминирующее прочтение начиная с 90-ых годов XX в.), чтобы раскрыть мифологизирующую роль литературы. А. Кёсев пишет: «Сама Россия, хотя и братская и родственная, оказывается для национальной идеологии внешней, трансцендентной силой, именно поэтому ее действия для освобождения братьев-болгар сливаются в один божественно-трансцендентный акт высшей справедливости, который во всяком другом отношении оказывается непроницаемым и непостижимым – как непроницаемо и непостижимо вмешательство Бога, восстанавливающего правду»⁷. Напомню примеры подобной сакрализации в лирике Вазова. В стихотворении «Россия» («Русия») имя *Россия* рифмуется с *Мессией*: «Затуй те любим кат баща / и чакаме те кат Месия / Затуй си ти – Русия!»⁸. В воспоминаниях лирического субъекта возникает образ родного дома, чей интерьер подсказывает сакрализацию России в болгарском быту середины XIX в.: портрет русского царя висит на стене рядом с иконой. В другом стихотворении – «У могилы Царя-освободителя» («Пред гроба на Царя-освободител», 1888) – Вазов сопоставляет русского царя с Христом, воскрешающим Лазаря: «Гряди вон, Лазаре! – ти викна към умрелий/ И ний възкръснахме при твоя сладък зов,/ Народите се удивиха – не видели,/ Подир Христа такова чудо и любов»⁹. Тот же евангельский код присутствует и в стихотворении «Николай Николаевич» (1877), в котором освобождение Болгарии снова представлено метафорически как воскресение Лазаря: «Нивга пленник не дочака/ С повеч радост своя Спас,/ Нивга майка не заплака,/ Толкоз сладко до тоз час!/ Нивга толкоз силно роба/ От възторг се не плени,/ Нито Лазар, кога в гроба/ Зачу думата: “Стани!”»¹⁰. Сакрализация России в поэзии Вазова дополнена

⁷ Кьосев А. Исторически факти, национална идеология и национална литература // Пламяк, 1990. № 5. С. 155.

⁸ Вазов И. Събрани съчинения в 22 тома. Т. 1. София, 1974. С. 84–98.

⁹ Вазов И. Указ. соч. Т. 3. С. 97.

¹⁰ Вазов И. Указ. соч. Т. 1. С. 114–117.

и осмыслением русско-турецкой войны как столкновения Турции с Богом в стихотворении «Плевна пала» («Падна Плевен», 1877): «Бе забравил турчин звяръ, / че със бога в борба влазя»¹¹. С. Цанов вписывает сакрализацию России (которую извлекает из одноименной оды) в историко-софскую концепцию поэта, содержащую представление о специфике национальной истории: «В лирической историко-софской концепции Вазова мировая история может не иметь необходимости в трансцендентном двигателе (Боге), но своя, болгарская история нуждается в человеческом, реально-политическом демиурге, чтобы нагрузить его сакральной символикой Бога. Если в стихотворении “Векът” (“Век”) поиск такого демиурга терпит крах в результате разочарования в Европе, он удачно находит свое завершение в оде, называющей Россию “Спасом”, “мессией”, “Святой”»¹². Когда мы связываем сакрализацию России и русского царя с болгарским осмыслением истории, воплощенным в творчестве Вазова, мы должны упомянуть, что сакрализация монарха, как известно¹³, присуща культурам, ориентированным на византийскую модель (какова и русская). Особенное у нас то, что ситуация рабства порождает феномен сакрализации чужого монарха. Объяснение этого феномена можно открыть и в утрате веры в Бога в моменты страданий болгарского народа, прозвучавшей у Вазова сильнее всего в финале поэмы «Кочо»: «А Господ от свода, през гъстия дим, / гледаше на всичко тих, невъзмутим» (разумеется, у Вазова это утрата веры не перерастает в целостную концепцию о «смерти Бога», присущую героям Достоевского).

Метафора *Царь-Бог* в поэзии Вазова семантически связана с метафорой *Царь-солнце*, которая является устойчивой политической метафорой в мифологизации монарха в разных европейских культурах. Но вазовская метафора *русский царь-солнце* получает и дополнительную семантику при помощи связи *Север-солнце* – значение ‘победа и над физическими законами’: «че слънцето тоз път от Север изгря» («на этот раз солнце взошло с Севера») из оды, посвященной Александру II.

Важным поэтическим приемом мифологизации Вазовым России является представление о русском царе как о мифологическом исполине в «Оде императору Александру II»: «Ти дума пришушнеш – оковите падат, / Ти махнеш с ръката – трепери Елбрус, / Ти вежди намръщиш – бледней Цариградът, / Ти тупнеш с крака си – навред става трус»¹⁴. Интересно, что в поэзии Вазова гипербола

¹¹ Вазов И. Указ. соч. Т. 1. С. 142–144.

¹² Цанов С. Указ. соч. С. 206.

¹³ См.: Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: «Гнозис», 1996. С. 112–219.

¹⁴ Вазов И. Указ. соч. Т. 1. С. 109–114.

в изображении русского царя сочетается бесп проблемно с такими чертами его образа как простота и близость к простым болгарам. Такое представление имеет место в стихотворении «Царь в Бяле» («Царят в Бяла», 1877), в котором «нарисована» картина присутствия русского царя на хороводах сельских девушек: «Той ги гледа, той ги пита / С глас приветен, тих / И за хора той ги счита / Става равен с них»¹⁵. Во всем тексте поэзии Вазова выражение «становится равным с ними» семантически контрастно восклицанию в оде Александру II – «Царю, величай се! Кой с тебе е равен?» («Царь, величайся! Кто тебе равен?»). Используя конвенции разных поэтических жанров, поэт создает апологию русского царя, содержащую элементы с противоположным знаком, не нарушая единства мифологизированного образа: он и высоко, как объект поклонения, и простой человек, близкий болгарину. Близость болгар к русскому царю подкрепляется и идеей о близости языков, о ненужности перевода: «И се чудят как разбираг / неговът език».

Мифологизация России получает специфическую интерпретацию и в прозе Вазова – в повести «Дяденьки» («Чичовци») и романе «Под игом» («Под игото»), где любовь к России приписывается определенному персонажу – чорбаджи Мичо. Хотя он воплощает близкую автору русофильскую идею, конвенции эпического повествования позволяют разграничить точки зрения повествователя (имплицитного автора) и персонажа. В своем анализе повести «Дяденьки» М. Цанева комментирует сильный интерес героя к событиям в России и подчеркивает чувственность, скрывающуюся за этим интересом: «Не из любопытства порождено это «сладострашие», которое отмечает автор в тоне голоса чорбаджи Мичо, когда он в очередной раз задает учителю один и тот же вопрос о русской военной силе – только чтобы насладиться восторженным удивлением окружающих»¹⁶. Слово «сладострашие» симптоматично для сущности интерпретированной Вазовым любви болгар к России – эротического характера этой любви. М. Цанева соблюдает исследовательскую дистанцию по отношению к комментированному явлению, определяет его как мифологизацию России, но без иронии – наоборот, с эмоциональной сопричастностью: «Россия (точнее – миф России) – это надежда и оплот, тайная гордость обиженных судьбой, и в постоянном неистощимом интересе к ней скрыто живое патриотическое чувство “дяденек”»¹⁷.

В художественном языке Вазова болгаро-русские связи интерпретированы при помощи семейных метафор, дополняющих мифологизацию России. Чаще всего русский царь называется «отцом»:

¹⁵ Вазов И. Указ. соч. Т. 1. С. 133–135.

¹⁶ Цанева М. Указ. соч. С. 54.

¹⁷ Там же.

«За это любим тебя как отца» в стихотворении «Россия», «поэтому все народы называют тебя отцом» в оде Александру II, «Ты наш царь и отец» в стихотворении «Царь, добро пожаловать!» («Царю, добре дошел!»). Болгары в этой интерпретации оказываются детьми («Мы твои дети»), но текст не следует за этой логикой до конца, поскольку болгарский поэт, обращаясь с хвалой к русскому царю, сравнивает себя не только с ребенком, но и с матерью: «Като майка развълнуван / и незлобен кат дете / Ида и теб принос струвам / тез трептящи стихове»¹⁸. Сравнение «как мать» – еще одно доказательство тезиса о материнском элементе в художественном мышлении Вазова, утверждаемого П. Антовым в диалоге с А. Храновой¹⁹. В семейную метафору мифологизации Вазовым России входит и метафора *Россия – брат* («Здравствуйте, братушки», 1878) – метафора, которая содержит представление о равенстве двух народов. В стихотворении «Триумф турка» («Триумфът на турчина», 1876) Вазов приписывает точку зрения о братстве болгар и русских турку, в чьем сознании подавление Апрельского восстания является победой над Россией: «А Русия?!.. От години / враг е наш непримирим! / Нека днес сеир да чини / В нейни братя и роднини / Как ще да я поразим!»²⁰. Упомянутые метафоры содержат мужской образ России, присущий значительной части текстов болгарской культуры, выстраивающих этот образ. Прибегая к терминологии гендерной теории, мы могли бы сказать, что мужскость/мужественность болгарского образа России обусловлена ее ролью освободительницы в болгарском мышлении – ролью, воплощенной и в метонимических названиях «Дед Иван» или «московец». Если к метафорам, создающим мужской образ России, добавим метафору русского автостереотипа «матушка Русь» (вошедшую и в болгарский политический дискурс), мы придем к выводу об андрогинности как образа России, так и образа Болгарии в болгарской культуре. Ассоциация сравнения «как мать» в оде Вазова с русской метафорой *матушка Русь* подсказывает и еще один интересный феномен в дискурсе о России – логические нарушения в метафорике: болгарский поэт обращается «как мать» к «матушке России». Следовательно, Вазов выстраивает образ болгарской любви к России при помощи разнородных семейных и любовных метафор, в котором логические несоответствия вытеснены вне сознания творца.

В конкретных текстах смыслопорождающей окажется одна из упомянутых метафор. Так, например, метафора *братья-славяне*

¹⁸ Вазов И. Указ. соч. Т. 1. С. 109–114.

¹⁹ Антово П. Матриархът // Наследството Вазов. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2002. С. 25–31.

²⁰ Вазов И. Указ. соч. Т. 1. С. 60–61.

семантически вписывается в интерпретацию идеи панславизма, предполагающей равенство всех славянских народов (разумеется, под властью русского императора). Эта идея утверждается в уже цитированной «Оде императору Александру II»: «...накрай, между брата да няма веч делба, / един вожд да имат, един същ олтар / и двајсет народи от Босфор до Елба / да поздравят скоро Славянския цар»²¹. Увлеченный идеей славянского братства, в стихотворении «Царь умер!» Вазов приписывает всем славянским народам свою скорбь по убитому русскому царю – «доброму царю» и «святому», хотя, наверное, он отдавал себе отчет в том, что для поляков, например, Александр II не является «освободителем»: «Славянский кръгозор го забули скръбен мрак»²².

Поэт не только выражает любовь болгар к России, но и, как каждый влюбленный, стремится к взаимности. Во время русско-турецкой войны само освобождение Болгарии осмысливается как доказательство любви России к Болгарии, но во время Балканской войны эта любовь нуждается в новом подтверждении; поэтому после победы Болгарии под Адрианополем в стихотворении «Россия» (1913) Вазов откликается на жесты любви к Болгарии и сопричастности русского общества к нашим боевым успехам, используя персонификацию: «Вълнуват се мощните ѝ гърди / От всякой наш стон и сполука / Ах, може ли инак да бъде – / Полвината ѝ сърце е тука!»²³.

Эта мифологизация России на самом деле вытесняет на второй план в творчестве Вазова дистанцированный взгляд на Россию и болгаро-русские отношения. Но, как уже говорилось, в поле зрения литературоведов попадают и произведения, в которых Вазов выражает свое негативное отношение к России, вставая на защиту болгарской каузы. Действительно, Вазов любит Россию, но больше всего он любит Болгарию, поэтому в тех случаях, когда сталкивается с нарушением определенных болгарских интересов, на подобные политические акты он реагирует и поэтическим словом. В сатирическом стихотворении «Ремлинген» (1881) Вазов обличает посягательство на свободу печати в Болгарии со стороны комиссара Ремлингена, министра внутренних дел в «полномощном правительстве»: «Разбесня се във България / Ремлинген герой / като в бащина мошия / коли, бие той»²⁴. Выражение «като в бащина мошия» («как в своей вотчине») меняет положительный знак семейных метафор в вазовской интерпретации России на отрицательный. Вазов отдает себе отчет в депотическом характере Российской империи, и апология России в его

²¹ Вазов И. Указ. соч. Т. 1. С. 109–114.

²² Вазов И. Указ. соч. Т. 2. С. 30–31.

²³ Вазов И. Указ. соч. Т. 4. С. 38.

²⁴ Вазов И. Указ. соч. Т. 2. С. 408.

творчестве осуществляется вопреки этому знанию. Историк В. Бонева, обращаясь к стихотворению «Ремлингген», говорит об «иллюзии о доброй освободительнице», приписывая ее не только Вазову, но и «всей нашей общественности после Освобождения», которая оказалась распятой между этой иллюзией и своим «либерально-идеалистическим представлением о свободе печати»²⁵.

Осознание сущности русской политической системы и, несмотря на это, преклонение перед русским императором находит выражение и в произведении Вазова «Беседа над Княжевом» (1906), в котором болгарскую политическую систему он противопоставляет русскому деспотизму в связи с демонстрацией болгарских социалистов перед памятником Александру II. Но писатель не принимает подобного бунта, потому что оценивает его как подражание русскому нигилизму и как неуместный в свободной Болгарии (свободной благодаря Императору), где и самое высокое место в социальной иерархии доступно каждому болгарину.

Критическая оценка русской политики особенно сильна в стихотворениях Вазова времени Первой мировой войны, когда оба государства оказываются в разных лагерях. Все исследователи, затрагивающие вопрос о негативном отношении поэта к России, опираются на стихотворение «Русским воинам» («На руските воини», 1916), в котором Вазов задает вопрос: «О руси, о, братя славянски, / защо сте виѝ тука?» («О русские, о братья-славяне, зачем вы здесь?»). Поэт сталкивает превращение России во врага Болгарии с представлением о ней как освободительнице: *«строшихте ни игото тежко, / а днеска ни носите ново!»* Несмотря на новую роль России в судьбе Болгарии, любовь к Освободительнице оказывается неуничтожимой, но этой любви уже противопоставляется любовь к Родине: *«И пак не ви мразим (не крѝя; / обича ви още народа), / но любим и своѝта свобода, / стократно по любим я нѝя»*²⁶. М. Цанева цитирует эти стихи Вазова как выражение его «непоколебимой патриотической позиции» и соотносит ее с двойственным отношением поэта к утвержденному им мифу в стихотворениях Первой мировой войны²⁷. Кроме патриотической идеи, присутствующей эксплицитно в стихотворении «Русским воинам», из его текста мы можем вывести и другую идею по ассоциации с идеей польских революционеров в их обращении к русским единомышленникам – *«За вашу и нашу свободу!»*: *«О, колко ви, братя, жалея! / О, как бѝх желал, братя клети, / Свобода и вам и за нея /*

²⁵ Бонева В. Две малки България в сянката на две големи империи // Участие. Кн. 2. София, 1997.

²⁶ Вазов И. Указ. соч. Т. 4. С. 171.

²⁷ Цанева М. Указ. соч. С. 128–129.

Кат нас да живейте и мрете!»²⁸. По тому же поводу Вазов, развивая свою сокровенную мысль о взаимной любви, интерпретирует военные действия между болгарами и русскими сквозь русский взгляд. В стихотворении «Тайна» (1916), построенном как обращение русского солдата к болгарскому солдату в корчме, идея о бессмысленности войны развита при помощи интересного риторического приема: лирическому герою труднее ответить на вопрос «почему мы сражаемся с вами?», чем на основные вопросы бытия – «где рай?», «что такое тепло или холод?», «почему мир так плохо устроен?», «почему одни сытые, а другие голодные?» И в этом произведении звучит критика политической системы в России («Защо и в моята Русия/ единът ший, разпаря друг»²⁹).

Несмотря на подобные критические нюансы в отношении Вазова к России, в целом в его творчестве преобладает ее мифологизация. Но в определенных текстах, не разрушая мифа, Вазов интерпретирует его с рациональной дистанции. О такой точке зрения на безграничную любовь к России свидетельствует сцена школьного экзамена в повести «Дяденьки», в которой чорбаджи Мичо не признает фактов поражения России в Крымской войне, о которых сообщает учитель, и как городской староста добивается увольнения этого учителя в следующем году. М. Цанева уделяет этому эпизоду особое внимание и предлагает два его прочтения, противопоставляя, со своей стороны, миф разуму в ценностном отношении и отождествляя позицию автора с позицией персонажа: «Небольшой анекдот, симптоматичный о положении болгарского учителя до Освобождения, которого нанимали как сторожа безграмотные первые люди города. Но человек должен быть совершенно лишен воображения, чтобы воспринять эпизод только в этом бытовом смысле и не подумать вместе с автором: а кто знает, может быть вспыльчивый и своенравный русофил лучше чувствовал нужды школы в Сопоте...»³⁰. Но, несмотря на эмоциональную близость автора к позиции персонажа, в произведении значимо столкновение любви (которая, по известному выражению, «слепа») с познанием.

Дистанцированный взгляд на миф о России присутствует и в воспоминаниях писателя «Первые дни свободы» («Първите дни на свободата»). Автор демонстрирует возможности интерпретации проблемы в разных дискурсах. В своих воспоминаниях он комментирует иронически безграничную любовь болгар к России во время освободительной войны. В такой конвенции изображена картина участия

²⁸ Вазов И. Указ. соч. Т. 4. С. 171.

²⁹ Вазов И. Указ. соч. Т. 4. С. 183–184.

³⁰ Цанева М. Указ. соч. С. 47.

Александра II в хороводах сельских девушек – картина, идеализированная в стихотворении «Царь в Бяле»: «...как, за да му доставят разтуха, заръчвали хорá от пременени моми пред жилището му, а той, седнал на кръчмарско столче, с тъжна усмивка се любувал на пасторалната сцена»³¹. Объектом иронии в этом описании является не русский император, а контраст между его властным статусом и болгарским бытом. С самоиронией комментируется и вхождение русизмов в болгарский язык в новой политической и социокультурной ситуации, включая и матерщину («нам было мило все русское»). Впрочем, для филологии очень ценно наблюдение о перенесении войны с поля боя на языковое поле: турцизмы уступают место русизмам, *сайбия* становится *хазяином*, *чорбаджия* – *барином*. Если в стихотворении «Царь в Бяле» Вазов утверждает миф о беспроблематичном взаимопонимании между болгарами и русскими, то в своих воспоминаниях он приводит примеры обманчивой близости языков и разрушает миф о ненужности перевода: [дамы в городе Свиштовe краснеют при виде надписи на катере «Шутка»³², вместо *молока* (малако в фонетической записи) приносят русскому солдату *малакоф*³³, в другом случае на его просьбу принести «свежую булку» объясняют ему, что «полиция не разрешает»³⁴]. Объектом иронии автора становится и разноязычие, к которому он проявляет особое чутье: «Дори турските думи приемаха руска форма ... “Ваше благородие, турки не кабулят³⁵ теслимят³⁶!”»³⁷ Миф о беспроблематичном общении между русскими и болгарами Вазов разрушает и в своем художественном творчестве, в романе «Новая земля» («Нова земя»), приписывая эту точку зрения русскому, с иронией относящемуся к славянофильской идее (для этого персонажа болгарский язык – «испорченное славянское наречие», которое губернатор почему-то считает близким к русскому языку): «Аз решително не мога да възприема нищо от това развалено наречие, славянски някакъв patois, от който губернаторът се възхищава и го намира твърде сходен с руския език»³⁸. Эта чужая позиция подсказывает дистанцированность самого автора от его любимой славянофильской идеи, апологию которой он создает в своей поэзии.

³¹ Вазов И. Указ. соч. Т. 9. С. 53.

³² Слово «шутка» они ассоциируют с названием женского полового органа.

³³ «Малакоф» (из греческого) – название женской юбки с обручами.

³⁴ «Булка» на болгарском языке – невеста, жена.

³⁵ «Не кабулят» – «не хотят» (от тур. kabul – согласие).

³⁶ «Теслимят³⁶» – «сдаваться» (от тур. teslim – сдача, капитуляция).

³⁷ Вазов И. Указ. соч. Т. 9. С. 54.

³⁸ Вазов И. Указ. соч. Т. 11. С. 43.

В некоторых произведениях болгаро-русскую любовь Вазов ставит под сомнение, чтобы потом ее утвердить приемом неожиданного конца. Симптоматичен рассказ «Негостеприимное село» («Негостолюбиво село», 1901), в повествование которого введена чужая (русская) точка зрения о набогадарности болгарского народа (звучавшие в некоторых русских кругах упреки в неблагогадарности глубоко задевают Вазова). В описании русского проскальзывает критическая нота в его адрес за его отношение к болгарской культуре – упоминается нежелание русских научиться болгарскому языку, мотивируемое беспроблемным общением с болгарамн. Сюжет, построенный на недоразумении, подтверждает основательность вопроса «зачем мы проливали свою кровь за этот народ?», а неожиданный конец ее разрушает, чтобы доказать благогадарность и любовь болгар к русскому, гостеприимство болгар (крестьяне принимают русского гостя за немца и отказывают ему во всем, и лишь когда он чертыхнулся по-русски, они понимают свою ошибку и оказывают ему гостеприимство). В нравственной ценностной системе Вазова благогадарность стоит высоко, и отрицание благогадарности болгар России для него очень болезненно. Неслучайно поэт посвящает отдельное стихотворение этой теме, озаглавленное поговоркой «Изтъкахме си платното, ритаме крoсното»³⁹.

Тему о непроблематичности болгаро-русской любви во время управления проевропейски ориентированного Стамболова Вазов развивает и в своих воспоминаниях о собственных посещениях России. Эта тема остается основной в воспоминании «Изгнанный марш» («Изпъденият марш»). По поводу отсутствия официальной болгарской делегации на праздновании в Киеве 900-летия крещения русского народа (18 июля 1888 г.) писатель дает комментарий, исполненный эмоциональными и моральными категориями – стыд, оскорбление, обида, неблагогадарность: «Отсъствието само на България от това братско всеруско, почти всеславянско тържество беше едно грозно нещо, една съблазън за другите славяни, един срам за нас ... политиката на минутата не можеше да изличи историята, тя не можеше да послужи за извинение на това невнимание, което в случая добиваше вид на едно ново, дръзко и ненужно оскърбление, прибавено към другите...»⁴⁰. «Горькое чувство обиды» русских, их представление о «неблагогадарности освобожденного народа» Вазов

³⁹ Этой болгарской поговорке приблизительно соответствует русская «выжми лимон, да и брось вон», хотя она, в отличие от болгарской, и не имеет такого широкого употребления в русском языке. Высказываю благогадарность филологу Н. Черняевой за справку по этому вопросу!

⁴⁰ Вазов И. Указ. соч. Т. 9. С. 72.

воспринимает как личные, но каждый жест презрения к Болгарии глубоко задевает его национальную гордость. По поводу вычеркнутого из программы чествования болгарского марша «Шуми Марица» он пишет: «Обидата беше тежка, тя приличаше на презрение, хвърлено въз лицето на България, пред очите на целия славянски свят...»⁴¹. Вазов, который неизменно интерпретирует болгаро-русские взаимоотношения с помощью метафор любовного дискурса и семейных метафор, представляет отношение России к Болгарии (исключение марша из программы в угоду Сербии) как отношение матери, оттолкнувшей одного из своих детей и обнявшей другого: «България беше престанала да бъде галеното дете на Русия – такава изглеждаше да става сега Сърбия»⁴². Явно метафорическое определение Болгарии как «дитяти» России национального чувства Вазова не затрагивает так, как его затрагивает его неразделенная любовь. И в этом своем тексте писатель поднимает вопрос о болгаро-русской любви, чтобы утвердить ее силу в финале: по желанию русского генерала марш все-таки был исполнен, и это вызвало восторг русских слушателей. В приведенном высказывании друга Болгарии Кривцова выступает идея парадоксальности, иррациональности любви русских к Болгарии: «Ние искаме да ви се сърдим, да ви ненавижим, но не можем... И когато имаме вид, че ви мразим, знайте, че ние пак ви обичаме, против волята си... Във вашата полза говори сърцето ни, говори кръвта на руския човек, проляна за вас... Връзката между нас и вас е неразривна, симпатията безсмъртна...»⁴³. Комментарий автора в финале содержит русский автостереотип/миф о русской душе, превращая его в болгарский стереотип русского: «Кривцов познаваше добре руската душа – добра, любеща, лирическа, каквато беше и неговата»⁴⁴. В другом своем воспоминании о посещении России Вазов, комментируя «измену Болгарии» по отношению к России и страх утраты русской любви, использует евангельский образ блудного сына: «Как ще бъдем приети, как ще погледнат на нас, когато стъпим на руска земя?... Изпитвахме тревогата на блудния син»⁴⁵. Сравнение Болгарии с блудным сыном придает особый смысл болгарскому образу России, так как приписывает ей значение 'родина'.

В своих поздних произведениях Вазов, не ставя под сомнение русскую любовь к болгарам, намекает и на чувство снисхождения русских к нам. Подобное отношение просматривается в письме

⁴¹ Вазов И. Указ. соч. Т. 9. С. 74.

⁴² Там же.

⁴³ Вазов И. Указ. соч. Т. 9. С. 79.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Вазов И. Указ. соч. Т. 10. С. 182–183.

русского чиновника к жене в романе «Новая земля»: «Този вчерашен народец бърза да стане славен. У него е всичко голямо: големи писатели, големи герои, големи хора безчет! Невинна грандоманска черта у микроскопическо племе»⁴⁶. Писатель приписывает своему герою-русскому трезвое видение болгарской действительности – нечистоту в Русе, подражание Западу, контрасты в быту, жажду чиновничьих должностей. Нужно подчеркнуть, что в иронии героя воплощена и самоирония автора. В восприятии русского дворянина снисхождение нейтрализовано дружескими чувствами к болгарам, учетом положительных качеств болгар. Своим интеллектом Вазов ощущает невозможность равнопоставленности в болгаро-русском общении, но в его ценностной системе любовь стоит выше и она нейтрализует проблему неравенства.

И В творчестве Вазова близость болгарина к России и, вместе с тем, проблематичность этой близости подсказаны и образом героя как «читающего человека»⁴⁷, в личной библиотеке которого есть произведения русских писателей. В этой библиотеке, наряду с книгами Байрона, Шекспира, Додэ, Гете и др., важное место занимают книги Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Достоевского, Надсона. В повести «Эпоха – кормилица великих людей» («Епоха – кърмачка на велики хора») русская литература представлена как образец подражания для развивающейся болгарской литературы своими эстетическими качествами и реализмом. Но писатель указывает и на чуждость болгарской ментальности определенных идей русской литературы. В романе «Под игом» личная библиотека Кандова, в которой в одном ряду стоят книги анархистов и социалистов, «Преступление и наказание» и «Страдания юного Вертера», интерпретирована как знак отсутствия собственной идентичности: «Тя съчинения показваха конаците, що бе направил кандовий дух в тъжната пустиня на психическите блуждения»⁴⁸. В романе «Новая земля» писатель раскрывает специфику, различие двух культур через образ героя-поэта и критику его слушателей, направляя свою иронию не на чужой (русский) литературный текст, а на подражание чужим моделям: «Ах, Некрасова? Надсона? Поезия мрачна и унила, поезия на печал и незадоволство. Тя е продукт на руския живот и на руската история... Но каква работа има мрачный руски дух в нашия млад живот? Каква прилика има между нашите

⁴⁶ Вазов И. Указ. соч. Т. 14. С. 46.

⁴⁷ О проблеме «читающего человека» в творчестве Вазова см.: Чавдарова Д. «Четящият човек» в творчеството на Вазов в литературноисторическа перспектива // Език и литература. 2007. № 6. С. 52–63.

⁴⁸ Вазов И. Указ. соч. Т. 13. С. 314.

условия и условията, в които се развива руският живот и които са предизвикали тая поезия?»⁴⁹.

Образ болгаро-русского культурного диалога в творчестве Вазова в наше время не утратил своей актуальности. Мы являемся свидетелями того, насколько устойчивы определенные идеи/мифы национальной культуры, как они возрождаются в каждой новой политической и социокультурной ситуации. Мы постоянно слышим вечные вопросы, кто кого любит больше, кто кого разлюбил, кто кому изменил (вопросы, сокровенные для Вазова). Но именно русофил Вазов может обратить наше внимание и на различия между двумя культурами, которые в сфере литературоведения часто остаются незамеченными при наличии множества компаративистских исследований. Что касается политической сферы, то, если мы представим себе, как воспринял бы Вазов некоторых наших современников, считающих себя русофилами, мы могли бы предположить, что он очень удивился бы отождествлению *русского и социалистического* в их мышлении, а также игнорированию национального достоинства в некоторых случаях.

Перевод автора

БЪЛГАРО-РУСКИЯТ ДИАЛОГ В ТВОРЧЕСТВОТО НА ВАЗОВ: (НЕ)ПРОБЛЕМАТИЧНАТА ЛЮБОВ

Дечка Чавдарова

Митологизацията и сакрализацията на Русия в творчеството на Вазов е била обект не само на научен коментар, но и на идеологически «употреби», при които едни текстове са премълчавани за сметка на други (социалистическата идеология например изхвърля от канона произведенията, в които присъства критичен патос спрямо имперските интереси на Русия по отношение на България). Един нов поглед към проблема допълва Вазовия образ на Русия с допълнителни черти и разкрива многозначността на интерпретацията на писателя: разнообразните похвати за митологизация и сакрализация на Русия; сложната метафорична структура в изображението на Русия и руския цар, съчетаваща семейни и любовни метафори със значенията ‘мъжкост’ и ‘женскост’, ‘баща’, ‘майка’, ‘дядо’, ‘брат’, ‘простота’ и ‘величие’; проблематизацията на славянофилската идея, на езиковата близост между двете култури; представата за чуждостта на определени литературни модели, възплащаващи руската национална специфика, на българската менталност, срамът от чувството за измяна от страна на България и болката от изгубената любов на Русия.

⁴⁹ Вазов И. Указ. соч. Т. 14. С. 427.

Н.В. Злыднева

Гео Милев в зеркале русского авангарда

Литературное творчество Гео Милева рассматривалось в Болгарии и за рубежом в контексте пролетарской поэзии, в контексте поэтики авангарда, в связи с содержащимися в нем элементами символизма, экспрессионизма, в связи с историко-типологическими параллелями с рядом явлений в немецкой и французской литературе. Что касается изучения связей с Россией – внимание исследователей часто привлекали проблемы типологических сходений творчества Гео Милева с поэзией Александра Блока и Владимира Маяковского, что и не удивительно: это те поэты, которых, как известно, он хорошо знал и переводил.

Существующие подходы к сравнительному изучению творчества Г. Милева интересно дополнить и рассмотрением его в контексте негативной топики русского искусства, понимаемого широко – как художественной культуры, включающей в себя литературу наряду с другими видами искусства, в том числе живописи. Применительно к России речь может идти о времени так называемого позднего авангарда, то есть о переломной эпохе конца 20 – начала 30-х годов, когда происходила существенная трансформация исторического авангарда: в области живописи радикализм плана выражения, в частности, беспредметной формы, спроецировался на план содержания, задав начало новой фигурации, а в области литературы возник интерес к черному юмору, антиутопии, инверсированному обращению к литературной традиции, в ряде случаев на основе подчеркнуто затрудненного стиля в языковом плане (орнаментальная проза). В целом эпоху русской культуры этого времени можно рассматривать в аспекте негативной топики, когда характерными признаками нового типа мироощущения, во многом роднящими этот период с символизмом, стали мотивика смерти, апокалиптическая символика, фюнеральный код. В изобразительном искусстве в это время актуализировался натюрморт *vanitas* (И. Машков, А. Осмеркин), иконография на уровне композиции обнаруживала память жанра, обращенного к наиболее трагическим событиям евангельского предания, например, к Тайной вечери (Г. Рублев, С. Никритин) и Апокалипсису (Р. Семашкевич), фюнеральный код часто определял композиционно-смысловое целое полотна (К. Петров-Водкин)¹. В литературе необычайную значимость

¹ Злыднева Н.В. Опять рассказали страшное: об одной картине Климента Редько в свете эмблематической нарратологии 20-х гг. // На меже меж голосом и эхом. М., 2007. С. 227–288.

приобрели мотивы страха и смерти. Достаточно назвать имена Липавского и его книгу «Исследование ужаса», Хармса с его падающими старушками и исчезающим в лесу Петровым, а также разнообразными фобиями и изображением ужасов в произведениях Ю. Олеши, М. Зощенко, М. Булгакова, Вс. Иванова, чтобы в сознании выстроилась целая кавалькада разнообразных форм и способов представления *страшного* и *смерти* в вербальном художественном выражении. В трагикомедии Н. Эрдмана – пьесе «Самоубийца» 1928 г., которую намеревался поставить Мейерхольд, но не смог по причине давления со стороны властей, частотность слова *страшный* и его производных достигает высокого числа – 10. Другой драматург – А. Афиногенов в своей пьесе «Страх» (1931), где обозначенное в заглавии состояние, по мнению автора, является одним из определяющих факторов жизни человека, голосом своего персонажа прямо заявлял: «Мы живем в эпоху великого страха».

В известной степени такого рода черты времени объединили русскую культуру с тем, что происходило на Западе. Особенно интенсивные связи с западной культурой в 20-е годы происходили в Берлине, где русские художники и писатели встретились не только со своими немецкими коллегами, прошедшими через опыт экспрессионизма, но и с другими центральноевропейскими деятелями искусства – швейцарскими неодадаистами, чешскими авангардистами, южнославянскими «варварогениями». Последние представляют для нас особенный интерес, ибо скрывающийся за этим самоназванием лидер югославянского авангардного движения зенитизм и основатель журнала «Зенит» (издавался в Белграде, а затем в Загребе с 1921 по 1926 гг.) Любомир Миич был одной из тех ферментирующих процесс взаимодействия различных страт и национальных вариантов авангарда 20-х годов фигур, которые способствовали вовлечению Гео Милева в интернациональный контекст. Гео Милев активно включился в жизнь авангардной периодики. В 1923 г. он сотрудничает с «Зенитом» в деле подготовки международной художественной выставки. В № 26–33 за 1924 г. содержалась информация о болгарском журнале «Пламак» («Пламя») и опубликованной в № 7–8 этого журнала поэме Гео Милева «Сентябрь» («Септември»), а в № 7 за 1925 г. помещена гневная обвинительная статья Любомира Миича против режима правительства А. Цанкова, приведшего к убийству болгарского поэта. В «Зените» публиковались поэты и художники многих центральноевропейских стран, а также Советской России. Последняя была представлена литератором Ильей Эренбургом и художником Эль Лисицким, издававшими в 1923–1924 гг. в Берлине журнал «Вещь». Гео Милев, который в эти годы тоже жил и лечился в Берлине, оказался в гуще событий, невольно отреагировав своим

творчеством на происходящее вокруг, причем русский компонент берлинской среды этого времени, очевидно, занимал далеко не последнее место в ряду привлекавших внимание болгарского поэта событий культурной жизни.

Поэзия Гео Милева начала 20-х годов, и особенно его поэма «Сентябрь», может быть рассмотрена как реакция на поздний авангард в его русском изводе – реакция, отразившая наиболее существенные черты этого разнородного художественного явления. Оставляя в стороне основную тему поэмы – описание реального исторического события, народного восстания, достаточно полно исследованную в литературоведении, мы остановимся на проявившихся в тексте чертах негативной топике в связи с взаимодействием с русской литературой, преимущественно современной автору. В фокусе внимания – три аспекта организации художественного материала в поэме: набор негативных мотивов, содержащаяся в этом произведении апокалиптическая семантика, а также формальные способы репрезентации указанных мотивов, в частности, в плане их косвенной вовлеченности в широкий круг литературы абсурда.

Исследователями уже не раз отмечались имеющие место в произведении Гео Милева интертекстуальные отсылки к двум знаменитым поэмам русской литературы XX века – «Двенадцати» А. Блока и «Войны и мира» В. Маяковского, главным образом, в плане содержащегося в них романтического мотива богоборческого бунта с соответствующими мифологическими коннотациями. Так, российский исследователь В. Николаенко отмечает: «Нечеловеческая мука и нечеловеческая ярость превращают описание Сентябрьского восстания в своего рода богоборческий миф, а мифологическая поэтика взрывает традиционный стих и традиционную логику сюжета»². В аспекте мотивики бунта поэма рассматривается и болгарским исследователем Э. Сугаревым³. В ряду мотивики низвержений текст поэмы можно описать рядом фундаментальных оппозиций *верх/низ, жизнь/смерть, свет/тьма*, где акцентируется второй член – *низ, смерть, тьма*. Налицо актуализация хтонической топике – мира земли, телесности, загробной жизни. Известно, что хтоническая топика (персонажи загробного мира и демонологические символы) была характерна для исторического авангарда: достаточно упомянуть поэму А. Крученых «Мир с конца», произведения В. Хлебникова («Леший и вила» и другие), не раз отмечавшийся исследователями имплицитный фюнеральный код

² Николаенко В.В. Гео Милев // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М., 2008. С. 380–381.

³ Сугарев Е. Бунтът на Гео Милев // Гео Милев през погледа на литературната история и критика. София, 2005.

поэтики Маяковского⁴. Кульминация нарратива поэмы – трижды повторенный мотив низвержения Бога. Мотив сбрасываемого идола особенно явственно проявился в паралитературе русского авангарда, текстах-автокомментариях художников – например, в статье К. Малевича 1920 г. «Бог не скинут. Искусство, церковь, Фабрика». Уже в самом названии этой статьи содержится конфликт смыслов, определяющий негативную семантику. Парадоксальное богоборчество авангарда актуализирует языческие корни православия, и в этой связи нескинутый Бог Малевича отсылает к мотивике древних идолов, циклическому возвращению из мертвых, традиции символистского дионисийства, получивших блестящее развитие в поэзии и статьях Вячеслава Иванова.

Мотив поверженного идола восходит к демоническому символизму, которому Г. Милев сполна отдал дань в своем более раннем творчестве. Глубинная проникнутость творчества поэта фольклорными мотивами уже отмечалась исследователями⁵. Косвенным указанием на то, что в рассматриваемом тексте речь идет не столько о богоборчестве, сколько о борьбе с идолами, явствует, в частности, из художественного наследия поэта-рисовальщика, а именно, его карикатур на воплощение ненавистного поэту режима – болгарского царя Фердинанда, который уподоблен памятнику. В таком уподоблении ясно просматривается отсылка к пушкинской теме и поэме «Медный всадник», которой был проникнут русский символизм.

Однако еще более важно отметить авангардную природу парадоксальных инверсий поэмы Гео Милева. Скинутому Богу противостоит рай, низвержению сакрального – вознесение профанного, что сопровождается и темпоральной инверсией: в райском мире воплощенной утопии сентябрь превращается в май, чем нарушается (и/или утверждается через парадокс) традиционный вектор сельскохозяйственного цикла. В контексте парадоксальных инверсий акт скидывания идола-бога также содержит потенциал инверсии: в экстатическом движении по вертикали (вниз – вверх) значимо само это движение. Вертикаль отсылает к телеологической конструкции авангарда с его движением вверх, смоделированным в «Башне III Интернационала» В. Татлина и многих других спиралях, метафорически воплощенных в устремлениях «оптимальной проекции» его представителей (термин А. Флакера)⁶. Мифологический план поэмы задается прямыми отсылками к персонажам античной истории и героического эпоса:

⁴ *Вайскопф М.* Во весь голос. Религия Маяковского. Москва–Иерусалим, 1997.

⁵ *Горчева М.* Елегичен авангард (вариацията «Гроб» от «Иконите спят» на Гео Милев между литературни предходници и естетически експеримент) // «Литературен клуб», 2005. <http://www.litclub.com/library/kritika/maya/grob.html>

⁶ *Флакер А.* Живописная литература и дитературная живопись. М., 2008.

Ахиллу, Гекубе, царю Агамемнону и Приаму с прямой цитатой из знаменитого зачина поэмы Гомера: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына» («Музо, възпей она пагубен гняв на Ахила»). Происходящие в Болгарии социальные потрясения проецируются в мир древних богов, представленных в разнообразных мифологиях мира – Зевса, Ра, Йеховы, Индры, Саваофа и других, к которым взывает поэт, требующий ответа-возмездия: «отговаряй!» («отвечай!»). Однако более значим скрытый план мифологии, реализующийся на уровне фундаментальных оппозиций и семантики движения вверх/вниз и отсылающий к глобальным мифопоэтическим моделям, в частности, к идее мирового дерева – центральному мифологическому символу нынешней человеческой цивилизации (В.Н. Топоров)⁷.

Представленному в оппозиции верх/низ динамическому началу противостоит начало статическое, именованное. Среди риторических фигур важное место принадлежит анафоре, введенной в виде каталогизации имен:

Из темных долин,
 перед самым рассветом,
 с лесистых вершин,
 из дебрей пустынных,
 с голодных полей,
 из грязных селений,
 из хижин немых,
 дворов,
 городов,
 из домов,
 и строений,
 лачуг и хибарок,
 вокзалов,
 бульваров,
 амбаров,
 из фабрик,
 портов,
 пароходов,
 из гаваней,
 мельниц,
 заводов...

(Пер. М. Павловой)

И далее, где приведены два каталога профессий, противостоящих друг другу по социальному признаку *рабочий народ / интеллигенция*, причем интеллигентские профессии переданы как негатив, через частицу отрицания (не/а):

⁷ Топоров В. Древо мировое // Мифы народов мира, М., 1980. С. 398–406.

Народ восстал...
извечный труженик –
не гении
и таланты
протестанты
ораторы
агитаторы
фабриканты
воздухоплаватели
педанты
писатели
генералы
содержатели
ресторанов
музыканты
черносотенцы, –

а
крестьяне
работницы
грузчики
батраки
неимущие
неученые
грубияны,
профаны
мужланы –
скот, как скот –
тысячи,
масса,
народ.

(Пер. М. Павловой)

В поэме имеется и множество других «каталогов» – многие из них основаны на предикате. В именном построении, разумеется, вспоминается Блок (ночь–улица–фонарь–аптека). Однако подобное перечисление – каталогизация признаков и имен – встречается и позднее, а именно в русской литературе абсурда 20-х годов, в частности, в поэзии Д. Хармса (например, детское стихотворение «44 веселых чижа»), а также в творчестве А. Введенского и Н. Заболоцкого. В литературе XX в. прием каталогизации – знак утраты референта: посредством акцентирования горизонтали возникает семантика деиерархизации ценностей. Анафорическая риторика утверждает именной, то есть пространственный, статический образ мира, но при этом посредством однородных членов – тиражированности элемента – гасит и почти устраняет референт, порождая образ

дезонтологизированного бытия. В своей книге «Беспамятство как исток» М. Ямпольский пишет о том, что подчиненный серийному принципу мир Хармса – это «дурной мир», где «жизнь становится ничем не ограниченной прогрессией: потенциальной бесконечностью»⁸. Каталогизация служит означиванием уничтожения времени, посредством чего передается состояние особого ужаса, описанного у Л. Липавского⁹.

Нанизывание однородных членов предложения в первой части поэмы «Септември» имеет целью актуализировать визуальную презентацию мира наподобие живописи примитива, где в композиции господствует принцип перечисления равнозначных деталей изображения. Стилистика «наивной» живописи во многом определила поиски исторического авангарда, а также легла в основу новой фигурации середины 20 – начала 30-х годов, хранящей память о периоде конструктивизма, когда ритмика машинной конструкции подчиняла себе форму. Эти новые тенденции в живописи не могли пройти мимо взгляда Гео Милева во время его пребывания в Берлине, тем более, что они неизбежно должны были опираться на национальную традицию, проникнутую фольклором и даже в профессиональном творчестве опирающуюся на полуфольклорную поэтику примитива.

Серийно-перечислительному разворачиванию мира в первой части поэмы противостоит его экстатическая динамика в последней части, где на смену горизонтальной модели приходит вертикальная: вниз/вверх (долу/горе). Это отчетливо артикулированное противопоставление имеет, вместе с тем, общий знаменатель: оно направлено на ликвидацию времени. Если в начале – в каталогизированной экспозиции сцены будущих событий – время не присутствует *еще*, то в конце его нет *уже*. Если в начале имеет место *ночь*, в конце – вечный *день*, а вековая злоба «мертвой утробы» земли трансформируется в весну, блаженный рай, распростертый над окровавленной землей, над которой уже не властно время. Настоящее превращается в осуществленное по пророчеству философов и поэтов будущее, то есть рассказ о невинной жертве превращается в утопическое видение с акцентом на профетическом «ще бъде» («будет»).

Очевидна интертекстуальная составляющая смыслового ядра произведения, то есть отсылка концовки поэмы Гео Милева к многоуровневой семантике образа Иисуса Христа в поэме А. Блока «Двенадцать». Вместе с тем, утопический локус поэмы «Септември» можно рассматривать и в контексте балканского утопизма в целом. В отечественной филологии уже предпринимались попытки сопоставления мотива безвинной жертвы и ее утопической проекции в балканском фольклоре с парадоксальной космологией

⁸ Ямпольский М. Беспамятство как исток (читая Хармса). М., 1998. С. 343, 344.

⁹ Липавский Л. Исследование ужаса. М., 2005.

Хармса¹⁰. Полагаю, что произведение болгарского поэта в избранном нами аспекте анализа может быть поставлено в тот же ряд. Амбивалентность этого утопизма, его тесная связь с дистопией выступает и как свойственная экспрессионизму сближение крайностей (Сугарев), но при этом и раскрывает иные смыслы, прочитываемые только в контексте русского поставангарда.

Последнее выявляется в формальной организации мотива *страшного* и через поэтику *катастрофы*, которую нельзя целиком свести к наследию европейского экспрессионизма и которой в значительной мере отмечены русское искусство и литература середины – второй половины 20-х годов¹¹. На постсимволистский компонент поэтики Гео Милева исследователи уже обращали свое внимание¹². Однако апокалиптическое видение мира здесь не только обнаруживает согласие с региональной традицией, но и вписывается в контекст русской литературы. Гео Милев в зеркале русского позднего авангарда проявляет себя как поэт катастрофического предчувствия в его мифопоэтическом прочтении.

В плане концептуализации страшного и негативной топики, реализованной в произведении болгарского поэта, интересно сравнить поэму «Септември» с живописным полотном советского художника Климента Редько «Восстание» (1925). Произведения созданы примерно в одно время, посвящены близкой теме (социальному бунту), но главное – обнаруживают поразительную близость с точки зрения их формально-смысловой структуры.



К.Редько. Восстание. 1925. Холст, масло. ГТГ.

¹⁰ Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

¹¹ Злыднева Н.В. Указ. Соч.

¹² Димитрова Е. Изгубената история. Аспекти на мтологичното и историчното в българската поезия от 20-те години на XX век (Гео Милев, Никола Фурнаджиев, Николай Лилиев, Атанас Далчев). София, 2001.

К. Редько (1897–1956) принадлежал к младшему поколению авангардистов. Он прошел через опыт беспредметности, исповедуя созданную им теорию «электроорганизма», которая была направлена на изучение природы электрической энергии средствами живописной формы. Однако в середине 20-х годов в творчестве Редько произошел резкий поворот к фигурации, результатом чего и стало названное произведение. Многофигурная композиция этой картины подчинена геометрической схеме, исполненной динамики: в основе лежит ромб, образованный вереницами вооруженных бойцов, моторизованных колонн, военных музыкантов, вытянувшихся по периметру ромба, от боковых сторон которого лучами в центробежном направлении расходятся другие группы народных участников великого действия. В центре композиции – активно жестикулирующий вождь восстания, В.И. Ленин в окружении своих портретно-узнаваемых соратников: здесь и Сталин, и Троцкий, и Крупская, и Орджоникидзе. Экзальтированная поза вождя соответствует крайней степени напряженности, выраженной в драматическом колорите: черное с красным. Вся картина построена на контрастах – центростремительного и центробежного движений, анонимности и документальности, в крайней своей точке передающих противостояние космоса и хаоса. Трагичность героической патетики усиливается благодаря фону, который образован множеством безликих городских окон, напоминающих тюремные стены (одно из них расположено над головой вождя) или апокалиптические сооты. Мотив Апокалипсиса имплицирован в памяти жанра: Ленин как вождь-демиург, помещенный в центре ромба, вызывает ассоциации с иконографической схемой Спаса в силах, изображающей Христа на Страшном Суде. Совпадают и расходящиеся в стороны лучи.



*Спас в силах. Икона Деисусного чина. Первая половина XVI века.
Художественная галерея. Тверь.*

Показательны замещение сакрального персонажа фигурой революционера-богоборца, контрастный колорит, а также апокалипсические коннотации негативной топики.

Мифопоэтические проекции картины удивительным образом перекликаются с поэмой Гео Милева, обнаруживая типологическую близость двух авторов, принадлежащих к разным национальным традициям и работающих в различных видах искусства. Не только богоборческий миф болгарского поэта, описанный динамическими противопоставлениями, находит соответствие в организации полотна русского художника, но и принцип каталогизации поэмы «Септември», описанный выше, образует параллелизм с тиражированным элементом окна и множественностью толпы, ритмически организуемых композицию картины. Тождественны и нарративные структуры: повествование от лица действующего персонажа в поэме (авторитарный автор) совпадает с нарративным принципом обратной перспективы картины, где жест Ленина (указывающего правой рукой налево) можно идеологически *правильно* понять только встав на точку зрения «внутреннего» зрителя – того, кто чудесным образом обретается в пространстве самого полотна-рассказа, как в иконе. Но главное – совпадает тот суггестивный, насыщенный трагическим смыслом тон, задающий атмосферу краха индивидуума, будь то профетическое «заговаривание» будущего у болгарского поэта или полное скрытого трагизма предчувствия катастрофы у русского живописца.

Антиномичность образа восставшего народа в картине Редько – и героя и демона может быть понята на широком фоне авангардной традиции, постсимволистского контекста русской культуры, а также экспрессионистской волны, пришедшей из Германии, с которой у России в 20-е годы были прочные связи. Последнее существенно и для Гео Милева, на родственности поэтики которого экспрессионизму настаивают многие болгарские литературоведы¹³. Не следует, однако, недооценивать и влияния русской культуры, порой непосредственного, а порой и на уровне типологического схождения, преодолевающего не только пространство, но и видовые границы художественного творчества.

ГЕО МИЛЕВ В СВЕТЛИНАТА НА РУСКИЯ АВАНГАРД

Н.В. Злиднева

В статията върху материал от героико-романтичната поема на Гео Милев «Септември» (1924) се разглежда проблемът за връзката на творчеството на българския поет с руската съветска култура от средата и края на 20-те години. Тази връзка е обусловена както от лични контакти (участие в списанието «Зенит»), така и от типологическа близост (между другото – проникнатата от духа на символизма поставангардна поетика на *катастрофата*).

¹³ Сугарев Е. Българският експресионизъм. София, 1988.

Митологическите конотации и формално-стилистическите особености в организацията на текста на поемата на равнището на структурата и на смислите разкриват, в частност, сходство с платното «Възтание» на художника К. Редко.



*Преображение. Икона. Третья четверть XV века.
Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник. Новгород.*

Цветан Ракёвский

Авангардное и поставангардное: «Сентябрь» и «Египетская марка»

Начиная с «Египетской марки» Осип Мандельштам решительно переходит от эстетики авангарда к трудной для определения эстетической и аксиологической системе поставангардного искусства. Опорным повествовательным стержнем этого произведения является сверхтекст «Петербург», который для русской литературы имеет глобальное и тотальное значение. Другой опорный стержень поставангардного литературного мышления - распадение категориального аппарата повествования, мотивационный центр которого не присутствует в системе персонажей.

Важной особенностью поставангардизма является и его **горизонтальная структура**, которая поглощает и перестраивает культуру перед собой и вокруг себя, но не используя ее (не нагружая) в художественных целях. То есть не пытаясь с помощью цитат, клише, силуэтов культуры (литературы) создавать художественную «реальность», а только иллюстрировать с их помощью свою идею. Так называемые «чужие» тексты слепляются мозаично, не мотивируя перехода между собой. Так создается художественный текст без видимых композиционных правил, подчиненный идее иллюстрирования распада времени, а не создания литературного персонажа.

Доминирование идеологии над искусством – именно так я бы назвал поставангардный тезис о «разрушении всех реальностей», как по сходному поводу высказался болгарский поэт Гео Милев в Болгарии. При этом вставление чужих текстов превращается в состояние самого текста¹. Поэтому легче определить, что такое не поставангардный текст: он не закрытый, не ограниченный и самоценный, не самодостаточный. Поставангардный текст создается демонстративно из постоянно находящихся вокруг (около) него других текстов – при этом они могут быть не только литературными. В «Египетской марке» мы встретим не только имена Рюбампре (Бальзак), Анны Карениной (Л. Толстой) и Эммы Бовари (Флобер), но и музыкального педагога Теодора Лешетицкого, страхового агента Гешки Рабиновича, поэта В. Парнаха.

Это разные семиотические группы, которые позволяют взаимную реинтерпретацию через призму важных авторских идей о судьбе вековой культуры, о судьбе маленького человека, о тяжести города и толпы как данности. Чтобы понять эту идею, нужны пересечения

¹ Эпштейн М. Хасид и талмудист (Пастернак и Мандельштам) // Звезда. 2000. № 4. <http://magazines.rus.ru/zvezda/2000/4/epsht-pr.html>.

разных семиотических механизмов, задействование так называемых **игр по означению**. Потому что только тогда можно понять, что происходит с высокой духовной русской культурой (литературой, музыкой, театром), когда появится разорванный образ Мельпомены перед зданием театра, когда родится намек на исчезающие домашние роли, когда возникнет распад музыкальной партитуры как сметенных ветром перемен.

Как литература работает с культурой, с памятью о ней, с литературой вокруг себя как реальностью? Это то качество, которое отличает авангардизм от *«пост-»* течений. Потому что истинные авангардисты, такие, как Владимир Маяковский, Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Сергей Городецкий в России или же Гео Милев и Николай Марангозов в Болгарии, воздвигают свою литературу на культуре, надстраивают художественную систему (свою) на уже созданной системности, на уже достигнутой эстетической и ценностной позиции данных (данного) других текстов. То есть, несмотря на фрагментарность, ассоциативность, поколебленный идеологический центр, несмотря на все это, цитирование, коллаж, клише в авангардистской литературе работают на глубину, на постижение сложной парадигмы связей и отсылок *«этого»* текста к *«чужим»* текстам. Контекст мифа, библии, литературы становятся декодирующей системой, которая пытается быть другой реальностью, задать направление смыслу. И эта сгущенная реальность обращена к социальной сфере, пытается, ее перевернуть – иначе говоря, авангардистский радикальный жест к отрицанию мира, порядка сопровождается революционными по отношению к традиции идеями *«низвергнуть солнце»* (Гео Милев), изменить чередование времен года (*«сентябрь будет маем»*).

В этом смысле поэтика авангарда неизбежно строится на механизмах деструкции, представляющих нецелостность мира. Мандельштам в своих поэтических текстах демонстрирует это, предъявляя новую эстетику вещей, тривиального, в то время как человеческое (лицо, мотив, психическая реальность) вытесняются грузом пространства (Петербург), безмолвностью предметов (материальность мира), иероглифом². Поиски поколения словно по презумпции направляются к идее, заявляющей о том, что мир в сущности представляет собой компендиум знаков, несущих память – знаков, перегруженных памятью, что ничто в этом мире не имеет устойчивости, потому что все в нем подлежит интерпретации, субъективному прочтению. Это авангардное понятие культуры как постоянного интерпретирования знаков.

² Генис А. Модернизм как стиль XX века // Звезда. 2000. № 11.

При этом творчество автора никогда не бывает изолированным, уникально-феноменальным, потому что оно в принципе является частью культурного процесса влияния и интерпретации мира. Поэтому так активен диалог, то есть межтекстовый мост от Осипа Мандельштама к авторам его поколения, к интертексту «Петербург» и т.д. Поэтому и в русском литературоведении уже почти четверть века проводятся впечатляющие межтекстовые интерпретации связей и контрапунктов между поэзией Мандельштама и эмблематичными произведениями в русской литературе первой четверти XX в.

За последние годы я бы указал на исследования С. Бройтмана³, Г. Амелина и В. Мордерера⁴, М. Эпштейна⁵, М. Гаспарова, О. Лекманова. Поиски отправных точек между поэтическими текстами О. Мандельштама и контекстами, связанными с Венецией, с Велемиром Хлебниковым, Вячеславом Ивановым, Борисом Пастернаком, как и вообще с символизмом 10-х гг. XX в., делают эти исследования важными в их попытке установить хотя бы видимые черты сложной территории межтекстовых отношений, влияний и рождения широких направлений при чтении поэзии Мандельштама.

Моя основная точка зрения базируется на том, что авангард надстраивает и встраивает свою художественную систему (образы, мотивы, символы) в и на широкой культурологической системе памяти – древних сюжетах, мифологических схемах, библейских реминисценциях, литературных прототипах. Поставангард, однако, не ищет этой глубины, а расстилает по горизонтали цитирование, аллюзии, оставляя их без внутренней мотивированной связи с целым. То есть делая ставку более всего на ассоциации – иначе интертекст утратит свою функциональную причину быть распознанным или декодированным в/через текст (например, в тексте «Египетской марки»).

И поскольку упомянутые выше русские ученые уже интерпретировали некоторые из интертекстов поэтических образцов Мандельштама, я здесь коротко и по-другому продемонстрирую близость творцов-авангардистов к таким глубоким структурам, которые базируются на межтекстовых соотношениях. Речь идет об одном отрывке из последней 12-ой части поэмы «Сентябрь» (1925) болгарского экспрессиониста Гео Милева:

«Ахилл торжествует...
– Что ему Гекуба?»

³ Бройтман С. К генезису постсимволизма (Ранний Мандельштам и Блок). <http://liber.rsu.ru/Conf/Postsimvolizm98/broitman.htm/>

⁴ Амелин Г., Мордерер В. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М.–СПб., 2000.

⁵ Эпштейн М. Цит. соч.

Душа его, дикая, грубая,
 не слышит, не чувствует
 материнских рыданий
 над серыми трупами
 сыновей, над могилами их безымянными,
 без числа,
 что выросли вдруг
 над землею от крови сырой...»

(Пер. М. Павловой)

Образ Ахилла, в отличие от античного контекста в «Илиаде», имеет здесь иную функцию. Он является основой по меньшей мере двух значений: первое связано с насилием и жестокостью, и это точка зрения с другой стороны идеала архаического мировоззрения, взгляд «с другой стороны» уже воспринимает смерть Гектора как ужасающий акт. Второе значение текста «Ахилл» связано с возмездием. Сам Ахилл генетически вписан в контексты, означенные как возмездие (и по линии отца Пелея, и по линии nereиды Фетиды, предупредившей, что тот, кто первым спрыгнет с корабля на троянскую землю, понесет возмездие земли). В самой «Илиаде», начиная с XVIII-ой песни и далее, Ахилл превращается в рокового героя, становится знаком возмездия.

Такому автору, как Г. Милев, этот динамический и разнонаправленный контекст нужен потому, что Ахилл в поэме «Сентябрь» это демонический сверхзнак смерти, аккумулирующий значения тотальной жестокости («*по всей стране*»); он виновник «*кровавого пота на земле*». Ахилл – образ смерти, крови, насилия. И тогда Гекуба – мать Гектора, страдающая царица – начнет последовательно облекаться смыслом всей земли, всематери. Это мать всех и всего, тех, кто выстрадал всепространственную трагедию «*по всей земле*». Так что вопрос «*Что для него Гекуба?*» и риторический, но и идеологический – с точки зрения развития поэмы, Ахилл («царь-генерал») генерал, то есть государство, и он не имеет ничего общего с облитой кровью родной землей. Но «*плачь священной матери*» вызывает к возмездию. И в поэме видно, как этот мотив наполняется смыслом. Но «*Что для него Гекуба?*» входит в свой и довольно близкий интертекст в репликах Гамлета в конце второго действия, когда он комментирует эпизод с «мышеловкой» и вживание актера в роль: на что ему Гекуба, этому актеру, так сильно потрясенному глубоко в самом себе, тогда как сам Гамлет, у которого есть основания мучиться совестью и горевать, стоит, опустив руки? В поэме Г. Милева этот вопрос **спародирован**, несмотря на то, что трагическая ирония в реплике Гамлета сохраняется.

Эта краткая и поверхностная интерпретация может подсказать, что авангард предпочитает межтекстовые связи – с их помощью создается фрагментарный образ, в котором, однако, пресечение разных

контекстов формирует глубинную структуру, направленную в поэме «Сентябрь» к теме насилия, возмездия, нового сотворения – но этот путь не на земле, а в «блаженном раю» земли. Пересечение различных контекстов (Ахилл, Гекуба, возмездие, Гамлет) проводит сложную кривую горизонта значений – они появляются и мотивируются по принципу ассоциативных связей между ними.

В таких поставангардных произведениях, как «Египетская марка», уже явно проглядывается крах авангардного проекта переворачивания мира, чувствуется, как стихает пафос «свержения солнца» (поэма «Сентябрь»). Революция 1917 г. превращает намерения свершить перемены в утопию. Язык повести не связывает в одной мотивации различные межтекстовые горизонты, а размывает их – разбрасывает их значения, не давая возможности установления между ними общего идейного ракурса. Таков способ повествования на языке постмодернизма – нагромождение в нем аллюзий, имен, цитат (скрытых или явных), отсылок к истории, музыке, литературе не только разрушает логику и поступательность повествования, но и нарушает классические синтаксические связи в предложениях. Уже не имеет значения, прием ли мы по отношению к произведению Мандельштама определение «постмодернизм», потому что каждое новое эстетическое прозрение и техника, которые рождаются в Европе после авангарда 20-х гг., могут быть уместно определены термином с приставкой «*пост-*».

«Египетская марка» – странное произведение. На фоне известной повести «Шум времени» (1923) и рассказов из следующей прозаической книги «Феодосия» (1923-1924), которые воспринимаются скорее как мемуарные, О. Мандельштам удивляет читателя новой прозаической книгой, которая не вписывается ни в жанровые рамки мемуаров, ни повести в чисто художественном смысле этого определения. Некоторые из причин этого неожиданного явления я уже упоминал выше. Но в самой ткани повествования в «Египетской марке» кроме путаницы в категориях читатель сталкивается и с не встречавшимися до тех пор механизмами контекстуализации – отсылками и цитатами, аллюзиями и реминисценциями из других текстов (литература), других художественных горизонтов (живопись, музыка), реальных фигур культурной жизни Петербурга и Москвы (А. Бозю, В. Парнах). И каждый из этих горизонтов появляется внезапно, не мотивированно, без осмысления и продолжения предыдущего. Но он обслуживает идею «распавшегося времени», которая появляется еще на второй странице повести. То есть текст вихрем закручивает в себе множество «семиотических игр»⁶, которые на самом деле

⁶ Это фраза Инны Купер, которая рассуждает о коммуникативных аспектах интертекста. Семиотические игры предопределяют кризис целого. Здесь

предполагают высокую степень иносказательности. Потому что реальные имена из петербургской жизни того времени (Г. Рабинович, Лешетицкий, В. Парнах), «реальные» имена из литературных текстов Л. Толстого или Флобера, еще более реальные имена таких композиторов, как Лист или Бетховен, закручены в метафорической амальгаме, которая их отдаляет от собственной «истории» и превращает в знаки, в интерпретаторов культуры, которую «Египетская марка» хочет выразить. А это уже хаотическая культура.

(В одной объемной и исчерпывающей энциклопедической статье об интертекстуальности⁷ есть интересное замечание о том, что повышенная интертекстуальная энергия у акмеистов является плодом их самочувствия хранителей культуры. К 1928 г., когда была опубликована «Египетская марка», по крайней мере О. Мандельштам уже демонстрировал свое излечение от этого самочувствия. Впечатление скорее обратное, что поэт, писатель только регистратор упадка, краха вековой культуры.)

Принимая во внимание реминисценции и отсылки к различным формам культуры (литература, опера, театр, живопись), в мировой литературе до первой четверти XX в. трудно найти аналог повести О. Мандельштама. С известными оговорками таким прозаическим текстом можно считать незаконченный роман Флобера «Бувар и Пекюше», изданный в 1881 г.

О. Мандельштам умышленно подчиняет весь свой текст фрагментации, составлению композиционных сегментов по принципу смешения различных форм, которые как бы представляют все художественное познание интеллектуала первой четверти XX в. Литературные силуэты Бальзака, Стендаля, Л. Толстого, Достоевского, Анненского, В. Розанова, Гоголя; имена и музыкальные произведения Моцарта, Бетховена, Листа, Шуберта, Шопена, Адана; яркие детали из произведений «Анна Каренина», «Двойник», «Записки сумасшедшего», «Мадам Бовари», «Утраченные иллюзии», «Блеск и нищета куртизанок»; аллюзии на фразы и даже буквальные фразы из стихотворений самого О. Мандельштама - все эти отсылки и цитирование превращаются в какую-то «опись» культурных пластов, формирующих сознание человека начала XX в.

Осип Мандельштам – первый прозаик, который прокладывает путь от модернизма к поэтике постмодерна – с множеством реминисценций, с преднамеренными отсылками к всевозможным областям культуры в отсутствии единого повествовательного центра и мотивации.

кроется характерная для прозы Мандельштама «трудная читаемость». Распад целостности проявляется и в подчиненности наррации лейтмотивам, а не казуальности. См.: *Купер И.* Гипертекст как способ коммуникации // Социологический журнал. 2000. №1/2.

⁷ См.: Энциклопедия «Кругосвет». М., 2001.

Исследуя такой текст, как «Египетская марка», можно «поправить» теорию и установленные ею признаки постмодернистского повествования. По мнению Вячеслава Лютых, постмодернистская литература оперирует изначально вмененной искусственной реальностью, ошибочной по определению, ловко концентрирующей настоящее посредством голосов прошлого⁸.

По-моему, масса цитат и коллажей из текстов в тексте «Египетской марки» играет другую роль. Самая общая - не в создании искусственной реальности, а в эмпирии мира повествования. И этот мир, который разрушается с «распадением времени», в сущности живет в культурном пространстве, но запутанно, без аксиологических норм, не ощущая и не сохраняя «разделения языков» в этом пространстве. Потому что послевоенная культура в России в двойном кризисе – она находится в ситуации после поражения в войне, но она еще и в после-революционной ситуации. Иначе говоря, это культура, оставшаяся без всяких норм. Культура, потерявшая опору и основание своего нормотворческого аппарата – гуманизма. Поэтому и литература в этой культуре как бы «выпускает» человека из своей структуры, не создает свой художественный мир (структуру) ради человека и от его имени.

* * *

В первой части статьи говорилось о расшатывании самой литературной категории Персонажа. Персонажей в подлинном повествовательном смысле в «Египетской марке» нет, так как в ней присутствуют такие две важные стороны поэтики О. Мандельштама:

– черты авангарда (акмеизма): необычайность, фрагментарность, неаристотелева система средств воздействия, нетрадиционные отношения между субъектом и объектом. При этом утрачиваются связи между субъектом (героем) и объективным временем, поскольку герой уже не может быть призмой по отношению ко времени.

– с другой стороны, черты постмодернизма: по-моему, посредством «Египетской марки» Мандельштам интуитивно обнаруживает важные особенности кризиса направлений авангарда и их уже невозможной эстетики, во-первых, из-за быстрого истощения эстетических программ всех «измов» и, во-вторых, из-за невозможности существования для этих «измов» в эпоху соцреализма.

Эта повесть, может быть, первое литературное сочинение, которое отражает и формирует свой художественный мир языком системы, пытающейся артикулировать глобальный кризис. Кризис – не в мире, а в России. Не имеет значения, назовем ли мы «Египетскую

⁸ Лютый В. Случайные черты // Подъем. 2002. № 1.

марку» первым произведением постмодернизма⁹. Она уже не принадлежит акмеизму и не является порождением философом авангарда – нигилизма и цинизма. Сам О. Мандельштам служит примером преодоления группы, цеха, «общества» (Цех поэтов, ОБЭРИУ и пр.). В конце 20-х гг., когда создается «Египетская марка», он уже вышел как автор из роли поэта-модератора авангардных идей преобразования мира и его эстетической визии.

В 1928 г. для него уже бессмысленны авангардистские амбиции указывать, как точно должны жить мир и искусство. Как типичный поставангардист и интеллектуал при советском режиме в культуре О. Мандельштам демонстрирует лишь то, как может существовать искусство – и не как протест или отрицание, а как подвижный и разнонаправленный мир, в который вбиты устои нового эзопового языка. И еще – в 1928 г. Мандельштаму становится болезненно ясно, что мир, революционный мир советов уже не может быть перевернут и изменен по воле нового авангардного мышления.

В «Египетской марке» Мандельштам меняет свою собственную эстетическую позицию по отношению к авангарду. Потому что в этой повести использование цитат и коллажа настроены не на конструктивные цели, создание парадигм, а на построение горизонтальной структуры текста. При таком количестве и столь разнонаправленных «объектов» высказывания оформляется реальная опасность неточного создания текста, антиперспективного, шаткого при любом появлении имени, заглавия, ситуации, реминисценции. Но так происходит и с сознанием человека послевоенного времени, пережившего три революции и войну, оказавшегося на пороге выживания и в языке.

Оказывается, что это сознание не только не едино, но и сформировано коллажными столкновениями между литературой и музыкой, живописью и театром. Парнок – герой этого произведения, который персонализирует проблему человека, видящего мир вокруг себя через оптику культурных знаков. У него словно нет своей точки зрения, и он постоянно обращается к окружающей его действительности через призму и ценностную систему искусства. Он видит толпы на улицах Петербурга глазами умирающей певицы Анджиолины Бозио, воспринимает хаос вокруг через ощущения Эммы Бовари, реагирует на жизненные потрясения с нежной чувствительностью Анны Карениной, встречает на книжных развалах имя аптекаря Жоржа Оме из романа «Мадам Бовари». В то же время повествователь в поисках его аналога, скорее прототипа уподобляет его Голядкину из «Двойника»

⁹ Во имя хронологии напомним, что родословной эмблемой постмодернистской литературы является роман «Улисс», написанный в 1922 г., а опубликованный в отрывках только в 1935–1936 гг. То же и с романом М. Пруста, который был завершён в 1913 г., а вышел только в 1934 г.

Достоевского. Даже в одном месте повести сам Парнок вроде бы обнаруживается в репликах героя из «Записок сумасшедшего» Гоголя.

В «Египетской марке» отсутствует очень важная для теории интертекстуальности «степень деформации»¹⁰. По мнению Н. Семеновской, цитата в тексте всегда имеет деформативные последствия, поскольку указывает на аллюзии, а не на свою интерактивность. Однако Мандельштам в свою повесть напрямую вмещает имена, заглавия, героев. И это его цель – не затруднять героя (да и читателя), а просто окружать его эмпирией разного рода. И здесь стоит сделать еще одну оговорку по отношению к одному из отцов теории интертекста – М. Риффатеру: для межтекстовых связей не столь важно лексикальное сближение, сколько структурные аналогии, потому что «текст и его интертекст являются вариантами одной и той же структуры»¹¹. Но, по-моему, повесть Мандельштама поправляет теорию Риффатера кое в чем важным – речь идет не об общей структуре, а об **общей семе**. На семичном уровне текст и интертекст подчиняются общему мотиву (знаку).

(Для большей ясности – под семой я понимаю «разложенный» мотив, декомпозированный повествовательный мотив, который может быть сведен к одному знаку, слову. Этот знак – например, «уличное насилие» – можно разложить на семы: линч, улица, беззаконие и пр. В прозе это объемы мотива, который имеет свою художественную линию в повествовании. Но в целях сравнительного анализа семы могут изолироваться от мотива, что у Мандельштама, создает параллельность между текстом и интертекстом.).

Приведу пример. У Героя Парнока была детская привычка – пометать на карте маршруты своих вымышленных путешествий. Сразу на той же странице появляется интертекст – «Анджиолина Бозио», гениальная певица, выступавшая в «Травиате» с 1855 по 1859 гг. в императорской опере Петербурга и, к сожалению, умершая в России во время этих гастролей. Связью между Парноком и А. Бозио является сема «путешествие», точнее, географическая карта, на которой отмечается путь; отсюда и весь мотив «вымышленного путешествия», потому что и певица представляет свои американские (заокеанские) гастроли, прочерчивая маршрут на глобусе. Однако для А. Бозио это не только иллюзорная поездка, в то время как для Парнока маршрут на глобусе Ильина замена настоящего путешествия.

Гениальная певица, пение, «Травиата», музыка и искусство, все это – окончившийся для Парнока мир гармонии, который уже вне его. Здесь автор ревностно дает понять, что речь идет о двух культурах,

¹⁰ Семенова Н. Цитата в художественной прозе. Тверь, 2002. С. 23.

¹¹ Riffaterre M. Semiotique intertextuelle: l'interpretant //Revue d'Esthetique. 1972. №1–2. P. 128–150.

о двух этапах русской культуры, прошедшем и настоящем, послереволюционном, которые не имеют ничего общего между собой.

Многочисленные явные и скрытые цитаты разрывают на части и останавливают поступательность сюжета, когда вместо того, чтобы двигаться вперед, повествование очерчивает концентрические круги персонажей, имен, заглавий, цитат. Подобный прием применяет и М. Риффатер, как семантические аномалии в линейности.

Самой важной чертой постмодернистской наррации является отсутствие семантических границ между текстом и его культурными проекциями, а также и полное игнорирование повествовательных категорий (логичность, поступательность, каузальность).

Так, повествование в «Египетской марке», перегруженное большим количеством таких разных культурных реминисценций, превращает свой собственный контекст в нечто, похожее на сеть, в координатную сеть имен (имена авторов, героев, названия произведений). И это не второстепенные отсылки, а исключительно важный указатель на авторский замысел. Раз образ Петербурга в повести становится метагероем, то и многократные отсылки к литературным, музыкальным и всяким другим знакам и формам искусства должны рассматриваться как важный признак авторской идеи. Хаос революции превращает в беспорядочную и абсурдную мешанину действий не только жизнь – гражданская смута перемалывает саму культуру и культурные традиции. Она разрушает установленную культурную иерархию и связывает ценности в неузнаваемый узел разномастных понятий.

Отсылки к множеству культурных знаков и языков содержат в себе главную идею Осипа Мандельштама – показать, как Петербург из города-центра, Мекки искусства под натиском революционного хаоса превращается в убийцу шедевров и памяти о них. Это его лишает идентичности, разрушает его образ как города-легенды и едва ли не священной колыбели искусства.

Перевод Н.Н. Пономаревой

АВАНГАРДНОТО И ПОСТАВАНГАРДНОТО: «СЕПТЕМВРИ» И «ЕГИПЕТСКА МАРКА»

Цветан Ракъовски

«Септември» и «Египетска марка» – са гранични текстове. Първият е свидетелство за това, как авангардният поет Гео Милев вече е преминал отвъд индивидуализма и реализма с неговия логичен тип на изобразяване, в който няма кумуляция, а само натрупване и итеративна схема. Повестта на Манделштам се намира на границата на руския авангард и постмодернисткия език. Но в двата текста има един общ свързник – детайлт с митологически генезис, който става метагерой на авангардистката и поставангардистката поезия и проза.

Светлана Стойчева

Николай Рерих и Николай Райнов

Если поставить рядом Николая Рериха и Николая Райнова, то трудно понять, что это две соразмерные фигуры в болгарской и русской культурах. Даже кое-кто, в духе болгарского типичного образа мыслей в масштабе «Болгария миру», мог бы объявить Райнова «болгарским Рерихом». Однако задуманное в данной теме сравнение предполагает их сопоставимость и поиски их связи с общими истоками, с общей духовной Родиной, а не исследование творческого влияния.

Особое отношение Райнова к Рериху несомненно и явно отражается в некоторых реалиях его жизни: одна из двух репродукций на стене его кабинета принадлежит именно художнику Рериху¹; есть данные о том, что он поддерживал с ним корреспонденцию², участвовал в Болгарской Ассоциации Рериха (БАР), созданной в 1930 г., и в болгарской секции «Пакта Рериха» (созданное по инициативе Рериха всемирное движение в защиту культурных памятников во время войны) и именно по этой линии получал произведения писателя Рериха и книжки «Агни йога» (учение Гималайских махатми, достигших сознания, которое их связывало с Всемирной душой), редактированных Еленой Рерих. Есть и кое-что общее даже по отношению к спутницам жизни этих творцов – в обеих семьях (Николая и Елены Рерих и Николая и Дианы Райновых) супруги глубоко и духовно были связаны по своим эзотерическим воззрениям (эта связь наиболее выражена между Николаем и Еленой Рерих, а о подобной связи во второй семье можно говорить на основании некоторых публикаций умершей очень молодой Дианы Райновой в журналах «Картина и приказка» и «Зеница»).

Три момента – сопричастность Николая Райнова к БАР и «Пакту Рериха», возглавленное им в том же 1930-м г., Теософское общество «Орфей» (он издавна принимал участие в жизни этого общества после Первой мировой войны, например, если припомнить хотя бы только его открытые лекции-доклады, организованные в рамках этого объединения³, и редактирование журнала «Орфей», популяризовавшего теософские идеи), масонский след (Великий мастер масонской ложи «Парсифаль», болгарской секции французского ордена

¹ Райнов Б. В името на отца. София, 2001.

² Энциклопедия «Рерих и България»: <http://www.goerich-bg.org>

³ Райнов Н. Мистика и безверие. Лекция във Военния клуб в София, по покана на Теософското общество, юни 1919.

«Великий Ориент»⁴) также доказывают связь между этими творцами. Так или иначе, понятия оккультного, мистического, эзотерического, масонского, рериховского входят в один круг, обозначающий высшее посвящение, противовесом которого является трехмерность, реализм, не выходящий за рамки концепции «здесь и сейчас».

Николай Рерих стремится отойти от любых доктрин, даже когда он их разделяет. Его стратегия состоит в следующем – выйти из послания, предназначенного меньшинству, и послать вселенной одну единственную «доктрину» мира, зов к объединению человечества посредством культуры; довести свои идеи до сознания всех людей – без различия рас и интеллекта. Поэтому он и избегал называть себя «мистиком», хотя корни его знаний очевидно мистичны.

Существенно, что в это же время Николай Райнов совершает радикальный поворот по отношению к характерному для него декоративному стилю, безусловно узнаваемой для читателей черте еще с первой его книги «Богомильские легенды» (1912), стилю, выбранному им тогда как наиболее адекватный для воплощения его эзотерического символизма и разработанному в его последующих публикациях. Этот поворот отмечается в сборнике «Бедняк Лазар» (1925) с неожиданным для такого стилиста, как он, подзаголовком «простые рассказы» и удивительным для него обращением к пересказу фольклорных сказок Болгарии и других стран⁵. Его новые поиски лежат в плоскости доступности, а не оккультного и теософского, но «знающий» читатель их всегда распознает, и в конце концов даже и пересказы фольклорных сказок не могут убедить его современных читателей, что их автор совсем не тот, который, что бы ни писал, рисовал или говорил, все продолжает, если использовать заглавия и подзаголовки его произведений, «Книгу загадок» и «Поэму тайн».

Масштабы поисков и реализаций идей обоих творцов неизмеримы. В статье 1933-го г. о Рерихе Николай Райнов представляет его как «живописца, графика, поэта, археолога, историка, общественного деятеля, географа, эссеиста, этнографа, педагога, философа»⁶. Сам Райнов не менее масштабен – он поэт и прозаик, эссеист, стилизатор мировых сказочных сюжетов, литературный и художественный критик и историк, философ, теософ, педагог, художник-декоратор, иллюстратор, переводчик, лектор. По объему всего его творчества он превосходит и самых плодovitых болгарских авторов. «Объемным» писателем по болгарским меркам обычно считается Иван Вазов,

⁴ Златев К. Николай Райнов – портрет на един мистик. София, 2007. С. 8.

⁵ Стойчева С. Приказките на Николай Райнов – между магиката и декорацията. София, 1995.

⁶ Райнов Н. Рерих и борбата за култура // Златорог. XIV. 1933. Кн. 7. С. 333.

«человек-литература», но Райнов, «человек-эзотерическая культура», еще менее обозрим, и до настоящего времени ни одна попытка целостного издания его творчества успеха не имела.

Оба творца баснословные трудоголики – Рерих оставил более 2000 картин и более 7000 экзemplяров панно, живописных этюдов, сценографических проектов, мозаик, декоративных работ; Райнов опубликовал 60 книг, не считая 31 книжки «Сказок всего мира»; в области изобразительного искусства все еще не подсчитано число его работ, а его экспериментаторство в области разнообразной живописной техники впечатляюще: акварель, тушь, темпера, гуашь, работы со станиолем, резьба по дереву, по линолеуму. Многие из его книг выходят в авторском книжном оформлении и с его собственными иллюстрациями. Здесь можно припомнить и многие рассказы его друзей и родных, в которых он предстает аскетической и круглосуточно работающей личностью (что не исключает, как компенсации, погружений в «нирвану» вина).

Трудолюбие у обоих приобретает смысл битвы – битвы посвященных с силами Тьмы, при осознании, что эта битва никогда не окончится без индивидуальных усилий и духовного усовершенствования каждого – поведения, основанного на общих распространяемых Райновым и Рерихом идей.

Оба рудокопы. В поисках общих корней человечества они начинают со своей родной культуры, с изучения средневековых фольклорных и литературных памятников: Рерих – былин, старой Руси, старинных русских архитектурных памятников, материальной и словесной народной культуры; Райнов – болгарских средневековых апокрифов и легенд, средневековых и более новых историографических источников, болгарских народных сказок и даже болгарских лекарственных трав. И оба пробуют свои силы в канонической ортодоксальной стенописи. Рерих разрисовывает церковный храм в Телашкине, где использует свой опыт в изучении православной иконы; Райнов участвует в росписях храма Александра Невского в Софии. Короче, у обоих есть свой период «переполнения памяти» (как мог бы выразиться Николай Райнов) родной древней культурой.

Но и оба они не остаются в родной истории и культуре, а продолжают свои исследования и добираются до Востока. И не потому, что Запад еще не «открыл» особую ценность философии и культуры Востока – начиная от Романтизма он все ее открывает, но продолжая придерживаться своей европоцентристской точки зрения. Николай Рерих открывает Восток буквально, организуя ряд экспедиций (самая памятная из них – центрально-азиатская в 1923-1928 гг.); Николай Райнов относится к проблеме более умозрительно, следствием чего

становится появление символистской «восточной» сети или просто Востока как фикции в его произведениях. Оба они скроены изначально не по меркам своих родных культур, стремятся их «растянуть» - Рерих больше, чем Райнов, склоняется к Востоку и даже меняет свою прежнюю точку зрения (от Востока к Западу) и оба работают на духовное приближение Запада к Востоку.

Стремление к Востоку в сущности является частью исторического и духовного самопознания России и Болгарии. Особое влияние на Рериха оказал В. Стасов (его друг по Обществу Передвижников) своими статьями и книгами о взаимодействии русской и европейской культур вообще с азиатской. Духовная связь России с Востоком становится важнейшей задачей Рериха⁷. Не случайно, во время экспедиций он ищет следы переселения народов, которые и до сегодняшнего дня овеяны туманом. Сильным магнитом для него было мифическое место в Тибете, названное тибетцами и монголами Шамбалой, страна высшей справедливости и бессмертия; в то же время это и предполагаемое место священного Грааля, место земного рая для русских монахов, которые с ХП в. предпринимали путешествия на Восток, подобно Зосиме, открывшем землю, где жили старцы, похожие на Сына Божьего⁸.

Восток является отправной точкой и для болгарского самосознания. Циклично возвращающиеся проблемы прародины для болгарина коренятся на Востоке. Первыми их «переносят» праболгары, затем богомилы и в некотором смысле даже османцы. Именно в местах предполагаемой болгарской прародины побывал Рерих : в Монголии, Синдзяни, Тибете (кроме его экспедиций в Южный Китай и Индию). Там Рерих приходит к необходимости концентрации вселенской психической энергии вокруг одной созидательной культурной идеи. Поэтому он и основывает научно-исследовательские институты, поднимает знамена мира («мир через культуру») над всей землей, обращается и к государственной поддержке (в 1935 в США был официально подписан «Пакт Рериха»).

Египет, а не Тибет – вот место посвящения в Тайное познание Николая Райнова, Однако известно, что связь между этими двумя местами глубокая и мистическая. Египет – прародина всего современного человечества, легендарной Атлантиды, а Шамбала – место утонувшего континента, обиталища Адептов Света.

Мне кажется, что Рерих и Райнов словно «поделили» между собой горы и пустыню. Конечно, и в творчестве Райнова есть Гималаи

⁷ Лукашов А. Николай Рерих. Из собрания Государственной Третьяковской галереи. М. С. 18.

⁸ Там же. С. 19–20.

(словесные описания), а в творчестве Рериха – пустыня (Гоби и Татламакан), но в памяти неизгладимый след оставляют гималайский цикл картин Рериха и заклинательные словесные пустынные пейзажи в «Солнечных сказках» и «Глазах Арабии» Райнова. Пустыня более сильный магнит для Райнова, а горы – для Рериха. И то, и другое – знаки духовного и физического испытания, связанного с истинным духовным искательством (языковые связи между «пустынничеством» и «пустыней»), а отсюда и поэтическая метафора гор как «Великой пустыни» – это отдельный вопрос).

В «Листах дневника» Рериха мы открываем его «похвальное слово» Гималаям: «Сколько незапамятных Божественных Знаков соединено с этой горной страной... Чем-то зовущим, неукротимо влекущим наполняется дух человеческий, когда он, преодолевая все трудности, всходит к этим вершинам. И сами трудности, порою очень опасные, становятся лишь нужнейшими и желаннейшими ступенями, делаются только преодолениями земных условностей... Конечно, восторг и восхищение будут прежде всего связанные с восхождением. При восходе является непреодолимое желание взглянуть за возносящиеся пред вами высоты. Когда же вы идете вниз, то в каждой уходящей вершине звенит какое-то «прости». Потому-то так светло не только идти на вершину, но хотя бы мысленно следовать этим путем восходящим»⁹. Рерих действительно был в Гималаях и восхищался величием и красотой их вершин, в то время как пустыня Райнова это исключительно умозрительное представление. В «Солнечных сказках» он видит «песчаные горы», прорезанные глубокими бороздами: «и вся эта пустыня была похожа на поле, которое Аллах распахал ночью»¹⁰. (Это сравнение с полем напоминает типично болгарский языковой жест, использовавшийся и другими нашими модернистами, например, Пенчо Славейковым.) «Белый» и «смуглый» спорят из-за пустыни, как будто делят Солнце: «Они смотрели друг на друга как два властелина, оспаривавшие право на Свет». Очевидно, для Николая Райнова пустыня отражает солнце ярче, чем горная вершина.

Оба творца принадлежат как визию, так и слову: действительно, кто может у Рериха и Райнова отделить писателя от художника, независимо от того, что один оставил больше художественных полотен, а другой – книг. Едва ли надо измерять, кто из них больше склонен к «иконичному», а кто – к «вербальному». Рерих выбирает Гималаи – самые удаленные от мира людей горы и самые близкие к богам.

⁹ Рерих Н. Гималаи // Листы дневника. Т. 1 (1931–1935). Международный центр Рерихов. М. С. 144–146.

¹⁰ Райнов Н. Слънчеви приказки. София, 1918. С. 5.

Кроме того, именно там для него ключи от Тайны о человеке и мире. Что может быть лучше для обогащения человеческого сознания, чем отправиться в эти места в Азии и раскрыть свое сердце (мысль и сердце для восточного человека находятся в гораздо большей связи, чем для западного, и это один из неисчислимых восточных уроков).

Отправиться из Европы в Гималаи значит забыть об Альпах и Олимпе, потому что у тебя меняется представление о географической и мифической карте мира. Именно такое ощущение сердцевины мира (Китай имеет то же значение), вероятно, было у Рериха в Гималаях. Независимо от чрезвычайно суровых во время его экспедиций условий и «беспринципности и бесчеловечности» китайцев (об этом он вспоминает в своем дневнике), главным и самым сильным для него было ощущение вызывающих страх поднимающихся к небу вершин и всемирного источника духовного света. Поднимаясь в Гималаи, Рерих как будто не поглощен величием горного массива, настоящего «небоскреба»: его взгляд в гималайских картинах – от высоты к высоте и даже от «надвысоты». Только так его творения приобретают космические внушения: «Никто не скажет, что Гималаи – это теснины, никому не придет в голову указать, что это мрачные врата, никто не произнесет, вспоминая о Гималаях, слово «однообразие». Поистине целая часть людского словаря будет оставлена, когда вы войдете в царство снегов гималайских. И будет забыта именно мрачная и скучная часть словаря»¹¹.

Краски Рериха запоминаются навсегда. Это кобальтово-синие хребты на фоне кадмиево-желтых облаков, над которыми простирается звучное «веронезе» неба. Цветные пятна как бы освобождены от навязчивой материальности¹². Гималаи в цветовой визии Рериха это преодоление земных параметров – пространственных и временных: по словам Рериха, посредством цвета звучит повеление будущего.

Николай Райнов выглядит почти противоположным Рериху («как будто антипод Рериха», по мнению Богомила Райнова¹³), если сравнить пристрастие Райнова к изображению цветов а Рериха – величественных пейзажей. Но в их стиле и много общего – в декоративном решении, в котором нет ничего общего с наивным примитивизмом, в «чувстве ритмической смены крупных, теплых и холодных пятен», о которых говорит Кирил Цонев, комментируя рисунки Райнова¹⁴. Однако, наряду с цветными пятнами этот художник отмечает

¹¹ Рерих Н. Листы дневника. С. 144.

¹² Райнов Б. Николай Рерих. Альбом. София, 1978. С. 64.

¹³ Райнов Б. В името на отца. С. 300.

¹⁴ Цонев К. Николай Райнов като декоратор // Лист «Николай Райнов. 35 години от творчество». София, 8.П.1948.

и искусное разнообразие «мелких акцентов» - именно они вписывают точку зрения Райнова внутрь картины, уничтожают перспективу, создают декоративный плетёный мир.

И в обоих подходах не умертвление природы, а ее одухотворение: «спокойная притихшая праздничность, при которой высоко в небесах вырастает цветок» (К. Цонев). Проход Рериха через фигуральную композицию, исторический рассказ, легенду и категорический выбор пейзажа Райнов объясняет его стремлением «к предельно синтетическому и лаконичному выявлению идеи. Она уже не рассказывается, но доказывается, не объясняется. Она вибрирует как звонкий музыкальный звук и сияет как луч света, проникающий прямо и беспрепятственно в чувствительную душевность каждого»¹⁵. Слово и у обоих творцов самым важным является связь с солнцем, а не с миром людей. Одну и ту же «солнечную» религию отражают и пейзажи Рериха, и пейзажи в технике работы со станионом Райнова (а также в технике восточного типа).

Независимо от того, что Рерих был в Гималаях, оба творца вроде бы рисуют по памяти, после перевода увиденного на язык Тайны. Только на Востоке природа так сильно сближается с культурой. В Китае нет горы, которая бы не завершалась на своей вершине храмом. Западный человек идет в горы как в храм, а восточный строит свои монастыри не в подножии, а на вершинах и оставляет массу знаков, напоминающих о каких-то тайных посланиях. Это ощущение у Рериха придает «анаграмный» характер таким известным его картинам, как «Меч Гессера» («Меч Гессар-хана»), «Тень Учителя», «Шамбала», «Майтрейя». Его суть заключается в представлении о знаках, которые связывают священные образы по всему миру: «В разном устремлении к Высшему сознание объединялось на тех же ступенях. Именно разнообразие подходов среди желаний выразить наивысшее является таким ценным признаком»¹⁶. Райнов и Рерих демонстрируют два подхода в выражении наивысшего. Символы в легендах и сказках являются всемирным объединяющим языком самых глубоких истин человечества¹⁷; в сущности, они имеют оккультную основу и звучат как «Семь великих тайн Космоса».

Оккультной является основа произведений обоих авторов. «Мера искусства», манифест Рериха, взята целиком у Успенского, которого он цитирует следующим образом: «Успенский говорит...» и заканчивает так: «Случалось нам рассуждать о том же и с Балтрушайтисом».

¹⁵ Райнов Б. Николай Рерих. Альбом...

¹⁶ Рерих Н. Знаки // Листы дневника. С. 203.

¹⁷ Рерих Н. Семь великих тайн на Космоса. София, 2006.

Ключевым в связи с оккультным является то место в тексте, в котором искусство связывается с «астральным» светом. Оно строит свой собственный мир, абсолютно аналогичный астральному миру оккультистов, и помогает человеку понимать законы этого полного чудес нового мира и по пути постепенного восприятия и постижения этих «законов чудотворного» приблизиться к Вечному¹⁸. Поэтому знаковость у обоих не только повышенная, но и является носителем послания.

Мир «читаем» только тогда, когда он превратится в знак. Этот единый знак в сущности состоит из множества знаков, которые связаны между собой на основе соответствий. Рерих и Райнов в своих книгах являются посланниками этих знаков – они используют их, но и мудро комментируют в своих собственных мирах образов и идей. Интересен межтекстовый диалог, который ведется между услышанным и увиденным Рерихом и описанным в его дневниках и его притчево значащими фрагментами. Например, на середине Каракумского свода погонщик Горбан стал рассказывать о каких-то обширных подземельях внизу. Рерих спросил его: «Неужели ты думаешь, что там, внизу, собраны сокровища?» Он оглянулся удивленно, даже испуганно: «А разве саиб не знает? Даже нам, маленьким людям, известно, что там глубоко имеются обширные подземелья. В них собраны сокровища от начала мира. Там есть и великие стражи, Некоторым удавалось видеть, как из скрытых входов появлялись высокие белые люди, а затем опять уходили под землю»¹⁹. Это услышанная живая легенда, а вот и притча «Привратник»:

«Привратник, скажи, почему эту дверь затворяешь? Что неотступно хранишь?» – «Храню тайну покоя». – «Но пуст ведь покой. Достоверные люди сказали: там нет ничего». – «Тайну покоя я знаю. Ее охранять я поставлен». – «Но пуст твой покой». – «Для тебя он пуст». – ответил привратник²⁰.

По-видимому, стремление к поиску священных знаков находит свое истинное подтверждение, когда Рерих начинает свои походы по Азии.

Не случайно составительница нового и дополненного издания сочинений Николая Райнова, включающего рассказы-притчи из

¹⁸ Рерих Н. Мякмата на изкуството // Знаците. София, 2005. С. 160.

¹⁹ Рерих Н. Тайны // Листы дневника. С. 393.

²⁰ Рерих Н. Привратник // Цветы Морни. Пути благославения, Сердце Азии. М., 1992. С. 15.

«Книги загадок» (1918, 1928), «Светильника души» (1920), «Давно, очень давно» (1939) и др. ставит на первое место притчу «Знаки»²¹. И для самого Райнова «Знаки» знаковая притча. Чтобы приблизиться к знакам, недостаточно вслушаться и всмотреться – нужно научиться думать сердцем.

Обобщим – все прямые и косвенные толкования тайных знаков обоих авторов вместе с комментариями и предисловиями к сегодняшним их изданиям составляют часть образного оккультного послания человечеству, которое не имеет срока давности. Вот как заканчивается уже цитирувавшаяся статья Николая Райнова «Рерих и борьба за культуру: «Мы счастливы, что являемся современниками гения, с которым можем общаться». Здесь я попыталась представить духовное общение Райнова и Рериха, которое, думается, переросло в настоящий духовный диалог.

Перевод Н.Н. Пономаревой

НИКОЛАЙ РЪОРИХ И НИКОЛАЙ РАЙНОВ

Светлана Стойчева

Поставим ли фигурата на Николай Райнов до фигурата на Николай Ръорих, никак не е трудно да осъзнаем, че това са две съответстващи си фигури в българската и руската литератури. Дори някой може да обяви Райнов, в духа на българското типологично мислене в мащаб «България към света», за «българския Ръорих», но замисленото в темата сравнение предполага равнопоставеност и търсене на свързаността им с общ извор, с обща духовна Родина, а не изследване на творческо влияние.

Отправна точка на сравнението е, че понятията окултно, мистично, езотерично, масонско, ръориховско се въртят в един кръг, обозначаващ висша просвета, чийто противовес е тримерното, реализмът, ненадхвърлящ мерките «тук и сега». Връзките между двамата автори се търсят най-вече по линията на мащабната им реализация на окултни мислители, художници и писатели, търсачи на вечните истини; по линията на интереса им към Изтока, планината и пустинята, стиловите търсения и посланието на знаците.

²¹ Райнов Н. Светилник на душата. София, 1993.

Магдалена Костова-Панайотова

Бунтарь или покорный грешник (Агасфер Николая Минского)

Трансформации легенды об Агасфере в европейской литературе, как известно, ведут свое начало с XVIII в. и творческие интерпретации этого образа активно продолжают конструироваться и накапливаться в XIX–XX вв.

Тема бродяги-еврея, оставшаяся в болгарской литературной истории, связанной с заключительными этапами творчества Николая Лилиева и Николая Райнова, – одна из устойчивых тем символизма, поскольку бродяжничество проходит здесь «красной нитью». Важен для осмысления образа и отмеченный М. Кировой в ее исследовании «Сон Медузы» тот факт, что обе поэмы «Агасфер» – последние в творчестве Лилиева и Райнова. «Оба произведения симптоматично завершают творчество их авторов. ... Поэмы, означенные образом Агасфера, очевидно, являются концом какого-то имманентного развития, они замыкают некоторый цикл дискурсивного мышления»¹.

В настоящей статье, однако, я не буду рассматривать трансформации легенды об Агасфере в болгарской² или русской³ литературе, о чем существует большая библиография, а метатекстовые отношения – это, пожалуй, материал для диссертации.

Идея настоящей статьи более скромна, она возникла после опубликования критической спорной статьи К. Кузмовой-Зографовой «Сёрен Кьеркегор и модернистская болгарская литература», в которой исследовательница ищет основания для различий в трансформациях мифологемы у Николая Райнова и Николая Лилиева в связи

¹ *Кирова М.* Сънят на Медуза. София, 1995. С. 206.

² Если иметь в виду только поэму Лилиева, см.: *Райнов Н.* Вечното в нашата литература (Йовков, Лилиев, Дебелянов). София, 1941; *Николов М.* Мисли върху най-новата ни поезия // Златорог. Кн. 3. 1934; *Илиев С.* Ахасфер // Литературна история. № 14. 1986; *Кирова М.* Сънят на Медуза. София, 1995; *Данова С.* Редукция на мита в поемата «Ахасфер» от Николай Лилиев. – <http://litclub.com/library/kritika/sdanova/ahasfer.html>

³ См., например: *Юнг К.Г.* Бессознательное рождение героя // От Эдипа до Осириса. М., 1998; *Аверинцев С.* Агасфер // Мифологический словарь. Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 672; *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины: Опыт православной теодиции. М.: АСТ, 2003.

с кьеркегорианским представлением об агасферовом жребии у Райнова и соответственно – отклонение от этого представления у Лилиева. Или, другими словами, К.Кузмова-Зографова устанавливает близость лилиевской концепции к ницшеанской идее о Сверхчеловеке в отличие от трактовки Райнова, предпочитающей кьеркегорианскую идею.

«Культ к страданию, убеждение в том, что “болгарская поэзия больна от здоровья”, оповещенный Пенчо Славейковым, прямо корреспондирует с текстом о “Самом несчастном”, – пишет исследовательница. – У Кьеркегора развернут образ несчастья как вид мессиианства ... При пресотворении мифа о бродяге-еврее Н. Райнов находится на подступах к кьеркегорианским идеям об Агасфере как воплощении великого человеческого отчаяния ... В то время как у Лилиева герой трепещет в трагическом ожидании избавления в смерти, у Райнова он уже наделен параметрами вселенского Бунтаря»⁴.

Известен и «ницшеанизм» болгарских интеллектуалов начала века. Между кьеркегорианскими идеями и эстетикой модернизма существуют видимые параллели. Не считая приведенное разделение за безусловную истину, в рамках исследовательской интенции данной статьи мы пытаемся дать ответ на вопрос, как функционирует образное воплощение мотива об Агасфере в творчестве Николая Минского – «дедушки символизма», как называет его Евгений Евтушенко.

Николай Минский – поэт и философ, интересная и вызывающая споры фигура не только потому, что он является одним из родоначальников символизма в России и автором одного из символистских манифестов «При свете Совести. Мысли и мечты о цели жизни» (1890). Здесь изложена философско-религиозная система “меонизма”, позднее разработанная Минским также в трактате: “Религия будущего” (1905). (В газете Минского «Новая жизнь» впервые была напечатана статья В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература»).

«Меонизм», который Г.В. Плеханов называет «евангелием декаданса», идет от вечного обаяния, которое придает человеческой душе несуществующее и непостижимое. Для поэта Минского настоящей святыней может быть единственно небытие «меон» (гр. *me on* – несуществующее; термин Платона). По его мнению, только мысль об абсолютном небытии и об абсолютной невозможности как основы всего несуществующего может являться источником религии.

В 1904 г. он публикует цикл стихотворений идейно и образно связанных между собой («Агасфер», «Сон Агасфера», «Вечерние

⁴ Кузмова-Зографова К. Съорен Киркегор и модерната българска литература // Литературен форум. №10. 31 окт. 2000.

размышления Агасфера», «Видение Агасфера»); позднее они публикуются в его собрании его сочинений в 1907 г.).

Одним из лейтмотивов его лирики, отраженным, быть может, лучше всего в этом цикле стихотворений, является мотив бескрайнего, бесплодного и неизбежного беспокойства. Поэт предлагает трактовку толкования легенды, отличающуюся от общепринятой до того времени в России. (Самой распространенной до начала XX в. была трактовка Жуковского, в которой судьба героя изображается как пробуждение любви к людям и к жизни, а в центре повествования стоит образ Богочеловека – см. «Агасфер» Василия Жуковского). При толковании мифа об Агасфере Минский не использует еврейский ключ. Сюжет лишь слегка очерчен:

И проклял в нем Господь неверье и гордыню,
Пройдя пред ним с венцом терновым на челе.
(«Агасфер»)

Когда перед его порогом шел смиренный
Друг страждущих, с венцом терновым на челе
И был отвергнут им и проклял в нем гордыню.
(«Сон Агасфера»)

Причиной проклятья в цикле являются постоянно повторяющиеся неверие и гордость Агасфера, тогда как по легенде Бродяга проклят из-за оскорбительного отказа Иисусу. Следовательно, само наказание обрушивается на героя из-за его жестокости и нелюбви к ближнему.

В цикле стихотворений о вечном скитальце поэт отражает религиозную драму современника как драму личную и эпохальную. Время, в котором не Бог оставляет человека, а человек потерял путь к Богу, – это время, если перефразировать известную мысль, в котором все позволено. Отсюда и драматизм современного человека, погружившегося в хаос непонятного и сумасшедшего мира, в котором отсутствуют моральные критерии.

Агасфер Минского дважды отказывается от Христа – первый раз, когда Спаситель останавливается перед его домом, и другой – когда он не желает воспринимать красоту Божьего мира. В его образе поэт перевоплощает Сверхчеловека, измученного всеобщим скепсисом, переживающего ужас безверия. Фигура этого Сверхчеловека в лирике Минского переосмысливается в персоналистическом аспекте. Он не враждует гордо с небом, а желает действовать вместе с Творцом, уподобляясь Божеству.

Божественные изыскания поэта создают образ Титана, равнопоставленного Богу. И при этом в оригинальной трактовке Минского Агасфер и Иисус – ровесники.

Родился с Господом в один он день и час,
И, полюбив людей любовью, чуждой вере,
Хотел спасти их и не спас.

Лирический персонаж варьирует свою позицию Сверхчеловека, Демона в мифологической фигуре странника (сам поэт называет Агасфера человекодемоном⁵). И если человек, по мнению Ницше, обречен на боль, от которой нет спасения ни у Бога, ни в человеческих идеалах (вспомним фразу «То, что меня убивает, делает меня сильней»), то подобным образом Минский описывает и состояние своего героя: «Я как больной, что мечется в бреду, в болезни почерпая сил» («Сон Агасфера»); «Вновь страда в мое сердце впилась. Вечно новым кольцом вокруг души обвилась» («Вечерние размышления Агасфера»).

Агасфер Минского – это одновременно Антихрист, Сверхчеловек, искатель истины [«Я снова в поиски за правдою иду» («Сон Агасфера»)], странник, испытывающий любовь [«он все отверг любя» (Агасфер)], но любовь без игры не может спасти никого, постоянно твердит нам как одну из важнейших своих идей этот цикл.

Не вдаваясь в описание истории земли во время бродяжничества героя, поэт предлагает свой вариант легенды в стихотворении «Сон Агасфера», где обрисован Апокалипсис, к которому даже вечный странник не готов.

Пахнул невыносимый зной.
Все почернело, задымилось <...>
Вода, что кровь, кипит в реке <...>
Там тени красные, смятенны,
По красным лицам бегут,
Там крики тщетные растут.

В поэзии русских символистов (Бальмонта, Сологуба, Брюсова) образ «странствующего еврея» является повторяющейся персонификацией оксюморона невозможности как для жизни, так и для смерти. Судьба поэта и вечного странника – это судьбы одиночек,

⁵ Минский Н.М. Полное собрание стихотворений в четырех томах. Т. 1. Белые ночи. Санкт-Петербург: Издание В. Пирожкова, 1907. С. 207.

противопоставляющих себя обществу, но взгляд лирического повествователя направлен на внутреннюю драму персонажа, на невозможность выбора, и тут ясно отражается меонизм поэта. Нравственная проблема современника, по мнению Минского, связана не столько с борьбой между добром и злом, сколько с борьбой добра и добра, с «борьбой между двумя идеалами за добро, уводящими нас в противоположные направления, но к одной и той же цели»⁶.

Эта двойственность отражается не только в характере героя («Я тот, кто всех любя. всем стал невольный враг, / Чья грудь полна молитв, а речи отрицанья»), но и в невозможности выбора одной из дорог добра. Для Агасфера добро выражается в достижении вечного покоя и, используя традиционный прием сна, Минский представляет два возможных способа достижения вечного покоя.

В одном случае герой обретает веру с помощью спустившейся с неба книги: «ту книгу Книгою зовут. В начале там прочтешь: “В начале...”» («Видение Агасфера»). Другой путь – Апокалипсис, конец всему живому ради вечно созидательного покоя.

Агасфер пробуждается, не сделав своего выбора. Потому что этот выбор невозможен и для поэта. Образ вечного странника в цикле стихов далеко не единен и не развивается от «разрушительной», «демонической» версии к «созидательной», «христианской», каким он представляется Л. Щенниковой, а скорее как неравное движение; иногда христианская версия предшествует демонической и наоборот, формируя «чудовищные антиномии меонизма Минского»⁷.

В подтверждение сказанному в качестве примера можем привести конец стихотворения «Сон Агасфера», где в попытках утверждения собственной души, чуждой всему случайному, могучей в своем страдании, видна трансформация героя из библейской легенды в бунтаря, высший разум с духом разрушительного сомнения. Но сразу же за этим стихотворение вновь возвращается к образу покорного грешника:

Ступай, пока зовет и гонит грозный Бог.
И я вставал и шел, покорный грозной силе.

⁶ Записки Петербургских религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / Общ. ред. С.М. Половинкина. М.: Республика, 2005. С. 268.

⁷ Щенникова Л. Исповедь двух героев: Иван Карамазов и Осужденный Н. Минского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 16. Юбилейный сборник. СПб., 2001. С. 222.

В своей поэзии лирик, философ Н. Минский творит и новый миф о божестве-создателе: не небесного Творца, а творца, объединившего все пространства, после акта сотворения отступившего в глубины ради вечного претворения и возрождения мира. Образом Агасфера, как и в других своих произведениях, поэт утверждает свободное равенство, связь между всеми пространствами, которые являются созидательными в метапространстве Бытия: достигая глубин страдания, герой обретает высоту, символически означающую высший смысл бытия.

Перевод автора

БУНТАР ИЛИ ПОКОРЕН ГРЕШНИК (АХАСФЕР НА НИКОЛАЙ МИНСКИ)

Магдалена Костова-Панайотова

Статията разглежда трансформациите на образа на Ахасфер в поезията на Николай Мински във връзка с утвърдената трактовка на образа на Вечния скитник в поезията на Н. Лилиев и Н. Райнов, търсейки близостите и разликите по отношение на идейните потенци. В поезията си лирикът философ Н. Мински сътворява нов мит за божеството създател: не небесния Творец, а творецът обединил всички пространства и след акта на сътворяването отдръпнал се в дълбините заради вечното претворение и възраждане на света. Чрез образа на Агасфер, както и в други свои творби, поетът утвърждава свободното равенство, връзката между всички пространства, които се явяват съзидателни в метапространството на Битието: стигайки до дълбините на страданието, героят придобива висота, символически означаваща висшия смисъл на битието.

Надежда Попаз-Кула

Голос русской литературы в поэзии бессарабских болгар

Предметом настоящего исследования является культурный феномен, почти неизвестный болгарскому литературоведению – поэзия бессарабских болгар, создаваемая в последние четыре десятилетия.

За 200-летний период жизни вне своей исторической Родины, болгары развиваются не только экономически, но и культурно. Это развитие происходит неравномерно из-за прямой зависимости от самой истории и от политической конъюнктуры. Несмотря на трудности, вскоре после переселения в новые села зарождается самобытная культура, которая, с одной стороны, сохраняет традиции, перенесенные с Родины, а с другой – заимствует (вольнo или невольнo) некоторые элементы культурных традиций, окружающих их народностей: русских, украинцев, молдован и др. Живя на своей этнической территории в большей степени изолировано, бессарабские болгары претерпевают взлеты и падения в культурной жизни. Но все же они сохраняют свою самобытность. Их талантливые потомки не только активно участвуют в духовной жизни своей новой Родины, создавая поэзию и прозу на русском или румынском языках, но и свято сохраняют материнский язык и создают на нем оригинальные произведения. Активизация литературного процесса в Молдове и Украине особенно заметна в течение последних 40 лет. Он охватывает различные жанры, но доминирует в нем поэзия. В литературе бессарабских болгар можно найти возрожденческие мотивы из болгарской литературы. Она близка к творчеству Ив. Вазова. У нее есть много общего с болгарскими поэтами 20-х – 30-х годов XX в. Большое влияние на нее оказывает поэзия 60-х годов XX века. Есть общие точки соприкосновения и с современной поэзией метрополии, т.е. бессарабская болгарская поэзия синтезирует как отдельные стороны традиций болгарской литературы, так и культурные и литературные традиции новой Родины. Эти обстоятельства ставят ее в особенный ракурс относительно литературы метрополии.

В основе творчества бессарабских болгар лежит прежде всего болгарская культура: язык, фольклорная и литературная традиция¹. Но оказывают влияние и другие культуры и литературы, с которыми

¹ О связи современной бессарабской литературы с болгарской См.: Попаз-Кула Н. Паратекстът в творчеството на П. Бурлак-Вълканов // Българи и гагаузи заедно през годините. Комрат, 2007. С. 195–204.

они живут в соседстве: молдавская, румынская, украинская. Присутствие этих литератур в творчестве бессарабских болгарских поэтов является результатом их жизненного опыта и индивидуального творческого роста.

Значительное место в этой поэзии занимает русская литература. Прежде всего потому, что все бессарабские писатели получают русское образование. Большинство из них заканчивают русскую филологию (П. Бурлак-Вылканов, Н. Стоянов, Вл. Калоянов) или журналистику (Д. Боримечков, Г. Барбаров, Т. Танасова).

Поэты имеют индивидуальные предпочтения в выборе русских авторов. Они часто обращаются к лирикам XIX–XX вв. Большое влияние на бессарабских поэтов оказывает творчество А. Пушкина и С. Есенина. Отзвуки их произведений можно найти как в самих текстах, так и на паратекстуальном уровне – в мотто. Мотто в бессарабской болгарской поэзии представляет особый интерес для исследователей. С его помощью мастера слова достигают большего художественного эффекта. Мотто «как цитата чужого текста рассчитывает на авторитет чужого текста, переносит ценность цитированного произведения и престиж его автора на цитируемое произведение»². Содержание этого вида паратекста усиливается в развитии темы поэтических текстов. Все бессарабские болгарские поэты чаще всего используют в качестве эпиграфа цитаты, которые тематически связаны с их интимными переживаниями. В основном это преклонение перед прошлым, любовь к Роду, Родине, любимому. Мотто чаще употребляют П. Бурлак-Вылканов и Н. Стоянов. С его помощью осуществляется диалог между литературами. Творчество П. Бурлак-Вылканова содержит значительное количество таких текстов. Он часто использует цитаты из творчества русских авторов. Поэт хорошо знаком с русской историей и литературой. Это заметно и в самих текстах (Стихотворение «Александр Невски...»³ из сборника стихов «Равноденствие», например, знакомит читателя с историей России; в стихотворении «Мама»⁴ присутствуют есенинские мотивы). Сам автор, как уже говорилось выше, закончил факультет русской филологии. В творчестве П. Бурлак-Вылканова заметно воздействие таких русских авторов как С. Есенин, М. Светлов, С. Поликарпов.

Мотто из цикла «Русь советская» С. Есенина: «Я буду воспевать / всем существом в поэте / шестую часть земли / с названьем

² Великова Сн., Цанов Ст. Паратекст и смисъл във вазовата «Епопея на забравените» // БЕЛ. Кн. 4. 2003. С. 31.

³ Бурлак-Вылканов П. Равноденствие. Кишинев, 1982. С. 8–10.

⁴ Бурлак-Вылканов П. Години. Стихове и поеми. Кишинев, 1989. С. 14.

кратким – Русь!» («Бих искал да позная всичко...») ⁵ корреспондирует с содержанием стихотворения. Таким образом, бессарабский болгарский писатель обращает читателя к поэзии известного русского поэта. П. Бурлак-Вылканов не случайно использовал в качестве эпиграфа строки из произведения С. Есенина. Русский поэт известен своей патриотической лирикой. Его стихотворения лучше всего иллюстрируют тему произведения – любовь к Родине. Философские размышления о жизни и смерти, об уходящих и вечных ценностях помогают раскрыть основную тему. Родина для лирического героя связана прежде всего с прошлым (с памятью), с образами прадедов, которые пришли жить на эту территорию, и с будущим, связанным с жизнью потомков бессарабских болгар на земле-спасительнице. Лирический герой констатирует: ничто не вечно. И «мама не будет вязать» ⁶ спустя некоторое время. Но вечной останется земля дедов:

Знам: ще заминат песни и бразди.
И само ти тъй ще останеш вечно,
Родино скъпа на нашите деди
И на потомците ни далечни ⁷.

Это рассуждение вызывает противоречивые чувства, тревогу, так как и у него осталось «немного от Ботева». Но для лирического героя Россия – это земля, на которой его род нашел спасение. Дорогое для поэта слово звучит многократно:

А аз ще си отивам ведролик и рус
с прозрение, със вяра и тревога.
И ще повтарям всякога – отново –
таз дума кратка – Русь! ⁸

Паратекст-мотто русского поэта подготавливает читателя к размышлениям, задает основной тон стихотворению, акцентирует внимание к теме. Эпиграф из С. Есенина способствует развитию творческого воображения у П. Бурлак-Вылканова в раскрытии темы о Родине. Творчество русских поэтов в поэзии бессарабских болгар, как и поэтов из других литератур, помогает в выборе общих образов и мотивов.

Ярким примером близости бессарабской литературы к болгарской и к другим литературам является общий мотив «ожидающей

⁵ Бурлак-Вълканов П. Равноденствие. Кишинев, 1982. С.6–7.

⁶ Буквальный перевод стихотворных текстов и цитат сделан автором статьи.

⁷ «Знаю, все уйдет и борозды и песни / И только ты останешься навеки, / дорогая Родина дедов наших и далеких потомков».

⁸ «А я пойду веселый, русый / с прозрением, с верой и тревогой / и буду повторять всегда и вновь / это короткое слово – Русь!»

матери»⁹, взятый сначала у Хр. Ботева, («Майце си», «На прощаване») и у Д. Дебелянова, («Скрити вопли...») (у П. Бурлак-Вылканова, «Мама»¹⁰ у М. Бычварова, «Архангеловден»¹¹, у Д. Пейчева, «Завръщане»¹², у Г. Барбарова, «Писмо»¹³, у А. Костровой-Терзивец, «Да се завърнеш ...»¹⁴ и др). Мотив «ожидающей матери» берет свое начало из фольклора, развивается в литературе, превращаясь в мотив возвращения во всей болгарской традиции. Но образ матери находим и в других литературах. Возможно мотив «ожидающей матери» появляется во всех литературах. Но бессарабская болгарская поэзия отличается тем, что для нее восприятие (переживание) образа «ожидающей матери» – и интимный образ родного и сокровенного, и образ, сознательно сопоставленный с болгарской литературной традицией, и образ, взятый из другой литературной традиции. То есть, бессарабские болгарские поэты находят родство прежде всего с болгарской литературой, но также и с другими литературами, с которыми они общаются в Молдове и Украине.

Мотив «ожидающей матери» характерен для русской литературы, в частности для С. Есенина. Он появляется как мотив «мать ждет на пороге и кормит цыплят». Можно говорить о литературном общении бессарабского поэта с русским писателем. Отрывок из цикла «Прозрение» в сборнике стихов «Година» (1990)¹⁵ П. Бурлак-Вылканова доказывает его связь с творчеством С. Есенина:

Тревожен век, вий скъпи дни,
Усещам вашта длан на свойто рамо.
А във душата ми прозряха
Сергей Есенин, пиленцата, мама¹⁶.

На творческое общение бессарабских поэтов с С. Есениным указывают такие произведения русского писателя как: «Возвращение на

⁹ Формулировка и классификация мотива «ожидающей матери» в бессарабской болгарской литературе сделана Св. Василевым. См.: *Василев Св.* Мотивът «чакащата майка» в литературата на бесарабските българи // *Българистични проучвания*. Т. 3. В. Търново, 1998. С. 299–304; *Съвременната поезия на бесарабските българи*. Ямбол, 1999.

¹⁰ *Бурлак-Вылканов П.* Година. Стихове и поеми. Кишинев, 1989. С. 14.

¹¹ *Бычваров М.* Камък на синора. Стихотворения. Поема. Габрово, б.г. С. 89–96.

¹² *Пейчев Д.* Завръщане. Стихотворения. Кишинев. В. Търново, 2005. С. 16.

¹³ *Барбаров Г.* Продължение на делниците. Стихове. Кишинев, 1990. С. 4–5.

¹⁴ *Кострова-Терзивец А.* «Да се завърнеш...» // Сп. «Български хоризонти». Кишинев, 2003. № 24. С. 22.

¹⁵ *Бурлак-Вылканов П.* Година. Стихове и поеми. Кишинев, 1990. С. 87.

¹⁶ «Тревожный век, вы дорогие дни, / чувствую я вашу ладонь на моем плече. / А в душе моей прозрели / Сергей Есенин, цыплята, мама».

Родину», «Письмо от матери» и «Ответ»¹⁷. Они создают ассоциации в стихотворениях П. Бурлак-Вылканова «Мама», «Поръчката на мама»¹⁸, и «Отдалечаване» Г. Барбарова¹⁹.

С. Есенин

Из произведения «Возвращение на родину»

Отцовский дом

Не мог я распознать:

Приметный клен уж под окном не машет,

И на крыльчке не сидит уж мать,

Кормя цыплят крупитчатую

кашей. Стара, должно быть стала

....

Да, стара.

П. Бурлак-Вылканов

МАМА

«На прага тя седи. Със зърно храни звездички жълтеникави. Обрасло е из двора ни със треволяк. Харманът притъпква сянката й. Ранобудно тя шета пак забързано из двора».

Г. Барбаров

ОТДАЛЕЧАВАНЕ

«Все по-рядко мама хляб пече ...

... **все по-малко пиленца**

отглежда/ мама на пролет»²⁰.

«Письмо от матери» и «Ответ» С. Есенина имеют некоторые общие моменты со стихотворением «Поръчката на мама» П. Бурлак-Вылканова, по которым можем утверждать, что поэт пишет свое стихотворение после прочтения произведений русского поэта. Хотя П. Бурлак-Вылканов реализует свое поэтическое творение в одном стихотворении, а С. Есенин – с помощью двух последовательных. Но у обоих поэтов лирический герой должен выполнить просьбу матери. У Бурлак-Вылканова ему нужно купить носовые платочки согласно болгарской традиции, чтобы подарить родственникам, когда она уйдет «в хладные предель». У С. Есенина мать просит в письме: «Купи мне шаль, / Отцу купи порты» (Письмо от матери). А в другом стихотворении «Ответ» лирический герой пишет: «Захочешь лечь, / Но видишь не постель, / А узкий гроб / И – что тебя хоронят». Творчество русского поэта служит высоким художественным образцом для Петра Бурлак-Вылканова.

¹⁷ См.: Есенин С. Словесных рек кипенье шорох / Ред. А.А. Девель. Ленинград, 1965.

¹⁸ Бурлак-Вылканов, П. Равноденствие. Кишинев, 1982. С. 48–49.

¹⁹ Барбаров Г. Години. Кишинев, 1990. С. 22.

²⁰ П. Бурлак-Вылканов «Мама»:

«На пороге она сидит. Зерном кормит / желтоватые звездочки. Заросло / во дворе травой. Огород! затаптывает ее тень. Проснувшись рано / она опять суетливо хозяйничает во дворе».

Г. Барбаров «Отдаление»:

«Все реже мама печет хлеб ... /все меньше цыплят разводит / мама по весне».

Таким образом, поэзия Сергея Есенина помогает раскрыть образы интимно-родного мира бессарабского болгарина.

Для Нико Стоянова такие слова как мать, Род, Родина имеют особое значение. Мотто в его творчестве помогает пережить мысли и чувства, связанные с этими священными образами. Поэзия Н. Стоянова содержит цитаты из болгарских народных песен, поэтические цитаты из других литератур (болгарской, русской, украинской, румынской, молдавской), личные письма и народные мудрые изречения. В его стихотворениях оживает творчество поэтов различных культур и времен. Также как и у П. Бурлак-Вылканова, в творчестве Н. Стоянова, кроме болгарской, слышится голос русской литературы. У него находим эпитафии из произведений А. Пушкина: «Семействами болгары тут ... живут, / храня родительские нравы ...» («В степта зелена на Буджак...»²¹, Я. Смелякова: «Как у сердца меня носила – / В сердце своем я тебя ношу» (За да обикна)²², С. Есенина: «Здесь по заре и звездам / Я школу проходил.» («Ще се върна»)²³, М. Исаковского: «Вставай, страна огромная!..» (Сестро моя, болко моя!)²⁴, О. Шестинского²⁵: «В Боженцах от Дома Андрея / пошел я крутую тропой, / домашний очаг, пламеня, все глуше трещал за спиной...» (В памет на Андрей Германов).

Знание других литератур положительно отражается в творчестве Н. Стоянова и иллюстрирует отношение поэта к культуре соседних народов. Подтверждением сказанному может послужить стихотворение «Към изгрева»²⁶. Это одно из трех стихотворений (Кестени, Какво си спомнят?²⁷), связанных с именем А. Пушкина и с эпитафией из

²¹ Стоянов Н. Две обичи -една любима. Стихове. Кишинев, 1987.

²² Стоянов Н. Здравейте! Стихове. Кишинев, 1976. С. 7.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ Стоянов Н. Синкав мираж. Нови стихове. Кишинев, 1999. С. 8.

²⁵ О. Шестинский русский поэт, болгарист, переводит с болгарского языка на русский стихи бессарабских болгарских поэтов.

²⁶ Стоянов Н. Аз, българинът... Избрани стихотворения и поеми. Велико Търново, 1999.

²⁷ Последовательность стихотворений со временем меняется. В первой редакции в сборнике «Две обичи – една любима» (1987) эти стихотворения объединены под общим заглавием «В степта зелена на Буджак...» и с вышеуказанным эпитафией А. Пушкина. Они разделены на три (I, II, III): на первом месте стоит стихотворение, озаглавленное впоследствии (в сборнике «Синкав мираж», Кишинев, 1999, и «Аз, българинът... Избрани стихотворения и поеми», В. Търново, 1999) как «Кестени» (в последних 2-х книгах оно находится во втором месте), второе как «Какво си спомнят?» (с несколькими дополнительными строками) и третье стихотворение – «Към изгрева» (в последних книгах оно на первом месте).

его творчества: «Семействами болгары тут ... живут / Храня родительские нравы...» Приведенная цитата является частью незавершенной поэмы русского поэта «Кырджали» (1828):

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,
Питаюсь ... трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой²⁸.

Написание этих строк связано с изгнанием Пушкина в Бессарабию, где он наблюдает печальную картину болгарского быта в первые годы переселения болгар в Россию. Авторская позиция, высказанная в приведенном отрывке, является отзвуком романтического восприятия мира того времени, взгляд на жизнь «другого», «различного», с другой культурой и образом жизни. Н. Стоянов берет только малую часть произведения, решив умышлено опустить несколько строк. Он цитирует только те, которые подчеркивают значение родовой памяти со своей консервативностью (в положительном смысле). Само стихотворение Н. Стоянова это преклонение перед великим русским поэтом – певцом свободы. Лирический герой размышляет перед памятником Пушкина: «...за кой ли път стоя пред Пушкин / стоя аз – «гордый внук славян»²⁹. Цитата из стихотворения русского поэта «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» звучит особенно. Герой Н. Стоянова чувствует себя кровным братом русского поэта. Он акцентирует внимание на общем родстве – славянском происхождении. Эти строки звучат как реплика в ответ на пушкинские строки, отражающие бытие болгар в Бессарабии:

И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

²⁸ См.: Пушкин А.С. Собрание соч. в шести томах / Ред. Д. Благой. Т. 3. М., 1969.

²⁹ «У Пушкина, задумчив, ныне / Стою я, / гордый внук славян». (Стоянов Н. Яблокопад (1977–2007 г.) Авторизированный перевод с болгарского, Кишинева, 2007. С. 93.)

«Гордый внук» не зависит уже ни от кого, он свободен, но и одинок: «далеч от клюките салонни, / свободен, но отново сам...»³⁰ Одиночество ведет к памятнику А. Пушкина, а там, в тишине звучат его стихи.

Воображение несет лирического героя с севера к родным просторам – к южным пределам Бессарабии:

Отзад е северният вятър
Подсвирква злобно див и лош,
А тука – пролет над земята...
О, как е чудна тая нощ!³¹

Постепенно взгляд переносится к ночному бессарабскому пейзажу, где снова слышен Пушкин, но цитируемый «гордым внуком» уже на болгарском: «В степта зелена на Буджак ...» Так живет в поэзии Н. Стоянова русский язык и литература и болгарский материнский язык, болгарский дух.

Д. Пейчев также не остается равнодушным к творчеству А. Пушкина. Лирический герой ведет разговор с «гением» русского слова. В сравнении с Н. Стояновым он не выносит эпиграфом пушкинское произведение, но оно подразумевается³². Он отвечает по-своему на те же пушкинские строки. И хотя русский поэт характеризует бытие болгар в Бессарабии с немного отрицательным оттенком, лирический герой Д. Пейчева все же гордится прадедами, потому что они смогли сохранить традиции, язык, культуру.

При българите, Пушкин, си бил пратен, си ги видял
И нещо важно за нас си забелязал, –
Че хич на българите не им пукало тогава
За някакви си там идеали, свобода, –
Горкия българин впрегнат във земята не мислил за това,
Децата гледал да изгледа, име да опази
И във неделя свещица в църква да запали...³³

Лирический герой восхищается русским поэтом, прежде всего потому, что Пушкин запечатлел в своих стихах картину жизни

³⁰ «Он здесь, вдали от сплетен света, / Свободен был и одинок ...» (Стоянов Н. Там же. С. 93.)

³¹ «Порывы северного ветра / Остались где-то позади, / А здесь – / неслышанное лето ... ! И сердце дрогнуло в груди!» (Там же.)

³² Стихотворение любезно предоставлено автором в рукописном варианте.

³³ «К болгарам, Пушкин, ты был послан, ты видел их / И важное о нас заметил, – / Что болгар не волновали тогда / ни какие-то идеалы, свобода, – / Бедняга болгарин, привязанный к земле, думал не об этом, / а о том, как детей про кормить, имя сохранить / и в воскресенье свечку в церкви запалить...

первых болгарских переселенцев в Бессарабии, потому что он был свидетелем «выживания» болгар в Буджаке и потому, что он был участником их будней и праздников.

Какой отзвук дает в душе бессарабских болгар родной язык и литература и русский язык и литература можно увидеть также и в творчестве Михаила Бычварова-Бондаря. Особенно показательны его стихотворение «Моят Пушкин, моят Вазов»³⁴. В нем одновременно звучат голоса двух великих поэтов – русского и болгарского. Для М. Бычварова Пушкин и Вазов – это «два мировых великана»³⁵. Поэт умело вплетает в текст их произведения. Сам факт, что стихотворение входит в цикл «Славянско причастие», говорит о глубоком уважении к двум братским народам. Притяжательное местоимение «мой» в заглавии иллюстрирует связь М. Бычварова с поэзией русского и болгарского поэта, показывает их роль в формировании бессарабского болгарского поэта, показывает их роль в формировании бессарабского болгарского поэта. Сочетание пушкинской цитаты из стихотворения «Зимняя дорога»³⁶ и вазовского стихотворения «Тих, бял Дунав...» с авторским текстом придают произведению особенную мелодику:

В паметта ми идва дядо,
«весело шуми...»:
«Плувай ти, момченце младо
«над златни вълни».
Във душата християнска
«пробирается луна...»
На сърцето ми славянско
«льет печальный свет она»³⁷.

Из вышеприведенных примеров видно, что поэзия бессарабских болгар содержит особенный «комплект» культурных ценностей. Основа этого «комплекта» болгарская, а на нее наслаивается в первую очередь русская культура как результат полученного образования болгарских поэтов Молдовы и Украины, и как образец высокого художественного слова. Близость языков, общая история и вероисповедание объединяют обе славянские культуры. Благодаря родству болгарского и русского языков, бессарабские поэты находят общие мотивы с русскими поэтами, которые прежде всего важны для сохранения памяти о Роде и Родине. Знание истории, традиций «другого»

³⁴ *Бычваров-Бондар М.* Скитник сред ветровете. Силистра, 2003. С. 17–18.

³⁵ «Два световни великана».

³⁶ Русская лирика XIX века / Сост. Вл. Орлов. Кишинев, 1988. С. 58.

³⁷ В моей памяти возникает дед, / «весело шумит»: «Ты плыви, мальчишка, юный / «по золотым волнам» // В душе християнской // «пробирается луна» / на мое славянское сердце / «льет печальный свет она».

обогачают българскую культуру в Молдове и Украине. И это самые яркие особенности внутреннего мира болгарина-переселенца, о которых еще много предстоит рассказать исследователям.

Перевод автора

ГЛАСЪТ НА РУСКАТА ЛИТЕРАТУРА В ПОЕЗИЯТА НА БЕСАРАБСКИТЕ БЪЛГАРИ

Н.Попаз-Кула

В основата на статията стои съвременната поезия на българите от Украйна и Молдова, създавана през последните четири десетилетия. Тя е представена като особеност на битието на българите, живеещи в условията на полиетнична култура, синтезираща едновременно някои страни от традициите на българската литература и от културите и литературите на новата Родина.

Основен акцент е поставен върху гласа на руската литература в поезията на бессарабските българи. Показана е паратекстуалната и интертекстуалната връзка между руската литература и българската бессарабска поезия. Намерени и паралелно анализирани са стихотворения с обща тема (за Родина-та), с общи образи (на майката) и мотиви («чакащата майка»): при П. Бурлак-Вълканов и при Г. Барбаров с поезията на С. Есенин; при Н. Стоянова, Д. Пейчев и М. Бъчваров с творчеството на А. Пушкин.

Направени са следните изводи: поезията на бессарабските българи съдържа особен «комплект» на културни ценности. Основата на този «комплект» е българска, а към нея се напластява най-вече руската култура като резултат от полученото образование на българските поети в Молдова и Украйна, и като образец на високо художествено слово. Близостта на българския и руския езици помага на бессарабските творци да намерят общи теми, важни за съхранението на паметта за Род и Родина.

В.Н. Федотова

Болгарская музыка и Россия

Болгарская музыка вошла в европейский художественный континуум на рубеже XX столетия. Народное искусство Болгарии обладало богатейшим музыкальным фольклором с неповторимым мелодическим, ритмическим, ладовым обликом, широким арсеналом народных инструментов. Но османское иго в Болгарии на века отодвинуло формирование здесь профессиональной музыкальной культуры европейского типа. И только в период национального Возрождения в страну начинает постепенно проникать европейская музыка. Силами венгерских эмигрантов в Шумене под руководством М. Шафрана был создан первый в Болгарии оркестр (1851), исполнявший популярную европейскую музыку – польки, вальсы, чардаши, мазурки. В концертах звучали и оригинальные композиции¹. Известный деятель болгарского Возрождения литератор и драматург Добри Войников, сформировавший в Шумене первую болгарскую театральную труппу, писал небольшие инструментальные пьесы, многому научившись у М. Шафрана.

В песенном жанре в период Возрождения болгары часто обращались к музыкальным материалам других народов. В болгарских возрожденческих песнях возникали интонации «Марсельезы», «Ракоци марша», «Марша Гарибальди»². Поэтические тексты Д. Чинтулова, С. Стамболова, И. Вазова, П. Славейкова перекладывались на украинские, чешские, хорватские, греческие мелодии. Музыкальная основа известной болгарской песни «Восстань, восстань, юнак балканский» имеет русские корни³.

В первые десятилетия после Освобождения страны от османского ига (1878) большим успехом в Болгарии пользовалась «Славянская капелла» под руководством Д. Агренева-Славянского⁴, гастролировавшая также во многих странах Европы, и США. Этот хор обладал разнообразным репертуаром, куда входили народные, бытовые, войсковые песни. В его концертах впервые были исполнены русские

¹ Шафран М. выступил создателем инструментальных пьес «Цивилизованный болгарин», «Шуменская полька» и «Болгарское хорово».

² *Хлебаров И.* Новата българска музикална култура. Том първи: 1878–1944. София, 2003. С. 76.

³ *Кауфман Н.* Български градски песни. София, 1968. С. 46.

⁴ Д.А. Агренов-Славянский (1834–1908) учился пению в Италии и Франции, пел в Мариинском театре, выступал с концертами, где исполнял русские народные песни, концерттировал в Болгарии, Чехии, Словакии, организовал в Праге оркестр славянских певцов, позже смешанный хор «Славянская капелла» (1868), который включал до 150 участников, пропагандировавших славянские песни. Агренов умер во время гастролей в Болгарии.

былины и причеты. Особенно привлекала слушателей духовная музыка. Во время исполнения хором песнопений заупокойного молебна по погибшим на Шипке (1884) тысячи болгар присоединились к проникновенному пению русских музыкантов.

В Болгарии плодотворно работали русские хормейстеры – А. Шульговский, К. Тарасевич, Е. Покровский, А. Добровольский, создавшие в разных городах страны церковные и школьные хоры. Со временем многие их ученики организовали певческие коллективы при народных читалищах, что послужило широкому музыкальному просвещению.

Развитие оркестровой музыки в Болгарии после Освобождения было связано с военными оркестрами, где работали приглашенные через русское посольство в Вене чешские музыканты⁵.

На рубеже века многие болгары получали образование в Европе. Сложилась плеяда национальных музыкантов, учившихся в Праге, Москве, Бухаресте, Милане. Они создали первые болгарские оперы, симфонии, хоровые и камерные произведения. Среди них Э. Манолов (1860–1902), Д. Христов (1875–1941), Н. Атанасов (1886–1969), П. Пипков (1871–1942), Г. Атанасов-Маэстро (1882–1931) – композиторы, чья деятельность постепенно включала болгарскую музыку в европейский художественный процесс.

К началу столетия в европейской музыке сложились и развивались национальные композиторские школы с более глубокими историческими традициями и вошедшие в европейскую музыку уже в XIX в. К ним относилась русская музыка, которая прошла стремительный путь, заявив о себе такими именами, как Глинка, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, Чайковский. Рубеж веков и двадцатое столетие были ознаменованы ярким созвездием таких выдающихся музыкантов, как Рахманинов, Скрябин, Стравинский, Прокофьев, Шостакович. Их творчество раскрыло новые художественные миры, обогатив музыкальное искусство самобытными звуковыми красками, своеобразным мелодизмом, ритмами, что привлекло многих музыкантов не только в Европе, но и в США, Латинской Америке. В первые десятилетия XX в. русская музыка оказала влияние и на болгарских композиторов.

В двадцатые годы складывается второе поколение болгарских музыкантов, прошедших европейскую профессиональную школу. Панчо Владигеров (1899–1974) учился и, позже, работал в Берлине, Любомир Пипков (1901–1970) – в Париже, где активно постигали и европейские музыкальные традиции, и то новое, что приносила

⁵ Они вошли в состав Гвардейского симфонического оркестра (1892). Ведущий музыкальный педагог в те годы в Болгарии – чех Генрих Визнер (1864–1951).

современная художественная среда. Выбор был очень широк. Главной их задачей было обретение «своего лица» и вхождение в европейский музыкальный контекст со своими неповторимыми национальными звукообразами. Молодые болгарские музыканты искали творческие ориентиры, созвучные их художественным задачам.

Одним из первых известных в Европе болгарских композиторов был Панчо Владигеров, имевший российские корни. (Его мать – Элиза была дочерью математика Леона Пастернака, жившего в Одессе, затем в Швейцарии⁶.) Возможно, это повлияло на творческую направленность композитора. В молодые годы он стремился посетить Россию. (В детстве его возили в Киевскую консерваторию к известному пианисту Владимиру Пухальскому⁷). Помешали Первая мировая война и позже – революция. Но, несмотря на то, что композитор учился в Германии⁸, по свидетельству его матери, он ощущал тяготение к славянской музыке и, особенно, к творчеству Александра Глазунова и Сергея Рахманинова⁹. Важную роль сыграло и то, что его преподавателем по композиции был Павел Юон¹⁰, ученик Сергея Танеева и Александра Аренского. Благодаря ему молодой музыкант глубоко изучил партитуры Петра Чайковского, Николая Римского-Корсакова, Александра Скрябина, Александра Глазунова, Николая Метнера. В те годы в Германии были известны и многие русские музыкальные новинки – произведения Скрябина, Танеева, Рахманинова, Метнера печатались в Берлине, где с 1909 г. располагалась типография Российского музыкального общества.

Интерес Владигерова к музыке Рахманинова не был случайным, поскольку ее романтический пафос и насыщенная эмоциональность были близки его художественному мировосприятию. Будучи высоким профессионалом, болгарский музыкант до конца оставался искренним в своем творчестве. И несмотря на то, что музыка русского

⁶ П. Владигеров происходил из музыкальной семьи. Его дед – композитор-любитель, в Одессе вышли его небольшие фортепианные пьесы. Мать композитора, получив диплом врача в Париже, отправилась работать в Болгарию, отец композитора, Харалан Владигеров защитил ученую степень доктора права в Брюссельском университете, работал помощником прокурора в Шумене. Сестра матери, Берта окончила фортепианный факультет Парижской консерватории.

⁷ В.В. Пухальский (1848–1933) учитель выдающегося пианиста XX века В. Горовца.

⁸ После смерти отца Панчо Владигеров и его брат близнец Любен (скрипач) получили стипендию (1912) на обучение в музыкальных учебных заведениях Германии.

⁹ Павлов Глостерман Е. Панчо Владигеров. София, 2000. С. 41.

¹⁰ П. Юон (1872–1940) родился в Москве, окончил Московскую консерваторию, позже жил в Швейцарии, где в 30-е годы выпустил первую зарубежную монографию о П.И. Чайковском.

мастера была глубоко национальна, в ней поднимались и существенные вопросы сложной и бурной жизни начала XX в. Рахманиновские «Колокола» оповещали мир о грядущих катастрофах. (Ассоциации с колокольным звоном возникают и в его Этюдах-картинах, в симфонической поэме «Остров мертвых», Втором и Третьем фортепианных концертах, других сочинениях композитора). Многогранная образность русского композитора – и искрящаяся радость жизни, и хрупкая, проникновенная лирика были созвучны творческому миру молодого болгарина. В этом ключе написана Скрипичная соната (1914)¹¹. (Первая часть – «весеннее половодье» чувств, вторая, лирическая – сосредоточенно-углубленна, третья, скерцо – передает образ зловещего зимнего вихря, часто возникающий и в музыке Рахманинова.)

Пять фортепианных концертов Владигерова пронизаны болгарским духом (это определяется и музыкальным тематизмом, использованием характерной ритмики, ладов, присущих болгарской народной музыке). Но в яркой, сочной мелодике, виртуозном пианизме, мощной аккордовой фактуре присутствуют рахманиновские черты.

Молодой композитор не ограничивал себя в поиске. Не случайно видный болгарский поэт, режиссер, теоретик искусства Гео Милев в 1920-е годы одним из первых обратил внимание на творчество Владигерова, на своеобразие гармонического облика, ритмики его музыки, заметив, что Владигеров улавливает психологический переход в создании художественных форм, интуитивно уходит от шаблонного ритма мелодии, бессодержательной гармонии.

В музыке болгарского композитора ощутимо и влияние другого русского гения – А. Скрябина. В фортепианный цикл Владигерова «Импрессию»¹² (1920) включены пьесы, своими названиями перекликающиеся с произведениями Скрябина: «Мечты», «Танец в томлении», «Ласка в танце». Эти сочинения раскрывают сложнейший внутренний мир русского композитора с его тревогами, экзотическими порывами¹³.

В пьесе Владигерова «Ласка» сопоставляются эпизоды, наполненные игрой капризных изменчивых светотеней (здесь расцветченная изысканным мерцанием диссонансов фортепианная ткань зыбка и прозрачна) и фрагменты, где импульсивный вихрь мощного движения, вероятно, символизирует власть композитора над самой

¹¹ Вторая редакция – 1933 г. Соната посвящена французскому скрипачу Анри Марто. Она вошла в репертуар многих выдающихся музыкантов XX столетия, среди которых Д. Ойстрах, Л. Коган, М. Полякин, Г. Куленкамф, Х. Шеринг.

¹² За пьесы из этого цикла – «Мечта», «Объятия», «Ласка» в оркестровой аранжировке композитор получил в Берлине премию Ф. Мендельсона (1921).

¹³ *Нестьев И.* Музыкальная культура на рубеже веков // Музыка XX века. Очерки. Ч. I. 1890–1917. Кн. I. М., 1976. С. 53.

музыкальной материей. Особая динамическая насыщенность пьесы «Вождение» – возможно, прорыв к новым звучаниям еще не виданного фонического объема. Звуковое пространство цикла «Импрессии» раскрывает душевные состояния, переходящие от нежной утонченности к патетическим взлетам, от изящной хрупкости к мощным фресковым звучаниям. Художественный мир этого сочинения утверждает имманентность душевного бытия и ассоциируется с поэтическим символизмом, наделенным подчеркнuto гиперболизированными образами. Очевидны и общие художественно-поэтические истоки. Русский композитор по своему мировидению был близок символистской поэтике. Для Владигерова это шло и от контекста болгарского искусства, которое именно в первые десятилетия века было насыщено символистскими проявлениями в поэзии и живописи.

Связь с русской музыкой очевидна и в более зрелом периоде творчества Владигерова, в опере «Царь Калоян» (1936)¹⁴, масштабном произведении, написанном для музыкального театра. Безусловно, творчество Владигерова нельзя сводить только к опоре на достижения русской музыки. Художественный спектр XX в. был очень широк. Свою роль сыграло и многолетнее общение с крупнейшим композитором XX в. Рихардом Штраусом¹⁵. Но жанр большой оперы у Владигерова ассоциируется с сочинениями Бородина и Римского-Корсакова¹⁶. Это выразилось в блестящей, тембрально насыщенной оркестровке, в особой колоритности народных жанрово-танцевальных сцен. (Молодой композитор изучал оркестровое письмо по учебникам Римского-Корсакова.). В опере «Царь Калоян» ощутимо и влияние Мусоргского, особенно его «Бориса Годунова», где на фоне народного действия, через сцены-монологи героев музыкальной драмы, раскрывается образ сложной, противоречивой трагической личности. В болгарском произведении, как и у Мусоргского, музыка передает сам процесс переживания, размышления героя с неожиданными эмоциональными поворотами¹⁷.

Высоко профессиональное творчество П. Владигерова стало прочным фундаментом болгарской композиторской школы и вписалось в контур европейской музыки XX в. Музыкант создал яркий,

¹⁴ Опера написана по роману болгарской романистки Ф. Поповой-Мутафовой, автор либретто – известный поэт-символист Н. Лилиев. Опера посвящена времени Второго Болгарского царства. По сюжету оперы главный герой царь Калоян по ложному доносу приказывает казнить фландрского рыцаря.

¹⁵ Владигеров с 1921 года работал музыкальным руководителем Дойче театра в Берлине во главе с Максом Рейнхардтом, который через поэта и драматурга Гуго фон Гофманстала познакомил его с Рихардом Штраусом.

¹⁶ Павлов Глостерман Е. Указ. соч. С. 270.

¹⁷ Соколов О.В. Морфологическая система музыки и ее художественные жанры М., 1994. С. 162.

презентативный звукообраз Болгарии, передающий витальность древней нации, свежесть и непосредственность молодого искусства.

Иной художественный облик у Любомира Пипкова. С 1926 г. он жил в Париже. По рекомендации французского пианиста Альфреда Корто, побывавшего в Болгарии в 1924–1925 гг. и услышавшего на концерте исполнение Л. Пипковым произведений Баха, Бетховена, Шопена, ему была выделена стипендия французского правительства (За него ходатайствовали П. Владигеров и известный болгарский скрипач Саша Попов). В Париже Л. Пипков учился в Эколь Нормаль у И. Лефевюр, ассистентки А. Корто, по композиции – у известного французского композитора Поля Дюка. Его сокурсниками были выдающийся французский композитор Оливье Мессиа́н, известный дирижер Игорь Маркевич, советский композитор Юрий Крейн, писавший о том времени¹⁸.

В Париже молодой болгарин погрузился в насыщенную художественную жизнь города, бывшего в то время мировой столицей искусства, и присутствовал на многих ярких премьерах. Почти каждый год был тогда отмечен исполнением крупных сочинений И. Стравинского¹⁹. Прошел фестиваль его музыки (1930). Русский композитор долгое время оставался законодателем европейской музыкальной «моды» («Царь Игорь» – так называл его Артю́р Оне́ггер)²⁰. Стравинский показал новые подходы в работе с интонационно–мелодической сферой музыки, ритмом, формированием красочной оркестровой ткани. Молодого болгарина привлекало глубинное постижение и осмысление русским композитором в своем творчестве архаических пластов национального фольклора, его обрядово-ритуальной сущности.

Л. Пипков пишет: «Наш музыкальный стиль основывается на мироощущении, которое выражено в народной песне... И неверно воспринимать народную культуру как нечто декоративно – орнаментальное... Болгарская музыка – это не ряженные в народных костюмах»²¹. Обращение к национальной музыкальной культуре, по мнению Л. Пипкова, плодотворно лишь в том случае, когда «точно понят интернациональный язык и смысл музыки»²². Это оградит молодую культуру от провинциализма. Композитор полагал, что даже в том случае, когда сочинение имеет очевидную национальную направленность, его

¹⁸ Крейн Ю. Воспоминания о П. Дюка // Советская музыка. 1965. № 7. С. 112.

¹⁹ «Царь Эдип» (1927), «Поцелуй феи» (1928), Каприччо для фортепиано с оркестром (1929).

²⁰ Арановский М. Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX века // Русская музыка и XX век. М., 1997. С. 9.

²¹ Пипков Л. За българския музикален стил // АСО. 1. Бр. 2. 28.X.1934. – Цит. по: Българските музикални дейци. София, 1969. С. 63–64.

²² Пипков Л. Музикален фейлетон // Изкуство и критика. Февруари, 1938. – Цит. по: Друмева К. Любомир Пипков. М., 1976. С. 51.

художественное значение определяется интернациональными критериями, и при создании национальной школы необходимы три важнейших компонента – вхождение в единый процесс мирового искусства, включающий всю традицию; национальный фольклор и ясная позиция художника, отражающего мироощущение современного человека²³. Все это болгарский музыкант нашел в творчестве И. Стравинского.

Сам Л. Пипков отмечал, что Концерт для духовых, фортепиано и ударных²⁴ (1929), созданный и исполненный в Париже, написан под влиянием Симфонии для духовых инструментов (1920) и Октета для духовых (1923) Стравинского²⁵. В сочинении преобладает активная моторика, токкатность, ладовое разнообразие, что обусловлено болгарским фольклором. Вместе с тем это яркое, современное по звучанию произведение.

Владигеров и Пипков как композиторы-художники формировались в сложном поле художественных направлений первых десятилетий XX века. В поэзии, живописи, музыке того времени были сильны романтические тенденции, во многие национальные культуры, особенно в болгарскую, вошел символизм, заявлял о себе европейский авангард. В их творчестве аккумулировались многие токи, идущие и от европейской музыки, и от русской, но определяющим было собственное видение. Именно Владигерову и Пипкову удалось обозначить болгарскую тему в европейском художественном контексте, добиться того, что их произведения исполнялись и издавались в Европе в 1920–30-е годы. Благодаря творчеству этих музыкантов сложилась национальная композиторская школа. Композиторы восприняли от европейской культуры то, что было созвучно их творческим задачам, а русский компонент занял свое важное место в формировании болгарской профессиональной музыки.

Творческая работа Владигерова, Пипкова, их современников шла в Болгарии на фоне усиливающегося интереса к русской музыке. В Софийской опере²⁶ были поставлены «Борис Годунов» (1929) и «Хованщина» (1933) Мусоргского, шли такие масштабные произведения как «Сказка о царе Салтане» (1933) и «Сказание о граде Китеже» (1939) Римского-Корсакова, «Жизнь за царя» (1940) Глинки. Развивался и балетный театр, где также звучала русская музыка. Балетной труппой были успешно поставлены «Жар-птица» Стравинского

²³ Там же. С. 54.

²⁴ Концерт написан для удвоенного духового квинтета – флейт, гобоев, кларнетов, фаготов и валторн, в сочетании с небольшим набором ударных и фортепиано, используемого как ударный инструмент.

²⁵ Хлебаров И. Любомир Пипков. София, 1998. С. 12.

²⁶ Софийская народная опера создана в 1921–1922 гг. В театральный сезон 1927–1928 гг. ее возглавлял известный русский музыкант Исайа Добровейн (1894–1953).

(1935), «Лебединое озеро» Чайковского (1937). Академический симфонический оркестр (АСО)²⁷ свой первый концерт (1929) открыл Четвертой симфонией Чайковского. Прозвучало (1936) авангардное сочинение «Завод»²⁸ советского композитора Александра Мосолова. (Известно, что в архивах АСО находилась и рукописная партитура Первой симфонии Шостаковича)²⁹.

Приобщению болгарской публики к русской музыкальной культуре способствовали гастроли русских артистов, музыкантов. В 1921 г. в Софии выступала ведущая балерина дягилевской труппы Тамара Карсавина. В ее репертуар входили классические балеты и новаторские для того времени хореографические композиции. (Она была первой исполнительницей главных партий в «Жар-птице», «Петрушке», «Пульчинелле» – балетах на музыку Стравинского). В болгарской столице гастролировал (1934) Сергей Прокофьев, исполнивший свои фортепианные произведения. (В интервью, данном болгарскому журналисту, композитор отмечает свой интерес к болгарской музыке, особенно к ее сложным и прихотливым ритмам³⁰). Софию посетил и Федор Шаляпин (1932, 1934), выступив в роли Бориса Годунова в одноименной опере, а также Кончака и, в другой постановке, князя Галицкого в опере Бородина «Князь Игорь».

Связи с русской музыкой не были утрачены и во второй половине столетия. Но характер их после 1944 г. изменился. Болгария вошла в социалистический лагерь и приняла модель общественного устройства, идентичную советской. Активизировались контакты между болгарскими и советскими музыкантами³¹. В Болгарии впервые зазвучали сочинения Дмитрия Шостаковича, Арама Хачатуряна, многих других советских композиторов. Болгарские симфонические произведения вошли в репертуар лучших советских оркестров. Благодаря гастролям национальных коллективов советский слушатель познавал яркий насыщенный мир болгарского музыкального творчества.

В 1950-е гг. Болгарию посетил Дмитрий Дмитриевич Шостакович, и это стало огромным событием для музыкальной общественности страны. Завязались дружеские контакты с П. Владигеровым,

²⁷ АСО организован в 1928 г. на основе Гвардейского оркестра.

²⁸ А.В. Мосолов (1900–1973), ученик Н.Я. Мяковского и С.С. Прокофьева, в 1920-е годы написал ряд произведений, связанных с урбанистическими и конструктивистскими художественными течениями (музыка на тексты газетных объявлений, симфонический эпизод «Завод»).

²⁹ Хлеббаров И. Новата българска музикална култура. С. 314.

³⁰ Прокофьев о Прокофьеве. Статьи и интервью. М., 1991. С. 135.

³¹ Болгаро-советские взаимосвязи в области музыкального искусства подробно анализировались в советской и болгарской периодике с конца 1940-х гг. до конца 1980-х гг.

Л.Пипковым³². Шостакович присутствовал на репетициях и концертах, где исполнялись его симфонии, с большим интересом знакомился с музыкой болгарских композиторов, прослушивал молодых музыкантов. (Среди них отметил пианиста и композитора Трифона Силяновского³³, для которого произведение Прокофьева, Шостаковича стали основными художественными ориентирами в работе.)

Возникла и другая сторона советского влияния. Государство стало активно управлять всеми сферами культуры. В музыке, как и в литературе и живописи, возникла своеобразная «периодизация по пленумам, фабрикация ценностей, конъюнктурная деформация»³⁴ естественного художественного процесса. Железный занавес отгородил от Европы не только СССР, но и весь соцлагерь, в том числе и Болгарию. Правда, некоторые болгарские композиторы (Иван Спасов, Александр Райчев, Константин Илиев) учились в Польше, Венгрии, Чехословакии, где современное искусство развивалось более свободно.

Но для болгар было важно то, что происходило в России, особенно в 1960-е годы, во время «оттепели». От советских реалий зависела и болгарская художественная жизнь. Из Москвы доходили вести о резко отрицательном отношении властей к выставке молодых художников в Манеже, разгромленной «бульдозерной выставке». Вместе с тем, была опубликована повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», которая, попав в Софию, была раскуплена за час³⁵.

Молодых болгарских композиторов интересовала жизнь современной советской музыки, где складывались разные направления, и было уже очевидно «стилевое размежевание»³⁶. Выделилась группа композиторов – Альфред Шнитке, Эдисон Денисов, София Губайдулина, Борис Тищенко, Сергей Слонимский, с которыми болгарские

³² П. Владигеров редко выступал в печати, но написал статью о Шостаковиче, в которой отметил его значение и для мировой культуры, и для искусства Болгарии. См.: *Владигеров П.* Изказване за Шостакович // Българска музика. София, 1966. Кн. 7. С. 3.

³³ Т. Силяновский (1923) окончил в Софии Консерваторию и юридический факультет Софийского университета, получил искусствоведческое образование в Венском университете, стал лауреатом первого национального конкурса пианистов (1948), в 1948, 1959–1960 гг. был репрессирован. Он – автор четырех симфоний (1949–1971), концертов для фортепиано, хоровых и вокальных сочинений, сонат для скрипки альтя соло, а также свыше ста работ по философии, искусствознанию, культурологии.

³⁴ *Попов Б.* Дискусия «Основни етапи, процеси и тенденции в съвременната българска литература след 9. IX. 1944 и тяхната литературно-критическа интерпретация» // Литературна мисъл. София, 1990. № 4. С. 158–159.

³⁵ *Илиев К.* Слово и дело. София, 1997. С. 256.

³⁶ *Григорьева Г.* Стилевые проблемы советской музыки второй половины XX века. 1950–80-е годы. М., 1989. С. 55.

музыканты стремились установить контакты. Но это было непросто. Будучи в Москве, известный болгарский композитор дирижер Константин Илиев пожелал встретиться с Эдисоном Денисовым и Андреем Волконским. В Союзе композиторов ему ответили, что их сейчас нет в столице, хотя Эдисон Денисова находился в соседнем помещении. Позже в Софии было запрещено исполнение «Солнца инков» Денисова, подготовленное К. Илиевым с Национальным оркестром.

Очевидно, советский период – самый неоднозначный во взаимоотношениях двух музыкфльных культур. Но время определяет многое, что доказывают последние десятилетия. Возникшее в 1990-е годы в Софии объединение композиторов «Musica Nova» проводит ежегодные фестивали. В концертах, наряду со многими западными авангардными произведениями XX века, исполняются сочинения Дмитрия Шостаковича, Альфреда Шнитке, Софии Губайдулиной, Галины Уствольской, Валентина Сильвестрова, Юрия Каспарова. Произведения болгарского композитора Георгия Минчева прозвучали в концертах фестиваля «Московская осень» 2003, 2004 гг. в исполнении ансамбля солистов Студии современной музыки под руководством Владимира Тарнопольского и Государственного симфонического оркестра России под управлением Марка Горенштейна. Это знак того, что творческие взаимосвязи болгарской и российской музыки, меняя свой характер, не прерываются

БЪЛГАРСКАТА МУЗИКА И РУСИЯ

В.Н.Федотова

Статията «Българската музика и Русия» е посветена на различните етапи от взаимодействието на българската и руската музикална култура през XX в. В началото на века, през периода на формирането и установяването на българската професионална музика, важна роля изиграва творчеството на такива руски композитори като Мусорски, Римски-Корсаков, Скрябин, Рахманинов, Стравински. Тяжното наследство, наред с европейската музика като цяло, оказва забележимо влияние върху водещите български композитори П. Владигеров и Л. Пипков. В работата се отбелязва, че съветския период – време на активно сътрудничество – не е лишен от негативни страни; засягат се и музикалните контакти в последните «следперестроечни» години, които потвърждават взаимното притегляне на нашите култури.

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ДМИТРИЕВИЧА ГАЧЕВА

Румяна Дамянова

Георгий Гачев – In memoriam

23 марта 2008 г. трагически погиб д. ф. н. Георгий Дмитриевич Гачев. Современная гуманитарная наука потеряла одного из ярких своих творцов, мировая наука – одного из своих неординарных и дерзких мыслителей.

Потомок болгарского возрожденческого рода Гачевых из г. Брацигово, сын преподавателя музыки и музыковеда М.С. Брук и эстетика, музыковеда Д.И. Гачева, репрессированного во времена сталинского режима, Георгий Гачев оставил ценное и непреходящее по своей эстетической и философской значимости научное наследие. Он был ученым мирового уровня, его творческая мысль не знала границ.

Г. Гачев закончил в 1952 г. Филологический факультет Московского государственного университета и в 1983 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Теория и история художественного образа в литературе». С 1954 до 1972 гг. он работал научным сотрудником в Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР; с 1972 до 1985 гг. он трудился в Институте истории естествознания и техники АН СССР. В 1985 г. поступил в Институт славяноведения АН СССР (ныне РАН), в котором оставался до дня своей трагической гибели.

Свободомыслящий интеллеktуал и углубленный исследователь художественных явлений, Г. Гачев творил в нескольких сложных областях гуманитарной науки – филологии, эстетике, философии, культурологии. Его удивительные научные открытия сочетались с выразительным сравнительным анализом, с глубоким пониманием корней ментальности различных народов, изучению которых он посвятил свои масштабные исследования национальных образов мира – их «космо-психо-логосам». Само его вхождение в эти «национальные образы мира» поставило его в ряд крупных философов XX в.: пересекая границы, он вступал в единое пространство человеческого духа, наблюдая за временем – с его масштабностью и философской необозримостью – он в сущности прослеживал ускользающее представление о присутствии человека в мире. С присущим ему философским скептицизмом, но в то же время и с оптимизмом вольного духа, Г. Гачев описывал ментальности, раскрывая в сущности самого себя,

дабы завещать нам сложное прозрение, поражающее ясной простотой промысла: «Упуская время, жил счастливо». Прозрение и признание, доступное немногим.

Его взгляд на литературные явления, мудрый и одновременно жизнеутверждающий, способствовал нестандартному их изучению – он рассматривал творчество писателей в сложном переплетении идей, народопсихологии, таланта, поведения, изучая контекст при создании их произведений. Так были рождены его книги о Чингизе Айтматове и о ряде творцов русской, европейской и болгарской литературы. В последней книге Г. Гачева, изданной на болгарском языке, – «Болгарский космо-психо-логос (По произведениям Христо Ботева)» (2007) – он уже с первой страницы заявляет: «В серии моих описаний национальных образов мира Болгарский мир, прародинный мне по отцу, и начинал этот труд, и – почти завершал». Так Болгария – в качестве примера, традиции, опыта – как бы закладывается в фундамент его научных исследований и прозрений – начиная с ранних его работ вплоть до самых зрелых, сопровождая его в долгом «интеллектуальном странствии» по дальним странам. В этих путешествиях – исследованиях присутствует, по собственным его словам «всегда – Россия: с нею сравнивались все прочие страны».

И если сегодня мы зададимся вопросом: что значит для болгарской науки и культуры Г. Гачев, – то ответов много. Его труд – «Ускоренное развитие литературы» (1964), опубликованный на болгарском языке в 1979 г. – изменил в значительной степени мышление в болгарской науке, дал толчок к созданию концептуальных исследований. Последующие его книги и полемические статьи стали базой для интердисциплинарных исследований в России, Болгарии и европейских странах. Он был мыслителем-концептуалистом, создавшим модели! Вводя новое понятие – «ускоренное развитие литературы» – Г. Гачев, исследуя художественный синкретизм в болгарской литературе эпохи Возрождения в XIX в., всколыхнул болгарскую научную мысль, побуждая ее к переменам, наступившим в художественном сознании. Не будет преувеличением утверждать, что болгарская литературно-историческая наука о Возрождении начала измеряться временем: ДО и ПОСЛЕ книги Г. Гачева. Воспринятая неоднозначно, его книга породила дискуссии, возбуждая мышление, провоцируя также нестандартные аналитические исследования, благородно вдохновленные теорией Г. Гачева.

Его блестящий ум ученого и философа открывал новые пространства в поисках диалогов различных масштабов. Изучая загадки национального бытия различных народов, Г. Гачев с удивительной энергией проникал в самые сокровенные уголки народного мировосприятия, чтобы отразить трудно выразимое. Так

родились его исследования: «Болгарский эрос», «С человеческой меркой». «Душа болгарки», «Почему смех – это грех», «Богомилство и болгарский образ Бога». Ученый рассчитывал, как сам он говорил – через «мой жанр «жизнемыслей» – показать сложные пути нерадостной болгарской судьбы.

Человек духа и мысли, Г. Гачев являл собою лицо науки, в которой творил, оживлял коллектив, в котором жил и работал. В последние 5–6 лет я имела счастье руководить вместе с ним единственным болгаро-русским академическим научным проектом по литературе. Тема проекта: «Болгария и Россия (XVIII–XX вв.) – представления и реальность». Общение с Г. Гачевым – это был ДАР. Будучи руководителем этого проекта с российской стороны, он сделал всё для того, чтобы болгаро-русские культурные и литературные взаимоотношения развивались и обогащались.

Более того, в этот двусторонний диалог он внес своеобразную, «гачевскую» тональность, подчеркивая значимое научных изысканий и поддерживая их своим личным участием. Проведенная в 2007 г. в Софии научная конференция на тему «Болгария и Россия (XVIII–XX вв.) – взаимопознание» стала запомнившимся научным праздником еще и потому, что в ней участвовал с докладом и в дискуссии Г. Гачев; открывая научную конференцию, посвященную сложному вопросу взаимопознания между двумя народами, он говорил и о своей болгарской прародине... Руководство Института литературы БАН и научная общественность предложили научный сборник «Болгария и Россия – взаимопознание», который мы подготовили вместе по материалам конференции, посвятить незабвенной памяти Гачева, заслуги которого перед современной гуманитарной наукой огромны!

На скрижалях памяти о Г. Гачеве хранятся дорогие личные встречи и беседы. Наряду с этим вспоминаются национальные и академические признания: академическая награда «Паисий Хилендарский», доктор хонорис кауза Софийского университета «Св. Климента Охридского», доктор хонорис кауза Великотырновского Университета «Св.св. Кирилла и Мефодия», почетный знак им. Проф. Марина Дринова Болгарской академии наук. Мыслитель энциклопедического масштаба Г. Гачев завещал пример необозримой научной глубины и острой провокационной мысли, интеллектуальных поисков и духовного странствия.

Потеря невозполнима!

Поклон перед светлой памятью крупного ученого и мыслителя, чудесного человека – Георгия Дмитриевича Гачева!

Перевод М.Г. Смольяниновой

Иван Радев

О Георгие Гачеве – не по-«гачевски»

Вышло так, что в последние годы я потерял интерес к воспоминаниям–рассказам и пристрастился к тем возвратам в прошлое и встречам с человеком, которого уже нет среди нас, о которых говорят точные факты и даты, сделанные в свое время записи о слышанном и виденном, к тому же поданные не выборочно, а во всей их полноте. Причина этого в горьком опыте передоверия, в крайне спекулятивных примерах текстов, претендующих на документальность, свидетелями которых делает нас современная болгарская литература.

Мне предложили, и я, имея твердо сложившееся представление о качествах и месте Георгия Дмитриевича Гачева как литературоведа, сразу же согласился написать о нем «что-нибудь». В тот момент чувство долга опередило еще не облекшиеся в слова соображения, и теперь, когда я сажусь перед «чистым листом», я оказываюсь в западне собственного принципа. Одно дело – ценить личность и иметь дело с идеями его исследований и другое – свидетельствовать о нем прямыми фактами и непосредственными впечатлениями. Суть в том, что меня подвело первое, когда у меня под руками не было того, что, как я понимаю, предполагает второе.

Я не из близких и знакомых Георгия Гачева, я просто из круга «познакомившихся» с ним, список которых, как мне кажется, неисчислим. Но «слово» написать воспоминания дано, и я нахожусь сейчас перед экраном, который ждет моих слов в память о нем. Чтобы быть корректным по отношению к самому себе и к показу на экране его личности, напомню, что уже при первой встрече с книгой «Ускоренное развитие литературы» я стал поклонником его исключительного таланта литературоведа. А было это в конце 60-х – начале 70-х годов, в то время, когда я готовился к поступлению в аспирантуру и подступал к наследию проф. Бояна Пенева, пятитомная «История новой болгарской литературы» которого служила Гачеву и отправной точкой, и коррективом, а также и контрапунктом его собственного исследования.

Я ожидал, что «Ускоренное развитие литературы», действительно ставшее библиографической редкостью, будет сразу же переведена и издана у нас, – не каждый год за рубежом выходило исследование такого уровня, посвященное болгарской литературе. Георгий Гачев же, приложив лично им разработанную теоретико-эстетическую модель, создал книгу этапного значения – после нее уже нельзя было писать о нашем литературно-эстетическом развитии в эпоху Возрождения так, как писали до ее появления. Казалось бы, она была встречена похвальными отзывами и пониманием ее концептуально нового

и современного подхода, ею восторгались власть имущие в литературной науке, но до ее перевода и издания дело так и не дошло. Повторился вариант, уже знакомый нам по отношению к «Истории» Бояна Пенева, – после того, как были отпечатаны их собственные «классические труды», только в 1979 г. вышел на болгарском языке том «Ускоренного развития культуры».

Но – этим ограничиваюсь общими предварительными замечаниями. Возвращаюсь к собственным впечатлениям о книге, оставившим след того или иного характера в моих скромных личных занятиях той же частью болгарской литературы, которой посвящена сама эта книга – «Ускоренное развитие литературы». Нахожу их лаконично статичными на страницах ежедневных записей, которые я вел в 1970–1995 гг. (см.: Ив. Радев. Моите полудневници. Изд. «Слово», 2006), а оценочно-развернутыми в некоторых моих статьях и книгах. Попытаюсь показать свое отношение к человеку и литературоведу не через эмоциональные импровизации сегодняшнего дня, а именно через то, что отражено в этих моих текстах, с точным указанием дат и изданий.

Вот что предлагают фрагменты первой группы, застывшие в строгих и не предназначенных тогда для «чужого глаза» летописные записи в моих полудневниках:

1. **Осень 1975 г.** В проекте книги под заглавием «Погледи към миналото», состоящей только из опытов характеристики наших литературоведов (Боян Ничев, Иван Д. Шишманов, Михаил Арнаудов, Васил Пундев и др.) включен и Георгий Дмитриевич Гачев.

2. **Под датой «3–5 мая, София»** за 1979 г. Наряду с другими встречами в столице отметил: «Познакомился с Георгием Гачевым».

И это всё! Сейчас к этому я не могу добавить ничего конкретного и существенного. Для него это была одна из десятков встреч во время его пребывания в Софии, для меня – мимолетный контакт с исключительной личностью. Помню только, что это произошло в издательстве «Народна младеж» на ул. Калояна 10, куда он был приглашен для обсуждения условий издания книги. Мне кажется, перевод его книги там так и не вышел в свет. Мне кажется и нечто другое – что я ему «похвалился» незадолго до этого вышедшим своим исследованием о Бояне Пеневе и что я попросил позволения при-слать ему книгу. Я уверен, что это произошло...

3. **Под датой 18 июля 1979 г.** Есть запись: «Послана книга Георгия Гачева Александру Миланову».

Очевидно, речь идет о вышедшей тогда у нас книге «Ускоренное развитие культуры». Поэт А. Миланов в то время был главным редактором издательства «Наука и изкуство» и попросил меня оказать ему услугу – поискать книгу в книжных магазинах Тырнова.

4. Запись от августа 1980 г.:

«Заметки на полях одной серьезной книги

Сделать со временем спокойный критический анализ книги “Ускоренное развитие культуры” Георгия Гачева. Оспорить основные его тезисы:

- что Паисий воплощает “фольклорно-патриархальное сознание”
- что период от Паисия до Берона – восстановительный
- что публицистика – жанровая моноформа.

Подчеркнуть, что вопреки положительным субъективным чувствам и отношению связанная с этими положениями концепция по своим объективным результатам не идет на пользу болгарской литературе».

Эта запись – конспект намеченного исследования, порожденного моим продолжавшимся активным общением с книгой «Ускоренное развитие культуры». В таком масштабе начинание-полемика с Гачевым тогда так и не реализовалось. Гораздо позднее только по проблемам второго пункта я позволил себе, при нескрываемом уважении к нему, развернуть и другое их видение и решение в статье «Личная эволюция и общее эстетическое развитие», нашедшей место в моей книге «Паратекстът и художествената творба през Възраждането» (София, Изд-во Софийского ун-та им. св. Климента Охридского, 1993).

5. Под датой 1 февраля 1982 г. есть следующая запись:

«Сколь бы странно это ни звучало, мерилом литературоведческой актуальности и зрелости в настоящее время у нас служат книги Георгия Гачева и Бояна Ничева, а в них ширится спекулятивная теоретико-эстетическая тенденциозность и фрагментарность. Так, Боян Ничев в «Увод в южнославянския реализъм» вообще не упоминает Досифея Обрадовича, а Софроний упомянут только один раз, т.е. столько же, сколько упомянут Спиноза или Диоген.

В нынешних наших писаниях о литературе широко распространяется не вызывающая обеспокоенности спекулятивность. В некоторых случаях – спекулятивность фактами, в других – спекулятивность терминами, в третьих – спекулятивность теоретическими принципами и положениями. Одни спекулируют эмоциональным в литературе и искусстве, другие – познавательным в его наукообразной дешифровке».

Вот те немногие лаконичные фрагменты в моих дневниковых записях. Не считаю нужным сейчас импровизировать, добавлять или сокращать что-либо. Они – это я в стилистике жанра.

Более целостное и развернутое мое отношение к творчеству Георгия Гачева находит выражение в ряде статей и книг, характер и проблематика которых обязывали меня к нему обратиться. Не имея здесь возможности охватить их полностью, отмечу только очевидное: с годами я продолжал общаться с его книгой «Ускоренное развитие литературы», актуализировать свой взгляд на его труд или на отдельные

его положения. Имею в виду не случаи цитирования, а диалог по концептуальным положениям Гачева. Это я и прослежу здесь, включив более обширные фрагменты, выражающие мое реальное представление и оценку его вклада главным образом в науку о Возрождении Болгарии.

I

1. «Българската възрожденска литература до 40-те години на XIX век» (Велико Търново, 1982).

Учебное пособие для студентов-болгаристов, в котором о состоянии историографии возрожденческой литературы сказано: «Здесь я на передний план выношу четко прослеживаемую тенденцию, которая удачно и плодотворно воплощается и отстаивается в таких книгах как “Ускоренное развитие литературы” Георгия Гачева (1964), “Увод в южнославянския реализъм” Бояна Ничева (1972), “Българският Великден или страстите български” Тончо Жечева (1975), “Литературни взаимоотношения и литературен процес” Илии Конева (1974).

В начале этого ряда стоит книга Гачева, которая прямо или косвенно инспирирует уровень и тип исследования остальных. Но результатом как будто именно этих исследований было бесспорное преодоление достижений прошлого как подход, как тип анализа и способа осмысления духовной жизни эпохи Возрождения. Потому что в них мы видим стремление к теоретико-эстетическому синтезу и интерпретации, к наблюдениям над сущностным, имманентным и определяющим закономерности этого процесса. Каждое из них посвящено различным моментам и аспектам возрожденческой литературы, они различаются по своему характеру, близости или отдаленности от чисто литературоведческого поиска проблематики. Но их объединяет обостренное стремление к теоретическому осмыслению явлений. Вот почему книги Г.Д. Гачева, Б. Ничева, Т. Жечева и Ил. Конева становятся мерилем достижений историографии возрожденческой литературы в 60–70-е годы» (с. 102–103).

2. «Енциклопедия на българската възрожденска литература» (в соавторстве; изд “Абагар”, 1996; 2-е изд., 1997).

Как автор идеи, инициатор проекта и ответственный редактор тома, я предоставил возможность самому определить место Георгия Гачева в историографии новой болгарской литературы (XVIII–XIX вв.). Я не знаю другого справочного издания такого типа, которое бы интегрировало роль и последствия вмешательства его как литературоведа в национальную традицию. Отдавая себе отчет в масштабности «явления Гачева» и характер справочника, я здесь поместил о нем очерк (с. 183–185) и отдельно – характеристику его книги «Ускоренное развитие литературы» (с. 738–740).

Я считаю, что именно в этих двух текстах, официально обнародованных, выражено мое отношение к личности и творчеству Георгия Гачева. В очерке я особо выделил те черты, которые обуславливают и представляют самостоятельность его фигуры как литературоведа и культуролога, который творит в русле такой всемирно признанной литературы как русская, но часть своих примеров и аргументов черпает и из таких литератур как болгарская и киргизская, надстраивая одно и другое на модель литературы западноевропейской:

«Г. Гачев – исследователь с ярко выраженными склонностями и доказанными возможностями теоретического овладения литературным процессом. Его талант теоретика лежит в основе глубокого интереса его к болгарской литературе. После книги “Ускоренное развитие литературы”, представляющей часть задуманного более широкого сочинения, оставшегося не завершенным, свои усилия и концепции Гачев переносит на явления и современной болгарской литературы. Его интересы к современному состоянию нашей прозы связаны с творчеством Димитра Димова, Йордана Радичкова и др.

В панораме российской болгаристики Г.Д. Гачев выделяется своими болгаристическими и теоретико-эстетическими концепциями. Его исследования своеобразно и эффективно включаются в поиски нашей литературоведческой науки. Книга “Ускоренное развитие литературы” вызвала большой интерес и, хотя она по неоправданным причинам и не была сразу же переведена, стоит в ряду глубоких и плодотворных книг, давших толчок к новым исследованиям. Гачев устанавливает определенный уровень теоретико-эстетического осмысления литературного наследия эпохи Возрождения. Некоторые положения его книги не приемлемы, ошибочны, в неверном свете раскрывают суть литературного развития. Они отмечены такими учеными как П. Динев, Б. Ничев, С. Таринская и др. Несмотря на это, книга Гачева совершает поворот в осмыслении и освещении нашей возрожденческой литературы...»

В статье, специально посвященной книге «Ускоренное развитие литературы» и помещенной в «Энциклопедии» 1996 г., оценки и обобщения носят более конкретный характер:

«Монографический труд Г.Д. Гачева – одно из ярких проявлений в историографии нашей возрожденческой литературы последних десятилетий. Она выделяется своим теоретическим характером, своей глубокой концептуальной сутью, интересными срезам и разработкой проблем эволюции в развитии литературы второй половины XVIII и начала XIX в. Эта книга утверждается как исследование, отражающее и отстаивающее современный, преодолевший традиционный, преимущественно описательный, проблемно-содержательный, подход к раскрытию теоретико-эстетических закономерностей

эволюции возрожденческой литературы. Всею своей концепцией, постановкой и разработкой многих интересных и плодотворных проблем книга “Ускоренное развитие литературы” становится одним из фундаментальных проявлений литературоведческого осмысления Возрождения.

“Ускоренное развитие литературы” Гачева достигает своей цели и становится “теоретической историей болгарской литературы первой половины XIX в.”, прослеживающей явления, выражающие смену “фольклорного эпического сознания” религиозно-рассудочным и, как ее третью фазу, подлинное художественное сознание с их проявлениями и литературными приверженцами. Подход Гачева и достижение поставленных им задач характеризуются новой для наших традиций синтетичностью и теоретической уплотненностью изложения, противопоставляемыми глубоко укоровившейся обстоятельностью и описательности нашего историко-литературного мышления.

“Ускоренное развитие литературы” воспринимается и утверждается не столько как факт русского литературоведения, сколько как новаторское явление болгарской литературоведческой мысли. Значение той книги как фундаментального труда и ее масштабной концепции состоит и в ее стимулирующем и плодотворном воздействии на повышение современного уровня исследований по возрожденческой проблематике. Прямо или косвенно книга Гачева инспирирует появление таких важных исследований как “Увод в южнославянския реализъм” проф. Б. Ничева, “Българският Великден или страстите български” проф. Т. Жечева, “Литературни взаимоотношения и литературен процес” проф. И. Конева и др. Глубокий теоретико-эстетический заряд и исследовательский уровень книги Гачева делают ее эталоном серьезного и широкого литературоведческого мышления, устанавливающего значимость как более общих проблем, так и аналитического прочтения конкретных литературных явлений, их отдельных моментов, аспектов, идей, образов и т. д.

Труд Гачева “Ускоренное развитие литературы” – сложное явление в панораме нашей возрожденческой литературы. Наряду с указанными и рядом не указанных интересных и плодотворных положений в нем высказаны и неприемлемые, спорные точки зрения на те или иные проявления нашей национальной духовной жизни и литературного развития...»

II

Оказывается, в 80–90-е годы я опубликовал несколько статей, в которых не просто цитируются исследования Гачева, а отправной точкой которых служат его положения, выдвинутые им применительно к болгарской литературе XVIII–XIX вв.:

1. Статья «О замедленности ренессансного процесса у нас», вошедшая в мою книгу «Българска възрожденска литература» (София, «Наука и изкуство», 1980).

Отправной точкой статьи является тезис Г. Гачева о замедленно-ускоренном развитии болгарской литературы в ситуации XVIII–XIX вв., в которой акцентируется внимание на предпосылках, порождающих эту замедленность.

2. Статья «За интереса към руската поезия у нас през 40–50-те години на XIX в.», опубликованная в журнале «Литературна мисъл» (1984, кн. 1), перепечатанная в моей книге «Литература и култура на Възраждането. Т. 1. Личности и явления от “втория ред”» (Велико Търново, Унив. изд., 2008).

Здесь я полемизирую со статьей Г. Гачева «Как и почему так воспринималась русская литература в Болгарии». Мною привлечен и неизвестный архивный материал с оставшимися в рукописи переводами классической русской поэзии 40–50-х годов.

3. Статья «Личная эволюция и общее эстетическое развитие», опубликованная в журнале «Литературна история» (1991, кн. 20), вошла в мои книги «Паратекстът и художествената творба през Възраждането» (София, Унив. изд., 1993) и «Българската литература на XIX век – от анонимност към авторство» (Велико Търново, «Абагар», 2002).

Статья актуализирует положение Г. Гачева, согласно которому болгарская литература от Паисия до 40–50-х годов XIX в. филогенетически обременена и характеризуется как «восстановительный период». Этому, известному и по книге «Ускоренное развитие культуры» (1979) положению, здесь противопоставлен вывод, что не литература как целое, а отдельный автор в своем личном развитии дублирует «филогенез» литературного развития. Так личная эволюция каждого из участников процесса вписывается в диалектику общего эстетического развития, суть и уровень которого, однако, определяются исключительно их полноценными и значимыми явлениями.

В формирующемся таким образом коллаже позволю себе особое место отвести событию, произошедшему в 2004 г., – важному как для самого Георгия Гачева, так и для такого учреждения как Университет им. св.св. Кирилла и Мефодия в Великом Търново. Тогда, 9 ноября, в торжественной обстановке он был удостоен звания «доктор хонорис кауза». Его академическое слово было посвящено теме «Българский Космо-Психо-Логос в сравнении с русским». Передо мною оригинал его краткого текста, написанного на обычной пишущей машинке, с зачеркиваниями и добавлениями, несколько «стреноженный» из-за синкоп в порядке слов и фраз, не подвергнутый специальной обработке для публикации. Да – в сущности это «извлечение»

из уже обнародованных идей Гачева, но своими примерами параллели и контрапунктивности он произвел сильное впечатление на аудиторию. Позволю себе привести здесь отдельные фрагменты, чтобы был слышен аутентичный «голос» его мышления, к тому же это, вероятно, была последняя предоставившаяся ему возможность высказаться по теме, которая его долго занимала.

«Носителем Государственного начала в России обычно является чужеземец. Варяги были первые князья, а из Греции пришло православие, церковь. Петр привнес германский элемент, и немецкая династия восседала на русском престоле два века. После Революции – марксизм, немецко-еврейский социализм и грузин Сталин-Джугашвили...

Мы имеем, значит, три агента, субъекта в жизни и истории России: Мать-земля и на ней трудятся два мужика – Народ-Сын и Государство-Муж. Оба они ей необходимы. Народ=воля, Государство=закон, труд, «огне-земля», форма. Между ними страдает Психея России, душа русской женщины. Об этом свидетельствует русский роман. В нем при одной героине – два мужских персонажа: при Татьяне – Онегин (= демон, воздух) и генерал-князь. При Анне – Вронский-воин и министр Каренин. При Ольге – Обломов (=голубь, воздух) и немец Штольц (= гордость, воля и труд). При Ларе – поэт Живаго (дух) и комиссар Стрельников.

Теперь: каков космос Болгарии? Болгария – это чаша на Балканах: с дном внизу и вверху. Чаша с дном внизу – это долины между горами: Фракийская, Софийская, Розовая – та, что между Старой планиной и Средней горой. Это видно и из топонимики: Котел, Клисура, Широка лыка, Дупница... Чаша же с дном вверху – это “там, на Балкана” (“там, в горах”), где гайдук, юнак, и “ветер воеет, горы стонут” и “горы поют гайдуцкую песню”, и “кавал играет на поляне”. Там пространство для песни и поэзии. Балкан (Горы) – символ высоты Духа, лестница устремления болгарина к небу, свету. А котловины и долины – вторая половина сущности Болгарщины: там земля и труд, творчество телесное и материальное. Здесь строится дом, культура, быт, семья, дети... Есть три святыни для болгарина, как исповедовал мне Йордан Радичков во время нашего путешествия с ним по Якутии и Сибири в 1963 г.: “Семья, дети, дом”. И все это внизу: там “старая мать”, и “чорбаджии”, и статная “чорбаджийская дочь”, и “богатые свадьбы”. А жена для юнака – самодива (лесная русалка). “Гайдук дом не строит, мать не кормит”.

... “Там, в горах (на Балкана)” – люди духа, странники, и они естественно ориентируются на Север, к стране Духа, “Святой Руси”. Как Ботев, и Каравелов, и Инсаров, как и мой отец Димитр Гачев из Брацигова. В своем романтическом стремлении к мировой культуре он в 1924 г. эмигрирует из Болгарии сначала в Западную Европу

(Париж, Антверпен, Берлин ...), где становится вагнерианцем, а через два года – в Советский Союз. Там он учится в Московской консерватории, затем в Институте красной профессуры, который окончил с книгой “Эстетические взгляды Дидро”. Стал видным философом, музыковедом, литератором, полемизировал с Роменом Ролланом... Но в 1938 г. он был арестован как “враг народа” и сослан в лагерь на Колыму, где и лежит его тело горячего и страстного болгарина с Родоп в земле “вечной мерзлоты”. В письмах с Колымы к моей матери он делился своей мечтой написать, когда освободится, философский роман “Борис Огнев”...

...Вернемся теперь к Космофиле Болгарии. Болгарский народ имеет свое призвание: веление ему из Космоса – установить гармонию между материальной и духовной культурой в диалоге двух чаш – с дном вверху и внизу, сохранять шар своего Сфероса на геополитическом перекрестке Севера (где Россия) и Юга (где Средиземноморье, Греция), Востока, Ориента (где Турция) и Запада (где Европа). Много влияний вливается в нее со всех сторон, но миссия Болгарии – переработать их и создать самобытную цивилизацию. И держать это свое место на земле и не соблазняться мечтой о “Великой Болгарии” и что “велик болгарский воин, велик, велик!!!” Болгарский народ должен хорошо укорениться в “эту горсть земли” и превратить ее в “земной рай”. “Самоудовлетворение”, а не зависть чужому. Хотя, согласно Элину Пелину, если гений родился в Болгарии, он должен быть гением зависти – это как основной грех болгарина. Однако в зависти есть динамизм, стремление к самовоздвижению. Не в черной, а в белой зависти...

...Русская мысль начинается с отрицания, реактивно, и летит как ракета, которая самоотталкивается. Но она с трудом достигает какого-нибудь “Что”, “Это”, тезиса-утверждения. Немецкая логика строится по модели “триады” (Гегель: тезис–антитезис–синтез). Русская начинается с антитезиса...

А что сказать о Болгарии? Она – космос, Гора и Долина. Пространство имеет пределы. Имеет стены, эхо и обратную связь. Принцип “Взять–Дать”, практический разум и рационализм. Потребность для болгарина – чтобы ему все было ясно, понятно. Даже значения имен. Я был поражен: как много здесь значащих имен! Милка, Здравка, Славка (мои двоюродные сестры), Снежана, Рада... Греческие, еврейские и латинские имена здесь славянизированы, переведены славянскими корнями. «Петр» становится Камен, «Серафим» – Огнян, «Константин» – Стоян, «Теодор» – Божидар, Любомир, Драган, Пламен...

А “русский Иван” привык жить с непонятным, и мир для него более иррационален. Он принимает, что “там, наверху, ИМ – виднее”.

А болгарин – рационалист и демократ, он не признает иерархии и в Логосе. Бай Ганю перед профессором Иречком не стыдно.

В болгарской литературе я заметил стиль “Ты-мышления”. В своей книге “Болгарский Космо-Психо-Логос (по Христо Ботеву)”, которая вскоре будет издана, я фиксирую много таких выражений в жанре “ты-мышления”:

Кажи ми, кажи, бедний народе,
Кой в таз робска люлка люлее?

Как будто встретились на перекрестке два болгарина, остановились и разговаривают, подергивая друг друга за пуговицы пиджаков... Тоже и пример “взять-дать”».

Но наряду с академической лекцией и официальной частью церемонии присуждения Г. Гачеву звания почетного доктора не менее показательным был и другой момент тогдашнего его пребывания в Великотырновском университете. На следующий день, 10 ноября, он принял приглашение провести профессиональную встречу-беседу с коллегами-литераторами. Сохранилась ее одночасовая телевизионная запись, хранящаяся в архиве кафедры болгарской литературы. Кроме гостя, в ней приняли участие ваш покорный слуга, проф. Дора Колева, доц. Сава Василев, доц. Тодор Моллов, доц. Иван Станков и доц. Георгий Гырдев.

Как и встречи с другими именитыми писателями, она не была срежиссирована, имела свободный характер. Может быть, это дало Гачеву возможность раскрыть и некоторые новые черты формирования его как культуролога, его самооенок собственной миссии в болгарской и русской литературе. Вопросы, в осуждении которых прошла беседа, были разного характера, рассуждения гостя – чрезвычайно интересные, насыщенные множеством вызванных памятью подробностей и воспоминаний. Я воздержусь от «резюме» затронутых тем, от «пересказа» того, что он тогда поведал. Телевизионную запись встречи-беседы надо действительно видеть, чтобы сопережить и естественное оживление, и профессиональное напряжение в атмосфере этой, может быть, последней, публичной исповеди Георгия Гачева на болгарской земле.

Закончу свои разбросанные заметки, посвященные памяти Георгия Дмитриевича Гачева, тем, чем кончается жизнь человека, но не жизнь его дела, – его нелепой кончиной. Неожиданный телефонный звонок из Софии в ранний послеобеденный час 24 марта сразу же обратился в следующие реквиемные строки, вобравшие в себя безмерную скорбь, преклонение, прочные представления, импровизацию, осознанное потрясение от невозполнимой утраты болгаристики:

«Скорбная весть»

23 марта 2008 года скончался

Георгий Д. Гачев

почетный доктор ВТУ им. св.св. Кирилла и Мефодия».

С пробуждением весны к нам пришла скорбная весть о его внезапной смерти. Он был трудным питомцем традиций русской науки, но профессионально, родовыми корнями и интимно он так глубоко был связан с болгарской литературой!

Георгий Гачев доказал, что и малая литература, как болгарская, может породить и развернуть исключительный масштаб мышления, универсальный философский взгляд на мировую литературу. И своим появлением в 1964 г., и продолжающимся в течение нескольких десятилетий своим живым присутствием в дебатах и исследованиях его книга «Ускоренное развитие литературы» и в наши дни остается примером новаторского подхода и надежных обобщений.

Дух свободный, предельно широкий и всеобъемлющий, Георгий Гачев был не просто одним из последних энциклопедистов, а эрудитом-энциклопедистом *нашего времени*. «Болгарский образ мира», воссозданный им на основе анализа и оценок таких авторов, как Христо Ботев, Димитр Димов, Йордан Радичков, он сумел вписать в систему национальных образов мира.

Прирожденный теоретик, исключительно сведущий аналитик, Георгий Гачев – не одно из рядовых имен в литературной болгаристике. Он – настолько прочно вкопанный пограничный столб в исследовательской практике второй половины XX в., что его концепции и теоретико-эстетические разработки и в наши дни не потеряли всей своей полновесной ценности и служат восприятию болгарской литературы.

Поклон пред светлой его памятью!

24 марта 2008 г.

Велико Тырново

P.S.

Когда я написал этот скромный текст, я вдруг увидел, что нигде, даже в некрологе, не упоминаю его званий – «старший научный сотрудник», «профессор». Я не стал возвращаться к тексту, чтобы их поставить. Просто интуитивно я придерживался убеждения, что Георгий Гачев, как и Михаил Бахтин, в них не нуждаются...

Перевод Г.К. Венедиктова

Надежда Драгова
Портрет Георгия Гачева¹
(написанный в технике коллажа)

Кто такой Георгий Гачев? – Возмутитель спокойствия, заражающий нас бациллами невероятных идей. Они вносили в тогдашнюю закупоренную Болгарию манящий дух открытий мирового масштаба, потому что он совершал их только по лекалам мировой культуры. При проверке – по-академически взыскательной – большинство из них оказывались верными только «в принципе», но мы уже успевали заразиться ими и не уставали его цитировать, а потом продолжали как соавторы (как последователи или противники). И так, *захваченные его неукротимой мыслью, пересмотрели все болгарское национальное Возрождение как мировое явление*. А он благодаря своим болгарским корням соглашался с нами в том, что именно *наше* Возрождение – одно из чудес XIX века. Так несколько десятилетий мы жили Чудом.

Георгий Гачев погиб в результате несчастного случая весной 2008 г. Без него – будем ли мы верить в *наши* чудеса?

Я не общалась лично с этим выдающимся теоретиком культуры, которого называли «Геной» Моката² и искусствовед Венета Иванова, выросшие с ним в одном дворе в Москве как дети болгарских эмигрантов. Так его называет и его «философский» коллега – писатель Йордан Радичков.

Я видела Георгия Гачева только из зала на премьерах в Болгарии его новых книг. (Обычно на них среди публики таилась на задних рядах и знаменитый тренер гимнасток Нешка Рובהва).

На премьерах он выглядел подозрительно обыкновенным. Время от времени он снимал очки, протирал их, потом надевал и снова принимал будничную позу. Я всегда сомневалась, что это истинный портрет. И абсолютно уверилась в этом, когда начала читать еще в рукописи «Неосвященные дворы» Йордана Радичкова – замечательную философскую книгу XX в.: при стольких приснившихся и явных сюрпризах во время пересечения всей «Северно-Ледовитой» России, Радичков никогда не терял остроту взгляда и не упускал из вида своего спутника Гену – переводчика и организатора их маршрутов. Это были 1962–1963 годы; Гене 33 года, что вводит меня в искушение назвать свое эссе «Портрет философа в молодости».

¹ Отрывки из рукописного незавершенного эссе «Портрет Георгия Гачева», начатого в марте 2008 г.

² Прозвище Марии Бойкиксиевой – председателя болгарского общественного движения «Мемориал» (комитета по делам болгар, репрессированных в СССР).

«По дороге я думал – пишет в своей книге Радичков, – что нужно человеку, чтобы он удержался на этом свете и не покатился как простое зерно и не затерялся в бесконечности... Мы с Геной – как удержимся? *Посредством осознанной мысли, как мы часто шутили*» (курсив мой. – Н.Д.).

И отсюда дальше, по дорогам вечной мерзлоты, в белой пустоте мы будем подстергать их, чтобы уловить «их осознанную мысль» – не всегда доступную для наблюдателя-читателя...

«Господь не пашет, не копает – лишь людей соединяет». Эта болгарская поговорка нередко служит концовкой женских баек о случаях, не подлежащих однозначной оценке. Я много раз спрашивала – в сущности, значит ли это что-то определенное, или это просто интерполяция для оберегания упругости интонации, которая может быть разрушена каким-либо неподходящим комментарием?

Но когда я стала читать «Неосвященные дворы», то сказала себе: «Хорошо, что Господь не пашет, не копает...» Потому что, склоненный над мотыгой или над бороздой, он может не заметить двух болгарских чудаков XX в. – одного в северо-западной Болгарии, а другого – в столице России (третий – художник Илия Бешков, когда они выросли, был уже покойником). Божьим делом было их соединить, направить друг к другу, чтобы они пересекли окраины России; друг к другу – чтобы в каждом шаге они «переспрашивали осознанную мысль».

Хочу восстановить хотя бы для себя этот портрет Георгия Гачева, придав ему, используя технику коллажа, и «осознанную мысль» его собственных публикаций. Право на это мне дает то преимущество, что мы относимся к одному поколению – значит, мы росли параллельно, узнавая одну за другой его книги, по поводу которых меня мучит подозрение, что, помимо научного познания, они являются и театром-медитацией, и более всего – самопознанием.

Портрет приступаю писать как и принято – с происхождения «натуры».

Георгий – сын болгарского политического эмигранта, литературного теоретика Димитра Гачева, окончившего свою жизнь в одном из лагерей на Колыме. Его мать – музыковед Мира Брук, вдохнувшая в него веру, что он является наследником восточно-средиземноморской культурной традиции. Любитель формул, о своих биологических генах он написал: «Отец – болгарин из Фракии; мать – еврейка. Болгария + Иудея = Эллада».

Слагаемые в этой задаче придают ему уверенность, что он унаследовал и оба типа осмысления мира: античный, восточно-средиземноморский и балканский с богоискательством (неисчерпаемым

и нескончаемым по закону окружности, ставшей главным кодом первой славянской азбуки – глаголицы).

При таком широком пространстве – реальном происхождении, и при такой еще большей прирожденной эрудиции и фантазии психологических идентификаций – правомерно ли ставить акцент на гачевских болгаро-фракийских корнях, откуда происходил и поп Минчо, которого Гачев помещал на одну ступень с немногими великими болгарскими писателями? (Кстати – я тоже из Фракии).

Остался ли в его сыновней памяти образ реального отца, вырванного из его детского мира и погребенного в бескрайней Сибири?

Что читал в нем Георгий Гачев? – читаем в его бунтарских книгах о болгарском литературном развитии.

А что помнил? – этого мы не узнаем, пока не дойдем до раздела «Снежная пустошь» в книге Радичкова... Их путь вонзился в полярную ночь на семьдесят второй параллели... «У нас была большая комната, заставленная кроватями и рабочими столами с картами. За работой над картами мы застали некоего Стручкова из полярной разведки. Стручков был мужчина в летах, розовый и русый, с глазами добряка... Гена включил радио, попытался найти какую-нибудь музыку, но по всей шкале раздавались только голоса радистов из пролетающих в ночи самолетов... «Далеко, – сказал Стручков. – Вы тут не поймаете ни одной радиостанции кроме разговоров с аэродромами». Мы распихались по кроватям. Гена заснул сразу – он вообще засыпал сразу, стоило ему ощутить под головой подушку».

На следующее утро разговор с писателем вызвал у Стручкова воспоминания: «... история времен Отечественной войны. Тогда я служил во флоте и командовал кораблем на этом же Северном морском пути. Видите «рыбу» – [это нарисованная им карта с дорогами], что между Леной и Колымой. Лена – на западе от нас, Колыма – на востоке. Однажды между Колымой и Леной мы попали на невероятные рыбные косяки... Это был как раз сезон нереста. Я попросил разрешения остановиться на три дня... Рыбы было много, поэтому я обратился в ближайший из лагерей. Лагерь был из колымских, недалеко от океана... Я поехал в лагерь выбирать подходящих для работы людей».

– А вы не заметили смуглого человека с прямыми и жесткими волосами? – спросил Гена со своей кровати. Он уже проснулся и сидел, вглядываясь в Стручкова и одной рукой нашаривая очки, без которых он плохо видел.

– Какого смуглого? – спросил его в свою очередь Стручков.

– Мой отец был в Колымских лагерях, – сказал Гена.

– Смуглые были, всякие были, – сказал Стручков. – Я их внимательно не рассматривал»...

В прерванном вопросом Гены рассказе следует самая болезненная для рассказчика часть – как украинцы просили остаться хотя бы еще на один день.

«Мы выгрузили их на сушу, и тогда эти мужчины разрыдались... потом стали нас проклинать... Много лет подряд, стоит мне начать есть икру, сразу же возникают стоящие напротив меня украинцы, размазывая текущие по щекам слезы».

Мы присутствуем при мужском разговоре, который раскрывает неожиданные тайны: в незащищенной промежутке между сном и пробуждением – Гена выдает свою сокровенную надежду, что если он отправится как переводчик по неосвященным дворам, он встретит людей, которые видели на Колыме его отца, пока тот был еще жив. Радичков из мужской гордости скрывает прослезившиеся глаза Гены; заставляет поверить, что тот очень долго протирал очки.

После разоблачения – мы пойдем за Георгием Дмитриевичем рядом с ним – вместе будем прислушиваться к кому-то, кто мог его видеть. А Радичков смягчает потревоженную сыновнюю горечь примирительным заключением: «Мой отец был не так далеко на севере, – сказал Гена, – его могила находится южнее». Он нащупал очки и стал медленно их протирать платочком».

В последующие встречи Гена больше не произнесет своего вопроса, потому что уже прозрел, как обезличены осужденные: «Какого смуглого? Смуглые были, всякие были...»

А Радичков одним взмахом пресекает надежду – начало 7-ой главы: «В снежной пустоши нет эха». Жестоко, но целительно безапелляционно. Он сам чувствует неловкость от того, что причинил боль, и пытается плести нечто о каких-то физических законах, о невозможности существования там эха. Но приговор должен остаться в начале главы. Он стоит особняком, чтобы еще более утвердить свою значимость. А мы уже расшифровали, в каком эхе им отказано.

Впоследствии в творчестве Радичкова эхо как метафора попадает и на сцену Театра сатиры в Софии – в напрасных усилиях его комедийных героев. С надеждой, что их услышат за рекой, они один за другим и все вместе надрываются: «Э-х-о-о-о». Воцаряется тишина, и один из них объясняет ее: «Эхо сказало “тсс”». Другие соглашаются: «Болгарское эхо чаще всего говорит “тсс”!»

Какое родство между эхом в России и нашим! А в Тирольских Альпах эхо – музыка, беседа каждой тропинки с каждой вершиной: «Ой-ла-ри-пи-и-и», переходящая в трели.

В вечной мерзлоте нет эха – предупреждает Радичков и тогда, когда мы уже забыли его физические увертки. А Высоцкий в песне раскрывает нам истинную причину – люди убили эхо, и вершины – беспомощные свидетели их злодеяния, плачут каменными слезами. Рефрен о слезах повторяется три раза.

...Оформился групповой портрет Георгия Гачева, Йордана Радичкова и Владимира Высоцкого – оцепеневших из-за отсутствия эха, с чем они никогда не примирятся – ни прослезившиеся глаза Гены, ни вершины с каменными слезами. И радичковские герои не утешатся успокоением: «Не то, чтобы нет болгарского эха, а просто оно чаще всего говорит “тсс” – а это не услышишь».

... *Полярная звезда – заявленная цель паломничества.*

Ради нее двое путешественников добираются до самого Ледовитого океана и по ритуалу готовятся к встрече:

«У нас было немного спирта, взятого из Якутска по совету Шамшурина, но мы хранили его как неприкосновенный запас... После долгих разговоров и обмена выразительными взглядами мы покусились на НЗ, а потом снова вышли наружу и шатались до полуночи по улицам Тикси, глядя, как дышит океан, как облака плывут по улицам, как бессмысленно вертится огонек маяка, тщетно пытаюсь проникнуть в снежную массу. Так и мы блуждали вперед и назад с надеждой, что облака рассеются, и мы сможем сквозь какую-нибудь щель мельком увидеть Полярную звезду. Мы знали, что она здесь, где-то над нами, но сколько ни вглядывались, ни одного звездного луча от неба не шло».

Стручков, желая утешить их из-за несостоявшейся встречи, «хотел свозить нас на полярную разведку на 80 параллель, почти под самым носом Северного полюса, но погода была нелетная».

Только в Тундре облака и вихри отступают, чтобы представить им «Полярную»:

«Звезда, звезда! – крикнул эвенк, что был на улице, и мы все вышли смотреть на Полярную звезду.

Она была прямо над нами. Мы стояли с Геной перед чумом, здоров головы вверх, словно в первый раз видели звезду. Было немного странно, что мы видели ее не такой, как привыкли видеть, и Малая Медведица висела, привязанная почти к центру небосвода».

Ритуал снова не состоялся. А потому небесное чудо «накрывает» их, совсем не готовых, в подножии Верховянского хребта:

«Говорю, что зрелище было безумное благодаря своим масштабам. Здесь не было высоких облаков, но небо выглядело фантастично, потому что просвечивавшее сквозь них солнце было не огненным шаром, а самим куполом вселенной. Солнце стояло на небосводе, протянув издалека свой свет, и *каждый луч стоял как колонна* (курсив мой. – Н.Д.). С помощью этих светлых колонн оно крепилось к земле, и весь вид напоминал небесную юрту, а само солнце возвышалось наверху, как потолок юрты или как отверстие в ней, через которое мы должны были смотреть на шаманского бога».

«... Тут я почувствовал, как мысль достигает только до какого-то определенного места, ожидая, что будет остановлена некой преградой, но преграды там не было, и она должна была скользнуть дальше и нырнуть в облачные полосы, и взобраться по серебряным, полным ослепительного блеска вершинам, потом продолжить путь еще дальше и начать взбираться по солнечным колоннам – от заржавленной земли и до самого солнца. Знаю, что человеческая голова тесна и мала для движения мысли; движение мысли в тундре казалось мне детскими усилиями объять эту необъятность. Хорошо, что ветер разрушил все это и убавил красоту зрелища, мы попали снова в замкнутый круг, но мои мысли остались разбросанными, и я не знал, как их снова собрать, чтобы были у меня под рукой...»

Радичков – пленник зрительного восприятия, в то время как мысли его продолжают разбегаться. Ему не спится и воображается: «вот в одну из ночей моей жизни я лежу в чуме под самой Полярной звездой... Снег потихоньку загасил огонь, спящее, разбросанное под кожей человечество побледнело, и я увидел наверху шаманского бога; он сидел в отверстии и болтал ногами, рассеянно глядя на спящих. Ты не спишь? – спросил он меня.

– Не сплю! – сказал я ему. Одного бодрствующего достаточно, – сказал он мне, – тогда я пойду. Он сказал это и скользнул по покатым стенам жилища».

Перед этим, пока Радичков под солнечным куполом объяснял невозможность какой бы то ни было мысли, я спешила понаблюдать за действием магии на обоих: Гена стоит окаменевший, перешагнувший уже в новую сферу прозрений; Катапультированный первичным метафизическим неподдающимся определению в тот момент состоянию (неузнаваемое в этот миг состояние) и помещенный в предначертанное ему пространство Космополиса.

Этот сеанс – библейски масштабный – приносит им непознанную ясность – естественно, и солнечную, и звездную, но и богоискательскую. *Поражает их как откровение.* А ведь и небесные откровения в Библии продиктованы земным мужам.

Радичков, не стесняясь (как апокрифический святой Исайя), сообщает нам, что видел шаманского бога и еще – что в разговоре с ним бог заповедал ему заместить его в бдении над спящими.

А Георгий Гачев долгое время будет носить в себе это зрительное восприятие, пока не сформулирует его «академично» в программной книге «Космос, Эрос и Логос в России» (здесь кавычки от слова «академично» отражают шутливое определение Радичкова).

Неосознанная мысль под солнечной юртой передает ему императив **ОСЕНЕНИЯ**, что космическая ось «Земля–Небо» проходит через Я. «Я» есть не только точка в отвесной прямой линии, но и нервный узел в соединительной ткани между «ржавой» планетой землей и бездонным небом. А мы, читатели книги, уже узнаем двоих – две точки ЭГО (Радичков и Гачев), два возможных звена в соединительной цепи.

Когда он формулировал эту свою мысль – в ту же минуту или потом (это тоже важно, и я постараюсь чуть позже это уточнить), но «нечто», случившееся тогда, в ту же минуту – есть постижение **ВСЕ-ОБЪЕМЛЮЩЕГО ПОЗНАНИЯ** – единого, а не составленного из чувственной, эмоциональной и интеллектуальной частей.

Лично я и несколько моих знакомых встретили эту книгу настроенно: чему верить и с чем не соглашаться? Бесспорно, что здесь имела место культурология – типа «космополиса». Но внутри нас продолжали веять незримые суховеи идеологического пуризма, а снаружи еще бдительно рыскали его официальные блюстители. Я поспешила сунуть «под подушку» книгу С. Тульмина «Космополис. Скрытая программа современности», в которой рассматривается и проясняется совокупность *cosmo-polis* как современной почвы для осмысления социальных практик в лоне окружающих их природных феноменов, которые являются местом их сотворения и взрачивания.

При первом прочтении книги Гачева читателя поражает чрезмерное привязывание в ней Эроса к основным космотворящим энергиям (ныне, и чем дальше, тем больше, мне это кажется дилетантством). И с раскованностью сверстников Гачева мы даже подсмеиваемся над его сознательным сужением исследуемой территории до пределов России из-за опасения, что в противном случае он будет заподозрен в попадании под гипноз мифов о болгарском сексуальном суперменстве.

Один Радичков не разделил бы наши придирки, потому что был свидетелем того, каким образом у Гачева возникло подобное убеждение. Тогда они были вместе:

На ферме-тюрьме для стареющих маралов

Эта глава в книге просто потрясающая! (Она помещена в разделе «Южное направление», с. 366–370).

Маралы – это олени, гораздо крупнее северных, с широкими рогами.

«...мотор затих, и в тишине мы услышали чей-то отчаянный вопль. Он был почти человеческий, отовсюду неслись стоны, чей-то крик перекрывал другие и пресекался внезапно, словно невидимая рука ударяла по невидимому лицу этого крика...»

Почему заперты здесь эти маралы и почему они слоняются и стонут в этом огороженном месте, даже не глядя на еду? Они заперты здесь, потому что сейчас у оленей – любовный сезон. Это старые маралы. Они не должны больше давать потомство... Осужденные проведут здесь весь любовный сезон и будут отпущены снова на свободу, когда кровь утихнет в их жилах и когда каждая самка почувствует, что под сердцем у нее уже прорастает новое семя, и с богородичной кротостью станет гулять по лесу.

...Марал, стоявший поблизости, понесся к ограде, передние ноги его были поджаты под грудь, задние – еще сопротивлялись земному притяжению. Он не сумел перескочить ограду, ударился мордой и упал на колени, но сразу же поднялся. Морда его была окровавлена.

Если кому-то из оленей удастся перескочить через эту ограду, говорят алтайцы, значит, он еще может. В таком случае мы его не трогаем – пусть себе бродит по горам...»

«Гена разбежался, в шутку, конечно, чтобы перепрыгнуть через ограду, и схватился руками за нее. Военная служба учит каждого мужчину лазать по дощатым оградкам словно белка. Гена показал себя настоящим ловкачом, и олени, заглядевшиеся на него, вероятно, очень ему завидовали, что не могут карабкаться по заборам, подобно людям. Если потренироваться, произнес Гена, может, когда-нибудь и перепрыгну. Перепрыгнешь, сказали ему алтайцы, но только если у тебя будет любовный период...»

В продемонстрированной, словно в шутку, имитации – мы снова узнаем неумность Гены, стремление войти в образ и испытать все, что попадается им по пути.

Потом, когда они продолжают движение по намеченному маршруту, еще долго будут слышать отчаянные крики маралов. И впервые

при «осознании мысли» происходит взаимное отдаление двух «памятников». Радичков – художник и народный мудрец, остается в человековедении – эмоционально сопричастный, он сравнивает страдания людей и животных. А Георгий Гачев уносит свое воспоминание в выси стихии, которая не должна быть на уровне человеческого роста. И постепенно, с годами, начинает осмысливать ее как космотворящую. Откуда она внушена ему – эта масштабность? Не тогда ли, когда он имитирует затворника Эроса, который пытается вырваться наружу, преодолев дощатый забор? Непременно там, повиснувший на одной из досок ограды! С высоты этой ограды для маралов и от их криков он прозревает Эроса-стихию. После долгого осмысления, в своей поздней книге он выскажет убеждение и докажет нам, что стихии не поддаются классификации – ни по-декадентски разрушающие, ни по-небесному созидающие. Они существуют без иерархии – равнопоставленно космотворящие.

Саму эту книгу я перечитаю заново вплоть до последних штрихов его портрета – после того, как уловлю все видимые жесты автора со времени «Неосвященных дворов», то есть перед ее написанием. Туда же я отношу и впечатления от посещения ими худжирского шамана, которого оба они изучают, с которым разговаривают о людях, болезнях, о Боге и о дьяволах, что опрокидывают повозки, и о том, как потом они плывут вместе на моторке и возвращаются пешком... Там нас ожидает и самый трудный штрих в портрете (соответственно из философской книги) – присутствие ЛОГОСА.

Не будем забывать, что Радичков еще в сцене со штабом полярной разведки нас предупреждает: «Гена был очень удивлен и поражен Севером. Будучи скитальцем по натуре, он сохранил в себе всю домашность Москвы и не подозревал, каким может быть Север, и его представления о нем разрушились в первый же день».

И, путешествуя по книге Радичкова, мы увидим, как Георгий Гачев предпринимает новую оригинальную попытку вновь построить разрушенное представление о Севере. А во всей гачевской книге «Космос, Эрос и Логос России» – как автор пытается на этом материале построить модель человека и универсума.

Перевод Е.В. Амановой

Стефана Таринская

Георгий Гачев и Болгарское возрождение

Георгий Гачев и Болгарское возрождение – литературоведение Болгарии имеет основания поставить эту проблему. Русский ученый Георгий Дмитриевич Гачев давно вошел в историю болгарской возрожденческой литературы, но давать общую оценку его деятельности все еще рано. Здесь – с позиций современника и непосредственного свидетеля – мы напомним о восприятии у нас его первого болгаристического труда.

Вклад Г. Гачева – и это следует снова особо подчеркнуть – в том, что он решительно направил теоретическое осмысление Болгарского возрождения к европейской культурной модели. Его книга «Ускоренное развитие литературы. На материале болгарской литературы первой половины XIX в.» (М., 1964) в моем сознании остается прежде всего как теория принадлежности новой болгарской литературы к европейскому типу развития. Г. Гачев представил в принципе правдивую концепцию нашей современной культуры на базе литературы, что дало ему основание (формальное) поставить новую публикацию своего труда – уже на болгарском языке – в более общие рамки под заглавием «Ускоренное развитие культуры» (1979) без изменения смысла теории.

Европейская принадлежность возрожденческой литературы, естественно, не была новой идеей – история болгарской литературы и культуры основывалась на таком же понимании, но автор ускоренного развития облек ее в ясную и привлекательную теоретическую формулу. Основополагающие труды наших «буржуазных» ученых в 50-е годы XX в. официально навязанными марксистскими догмами были поставлены под сомнение. Следующее десятилетие началось с относительного отрезвления. Книга молодого русского ученого включилась в оживление умов у нас и была встречена, особенно новым поколением, с большим интересом. Термин «ускоренное развитие» быстро вошел в литературоведческие тексты и прочно закрепился с тем же принципиальным содержанием приобщенности к европейской культуре и презумпции отсталости от нее по времени. Способности автора к теоретическому синтезу и литературоведческому анализу, дуновение обновления и жажда идей, возвышавшихся над узко понимаемым историческим материализмом, поддерживали интерес к его труду. Лично я в свое время восприняла его и как авторитетную реабилитацию – все же она исходила со стороны русской науки – крупных болгарских литературных историков прошлого.

Возражения первых оценок (да и позднее) – я говорю о восприятии труда в Болгарии¹ – носили двунаправленный характер: исторические – автор не объясняет убедительно некоторые особенности исторического процесса и теоретические – замечания, касающиеся европоцентризма модели.

Исследование Гачева оживило теоретическое мышление, пробудило интерес к генеральным тенденциям в литературной эволюции, вызвало споры и рассуждения о термине «возрождение» и его приложимости к болгарской истории, а также теоретические видения несколько иной модели развития – труд Б. Ничева «От фольклора к литературе в эстетическом развитии южных славян в XVIII и XIX в.» (1971). Книга В. Смоховской-Петровой «Национальное своеобразие литературы Болгарского возрождения» (2003), которая, к сожалению, по не зависящим от автора причинам увидела свет через двадцать лет после ее написания, в известном смысле также является репликой на теорию ускоренного развития.

Сегодня любопытно посмотреть на обобщенное восприятие труда Г. Гачева сразу по выходе его в свет. Одобрение и принципиальное согласие с теоретической схемой в рецензиях сопровождается многими возражениями по конкретным вопросам, по которым каждый из рецензентов выдвигает различные доводы; трудно выявить общее в их точках зрения. Каждый воспринимает основной тезис через собственные предметные представления. Даже в отзыве Т. Жечева, горячего сторонника теории ускоренного развития, убежденного в том, что эта теория наиболее адекватным образом объясняет возникновение и начальное развитие новой болгарской литературы, конкретные замечания делаются в сущности с другой позиции – с точки зрения запаздывания, отставания, породившего «слабости» нашей литературы. И именно Т. Жечев, выразитель молодой литературной критики, главное достоинство этой книги увидел в ее соотношении с европейской традицией.

Проблема ускоренного развития не осталась без внимания Г. Гачева и в последовавшие десятилетия, вопреки его заявлению,

¹ См.: Жечев Т. Опит за теоретическа история на литературата // Литературна мисъл. 1965. № 4; Смоховска-Петрова В. Бележки върху книгата на Г. Д. Гачев «Ускоренно развитие на литературата» // Там же; Таринска С. Ускорено развитие и исторически процес // Литературна история. 1977. № 1; Диневков П. Забележителен научен труд // Ускорено развитие на културата (предговор). София, 1979; Анчев П. «Ускореното развитие на културата» от Г. Гачев // Литературна мисъл. 1980. № 4; Ив. Р. [Иван Радев] «Ускоренно развитие на литературата» // Енциклопедия на българската възрожденска литература. Велико Търново, 1997. С. 738–740; и др.

что в истории его уже интересует не движение, а стабильность и прочность, и появлению его исследований национальных образов мира – другого большого проекта, столь же масштабного по замыслу (здесь приходит в голову сравнение с «Всенаукой» д-ра Петра Берона, которое ему дал П. Динев²).

Научные разыскания Гачева следуют направлениям европейской гуманитарной науки и ее отношениям с коммунистической идеологией. Рост интереса к культурологии в СССР в 70-е годы я бы связала со вторым изданием «Ускоренного развития литературы» (сначала на болгарском языке) в контексте болгарской научной мысли, а позднее, когда позволили обстоятельства, и в России³. Внимательный взгляд замечает, что теоретическая постановка проблемы обдумана им заново, и ученый по-прежнему убежден в ее действенности. Он постарался ответить на критические возражения, но не полемикой, а уточнением теоретических деталей (структура модели, философия отношения теория – история) и приведением дополнительных аргументов из литературы других народов. Автор не вносит существенных изменений в первоначальный текст, правильно решив, что труд должен остаться таким, каким он появился в своей органичной целостности. Уточнения сделаны в послесловии. Новые моменты содержатся еще в болгарской версии труда. Заглавие книги «Ускоренное развитие культуры» и исследования, добавленные во второй ее части, имеют целью утвердить модель и показать возможности ее широкого приложения. Новый подзаголовок «Опыт теоретической истории болгарской литературы первой половины XIX века» подчеркивает теоретическую природу исследования, которая должна была бы отграничить его от жанра (и от претензий) традиционной истории литературы. Идейная сторона усилена и специальным разделом, введенным под заглавием «Теоретическое содержание»; его текст отчасти выступает как аналитическое разъяснение содержания первого русского издания, но здесь он значительно расширен, переработан и представлен в сноске как «своеобразный научный труд, а не просто конспект» (во втором русском издании он сочтен неуместным и здесь ему снова отведено более скромное место аналитического содержания в каждой главе). Стремление ученого разъяснить и уточнить теорию, изложенную более 20 лет назад, очевидно и эффективно, но от этого она, на мой взгляд, не становится более совершенным инструментом изучения болгарской литературы. Интерес к ней начинает ослабевать.

² «Г. Гачев унаследовал ... кое-что ... от стремления Берона овладеть сущностью и глубинами мира» (Динев П. Указ. соч. С. 9).

³ Гачев Г. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М., 1989.

Думаю, что теория ускоренного развития в настоящее время – это уже история. Новое издание «Ускоренного развития культуры» (2003; дословная перепечатка) едва ли ее актуализирует при изменившейся парадигме общественных наук. Но кто знает? Со временем идея может возродиться, как это произошло с историческим феноменом, для объяснения которого она была создана.

Вспоминаю увлечение, с которым я прочитала «Ускоренное развитие литературы», эмоции, которые, наверное, чувствуются и в этих строках; их не вызвали следовавшие за ним другие труды русского ученого, но он всегда поражал меня новыми и оригинальными наблюдениями, которые заслуживают того, чтобы их проследить и обдумать. Хотя я и не разделяю его доверия к саморазвитию и самозарождению литературных форм и считаю, что в ходе развития болгарской культуры нет перерыва, его исследования были мне интересны и полезны. В труде Г. Гачева о Болгарском возрождении дается правдивый анализ и оценка конкретных деятелей и процессов эпохи. И сегодня историку литературы полезно ознакомиться с его рассуждениями о Неофите Бозвели или Петре Бероне как выразителях идей Просвещения; интересны страницы о Найдене Герове как зачинателе современной поэзии; любопытные заключения сделаны им из анализа «Истории славяноболгарской» и «Жития и страданий грешного Софрония». В более поздних работах Г. Гачева я бы отметила вживание в поэзию Христо Ботева, подход к ее многопластовому богатству и философской глубине⁴.

Я верю, что благодаря оригинальному вкладу в болгарскую гуманитарную науку, идеям о Болгарском возрождении и его творцах имя Г. Гачева останется в одном ряду со значимыми для нашей науки именами русских ученых-славистов XX в.

Перевод Г.К. Венедиктова

⁴ Гачев Г. Българският Космо-Психо-Логос (По Христо Ботев). София; *Его же*. Българският образ на света в поезията на Ботев // Септември. 1989. № 1.

Элка Константинова

«Отец мой во мне»

Думаю, что наибольшая удача в моей жизни – мои близкие знакомства с необыкновенно благородными людьми, настоящими интеллектуалами: болгарами, русскими, поляками, немцами. Мне удавалось жить содержательной жизнью благодаря духовному общению с такими личностями, как Георгий Дмитриевич Гачев, обладавший глубокими познаниями и оригинальными идеями культурологического характера.

В 60–70-е годы прошлого века моими ближайшими друзьями были профессора Института литературы Болгарской Академии наук: Тончо Жечев, Крыстё Куюмджиев, Здравко Петров. Мы обедали вместе почти ежедневно в «Видинской встрече» – скромном ресторанчике на ул. Раковского напротив отделения СПС¹ – теперь он превращен в роскошное заведение. К нам часто присоединялся незабвенный Цветан Стоянов, сразу же резко повышая своим присутствием интеллектуальный уровень наших бесед. Он глубоко и основательно знал русскую и западноевропейскую литературы, писал о Достоевском, мудрости древних мифов, об отчуждении в западной литературе... и его крайне волновали сочинения современных российских диссидентов и особенно нашего близкого друга из Москвы Георгия Дмитриевича Гачева.

Мы называли его Геной. У него не было привычки ходить по заведениям и прикладываться к рюмке. Он предпочитал приходить к нам в гости домой, рассказывал о своих новых работах и об очередных выступлениях русских диссидентов, жадно расспрашивал обо всем, что происходило в современной литературной жизни Болгарии. Гена всегда был хорошо осведомлен о новинках культурной жизни России и Европы; ему хотелось все знать и о нашей современной культуре. На болгарском языке он говорил с акцентом, но производил впечатление богатством словарного запаса литературных и диалектных слов. Очень часто Гена вспоминал своего замечательного отца, цитировал его мысли об эстетике, музыке и литературе. Рассказывал он нам и о самом отце, огромный архив которого был им сохранен и систематизирован. Значительную часть этого архива Гена передал мне и моей близкой подруге Мери Лукановой – племяннице Крыстё Раковского, и мы много лет его обрабатывали. Из него мы почерпнули об этом незаурядном болгарине много ценных сведений:

¹ СПС (болг. «СДС») – современная болгарская политическая партия Союз Правых Сил.

о том, что он родился в Брацигово, учился в своем родном городе, в Льеже, Гарвере, Париже, окончил Московскую консерваторию и стал музыковедом с мировой известностью – музыкальным историком и философом. Дмитрий Гачев был верным учеником Димитра Благоева, стойким социал-демократом. Среди его наиболее ценных теоретических трудов – «Ромен Роллан – художник-музыкант», «Декарт и эстетика», «Стендаль о музыке» и «Наследие Вагнера». Особой ценностью обладает его книга «Эстетические взгляды Дидро»...

В 1928 г. Дмитрий Гачев женился на русской еврейке Мире Брук, вращавшейся в среде русских интеллигентов и занимавшейся интеллектуальным творчеством. Через год у них родился сын Георгий, бывший их единственным ребенком.

24 февраля 1938 г. в результате полностью сфабрикованного обвинения Дмитрий Гачев был арестован и сослан на Колыму, откуда он писал свои письма жене и сыну, а затем умер там 17 декабря 1945 г., не выдержав ужасных условий страшных сталинских лагерей.

Этот высокообразованный, невероятно талантливый и трудолюбивый искусствовед, мыслитель, философ искусства, музыковед, общественник и видный в прошлом представитель болгарских социал-демократов возлагал на сына большие надежды, непрестанно его ставил и тщательнейшим образом следил за его интеллектуальным и духовным развитием. Он писал сыну многочисленные длинные и полные поучений письма, подписывая их неизменно «Твой отец Дмитрий».

От своего «сыночка Геночки» отец регулярно получал в ответ такие же длинные письма, в которых тот подробно рассказывал все о себе, о прочитанных им книгах, о том, что сейчас читает, о регулярно посещаемых концертах и о всем, что его волнует и интересует.

Из этих писем становится ясно, что еще в школьные годы Георгий много читал и постоянно ходил на концерты и оперы. Отец даже переживал, что Геночка чересчур много читает и совсем не гуляет на свежем воздухе. Он ставил ему в пример древних греков, которые уделяли физическому воспитанию детей много времени, чтобы те обогатились духом и стали всесторонне развитыми личностями. Отец беспокоился, что сын не занимается спортом, советовал ему кататься на коньках и лыжах, играть в волейбол и плавать, чтобы «закалиться как сталь». Отец мечтал дожить до того времени, когда Геночка будет блестяще исполнять произведения Баха, Моцарта и Бетховена... и когда они будут вместе музицировать – он на флейте, а сын на фортепьяно.

«Боюсь только, – писал Дмитрий Гачев своему единственному сыну, – уж не трать ли ты большую часть своего времени на книги, вместо занятий музыкой. Книги могут подождать, а музыка усваивается лучше всего именно в твоём возрасте (речь шла о том периоде, когда Геночка учился в начальной школе).

В богатой переписке между отцом и сыном можно проследить духовное мужание Георгия Гачева, его успехи в повышении уровня литературной образованности и музыке. Отец наставлял сына, призывал его к получению солидных и всесторонних знаний в этих областях культуры. Он призывал его «пойти по пути профессионализации» и сразу же после окончания школы поступить в высшее учебное заведение.

Гена научился от отца дисциплине чтения, работы пером и игры на музыкальных инструментах. Отец настаивал на том, чтобы сын настолько основательно овладел иностранными языками, чтобы мог свободно читать художественные произведения немецких, французских и английских авторов в оригинале, не прибегая к словарю; кроме того, Геночка должен был брать уроки у репетиторов для обучения «живым разговорным языкам». «Подумай только, – писал ему отец, – читать в оригинале Шиллера, Гете и Гейне или Байрона, Шекспира и Диккенса, или Расина, Стендаля и Гюго – какое это счастье и радость, какое это редкое, высшее, эстетическое наслаждение».

Гена читал первоисточники в оригинале – в первую очередь болгарские. Поэтому и были у него столь богатым запас болгарских слов и столь грамматически правильная болгарская речь – родная для его отца.

От отца он усвоил привычку каждый день читать и писать, мыслить и непрестанно самообразовываться. И всегда он читал в оригинале. В четырех изданных им книгах² (первая и вторая из них были переведены на болгарский язык) впечатляют не только блестяще защищенные автором оригинальные идеи и тезисы, но и его огромные познания в области эстетики, литературы и музыки.

Гена был всего на три года старше меня, но казалось, что он жил, учился и читал еще целых три жизни. Он фундаментально изучил русскую и болгарскую и другие славянские литературы, а также литературы французскую и немецкую. Он овладел ими еще в Московском университете, но не престаивал осмысливать их все более глубоко.

Он унаследовал от отца невероятную работоспособность и неутолимую жажду все новых и новых знаний.

Тончо Жечев и Крыстё Куюмджиев называли Гену гением, который всегда способен удивить собеседника чем-то новым. Свою способность к чужим языкам он унаследовал также и от матери, владевшей французским и немецким и блестяще защитившей диссертацию о Бизе. Чтение в семье Гачевых было возведено в культ. Много читала

² См.: Ускоренное развитие литературы. М., 1964; Содержательность художественных форм. М., 1968; Любовь. Человек. Эпоха (Размышления о повести «Джамиля» Чингиза Айтматова). М., 1965; Жизнь художественного сознания. М., 1972. – За первую книгу Г.Д. Гачеву была присуждена национальная премия Болгарии им. Паисия Хилендарского.

и супруга Гачева Светлана, а две их дочери с детского возраста брали уроки немецкого и французского, хорошо говорили по-болгарски.

Георгий Гачев следовал его советам и до конца жизни сохранял пиетет к личности своего отца. В статье «Мой отец и его образ», написанной в 1962 г., он воскрешал свои детские воспоминания, рассказывая, каким добрым и веселым человеком был его отец, вспоминал о его «пушистом сером джемпере» и «больших красно-черных полуботинках». Он писал о том, как однажды отец рассказал ему о нубийской царской дочери Аиде, которая была захвачена в плен и безумно влюбилась в главного полководца, и как после этого ужасные черные жрецы замуровали влюбленных заживо... Он вспоминал как отец его, будучи альпинистом, уезжал на Кавказ, как они вдвоем катались на коньках на местном катке и как они дружно жили вдвоем. Он вспоминал как часто у них звучало пианино; о «серебряных трубах органа»; вспоминал как отец с друзьями «красиво говорят, рассуждают и спорят» о музыке, о Коминтерне, о писателях и о горах таинственной Болгарии, «откуда происходил мой отец и бабушка, и особенно болгарские кушанья, и джемпер, и пестрые ковровые дорожки, которые можно было изготовить из любых старых тряпок...» Вспоминал об особенностях акцента и говоре родственников по отцовской линии.

Мать Гены писала о своем сыне, что он любил слушать, как отец поет песню «Красив ты мой лес» и его рассказы о болгарских горах.

Гена очень часто говорил о своем отце и в связи с ужасами сталинских лагерей смерти. Рассказывал и о большевистском режиме, при котором продолжают все жить в СССР, о духовном противостоянии и борьбе советских диссидентов. Он завидовал нам, потому что мы живем в Болгарии, что у нас есть верные друзья, с которыми мы можем говорить абсолютно свободно без всякой опаски. Но не только за это любил Гена Болгарию, а главным образом потому, что отец его был болгарин и успел взрастить в нем культ к Болгарии, ее культуре и природе, к благородству болгарского характера.

Исключительно чувствительным и сентиментальным человеком был Гена Гачев. И был очень привязан к своим друзьям. Он основательно разбирался, но не переставал изучать и испытывать волнение от неповторимого в художественном сознании крупных творцов, от содержательности созданных ими разных художественных форм, от связей художественного мышления с историческим мышлением и экзистенциальным бытием различных народов, задавался вопросом, как и почему сменяются художественные течения и жанры у болгар, русских, французов и немцев.

Он глубоко знал эстетику и философию Европы, России, Болгарии и был непоколебимо убежден в правильности своих оригинальных

концепций и теорий. Гена всегда жил напряженной интеллектуальной жизнью, и это делало его чрезвычайно интересным для всех окружающих, слушающих его и узнающих все глубже.

Семью Гены я знала не только по Софии. Я видела как она жила в Москве, если жилье их можно было назвать «московским» вообще – на столь далеко оно находилось от центра столицы. По моим прошлым впечатлениям, они жили в далеком пригороде Москвы, куда было трудно добраться.

Квартира их была тесной, забитой книгами и рукописями; в комнате стояли лишь пружинные кровати и письменные столы с множеством книг и папок. Жили Гачевы крайне скромно (по тогдашним моим болгарским представлениям), но чувствовали себя счастливыми. Они радовались каждой новой купленной книге, пластинке или подаренной картине; воодушевленно обсуждали взволновавшие их спектакли, фильмы, концерты. Я ни разу не слышала, чтобы они жаловались на безденежье или тяготы жизни. Они были по-настоящему счастливой семьей! Типичная русская семья интеллигентов, для которых материальные блага были чем-то далеким и малопривлекательным.

Когда Гачевы приезжали в Софию, они приходили ко мне в гости, наша квартира казалась им роскошной, и они искренне этому радовались.

Гена был убежден, что его отец направлял его духовное развитие, что непрерывно его воспитывал своими регулярными длинными письмами, полных озабоченности, ценных советов и знаний. Он помнил содержание многих отцовских писем и был глубоко убежден, что они сыграли главную роль в формировании его человеческого и творческого облика. Из всего того, что Гена рассказывал мне об отце, я вынесла убеждение, что он осознанно шел по проторенному отцом пути и, подобно ему, готовил себя к миссии ученого-гуманитария и исследователя литературы.

Восторженный почитатель классической музыки, он находил время следить и за выступления болгарских музыкантов. Мы разговаривали с ним не только о болгарской литературе, но и болгарской музыке: особенно о Панчо Владигерове и Андрее Стоянове, которые в 40–50-х годах прошлого века были очень близкими друзьями моего дяди Николая – поэта Николая Лилиева. С последним я жила некогда в одном доме, принадлежавшем моему деду по матери Минчо Чакырову – школьному инспектору по литературе в Старозагорском округе. Панчо Владигеров, композитор с мировой известностью, вместе

со своей матерью, женой и сыном по имени Сашо часто приходили в наш дом, расположенный в квартале Горный Лозенец на ул. им. Мерхамлха (ныне – ул. им. Н. Лилиева). Гена захотел увидеть этот скромный двухэтажный дом с большим садом, в котором было множество фруктовых деревьев и цветов и когда-то регулярно собирались сотрудники журнала «Златорог» во главе с Владимиром Васильевым – близким другом нашей семьи.

Гена интересовался всем, что было связано с жизнью болгарских интеллектуалов. Я рассказывала ему о своем дяде, о Владимире Василеве, Ангеле Каралийчеве, Асене Разцветникове, Николе Фурнаджиеве... Сама же чаще всего спрашивала Гену о его отце. В его детском сознании навсегда запечатлелись воспоминания, связанные с отцом и такими важными, влекущими к себе мирами, как «Коминтерн, музыка, писатели, горы и полная тайн Болгария, где в борьбе пало много героев».

Гену беспокоил его русский акцент и иногда он говорил со мной по-русски, а я отвечала ему по-болгарски. Он говорил, что все крупные писатели были мастерами художественного слова, классиками языка. Он возмущался небрежным отношением некоторых авторов к художественной форме – «что было столь же пагубно, как и бедное содержание».

Я очень гордилась своим близким знакомством с Геной Гачевым и его семьей. Они интересовались всем, что было связано с современной культурной жизнью Болгарии. Я старалась известить их о появившихся у нас новых интересных книгах, театральных постановках, концертах в центральном зале «Болгария». А о прошлом нашей национальной культуры Гена знал больше, чем многие болгарские интеллигенты.

Перевод И.И. Калиганова

Кирил Топалов

Задача – Гачев

Когда два-три десятилетия тому назад талантливый болгарский переводчик произведений Пушкина и других русских поэтов-классиков Григор Ленков улетел из одной петербургской (тогда – ленинградской) больницы в лучший из миров при невыясненных обстоятельствах, мы встретили это известие, как страшное, нелепое и, может быть, случайное. Когда позднее грузовик унес в тот же мир дочь крупного ученого и друга болгарской культуры Дмитрия Сергеевича Лихачева, который рассказал людям об исключительной роли староболгарской литературы для культурного прогресса славянского и особенно русского мира, мы тоже приняли это известие, как страшное, нелепое и, опять-таки, возможно, случайное. Но когда пришла весть о том, что вновь катастрофа унесла в иной мир другого большого друга, исследователя болгарской литературы и культуры Георгия Гачева, то эта страшная и нелепая история мне уже не кажется случайной. Потому что, как говорится, столь много случайностей не могут произойти случайно. И когда логическое объяснение чего-либо начинает вертеться в замкнутом круге, словно собака, которая гоняется за своим хвостом, в темной части человеческой психики, податливой различным воздействиям, компенсаторно начинают появляться разные иррациональные допущения.

Например – если мы поищем объяснение тому, как случились эти случайности или неслучайности в логике болгарского Возрожденческого Гачевского пространства, вероятно, надо будет в духе концепций Раковского о роли в судьбе людей и народов Белого бога и Черного бога согласиться, что сочетание этих случайностей – явно неслучайный результат борьбы второго против первого, рабства духа против свободы воли, удобной лжи против неудобной истины, всемогущего мрака против легко уязвимого света. Потому что, как мы знаем, Черный бог не любит, чтобы люди и общества любили друг друга. Хорошо в данном случае, что люди и общества продолжают любить друг друга несмотря на неутомимость наказательной педагогики логики Черного бога. Культурное общение между людьми и народами продолжается.

Сказанное выше можно воспринимать и как начало решения задачи Гачева – заголовка моих воспоминаний, вероятно, не очень ясного для читателей. Для меня и моего поколения, однако, все началось

значительно раньше, полвека тому назад. В середине 60-х годов прошлого века я и мои однокашники по факультету болгарской филологии на семинаре по фольклору, древнеболгарской и Возрожденческой литературе услышали впервые имя Георгия Гачева от нашего профессора Динекова. Тогда семинар назывался «кружком», согласно привнесенной извне терминологии. Мы обсуждали только что вышедшую на русском языке книгу «Ускоренное развитие болгарской литературы» (1964). У нас в распоряжении было 1–2 месяца, чтобы найти и прочитать эту книгу в Народной, Университетской или Городской библиотеке Софии. В своем экспозе, предшествовавшем нашим упражнениям по обсуждению данного труда, Динеков сказал нам, что в данной книге Гачев решил средствами высшей математики те задачи, которые наша наука до тех пор не могла решить с помощью чисел простой арифметики. Мы уже прочитали «возрожденческие» исследования Ивана Шишманова, Бояна Пенева, Михаила Арnaudова и нашего профессора Динекова, мы уже написали некоторые «доклады» (вновь, с оглядкой на внесенную терминологию, так назывались наши дебютные научные опыты), одним словом, мы уже вкусили сладостный трепет научного исследования, благодаря чему и могли оценить, хотя бы приблизительно, что в этой тонкой книге есть нечто отличное от того, что мы изучали в предшествующие наши студенческие дни и вечера. В этой книге мы не встретили характерного для Шишманова эрудированного сравнительного анализа болгарской литературы, расположенной, подобно болгарскому обществу с его вековой судьбой между Европой и Азией, между западными и русскими социокультурными или чисто художественными влияниями; мы не утопали в магии сладкогласия Бояна Пенева, первооткрывателя необъятного и неисследованного до него столь целостно возрожденческого художественного пространства; в этой книжке мы не встречались с Арnaudовским эрудированным анализом проблем, произведений или творчества того или иного возрожденца; она не заряжала нас идеями и научными мотивациями Динекова, в столь характерной для него манере предлагать нам почти во всех своих статьях как бы конспекты возможных больших монографий, которые сам он все не успевал написать за недостатком времени, а с годами я начал думать, что, может быть, он и не стремился это сделать. Он генерировал идеи и щедро делился ими с нами, дабы мы рылись в архивах, изучали старопечатные книги и иностранные литературные исследования, превосходящие сощескрытый эмпиризм тогдашней

болгарской литературной науки, дабы мы посмотрели новыми глазами на ту или иную из якобы давно установленных ценностей болгарской литературы эпохи Возрождения. В тонкой книге Гачева все это существовало, но уже как принятая данность, как само собой разумеющаяся степень познания болгарской возрожденческой литературы, как неизбежный исследовательский бекграунд, как мы сказали бы сегодня на чисто болгарском языке. Да, подобно Динекову, в своей книжнице Гачев нам предлагал не только новые понятия и идеи, например, о синкретическом характере литературы, о «замедленно-ускоренном» развитии культуры, о сложной динамике внутренних и внешних эстетических взаимодействий, о поисках западноевропейских и русских аналогов в нашем литературном развитии, о самопознании в ходе познания бытия, о столкновении цивилизационных феноменов, в результате чего первозданные «взрывы» рожают новые духовные миры. Разумеется, еще тогда некоторые идеи и тезисы все еще «загадочного» (незнакомого нам тогда) «советского» литературоведа (позднее мы освоили и слово «культуролога») болгарского происхождения Георгия Гачева вызывали возражения. Динеков еще на том памятном семинаре ясно сказал, что неприемлем, например, взгляд Гачева о «самозарождении» нашей возрожденческой поэзии в стихах Неофита Бозвели. Очевидно, неточность гачевского «попадания» в данном случае объяснима, с одной стороны, тем фактом, что он обобщил один верный частный случай (стихи Бозвели действительно «самозарождаются» в самые эмоциональные моменты в его письмах, написанных в заточении. В них эпистолярная проза оказывается недостаточной, чтобы выразить бушующие в его душе чувства (и они начинают изливаться в спонтанно рожденных стихах). А, с другой стороны, она объясняется вероятным желанием учёного компенсировать, насколько это возможно, жалкий эффект энтузиазма тогдашней болгарской «компаративистики», которая стремилась найти русские «образцы» во всех стихотворениях Славейкова, Чинтулова, Каравелова и Ботева. Динеков обратил внимание на то, что в тезисе Гачева недооценено то обстоятельство, что зарождающаяся болгарская возрожденческая литература в XIX веке активно осуществляла контакты с греческой и западноевропейской, с сербской и хорватской, с русской и украинской поэзией. А в такой культурной ситуации о «самозарождении» целого литературного рода трудно говорить. О второй же вероятной причине ошибки Гачева Динеков предоставил возможность догадаться нам самим.

Однако, важнее частных несогласий, которые вызывает любое новаторское, пионерско-теоретическое исследование, было то обстоятельство, что, чем более «эстетически» герметично интерпретировала эта книжица свою проблематику (за что некоторые не замедлили косо посмотреть на ее автора, как у нас, так и на его родине), тем более «негерметические» мысли пробуждала она по отношению к далеко не «эстетической» проблематике, так как к тому времени уже стало ясно, что «замедлено-ускоренное» социалистическое развитие, в отличие от эстетического, ведет не к первозданным, а к иным цивилизационным взрывам, после которых остаются не вновь созданные духовные миры, а эпохальные черные дыры. Что вновь заставило определенных людей и у нас, и на родине автора, посмотреть косо на Гачева. Они продолжали так смотреть на него и когда издавались его следующие книги (о содержательности художественных форм, о жизни творческого сознания и т.д.), а мы приоткрывали образы мира и образное мышление в природознании благодаря его исследованиям, выходящим эпизодически. Постепенно мы перестали задаваться вопросом, почему его книги не переводятся и не выходят на болгарском языке. Поэтому нам показалось почти невероятным, когда в конце 70-х годов издательство «Наука и искусство» все же издало том «Ускоренное развитие культуры», в который кроме книги «Ускоренное развитие литературы» вошли и несколько других исследований: «Всемирная литература – в одном произведении», «Современный роман в условиях ускоренного литературного развития», «Как и почему так воспринималась русская литература в Болгарии в середине XIX века», «Бероновский комплекс». Динеков любил говорить, он повторил это и в предисловии к этому изданию, что Гачев унаследовал не только беспокойные философские поиски своего отца, но и нечто от эпохи, которую он изучал – эпохи болгарского Возрождения, в частности – Бероновское стремление овладеть сущностью и глубиной мира. Много и обстоятельно любил говорить Динеков о Гачеве и его исследованиях, но для предисловия к этому изданию ему дали всего несколько страниц. И поскольку в то время ничто не было случайным, не трудно понять почему это происходило. Очевидно, государство планировало очень точно расходование ресурсов. И считало более справедливым предоставить больше страниц для издания и восхваления в длинных предисловиях и послесловиях творений – однодневок «видных» советских писателей и поэтов, критиков и теоретиков, которых давно уж никто не помнит, но которые нас учили правильной литературе, эстетике и философии.

В этом отношении некий Гачев не был слишком подходящим и самым рекомендуемым.

Его теории о механизме создания или угасания духовных миров, наталкивали нас на размышления, открывали нам глаза, а это не оставалось незамеченным и ненаказанным.

Когда я говорю о том, что он нам открыл глаза на многое, то мне приходит на ум еще одна метафора, связанная с Гачевым и с моим личным воспоминанием о нем. Несколько лет тому назад мы организовали встречу с Гачевым в Софийском университете в нашей 148-ой аудитории, в которой традиционно проводим встречи наших студентов и преподавателей с видными болгарскими и иностранными филологами. Я давно его не видел и мне показалось, что он стал как будто меньше ростом, но когда он заговорил и начал вынимать из большой сумки свои новые книги, аудитория наполнилась энергией, которая, словно сквозь лупу, увеличила маленькую фигурку Гачева в два-три раза. Я машинально снял свои новые очки – самые дорогие, которые я позволил себе купить в своей жизни. Незадолго до конца этой встречи мне позвонили и сказали, что я должен срочно отвезти свою старую мать в больницу, и от неловкости, что я покидаю встречу преждевременно, я оставил очки на скамейке, на которой сидел. И больше я не видел эти очки. Когда я рассказал об этом своему приятелю, он засмеялся: – И это не было случайностью. После Гачева нам уже не требуются очки, чтобы правильно понимать прочитанное о замедленном и ускоренном развитии...

Разумеется, к мыслям о зарождении и угасании духовных миров (как эстетических, так и социально-политических) в динамике «замедленного» и «ускоренного» развития, мы пришли позднее, по прошествии времени, накапливая опыт сложной, драматической, порой и трагической жизни, которой наше поколение тогдашних студентов стало свидетелем.

Для нашего учителя Динекова, чья мудрость не случайно всегда вызывала у нас глубокое уважение – от первых наших контактов с ним до последних его дней – все это, очевидно, было ясно еще и тогда. И когда он нам сказал, что Гачев решил с помощью средств высшей математики то, что до него наша наука пыталась решить с помощью чисел простой арифметики, он вовсе не предложил нам решение «задачи Гачева», как мы думали тогда. Тогда – в своем стиле – он ее задал нам.

Перевод М.Г. Смольяниновой

Яни Милчаков

Неспокойный мыслитель

Духовное «неистовство» Георгия Гачева до последнего дня его земной жизни словно не позволяло нам принять весть о его внезапной смерти. Любое из определений о нем, как об ученом: «оригинальный», «темпераментный», «проникновенный», будет верным. Но никакое из них отдельно, да и все вместе взятые, не может отразить неповторимый свет его целостной фигуры в культуре.

Он пережил самое большое признание, какого может удостоиться литературовед и гуманитарий вообще: его теория превратилась для некоторых в универсальный ключ для интерпретаций, а другие видят в той же теории источник для альтернативных идей и острой полемики.

Его литературоведческий рассказ связывал в удивительное единство культуру, языки и эпохи. С изяществом и дерзостью Гачев пересекал границы между традиционными дисциплинами; любой фрагмент культуры, к которому устремлялась его яркая мысль, начинал как бы новую жизнь в гуманитарном познании. Так он создал свою сильно персонифицированную теорию болгарской литературы эпохи Возрождения. Воспринимаемая скорее как философия возрожденческой истории культуры, эта теория является эмблемой его образа «литературоведа-фантаста». Она до сих пор сохраняет все привлекательные стороны и все риски сильно персонифицированной теории: оригинальный «закрытый» тезис и демонстративную автономность по отношению к научным традициям и модным школам, властную реинтерпретацию многолетних литературных «данностей», культурную реабилитацию авторов и текстов, которые никогда прежде не покидали музейного периметра архивистики, порой провокационный как отвлеченная телеология и ценностная диалектика «европоцентризм».

Сегодня, спустя полвека после восторгов и дискуссий вокруг книги Гачева об ускоренном развитии литературы, ее основная идея вновь звучит как голос в незатихающей полемике о «европейском» и «самобытном» в болгарской культуре. Или, как бы сказал Гачев – в болгарском Этносе, Логосе и Космосе. Безусловно, его личность гармонизировала оба начала. Потому мы верим, что нашедшая в конце концов вечный покой, душа крупного мыслителя будет нас возвращать к его вечно беспокойным текстам.

Перевод М.Г. Смольяниновой

Александр Йорданов
**Национальный образ мира
как апология различия**

В конце семидесятых годов прошлого века я познакомился с Георгием Гачевым – человеком, который думал иначе о современной литературе, ученым, который вышел за пределы своего времени. Наша встреча состоялась в кафе Союза болгарских писателей в Софии, а её инициатором была моя тогдашняя «покровительница» в литературно-критических кругах – Элка Константинова. В те «славные» годы кафе Союза писателей было доступно только для избранных – членов Союза писателей. Поэтому для входа в кафе была необходима протекция. Моим «покровителем» была Элка, будущий профессор и министр культуры Болгарии. Она была близкой подругой Светланы – жены Гачева – и, разумеется, рассказывала нам, ее тогдашним студентам, о нем. Я вошел в кафе Союза писателей, в этот своеобразный мир избранных, и Элка со свойственной ей нетерпеливостью представила меня Гачеву как своего студента, который написал дипломную работу о творчестве Йордана Радичкова. Слава Богу, что тогда я уже знал, что во время путешествия в Сибирь, где родилась одна из классических книг новой болгарской литературы – «Неосвященные дворы» («Неосветените дворове»), Радичкова сопровождал автор «Ускоренного развития литературы» («Ускореното развитие на литература») – другой необыкновенной книги, которая в те годы шла вразрез со многими официальными представлениями о литературе периода болгарского Возрождения. Для нас, тогдашних молодых литераторов, Гачев был почти мифической личностью. Его концепцию об ускоренном развитии болгарской литературы первоначально обходили молчанием, а позднее некоторые исследователи стали ссылаться на нее и даже заимствовать. Она стала частью литературно-критических дискуссий о «направлениях и назначении» болгарской литературы. Особенно часто эти дискуссии разворачивались в неформальной студенческой среде, и молодые литературоведы активно защищали сторонников теории Гачева, поскольку они стремились иначе объяснить литературные явления.

В Болгарии у Гачева сформировался свой круг друзей, в который, помимо Радичкова, входили Крыстё Куюмджиев, Тончо Жечев, Здравко Петров, Петр Динев. К сожалению, всех их уже нет с нами, но они оставили глубокий след в науке о болгарской литературе и критике. В число друзей Гачева входил и Петр Велчев – поэт, переводчик и литературный критик, а также бард и поэт Радко Радков. Элка Константинова, которая была частью этого звездного

общества литературных критиков и трепетно относилась к молодому поколению, буквально схватила меня за руку и представила Георгию Гачеву. Мы разменялись дежурными фразами, после чего разговор незаметно перешел к латиноамериканской литературе. В то время я искал параллели между национальными неомифологическими небылицами Йордана Радичкова и «магическим реализмом» Маркеса и Марио Варгаса Льоса. Результаты моего исследования были представлены в нескольких статьях, которые ожидали своего «выхода в свет». Я поделился с Гачевым о том, чем занимаюсь, и услышал его слова, обращенные скорее к остальным собеседникам за нашим столом – Куюмджиеву и Здравко Петрову: «Смотрите, это тот же самый путь». «Тот же самый путь» означало, что гротеск Радичкова отражает национальные мифологемы и создает образ мира, отличный от того, который в те годы являлся моделью, навязанной официальным «партийно-классовым» подходом в литературоведении. Через реально-нереальный мир Радичкова практически можно «расшифровать» национальную психологию и характер. По словам Гачева, это чтение – находка, встреча – понимание мира через призму специфики национального мироощущения, которое можно обозначить понятием «национальный образ мира». Именно в этот период – в конце 70-х – начале 80-х годов – Гачев уже работал над своей идеей «национального образа мира», который отражается в любой национальной литературе, и пытался обосновать его теоретически и с помощью анализа русской и болгарской литературы. «Тот же самый путь» тогда означал и возможность понять действительность и жизнь с помощью литературных произведений, а не наоборот, как нас учили в те годы «мудрые» литературные политработники.

В конце 70-х годов Георгий Гачев находился в Болгарии в связи с публикацией на болгарском языке его главной работы – «Ускоренное развитие литературы», являющейся своеобразной попыткой теоретического описания истории болгарской литературы начала XIX в. Книга вышла в рамках серии «Мировая литературная мысль» («Световна литературна мисъл») в издательстве «Наука и искусство» вместе с некоторыми другими значительными работами Гачева, среди которых – рецензия на произведение Чингиза Айтматова «Джамиля» и «Табак» Димитра Димова. Несколько позднее, когда в том же издательстве вышла другая книга Гачева на болгарском языке «Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр», я уже имел счастье быть среди первых ее читателей и восторженных рецензентов. Уже своим названием книга сделала вызов догматическим марксистским теориям, и поэтому я назвал свою рецензию, которую опубликовал в журнале «Факел», «Бегство в открытое море» («Отплуване в открито море»). Смысл, который я вложил в название,

заклучался в отходе от известных стандартов в литературоведении, во встрече с неожиданным, в расширении просторов литературной мысли. И, конечно же, это был вызов традиционному, общепринятому мышлению.

Идеи, содержащиеся в сочинениях «Ускоренное развитие литературы» и «Содержательность художественных форм», впервые открыл для Болгарии русский литературовед, болгарин по происхождению, Георгий Гачев. После публикации последовали комментарии и дискуссии, и его идеи стали активно обсуждаться в рамках дискуссий об особенностях развития болгарской литературы как в XIX в., так и в период модернизма. Но пока болгарские литературоведы принимали или отвергали тезисы Гачева, ставя их почти в один ряд с идеями другого известного русского ученого – Михаила Бахтина, идущего вразрез с теорией литературы, существовавшей в то время, Георгий Гачев не стоял на месте. Я был свидетелем того, как он еще тогда убедительно защищал идею, заключающуюся в том, что образ мира, который «создает» литература какого-либо народа – это выражение неповторимого космо-психо-логоса, т.е. «единства национальной природы», психики и мышления. Благодаря художественной литературе, по словам Гачева, раскрывается единая «национальная целостность». И в этом смысле благодаря национальной литературе происходит понимание национальной и народной сущности как уникального мира, отличного от тех, в которых «живут» другие народы, и соответственно, от их литератур. Любая национальная литература (как и всякий народ) «отражает одно и то же бытие (в интернациональном смысле) в особой проекции». Эта особая проекция, считает Гачев, и является «национальным образом мира», который выражается в языке, стиле, образах художественной литературы. Эти «субъекты выражения» отражают образ мира, но в то же самое время они воссоздают его. Национальный образ мира отражается в литературе, но и литература его создает, формирует и выстраивает. По словам Гачева, «национальный образ мира» создается в рамках рассуждений о пантеонах, космогониях, определяется совокупностью основных архетипов и символов в искусстве народа. Отсюда вытекает и необходимость исследовать целый культурный пласт народа как специфический текст «научной литературы», анализируя «национальные образы литературы». Это, как считает Гачев, «самый близкий для нас путь». Идя по этому пути, чтобы понять «болгарский дух», болгарскую «шкалу ценностей», Гачев обращается к анализу творчества Христо Ботева. Так рождается огромный труд под названием «Болгарский Космо-Психо-Логос» – синкретичный анализ «национального образа», который отражен в сочинениях самого крупного болгарского поэта Христо Ботева. Это сочинение в то же самое время

является книгой-исповедью, «литературой в науке», которая представляет собой своеобразный рассказ о «моем потерянном поколении», не выходящем за рамки одной жизни, в которой, как поется в песне «Летят перелетные птицы»:

Немало я стран перевидал,
Шагая с винтовкой в руке.

«Болгарский Космо-Психо-Логос (на примере творчества Христо Ботева)» – не только теория и анализ, но и в определенной степени книга-исповедь. В ней Гачев раскрывает болгарский образ мира, отображенный в поэзии Христо Ботева, и постоянно сопоставляет его с русским образом мира, используя богатое наследство русской литературы. В работе Гачева убедительно представлен анализ и «видение» болгарского национального характера, психологии, образа мысли, быта и культуры именно как другого «образа мира», отличного от русского. Гачев провел исследование на уровне литературного текста и использовал сравнительный подход: национальное болгарское отличие по отношению к тому типу общественного устройства, при котором, как пишет Гачев, «только с винтовкой в руках русский может увидеть другую страну!» И не случайно он приводит один забавный «школьный анекдот» о том, как маленький Вова с трудом пытается правильно ответить на приказ партии поддержать «компартию Камбоджи». Мысль выходит за границы, пространство, политическую и социальную реальность, она непрестанно ускоряется и вместе с этим всегда возвращается к одному и тому же космо-психо-логосу – болгарскому национальному образу мира – и к пониманию этого мира через призму народных и семейных воспоминаний, через призму национального литературного дискурса. Гачев «расположил» это понимание в различных социокультурных пластах, в различных типах социальной действительности, во времени и пространстве, относящемся к Болгарии, чтобы мы его осознали и, исходя из него, осмыслили гениальные творения Ботева. Гачев не просто исследовал поэзию Ботева – этим занимались и занимаются многие исследователи. Для него она является национальным культурным «текстом», который безусловно содержит как современные, так и будущие «тексты в тексте». В этом «тексте» заключена и разница в восприятии и реализации социальных и политических идей и методов.

Исключительный интерес представляют сравнения, с помощью которых Гачев подчеркнул различия во «внедрении» общих «интернациональных» социально-политических мифологем и «поведении» «русского» и «болгарского» образа мира. Данные рассуждения, многократно приведенные в его книгах, заслуживают отдельного анализа. Однако важны не только различия и вытекающие из них выводы

о расхождении национального восприятия мира и, соответственно, национального «движения» мира, характерного для русского человека и болгарина. Я думаю, что в самой постановке проблемы важным и в определенном смысле смелым является то, что во времена, когда «интернациональная унификация» была идеологически подкреплена, а сама мысль о том, что каждый народ мыслит по-разному в рамках «славянского братства» и «классового единства», считалась еретической, Гачев не только высказывал эти идеи, но и убежденно их отстаивал во всех научных трудах. В сущности, его труды, а в особенности его исследования, касающиеся «национального образа мира» и, если говорить более конкретно, сравнения болгарского и русского образов мира, выявленные в основном на уровне художественной литературы (часто привлекаются примеры из областей музыки и фольклора), убедительно опровергают «теорию славянофилов» о так называемой «славянской общности», которая проявляется в менталитете, восприятии мира и оценке социальной и политической действительности. Исследование национального космо-психо-логоса двух стран показывает логику различий, которые зачастую эмоционально окрашены, между культурами и особенно между западной культурой и русской. Таким образом, Георгий Гачев постепенно приходит к выводу о том, что «весь язык русской традиционной полемики с Западом должен быть ниспровергнут». Он приводит наглядные примеры основ восприятия традиционных христианских ценностей и символов. «Русские, – пишет Гачев в своей работе «Болгарский Космо-Психо-Логос», – критикуют Запад в отношении всего, что касается труда, капитала, богатства, гордости, демократии, личности, рассудка, отвлеченных начал, права, закона, азов. А все это, оказывается, относится к богоугодным качествам и ценностям, которые являются противоположностью таким «сатанинским» качествам и действиям, как лень, подавление таланта, обезличивание, суеверие, приверженность бездуховному язычеству, впитанному с молоком матери, – материнское воспитание, а не отцовское»¹¹. Обращая внимание на болгарские понятия о «гармонии» и «нормальности», выраженные в литературе как глубоко осмысленный «Космо-Психо-Логос», Гачев еще сильнее подчеркивает разницу между «болгарским» и «русским» образом мира. Здесь уже просматривается и личное эмоционально-подсознательное, национальное чувство, понимание и желание защитить несправедливо отверженные и поруганные идеологами «западные ценности». Болгарская «нормальность», упорядоченность и прагматизм в контексте размышлений Гачева естественным образом вписываются в модель «богоугодных качеств и ценностей».

¹¹ Гачев Г. Българският Космо-Психо-Логос (по Христо Ботев). София: Изд. «З. Стоянов», 2006. С. 27.

Так получилось, что в начале XXI в. судьба забросила меня на четыре года в недавно образовавшееся государство – Республику Македонию. Это государство, которое находится в поисках своего национального образа, состоящего, как пестрый ковер, из различных народов-этносов. Ключевой темой современной македонской литературы является утраченная идентичность, которую пытаются найти. Поэты и писатели возвращаются к этой проблеме, пытаясь истолковать ее. И это заставило меня снова обратиться к работам Георгия Гачева. Именно тогда я увидел концепцию Гачева о «национальном образе мира» под другим углом, в другом контексте. «Национальный образ» – это смысл, который ищется через трансформацию уже принятых и адаптированных в литературе отдельных этно-национальных групп «общих и различных» значений, смыслов, символов. Основным тезисом работ Гачева является то, что литература выражает «национальный образ мира» какого-либо народа. В современной македонской литературе этот образ не существует. Он распался, как расколотое зеркало, и одновременно предпринимаются попытки как можно скорее собрать осколки, склеить их и представить как свой национальный Космо-Психо-Логос.

Если, используя примеры и сравнивая русскую и болгарскую литературу, Гачев обнаружил близость или различия, то что бы он увидел сегодня в литературе, в которой «образ мира» всегда является цитатой противоречивой исторической и политической действительности, в которой говорят только «первообразы» болгарской, сербской и албанской литератур. И ожидается, что их ускоренный во времена исторических изменений «диалог» родит что-то специфическое, отличное от всего, и это станет образом мира, который выделит современную македонскую литературу среди других. К сожалению, Георгий Гачев уже не может продолжить развивать свои идеи. Но его вызов современной науке о литературе живет и «работает». Поэтому его книга заслуживает, чтобы ее снова и снова перечитывали, истолковывали, использовали при объяснении новых феноменов в литературе и культуре и, может быть, развивали её дальше, добавляя новые идеи и предложения в теорию о «национальном образе мира». Потому что именно образ мира остается уникальной многообразной сущностью, неким островом духовного спасения в мире, подверженном глобализации и унификации.

Перевод У.А. Баравовой

Авторы статей

Балевский (Балевски) Васил – помощник директора Института литературы БАН. Область научных интересов: литература Болгарского возрождения; границы Болгарского возрождения; католический XVII век – Болгарское Предвозрождение; цыганская литература, болгарская немецкоязычная литература.

Вачева Ангелина – доктор, доцент кафедры русской литературы Софийского университета им. св. Климента Охридского. Научные интересы – история, поэтика и международные связи русской литературы XVIII–XIX вв., гендерные исследования. Автор книг «Поэма-бурлеск в русской поэзии XVIII в.» (1999) и «Романът на императрицата. Романовият дискурс в автобиографичните записки на Екатерина II. Ракурси на четене през втората половина на XIX в.» (2008).

Венедиктов Григорий Куприянович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Область научных интересов: грамматика и история болгарского языка, болгарская диалектология, история болгарского книгопечатания, русско-болгарские связи эпохи Возрождения Болгарии, история болгаристики и славяноведения. Автор книг: «Из истории современного болгарского литературного языка» (1981), «Българистични студии» (1990), «Болгарский литературный язык эпохи Возрождения. Проблемы нормализации и выбора диалектной основы» (1990), «Исследования по лингвистической болгаристике» (2009), публикаций «Ю.И. Венелин. Грамматика нынешнего болгарского наречия» (1997; болгарский перевод: Ю. Венелин. Грамматика на днешното българско наречие. 2002), «Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831)» (2005).

Гачев Георгий Дмитриевич (1929–2008) – философ, культуролог, литературовед, эстетик. Доктор филологических наук (1983), член-корреспондент РАЕН (1994), член Союза писателей СССР (1965), лауреат премии им. Паисия Хилендарского (1980), доктор honoris causa Софийского университета им. св. Климента Охридского (2002) и Великотырновского университета им. свв. братьев Кирилла и Мефодия (2004). В Институте славяноведения АН СССР (РАН) работал с 1985 г. до конца жизни. Последняя занимаемая им в Институте на протяжении ряда лет должность – главный научный сотрудник. Автор свыше сорока книг различного содержания, из которых по славистике в первую очередь следует выделить «Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX века)». М., 1964 (Болгарский перевод: «Ускореното развитие на културата». София, 1979); «Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр». Издание 2-ое. М., 2008 (болгарский перевод: «Съдържателност на художествените форми. Епос. Лирика. Театър». София, 1982); «Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. Ч. I. М., 1972; «Българският

Космо-Психо-Логос (по Христо Ботев)». София, 2006; «Национальные образы мира. Болгария в сравнении с Россией (опыт экзистенциального литературоведения)». М., 2007; «Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос». М., 2007. Г.Д. Гачев выдвигал оригинальные научные идеи об ускоренном развитии культуры в странах Восточной Европы XIX в. и Азии, в стяженном виде за короткое время воспроизводившей стадии мирового духовного процесса. Большое место в его научных исследованиях занимала реализация глобальной идеи о единстве местной природы, характера народа и склада его мышления и существовании неразрывной триады Космо-Психо-Логос. Эту идею он стремился подтвердить на материалах различных народов и стран в монументальном многотомном проекте «Национальные образы мира».

Господинов Данчо – доктор, научный сотрудник I ст. сектора «Литература Болгарского возрождения» Института литературы БАН. Область научных интересов: общая литературная история, теория и история литературных жанров, история чтения, историческая социология коллективного сознания, историческая антропология.

Дамянова Румяна – доктор филологических наук, профессор, руководитель сектора «Литература Болгарского возрождения» Института литературы БАН. Кавалер награды «Пифагор» БАН, присуждаемой за несомненные достижения в области общественных и гуманитарных наук (2009). Область научных интересов: литература и культура Болгарского возрождения, документальные жанры, паратекстуальность, конструкции стереотипного, эмоции, культурные центры, нормативная книжность и др. Автор книг «Илия Волен. Литературни анкети» (1980), «Писмата в културата на Българското възраждане» (1995), «Отвъд текстовете: културни механизми на Възраждането» (2004), «Емоциите в културата на Българското възраждане» (2008).

Добрева Ваня – доктор, доцент Юго-Западного университета им. Неофита Рильского (Благоевград), заместитель министра образования (с 2005 г.). Область научных интересов: балканская культура, историческая драматургия XIX–XX вв., возрожденческая комедия, драматургические жанры. Автор книг: «Технология на историческата драма» (1997) и «Възрожденска историческа драма» (1997).

Драгова Надежда – профессор, доктор древнеболгарской и возрожденческой литературы. Область научных интересов: историография, балканистика, источниковедение, средневековая и возрожденческая литература. Автор книг: «Книга за Паисий» (1972), «Старобългарска култура» (2005) и др.

Злыднева (Злиднева) Наталия Витальевна – доктор искусствоведения, заведующий отделом истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН, главный научный сотрудник Института мировой культуры Московского университета. Область научных интересов: история искусства, семиотика культуры, искусство балканских народов, русский авангард. Автор книг: «Мотивика прозы Андрея Платонова» (2006), «Изображение и слово в риторике русской культуры XX в.» (2008).

Иванова Диана – доктор филологических наук, профессор кафедры болгарского языка Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского. Область научных интересов: история болгарского литературного языка (период Возрождения), проблемы современного болгарского языка и славянские культурные и языковые контакты. Автор монографий: «Българският периодичен печат и градивните книжовноезикови процеси през Възраждането (върху материал от сп. “Читалище”, 1870–1875)» (1994), «Григор Пърличев и книжовноезиковата ситуация през 60-те–80-те години на XIX век» (1995), «Езиковите въпроси в българския периодичен печат през Възраждането» (1998), «По следите на анонимното авторство в печата през Възраждането» (2000), «Традиция и приемственост в новобългарските преводи на Евангелието. (Текстология и език)» (2002); «Езикът на Библията. Български синодален превод 1925 г. (Върху материал от Евангелието)» (2003).

Илчева Радослава – доктор, старший научный сотрудник II ст. сектора «Русская литература» Института литературы БАН. Область научных интересов: русская литература XVIII–XIX вв., компаративистика, поэтика, культурология, литературная антропонимика, русская эмиграция.

Йорданов Александр (Александър) – доктор, старший научный сотрудник I ст. Института литературы БАН, председатель 36 Народного собрания, главный редактор газ. «Век 21» (1990–1998). Области научного интереса: история литературы и критики XX в., актуальная публицистика. Автор книг: «В сянката на думите» (1989), «Своечуждият модернизъм» (1993), «Завръщане» (2006); «Време за опозиция» (2008), «Днес е хубав ден» (2008).

Калиганов Игорь Иванович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Лауреат Макариевской премии (1997), лауреат международной премии свв. Кирилла и Мефодия (2006), кавалер болгарского ордена Стара-Планина I степени (высшая президентская награда, 2000) и почетного знака им. М. Дринова (высшая награда Болг. академии наук, 2006), Почетный работник науки и техники РФ (2007). В сферу преимущественных интересов И.И. Калиганова входят история болгарской, русской и сербской литератур IX–XX вв., история славянских стран и вопросы истории славян и славянских культур в более широком смысле. Автор книг «Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков» (совместно с Д.И. Польшанским, 1990), «Георгий Новый у восточных славян» (2000), «Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур» (2006). Работу в Академии наук СССР (РАН) совмещает с чтением лекций, ведением семинаров и курсов по болгарскому языку, болгарской, русской и сербской литературам, истории славянских литератур и славянских культур, истории Болгарии и Сербии, введению в славяноведение, фольклору и этнографии славянских народов и др. В разные годы преподавал в МГУ им. М.В. Ломоносова (1983/1984, 1987–1989, 1999/2000, 2003/2004), Институте русского языка им. А.С. Пушкина (1984), Дипломатической академии МИД СССР (1985–1987), Военном Институте 1987/1988), Гос. Академии славянской культуры (с перерывами с 1992), МГИМО (2004) и РГГУ (2010). Декан

филологического факультета Гос. Академии славянской культуры (2004–2009, 2009–), заведующий основанной им кафедры славянских языков и культур (2005–), директор созданного им научно-исследовательского центра «ЭСТРИКА» [Славянские Культуры: Корни и Крона] (2005–).

Константинова Элка (Елка) – профессор, доктор филологических наук. Область научных интересов: история болгарской литературы, литературная критика и эссеистика, источниковедение.

Костова-Панайотова Магдалена – доктор, доцент Филологического факультета Юго-Западного университета им. Неофита Рильского (Благоевград). Область научных интересов: история и теория литературы, русский авангард, русская поэзия XX в. Автор книг: «Между играта и откровение-то» (1995), «Животът, който ми се присъни (Поезията и прозата на Г. Иванов)» (2000), «Българската литературна класика» (2003), «Де-конструкция на канона. Руска неофициална лирика» (2003), «В полето на авангарда. Руската поезия: 50-те–90-те г. на XX век» (2006).

Кунчев Красимир – доктор, доцент Шуменского университета им. епископа Константина Преславского. Области научных интересов: история болгарской возрожденческой литературы, детское поэтическое творчество, связи между традиционными культурами Центральной Азии и болгарской этнокультурой. Был лектором в университете в Бишкеке (Киргизия). Автор книг: «Литературни игри с децата» (1988), «Фолклорното и обичайното право в белетристиката на Любен Каравелов» (1996), «Общуващият човек в българската възрожденска литература» (2006).

Манолакев Христо – доктор, старший научный сотрудник II ст. сектора «Русская литература» Института литературы БАН. Область научных интересов: история и поэтика русской литературы XIX в., болгаро-русские литературные взаимоотношения – XVIII–XX вв., русская литературная эмиграция в Болгарии (1919–1944 гг.). Автор монографий: «Между образа и четенето. (Руската преводна белетристика през Българското възраждане)» (1996), «Текст и Граници. А.С. Пушкин и неговите “Повести на Белкин”» (2001).

Милчаков Яни – доктор, доцент Шуменского университета им. епископа Константина Преславского и Специализированного высшего училища библиотекосведения и информационных технологий, читает лекции в Софийском университете им. св. Климента Охридского и Новом болгарском университете. Область научных интересов: теория и история литературы, стиховедение, литературная социология, славистика и балканистика. Автор книг «Стих и поезия» (1990), «Социология на литературата, език и политика» (2001), «Българска стихотворна култура XVII–XX век» (2006). В 1992–1996 гг. посол Болгарии в Польше, в 1998–2001 гг. – в Словакии, в 2001–2005 гг. – в Сербии и Черногории.

Минкова Лиляна – доктор, старший научный сотрудник I ст. сектора «Сравнительное литературоведение» Института литературы БАН, переводчик русских классиков на болгарский язык. Область научных интересов: Болгарское возрождение, архивистика – письма и документы о болгарях,

хранящиеся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Киева, болгаро-украинские литературные и культурные связи, переводная литература Болгарского возрождения: произведения русских, французских, немецких авторов. Автор книг: «Осип Максимович Бодянски и Българското възраждане» (1978), «Български възрожденци в Русия» (2005), «Ръкопис на Константин Миладинов в архива на И.И. Срезневски» (2008; совместно с Лучией Антоновой).

Михайлов Камен – старший научный сотрудник 2-й степени в отделе «Литература болгарского Возрождения» Института литературы БАН. Автор монографии: «Петко Славейков – поетически послания. 1827–2002». (2002); Издание документов: «Климент Браницки и Търновски (Васил Друмев). Документи и материали». [Составительство, предисловие М.Г. Смольяниновой. Редакторство: М.Г. Смольянинова, К. Михайлов. Комментарии К. Михайлова] (2005). Принимал участие в реализации таких крупных национальных проектов, как: многотомная «История болгарской литературы», «Словарь болгарской литературы» (1992), «Энциклопедия болгарского Возрождения. Литературная и культурная жизнь», «Периодическая печать» (1993–2006) и в издании трудов классиков болгарской литературы: Пенчо Славейкова (2001–2002), Василя Друмева (2005).

Николова Юлия – доктор, доцент Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского. Область научных интересов: культурная антропология, фольклор и болгарская литература XVIII–XIX вв. Автор книг: «Сава Радуплов» (1989), «Възрожденски уроци» (I изд. – 1993, II изд. – 1996, III изд. – 2003), «Записки по българска възрожденска литература» (2004), «Достојно ест. Свищов през XIX век до първото десетилетие на XX век. Личности – събития – факти» (2006).

Пономарева (Пономарьова) Нина Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Основные направления научных исследований: литературный процесс в Болгарии XX–XXI вв. – поэзия, проза, драматургия; отражение в литературе общественно-политических и социально-нравственных конфликтов в обществе; стилистический и жанровый облик литературы на разных этапах ее развития; типологические параллели между болгарской и русской литературами и рецепция болгарской литературы в России.

Попаз-Кула Надежда – доктор, преподаватель кафедры болгарской филологии Комратского государственного университета (Молдавия). Автор публикаций, связанных с литературой болгар Украины и Молдавии.

Пытова (Пътова) Николета – доктор, научный сотрудник II ст. Института литературы БАН. Область научных интересов: литература Болгарского возрождения, зарождение болгарской национальной идентичности и отражение процесса в литературе XIX в., драматургия Болгарского возрождения.

Радев Иван – академик, профессор, доктор филологических наук, руководитель кафедры «Болгарская литература» Великотърновского университета им. свв. Кирилла и Мефодия. Область научных интересов: болгарская

литература и литературная история (XIX–XX вв.), литературные жанры, паратексты, история литературной науки и критики, источниковедение. Автор множества книг, в числе которых «Боян Пенев» (1976), «Българска възрожденска литература» (1980), «Софроний Врачански. Личност и творческо дело» (1983), «Паратекстът в художествената творба през Възраждането» (1993), «Ботевото творчество» (1994; II изд. – 1995), «Погребаните книги на Възраждането» (1994), «Моят Стефан Стамболов» (1999), «История на Велико Търново – XVIII–XIX в.» (2000).

Ракѝвский (Ракѝовски) Цветан – доктор филологических наук, профессор Юго-Западного университета им. Неофита Рильского (Благоевград). Автор книг «Паратекстът на литературната творба» (1997), «П. Яворов и българските поетически силуети» (1998), «Българските контексти в литературата» (1999), «Отвъд каноните» (2001), «Образи на българската памет. Историята, поборниците, записките» (2004), «След края на класиката. “Двойник” и “Египетска марка”» (2006).

Русев Радостин – доктор, старший научный сотрудник II ст. сектора «Русская литература» Института литературы БАН. Область научных интересов: русская литература (XX–XXI вв.) – поэтика, течения; болгаро-русский литературный диалог в XX в.; культура и литература русской эмиграции в Болгарии (20-е и 30-е гг. XX в.); постмодернизм и литература. Автор монографии «С маска и няколко лица. Валентин Распутин и руската “селска проза” (60-те–80-те г. на XX век)» (2000).

Смольянинова (Чемоданова) Марина Геннадиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специалист по болгарской литературе XVIII–XIX вв. Исследования: монография «Творчество Васила Друмева и становление болгарской национальной литературы» (1987); Главы о болгарской литературе эпохи Национального Возрождения в трехтомном труде «История литератур западных и южных славян» (1997). Издание открытых документов: «Климент Браницки и Търновски (Васил Друмев). Документи и материали». [Составительство, предисловие. М.Г. Смольяниновой. Редакторство: К. Михайлов, М.Г. Смольянинова. Комментарии К. Михайлова] (2005). Принимала участие в качестве составителя, автора предисловия, комментариев и перевода ряда повестей в издании: «Л. Каравелов «Болгары старого времени. Избранные произведения» (2002). Член международной ред. коллегии газ. «О письменах. За буквите». (Болгария). Наградена медалью и почетной грамотой Министерством культуры Республики Болгария (2002), почетным знаком им. Марина Дринова – высшей наградой Болгарской академии наук (2005), наградой Министерства образования и науки Республики Болгария (2008). Преподавала в МГУ (2006/2007).

Стойчева Светлана – доктор, доцент Факультета детской и начальной педагогики Софийского университета им. св. Климента Охридского. Научные интересы: модернизм, динамика литературных пластов, детская литература, история и теория литературной сказки. Автор книг: «Приказките на Николай Райнов – между магиката и декорацията» (1995) и «Парола “приказка” – приказката в българската литература в XIX век» (в печати).

Таринская (Таринска) Стефана – доктор, старший научный сотрудник Института литературы БАН. Область научных интересов: возрожденческая литература, история литературы, источниковедение. Автор книг: «Прозата на Христо Ботев» (1966), «Димитър Великсин. Съчинения» (совместно с Р. Флоря; 1999).

Тачева Елена (Елена) – доктор, доцент Юго-Западного университета им. Неофита Рильского (Благоевград). Сфера научных интересов: теория и история литературы, культурологии и балканистики. Автор монографии «Свищовският литературен кръг в историята на българската възрожденска литература» (2003).

Топалов Кирил – доктор, профессор Софийского университета им. св. Климента Охридского, председатель Болгарской ассоциации «Георги С. Раковски», беллетрист, драматург, киносценарист. Область научных интересов: возрожденческая литература (XVIII–XIX вв.), история литературы и критика, история и культура Балкан (XVIII–XIX вв.), поэтика литературы. Автор книг: «Проблеми на българската възрожденска поетика» (1979), «Петко Славейков» (1979), «Григор Пърличев. Живот и дело» (1982), «Проблеми на българската възрожденска литература» (1983), «Раковски и Ригас в културно-историческите модели на Българското възраждане» (2003), «Възрожденци» (ч. 1, 1988; ч. 2, 1990; изд. 2, 2008).

Федотова Валерия Николаевна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела Центральной Европы Государственного института искусствознания. Основные направления научной деятельности – изучение болгарской музыки в контексте национальной художественной культуры, а также проблем художественных взаимосвязей Болгарии с Австро-Венгрией, Германией, Чехией и Россией.

Чавдарова Дечка – доктор филологических наук, доцент Шуменского университета им. епископа Константина Преславского. Область научных интересов: интертекстуальность, концепты национальной культуры в литературе, тематология (концептуализация пира, трапезы, книги/чтения, вещи, чистоты/нечистоты, костюма, денег, этикета в русской литературе). Автор книг «Ното legens в русской литературе XIX века» (1997), «Проблеми на междукulturната комуникация в руската литература на XIX век» (2008).

Именной указатель

- Абдул Меджит 188
Абрамович Мария 79
Август-Фредерик 209
Аверинцев С.С. 382
Аврамова Елена 240, 255
Аврамов Кирил 240, 255
Аврамов Петр 241
Агапкина Т.П. 150
Агренов-Славянский Д.А. 318
Агура А. 141
Адан Адольф 368
Адлер Виктор 113
Айтматов Чингиз 337, 409, 437, 448
Аксаков И.С. 104, 159, 230, 234, 238, 322
Аксаков К.С. 230, 234
Аксаковы 8, 34
Александр I 286, 290
Александр I Кара Георгий 145
Александр II 154, 160, 162, 341–343, 345, 347
Александр III 113
Александр Невский 113
Александр Македонский 43
Александра Федоровна 365
Алексиева А. 165
Аманова Е.В. 430
Амелин Г.Г. 365
Ангелов Боно 223
Андерс К. 213
Андерсон Бенедикт 320, 321
Анев Димитр 256
Андреев Б.А. 64, 76, 118
Андреев Л.Н. 64, 76
Андреева Надежда 250
Андрейчин Иван 96
Анненский И.Ф. 54, 85
Антово Пламен 343
Антонова Лучия 457
Анчев П. 432
Аполлинер Гийом 60
Апостолы 79
Априлов Васил 13, 14, 32, 45, 180, 182–183, 185–190, 205, 216, 220
Апухтин А.Н. 10, 53, 54, 81, 83–97
Арабаджия Иван 172
Арановский М.Г. 403
Арбузов А.Н. 122
Аренский А.С. 400
Аретов Николай 181, 267, 269, 308, 326
Аристотель 22
Армстронг Д. 320, 321
Арнаутов Михаил 74, 134, 412, 442
Арцыбашев М.П. 10, 63–81, 87, 89, 95–97
Асен II болгарский царь 188
Асенов Драгомир 129
Аспарух хан 8, 51
Атанасов Георгий – Маэстро 399
Атанасов Никола 399
Атанасович Петр 256
Атанасович Стефан 256
Афиногенов А.Н. 122, 353
Ахматова А.А. 364
Байрон Джордж 33, 50, 60, 73, 288, 350, 437
Бакалова Т.Д. 83
Балакирев М.А. 236
Балан Александр см. Теодоров-Балан Александр
Балдеев Нене 167
Балева Мартина 155
Балевский Васил 9, 147, 453
Балтаджиев Александр 241
Балтаджиев Стефан 241
Балтрушайтис Юргис 379
Бальзак Оноре де 266, 363, 368
Бальмонт К.Д. 94, 136, 386
Бантыш-Каменский Н.Н. 287
Бараева У.А. 452
Баратынский Е.А. 5, 17
Барбаров Г. 389, 391, 392, 394, 397
Бах Иоганн Себастьян 403, 436
Бахметьев 213
Бахтин М.М. 421, 449
Беккет Сэмюэл 125
Бедный Демьян 110
Белинский В.Г. 186, 239
Белый А. 77

- Бенбасат Альберт 62, 65
 Бенковский Георгий 48, 175
 Бернарден Сан-Пьер де 265
 Бернс Роберт 5
 Берон Васил 183
 Берон Петр 205, 216, 217, 222, 223,
 226, 227, 421, 433, 434, 444
 Бессонов П.А. 35, 216
 Бестужев-Марлинский А.А. 287
 Бетховен Людвиг ван 403, 368
 Бехинёва Венцислава 18
 Бешков Илия 423
 Бешков Мирон 256
 Бешков Стоян 240
 Бизе 437
 Билярский П.С. 235–238
 Бицилли П.Н. 140, 145
 Благоев Димитр 62, 436
 Блок А.А. 352, 354, 357, 358, 365
 Блудов Д.Н. 235, 238
 Блудова А.Д. 235, 238
 Бобчев Никола 240–244, 254
 Богданов Иван 305
 Богоев Иван см. Богоров Иван
 Богомилова Н. 326
 Богоров Иван 182–184, 186, 187
 Богородица 114
 Бодлер Шарль 60, 78
 Бодянский О.М. 216, 228, 229, 238
 Боева Людмила 309
 Бозио Анджиолина 367, 370, 371
 Бойкиксиева Мария [Моката] 422
 Бойчев Христо 124, 130
 Болховитинов Евгений
 [митрополит] 285
 Бомарше Пьер Огюстен 299
 Бонева Вера 345
 Бончев Нешо 17, 241, 251
 Боримечков Д. 389
 Борг I [болг. хан, князь] 49, 188,
 331
 Борис III болг. царь 145
 Боровый В. 74
 Боров Тодор 309
 Бородин А.П. 399, 402, 405
 Борошовец Иван 79
 Ботев Христо 26, 32, 50, 51, 73, 83,
 156, 163, 164, 169, 171, 173, 174,
 176, 177, 390, 391, 409, 418, 420,
 421, 434, 443, 449, 450
 Боткин В.П. 239
 Бродский Иосиф 151
 Бройтман С.Н. 365
 Броневский Владислав 109
 Брук М.С. 408, 423, 436
 Брунбауэр Ульф 155
 Брюсов В.Я. 385
 Будагова Л.Н. 147
 Булгаков М.А. 53, 353, 336
 Булгарин Ф.В. 290
 Булева Анелия 102
 Бунин И.А. 275
 Бусилин Георгий 212
 Буссе Н.В. 102
 Бурлак-Вылканов Петр 388–393,
 397
 Бухарин Н.И. 109, 120
 Бычваров –Бондарь Михаил 391,
 396, 397
 Ваганов А. 113
 Вазов Иван 9, 51, 55, 63–67, 80,
 85, 89, 90, 122, 129, 130, 136,
 154, 156–162, 164, 171, 174,
 176, 179, 240, 264–265, 269–
 270, 277, 328, 338–351, 374,
 388, 396, 398
 Вайскопф Михаил 355
 Ваклидов Христо 264
 Вальш см. Уольш 284, 285
 Варгас Льоса Марио 448
 Вандурский Витольд 150, 153
 Ват Александр 150, 151, 153
 Василев Владимир 134, 135, 440
 Василев М. 208
 Василев Орлин 129
 Василев Сава 391, 420
 Василий еп. Пермский 106
 Васкидович Эмануил 45, 250
 Вацуру В.Э. 293
 Вачева Ангелина 45, 308, 319, 453
 Введенский А.И. 357
 Ведекинд Ф. 78

- Вейнингер Отто 81
 Велчев Велчо 309
 Велчев Петр 447
 Вельтман А.Ф. 235, 238
 Вен. Тин *см.* Тинтеров Стефан
 Венедиктов Г.К. 2, 7, 201–203,
 208, 210–212, 218, 221, 225–
 227, 238, 421, 434, 453
 Венелин Ю.И. 7, 8, 13–15, 45, 187,
 189, 190, 216–227, 287
 Вениамин [архимандрит] 106
 Веркович Стефан 213
 Верлен Поль 96
 Верон Луи-Дезире 265
 Вигель Ф.Ф. 286–287
 Визнер Генрих 399
 Вийон Франсуа 96
 Вилье де Лиль-Адан 79
 Вишневский В.В. 151
 Владигеров Любен 400
 Владигеров Панчо 399–407, 439
 Владигеров Тодор 102
 Владигеров Харалан 400
 Владигерова Элиза 400
 Владова И. 80
 Влайков Тодор 269
 Вогров Мордко 113
 Возгрим В.Е. 336
 Войников Добри 8, 241, 248, 280,
 302–311, 318, 319, 326, 398
 Волен Илия 454
 Волконский А.М. 407
 Володин В. 253
 Вольф Симон 213
 Воровский В.В. 119
 Воронцов М.С. 15, 182
 Востоков А.Х. 8, 204
 Врыхлицкий Ярослав 64
 Высоцкий В.С. 426
 Выспанский Станислав 79
 Вяземский П.А. 235, 238
 Габе Дора 134, 136
 Гавриил митрополит 286
 Гамбета Леон 113
 Гамсун Кнут 79, 80
 Ганка Вацлав 207
 Ганзен Аделаида 112
 Ганчев С. 248
 Гарин Н.Н. 79
 Гаспаров М.Л. 86, 365
 Гачев Г.Д. 2, 4, 5, 19, 52, 147, 149,
 150, 153, 163, 164, 166, 179,
 408–418, 420–445, 447–454
 Гачев Д.И. 10, 418, 423, 435–440
 Гегель 419
 Гейне 437
 Генис А.А. 364
 Генович Йордан 217
 Генчев Николай 300, 301
 Георгиев В. 105, 112
 Георгиев Кимон 99, 100
 Георгиев Константин 79
 Георгиев Михалаки 269
 Георгиев Никола 93, 243
 Георгий Новый 455
 Гереи, династия 333
 Германов Андрей 393
 Германов Герман 297
 Геров Найден 15–17, 93, 182–184,
 186, 187, 189, 234, 251, 434
 Гершель Н. [Гремин] 113
 Гершензон И.Е. 149
 Герцен А.И. 139
 Гете Иоганн Вольфганг 22, 49,
 274, 350, 437
 Гечев Алберт 308
 Гибнер Иоанн 214, 215
 Гинзен Аделаида 112
 Гиппиус З.Н. 69, 78
 Гитлер Адольф 101, 114
 Глазунов А.К. 400
 Глазунов И. 287
 Глазунова О.В. 129
 Глинка М.И. 399, 404
 Глушков П. 79
 Гоголь Н.В. 17, 31, 39, 51, 75,
 239–245, 252, 254–258, 261–
 263, 266, 350, 368, 371
 Гойхбарг А.Г. 109
 Гольберг Людвиг 309
 Гольдони Карло 299
 Гомер 51, 80, 356
 Гончаров И.А. 39
 Горенштейн М.Б. 407

- Горовиц В.С. 400
 Городецкий С.М. 364
 Горчаков А.М. 31
 Горчева Майя 355
 Горький Максим. 64, 67, 68, 122, 148, 309, 408
 Господинов Данчо 264, 454
 Готшед ... [немецкий драматург] 309
 Гофман Амадей 36
 Гофмансталь Гуго фон 402
 Грабарь А.Н. 137
 Грановский Т.Н. 25
 Гребенка Е.П. 83
 Греч Н.И. 290
 Грибоедов А.С. 34
 Григорович В.И. 14, 190, 216
 Григорьев А.А. 83
 Григорьева Г.В. 406
 Гринблат С. 75
 Грифит-Джонс М. 77
 Губайдуллина С.А. 406, 407
 Гулак-Артемовский П.П. 223
 Гургулова Мария 277
 Гус Ян 246
 Гусев В.М. 122
 Гырдев Георгий 420
 Гырков И. 104
 Гюго Виктор 75, 275, 277, 437
 Давид-бей 113
 Далчев Атанас 359
 Дамянова Румяна 2, 11, 14, 16–18, 165, 166, 181, 206, 208, 301, 408
 Даниил [книжник] 215
 Даниил [пророк] 114
 Данилевский Г.П. 94
 Данилов Ф. 144
 Данова Сирма 382
 Данте Алигьери 49
 Даскалов Христо 213, 267
 Даскалова М. 250
 Дашков В.А. 213
 Дебелянов Димчо 96, 382, 391
 Декарт Рене 19
 Демина Е.И. 225
 Денев С. 114, 115, 119
 Денисов Э.В. 406, 407
 Державин К.Н. 122
 Дечев Стефан 75
 Дечев Фердинанд 247
 Джагаров Георгий 130
 Джамджиев Т.П. 240
 Джидров П. 106, 119
 Джумалиев Г.С. 241
 Дибич И.И. 296
 Диккенс Чарльз 437
 Димитриев Радко 143
 Димитров Георгий 113, 114
 Димитров Крум 140
 Димитрова Н. 326
 Димитрова Элка 359
 Димков Николай 84
 Димов Димитр 123, 129, 130, 415, 421, 448
 Диневков Петр 308, 415, 432, 433, 442–445, 454
 Диоген 413
 Диоклетян 99
 Дитнер Х. 117, 119
 Добрев Добрин 339
 Добрева Ваня 299, 307, 454
 Добровейн Исая 404
 Добровольский А. 399
 Добролюбов Н.А. 26, 134
 Додэ Альфонс 81, 359
 Долгорукий В. [князь] 235
 Домбаль Томаш 151
 Домбровская Мария 150
 Достоевский Ф.М. 9, 21, 25–28, 34, 39, 46, 47, 92, 104, 154, 156–162, 281, 341, 350, 368, 371, 386, 435
 Достян И.С. 203, 285, 293
 Драгова Надежда 308, 422, 454
 Дражев Николай 79
 Дреновски Петр [Лунгов Петр] 115, 116, 119
 Дринов Марин 213, 410
 Дроснева Элка 215
 Друмев Васил 264–269, 271
 Друмева Кириана 403
 Дудеков Васил 80
 Душанов Д. 241
 Дюка Поль 403

- Дюма Александр 265
 Евтушенко Е.А. 383
 Евфимий Тырновский 99
 Екатерина II 118, 120
 Ельцов В. 108
 Ермилова Е.В. 91
 Есенин С.А. 174, 389–393, 397
 Есив М. 105–108, 112, 119
 Жаровцева И.Н. 129
 Жене Ж. 65
 Жеромский Стефан 67, 74
 Железнов П.И. 158, 160
 Жечев Тончо 165, 272, 273, 276,
 278, 414, 416, 432, 435, 437, 447
 Живов В.М. 341
 Жинзифов Райко 16, 17, 32, 190,
 213, 216, 320–327
 Жирмунский В.М. 288, 289
 Жуковский В.А. 384
 Заболоцкий Н.А. 357
 Завьялов В. 141
 Зидаров Камен 129
 Зиновьев Г.Е. [Радомысльский]
 111, 112
 Златев Константин 374
 Златоуст 49
 Злыднева Н.В. 352, 359, 361, 454
 Знаменский П. 290
 Золя Эмиль 67
 Зошенко М.М. 353
 Ибсен Генрих 25
 Иван III 338
 Иван Васильевич Грозный [Дед
 Иван] 14, 329, 338
 Иванов Атанас 241
 Иванов В.И. 353, 355, 365
 Иванов Иван Димитров
 [Хаджииванов] 239, 240, 254,
 256, 257
 Иванов Г. 456
 Иванов Игнат 240, 241, 245–247,
 250–261
 Иванов Иоаким 245
 Иванов Йордан 205
 Иванов Христофор 245
 Иванова Венета 422
 Иванова Диана 191–193, 201, 455
 Ивановский А.А. 285
 Ивашкевич Ярослав 150
 Ивинский Б. И. 140, 143
 Игнатъев Н.П. [граф] 155
 Игов Светлозар 125, 269–271, 407
 Иезуитова Р.П. 31
 Иисус Христос 114
 Икономов Павел 249, 256
 Икономов Сотир 255
 Икономов Теодосий 250, 307
 Икономов Тодор 256
 Илиев Константин 406, 407
 Илиев Стоян 382
 Илиев Сава 246
 Илчева Радослава 2, 284, 298, 455
 Инзов И.Н. 286, 297
 Инков Димитр 153
 Иоанн Богослов 114, 115
 Иоанн Рильский 189
 Иоанн Экзарх 188, 287
 Ионеско Эжен 125
 Иречек Константин 210, 420
 Исаковский М.В. 393
 Исраилова-Харъехузен Ч.Р. 331
 Истрин В.М. 237
 Иуда Искарот 114
 Йовков Йордан 382
 Йорданов Александр 447, 455
 Йорданов Недялко 124
 Каблешков Тодор 48
 Кадийский Кирил 96
 Казан Кул Гали 329
 Казанский Румен 240, 248
 Калайдович К.Ф. 285, 287
 Калиганов И.И. 2, 18, 52, 98, 121,
 146, 440, 455
 Калоянов В. 389
 Калчева М.С. 337
 Каменев Л.Б. 148
 Каменев С.С. 111, 112
 Камю Альбер 125
 Кундера Милан 241, 260
 Каравелов Любен 50, 51, 83, 156,
 164, 169, 190, 213, 265, 267–
 269, 302, 303, 308, 328, 331,
 418, 443
 Каравелова Екатерина 53, 84

- Каравелова Лора 53, 54, 84–86, 89, 90
Каравеловы 84
Карагеоргий Александр I
Караджич Вук 215, 222, 223
Каразин В.Н. 223
Каралийчев Ангел 440
Карамзин Н.М. 274, 275, 281
Карастоянов Никола 211
Карахан [Караджанян С.В.] 111
Карсавина Т.П. 405
Касапский Никола 17, 182
Каспаров Ю.С. 407
Катранов Никола 35, 213
Каутский Карл 113
Кауфман Николай 398
Кацарский И. 326
Каченовский М.Т. 285, 290
Кепнер 233
Кеппен П.И. 203, 204, 214–216, 227, 285
Кёсев Александр 338, 340
Кипиловский Анастас 215, 223, 226, 227
Киреевский И.В. 104, 142
Кирилл (Константин) св. 6, 48, 188, 190, 278
Кирович Д. 236
Киришон В.М. 122
Кифалов Михаил 187
Климент Браницкий и Тырновский [см. Друмев Васил]
Климент Охридский 410
Клягина-Кондратьева М. 253
Княжеский Захарий 8, 182, 183, 212, 228–238
Кобурги 49
Ковалевский Е.П. 235
Ковачев О. 259
Коган Л.И. 401
Козлов Павел 83
Колева Дора 420
Комиссаров Д. 294
Кондаков Н.П. 141
Конев Илия 322, 414, 416
Конради 119
Константинов Алеко 164, 179, 239, 240, 244, 258, 269
Константинова Элка 435, 447, 456
Коперник Николай 329
Корнейчук А.Е. 122
Короленко В.Г. 64
Корто Альфред 403
Косев Константин 206
Косик И.И. 2
Косиор И.В. 111, 112
Костов Стефан 122, 130
Костова-Панайотова Магдалена 382, 387, 456
Кострова-Терзивец А. 391
Котев Л. 102
Котляревский А.А. 237
Кохан П. 72, 79, 102
Коцебу Август Фридрих Фердинанд фон 249, 250, 253
Краснокутский А. 285
Крейн Ю.Г. 403
Кремен Михаил 53, 54, 66, 83–86, 90
Крижанич Юрий 120, 144
Кронштайнер Отто 155
Кропоткин П.А. 81
Крум хан 48
Крумлинг А.А. 209, 210
Крупская Н.К. 360
Крученых А.Е. 354
Крыстев Кирил 76
Крыстев Крыстьо 62, 269, 270
Крыстева А. 326
Крючков П.П. 148
Крючкова Е.З. 148
Кубрат хан 330
Кузмова-Зографова Катя 382, 383
Куленкамф Георг 401
Куманов Милен 10
Кунев Трифон 96, 152
Куник А.А. 324, 238
Кунчев Красимир 328, 333, 456
Кунчев Х. 105, 113, 119
Купер И.Р. 367, 368
Купер Фенимор 51
Куприн А.И. 79
Курганов Н.Г. 274
Кутинчев Стилиян 208, 211

- Кучин Ф. 108
 Куюмджиев Крыстѣ 435, 437, 447, 448
 Кшижановский Ю. 73
 Кынчев К. 62
 Кырчовский Иоаким 214, 215
 Къркегор Съерен 382, 383
 Кюхельбекер В.К. 31
 Лавров П.А. 134
 Ламанский В.И. 139
 Ламартин Альфонс 32
 Лассаль Франц 113
 Левашов П.А. 285
 Левский Васил 48, 157, 177, 330
 Лекманов О.А. 365
 Леков Дочо 18, 181, 185, 266, 267, 308, 322
 Ленин В.И. [Ульянов] 68, 93, 105, 106, 111, 113, 114, 119, 360, 383
 Ленков Григор 441
 Ленский В. 145
 Леонов Л.М. 122
 Леонтьев К.Н. 19, 23, 37, 38, 40–50
 Лермонтов М.Ю. 53, 84, 92, 294, 272, 275–280, 283, 350
 Лефобюр Ивон 403
 Лешетицкий Теодор 363, 368
 Либкнехт Карл 113
 Лилиев Николай 134, 359, 382, 383, 387, 402, 439, 440
 Лилова Десислава 16
 Лимпакт 113
 Липавский Л.С. 353, 358
 Лисицкий М. [Эль Лисицкий Л.М.] 353
 Липранди И.П. 286
 Лист Ференц 368
 Литвинов М. 111
 Лихачев Д.С. 271, 329, 441
 Ломоносов М.В. 7
 Лонг А. 192
 Лоренс Д.Г. 60
 Луговской В.А. 158
 Луканова Мери 435
 Лукашов А.М. 66, 376
 Лупшол И.К. 148
 Львов-Рогачевский В.В. 66
 Любенов Любен 80
 Люксембург Роза 113
 Лютый В.Д. 369
 Ляпчев Андрей 99, 100
 Макарецов М.М. 96, 271
 Макеева В.Н. 204
 Макушев В.В. 237
 Малларме С. 96
 Малевич К.С. 355
 Мальцев И.А. 235, 238
 Манассия 236
 Мандельштам О.Э. 363–372
 Манолакев Христо 272, 274, 283, 456
 Манолов Эммануил 329
 Манчев Боян 273
 Марангозов Николай 364
 Марангозов Цветан 153
 Маринин К. 142
 Маринов Стефан 153
 Маркевич Игорь 403
 Маркес Габриель Гарсиа 448
 Марков Георгий 152
 Маркс Карл 112
 Марто Анри 401
 Маслов С.А. 234, 238
 Матейка Янош 149
 Махмуд II 188
 Машков И.И. 352
 Маяковский В.В. 128, 131, 352, 354, 355, 364
 Медведев А.К. 133, 137, 138
 Медовичева Т.А. 218
 Мейерхольд В.Э. 353
 Мекке А.В. 131
 Мелетинский Е.М. 382
 Мельгунов Н.А. 294
 Мельгунов С.П. 70
 Мендельсон Феликс 401
 Меркани Ш. 332, 336
 Мессиян Оливье 403
 Метева Эвдокия 80, 246, 309
 Метерлинк Морис 79
 Метнер Н.К. 400
 Мефодий св. 6, 48, 188, 190, 270
 Мешеков Иван 75, 79

- Мещерский В.П. 86
Миладинов Константин 117, 213
Миланов Александр 412
Милев Гео 54, 84 352–355, 357–
359, 361, 363–366, 372, 401
Милкова Александра 233
Миланович Тодор 255
Миллер Федор 83
Милчаков Яни 10, 53, 97, 446, 456
Мильтон Джон 49
Минков Тодор 240, 243, 244, 254
Минков Цветан 309
Минкова Лиляна 2, 8, 17, 190,
228, 455
Минский Н.М. 382–387
Минчев Георгий 407
Мирчев Иван 80
Митев Пламен 154
Митишев К. 56
Михайлов Камен 163, 174, 179,
272, 273, 278–280, 457
Михайловский Димитр 182
Михайловский Стоян 165
Михова Лидия 316
Мицич Любомир 353
Мицкевич Адам 202
Младенов Стефан 137, 138
Моллов Тодор 420
Мольер Жан Батист Поклеен 299,
308
Мопассан Ги де 67
Морган Льюис 81
Мордерер В.Я. 365
Морозов Т.С. 159
Морозова М.Ф. 160
Мосолов А.В. 405
Моцарт Вольфганг Амадей 368,
436
Мочалова В.В. 151, 152
Мрожек Славомир 125
Муравьев Н. 294
Мурзакевич Н.Н. 216, 228
Мусоргский М.П. 399, 402, 404,
407
Муссолини 114
Мустаков Димитр 214
Мутев Димитр 182, 234
Мутев С.П. 218, 219
Мясковский Н.Я. 405
Надсон С.Я. 53, 83, 84, 350
Найденев Д. 79
Налбантова Елена 180, 181, 246
Наполеон Бонапарт 116, 177
Насийри К. 332, 336
Наганаил (Нафанаил) 212, 213, 232
Начов Никола 180, 210, 256
Неделя св. 99
Нейман 237
Некович А. 223
Некрасов Н.А. 21, 83, 84, 93, 350
Немиров Добри 133–136
Немирович-Данченко В.В. 145
Ненович Василий 217, 223
Неофит Бозвели 14, 15, 180. 434,
443
Неофит Рильский 14–16, 45, 180,
192, 193, 195, 196, 201, 228
Неофит Тырновский 176
Нестор-летописец 138
Несторова Т. 192
Нестьев И.В. 401
Нечаев С.Г. 93
Нечитайлов В. 137
Николаев М. 55
Николаенко В.В. 354
Николай Николаевич [Великий
князь] 160
Николов Минко 382
Николова Татьяна 100
Николова Юлия 239, 249, 251,
256, 457
Никритин С.Б. 352
Нилов И.П. 134
Ницше Фридрих 49, 65, 385
Ничев Боян 274, 413–416, 432
Нушич Бранислав 304
Обер Шарль 104, 119
Ободовский П. 295
Оболенский [князь] 235
Обрадович Досифей 413
Обретенова Тонка 171
Огнянов Христо 153
Огнянович Константин 16, 205
Оджалин Абдула 157

- Одоевский В.Ф. 238
 Озеров Л.Л. 86
 Ойстрах Д.Ф. 401
 Олег [князь] 6
 Олеша Ю.К. 353
 Онеггер Артур 403
 Орешков Павел 322
 Орджоникидзе Г.К. 360
 Орлов В.Н. 396
 Осмеркин А.А. 352
 Отрадин М.В. 53, 85, 95
 Павлов Глостерман Евгений 400,
 402
 Павлов И. 232
 Павлова Муза 356, 357, 366
 Павлович Николай 247, 249
 Павлович Парфений 264
 Павлович Христки 259
 Паисий Хилендарский 7, 8, 136,
 184, 204, 205, 218, 219, 221, 320,
 330, 333, 410, 413, 417, 437
 Палаузов Николай 15, 216
 Палаузов Спиридон 14
 Панайотов С. 79
 Папкова М.П. 149
 Паппини Джованни 106
 Парашкевов Ц. 79
 Парвус Александр 113
 Парнах В.Я. 363, 367, 368
 Паскалев Славчо 78, 79
 Пасларь М.Л. 337
 Пастернак Б.Л. 363, 365
 Пауновский Иван 277
 Пейчев Д. 391, 397
 Пейчев Иван 129
 Пейчинович Кирил 214
 Пенев Боян 52, 63, 82, 134, 135,
 305, 308, 411, 412, 442
 Перикл 43
 Петефи Шандор 26, 72
 Петков Ботьо 32, 45, 182, 183
 Петков Калчо 220, 221
 Петлешков Васил 48
 Петр Первый [Великий] 310
 Петров Валерий 123, 129, 329
 Петров Жеко [см. Княжеский
 Захарий]
 Петров Захарий 189
 Петров Здравко 435, 447, 448
 Петров Ивайло 152
 Петров Ю. 79
 Петрова Г.В. 54
 Петров-Водкин К.С. 352
 Пешаков Георгий 385
 Пинтер Харолд 125
 Пипков Любомир 399, 403, 404,
 406, 407
 Пипков Панайот 399
 Пирожков В. 335
 Писарев Д.И. 134
 Платон 383
 Платонов А.П. 454
 Плетнев П.А. 232, 235
 Плеханов Г.В. 383
 Плещеев А.Н. 90
 По Эдгар 65
 Поглубко Константин 245
 Погодин М.П. 8, 34, 35, 218, 219,
 223–225, 230, 231, 234, 235,
 238, 239, 289
 Погорелов В.А. 138, 210
 Подвойский Н.И. 111
 Покровский Е. 399
 Полевые 289
 Поликарпов С. 389
 Половинкин С.М. 386
 Полунин 119
 Поливянный Д.И. 455
 Поль де Кок 51
 Полякин М.Б. 401
 Пономарева Н.Н. 2, 10, 122, 129,
 132, 152, 153, 307, 381, 372, 457
 Попаз-Кула Надежда 10, 388, 457
 Попов Б. 406
 Попов Н.А. 231
 Попов Саша 403
 Попов Стефан 241
 Попова Роза 89
 Попова С. 79
 Попова-Мутафова Фани [см.
 Попова Фани] 102, 402
 Попович Васил 213, 269
 Попович Стерия Йован 304, 307,
 308

- Поппетров Николай 98, 99
 Попруженко М.Г. [см. Самборский М.] 136, 138, 141, 142, 144
 Поспелов Г.Н. 276
 Преображенский Е. 120
 Прокопов Т. 60, 69
 Прокофьев С.С. 399, 405, 406
 Протич Андрей 89, 96
 Пруст Марсель 370
 Пундев Васил 412
 Пухальский В.В. 400
 Пушкин А.С. 5, 20, 21, 31, 33, 53, 74, 83, 84, 91, 92, 160, 202, 232, 284, 287–289, 294, 297, 298, 380, 389, 393–397, 441
 Пушин И.И. 31
 Пшибышевский Станислав 63—66, 73–76, 78, 80
 Пыпин А.Н. 286
 Пырличев Григор 455
 Пыгова Николаета 2, 308, 316, 320, 327, 457
 Радев Иван 246, 411, 412, 432, 457
 Радев Р. 79
 Радевский Христо 257, 269
 Радек К.Б. 105, 112
 Радичков Йордан 10, 122, 124, 126–131, 132, 415, 418, 421, 447–448
 Радищев А.Н. 285
 Радков Радко 447
 Радоев Иван 123, 124, 129, 411
 Раевский В.Ф. 287
 Разцветников Асен 440
 Райна Княгиня 326
 Райнов Богомил 373, 378, 379
 Райнов Николай 10, 76, 79, 373–383, 387
 Райнова Диана 373
 Райчев Александр 406
 Райчев Георгий 65
 Ракевский Цветан 10, 13, 363, 372, 457
 Раковский Георгий 13, 16, 189, 328, 330, 332–336
 Раковский Крыстѣ 436
 Расин 437
 Распутин В.Г. 458
 Рахманинов С.В. 399–401, 407
 Рачинский А.В. 235, 238
 Рашид-паша 296
 Редько К.Н. 352, 359, 360, 362
 Рейнхардт Макс 402
 Рембо Артюр 96
 Ремлинген 344
 Рерих Е. 373
 Рерих Н.К. 10, 373–381
 Ржанникова О.А. 261
 Ригтс Э. 192
 Риккардо Давид 113
 Римский-Корсаков Н.А. 399, 400, 402, 404, 407
 Риффатер М. 371, 372
 Робева Нешка 422
 Родивановский П. 284, 294, 296, 298
 Розанов В.В. 368
 Роллан Ромен 419
 Роттенберг А.И. 113
 Рублев Г.И. 352
 Руненберг Й.Л. 277
 Русакиев Симеон 67, 274, 277
 Русев Никола 129
 Русев Радостин 2, 9, 133, 137, 146, 327, 457
 Русова З.И. 288
 Рыков А.И. 104
 Савинков Б.В. 70
 Савицкий П.Н. 139
 Сакелариевич Филипп 255
 Сакызов Иван 72, 79
 Салмад 232
 Салтус Эдгар 113
 Самарин Ю.Ф. 234, 235, 238
 Самборский М. [см. Попруженко М.Г.] 144
 Самуил [царь] 138
 Сапожков С. 92
 Сапунов Петр 191–193, 195, 196, 201, 204, 223–227
 Саттон Энтони 120
 Сафонов В. 285
 Светлов М. А. 389

- Свицкий И.Д. 94
 Святослав [царь] 219, 326
 Северянин И.В. 87
 Семашкевич Р.М. 352
 Семашко Н.А. 111, 112
 Семенова Н.В. 371
 Семов М. 165
 Сенкевич Генрих 64
 Серафим [архиепископ] 102
 Сильвестров В.В. 407
 Силяновский Трифон 406
 Симонов К.М. 122
 Синяевский А.Д. 149
 Сичан-Николов Христодул 192
 Скальковский А.А. 237
 Склянский Э.М. 111, 112
 Скрыбин А.Н. 399–401, 407
 Славейков Пенчо 48, 66, 96, 136,
 164, 167, 176, 200, 377, 383
 Славейков Петко 48, 83, 164, 167,
 173, 176, 195, 196, 198–200,
 241, 245–247, 251, 253, 260,
 264–266, 272, 274–282, 283,
 302, 307, 339, 398, 443
 Сленин П. 290
 Слонимский С.М. 406
 Смеляков Я.В. 393
 Смилович С.Н. 109, 120
 Смилга И.Т. 111, 112
 Смирдин А. 237
 Смирнов Атанас 75
 Смирненский Христо 171
 Смирнова Л.А. 67
 Смит Адам 50
 Смольянинова М.Г. [Чемоданова
 М.Г.] 2, 9, 147, 149, 153, 154,
 266, 267, 410, 445, 458
 Смоховская-Петрова Ванда 432
 Снегаров Иван 211
 Собогина М. 79
 Соколов О.В. 402
 Соколов П.И. 204, 218, 219, 222, –
 224, 226
 Соколовский Н. 39
 Сокольников Г.Я. 112, 112
 Сократ 24
 Солженицын А.И. 121, 406
 Соловьев В.С. 26, 86
 Соловьев М.С. 186
 Соловьев С.М. 104
 Соловьев Ф. 294
 Сологуб Ф.К. 385
 Сотиров Павел Икономов 249
 Софроний Врачанский 42, 45,
 191, 205–208, 210, 214, 223–
 227, 333, 413, 434
 Спасов Иван 406
 Спасов Милчо 98
 Спиноза 413
 Спиридов А.М. 203, 204
 Спиридов Г.А. 285
 Спиридон [книжник] 191
 Срезневский И.И. 8, 207, 210, 216,
 229, 232, 237–238
 Сталин [Джугашвили И.В.] 67, 69,
 71, 147, 148, 360, 418
 Стамболийский Александр 140, 143
 Стамболов Стефан 48, 83, 348, 398
 Станев Эмилиан 80, 81
 Станева Катя 16
 Станкевич Н.В. 294
 Станков Иван 420
 Станчев Яни (Иван) 256
 Стасов В.В. 376
 Стендаль 368, 437
 Стефанов Васил 305
 Стойчева Светлана 10, 373, 374, 381
 Столица Любовь 140
 Столыпин П.А. 113
 Стоянов Андрей 139
 Стоянов Васил 18
 Стоянов Захарий 48, 164, 168,
 172, 175
 Стоянов Маньо 206, 211–213, 241
 Стоянов Нико 389, 393, 395, 397
 Стоянов Рачо 84, 130
 Стоянов Цветан 435
 Стравинский И.Ф. 399, 403–405,
 407
 Странгфорд 285
 Стратиев Станислав 10, 122, 124–
 126, 128–132, 164
 Страшимиров Антон 62, 96, 122,
 130

- Страшимиров С. 165
Стриндберг 65, 78
Стричек Алоис 309
Струве Г.П. 139
Струков 233
Сувчинский П.П. 139
Сугарев Эдвин 354, 359, 361
Сулие Фредерик 265
Сулла 49
Сумароков А.П. 309, 300, 307
Сурин Н. 142
Сулова Е.М. 190, 283
Сушков Н.В. 286
Сучков Б.Л. 149
Сю Эжен 264, 265, 270
Талаут-бей 113
Талев Димитр 167
Танасова Т. 389
Танев С. 79
Танеев С.И. 400
Тарасевич К. 399
Тарасова А.А. 76
Таринская Стефана 14, 415, 431–432, 459
Тарланов Е.З. 92
Тарнопольский В.Г. 407
Татлин В.Е. 355
Тахироглу Д. 143, 337
Тачев Харалампии 143
Тачева Елена 184, 190, 459
Твардовский А.Т. 6
Теккерей Уильям 51
Теодоров-Балан Александр 208, 210, 308
Теодосий Быстрицкий 191, 193, 195, 201, 204, 215
Теодосий Синаитский 211
Теохаров Георгий 190
Тепляков В.Г. 15
Тинтеров Стефан 96
Тирол Димитрие 185
Тисот 232
Титов В.П. 235
Тихон еп. Воронежский 114
Тихонравов Н.С. 224–225
Тищенко Б.И. 406
Тодоров Петко 96
Тодоров Христо 182
Тодоров Цветан 11
Тодорова Мина 86
Толстой А.П. 54, 235
Толстой Л.Н. 21, 27, 39, 63, 64, 66, 68, 76, 82, 106, 113, 275, 281, 336, 363, 368
Толстой М.В. 235
Топалов Кирил 441, 459
Топоров В.И. 356
Тошев М. 114
Тошева Анастасия 233, 234
Трайкова Элка 2
Траянов Теодор 76, 96
Трифонов Юрдан 268, 338
Трифонов Ю.В. 22
Троцкий Л.Д. [Бронштейн Давид] 106, 113, 360
Трубецкой Н.С. 139
Тувим Юлиан 150
Тульмин С. 428
Туманов Паша 79
Тургенев И.С. 19, 20, 22–24, 26, 28, 30, 32, 34, 36–40, 50, 52, 106, 267, 350
Тынянов Ю.Н. 290, 291
Тырговский Любомир 82
Тырнева Райна 242, 243
Тютчев Ф.И. 10, 20, 21, 27
Уайльд Оскар 78–80
Увалиев Петр 153
Унджиева Цвета 16, 322
Ундольский В.М. 230
Уольш 285, 286
Успенский Б.А. 341
Успенский Г.И. 379
Уствольская Г.И. 407
Фадеев А.А. 122
Федоров А.М. 136, 145
Федотов П.А. 296
Федотова В.Н. 398, 407, 459
Фейербах Людвиг 35
Фердинанд [болг. князь, царь] 49, 365
Фереаль Виктор де 265
Фет А.А. 27, 54
Фехретдинов Р. 332, 336

- Филарет[митрополит
Московский] 235
- Филаретов Сава 35, 183, 216
- Флакер Александр 355
- Флобер Гюстав 363, 368
- Флоренский П.А. 382
- Флоровский Г.В. 139
- Флоря Р. 459
- Фонвизин Д.И. 8, 308–312, 316,
318, 319
- Фотинов Константин 15, 192
- Франклин С. 79
- Франс Анатолий 113
- Францев В.А. 207
- Фуркруа Николай 232
- Фурнаджиев Никола 359, 440
- Фюрех Йозеф 249
- Хадживасилев Димитр 255
- Хаджийский Иван 163, 165, 167,
168, 179
- Хайтов Николай 129, 130
- Халилов Г.З. 329–331, 336
- Хармс Д.И. 353, 357–359
- Хачатурян Арам 405
- Хлеббаров Иван 398, 404, 405
- Хлебников Велимир 354, 365
- Холевич Йорданка 280
- Хомяков А.С. 104, 142, 235
- Хранова Албена 343
- Христов Добри 399
- Христов Кирил 62, 63, 65, 96, 136,
176
- Христов Христо 153
- Христова Боряна 206
- Христова Светлана 184
- Христова Юлия 61
- Христович Илия 245, 246, 249
- Хрущев Н.С. 69
- Цанков Кирияка 256
- Цаков Т. 79
- Цанева Милена 339, 342, 345, 346
- Цанков Александр 99–101, 353
- Цанков Асен 106, 119
- Цанков Вили 130
- Цанков Драган 183
- Цанов Страшимир 339, 341
- Цветков Александр 256
- Цветкова С. 239
- Цивьян Т.В. 359
- Цонев Беньо 133, 143
- Цонев Кирил 378, 379
- Ценов Димитр 255, 256
- Чавдаров М. 104
- Чавдарова Дечка 9, 339, 350, 351,
459
- Чайковский М.И. 87, 95
- Чайковский П.И. 83, 87, 89, 95,
399, 400, 405
- Чакырмов Тодор 75, 76
- Чакыров Милчо 439
- Черкасский В.А. [князь] 155
- Чернокожев Николай 282, 283, 308
- Черноризец Храбр 188
- Чернышевский Н.Г. 28
- Черняева Н. 348
- Чехов А.П. 25
- Чижов Ф.В. 233–236, 238
- Чилингиров Стилиян 136, 266
- Чингисхан-Тэмурджин 329, 333, 337
- Чингулов Добри 182, 184, 185,
398, 443
- Чолаков Атанас 182
- Чомаков Стоян 48
- Чудомир 71, 72, 170, 174
- Чуйкович П. 285
- Шаляпин Ф.И. 405
- Шатобриан 289
- Шафран Михай 398
- Шаханович Мухтар 337
- Шварц Е.Л. 128
- Швыдкой М.Е. 129
- Шевырев П.С. 238
- Шекспир Уильям 49, 249, 299,
350, 437
- Шелли Перси 60
- Шеллинг Фридрих 25
- Шиллер Фридрих 248
- Шеринг Хенрик 401
- Шестинский О.Н. 393
- Шийко С.А. 236
- Шиллер Иоганн Кристоф
Фридрих 17, 25, 437
- Шифф Якоб 113
- Шишков Тодор 309, 310

- Шишманов Александр 240, 255
Шишманов Димитр 240, 247–250,
255, 258
Шишманов Иван 13, 14, 180, 248,
264, 265, 269, 277, 412, 442
Шкваркин В.В. 122
Шнитке А.Г. 406, 407
Шницлер Артур 76
Шопен Фридерик 368, 403
Шопов Иван 210
Шостакович Д.Д. 399, 405–407
Штраус Рихард 402
Шуберт Франц 368
Шульговский А. 399
Щенникова Л. 92, 386
Элин Пелин 170, 173, 174 412
Энгели Й. 293
Эпштейн М.Н. 363, 365
Эрдман Н.Р. 128, 131, 353
Эренбург И.Г. 353
Юденич 106
Юлий Цезарь 49
Юнг К.Г. 382
Юон П.Ф. 400
Юс М. 145
Яворов Пейо 53, 66, 86, 96, 130,
136
Ягода Г.Г. 113
Яковлев А.Н. 149
Яковов Велизар 249
Ямпольский Михаил 358
Янев С. 104, 106, 107
Ясенский Бруно 150, 151
Aland K. 201
Arcybaszew M. 74
Borkowska G. 74
Burdziej B. 63
Clarke J.F. 192
Hinton P.P. 65
Hutchinson J. 320
Jean R. 61
Krzyżanowski J. 73
Mitosek Z. 65
Nestle A. 201
Orzeszkowa Eliza 63
Prus Bolesław 63
Skrunda W. 74
Żeromski Stefan 74

Содержание

От редколлегии	3
<i>Г.Д. Гачев.</i> О многогласии в науке (вместо предисловия)	5
<i>Р. Дамянова.</i> Болгария и Россия: взаимопознание (некоторые размышления)	11

I. Представления друг о друге у болгар и русских

<i>Г.Д. Гачев.</i> Образ болгарина у «западника» Тургенева и «славянофила» Леонтьева	19
<i>Я. Милчаков.</i> Социология забытых литературных культов (А.Н. Апухтин и М.П. Арцыбашев)	53
<i>И.И. Калиганов.</i> Большевистская Россия в болгарской маргинальной литературе 20–40-х гг. XX в.	98
<i>Н.Н. Пономарева.</i> Комедии Йордана Радичкова и Станислава Стратиева в Советском Союзе	122
<i>Р. Русев.</i> Русская эмиграция в Болгарии 1918–1944 гг. (в контексте русско-болгарского культурного диалога, межславянского культурного общения и славянской идеи)	133
<i>В. Балевский.</i> Трагичная судьба деятелей славянской культуры (Размышления над книгой «Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век». Москва, «Индрик», 2006)	147
✓ <i>М.Г. Смольянинова.</i> Иван Вазов и Федор Достоевский о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.	154
<i>К. Михайлов.</i> Престиж и престижность в болгарском обществе	163
<i>Э. Тачева.</i> Одесса и Одесский круг болгарских литераторов в литературном контексте Болгарского возрождения	180

II. Литературные встречи и пересечения

<i>Д. Иванова.</i> Русские издания Библии и болгарская традиция перевода Библии в эпоху Возрождения	191
<i>Г.К. Венедиктов.</i> Первые болгарские возрожденческие книги в Москве	202
<i>Л. Минкова.</i> Захарий Княжеский и русско-болгарские связи второй половины XIX в.	228
<i>Ю. Николова.</i> «Свадьба» – неизвестный перевод гоголевской «Женитьбы» 1870 года (функциональные и смысловые инвенции)	239
<i>Д. Господинов.</i> Русская литература и возникновение жанра романа в болгарской литературе	264
<i>Х. Манолакев.</i> П.Р. Славейков и М.Ю. Лермонтов (о вероятном интертекстуальном диалоге в поэме «Источник белоногий»)	272

<i>Р. Илчева.</i> Болгары и Болгария в русской романтической поэме первой трети XIX в.	284
<i>В. Добрева.</i> Фигура чужепоклонника в болгарской возрожденческой комедии	299
<i>А. Вачева.</i> О предполагаемом образце комедии Добри Войникова «Плохопонятая цивилизация («Бригадир» Д.И. Фонвизина)»	308
<i>Н. Пытова.</i> Фрагменты из публицистики Р. Жинзифова и полемика о болгарской национальной идентичности	320
<i>К. Кунчев.</i> На периферии Российской империи (Болгарское обычное право, азиатский адат, каноны шариата и поэма Г.С. Раковского)	328
<i>В.Д. Чавдарова.</i> Болгаро-русский диалог в творчестве Вазова: (не)проблематическая любовь.	338
<i>Н.В. Злыднева.</i> Гео Милев в зеркале русского авангарда	352
<i>Ц. Ракёвский.</i> Авангардное и поставангардное: «Сентябрь» и «Египетская марка»	363
<i>С. Стойчева.</i> Николай Рерих и Николай Райнов	373
<i>М. Костова-Панайотова.</i> Бунтарь или покорный грешник (Агасфер Николая Минского)	382
<i>Н. Попаз-Кула.</i> Голос русской литературы в поэзии бессарабских болгар	388
<i>В.Н. Федотова.</i> Болгарская музыка и Россия	398

III. Памяти Георгия Дмитриевича Гачева

<i>Р. Дамянова.</i> Георгий Гачев – In memoriam	408
<i>И. Радев.</i> О Георгии Гачеве – не по-«гачевски»	411
<i>Н. Драгова.</i> Портрет Георгия Гачева (написанный в технике коллажа)	422
<i>С. Таринская.</i> Георгий Гачев и Болгарское возрождение	431
<i>Э. Константинова.</i> «Отец мой во мне»	435
<i>К. Топалов.</i> Задача – Гачев	441
<i>Я. Милчаков.</i> Непokoйный мыслитель	446
<i>А. Йорданов.</i> Национальный образ мира как апология различия	447

IV. Приложения

Авторы статей	453
Именной указатель	460

Научное издание

БОЛГАРИЯ И РОССИЯ (XVIII–XX ВЕК): ВЗАИМОПОЗНАНИЕ

Сборник статей

Москва 2010

Ответственные редакторы: Г.Д. Гачев, Р. Дамянова

Обложка М.И. Леньшиной

Оригинал-макет Ю.А. Созиной

Подписано в печать 2 августа 2010 г. Объем 29,75 п. л.
Зак. 65. Тираж 200 экз. Формат 60 x 90/16.

Типография ООО «Океан»

Болгария и Россия (XVIII–XX вв.) : взаимопознание